

Археологические вести

— 37 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

37
(2022)

Saint Petersburg
2022

Археологические вести

37
(2022)

Санкт-Петербург
2022

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

Н. В. Хвощинская (отв. редактор), П. А. Миляев, М. В. Вахтина, Т. С. Дорофеева

Издательская группа:

А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева, Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 37 /
[Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2022. — 306 с.: ил.

В очередной номер журнала «Археологические вести» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В серии работ, входящих в раздел «Новые открытия и исследования», рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до XX в.; вводятся в научный оборот материалы поселения времен неолита и раннего железного века Голик в низовьях р. Лути (Ленинградская обл.); анализируется технология изготовления керамики цедмарской культуры IV тыс. до н. э. в Юго-Восточной Прибалтике, а также застройка городища Мирмекий в римский период. В специальный раздел включены статьи по актуальным проблемам археологии, в которых обобщается материал поселений со шнуровой керамикой на юго-западном побережье Финского залива; на основе естественнонаучных методов характеризуется рацион питания населения римского времени в Херсонесе Таврическом; рассматриваются находки, свидетельствующие о христианских (несторианских) традициях в Семиречье. Кроме того, в журнале представлены рецензии на новейшие публикации и работы по организации и истории науки. Среди авторов — ученые из различных центров России, Киргизии, Швеции и Японии.

The current issue of the *Archaeological News* includes articles devoted to the most recent researches in the sphere of archaeology, history and culture. The series of papers *New discoveries and studies* considers particular categories of archaeological antiquities dated from the Stone Age to the 20th century; materials from the Neolithic and early Iron Age site of Golik at the lower reaches of the Luga River (Leningrad Oblast) are published; the technology of pottery making of the Zedmar culture of the 4th millennium BC in the South-West Baltic region is analyzed, as well as the topography of buildings at the site of Myrmekion in the Roman period. A special section presents papers on the present-day problems of archaeology summarizing the evidence from settlements with corded ware at the South-Western littoral of the Gulf of Finland; on the basis of natural scientific methods, the diet type of the population of Tauric Chersonesos of the Roman time is characterized; the finds indicating Christian (Nestorian) traditions in the Semirechye (Zhetysu) area are discussed. In addition, in this yearbook, reviews of the most recent publications and works on the organization and history of science are presented. Among the present authors there are scholars from different centres in Russia, Kirghizia, Sweden and Japan.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — чаша, домонгольский Пенджикент. Рис. Д. А. Жулиной, К. А. Паршуты,
П. С. Любимовой.

First page of cover — bowl, pre-Mongolian Penjikent. Drawings by D. A. Zhulina, K. A. Parshuto, P. S. Lyubimova.

Четвертая страница обложки — фрагмент блюда, домонгольский Пенджикент. Рис. Д. А. Жулиной,
К. А. Паршуты, П. С. Любимовой.

Forth page of cover — saucer fragment, pre-Mongolian Penjikent. Drawings by D. A. Zhulina, K. A. Parshuto, P. S. Lyubimova.

© Институт истории материальной культуры РАН, 2022

© Коллектив авторов, 2022

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2022

Содержание

<i>Н. В. Хвоцинская.</i> От редакции. К 30-летию издания журнала ИИМК РАН «Археологические вести»	9
--	---

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>А. Ю. Городилов, М. А. Раззак.</i> Результаты раскопок на поселении Галик 11 в 2021 г.	11
<i>Е. С. Ткач, М. А. Кулькова, В. Я. Шумкин.</i> Посуда цедмарской культуры: технологический аспект (на основании керамики памятника Цедмар Д, Юго-Восточная Прибалтика)	32
<i>М. В. Саблин, И. И. Иохина, К. Ю. Ильцевич.</i> Фаунистический комплекс поселения Голубицкая 2	42
<i>В. С. Бочкарев, А. И. Климушина, Ю. В. Кожуховская, В. А. Полевода.</i> Новый клад металлических изделий эпохи бронзы из Северо-Западного Крыма	52
<i>К. Кристиансен.</i> Орнаментированные удила бронзового века из оленьего рога: связующее звено между Данией, Венгрией и Грецией	61
<i>В. Ю. Зуев.</i> Четвертая серия зеркал борисфенитского типа	65
<i>Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко, А. В. Кондратенко.</i> Меотские сероглиняные амфоры	86
<i>Н. М. Милихина.</i> Проблемы исследования Мирмекия римского времени (топографический аспект)	98
<i>Ф. Ш. Аминов.</i> Один из локальных стилей орнаментации глазурованной керамики домонгольского Пенджикента (Таджикистан)	108
<i>Н. В. Хвоцинская.</i> Об одной группе скандинавских находок на Рюриковом городище	116
<i>Е. Ю. Медникова.</i> Восстановление плинф и кирпичей в средневековом Новгороде	127
<i>Б. Г. Васильев (†), Е. Ю. Медникова.</i> Исследование строительных материалов Старой Ладogi (или Новгородской земли) методом полиполяризации	129
<i>К. В. Горлов, В. А. Лапшин, К. А. Михайлов, А. А. Лазарев, К. В. Хлуднев, К. В. Конончук, Р. В. Филиппенко, А. А. Бессуднов.</i> Нумизматические находки в Твери и Тверской области в 2019, 2020 гг. (по материалам работ ИИМК РАН)	134

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>А. Ю. Городилов.</i> Памятники культуры шнуровой керамики юго-восточного побережья Финского залива между реками Лугой и Ковашей	172
<i>А. К. Каспаров, В. В. Вахонеев, О. В. Лохова.</i> О типе питания людей, захороненных в склепах на некрополе в Южном пригороде древнего Херсонеса Таврического	185
<i>Б. Э. Аманбаева, А. А. Михеева, К. Ямаучи.</i> Нательные кресты из монастырского комплекса церквей на городище Ак-Бешиш	201

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>А. Ю. Казарян, Д. А. Кукина, М. В. Медведева.</i> Дело «о командировании Н. Я. Марра в Русскую Армению для производства там археологических розысканий». Первый опыт раскопок в Ани	214
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. В. Григорьева, М. В. Медведева.</i> Архив И. В. Фабрициус в ИИМК РАН: новые материалы к подготовке издания археологической карты Северного Причерноморья ...	228
<i>А. В. Батасова.</i> «Археологическая карта Причерноморья Украины» И. В. Фабрициус: состояние источниковой базы и перспективы применения для современных исследований	239
<i>В. Н. Кузнецова.</i> «Скифский роман» И. В. Фабрициус: творческие материалы в личном фонде ученого	245
<i>А. Ю. Заднепровская.</i> Письма Б. А. Латынина (из семейного архива Т. Н. и Ю. А. Заднепровских)	254
<i>А. В. Курбатов.</i> О превратностях науки. Заметки к статье А. А. Липатова «История Ивангородской неолитической стоянки»	262

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Н. К. Анисюткин.</i> Важный источник изучения среднего палеолита Восточной Европы. Рецензия на книгу: <i>Праслов Н. Д., Кузнецова Л. В.</i> Палеолитическое поселение Сухая Мечетка (по материалам раскопок С. Н. Замятнина) / Ред. М. Н. Желтова, А. К. Очередной. СПб.: Невская типография, 2020. 144 с. ISBN: 978-5-907298-02-6	267
<i>А. В. Курбатов.</i> Открывая тьму средневековья. Рецензия на книгу: <i>Колединский Л. В.</i> Верхний замок Витебска (IX–XVIII вв.). Гродно: ЮрСаПринт, 2021. 632 с.: ил.	273

ВОСТОК — ЗАПАД

<i>С. А. Васильев.</i> VI (XXII) Всероссийский археологический съезд (Самара, 5–9 июня 2022 г.)	279
<i>М. Т. Кашуба, Е. О. Стоянов, В. Б. Трубникова, А. В. Фрибус.</i> М. П. Грязнов — 90/100/110/120 лет. Первые итоги Международной научной конференции «Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий)» (ноябрь 2022 г., Санкт-Петербург)	282
<i>М. Т. Кашуба.</i> СТЕК — новая площадка научного взаимодействия	289

AD MEMORIAM

Татьяна Анатольевна Ершова (16 декабря 1948 — 21 декабря 2021)	291
Сергей Васильевич Белецкий (21 августа 1953 — 19 февраля 2022)	292
Александр Иванович Сакса (11 августа 1951 — 14 августа 2022)	294
Маргарита Николаевна Пшеницына (6 сентября 1937 — 10 сентября 2022)	296

ХРОНИКА

<i>Е. С. Ткач.</i> Институт истории материальной культуры РАН в 2021 г.	298
Список сокращений	304

Contents

- N. V. Khvoshchinskaya*. From the editor.
To the 30th anniversary of the publication of the journal “Archaeological news” 9

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

- A. Yu. Gorodilov, M. A. Razzak*. Results of excavation at the settlement site of Galik 11 in 2021 11
- E. S. Tkach, M. A. Kulkova, V. Ya. Shumkin*. Zedmar culture pottery: technological aspects
(based on ceramic from Zedmar D site, South-Eastern Baltic)..... 32
- M. V. Sablin, I. I. Iokhina, K. Yu. Iltsevich*. The faunistic complex of the site of Golubitskaya 2..... 42
- V. S. Bochkarev, A. I. Klimushina, Yu. V. Kozhukhovskaya, V. A. Polevoda*.
A new hoard of metal objects of the Bronze Age from the North-Western Crimea 52
- Kr. Kristiansen*. Middle Bronze Age decorated antler horse bits:
bridging Denmark, Hungary and Greece 61
- V. Yu. Zuev*. Borysthenite type mirrors of the fourth series..... 65
- N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko, A. V. Kondratenko*. Maeotian grey-ware amphorae 86
- N. M. Milikhina*. Problems in the studies of Myrmekion of the Roman period (topographical aspect) 98
- F. Sh. Aminov*. A local decoration style of glazed ceramics in pre-Mongolian Panjakent (Tajikistan) 108
- N. V. Khvoshchinskaya*. On one group of Scandinavian finds from Ryurik Gorodishche 116
- E. Yu. Mednikova*. Restoration of plinths and bricks in mediaeval Novgorod 127
- B. G. Vasilyev (†), E. Yu. Mednikova*. Investigation of building materials from Staraya Ladoga
(Novgorod Land) by the method of polipolarization 129
- K. V. Gorlov, V. A. Lapshin, K. A. Mikhaylov, A. A. Lazarev, K. V. Khludnev, K. V. Kononchuk,
R. V. Filippenko, A. A. Bessudnov*. Numismatic finds from Tver and Tver Oblast
in 2019 and 2020 (after investigations by IHMC RAS)..... 134

TOPICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

- A. Yu. Gorodilov*. Corded Ware culture pottery from the south-eastern coast
of the Gulf of Finland between the Luga and Kovashi rivers..... 172
- A. K. Kasparov, V. V. Vakhoneev, O. V. Lokhova*. On the diet type of the individuals buried
in vaults at the necropolis of the southern suburb of ancient Tauric Chersonesos..... 185
- B. E. Amanbaeva, A. A. Mikheeva, K. Yamauchi*. Cross pendants from the monastic complex
of churches at the ancient settlement of Ak-Beshim..... 201

HISTORY OF SCIENCE

- A. Yu. Kazaryan, D. A. Kukina, M. V. Medvedeva*.
Records “on the N. Ya. Marr’s mission to Russian Armenia for carrying out archaeological
researches there”. The first experience of excavations at Ani 214
- O. V. Grigoryeva, M. V. Medvedeva*. Archives of I. V. Fabritsius at IHMC RAS:

CONTENTS

new materials for publication of “The Archaeological Map of the Black Sea Region”	228
A. V. <i>Batasova</i> . “The Archaeological Map of Ukrainian Black Sea Region” by I. V. Fabritsius: the state of the source base and prospects of its use in modern studies	239
V. N. <i>Kuznetsova</i> . <i>Scythian Romance</i> by I. V. Fabritsius: creative documents from the private archives of the researcher	245
A. Yu. <i>Zadneprovskaya</i> . Letters from B. A. Latynin (from the family archive of T. N. and Yu. A. Zadneprovsky)	254
A. V. <i>Kurbatov</i> . About the vicissitudes of science. Notes on A. A. Lipatov’s “History of the Ivangorod Neolithic site”	262

REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

N. K. <i>Anisyutkin</i> . An important source for studying the Middle Paleolithic of Eastern Europe. Review of <i>Праслов Н. Д., Кузнецова Л. В.</i> Палеолитическое поселение Сухая Мечетка (по материалам раскопок С. Н. Замятниной) / Ред. М. Н. Желтова, А. К. Очередной. СПб.: Невская типография, 2020. 144 с. ISBN: 978-5-907298-02-6	267
A. V. <i>Kurbatov</i> . Revealing the Darkness of the Middle Ages. Review of <i>Колединский Л. В.</i> Верхний замок Витебска (IX–XVIII вв.). Гродно: ЮрСаПринт, 2021. 632 с.: ил.	273

EAST — WEST

S. A. <i>Vasilev</i> . VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress (Samara, June 5–9, 2022)	279
M. T. <i>Kashuba</i> , Yv. O. <i>Stoyanov</i> , V. B. <i>Trubnikova</i> , A. V. <i>Fribus</i> . M. P. Gryaznov — 90/100/110/120. First results of the International conference Eurasia from the Aeneolithic (Chalcolithic) Era to the Early Middle Ages (Innovations, Contacts, Transmission of Ideas and Technologies) (November 2022, St. Petersburg)	282
M. T. <i>Kashuba</i> . STEK is a new platform for academic interaction	289

AD MEMORIAM

Tatyana Anatolyevna Ershova (December 16, 1948 — December 21, 2021)	291
Sergei Vasilyevich Beletsky (August 21, 1953 — February 19, 2022)	292
Alexander Ivanovich Saksa (August 11, 1951 — August 14, 2022)	294
Margarita Nikolaevna Pshenitsyna (1937–2022)	296

CHRONICLE

E. S. <i>Tkach</i> . Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences in 2021	298
List of abbreviations	304

От редакции К 30-летию издания журнала ИИМК РАН «Археологические вести»

Прошло 30 лет с момента начала публикации основного периодического издания ИИМК РАН «Археологические вести». Первый выпуск появился в 1992 г., и в значительной степени его выход был предопределен общей общественно-политической ситуацией в стране, сложившейся в начале 1990-х гг. после распада Советского Союза. На волне глобальных государственных изменений была начата и реорганизация в научном мире. Многие ленинградские академические институты, являвшиеся отделениями московских учреждений, приобретают самостоятельность. Не стало исключением и Ленинградское отделение Института археологии АН СССР, которое было преобразовано в самостоятельный институт с возвращением ему первоначального названия — Институт истории материальной культуры, восходящего к 1930-м гг., когда он являлся головным археологическим центром в СССР. В результате этих изменений мы потеряли и периодические издания «Советская археология» (ныне «Российская археология») и «Краткие сообщения», которые стали сугубо московскими, хотя их история начиналась на берегах Невы.

В данной ситуации у директора ИИМК РАН В. М. Массона вполне закономерно появилась идея создания собственно петербургского периодического издания. Учитывая сложное финансовое положение научных учреждений в то время, он мог планировать публикацию только одного сборника в год. Так родился ежегодник «Археологические вести». По замыслу В. М. Массона, «Вести» не должны были дублировать уже имеющиеся археологические периодические издания. Во главе угла он ставил задачу оперативного введения в научный оборот новой информации¹. В те годы произошедшая разобщенность бывших советских республик, а также финансовые

трудности, не позволяющие на постоянной основе наладить обмен научной продукцией, привели к определенному вакууму в мире потока информации. Именно на преодоление этого вакуума и было нацелено новое издание. В свете обозначенных задач были намечены и основные рубрики. Вадим Михайлович сам активно занимался журналом, формировал содержание отдельных номеров, заказывая статьи у различных исследователей как внутри России, так и за рубежом.

В статье, посвященной 20-летию со дня выхода первого номера ежегодника, я в целом осветила те сложности, с которыми столкнулась наша редакция в период ее становления². С одной стороны, они носили объективный характер, особенно в поисках авторов и спонсоров первых наших номеров. Благодаря усилиям Вадима Михайловича, «Археологические вести № 1» вышли в свет при помощи коллег из института г. Кошице (Словакия). В дальнейшем, поскольку в институте тогда не было даже компьютеров для набора журнала, В. М. Массон смог договориться с руководством редакции первой бесплатной рекламной газеты нашего города «Привет, Петербург!», расположенной на Садовой улице недалеко от Сенной площади, куда по выходным приходила Т. С. Дорофеева и под руководством К. А. Матехина, единственного институтского компьютерщика, набирала статьи, которые авторы сдавали в машинописном, а иногда и в рукописном виде. Издание второго номера спонсировала авиакомпания Lufthansa (Германия), а третьего — фонд Prince of Sachsen-Altenburg (США). С другой стороны, были и субъективные трудности, связанные с нашим дилетантством в области издательского дела, которые, к сожалению, отразились в курьезах и нелепостях на страницах первых выпусков.

¹ Массон В. М. Движение информации в археологии // АВ. 1992. № 1. С. 11–13.

² Хвоцинская Н. В. К 20-летию со дня выхода первого номера ежегодника ИИМК РАН «Археологические вести» // АВ. 2012. Вып. 18. С. 9–12.

Несмотря на все эти проблемы, к 1998 г. журнал зарекомендовал себя в профессиональной среде. Многие исследователи из различных археологических центров России и ближнего зарубежья стали охотно предлагать свои работы для публикации в нашем издании. В значительной степени этому способствовал тот факт, что мы брали статьи большего объема, чем другие аналогичные журналы. Появилась стабильность и в финансировании — с 1998 по 2006 г. «Археологические вести» выходили в свет за счет грантов РГНФ в издательстве «Дмитрий Буланин», а затем, благодаря поддержке Отделения историко-филологических наук, были включены в список журналов, финансируемых за счет Президиума РАН. В результате этих изменений нам пришлось поменять издательство «Дмитрий Буланин», с которым мы долго и плодотворно сотрудничали, на московское отделение издательства «Наука». Именно в эти годы по предложению главного художника издательства журнал приобрел новый облик. Он стал выходить в твердом переплете с разноцветными обложками. Цвет обложки зависел от фотографии, помещаемой на ее лицевую сторону. Попав в элитарный клуб академических изданий, наряду с плюсами мы получили и свои минусы — четко фиксируемый объем выпуска и перекраивание в процессе верстки части иллюстраций без каких-либо консультаций и согласования. Особое недовольство это вызывало у авторов статей по каменному веку, так как их таблицы с орудиями сильно уменьшались в размерах.

Однако наша эйфория относительно перехода финансирования «Археологических вестей» на стабильную централизованную основу продлилась недолго. В «Науке» вышло только два номера (14 и 15), и в стране снова разразился экономический кризис. Как следствие список привилегированных изданий был сокращен, так что с 2010 г. ИИМК сам стал платить за издание за счет отчислений от хозяйственных работ. Сначала мы вернулись к сотрудничеству с издательством «Дмитрий Буланин», а затем в силу разных обстоятельств, прежде всего связанных с финансовой стороной, журнал стал полностью самостоятельно подготавливаться силами сотрудников института и печататься в ООО «Невская Типография».

В конце 2000-х гг., в связи с проводимыми реформами в рамках Академии наук, Высшая аттестационная комиссия (ВАК) определила список значимых научных журналов, в которых должны публиковаться основные положения, выносимые на защиту диссертаций, как докторских, так и

кандидатских. Наше издание практически изначально попало в этот список, что было свидетельством признания уровня профессиональности «Археологических вестей».

Для расчета наукометрических показателей оценки результативности и эффективности деятельности научно-исследовательских организаций и отдельных ученых в 2005 г. была введена система Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), а в 2015 г. на ее базе выделена платформа «Ядро РИНЦ», куда вошли научные издания, индексируемые в Russian Science Citation Index (RSCI), подключенный к международной системе. В 2021 г. в соответствии с необходимыми критериями наше издание было включено в данный список.

«Археологические вести» прошли несколько этапов роста и преобразования, которые были продиктованы как общим ходом развития науки в целом и нашего учреждения в частности, так и требованиями времени к внешнему оформлению современной научной продукции (качество печати, цветные иллюстрации и пр.). Из первоначального ежегодника с нестабильной цикличностью издание превратилось в полноценный периодический журнал. В 2020 г. в связи с расширением публикационной базы института Ученый совет ИИМК принял решение увеличить число выпусков в год до четырех за счет тематических номеров. Первый такой номер был посвящен проблемам археологии евразийских степей и приурочен к 90-летию А. Д. Грача. Сейчас в свет уже вышло семь таких журналов, в основе некоторых из них лежат материалы крупных конференций, организованных ИИМК. В связи с резким увеличением объема научного редактирования тематические номера в зависимости от их направленности подготавливаются силами отделов института с широким привлечением молодых сотрудников. В целом основной костяк редакционной группы является слаженным творческим и в настоящее время высокопрофессиональным коллективом. Совместная работа с издательствами «Дмитрий Буланин» и «Наука» не прошла даром, и мы можем с удовлетворением констатировать, что «Археологические вести» за 30 лет своего существования прочно зарекомендовали себя как солидное научное издание, признанное как в России, так и за рубежом. Авторами статей в нашем журнале являются ученые из различных научных учреждений России и более чем из 30 зарубежных государств, включая страны Западной Европы, Азии, Африки и США.

Главный редактор Н. В. Хвоцинская

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты раскопок на поселении Галик 11 в 2021 г.¹

А. Ю. Городилов, М. А. Раззак²

Аннотация. *Поселение Галик 11 расположено в нижнем течении р. Луги в регионе юго-восточной части Финского залива и было открыто в 2020 г. В раскопе 2021 г. основными находками являются древности шнуровой керамики, обнаруженные в нескольких скоплениях. На поселении впервые выявлены немногочисленные фрагменты неолитических сосудов поздней гребенчатой керамики. Также впервые на памятнике и в целом в регионе найдено поселение раннего железного века со штрихованной керамикой. В результате двух лет исследований получены опорные комплексы для различных культурно-хронологических групп населения региона от эпохи неолита вплоть до раннего железного века.*

Ключевые слова: *поселение, юго-восточное побережье Финского залива, неолит, культура шнуровой керамики, штрихованная керамика.*

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-11-31

Поселение Галик 11 расположено в прибрежном регионе юго-восточной части Финского залива, в нижнем течении р. Луги (Кингисеппский район Ленинградской области). Оно было открыто в 2020 г. и раскапывалось в 2020 и 2021 гг. Ленинградской областной экспедицией Отдела охранной археологии ИИМК РАН, общая площадь раскопок составила 4006 кв. м. Изучались участки поселения, предназначенные для хозяйственного освоения.

Поселение приурочено к древнему береговому валу, вытянутому вдоль подножия западного края Куровицкого плато, происхождение данной формации связано с максимумом Литориновой трансгрессии. Этот береговой вал имеет отметки 9–10 м БС, ограничен с востока склонами

Куровицкого плато, а с запада — заболоченной низиной, тянущейся в сторону р. Луги. Вал состоит из серии песчаных гряд, вытянутых преимущественно в субмеридиональном направлении (рис. 1).

В 2020 г. в центральной части поселения были проведены раскопки общей площадью 1550 кв. м. В раскопе 2020 г. были зафиксированы две параллельные гряды общей шириной до 60 м, возвышающиеся над окружающей местностью на ≈ 1 м и разделенные небольшим понижением. К верхним частям этих гряд были приурочены различные культурно-хронологические группы находок: на восточной гряде — гребенчато-ямочной керамики и сетчатой керамики эпохи бронзы, на западной — культуры шнуровой керамики (Городилов, Раззак, 2021; Razzak, 2022).

В 2021 г. исследования на поселении были продолжены. Раскоп площадью 2456 кв. м располагался в северной части поселения, был вытянут от его западной до восточной границы, имел подпрямоугольную форму и находился в 100 м к северу от раскопа предшествующего года. Микро топография поверхности поселения в пределах раскопа 2021 г. несколько отличалась от участка, раскопанного в 2020 г. Так, на территории раскопа фиксировалась только одна восточная гряда шириной около 10 м, проходящая вдоль гребня берегового вала, ее верхние отметки достигали 10 м БС. К западу от гряды была расположена ровная площадка, продолжающаяся до самого западного

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания: Городиловым А. Ю. — «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию» (FMZF-2022-0016); Раззак М. А. — «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Городилов А. Ю., Раззак М. А. — ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: ramaritec@yandex.ru; marija_ju@mail.ru.

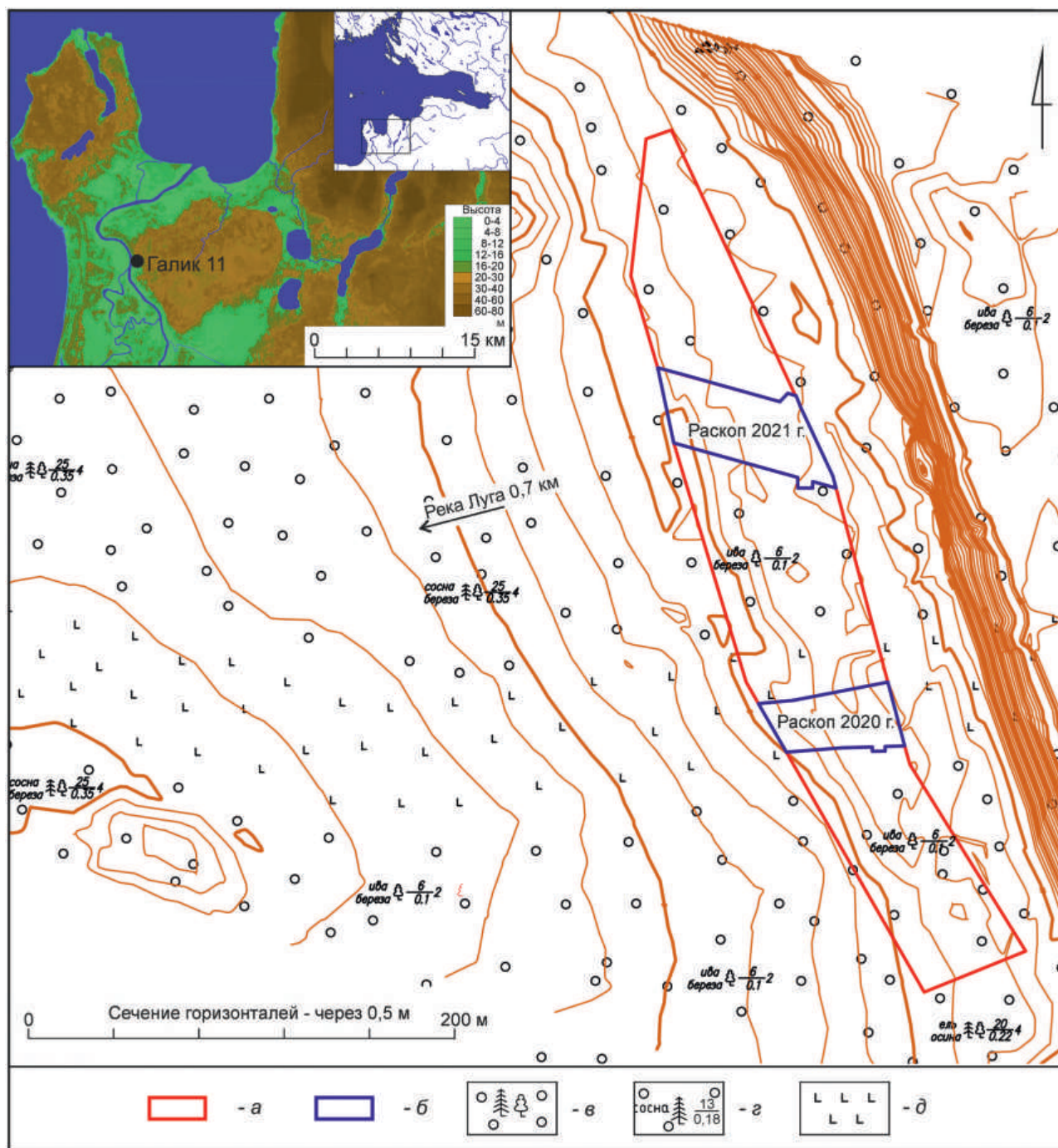

Рис. 1. Поселение Галик 11: 1 — расположение поселения на карте окрестностей Лужской губы; 2 — топографический план памятника (а — границы памятника; б — границы раскопа; в — леса естественные высокоствольные; z — характеристика древостоя; d — участки леса вырубленные)

Fig. 1. Settlement site of Galik 11: 1 — position of the site in the map of the surroundings of the Luga Inlet; 2 — topographic plan of the site (a — the boundaries of the monument; б — boundaries of the excavation; в — natural tall forests; z — characteristic of the forest stand; d — areas of forest cut down)

края раскопа, ее высота около 9 м БС, с запада она ограничена резким понижением в сторону заболоченной низины, отметки которой не превышают 8 м БС.

На площади раскопа были представлены материалы различных культурно-хронологических групп; подавляющее большинство находок относятся к культуре шнуровой керамики (86 % фрагментов керамики), которая, как и гребенчато-ямочная керамика, уже была известна по раскопкам предшествующего года. Поздняя гребенчатая керамика эпохи неолита/раннего металла и штрихованная керамика раннего железного века на поселении были выявлены впервые.

Находки различных периодов разделялись планиграфически: наиболее ранние из них, связанные с культурой гребенчато-ямочной керамики, были встречены в южной части площадки, находки шнуровой керамики занимали всю западную часть раскопа, наибольшая их концентрация зафиксирована вдоль западного края песчаного вала, там же были найдены и фрагменты поздней гребенчатой керамики. Находки раннего железного века, напротив, были локализованы у восточного края раскопа исключительно в пределах восточной гряды (рис. 2; табл. 1).

Таблица 1. Количественное соотношение находок различных типов
Table 1. Quantitative ratio of finds of different types

Тип керамики	Кол-во, фрагм.	Вес, кг	Доля, %
Гребенчато-ямочная	123	0,48	1,8
Поздняя гребенчатая	22	0,11	0,3
Шнуровая	5763	17,92	85,9
Штрихованная	805	3,70	12,0

В раскопе 2021 г. подтвердились сделанные в ходе предшествующих раскопок стратиграфические наблюдения. Находки гребенчато-ямочной, поздней гребенчатой и шнуровой керамики залежали преимущественно на глубине около 0,15–0,40 м от дневной поверхности в литологически невыраженных слоях в толще желтого песка и были перекрыты напластованиями оподзоленного песка и дерна практически без находок, при этом находки гребенчато-ямочной керамики залежали несколько ниже. Фрагменты штрихованной керамики встречались сразу после разборки слоя дерна (в слое подзола), а основная их масса была сосредоточена в контактном слое между подзолом и желтым песком на глубине 0,1–0,2 м.

Древности гребенчато-ямочной керамики

К наиболее раннему этапу освоения территории относятся древности гребенчато-ямочной керамической традиции. Данный культурно-хронологический пласт, как и в 2020 г., представлен незначительным количеством находок — 123 фрагментов керамики, что составляет 1,8 % от общего количества находок в раскопе. Фрагменты гребенчато-ямочной керамики концентрируются в южной части раскопа к западу от восточной гряды и отсутствуют в остальной части исследованной территории. Они залегают в пределах одного участка, где на площади около 30 кв. м было найдено три археологических объекта и 108 керамических фрагментов, шлейф из одиночных черепков тянулся к северу от данного скопления на расстояние до 15 м.

На территории, где найдена основная часть фрагментов гребенчато-ямочной керамики, зафиксировано три заглабленных объекта: скопление камней 1, очаг 3 и яма 2. Все они были исследованы на небольшом участке размерами 5 × 4 м. Контуры объектов были прослежены с толщи слоя желтого среднезернистого песка, с того же уровня, на котором была найдена большая часть фрагментов гребенчато-ямочной керамики.

Самым южным объектом является скопление камней 1, зачищенное в яме подокруглой формы диаметром около 1,1 м и глубиной около 0,5 м. Скопление состояло из разнокалиберных валунов и галек со следами температурного раскаливания, уложенных не менее чем в два яруса. Суммарная масса камней составила 140 кг. Пространство между камнями было заполнено темно-серым углистым песком с большим количеством мелких угольков, в толще которого находились линзы желтого среднезернистого песка. В стенках ямы фиксировалась прокаленность материкового грунта на глубину до 10 см. На южном краю ямы, на уровне, с которого она была спущена, обнаружен развал сосуда гребенчато-ямочной керамики. Еще один развал находился в 1 м к северу от ямы.

В 2,5 м к северо-востоку от скопления камней 1 был расчищен очаг подовальной формы размерами 1,2 × 0,9 м (очаг 3). Он представлял собой скопление разнокалиберных валунов и галек, расколотых вследствие температурного воздействия. Очаг сооружен в небольшой впадинке глубиной до 0,15 м. Камни в очаге уложены достаточно плотно, но при этом не образуют видимой структуры. Пространство между камнями было заполнено черным углистым песком, содержащим мелкие угли, прокал материкового грунта

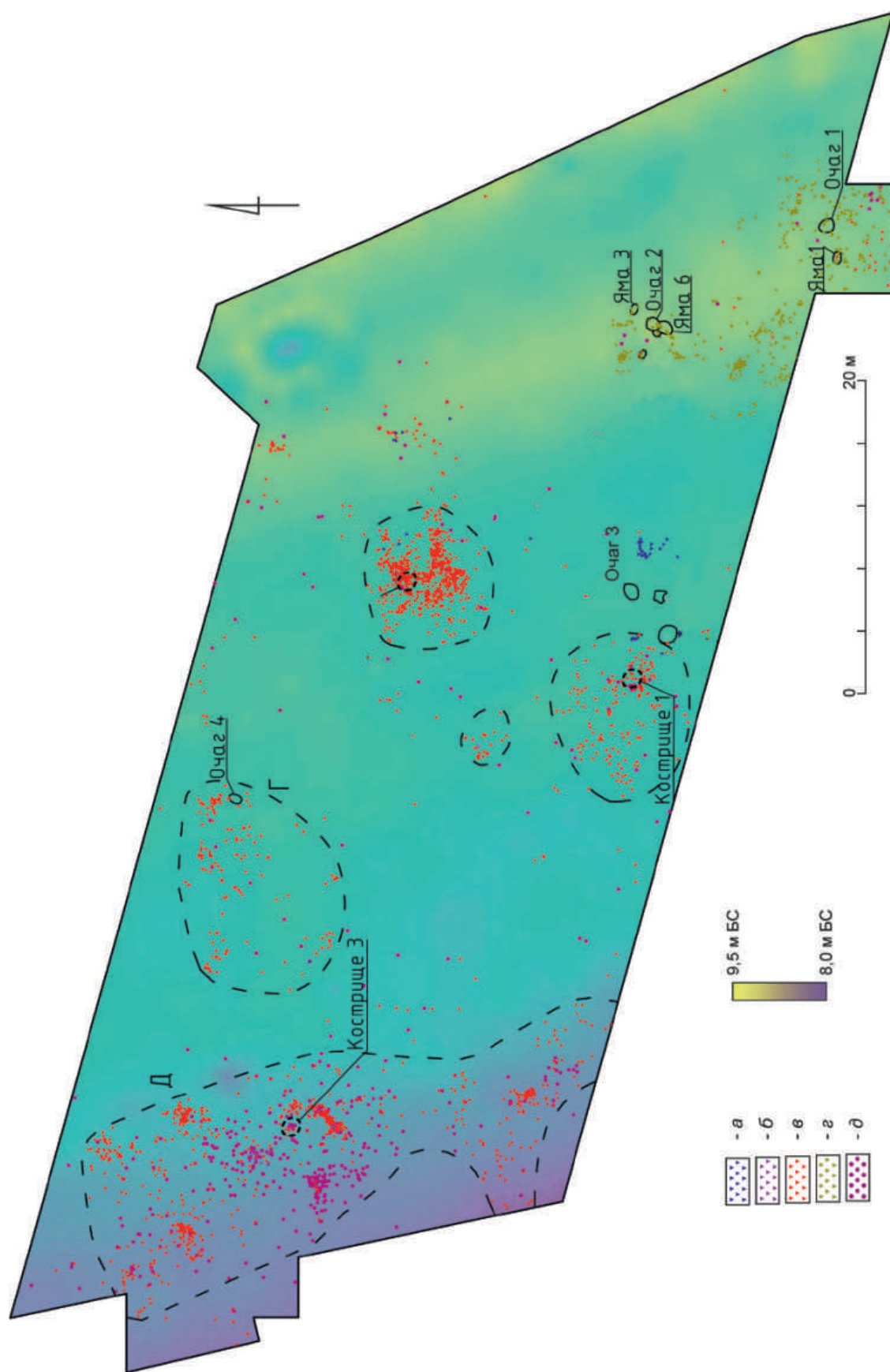

Рис. 2. Поселение Галик 11. Раскоп 2021 г. Распределение различных типов находок (а — фрагменты типичной гребенчатой керамики; б — фрагменты поздней гребенчатой керамики; в — фрагменты шнуровой керамики; г — фрагменты штрихованной керамики; д — изделия из камня)

Fig. 2. Settlement Galik 11. Excavation of 2021. Distribution of finds of different types (а — fragments typical comb ware; б — fragments late comb ware; в — fragments corded ware; г — fragments hatched ware; д — stone products)

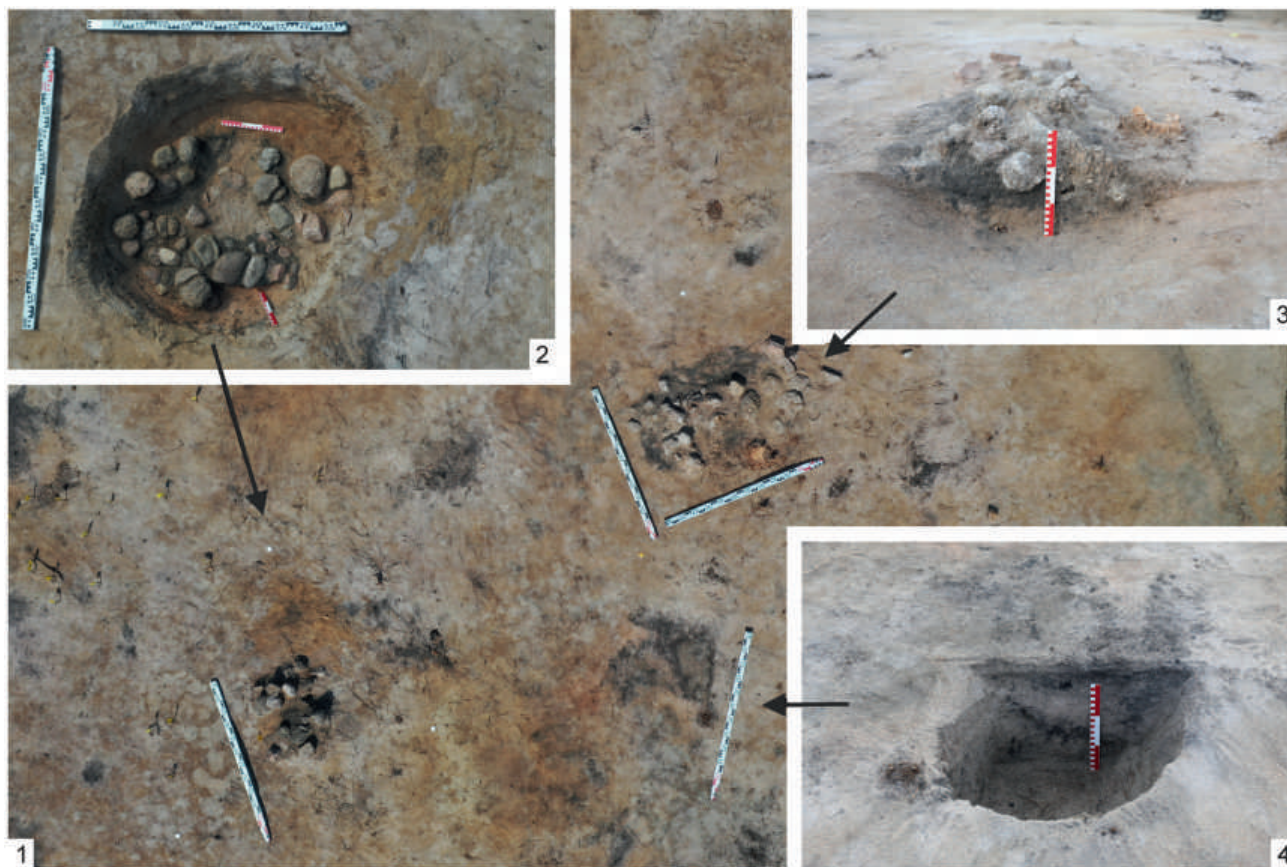

Рис. 3. Поселение Галик 11. Комплекс объектов, связанных с гребенчато-ямочной керамикой: 1 — общий вид; 2 — скопление камней; 3 — очаг; 4 — яма

Fig. 3. Settlement Galik 11. Complex of objects associated with the pit-comb ware: 1 — the general view of the complex; 2 — stone accumulation; 3 — fireplace; 4 — pit

под очагом при этом отсутствовал. Общий вес камней, найденных в очаге, составляет 40 кг. В 1 м к югу от очага была исследована подпрямоугольная яма размерами 0,8 × 0,6 м и глубиной до 0,35 м, заполненная темно-серым углистым песком, разделенным линзами желтого среднезернистого песка. Находки в очаге и яме отсутствовали (рис. 3).

Исходя из стратиграфического положения всех трех объектов и их взаимного расположения, можно утверждать, что они образуют единый комплекс, связанный, вероятно, с тепловой обработкой мяса. В непосредственной близости от исследованных объектов, на том же уровне, с которого спущены ямы, была найдена основная часть гребенчато-ямочной керамики, что позволяет говорить об их синхронности.

Фрагменты гребенчато-ямочной керамики происходят как минимум от двух сосудов, сделанных из плотного теста с обильной примесью дресвы. Фракции дресвы не сортированы и имеют размеры от 1 × 1 до 5 × 5 мм. В изломе черепки

трехцветные — внешняя и внутренняя поверхности оранжевые, а между ними — серая прослойка. Толщина стенок составляет 0,8–1,0 см. Тесто промешано относительно плохо — в изломе черепков фиксируются границы между пластами. Внешняя поверхность сосудов заглажена, внутренняя более шершавая, со слабовыраженными расчесами. Первый сосуд представлен двумя фрагментами венчика и как минимум 30 обломками стенок. Венчик сосуда П-образный, с незначительными утолщениями по внешней и внутренней частям, гофрированный. С внутренней стороны декорирован рядом вертикальных оттисков гребенчатого штампа, с внешней стороны под венчиком нанесен ряд конических ямок. Тулово сосуда украшено сложным геометрическим орнаментом, состоящим из горизонтальных рядов вертикальных оттисков штампа «веревочка на палочке», разделяющих области, заполненные коническими ямками. В пространстве, украшенном ямками, присутствует геометрический мотив, состоящий

из радиально расходящихся оттисков ногтевидного штампа. Второй сосуд представлен фрагментом П-образного венчика, орнаментированного диагональными оттисками гребенчатого штампа по срезу венчика и по внешней стороне (рис. 4, 1).

Найденные сосуды относятся к гребенчатоямочной керамике (или типичной гребенчатой керамике стиля П-1, по А. Европеусу) (*Europaеus-Äyräpää*, 1930. S. 179–183), распространенной на достаточно обширной территории восточной части Балтики, Карелии и Ленинградской области в первой половине — середине IV тыс. до н. э. На поселении Галик 11 сосуды этой керамической традиции были найдены в раскопе 2020 г., также они широко представлены и на прилегающих территориях. К западу от поселения Галик 11 они фиксируются на территории Нарвско-Лужского междуречья на памятниках у деревень Извоз, Куземкино, Куровицы, в урочище Вяйке-Ропсу и др. (Памятники..., 2019. С. 129–137), к востоку от поселения они встречены в материалах нескольких памятников в бассейне р. Хаболовки. Похожий сосуд с радиальным орнаментом входит в состав коллекции А. А. Иностранцева, происходящей из Южного Приладожья.

Древности поздней гребенчатой керамики

К поздней гребенчатой керамике относится одно небольшое скопление фрагментов, найденное на западном краю раскопа. Здесь, среди обломков шнуровой керамики на площади около 1 кв. м, было встречено 22 черепка рассматриваемой керамической традиции. Они залегали в слое желтого песка, на той же глубине, что и основная часть шнуровой керамики.

Найденные фрагменты принадлежат как минимум двум сосудам, сделанным из рыхлого, плохо промешанного, пористого теста, отличительной особенностью которого является наличие большого количества каверн, происходящих от выгоревшей органики, вероятно раковин, а также продолговатых полостей от выгоревшей травы.

Первый сосуд толстостенный (до 1,3 см), представлен фрагментом П-образного венчика с незначительным утолщением по внутреннему и внешнему краям. По внешней поверхности горшка нанесен орнамент из вертикальных оттисков широкого гребенчатого штампа, срез венчика орнаментирован оттисками такого же штампа, нанесенными под углом к краю сосуда. К этому же горшку, вероятно, относятся и фрагменты стенок (рис. 4, 2, 3). Второй сосуд, выполненный

из такого же теста, плоскодонный, с толщиной стенок 0,7 см, представлен обломком придонной части, не орнаментирован (рис. 4, 4).

Гребенчатую керамику с органической примесью традиционно относят к кругу культур позднего неолита — эпохи раннего металла. Изначально А. Европеус относил керамику с органической примесью к стилю П-1 и считал, что она является продолжением эволюционного развития культуры типичной гребенчатой керамики (*Europaеus-Äyräpää*, 1930. S. 185, 186). Впоследствии, в связи с дальнейшим накоплением археологического материала и развитием радиоуглеродного датирования, эта концепция была подвергнута критике (Нордквист, Мёккёнен, 2015. С. 211, 213). В настоящее время считается, что древности поздней гребенчатой керамики длительное время сосуществовали с типичной гребенчатой керамикой. Вопрос о финальной дате существования подобных древностей в настоящее время до конца не решен. Так, согласно последним радиоуглеродным датировкам, традиция изготовления поздней гребенчатой керамики могла продолжаться вплоть до 1800 г. до н. э. (Крийска, Нордквист, 2021. С. 67). Совместное залегание находок поздней гребенчатой керамики и шнуровой керамики, датируемой второй половиной III тыс. до н. э., может свидетельствовать об их одновременном существовании на памятнике. Однако в связи с широкой датировкой поздней гребенчатой керамики нельзя исключать и то, что они могли существовать асинхронно.

К западу от поселения Галик 11 древности поздней гребенчатой керамики присутствуют в материалах памятников Нарвско-Лужского междуречья, в частности, на памятниках у деревень Извоз, Куземкино, Куровицы и др. (Памятники..., 2019. С. 114, рис. 114, 129–137; *Kriiska et al.*, 2016. S. 107–109), к востоку подобные древности зафиксированы на памятниках бассейна р. Сисы (Новое Устье 1 и Сиса 2) и в материалах поселения Охта-1.

Древности шнуровой керамики

На территорию раскопа 2021 г. с западной стороны не попала гряда, на которой было найдено основное количество находок шнуровой керамики в 2020 г. Западная часть исследуемого участка 2021 г. представляла собой ровную площадку протяженностью с запада на восток около 40 м и занимающую весь раскоп с севера на юг, высотные отметки — около 9 м БС. У западного края раскопа фиксировалось резкое понижение в сторону р. Луги до отметок 8 м БС.

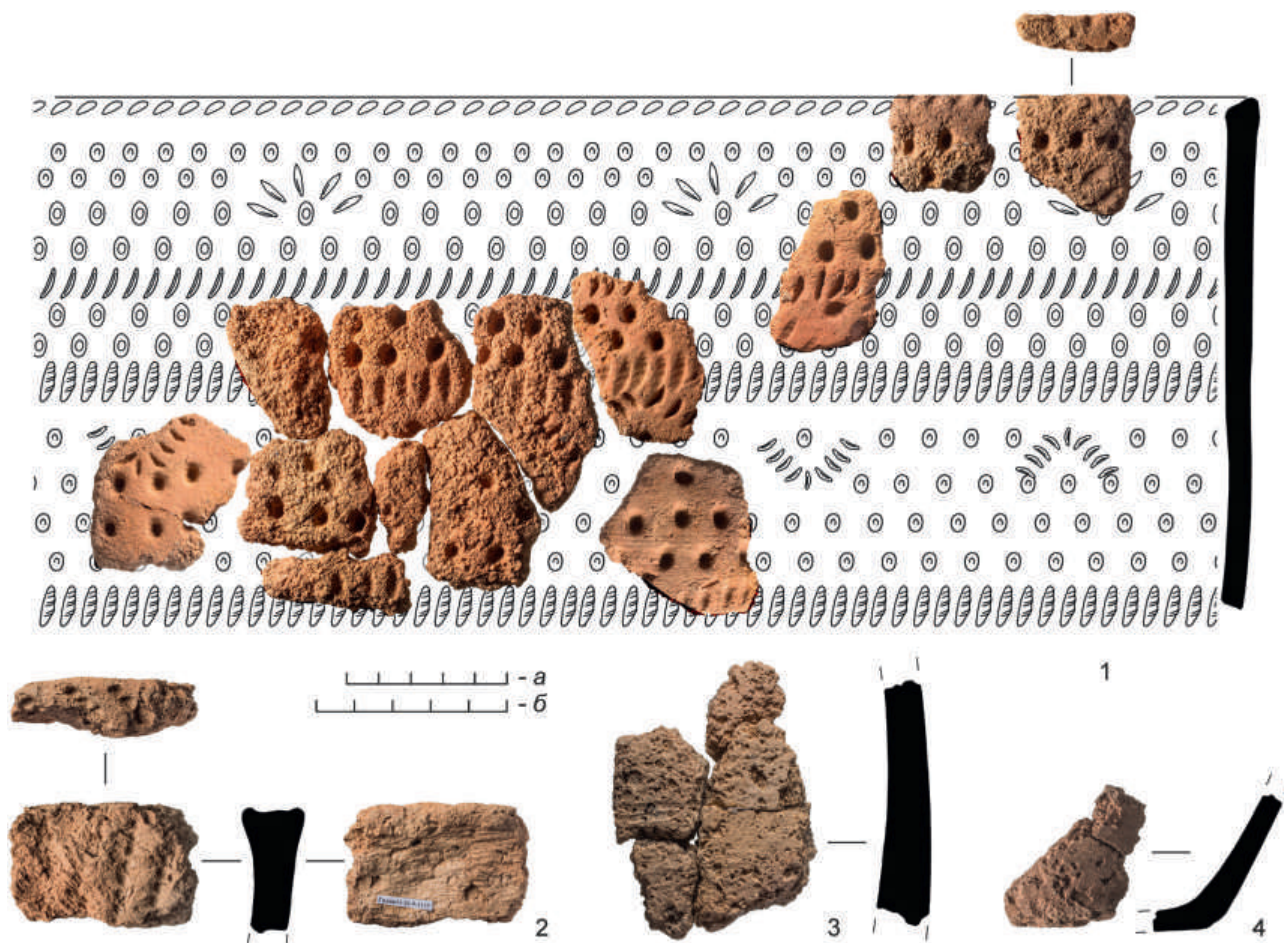

Рис. 4. Поселение Галик 11. 1 — графическая реконструкция сосуда гребенчато-ямочной керамики; 2–4 — фрагменты поздней гребенчатой керамики (рисунок О. А. Наумовой, фото И. Г. Самоварова). Масштаб: а — для 1; б — для 2–4

Fig. 4. Settlement Galik 11. 1 — graphic reconstruction of the pottery: pit-comb ware; 2–4 — fragments of late comb ware. Drawing by O. A. Naumova, photo by I. G. Samovarov. Scale: a — for 1; b — for 2–4

Находки культуры шнуровой керамики образовывали несколько выраженных скопления в центральной и западной частях раскопа, разделенных пространствами шириной от 3 до 12 м, практически не содержащими артефактов. Всего в раскопе выделяется пять таких скопления (А–Д).

Три из них (А, В и Г), расположенные в центральной части раскопа, обладают рядом общих признаков: а) в скоплениях отсутствует литологически выраженный культурный слой и заглубленные в грунт объекты, а границы определяются по распространению находок; б) размеры скоплений составляют около 8 × 10 м; в) в скоплениях присутствуют следы использования огня: в двух случаях (А и В) — это остатки необорудованных кострищ, в одном случае — выложенный из камня очаг; г) сходный состав находок. Основная масса артефактов представлена фрагментами

керамических сосудов, их доля составляет до 95 % всех находок. Кроме того, в скоплениях найдены каменные абразивы и их обломки, фрагменты кремневых орудий. Перечисленные признаки позволяют интерпретировать найденные скопления как остатки недолговременных жилых или хозяйственных зон.

Несколько отличаются от них два других скопления, одно из которых (Б) — это развал одного сосуда, расчищенный на территории 2 × 2 м, и несколько абразивов, найденных здесь же.

Наибольший интерес вызывает скопление Д, приуроченное к западному краю раскопа и берегового вала. Размеры освоенной территории здесь больше — около 35 × 10 м, а насыщенность материалом существенно выше, чем в остальных скоплениях. Кроме того, в центральной части скопления помимо остатков необорудованного кострища

присутствуют аморфные пятна слабогумусированного песка, представляющие собой остатки литологически выраженного культурного слоя данного периода и свидетельствующие о более длительном времени пребывания здесь человека. Об этом же говорит и состав находок. Помимо керамики и серии каменных абразивов здесь найден также ряд каменных изделий, связанных с производством кварцевых орудий: серия отбойников, кварцевые нуклеусы, орудия и отходы расщепления. Кроме них найдены три фрагментированных каменных сверленных топора.

Материалы, зафиксированные в скоплениях Д, иллюстрируют результат более длительного пребывания здесь носителей культуры шнуровой керамики, чем на остальной территории раскопа. Древнее население, видимо, столкнулось с дефицитом кремневых орудий и по этой причине было вынуждено использовать местное низкосортное галечное кварцевое сырье, в небольших количествах встречающееся в моренных отложениях вокруг памятника. О том, что местное сырье также было труднодоступно, говорит размер нуклеусов — размеры галек, с которых пытались получить сколы, составляют до 2 × 3 см. Помимо орудий из кварца носители культуры шнуровой керамики продолжали использовать для изготовления орудий и более привычные для них материалы: сланец и порфирит. Так, один из найденных порфириновых топоров был использован в качестве нуклеуса. Об изготовлении топоров на месте свидетельствует находка сланцевой сверлины. Кроме того, в центральной части скопления Д около кострища было расчищено скопление из нескольких небольших галек порфирита, кварцита и кварца, сложенных, видимо, для последующего производства изделий из них.

Вопрос о хронологическом соотношении скоплений в настоящее время не может быть решен в связи с отсутствием на памятнике выраженной стратиграфии. Однако некоторые наблюдения все же можно сделать. Отсутствие видимых различий в керамической традиции между различными скоплениями позволяет говорить о том, что они оставлены родственными населением. В то же время в раскопе не наблюдается присутствия фрагментов одного и того же сосуда или каменного изделия в различных скоплениях, хотя в пределах одного скопления расстояние между фрагментами одного сосуда может достигать 15 м и более. Все это позволяет предположить, что скопления оставлены носителями культуры шнуровой керамики при многократном посещении

территории. Но сколько именно проходило времени между посещениями, можно определить только после радиоуглеродного датирования материалов из скоплений.

Керамика

Шнуровая керамика. Представлена 5763 фрагментами³ общей массой 17,92 кг, происходящими как минимум от 73 сосудов. Распределение керамики по скоплениям представлено в табл. 2.

Таблица 2. Количественные и весовые характеристики находок шнуровой керамики

Table 2. Quantitative and weight characteristics of finds of corded ware

Скопление	Масса, г	Фрагменты, шт.	Сосуды, шт.
А	1130	184	14
Б	156	13	1
В	5795	1591	18
Г	996	249	7
Д	9313	3487	30
Вне скоплений	528	239	3
Всего	17 918	5763	73

В целом вся керамика, найденная в 2021 г., относится к той же керамической традиции, что и керамика из раскопа 2020 г. Основные ее признаки были рассмотрены в статье, посвященной результатам работ 2020 г. (Городилов, Раззак, 2021). Черты, позволяющие отнести ее к единой керамической традиции, проявляются как в способе конструирования сосудов, так и в их орнаментации.

Одной из характерных черт является наличие в тесте сосудов примеси выгоревшей органики, состоящей из хаотично расположенных полостей от тонких волокон и небольших каверн. Помимо них в тесте большинства сосудов присутствует примесь шамота и иногда песка. Способ лепки большинства горшков — лоскутный, разлом по лентам фиксируется в небольшом количестве случаев. Чаще фиксируется N-крепление для лент, формирующих тулово сосуда, и n-крепление верхней ленты. Судя по данным петрографического анализа, выполненного М. А. Кульковой, посуда обжигалась длительное время при температуре 650–800 °С. Поверхность сосудов часто гладкая, у некоторых она покрыта тонким слоем

³ При подсчете учитывались фрагменты размером более 1 × 1 см с определенной культурной принадлежностью.

отмученной глины. В ряде случаев на их внешней и внутренней поверхностях имеются расчесы от заглаживания. Сетчатые отпечатки зафиксированы на одном сосуде в скоплении Д.

Основная часть керамики, найденной в раскопе 2021 г., относится к кухонной посуде. При обработке коллекции 2020 г. к такой керамике были отнесены сосуды двух типов: широкогорлые плоскодонные слабопрофилированные и широкогорлые плоскодонные со слабовыраженным S-видным профилем. Такие же формы составляют основную часть коллекции 2021 г.

1. Широкогорлые плоскодонные слабопрофилированные сосуды. Представлены 19 экземплярами. Они зафиксированы во всех скоплениях, за исключением скопления Б. Для посуды такого типа более характерны прямые Г-образные венчики с утолщением на внешней части сосуда (4 экз.), прямые венчики без утолщения, скошенные внутрь (6 экз.), в одном случае также зафиксирован прямой венчик, скошенный внутрь, с утолщением на внешней части сосуда (рис. 5, 1–4).

2. Широкогорлые плоскодонные сосуды с S-видным профилем. Они присутствуют во всех скоплениях в количестве 18 экземпляров. Для посуды такого типа более характерны венчики, отогнутые наружу (7 экз.), и прямые венчики, скошенные внутрь, с утолщением на внешней части сосуда (6 экз.), у двух горшков зафиксированы прямые венчики без утолщения, скошенные внутрь (рис. 5, 5–8).

Кухонные сосуды из коллекции 2021 г. показывают меньшую вариативность размеров по сравнению с коллекцией 2020 г. Так, средний диаметр по венчику для них составляет 20 см. При этом максимальные и минимальные значения — 25 и 15 см. То же можно сказать и про донца сосудов: диаметр составляет от 8 до 12 см и в среднем равняется 10 см. Для большинства горшков показатель угла наклона стенки, фиксируемый в придонной части, равен 110–120°.

Кроме кухонной керамики в коллекции 2021 г. присутствуют фрагменты пяти тонкостенных миниатюрных сосудов, найденных на скоплениях А и Д. Для них характерны прямые приостренные венчики. Придонная часть представлена единственным экземпляром, который происходит от плоскодонного сосуда, диаметр донца составляет 5 см (рис. 5, 9).

Орнаментация сосудов

Для сосудов, происходящих из коллекции 2021 г., характерны те же принципы декорирования, что

были зафиксированы в 2020 г. Орнамент присутствует на 62 изделиях из 73. Украшалась только верхняя часть — срез венчика и узкая полоса под ним — шириной от 1 до 4 см, остальная поверхность сосудов оставалась недекорированной. Общим является и то, что при орнаментации использовался, как правило, оттиск одного штампа. Оттиски двух разных штампов зафиксированы только в шести случаях.

При общих принципах декорирования сосуды отличаются как по употребляемым оттискам, так и орнаментальным мотивам (рис. 6).

1. Наиболее часто встречаются линейные мотивы, состоящие из нескольких горизонтальных параллельных оттисков шнура или продавленных линий, нанесенных под венчиком сосуда. По применяемому орнаменту они делятся на три вида.

1.1. Параллельные горизонтальные линии из оттисков шнура, расположенные на расстоянии 0,2–0,7 см. Всего зафиксированы на 21 сосуде. Подобный мотив присутствует на горшках из всех скоплений, кроме Б. Полная ширина зоны орнаментации фиксируется у трех сосудов, где она составляет от 1,4 до 3,7 см, при этом количество рядов варьирует от трех до шести. У 12 сосудов из 21 горизонтальные оттиски шнура нанесены и по срезу венчика параллельно его краю. В трех случаях по срезу венчика нанесены оттиски ногтевидного штампа.

1.2. Параллельные горизонтальные продавленные линии шириной 0,2–0,3 см и такой же глубины, расположенные на расстоянии 0,3–0,5 см. Всего данный элемент зафиксирован на восьми горшках в скоплениях В, Г и Д. Полная ширина зоны орнаментации фиксируется на одном экземпляре — она составляет 1,7 см, здесь нанесено пять рядов. В трех случаях у сосудов, декорированных подобным образом, по краю венчика нанесен ряд оттисков ногтевидного штампа.

1.3. Горизонтальный зигзаг из оттисков шнура. Обнаружен на одном сосуде в скоплении Г, где нанесен совместно с мотивом 1.1.

Суммарно мотивы первой группы встречены на 29 сосудах.

2. Второй по численности является группа мотивов, состоящих из горизонтальных рядов аморфных, подпрямоугольных, подовальных, подтреугольных и иных ямок и наколов. Общим для них является то, что оттиски образуют несколько горизонтальных субпараллельных рядов, расположенных под краем венчика или (реже) по его срезу.

2.1. Горизонтальные ряды, состоящие из аморфных, подовальных ямок, наколов и тычков.

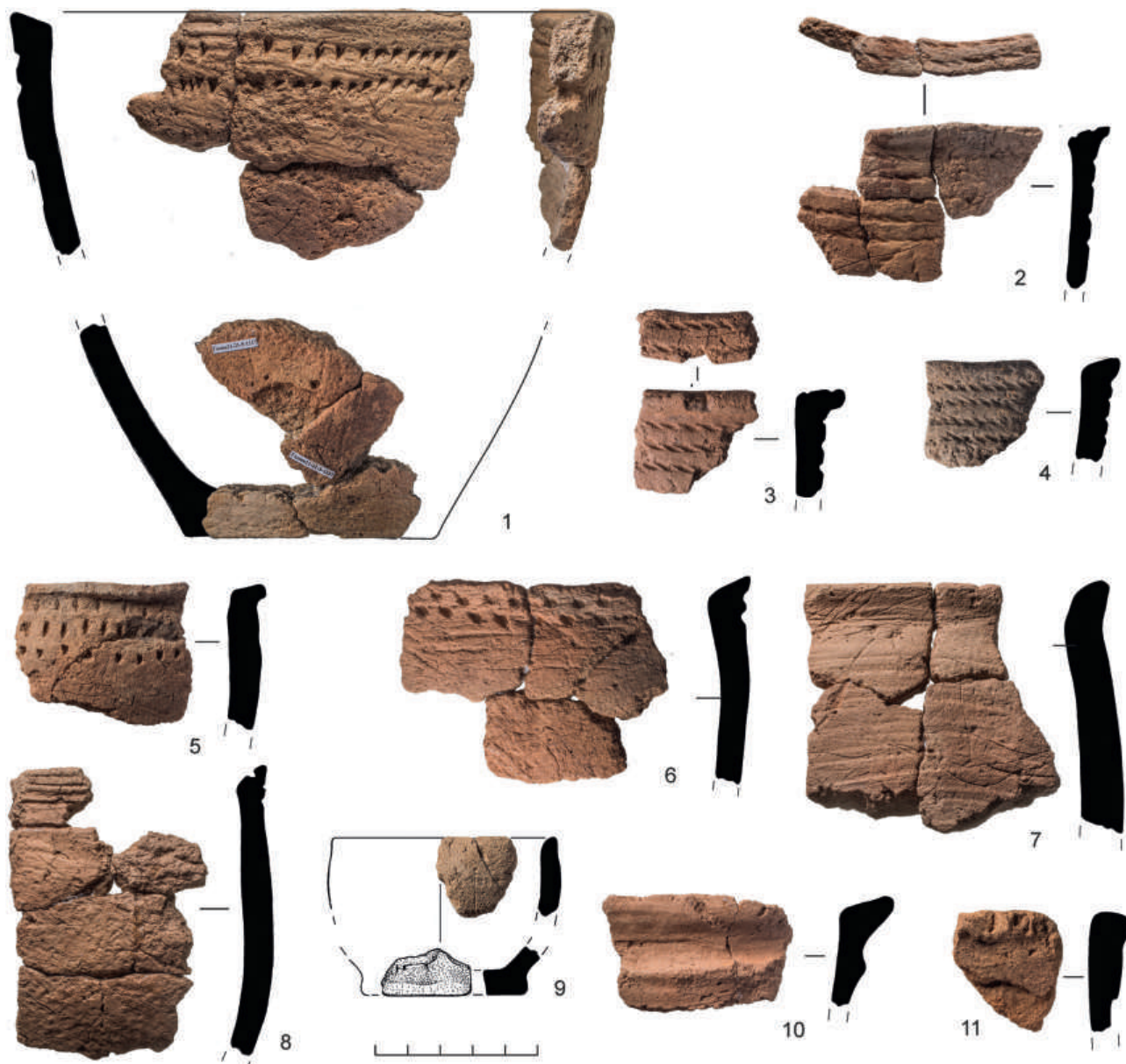

Рис. 5. Поселение Галик 11. Фрагменты шнуровой керамики: 1–4 — широкогорлых плоскодонных слабопрофилированных сосудов; 5–8 — широкогорлых плоскодонных сосудов с S-видным профилем; 9 — миниатюрного сосуда; 10, 11 — сосудов общеевропейских форм: 10 — сосуда с горизонтальным валиком, 11 — сосуда с пальцевидными налепами (рисунок О. А. Наумовой, фото И. Г. Самоварова)

Fig. 5. Settlement Galik 11. Fragments of corded ware: 1–4 — broad-mouthed flat-bottomed weakly profiled vessels; 5–8 — broad-mouthed flat-bottomed vessels with S-like profile; 9 — miniature vessel; 10, 11 — vessels of common European forms (10 — vessel with a horizontal roll; 11 — vessel with finger-impressed appliques). Drawing by O. A. Naumova, photo by I. G. Samovarov

В качестве инструмента для орнаментации часто использовались полые предметы, возможно, кости животных, при этом среди сосудов, декорированных данным мотивом, не выделяется устойчивых групп, украшенных идентичными оттисками, что, вероятно, свидетельствует об использовании подручных средств для декорирования посуды. Всего подобный характер орнаментации зафиксирован на 22 сосудах и присутствует во всех скоплениях. Полная ширина декорированной зоны фиксируется у 14 сосудов и составляет от 1,1 до 2,6 см, при этом используется от одного до шести рядов оттисков. Орнамент по срезу венчика у сосудов данной группы встречен в двух случаях и представлен хаотично расположенными круглыми наколами и рядом аморфных ямок.

2.2. Горизонтальные ряды из параллельных ногтевидных вдавлений или V-образных в профиль вдавлений шириной 0,2 см, длиной 0,6 см и глубиной 0,2 см. Расстояние между вдавлениями 0,2–1,0 см. Таким мотивом декорировался исключительно внешний край венчика, он зафиксирован в семи случаях.

3. Мотив в виде «елочки» или вертикального зигзага. Выполнен из подовальных или подпряпоугольных оттисков, прочерчин или оттисков «веревочки, намотанной на палочку». Он представлен на шести сосудах в скоплении Д. Полная ширина зоны орнаментации выявлена только у одного сосуда — она составляет 1,8 см.

4. Волнообразные пальцевые налеты. Зафиксированы на одном сосуде в скоплении Г.

5. Горизонтальный валик, нанесенный под венчиком. Сосуды, украшенные подобным образом, отсутствуют в коллекции 2020 г., а в 2021 г. представлены двумя экземплярами из скопления Д.

6. Неорнаментированные сосуды — 11 экземпляров.

Прямой корреляции между выделенными формами посуды и орнаментальными мотивами не прослеживается. Широкогорлые слабопрофилированные сосуды были орнаментированы мотивами 1.1 и 1.2 в семи случаях, а мотивами 2.1 и 2.2 — в десяти, еще два экземпляра не были орнаментированы. Горшки с S-видной профилировкой были орнаментированы мотивами 1.1 и 1.2 в четырех случаях, 2.1 и 2.2 — в шести, не орнаментированы — в пяти, два сосуда были украшены горизонтальным валиком (5).

Миниатюрные сосуды обычно не орнаментировались. Орнамент зафиксирован лишь у одного — это мотив 2.1.

Изделия из камня

Из всех каменных изделий наиболее часто в комплексах со шнуровой керамикой встречаются абразивы, выполненные из песчаника. Всего из раскопа происходят 108 таких находок, при этом 76 относятся к готовым изделиям и их фрагментам, а 32 — к отщепам, полученным при производстве подобных артефактов. Пять изделий найдены на участках 1 и 3 и могут быть связаны с культурой штрихованной керамики раннего железного века, остальные — в скоплениях А–Д и связаны с культурой шнуровой керамики. Абразивы сделаны, как правило, из среднезернистого или, реже, мелкозернистого песчаника. Для их производства использовались находимые в моренных отложениях песчаниковые гальки или, реже, плитчатое сырье. Большая часть изделий не подвергалась специальной обработке, выбиралась наиболее плоская сторона или стороны камня, которые и применялись для растирания или шлифовки. В некоторых случаях форма абразива доведена до формы, приближенной к кубоиду.

Рубящие орудия изготавливались из порфирита и сланца. Всего с культурой шнуровой керамики можно связать четыре из пяти находок фрагментов таких изделий. Три из них найдены в скоплении Д: два выполнены из порфирита — это топоры-клевцы ромбической формы; один — из сланца, в связи с плохой сохранностью его тип неопределим. Вероятно, к культуре шнуровой керамики относится и фрагмент лезвия желобчатого тесла, встреченный к северу от скопления В. О производстве данных изделий на месте свидетельствует находка сверлины от топора (рис. 7). Также об этом косвенно говорит и наличие в скоплении Д нескольких компактно лежащих необработанных порфиритовых галек, целенаправленно собранных жителями поселения, вероятно, с целью последующей обработки.

Изделия из кремня на памятнике представлены слабо. Всего их найдено 19 экземпляров. В группу орудий входят три отщепы с ретушью, два скобеля-скребка, одно комбинированное орудие, пластина с ретушью, скол утончения бифаса, бифасиальный нож и заготовка наконечника, а также несколько отщепов и чешуек. Незначительное количество изделий из кремня, отсутствие следов первичного раскалывания и нуклеусов свидетельствуют о том, что носители культуры шнуровой керамики приходили с готовым орудийным набором.

Кроме изделий из кремня на памятнике обнаружено 578 орудий из кварца и кварцевых отщепов, более 90 % из них найдены в скоплении Д

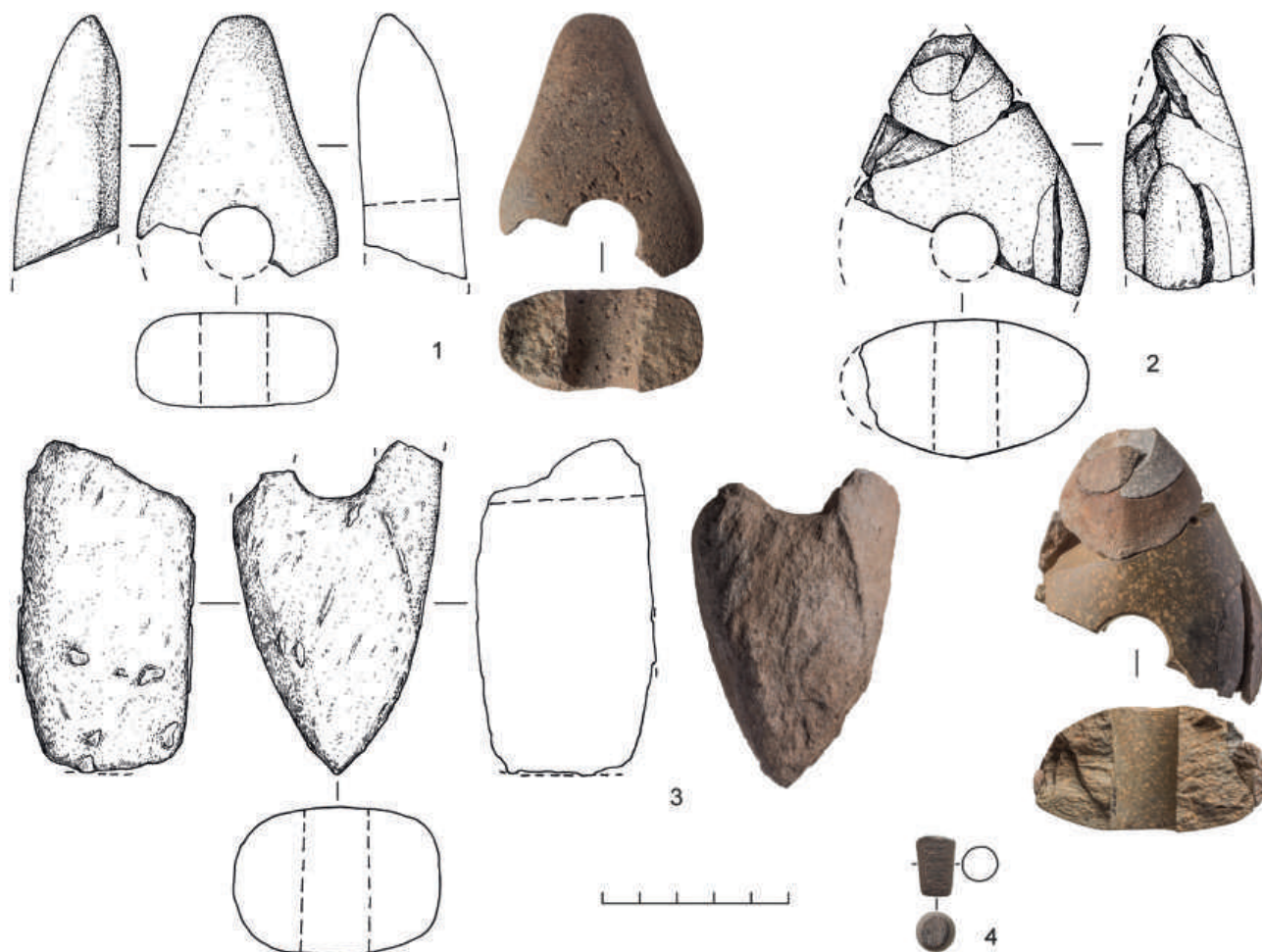

Рис. 7. Поселение Галик 11. 1–3 — каменные сверленные топоры культуры шнуровой керамики; 4 — каменная сверлина от топора (рисунок О. А. Наумовой, фото И. Г. Самоварова)

Fig. 7. Settlement Galik 11. 1–3 — drilled stone axes of the Corded Ware culture; 4 — drilled stone piece from an axe. Drawing by O. A. Naumova, photo by I. G. Samovarov

и относятся к культуре шнуровой керамики. При этом большую часть коллекции составляют отщепы — 524 экземпляра. Кроме них найдены 38 биполярных нуклеусов, сделанных из небольших галек. Орудий обнаружено всего восемь: два отщепа с ретушью, нож на отщепе, четыре скребка и скребок-скобель.

Из гранита и гнейса сделаны 23 изделия. Они делятся на две категории: гальки с оббивкой и отбойники, изготовленные на таких же гальках, имеющие забитость на одном или двух торцах. В основном они происходят из скопления Д, где зафиксирована большая часть кварцевых отщепов (Мурашкин, Городилов, 2022).

Историко-культурный контекст

Древности культуры шнуровой керамики, исследованные на поселении Галик 11, близки

к эстонскому варианту культуры шнуровой керамики, впервые выделенному Л. Янитсом (Янитс, 1959. С. 166, 348). Этот вариант распространен на территории Эстонии, в северной части Латвии, южной части Финляндии, на Карельском перешейке и западе Ленинградской области (Кривиска, Нордквист, 2021. Рис. 1.1). К нему относится большая часть кухонной посуды с поселения Галик 11. Вместе с тем три сосуда из раскопа 2021 г. принадлежат к общеевропейским древностям, слабо представленным на территории эстонской культуры шнуровой керамики. Это сосуд с волнообразными пальцевыми налестками и фрагменты сосудов с горизонтальным валиком.

На территории Эстонии, прилегающей к Нижнему Полужью, время бытования культуры шнуровой керамики определяется в пределах 2900/2800–2300/2000 лет до н. э. (Holmqvist et al.,

Таблица 3. Радиоуглеродные даты материалов с поселения Галик 11
Table 3. Radiocarbon dates of artefacts from the settlement of Galik 11

Индекс лаборатории	Материал	Радиоуглеродный возраст, ВС	Калиброванный возраст, ВС	
			Вероятность 68,3 %	Вероятность 95,4 %
Poz-140609	Нагар на сосуде	3800±30	2287 (61,5 %) 2200 2163 (6,7 %) 2152	2343 (95,4 %) 2138
Poz-140845	Кальцинированная кость	3830±30	2341 (10,2 %) 2319 2306 (58,0 %) 2204	2453 (4,6 %) 2419 2408 (7,2 %) 2374 2355 (80,6 %) 2197 2169 (3,1 %) 2148

2018. Р. 77; *Крийска, Нордквист*, 2021. С. 63, 64). При этом для ближайших к Галику 11 памятников культуры шнуrowой керамики Вяйке-Ропсу 1 и Россонь 1 получены достаточно поздние даты, относящиеся к рубежу III–II тыс. до н. э. (*Крийска, Нордквист*, 2021. Табл. 1). Находки с поселения Галик 11 2021 г. еще не датированы, однако для материалов 2020 г. получены две радиоуглеродные датировки AMS-методом, относящиеся ко второй половине III тыс. до н. э., то есть к финальному этапу существования культуры шнуrowой керамики в регионе (табл. 3).

Древности штрихованной керамики

В юго-восточной части раскопа 2021 г. были найдены фрагменты керамики со штрихами. Этот тип посуды не встречался ранее на поселениях на юго-восточном берегу Финского залива. Фрагменты образовывали скопление, уходящее в южный борт раскопа. Была сделана прирезка к раскопу, позволившая изучить дополнительный участок с концентрацией штрихованной керамики. В пределах раскопа размеры скопления составили до 20 м в направлении север–юг и до 15 м в направлении восток–запад.

В рассматриваемой части поселения найдены два очага и несколько ям. Очаг 1 на уровне первой фиксации представлял собой овальное пятно диаметром 0,9–1,0 м, располагался в яме глубиной до 0,35 м. Заполнение состояло из темно-серого гумусированного песка с углем и скопления камней со следами термического раскалывания. Камни имели размер до 10 см в поперечнике, они не образовывали цельной конструкции (рис. 8, 1, 2). В верхней части заполнения у западного края очага расчищено скопление керамики со штрихованной поверхностью, всего в заполнении очага 1 найдены 20 фрагментов (рис. 8, 3). Находки штрихованной керамики распространялись вокруг очага на расстояние до 10 м. Отдельная концентрация керамического материала была зафиксирована в 10 м к северо-западу от очага 1,

здесь найдено около 50 фрагментов штрихованной керамики на участке площадью около 1 кв. м. В 1,5 м к юго-западу от очага 1 были выявлены контуры ямы 1, заполненной серым гумусированным песком и фрагментами колотых камней. Размеры пятна составили 0,8 × 0,5 м, глубина — до 0,35 м, находок в заполнении не было. Данная яма, возможно, образует один комплекс с очагом 1.

Очаг 2 на верхнем уровне представлял собой пятно серого гумусированного песка размерами 0,9 × 0,7 м. Заполнение — серый гумусированный песок с углями, несколько камней и несколько обгорелых деревянных плашек. Глубина ямы, в которой располагался очаг, — до 0,7 м (рис. 8, 4, 5). В заполнении найдены 10 фрагментов керамики со штрихованной поверхностью и железный пинцет (рис. 8, 6). На расстоянии около 1,5 м к северо-западу и к юго-западу от очага 2 исследованы две подовальные ямы (3 и 5), заполненные серым гумусированным песком, в одной из которых расчищены следы каменной забутовки. Размеры ям — 0,5 × 0,3 м, глубина ямы 3 — 0,15 м, ямы 5 — 0,35 м. Возможно, ямы являются столбовыми и маркируют остатки конструкции, возведенной вокруг очага. К югу и к юго-западу от очага 2 вплотную к нему исследованы еще две ямы, заполнение которых было частично уничтожено при сооружении очага 2 — ямы 4 и 6. Размеры ямы 4 — 0,4 × 0,6 м, глубина 0,4 м, ее восточная половина частично уничтожена при строительстве очага 2. Размеры ямы 6 — 0,8 × 0,8 м, глубина 0,6 м, ее северная часть также была уничтожена очагом 2. Заполнение обеих ям — серый гумусированный песок с обильной примесью углей. Ямы, возможно, представляют собой остатки более ранних очагов, существовавших на этом же месте.

Найденная в данной части раскопа штрихованная керамика (рис. 9) представлена значительным количеством фрагментов — 805, среди них около 90 фрагментов венчиков, 15 — донец. Отличительной особенностью данного типа керамики являются характер внешней обработки

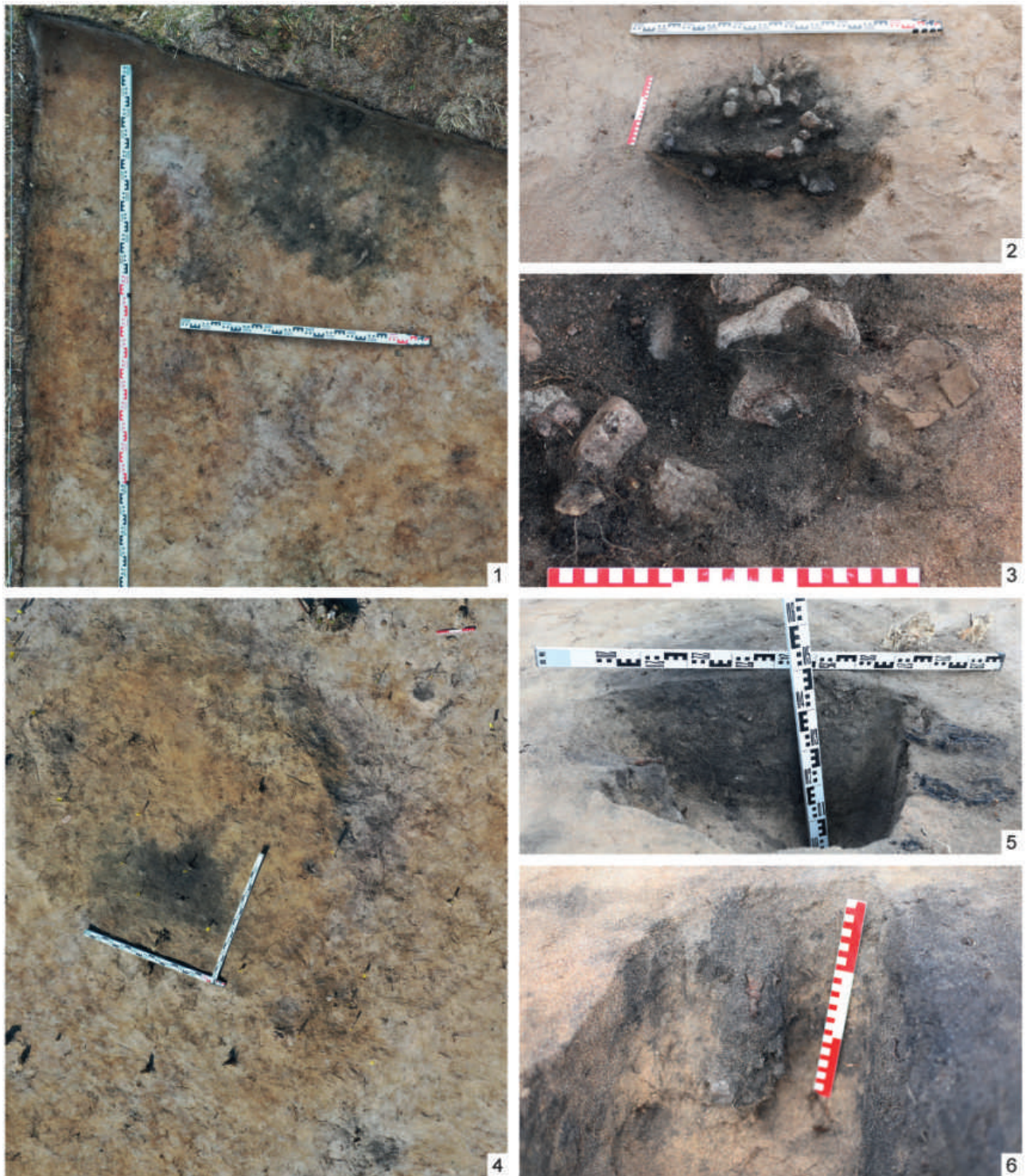

Рис. 8. Поселение Галик 11. 1 — очаг 1 до начала разборки; 2 — разрез очага 1; 3 — фрагмент штрихованной керамики в очаге 1; 4 — очаг 2 до начала разборки; 5 — разрез очага 2; 6 — железный пинцет *in situ*

Fig. 8. Settlement Galik 11. 1 — fireplace 1 prior to its excavation; 2 — section of fireplace 1; 3 — fragment of hatched ware inside fireplace 1; 4 — fireplace 2 prior to its excavation; 5 — section of fireplace 2; 6 — iron pincers *in situ*

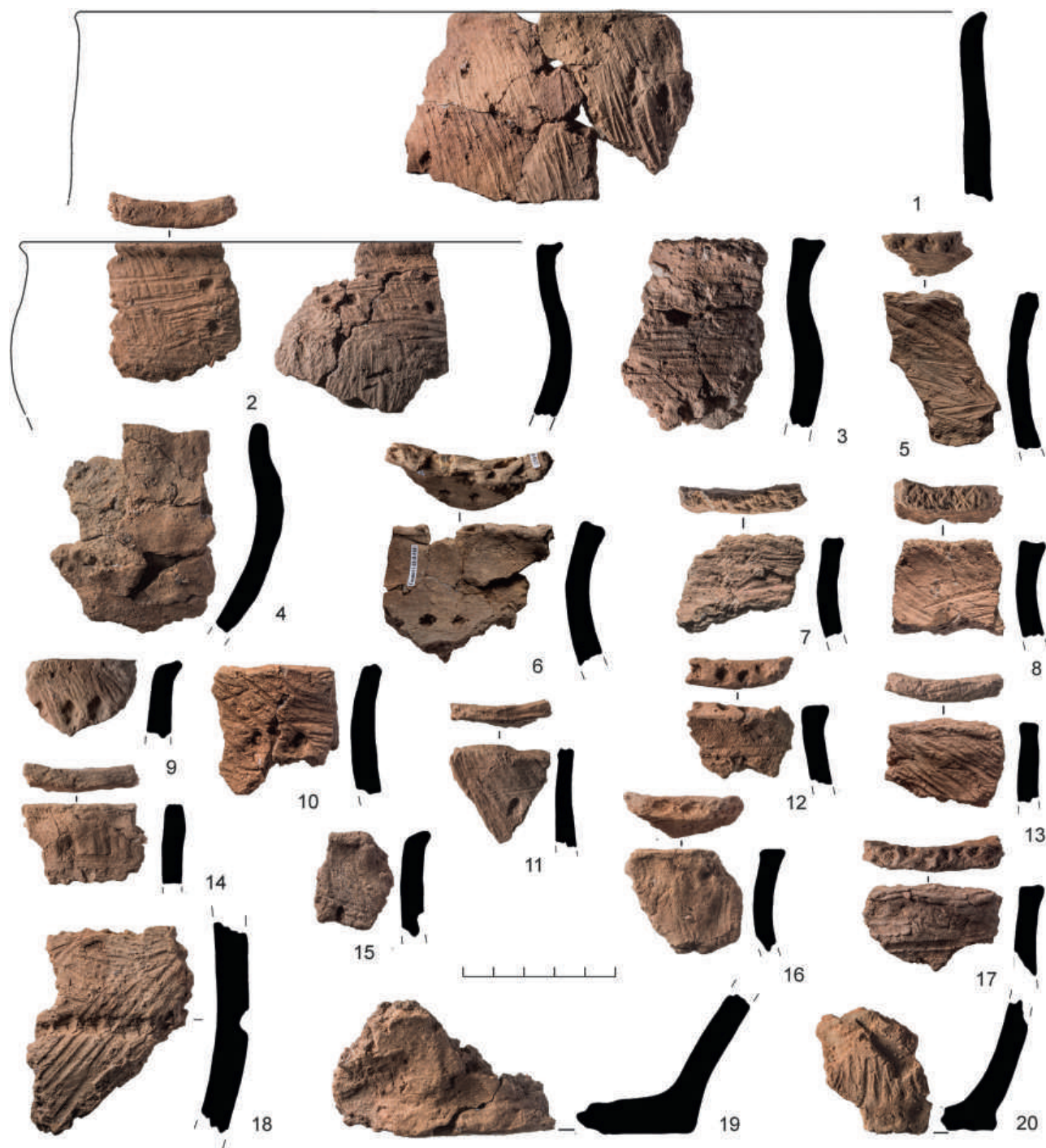

Рис. 9. Поселение Галик 11. Фрагменты штрихованной керамики (рисунок О. А. Наумовой, фото И. Г. Самоварова)
Fig. 9. Settlement Galik 11. Fragments of hatched ware. Drawing by O. A. Naumova, photo by I. G. Samovarov

поверхности и состав формовочной массы. Поверхность большинства сосудов покрыта штрихами, но встречаются и гладкостенные. Керамика слеплена из глины с примесью дресвы, размеры фракции в основном 0,5–0,8 см, до 1 см.

Среди собранных фрагментов верхних частей можно выявить не менее 14 сосудов, однако они представлены относительно небольшими обломками. Внешняя поверхность 12 сосудов штрихованная, штрихи расположены вертикально или диагонально, на некоторых черепках штриховка проводилась одновременно в разных направлениях. Внутренняя поверхность большинства сосудов гладкая, у двух также зафиксирована штриховка на внутренней поверхности. Два сосуда имеют гладкую внешнюю и внутреннюю поверхности.

Сосуды имеют плавный S-видный или прямой профиль, тулово округлое. Срез венчика может быть уплощен или иметь округлую форму. Толщина стенок большинства сосудов 0,5–0,8 см. В трех случаях можно определить диаметр верхних частей — он составил 18, 20 и 30 см. Сохранились отдельные обломки донца. Диаметры определимых фрагментов: 6, 9 и 20 см.

Верхняя часть и/или срез венчика некоторых сосудов орнаментированы ямками. Ямки (или тычки) имеют неправильную форму — подокруглую, подовальную, подтреугольную, образуют группы из трех-четырех ямок. Ряд ямок по срезу венчика украшает четыре сосуда, на двух — зафиксированы ряды отпечатков мелких ямок, напоминающих штамп «веревочка, намотанная на палочку».

Вокруг очагов 1 и 2 помимо фрагментов керамических сосудов найдено несколько кальцинированных костей. Здесь же обнаружены обломок лезвия шлифованного топора и несколько фрагментов абразивных плиток.

Штрихованная керамика, выявленная в раскопе, по своим типологическим особенностям относится к кругу культур раннего железного века и известна на обширных территориях лесной зоны Восточной Европы. Ближайшими памятниками со штрихованной керамикой являются могильники культуры таранд (могильники с каменными оградками), расположенные вдоль северного края Ижорской возвышенности и удаленные на расстояние около 30 км от поселения Галик 11. Здесь в могильниках Керстово 1, Малли, Великино найдено несколько сосудов, внешняя поверхность которых покрыта штриховкой (Юшкова, 2010. Рис. 3, 6; Юшкова, Кулешов, 2010. Рис. 14, 6–8, 11; Юшкова и др., 2015. Рис. 5, 2–11). На сосуде

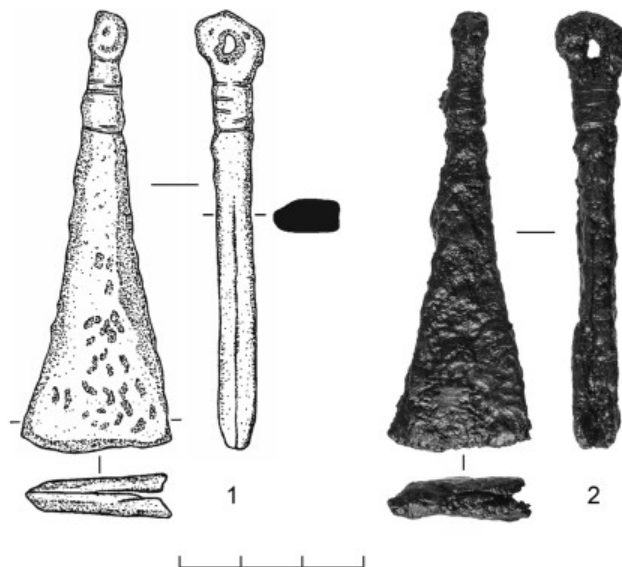

Рис. 10. Поселение Галик 11. Железный пинцет (рисунок О. А. Наумовой (1), фото И. Г. Самоварова (2))
Fig. 10. Settlement Galik 11. Pincers, iron. Drawing by O. A. Naumova (1), photo by I. G. Samovarov (2)

из Великино в районе максимального расширения тулова нанесен орнамент в виде ряда неглубоких ямок. Керамика из тарандов не полностью идентична, но является близкой аналогией рассматриваемому типу посуды. При сравнении необходимо учитывать, что керамика в погребениях могла изготавливаться специально для них и несколько отличаться от повседневной посуды.

На краю ямы, в которой располагался очаг 2, помимо керамики найден железный пинцет (рис. 10). Пинцет сохранился полностью, его длина составила 7,1 см, максимальная ширина лопастей 2,3 см, ширина в верхней части ушка 0,6 см. Под ушком сохранились следы проволоки, которой он был обмотан. Ближайшей группой памятников, где встречаются железные пинцеты, так же как и для штрихованной керамики, являются таранды. Железные пинцеты найдены в группе тарандов Ижорской возвышенности в составе погребального инвентаря могильника Малли раннеримского времени. Могильник Малли содержит также пласт древностей третьей четверти I тыс. н. э., и не исключено, что пинцеты на этом памятнике могут быть связаны с данным этапом его функционирования. Однако пинцеты считаются типичной, хотя и относительно немногочисленной группой находок, для тарандов римского времени на территории соседней группы тарандов в Эстонии (Lang, 2007. S. 215). Основываясь на этих аналогиях, можно предположить датировку

для комплекса керамики со штрихами и пинцета раннеримским временем, однако нельзя исключать и более широкую дату в пределах последних веков до н. э. — первых веков н. э.

Поселения раннего железного века Ленинградской области практически не изучены. Следы одного из них выявлены на Охтинском мысу (*Сорокин и др.*, 2011). Здесь найдена гладкостенная и штрихованная керамика раннего железного века. Один из фрагментов является венчиком гладкостенного сосуда с плавным S-видным профилем, орнаментированным группами из четырех ямок по плечу и рядом ямок на срезе венчика, имеет примесь песка. От другого горшка сохранились фрагменты верхней части сосуда баночной формы, внешняя поверхность которого покрыта штриховкой, в глиняное тесто добавлена примесь дресвы. Данный тип керамики представляет прямую аналогию некоторым находкам поселения Галик 11.

На этом же участке Охтинского мыса в процессе разборки погребенной почвы найдены очаги раннего железного века. Выявлено три очага, выложенных камнем. Очаги имели округлую форму, диаметр около 0,9–1,0 м, рядом с одним из них расчищена хозяйственная яма. Погребенная почва и очаг 1 по трем радиоуглеродным образцам датированы рубежом эр — первыми веками н. э. Данное поселение является близкой аналогией комплексу со штрихованной керамикой поселения Галик 11 и по типологическим особенностям найденной здесь керамики, и по сходству обнаруженных комплексов, представленных на обоих поселениях округлыми очагами диаметром около 0,9–1,0 м с камнями и ямами.

Еще один комплекс со штрихованной керамикой найден на поселении Лавансаари на о. Мощный, входящем в группу Внешних островов Финского залива (*Городилов, Раззак*, 2020. С. 240–242; *Razzak*, 2021). Здесь встречен выложенный камнями очаг, он располагался в яме диаметром около 1,0 м, глубиной до 0,4 м. В заполнении очага и в культурном слое рядом с ним обнаружено несколько десятков фрагментов штрихованной керамики с примесью дресвы. Датировка этого комплекса не совсем ясна — группа радиоуглеродных дат материалов из очага и культурного слоя показала два диапазона в пределах эпохи бронзы и раннего железного века. Одна из дат получена по нагару на керамике, если считать ее приоритетной, то керамику поселения Лавансаари следует датировать около 161–55 гг. до н. э. (2102±30 Нela-4803). Она может рассматриваться как одна из аналогий находкам с поселения Галик 11.

Севернее, в прибрежной Финляндии, известна группа керамики морбю, обладающая определенным типологическим сходством со штрихованной керамикой поселения Галик 11 — горшки имеют S-видную форму, минеральную примесь, на их штрихованной поверхности присутствует орнамент, образованный ямками, тычками, отпечатками «веревочки, намотанной на палочку», встречается орнаментация среза венчика. Общая датировка керамики типа морбю — конец эпохи бронзы — раннеримское время (*Edgren*, 1999; *Lavento*, 2001. S. 117; *Asplund*, 2004).

Керамика со штрихованной поверхностью также известна на памятниках раннего железного века Приильменья — Городок на Ловати, Холопий городок, Кобылья голова, Бронницкое городище и др. (*Юшкова*, 2011). Орнаментация ямками среза венчика более характерна для гладкостенной керамики раннего железного века Приильменья, встреченной на поселениях Мшага и Васильевское. Однако хорошо датированные комплексы с подобной керамикой отсутствуют, поэтому здесь также возможна широкая датировка в пределах раннего железного века.

Выводы

В результате раскопок 2021 г. определены четыре культурно-хронологические группы материалов позднего неолита — раннего железного века (IV тыс. до н. э. — первые века I тыс. н. э.), среди них значительная часть находок — 85 % от общего числа керамических фрагментов — относится к культуре шнуровой керамики. Часть выявленных групп (гребенчато-ямочная и шнуровая керамика) уже была известна по раскопкам 2020 г., другие группы зафиксированы на памятнике впервые (поздняя гребенчатая и штрихованная керамика). Благодаря большой площади раскопа удалось разделить планиграфически разные группы материалов. Для большинства групп изучены скопления находок и связанные с ними объекты — очаги, кострища и ямы.

Концентрация гребенчато-ямочной керамики связана с объектами, которые интерпретированы как комплексы для тепловой обработки мяса. Эта группа материалов наиболее ранняя и датируется в пределах начала — середины IV тыс. до н. э.

Находки поздней гребенчатой керамики немногочисленны и изучены на памятнике впервые. Они датируются в широком диапазоне — IV–III тыс. до н. э., а по некоторым данным — вплоть до начала II тыс. до н. э., и могут быть синхронны материалам культуры шнуровой керамики.

Древности культуры шнуровой керамики являются наиболее многочисленной группой находок в раскопе 2021 г. Удалось не только получить значительную коллекцию шнуровой посуды и впервые выявить характерный орудийный набор, но и исследовать ряд скоплений материала, оставленного носителями культуры шнуровой керамики. В наиболее значительном по площади и количеству находок скоплении Д даже удалось обнаружить пятна литологически выраженного культурного слоя, что нехарактерно не только для остальных скоплений со шнуровой керамикой поселения Галик 11, но и для большинства памятников этого времени юго-восточного берега Финского залива в целом. Можно предполагать, что данное скопление сформировалось в результате более длительного проживания людей здесь, чем на местах других скоплений. Вопрос о хронологическом соотношении исследованных комплексов до получения радиоуглеродных датировок не может быть решен, однако уже сейчас можно говорить о том, что материалы скоплений А–Г маркируют многократное кратковременное посещение памятника носителями культуры шнуровой керамики, а материалы скопления Д сформировались в процессе относительно долговременного периода пребывания.

Полученные по результатам раскопок 2020 г. радиоуглеродные даты указывают на вторую половину III тыс. до н. э.

По данным 2020 г. следующей хронологической группой являются древности культуры сетчатой керамики конца II — начала I тыс. до н. э. В раскопе этого сезона подобная группа представлена лишь единичными обломками.

Впервые выявлена группа материалов со штрихованной керамикой раннего железного века. Поселения этого времени в регионе ранее не были известны. Ближайшие аналогии можно найти в погребальных древностях раннего железного века, известных по культуре могильников с каменными оградками (тарандов). Они расположены на 30–50 км южнее в иных топографических условиях — на Ижорской возвышенности. Судя по раскопанному участку, поселение раннего железного века не было долговременным. Здесь сооружались очаги и хозяйственные ямы рядом с ними, однако насыщенность находками не очень высокая, литологически выраженный культурный слой не сформирован.

Раскопки поселения Галик 11 2021 г. позволили не только существенно расширить имеющиеся сведения о уже известных группах древностей поселения, но и выявить новые.

Городилов, Раззак, 2020 — *Городилов А. Ю., Раззак М. А.* Новые памятники эпохи бронзы в регионе Финского залива. Археологические исследования 2017–2019 гг. // *АВ. 2020.* Вып. 28. С. 233–248.

Городилов, Раззак, 2021 — *Городилов А. Ю., Раззак М. А.* Результаты раскопок поселения Галик 11 в 2020 г. // *АВ. 2021.* Вып. 31. С. 163–178.

Крийска, Нордквист, 2021 — *Крийска А., Нордквист К.* Эстонская культура шнуровой керамики (2800–2000 кал. лет до н. э.) // *Тверской археологический сборник.* Тверь: Триада, 2021. Вып. 12. С. 56–71.

Мурашкин, Городилов, 2022 — *Мурашкин А. И., Городилов А. Ю.* Каменная индустрия культуры шнуровой керамики поселения Галик 11 из раскопок 2021 года (нижнее Полужье) // *Изделия из камня и кости в культурах неолита: Материалы симпозиума (Санкт-Петербург, 16–18 мая 2022 г.).* СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 37–39.

Нордквист, Мёккёнен, 2015 — *Нордквист К., Мёккёнен Т.* Переосмысление типичной гребенчатой керамики по А. Эйрпя // *Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологи-*

ческих исследований / Г. А. Хлопачев (ред.). СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 207–217.

Памятники..., 2019 — *Памятники каменного века российской части Нарвско-Лужского междуречья /* Под ред. Д. В. Герасимова. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 200 с.

Сорокин и др., 2011 — *Сорокин П. Е., Короткевич Б. С., Гукин В. Д.* Находки эпохи бронзы — раннего средневековья на Охтинском мысу // *Европейская Сарматия: XIV чтения памяти Анны Мачинской /* Отв. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 368–382.

Юшкова, 2010 — *Юшкова М. А.* Новая группа памятников культуры могильников с каменными оградками (die Tarandgräberkultur) на западе Ижорской возвышенности // *Диалог культур и народов средневековой Европы /* Отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвоцинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 316–329.

Юшкова, 2011 — *Юшкова М. А.* Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — *Археология /* ИИМК РАН. СПб., 2011. 386 с.: ил. // *РГБ ОД, 61 11-7/520.*

Юшкова, Кулешов, 2010 — *Юшкова М. А., Кулешов В. С.* Кёрстово 1 — новый могильник

- эпохи римских влияний на северо-западе России // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 2, вып. 1 / Ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 231–253.
- Юшкова и др., 2015 — Юшкова М. А., Григорьева О. В., Григорьева Н. В. Раскопки могильника Малли в 2013 г. // АИППЗ. М.; Псков; СПб.: ИА РАН, 2015. Вып. 30. С. 245–258.
- Янитс, 1959 — Янитс Л. Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин: АН ЭССР, Институт истории, 1959. 382 с.
- Asplund, 2004 — Asplund H. Problems of Pre-roman Iron Age radiocarbon dating — an example from SW Finland // Fenno-Ugri et Slavi 2002. Dating and Chronology. Helsinki: Finnish National Board of Antiquities, 2004 (Museoviraston arkeologian osaston julkaisu; No. 10). P. 9–14.
- Edgren, 1999 — Edgren T. Alkavan rautakauden kulttuurikuva Länsi-Suomessa // Pohjan poluilla: Suomalaisen juuret nykytutkimuksen mukaan. Helsinki: Suomen Tiedeseura, 1999 (Bidrag kannedom av Finlands Natur och Folk; No. 153). S. 311–333.
- Europaes-Äyräpää, 1930 — Europaes-Äyräpää A. Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland // Acta Archaeologica. 1930. Vol. 1. S. 165–190, 205–220.
- Holmqvist et al., 2018 — Holmqvist E., Larsson Å. M., Kriiska A., Palonen V., Pesonen P., Mizohata K., Kouki P., Räisänen J. Tracing grog and pots to reveal neolithic Corded Ware Culture contacts in the Baltic Sea region (SEM-EDS, PIXE) // Journal of Archaeological Science. 2018. No. 91. P. 77–91.
- Kriiska et al., 2016 — Kriiska A., Gerasimov D., Nordqvist K., Lisitsyn S., Sandell S., Kholkina M. Stone Age Research in the Narva–Luga Klint Bay Area in 2005–2014 // New Sites, New Methods: Proceedings of the Finnish-Russian Archaeological Symposium (Helsinki, 19–21 November, 2014) / Eds. P. Uino, K. Nordqvist. Helsinki: Finnish antiquarian society, 2016 (ISKOS; Vol. 21). P. 101–115.
- Lang, 2007 — Lang V. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007 (Estonian Archaeology; Vol. 3). 298 p.
- Lavento, 2001 — Lavento M. Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus. Helsinki: Finnish antiquarian society, 2001 (SMYA-FFT; Vol. 109). 410 s.
- Razzak, 2021 — Razzak M. A. Archaeological survey of the Outer Islands of the Gulf of Finland in 2019–2021 // Materiality and Objects: Multi-disciplinary Approaches to Archaeological Material and Contexts. Helsinki: Finnish antiquarian society, 2021 (ISKOS; Vol. 24). P. 102–113.
- Razzak, 2022 — Razzak M. A. Textile ceramics from the site of Galik 11 after materials from excavations of 2020 (south-eastern coast of the Gulf of Finland) // Oodeja Mikalle. Juhlakirja professori Mika Lavenolle hänen täyttäänsään 60 Vuotta. Helsinki, 2022 (MASF; Vol. 10). P. 129–138.

Results of excavation at the settlement site of Galik 11 in 2021

A. Yu. Gorodilov, M. A. Razzak⁴

Keywords: settlement, south-east of the Gulf of Finland, Neolithic, Corded Ware culture, hatched ware.

Settlement of Galik 11 is situated on the lower Luga River in the south-eastern area of the Gulf of Finland. It is tied with the Galik palaeo-spit ranged along the western slope of the Kurovitsy Plateau at the distance of 0,7 km from the right bank of the Luga River. The excavations at the site were started in 2020 and 1550 sq. m were then investigated. The excavation of 2021 was located 100 m to the north from the place of the precedent works and had an area of 2,456 sq. m. The investigation yielded materials of different cultural and chronological groups while the predominant majority of the finds belong to the Corded Ware culture (86 % of fragments of the pottery). The finds from different periods were planigraphically separated.

The antiquities of the Pit-Comb Ware ceramic tradition (first half — middle of the 4th mil. BC) are dated to the earliest stage of the settlement of this territory. Fragments of at least two vessels of this type have been found. They lay within the limits of a single area where the majority of pottery fragments, an accumulation of stones, a fireplace, and a pit were revealed. Rather rare finds of this type ware were retrieved also from the excavation of the previous

⁴ Andrey Yu. Gorodilov, Maria A. Razzak — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: ramapitec@yandex.ru; marija_ju@mail.ru.

year. Fragments of the later comb pottery represent a Neolithic type ware previously unknown at the settlement. They belonged to two different jars.

The antiquities of the Corded Ware culture from the excavation of the previous year are radiocarbon dated to the second half of the 3rd mil. BC. At the excavation of 2021, they formed five distinct accumulations. Accumulation “Д” was the largest and richest in finds being found near the western edge of the excavation area and the seaward bank. Its dimensions were about 35 × 10 m. It contained the remains of a bonfire and traces of a cultural layer lithologically expressed in the form of humic spots. Here, fragments of pottery were found as well as a series of stone abrasives, some stone artefacts related to production of quartz tools, and three fragments of drilled stone axes. The other accumulations were of a lesser area; in three of them a fireplace and remains of a bonfire were found.

Totally at least 73 vessels have been revealed belonging to the corded ware. They contained admixtures of burnt organics constituting chaotically arranged cavities left by thin fibres and small caverns. The majority of the vessels were kitchen ware represented by examples of two types: weakly profiled broad-mouthed flat-bottomed jars and broad-mouthed flat-bottomed examples with a slightly marked S-like profile. Also fragments of a few miniature thin-walled vessels were present. The predominant majority of the pottery was decorated with imprints of cord, impressed lines, pits and prickings.

At the settlement of Galik 11, antiquities of the Early Iron Age with hatched ware were first revealed. They were found in the south-eastern section of the excavation around two fireplaces. At least 14 vessels have been identified; in addition, a pair of iron pincers were retrieved. Some of the pots were decorated with pits ranged in a row on the cut of the rim or in groups on the upper body of the vessels. The closest parallels to these finds are represented by antiquities found in *tarand* burial cemeteries (burial grounds with stone fences around the graves) located on the Izhora Heights 30–50 km from the site of Galik 11.

The two years of excavation have resulted in obtaining reference assemblages for different cultural and chronological groups of population of the region under study from the Neolithic epoch until the Early Iron Age.

Посуда цедмарской культуры: технологический аспект (на основании керамики памятника Цедмар Д, Юго-Восточная Прибалтика)¹

Е. С. Ткач, М. А. Кулькова, В. Я. Шумкин²

Аннотация. В статье представлены результаты изучения технологии изготовления керамики на поселении Цедмар Д (Калининградская область, Юго-Восточная Прибалтика). Схожие по технологии и хронологии сосуды прослеживаются среди материалов Южной Польши (поздний этап припятно-неманской культуры — памятники типа Дубичай), а также среди материалов культур воронковидных кубков. Широкое распространение примеси раковины в тесте сосудов может быть связано с влиянием традиции населения нарвской культуры.

Ключевые слова: лесной неолит, цедмарская культура, Юго-Восточная Прибалтика, технология изготовления керамики, петрографический анализ.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-32-41

Введение

Возникновение керамического производства в Юго-Восточной Прибалтике связано с материалами цедмарской культуры, памятники которой были выявлены здесь в начале XX в. Их уникальность, по мнению исследователей, обусловлена сочетанием нескольких культурных традиций, распространявшихся с востока и запада, что проявилось, в том числе, и в керамике: ее морфологии, орнаментации и технологии. Этноархеологические работы, проводимые многими исследователями как России, так и иных стран, подтверждают важность изменения технологии изготовления посуды, так как она является одной из наиболее консервативных стадий производства и менее подвержена спорадическим изменениям. В данной работе рассматривается технология

изготовления керамики цедмарской культуры, выявленной на памятнике Цедмар Д в Калининградской области.

Керамика цедмарской культуры: подходы к изучению и интерпретации

Памятники в пределах Цедмарского торфяника впервые были выявлены археологом-любителем генерал-майором К. Штади (*Тимофеев*, 2003). Среди них к каменному веку можно отнести два — Цедмар А и Цедмар Д. Исследования на них были проведены в 1905–1914 гг. К сожалению, полученные в ходе этих работ материалы и полевые записи на данный момент утрачены. Сохранилась небольшая заметка, в которой кратко опубликованы наиболее значимые, по мнению К. Штади, материалы (*Stadie*, 1921). Важно отметить, что исследователи отмечали низкий уровень проведения полевых работ К. Штади (*Šturms*, 1970. С. 77; *Стрелковский*, 2011. С. 89), поэтому к опубликованным данным следует относиться критически.

Керамика цедмарских памятников описана в книгах В. Гэрте: «Керамика каменного века Восточной Пруссии» (*Gaerte*, 1927) и «Доистория Восточной Пруссии» (*Gaerte*, 1929). В монографии 1927 г. приведено большое количество находок с поселений Цедмарской группы из раскопок

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 22-28-01270 «Появление и развитие основ керамического производства в приморских районах Северной Европы»).

² Ткач Е. С., Шумкин В. Я. — ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: evgeniia.tkach@gmail.com; shumkinv@yandex.ru. Кулькова М. А. — Российский гос. педагогический университет им. А. И. Герцена; e-mail: kulkova@mail.ru.

К. Штади. В. Гэрте выделил несколько культур на основании керамики: ранний неолит Эртебелле, культуры воронковидных кубков, шаровидных амфор, гребенчатой и шнуровой керамики.

Посуда цедмарской культуры была опубликована и в работах В. Ля-Бомма, Х. Боне-Фишер (*La-Baume*, 1924; *Bohne-Fischer*, 1941). Цедмарские материалы также включены в монографию Э. Штурмса «Культуры каменного века Балтики» (*Šturms*, 1970).

Одной из основных причин, по которым эти материалы были востребованы исследователями, является сочетание нескольких традиций в керамике цедмарской культуры. Прежде всего это состав примесей (отощителей). В изучаемых материалах выделяются две группы: с минеральной и органической примесью. Первая (примесь дресвы) характерна для неолитических культур Центральной и Северной Европы, а вторая (примесь ракушки) — для нарвской культуры, распространенной в Восточной Европе с конца VI до середины IV тыс. до н. э. Обе группы залегают в одном культурном слое совместно, об их хронологической близости также свидетельствуют радиоуглеродные даты (*Timofeev et al.*, 1994. P. 127, fig. 1; *Timofeev и др.*, 1998. С. 73).

Другим важным фактором является морфология сосудов (форма донцев). Для цедмарских материалов характерны плоские донца, округлые единичны. В неолите Центральной Европы плоские донца преобладают, в то время как для нарвской культуры характерны исключительно приостренные и округлые донца.

Таким образом, на основании керамических материалов исследователи прослеживали влияния земледельческих культур Центральной и Северной Европы с запада и культур охотников-собирателей Восточной Европы с востока.

Невозможность повторного изучения керамической коллекции материалов цедмарской культуры, полученных в ходе работ К. Штади, привела к приостановке разработки данного направления. К этой проблеме исследователи смогли вернуться только после начала полевых работ на памятниках Цедмар Д и Цедмар А в Калининградской области.

В 1969 г. под руководством П. М. Долуханова и при участии В. И. Тимофеева в рамках Палеогеографического отряда ЛОИА СССР проводились работы на небольшом участке для выявления наличия культурного слоя на памятнике Цедмар Д. Им удалось выявить и границы раскопа К. Штади начала XX в., и обнаружить непо потревоженные культурные слои. В 1970–1980-х гг. были проведены

работы на памятниках Цедмар А и Цедмар Д, открыты две новые стоянки с цедмарскими материалами — Утиное Болото I, II (*Тимофеев*, 1998). В результате работ Э. Б. Зальцмана зафиксированы новые памятники данной культуры: Прибрежное, Ушаково 2, 3 (*Зальцман*, 2017).

Изучение цедмарских материалов также проводилось (и проводится до сих пор) польскими коллегами. В. Гуминьски изучал многослойный памятник Дудка в прибрежной части Польши, где выявлены материалы как мезолитического времени, так и неолита (паранеолита) — цедмарской культуры. Памятники с идентичными цедмарскими материалами также обнаружены и в Северо-Восточной Польше — Щепанки 8, 8А (*Gumiński*, 2003; 2011).

Схожесть как керамических материалов, так и костяных и каменных изделий позволила исследователям выделить цедмарскую культуру. Она сформировалась в результате культурного влияния со стороны нарвской и неманской культур с востока и культур воронковидных кубков с запада. Однако о роли каждой из них в сложении цедмарской культуры до сих пор ведутся дискуссии (*Тимофеев*, 1998. С. 274; *Gumiński*, 2001; 2020. P. 129, 149, 150).

В результате новейших исследований польским коллегам удалось зафиксировать ранний вариант цедмарской культуры (*Gumiński*, 2020). Для него характерно существование двух групп керамики: без примеси дресвы и с нею. Добавление болотного хвоща (*Equisetum fluviatile*), который может являться естественной примесью, в состав формовочного теста посуды характерно для обеих групп (намного реже — примесь шамота). Примесь раковины (22 % для ранних материалов памятника Щепанки (сектор Е), 40 % — для ранних материалов памятника Дудка), по мнению исследователей, также может являться естественной. Вторая группа характеризуется примесью в формовочное тесто мелко- и крупнодробленой дресвы, которая преобладает среди материалов раннего этапа цедмарской культуры. Зачастую сосуды изготавливались в ленточной технике с Н-креплением лент, намного реже (в большей степени с органической примесью) встречается Н-крепление лент (*Gumiński*, 2020. С. 132). Поверхность посуды заглаживалась, на керамике с примесью дресвы чаще видны следы расчесов пучком травы.

Согласно полученным радиоуглеродным датам, судя по польским материалам, цедмарская культура может быть разделена на несколько этапов: ранний — 4500–4000 cal BC, классический — 4000–3500 cal BC, пост-Цедмар — 3500–2800 cal BC (*Gumiński*, 2020. С. 127).

Технология изготовления керамики поселения Цедмар Д

В ходе полевых работ под руководством В. И. Тимофеева была получена представительная коллекция материалов цедмарской культуры. Исследователем керамика разделена на две группы по составу примесей в формовочном тесте.

1. С минеральной примесью: «керамика толстенная (0,8–1,4 см) с примесью дресвы или кварцевого песка, в изломе середина фрагмента обычно черная. Внешняя, а часто и внутренняя поверхности светло-желтого или красноватого цвета, внутренняя поверхность обычно гладкая, на нескольких фрагментах заметны следы заглаживания инструментом наподобие гребенчатого штампа» (Долуханов и др., 1975. С. 78).

2. С органической примесью: «обломки тонкостенных сосудов (толщина стенок 0,4–1 см). Они имеют обильную примесь толченых раковин и растительности в тесте. Внешняя поверхность их желтоватая или коричневая, внутренняя — обычно более темная, гладкая» (Долуханов и др., 1975. С. 80).

Деление на две группы по составу отошителей в формовочной массе сосудов представляется оправданным, в связи с чем анализируемая керамика также разделена на две аналогичные группы: с органической и с минеральной примесью.

Всего проанализировано более 1000 фрагментов керамики как минимум от 241 сосуда (выделение отдельных горшков происходило по количеству венчиков, характеру орнаментации и технологии изготовления). Часть материала относится к позднему неолиту, и их описание здесь не приводится.

Петрографические исследования проведены для 32 фрагментов от сосудов цедмарской

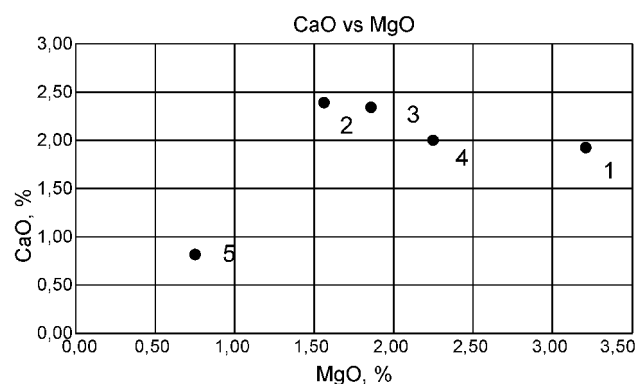

Рис. 1. Цедмар Д. Результаты рентгеноспектрального флуоресцентного анализа керамики

Fig. 1. Zedmar D site. Results of X-ray fluorescence analysis (XRF)

культуры. Также был использован рентгеноспектральный флуоресцентный анализ для четырех образцов керамики и одного образца глины рядом с цедмарским торфяником.

1. Состав формовочной массы. В ходе визуального анализа в сосудах первой группы (с органической примесью) удалось зафиксировать добавление раковины в сочетании с растительностью или только растительности. Для сосудов второй группы характерно добавление в керамику дресвы, дресвы с растительностью, а также дресвы и песка. Примесь растительности могла иметь как естественное, так и искусственное происхождение. Однако на некоторых сосудах отчетливо видны следы от выгоревших растительных примесей, что свидетельствует в пользу их искусственной добавки.

1.1. Рентгеноспектральный флуоресцентный анализ. Геохимический состав образцов керамики был получен методом XRF-WD. Можно отметить, что большинство изученных материалов сходны между собой (рис. 1). Состав современной глины, привлеченный к анализу, оказался не соответствующим глине, использованной для изготовления керамики цедмарской культуры. Следовательно, источник глины располагался на отдалении от памятника. Отдельно также выделяется образец керамики, который характеризуется повышенными значениями MgO и CaO. Петрографический анализ тоже свидетельствует о его «инородном» происхождении, однако этот вопрос требует дальнейшего изучения.

1.2. Петрографические исследования (рис. 2).

Среди сосудов с органической примесью выделяются две группы.

Группа 1:

— керамика изготовлена из тощих глин смектит-карбонатного состава, отошитель — дробленая раковина;

— керамика изготовлена из жирных глин смектит-карбонатного состава; отошитель — дробленая раковина.

Группа 2:

— керамика изготовлена из жирных глин гидрослюдисто-хлоритового состава; отошитель — измельченная растительность.

Сосуды с минеральной примесью делятся на три группы.

Группа 3:

— керамика изготовлена из тощих глин смектит-карбонатного состава; отошитель — дресва интрузивных пород (амфиболит, плагиогранит);

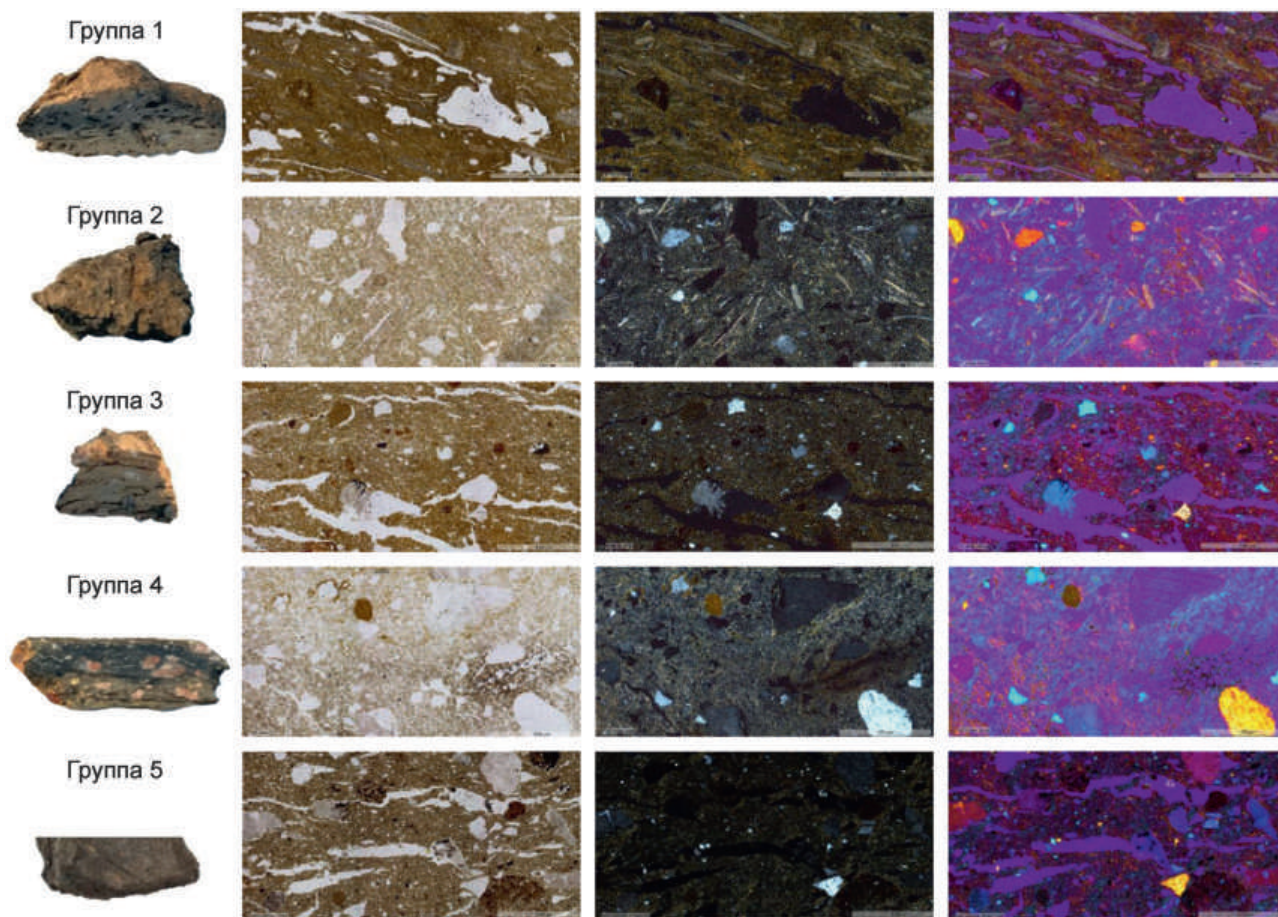

Рис. 2. Цедмар Д. Результаты петрографического анализа керамики (группы 1–5), микрофото: левая колонка — без анализаторов; средняя — в поляризационном свете; правая — в поляризационном свете с кварцевой пластинкой. Масштаб — 1000 мкм

Fig. 2. Zedmar D site. Results of petrographic analysis (groups 1–5), microphoto: left column — without analyzers; medium — in polarized light; right — in polarized light with a quartz plate. Scale — 1000 μm

— керамика изготовлена из жирных глин смектит-карбонатного состава; отощитель — дресва интрузивных пород (гранит-диориты);

— керамика изготовлена из жирных глин гидрослюдисто-каолининового состава; отощитель — дресва интрузивных пород (диориты).

Группа 4:

— керамика изготовлена из тощих глин смектитового состава; отощитель — дресва интрузивных пород (гранит-диориты) (25 %) + песок (15 %).

Группа 5:

— керамика изготовлена из жирных глин хлоритового состава; отощитель — дресва интрузивных пород (диориты) (25 %) + шамот (8 %).

Таким образом, для изготовления посуды с примесью раковины, растительности и дресвы носителями традиций цедмарской культуры использовались тощие и жирные глины смектит-карбонатного состава, а также жирные глины

гидрослюдисто-хлоритового состава (с растительностью) и гидрослюдисто-каолининового состава (с дресвой).

Для сосудов с примесью песка и дресвы встречается использование тощих глин смектитового состава, а для сосудов, в тесте которых присутствует дресва и шамот, — жирных глин хлоритового состава. Результаты петрографического анализа подтверждают единый источник сырья для изготовления посуды обеих выделенных групп. Обращает на себя внимание тот факт, что население использовало как тощую (слабой пластичности), так и жирную (высокой пластичности) глину. Необходимы дальнейшие исследования по поиску и анализу выходов глиняного сырья на Цедмарском торфянике для объяснения полученных результатов.

2. Техника лепки сосудов. Способы лепки посуды с органической и минеральной примесью

мало отличаются между собой. Сосуды изготавливались с помощью лент, которые соединялись внахлест с N-соединением (рис. 3, 1) (в нескольких случаях у сосудов с органической примесью прослеживается S-соединение). Венчик зачастую формировался с помощью дополнительной ленты, заходящей наружу (рис. 3, 3). В коллекции выявлено одно приотстренное донце с органической примесью, изготовленное из нескольких лоскутов глины (рис. 4, 6). Плоские донца сосудов с минеральной примесью формировались также с помощью нескольких лоскутов, наложенных друг на друга. В большинстве случаев для соединения донца и тулова сосуда использовалась дополнительная лента, с помощью которой создавался так называемый выступ у донца (рис. 4, 5). Толщина стенок сосудов с органической примесью в среднем составляет 7–10 мм (реже встречаются сосуды с толщиной стенок 13 мм), с минеральной — 8–13 мм.

3. Обработка поверхности. Как и техника лепки, обработка внутренней и внешней поверхностей посуды для групп с минеральной и органической примесями отличается незначительно. Следы разнонаправленных «расчесов» видны на внутренней поверхности (рис. 4, 2), однако в случае органической примеси (примесь ракушки) они зачастую были заглажены (рис. 3, 2). Внешняя поверхность также заглаживалась, однако «расчесы» часто видны на сосудах с минеральной примесью. Иногда для заглаживания внешней поверхности сосудов использовался штамп, оставляющий ровные горизонтальные линии. Они являлись не только технологической необходимостью, но и своеобразным орнаментом (рис. 4, 3).

4. Обжиг сосудов. Согласно данным петрографических исследований, для посуды цедмарской

культуры использовался костровой обжиг в окислительной среде. В некоторых случаях выявлен долговременный обжиг. Средняя температура — 600/650–700/750 °С.

Предварительные результаты

Анализ технологии изготовления керамики поселения Цедмар Д показал, что обе группы (с органической и минеральной примесями) мало отличаются между собой. Для изготовления сосудов применялась глина, выходы которой расположены вне пределов памятника и на удалении от него. В основном это тощие и жирные глины смектит-карбонатного состава. В качестве отощителей в образцах фиксировались как органические примеси (раковина, растительность), так и минеральные: дресва, шамот, песок. Примесь песка и шамота встречается намного реже.

Сосуды изготавливались в ленточной технике, при этом ленты соединялись внахлест (N-, S-соединения). Поверхность сосудов внутри и снаружи заглажена (в основном в посуде с примесью раковины), однако часто присутствуют следы разнонаправленных «расчесов». Обработка поверхности производилась до нанесения орнамента. Сосуды подвергались кратковременному костровому обжигу.

Таким образом, посуда двух групп цедмарской керамики мало чем отличается между собой, что, вероятно, свидетельствует об одновременности их существования. Подтверждением этому являются радиоуглеродные даты, полученные по нагару керамики с органической и минеральной примесями (табл. 1) (Тимофеев и др., 1998. С. 73). Отметим, что на поселении выявлено мало костей

Таблица 1. Список радиоуглеродных дат поселения Цедмар Д, полученных по нагару с керамики (все материалы откалиброваны с помощью OxCal 4.4 (Ramsey, Lee, 2013), атмосферная кривая IntCal 20 Reimer et al., 2020) и приведены с уровнем достоверности 95,4 % (диапазон 2σ))

Table 1. Zedmar D. List of ¹⁴C dates obtained from food crust (all materials calibrated using OxCal 4.4 (Ramsey, Lee, 2013), atmospheric curve IntCal 20 (Reimer et al., 2020), 95,4 % probability)

№	Возраст (BP)	Лабораторный индекс	Калиброванная дата 2σ (cal BC)	Примесь
1	5180±100	Ua-2375	4252–3765	Органическая
2	5120±100	Ua-2376	4073–3700	Органическая
3	5300±100	Ua-2377	4346–3951	Органическая
4	4950±90	Ua-2378	3534–3074	Органическая
5	4810±100	Ua-2381	3796–3366	Минеральная
6	5230±100	Ua-2382	4267–3898	Минеральная
7	5360±130	Ua-2383	4457–3946	Минеральная
8	5280±80	Ua-2384	4266–3961	Минеральная

Рис. 3. Цедмар Д. Фрагменты венчиков керамической посуды: 1, 2, 4 — с органической примесью; 3 — с минеральной примесью

Fig. 3. Zedmar D site. Fragments of rims of ceramic vessels: 1, 2, 4 — with organic admixture; 3 — with mineral admixture

рыб или изделий для их ловли, что может свидетельствовать о незначительной роли рыболовства. Следовательно, высока вероятность отсутствия резервуарного эффекта при датировании нагара на керамике (Кулькова и др., 2016; Kozicka, 2017).

Ближайшие аналогии

Сочетание двух совершенно отличных друг от друга примесей в посуде одной культуры несвойственно для неолита как лесной зоны Восточной Европы, так и для культур Центральной и Северной Европы.

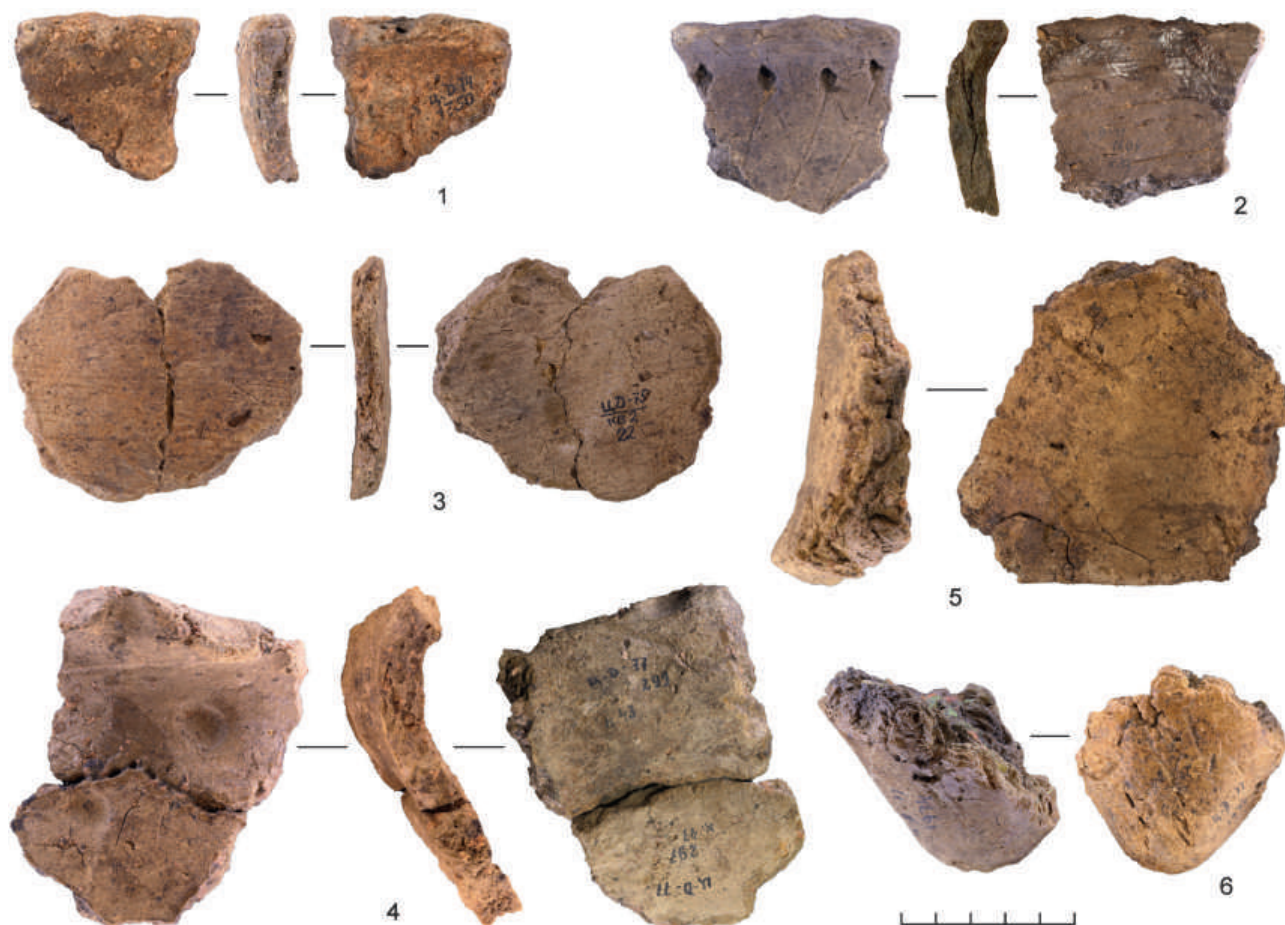

Рис. 4. Цедмар Д. Фрагменты керамической посуды (1, 2, 4 — венчики сосудов; 3 — стенка сосуда; 5, 6 — донца): 1–5 — с минеральной примесью; 6 — с органической примесью

Fig. 4. Zedmar D site. Fragments of ceramic ware (1, 2, 4 — rims of the vessels; 3 — vessel wall; 5, 6 — bottom parts): 1–5 — with mineral admixtures; 6 — with organic admixtures

Примесь раковины характерна для нарвской неолитической культуры, основной ареал распространения которой приходится на Прибалтику (Янитс, 1984; Zagorskis, 1973; Girininkas, 1985; Лозе, Луйва, 1989; Тимофеев, 1989; Brazaitis, 2002; Kriiska et al., 2017; Spataro et al., 2021), однако она выявлена и на территории Беларуси (Чернявский Макс., 2012; Чернявский Мих., 2014). Нарвские материалы обнаружены также в Польше (Courel et al., 2020. P. 5).

При изготовлении сосудов в ленточной технике в основном ленты соединены встык (U-соединение), однако прослеживаются случаи, когда на одном сосуде присутствует и U-, и N-соединение одновременно (Kriiska, 1996. P. 380).

Время бытования нарвской керамики в регионе Юго-Восточной Прибалтики относится к 5200–3500 cal BC (Piezonka, 2008. P. 98–100; Piezonka, 2012. P. 40, fig. 14).

Добавление в тесто сосудов органической примеси, на поздних этапах в сочетании с песком, шамотом или мелкой дресвой, выявлено на сосудах типа Дубичай (припятско-неманская культура). Основной территорией, где выявлены материалы этой культуры, являются Южная Литва, Западная Беларусь, северо-восточная часть Польши и юго-запад Украины (Воынь) (Ткачев, 2017. С. 110). Сосуды изготовлены в ленточной технике с S- и N-соединением лент.

Полученные радиоуглеродные даты (Piličiauskas, 2002. S. 127, fig. 23) свидетельствуют о том, что к середине V тыс. до н. э. керамика типа Дубичай уже сформировалась (по мнению Н. Пиецонка, возникновение данной керамики относится к первой четверти VI тыс. до н. э. — Piezonka, 2012. P. 42). Под влиянием культур нарвской (с востока) и воронковидных кубков (с запада) произошло ее изменение в регионе Южной Литвы с середины

V тыс. до н. э., что отразилось на составе формовочного теста — в тесте сосудов появляются минеральные примеси (*Piličiauskas*, 2002. Р. 117). При этом техника лепки сосудов не меняется.

Минеральные примеси в составе глиняных сосудов характерны для сосудов культуры воронковидных кубков. Для люпавской группы (Центральная Померания) культуры воронковидных кубков характерны примесь дресвы и песка, N-соединение лент при лепке сосуда. Возникновение люпавской группы относится к 4300 cal BC (*Wierzbicki*, 1999. С. 244). Хельмнская группа культуры воронковидных кубков (междуречье рек Вислы и Дрвенцы) характеризуется примесью как минеральной (дресва), так и органической (раковина). Исследователи связывают наличие смешанного состава формовочной массы близостью с «субнеолитическими» памятниками цедмарской культуры (Северо-Восточная Польша). Время существования хельмнской группы относится к периоду 4200/4100–2800 cal BC (*Adamczak et al.*, 2018. Р. 76).

Заключение

Анализ технологии изготовления керамических сосудов на поселении Цедмар Д указывает на единую традицию изготовления посуды. В большинстве случаев население использовало тощие и жирные глины смектит-карбонатного состава. В формовочное тесто в качестве отошителей чаще добавлялись минеральные примеси (около 65 %):

дресва (преобладает), шамот, песок. Однако также выявлены сосуды (около 35 %) с органической примесью (раковина, растительность). Для обеих групп керамики характерен ленточный способ лепки с N- и S-соединениями.

Согласно радиоуглеродным датам и хронологической колонке, выстроенной В. Гумински, материалы Цедмар Д относятся к развитому и позднему этапам цедмарской культуры, то есть к периоду 4000–2800 cal BC (*Guminski*, 2020. С. 127, 128). Это также подтверждается датами, полученными по нагару из анализируемой керамики (*Ткач, Кулькова*, 2020. С. 99, рис. 1).

Схожие по технологии и хронологии сосуды прослеживаются среди материалов Южной Польши (поздний этап припятно-неманской культуры — памятники типа Дубичай), а также среди материалов культур воронковидных кубков. Широкое распространение в тесте сосудов примесей толченых раковин может быть связано с влиянием традиции населения нарвской культуры (результаты петрографического анализа показывают их преднамеренное дробление и добавление в формовочное тесто; иное мнение см.: *Gumiński*, 2011. Р. 95).

Предстоящий анализ морфологии и орнамента керамики, а также прямое датирование нагара с помощью AMS-метода позволят более детально описать возможные аналогии и пути культурных связей на территории Юго-Восточной Прибалтики в среднем неолите.

Долуханов и др., 1975 — *Долуханов П. М., Тимофеев В. И., Левковская Г. М.* Стоянка Цедмар Д в Калининградской области // КСИА. 1975. Вып. 141. С. 76–83.

Зальцман, 2017 — *Зальцман Э. Б.* Вопрос о западной границе цедмарской культуры // Вестник Балтийского фед. ун-та им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1. С. 5–16.

Кулькова и др., 2016 — *Кулькова М. А., Синай М. Ю., Мазуркевич А. Н., Лебедева Л. М., Долбунова Е. В., Нестеров Е. М.* К оценке резервуарного эффекта на примере «эффекта жесткости воды» в Усвятском и Сертейском микрорегионах Днепро-Двинского междуречья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. / Сост. Г. И. Зайцева, О. В. Лозовская, А. А. Выборнов, А. Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 38–47.

Лозе, Лийва, 1989 — *Лозе И. А., Лийва А. А.* Хронология раннего неолита Восточной Прибалтики

(по материалам поселений) // *Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis*. 1989. No. 2 (499). С. 50–67.

Стрелковский, 2011 — *Стрелковский А. А.* История изучения неолитической культуры Цедмар // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей / Отв. ред. В. В. Сергеев, А. В. Золов, Ю. В. Костяшов, И. О. Дементьев. Калининград: Изд-во Российского ГУ им. И. Канта, 2011. Вып. 6. С. 86–93.

Тимофеев, 1989 — *Тимофеев В. И.* О локальных вариантах нарвской неолитической культуры // Тез. докл. конф. «Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействия культур. История и археология» / Ред. В. П. Петренко, Э. Ф. Эфендиев. Нарва: Нарвский городской музей, 1989. С. 9–11.

Тимофеев, 1998 — *Тимофеев В. И.* Цедмарская культура в неолите Восточной Европы // Тверской археологический сборник / Ред. И. Н. Черных, М. А. Ефимов. Вып. 3. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 1998. С. 273–280.

- Тимофеев, 2003 — Тимофеев В. И. История изучения памятников каменного века на территории Калининградской области в довоенный период // Проблемы балтийской археологии / Ред. Э. Б. Зальцман, Е. Ю. Голубева, И. О. Дементьев, Л. В. Сыроватко. Вып. 1. Калининград: Изд-во Калининградского ГУ, 2003. С. 4–13.
- Тимофеев и др., 1998 — Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., Поссернет Г. Радиоуглеродная хронология цедмарской неолитической культуры в Юго-Восточной Прибалтике // АВ. 1998. Вып. 5. С. 72–77.
- Ткач, Кулькова, 2020 — Ткач Е. С., Кулькова М. А. Керамические традиции на поселении Цедмар Д в свете радиоуглеродной хронологии // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее: Материалы междунар. конф., посвящ. 80-летию Г. И. Зайцевой / Ред. Н. Д. Бутова, А. А. Выборнов, М. А. Кулькова. СПб.: ИИМК РАН, РГПУ; Самара: СГСПУ, Порто-принт, 2020. С. 98–100.
- Ткачев, 2017 — Ткачев О. Ю. Ранненеолитическая керамика Западной Беларуси: современное состояние и перспективы изучения // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 110–116.
- Чернявский Макс., 2012 — Чернявский Макс. М. Культуры раннего и среднего неолита Белорусского Подвинья // Материалы и исследования по археологии России и Беларуси. Комплексное исследование и синхронизация культур эпохи неолита — ранней бронзы Днепровско-Двинского региона: Сб. ст. / Ред. Г. Н. Полевко. СПб.: Инфинити, 2012. С. 88–109.
- Чернявский Мих., 2014 — Чернявский Мих. М. Асавец 4 — ранненеолитическое поселение в Северной Беларуси // Проблемы балтийской археологии / Отв. ред. Э. Б. Зальцман. Калининград: Смартбукс, 2014. Вып. 2. С. 30–41.
- Янитс, 1984 — Янитс Л. Ю. Ранненеолитические культурные группы в Эстонии // Новое в археологии СССР и Финляндии: Доклады третьего Советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии (11–15 мая 1981 г.) / Ред. Б. А. Рыбаков. Л.: Наука, 1984. С. 16–21.
- Adamczak et al., 2018 — Adamczak K., Kukawka S., Małecka-Kukawka J. North-eastern periphery of the Eastern group of the Funnel Beaker culture — 80 years later // Papers and Materials of the Archaeological and Ethnographic Museum in Łódź. 2018 (Archaeological Series; No 47: 2016–2017). P. 69–90.
- Bohne-Fischer, 1941 — Bohne-Fischer H. Ostpreussens Lebensraum in der Steinzeit. Königsberg, 1941 (Schriften der Albertus-Universität. Nat.-Wiss. Reihe). Bd. 2. 156 s.
- Brazaitis, 2002 — Brazaitis D. Narviškos keramikos stiliai Rytų Lietuvoje // Lietuvos Archeologija. 2002. No. 23. S. 51–72.
- Courel et al., 2020 — Courel B., Robson H., Lucquin A., Dolbunova E., Oras E., Adamczak K., Andersen S., Astrup P., Charniauskis M., Czekaj-Zastawny A., Ezepeko I., Hartz S., Kabaciński J., Kotula A., Kukawka S., Loze I., Mazurkevich A., Piezonka H., Piličiauskas G., Sørensen S., Talbot H., Tkachou A., Tkachova M., Wawrusiewicz A., Meadows J., Heron C., Craig O. Organic residue analysis shows sub-regional patterns in the use of pottery by Northern European hunter-gatherers // Royal Society Open Science 7: 192016 [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1098/rsos.192016> (дата обращения: 19.08.2022).
- Gaerte, 1927 — Gaerte W. Die Steinzeitliche Keramik Ostpreussens. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1927. 99 s.
- Gaerte, 1929 — Gaerte W. Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg i. Pr.: Gräfe und Unzer, 1929. 406 s.
- Girininkas, 1985 — Girininkas A. Narvos kultūros raida // Lietuvos archeologija. 1985. No. 4. S. 119–134.
- Gumiński, 2001 — Gumiński W. Kultura zedmar. Na rubieży neolitu “zachodniego” // Od neolityzacji do początków epoki brązu: przemiany kulturowe w międzyrzeczu Odry i Dniepru między VI i II tys. przed Chr. / Eds. J. Czebreszuk, M. Kryvalcevič, P. Makarowicz. Poznań: Wydaw. Poznańskie, 2001. T. 2. S. 133–152.
- Gumiński, 2003 — Gumiński W. Szczepanki 8. Nowe stanowisko torfowe kultury Zedmar na Mazurach // Światowit: rocznik poświęcony archeologii przeddziewowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i słowiańskiej. 2003. T. 5 (46), № B. S. 53–104.
- Gumiński, 2011 — Gumiński W. Nowe wyjątkowe siedlisko osadnicze paraneolitycznej kultury Zedmar na wschodnim cyplu wyspy Szczepanki (sektor A) na Mazurach // Światowit: rocznik poświęcony archeologii przeddziewowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i słowiańskiej. 2011. T. 9 (50), № B. S. 87–144.
- Gumiński, 2020 — Gumiński W. The oldest pottery of the Para-Neolithic Zedmar culture at the site Szczepanki, Masuria, NE-Poland // Documenta Praehistorica. 2020. XLVII. P. 126–154.
- Kozicka, 2017 — Kozicka M. Absolute chronology of the Zedmar culture: rethinking radiocarbon dates // Geochronometria. 2017. T. 44. P. 256–268.
- Kriiska, 1996 — Kriiska A. The Neolithic Pottery Manufacturing Technique of the Lower Course of the Narva River // Coastal Estonia: Recent Advances in Environmental and Cultural History / Eds. H. Hackens, Sh. Hicks, V. Lang. Rixensart: PACT Belgium, 1996. P. 373–384.
- Kriiska et al., 2017 — Kriiska A., Oras E., Lõugas L., Meadows J., Craig O., Lucquin A. Late mesolithic Narva stage in Estonia: Pottery, settlement types and chronology // Estonian Journal of Archaeology. 2017. No. 21 (1). P. 52–86.
- La-Baume, 1924 — La-Baume W. Zur Kenntnis der frühesten Besiedlung Nordostdeutschland // Elbinger Jahrbuch. 1924. IV. S. 86–99.

- Piezonka*, 2008 — *Piezonka H.* Neue AMS-Daten zur frühneolithischen Keramikentwicklung in der nordosteuropäischen Waldzone // *Estonian Journal of Archaeology*. 2008. No. 12 (2). S. 67–113.
- Piezonka*, 2012 — *Piezonka H.* Stone Age hunter-gatherer ceramics of North-Eastern Europe: new insights into the dispersal of an essential innovation // *Documenta Praehistorica*. 2012. No. 39. P. 22–51.
- Piličiauskas*, 2002 — *Piličiauskas G.* Dubičių tipo gyvenvietės ir neolitinė Nemuno kultūra pietų Lietuvoje // *Lietuvos Archeologija*. 2002. No. 23. P. 107–136.
- Ramsey, Lee*, 2013 — *Ramsey C., Lee S.* Recent and Planned Developments of the Program OxCal // *Radiocarbon*. 2013. No. 55 (2–3). P. 720–730.
- Reimer et al.* 2020 — *Reimer P., Austin W., Bard E. et al.* The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. 2020. No. 62 (4). P. 725–757.
- Spataro et al.*, 2021 — *Spataro M., Oras E., Lucquin A., Bērziņš V.* Hunter-fisher-gatherer pottery production and use at the Neolithic shell-midden of Riņņukalns, Latvia // *Antiquity*. 2021. Vol. 95 (384). P. 1446–1463.
- Stadie*, 1921 — *Stadie K.* Steinzeitdörfer der Zedmar // Festschrift Adalbert Bezzenberger zum 14 April 1922 dargebracht von seinen Freunden und Schülern. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1921. S. 148–165.
- Šturms*, 1970 — *Šturms E.* Die steinzeitlichen Kulturen des Baltikums. Bonn: Rudolf Habelt Verlag GMBH, 1970. 298 s.
- Timofeev et al.*, 1994 — *Timofeev V. I., Zaitseva G. I., Possnert G.* The radiocarbon chronology of Zedmar Neolithic culture in the South-Eastern Baltic area // *Swiatowit*. 1994. T. 39. P. 125–143.
- Wierzbicki*, 1999 — *Wierzbicki J.* Łupawski mikroregion osadniczy ludności kultury pucharów lejkowatych. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1999. 282 s.
- Zagorskis*, 1973 — *Zagorskis F.* Agrais neolīts Latvijas austrumdaļā // *Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis*. 1973. No. 4. S. 56–69.

Zedmar culture pottery: technological aspects (based on ceramic from Zedmar D site, South-Eastern Baltic)

E. S. Tkach, M. A. Kulkova, V. Ya. Shumkin ³

Keywords: forest Neolithic, Zedmar culture, South-Eastern Baltic, technology of pottery-making, petrographic analysis.

The materials from the Zedmar D site were first distinguished in the beginning of the 20th cen. and the further regular investigations here were conducted in the 1970s. The majority of the finds are represented by artefacts of the Zedmar culture dated to the 4th mil. BC. Similar sites were revealed in Kaliningrad Oblast and in north-east Poland. The pottery is constituted of two groups: vessels with mineral or organic tempers in the ceramic paste. Analysis of the technology of manufacture of this pottery showed that the both groups little differ from each other. For making the vessels the clay was used from outcrops found beyond the limits of the site and rather far from it. Mostly lean and fat clay species of a smectite-carbonate composition were employed and they were characteristic of vessels with addition both of shells and gruss. Either organic tempers (mollusc shells, plants) or mineral additions (gruss, ceramic grog, sand) served as nonplastic materials. Admixtures of sand and grog are however encountered rather rarely.

The vessels were modelled in the coil technique with the bands fixed with an overlap (N-, S-junction). The surface of the vessels is smoothed on inside and outside (mostly as the ware with shell admixtures is concerned), however also traces of multidirectional “combing” often are found. The surface was treated before applying the decoration. The jars were then shortly baked in fires.

According to the radiocarbon dates and chronological column worked out by W. Guminski, the materials from Zedmar D site belong to the late, advanced stages of the Zedmar culture i.e. to the period of 5100–4200 cal BP (*Gumiński*, 2020. P. 127, 128). These dates also are confirmed by the data obtained through analysis of the charcoal crust on the pottery under consideration (*Ткач, Кулькова*, 2020. С. 99, рис. 1).

Vessels similar in technology and chronology are identifiable among the materials from southern Poland (late stage of the Pripjat-Neman culture — sites of the Dubichay type), as well as among materials of the Funnel Beaker Culture. The wide distribution of shell tempering of the ceramic paste is possibly due to the influence of the tradition of people of the Narva culture (the results of petrographic analysis demonstrate intentional crushing of the shells and their admixture to the ceramic paste. For another opinion see *Gumiński*, 2011. P. 95).

³ Evgeniya S. Tkach, Vladimir Ya. Shumkin — IHMC RAS; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: evgeniia.tkach@gmail.com; shumkinv@yandex.ru. Marianna A. Kulkova — Herzen State Pedagogical University of Russia; 48, corps 12 nab. r. Moyka, St. Petersburg, Russia; e-mail: kulkova@mail.ru.

Фаунистический комплекс поселения Голубицкая 2¹

М. В. Саблин, И. И. Иохина, К. Ю. Ильцевич²

Аннотация. В статье изложены результаты исследования остеологического материала с античного «сельского» поселения Голубицкая 2 на Таманском полуострове из раскопок 2007–2021 гг. В VI–III вв. до н. э. его жители вели оседло-земледельческий образ жизни. Рыболовство играло существенную роль в хозяйственной деятельности поселенцев. Проведено сравнение с данными коллег-археозоологов с других античных поселений Восточного Крыма и Таманского полуострова.

Ключевые слова: Таманский полуостров, греческая колонизация, остеологический материал, охота, рыболовство, состав стада.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-42-51

В конце VII в. до н. э. (субатлантический период голоцена) в Северном Причерноморье появляются первые античные поселения. Голубицкая 2 (Краснодарский край, Россия) является одним из самых ранних на Таманском полуострове, поскольку относится к первой волне греческой колонизации. Основание поселения датируется началом второй четверти VI в. до н. э.; время гибели в огне большого пожара — не ранее второй половины III в. до н. э. (Журавлев, Шлотцауер, 2014а. С. 139–148). Голубицкая 2 также является одним из самых изученных «сельских» памятников Азиатского Боспора. Видимо, жители поселения обитали в наземных домах, сделанных из сырцовых кирпичей, или в турлучных постройках, имевших каркас из деревянных жердей и прутьев (Журавлев, Шлотцауер, 2014б. С. 63).

Остеологический материал (раскопки 2007–2021 гг.) происходит из зоны оборонительной системы из рва и остатков вала — одного из наиболее ранних античных фортификационных сооружений в Северном Причерноморье (Журавлев, Шлотцауер, 2014б. С. 64; Журавлев и др., 2019. С. 187, 188; 2022. С. 32), а также многочисленных объектов в примыкающей части поселения. Остатки

животных, как и фрагменты керамики, похоже, намеренно утилизировались его жителями в хозяйственных ямах. На это указывает то, что в них в ряде случаев были обнаружены целые скелеты. При суммарном подсчете материала кости таких скелетных групп нами не учитывались, поскольку могли сильно исказить статистическую картину. Подсчет минимального количества особей проводился по количеству правых и левых элементов скелета, с учетом возрастного состава животных, по широко используемой в палеонтологических и археозоологических исследованиях методике (Shipman, 1981; Klein, Cruz-Uribe, 1984; Van Wijngaarden-Bakker, 2001).

Всего из Голубицкой 2 было изучено 11 249 определяемых костных фрагментов из семи раскопов (табл. 1). Кости, которые накапливались на памятнике почти три столетия, относительно хорошей сохранности (стадия 1, по А. Беренсмейер — Behrensmeyer, 1978). Неопределимые остатки в целом по поселению составляют 45,5 % от их общего количества и в основном это фрагменты ребер и позвонков млекопитающих. При этом число крупных неопределимых обломков слегка превышает число мелких — 51,8 и 48,2 % соответственно (табл. 2). Лишь 41 определяемая кость млекопитающих (0,7 %) несет на себе следы пребывания в огне (рис. 1, 7); погрызы хищника, вероятно собаки, обнаружены на 211 костях (3,5 %) (рис. 1, 3а–3в, 4а, 4б); погрызы мышевидных грызунов — на двух (рис. 1, 6). Интересна находка в культурном слое фрагмента позвонка млекопитающего неогеновой эпохи (рис. 2, 9).

¹ Данная работа выполнена в рамках госзадания Зоологического института РАН № 122031100282-2.

² Саблин М. В., Иохина И. И., Ильцевич К. Ю. — Зоологический институт РАН; Университетская наб., д. 1, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: Mikhail.Sablin@zin.ru; Inga.Iokhina@zin.ru; Karina.Iltsevich@zin.ru.

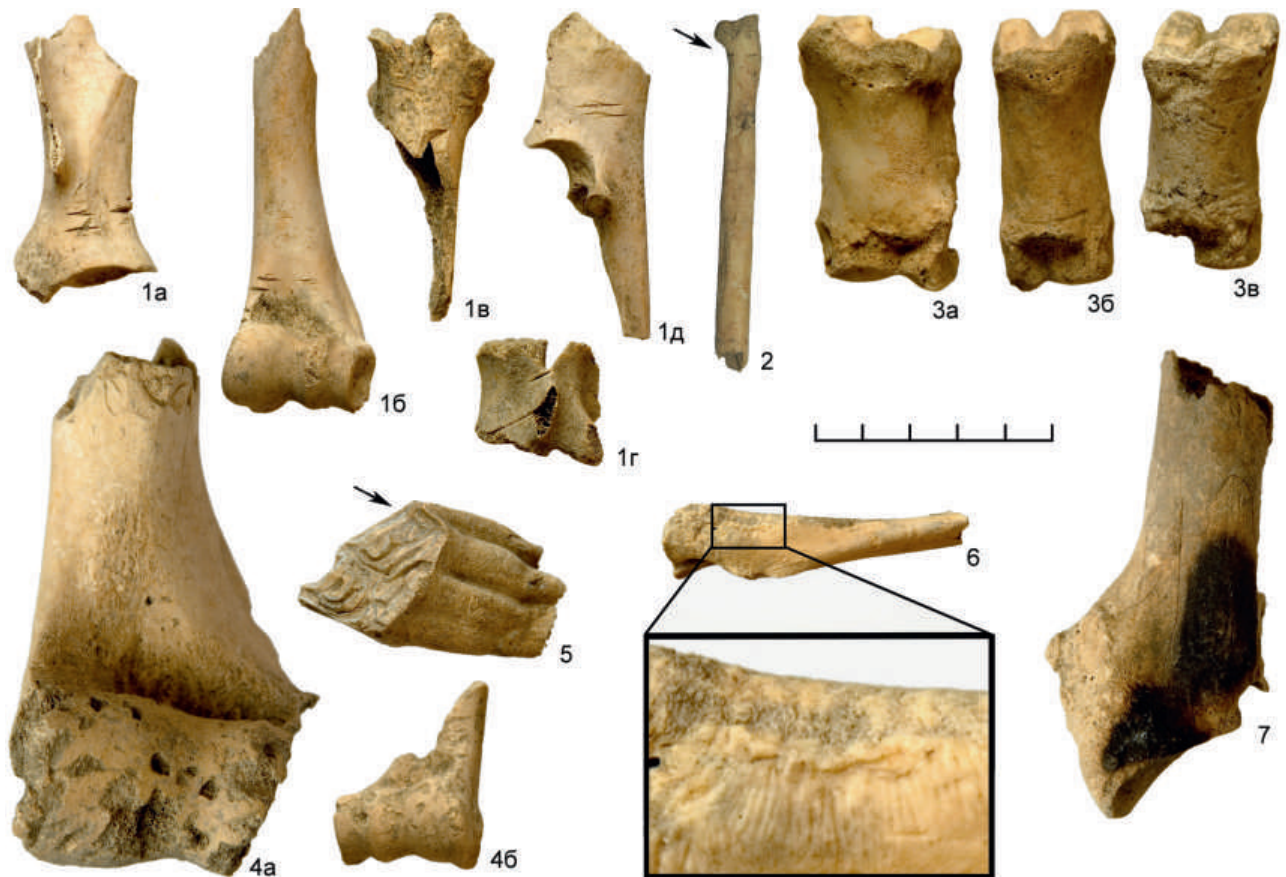

Рис. 1. Следы на костях крупных млекопитающих с поселения Голубицкая 2: 1а–1д — порезы на посткраниальных костях скелета овцы; 2 — порез на лучевой кости домашней кошки; 3а–3б — погрызы собаки на первых фалангах коровы; 4а, 4б — погрызы собаки на плечевых костях коровы и овцы; 5 — передний верхнечелюстной премоляр лошади со следами стертости от удила; 6 — погрызы мышевидных грызунов на локтевой кости свиньи; 7 — следы огня на пяточной кости коровы

Fig. 1. Traces on bones of large mammals from the settlement of Golubitskaya 2: 1а–1д — cuts on postcranial bones of a sheep skeleton; 2 — cut on a radius of a domestic cat; 3а–3б — canid gnawing marks on the first phalanxes of a cow; 4а, 4б — canid gnawing marks on cow and sheep humeri; 5 — frontal maxillary premolar of a horse with signs of wear by bits; 6 — gnawing marks of murine rodents on an ulna of a pig; 7 — traces of fire on a calcaneal bone of a cow

На Голубицкой 2 активно практиковалось рыболовство: доля остатков рыб составила 31,1 % от общего числа костей позвоночных животных (табл. 3; рис. 2, 1а–1в, 2а–2г). Очевидно, что люди использовали сети и, судя по полному отсутствию на поселении костей дельфина, делали это не в открытом море, а в опресненном лимане или устье реки. В рыбном промысле наибольшее значение имел судак, карповые рыбы занимали второе место по вылову, а добыча осетровых была относительно невелика (Саблин, 2016а. С. 86; 2016б. С. 74). Так, яма 24 на раскопе 1 была наполнена исключительно остатками судака: более 300 костей от 20 особей. Эта рыба до сих пор ловится в устьях рек Дон и Кубань. На других античных поселениях Северного

Причерноморья рыболовство практиковалось не столь активно: сходный тип хозяйственной деятельности фиксируется лишь на остеологическом материале значительно более позднего времени (III–IV вв. н. э.) из городища Сиреневая Бухта в Восточном Крыму (табл. 3). Коллеги (Каспаров, Ковальчук, 2016. С. 55) полагают, что столь значительное количество костей рыб является показателем бедности людей, живших в Сиреневой Бухте.

На Голубицкой 2 поселенцы, скорее всего в лимане, ловили болотных черепах, добывали устриц в море (табл. 2). Необходимо отметить, что раковины моллюсков, целые скелеты черепах с панцирем в основном залежали в заполнении ям, так же как и кости рыб.

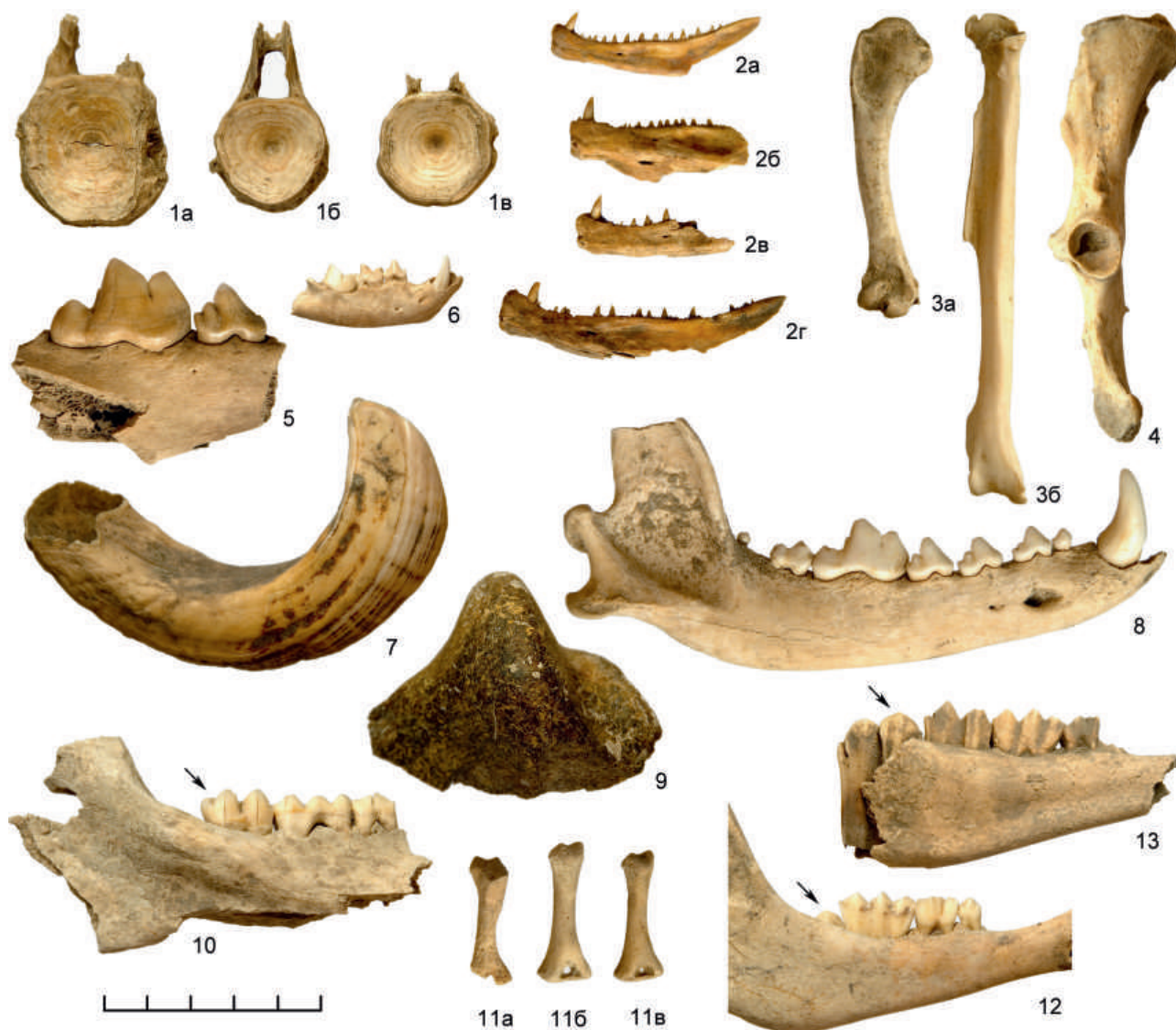

Рис. 2. Фаунистический материал с поселения Голубицкая 2: 1а-1в — позвонки осетровых рыб; 2а-2г — нижние челюсти судака; 3а, 3б — кости птиц (курица и большой баклан); 4 — тазовая кость зайца; 5 — фрагмент нижней челюсти волка; 6 — нижняя челюсть молодой домашней кошки; 7 — клык кабана; 8 — нижняя челюсть собаки; 9 — фрагмент позвонка млекопитающего неогеновой эпохи; 10 — нижняя челюсть полувзрослой свиньи с m1; 11а-11в — плечевые кости новорожденных ягнят или козлят; 12 — нижняя челюсть ягненка с режущимся m1; 13 — нижняя челюсть полувзрослой овцы с режущимся m2

Fig. 2. Faunistic material from the settlement of Golubitskaya 2: 1а-1в — vertebrae of acipenseridae; 2а-2г — lower mandibles of zander; 3а, 3б — bird bones (hen and cormorant); 4 — hare pelvic bone; 5 — fragment of the lower jaw of a wolf; 6 — lower jaw of a young domestic cat; 7 — fang of a wild boar; 8 — lower jaw of a dog; 9 — fragment of a vertebra of a mammal of the Neogenic age; 10 — lower jaw of a semi-adult pig with m1; 11а-11в — humeri of newborn lambs or kids; 12 — lower jaw of a lamb with m1 teething; 13 — lower jaw of a semi-adult sheep with m2 teething

Доля остатков птиц (определение материала — А. В. Пантелеев, Зоологический институт РАН, и Н. В. Волкова, Палеонтологический институт РАН) составила всего 1,7 % от общего числа костей позвоночных животных, что характерно и для других античных поселений Северного Причерноморья

(табл. 3). В основном это домашняя курица(55,8 %). Охота на птиц велась в ближайших окрестностях, поскольку в остеологическом материале практически отсутствуют степные и лесные виды, зато представлены виды, связанные с водой, — бакланы, лебеди, гуси, утки и др. (табл. 4; рис. 2, 3а, 3б).

Таблица 1. Остатки млекопитающих с поселения Голубицкая 2. Раскопки 2007–2021 гг.
Table 1. Remains of mammals from the settlement of Golubitskaya 2. Excavations of 2007–2021

Вид	Раскоп												Итого		Особь, шт.
	1		2		4		5		6		7		Кости, шт.	Доля, %	
	Кости, шт.	Доля, %	Кости, шт.	Доля, %	Кости, шт.	Доля, %	Кости, шт.	Доля, %	Кости, шт.	Доля, %	Кости, шт.	Доля, %			
Еж <i>Erinaceus europeus</i>	–	–	–	–	–	–	1	0,05	–	–	–	–	1	0,01	1
Заяц <i>Lepus europaeus</i>	7	0,35	9	1,9	3	0,15	9	0,6	1	–	–	–	29	0,47	12
Волк <i>Canis lupus</i>	1	0,05	–	–	2	0,1	–	–	–	–	–	–	3	0,05	2
Лисица <i>Vulpes vulpes</i>	–	–	–	–	2	0,1	–	–	–	–	–	–	2	0,02	1
Медведь <i>Ursus arctos</i>	–	–	–	–	3	0,15	–	–	–	–	–	–	3	0,05	1
Кабан <i>Sus scrofa</i>	7	0,35	1	0,2	8	0,4	–	–	–	–	–	–	16	0,26	8
Олень благородный <i>Cervus elaphus</i>	4	0,2	1	0,2	–	–	1	0,05	–	–	–	–	6	0,1	2
Собака <i>Canis familiaris</i>	134	6,6	20	4,2	217	10,9	117	8	6	17,1	4	4,8	498	8,2	55
Кошка домашняя <i>Felis catus</i>	3	0,15	5	1,1	1	0,05	–	–	–	–	–	–	9	0,15	5
Лошадь домашняя <i>Equus caballus</i>	223	11	83	17,6	333	16,8	167	11,3	6	17,1	20	24,1	832	13,7	61
Осел домашний <i>Equus asinus</i>	–	–	–	–	1	0,05	–	–	–	–	–	–	1	0,01	1
Свинья домашняя <i>Sus domestica</i>	341	16,8	62	13,1	136	6,8	254	17,3	2	5,7	14	16,9	809	13,3	121
Корова домашняя <i>Bos taurus</i>	660	32,5	196	41,4	806	40,6	540	36,7	13	37,1	39	47	2254	37,1	200
Овца/коза <i>Ovis aries/Capra hircus</i>	649	32	96	20,3	475	23,9	383	26	7	20	6	7,2	1616	26,58	199
Итого	2029	100	473	100	1987	100	1472	100	35	100	83	100	6079	100	669

Интересно, что при раскопках поселения архаического времени (VI–V вв. до н. э.) на острове Березань (Южная Украина) среди 208 костей также в подавляющем большинстве околотовных видов птиц обнаружена лишь одна кость домашней курицы (Яниш, Каспаров, 2015. С. 137).

Из остеологического материала с поселения Голубицкая 2 нами было определено 14 видов млекопитающих (табл. 1). Дикие промысловые животные представлены взрослыми особями зайца-русака, волка, лисицы, бурого медведя, кабана и благородного оленя (рис. 2, 4, 5, 7). Эти звери до сих пор обитают в Предкавказье. Очевидно, что охота здесь

выступала лишь в качестве дополнительного источника питания и велась в ближайших окрестностях (Саблин, 2016а. С. 85; Sablin, Iltsevich, 2020. P. 498).

Основным направлением деятельности населения Голубицкой 2 было производящее хозяйство, поскольку в остеологическом материале присутствуют кости всех основных домашних животных, составляя в сумме 99 % от общего числа определимых костей млекопитающих (табл. 1). Следы расчленения туш домашних животных отмечены на 38 костях (0,6 %). В основном это порезы и зарубки. Разделка туш свиней, коз, овец и коров происходила прямо на поселении, поскольку

Таблица 2. Фаунистический материал с поселения Голубицкая 2. Раскопки 2007–2021 гг.
Table 2. Faunistic material from the settlement of Golubitskaya 2. Excavations of 2007–2021

Класс животных	Раскоп												Итого	
	1		2		4		5		6		7		Кости, шт.	Доля, %
	Кости, шт.	Доля, %	Кости, шт.	Доля, %	Кости, шт.	Доля, %	Кости, шт.	Доля, %	Кости, шт.	Доля, %	Кости, шт.	Доля, %		
Млекопитающие	2029	46,1	473	47,5	1987	82	1472	45	35	97,2	83	70,9	6079	54,0
Птицы	74	1,7	19	1,9	27	1,1	46	1,4	–	–	–	–	166	1,5
Рептилии	220	5,0	5	0,5	31	1,3	62	1,9	1	2,8	–	–	319	2,8
Рыбы	1548	35,1	362	36,3	63	2,6	974	29,7	–	–	10	8,6	2957	26,3
Моллюски	533	12,1	137	13,8	314	13,0	720	22,0	–	–	24	20,5	1728	15,4
Итого	4404	100,0	996	100,0	2422	100,0	3274	100	36	100,0	117	100,0	11249	100,0
Неопределимые крупные	1530	42,4	406	48,1	1398	66,9	1450	53,8	21	51,2	53	42,0	4858	51,8
Неопределимые мелкие	2050	57,6	438	51,9	691	33,1	1245	46,2	20	48,8	65	58,0	4509	48,2
Итого неопределимые	3580	100,0	844	100,0	2089	100,0	2695	100,0	41	100	126	100	9375	100,0

здесь присутствуют следы собственно кулинарной подготовки — порезов вокруг суставных поверхностей в местах прикрепления крупных мышц (Binford, 1978; 1981) (рис. 1, 1а–1д, 2). Различий по анатомическому составу остатков между домашними копытными не выявлено; расчленение туши крупного животного для кулинарной обработки в принципе достаточно стандартно. Трубчатые кости передних и задних конечностей представлены в пропорциональном количестве.

О возрастной структуре стада домашних животных поселения Голубицкая 2 можно сказать следующее. Из 61 особи лошадей четыре были полувзрослыми животными, четыре — жеребятами; из 121 особи свиней 40 были полувзрослыми, 11 — поросятами; из 200 особей крупного рогатого скота 24 были полувзрослыми, 14 — телятами; из 199 особей мелкого рогатого скота 51 была полувзрослой, 22 — ягнятами/козлятами (рис. 2, 10–13). Молодыми в данном исследовании считаются копытные от момента рождения до выхода зуба m1, полувзрослыми — до выхода зуба m3 (Sablin, Iltsevich, 2020. Р. 499). Таким образом, 88,4 % лошадей, 70,3 % свиней, 84,0 % крупного и 73,2 % мелкого рогатого скота в стаде были представлены особями старше двух лет.

В раскопах 1, 2, 4 и 5 на поселении Голубицкая 2 было обнаружено 42 полных или частично

полных скелета собак (Журавлев и др., 2020. С. 114; 2022. С. 39; Sablin, Iltsevich, 2020. Р. 499). При этом 26 из них залегали в ямах. В пяти случаях, а именно в ямах 12, 23, 27, 34 и 50, наблюдалось групповое захоронение собак — от двух до четырех особей. Семь скелетов принадлежали щенкам возрастом от 1 до 4 месяцев. Следов употребления в пищу собак, расчленения по суставам, снятия шкуры, как это изредка бывало в Героевке 2 и на Нимфее (Каспаров, 2003а. С. 187), на Голубицкой 2 не зафиксировано (Sablin, 2016а. С. 85; Sablin, Iltsevich, 2020. Р. 500). Средний рост в холке у собак, вычисленный нами по 45 промерам длинных костей конечностей, составил 52 см, что соответствует 18,4 кг живого веса и размерной категории европейской лайки (Журавлев и др., 2016. С. 100). Краниологические особенности сохранившихся черепов также указывают на эту породу. Рост в холке у 20 собак античного времени с территории Северного Причерноморья, который был вычислен нами по промерам В. И. Цалкина (Цалкин, 1960а. С. 107, 109), составил в среднем 52 см. Аналогичный показатель для собак из Нимфея составил 51 см (Каспаров, 2009. С. 299).

Кошка домашняя представлена девятью костями (табл. 1). Нижняя челюсть из раскопа 1 принадлежала молодой особи около 5 месяцев от роду (рис. 2, б), а лучевая кость с порезами, свидетельствующими о разделке животного,

Таблица 3. Фаунистический материал с поселений Северного Причерноморья
Table 3. Faunistic materials from settlements of the Northern Black Sea littoral

Поселение, регион, дата, источник	Собака*	Лошадь*	Свинья*	Корова*	Овца/коза*	Другие наземные животные*	Птицы**	Рыбы**
Березань, Юго-Западная Украина, VI–V вв. до н. э. (Яниш, Каспаров, 2015. С. 130)	1,1	2,5	5,6	27,8	62,6	0,4	1,1	9,3
Порфмий, Восточный Крым, VI–IV вв. до н. э. (Каспаров, 2006. С. 93)	22,4	8,0	6,7	30,6	31,8	0,5	3,4	17,7
Мирмекий, Восточный Крым, V в. до н. э. (Каспаров, 2013. С. 723)	6,2	8,9	5,0	32,3	46,8	0,8	3,3	11,3
Заветное 5, Восточный Крым, V–IV вв. до н. э. (Каспаров, 2006. С. 93)	7,3	9,9	3,8	30,7	46,2	2,1	1,4	9,8
Нимфей, Восточный Крым, V–IV вв. до н. э. (Каспаров, 2003а. С. 47)	4,1	7,6	6,5	29,3	51,1	1,4	2,8	7,0
Голубицкая 2, Таманский п-ов, VI–III вв. до н. э.	8,2	13,7	13,3	37,1	26,6	1,1	1,7	31,1
Гермонасса, Таманский п-ов, IV–III вв. до н. э. (Цалкин 1960а. С. 103)	2,3	6,6	12,9	35,8	41,6	0,8	Нет данных	Нет данных
Волна 1, Таманский п-ов, IV–III вв. до н. э. (Каспаров, 2002. С. 160)	16,8	11,7	16,8	27,0	27,0	0,7	2,0	1,3
Фанагория, Таманский п-ов, IV–III вв. до н. э. (Добровольская, 2013. С. 195)	3,2	8,5	19,8	35,3	31,0	2,2	1,6	6,1
Нимфей, Восточный Крым, IV–III вв. до н. э. (Каспаров, 2003а. С. 47)	8,6	8,6	6,5	29,7	45,3	1,3	2,4	3,9
Героевка 2, Восточный Крым, IV–III вв. до н. э. (Каспаров, 2003б. С. 182)	7,3	4,4	8,0	38,5	41,4	0,4	3,2	2,4
Генеральское, Восточный Крым, IV–III вв. до н. э. (Каспаров, 2010. С. 245)	6,4	14,3	3,4	39,9	35,9	0,1	0,2	0,3
Полянка, Восточный Крым, III–II вв. до н. э. (Каспаров, 2014. С. 229)	1,9	15,9	7,1	41,7	33,1	0,3	0,7	0,5
Золотое Восточное, Восточный Крым, III–II вв. до н. э. (Там же)	1,1	12,3	9,4	39,9	36,4	0,9	0,2	0,5
Крутой Берег, Восточный Крым, III–II вв. до н. э. (Там же)	3,5	7,8	2,4	35,5	50,4	0,4	0,9	2,7
Сиреневая Бухта, Восточный Крым, III–IV вв. н. э. (Каспаров, Ковальчук, 2016. С. 52)	3,3	9,3	9,3	30,1	44,7	3,3	9,6	38,0

* % от общего числа костей наземных млекопитающих.

** % от общего числа костей позвоночных животных.

была обнаружена в раскопе 4 (рис. 1, 2). Это одни из древнейших остатков *Felis catus* из Северного Причерноморья; обычно домашняя кошка на античных поселениях в этом регионе фиксируется значительно позже (Цалкин, 1960а. С. 71). А. К. Каспаров (Каспаров, 2013. С. 722) сообщает о находке одной кости этого животного в нижних слоях зольника в Мирмекии, который датируется серединой V в. до н. э.

Также в раскопе 4 в 2018 г. был найден фрагмент большой берцовой кости домашнего осла

Equus asinus. Поперечный диаметр ее проксимального эпифиза составил 80 мм. Е. В. Добровольская (Добровольская, 2013. С. 196) сообщает о находке пяти костей этого животного в культурном слое поселения Фанагория.

Лошадей с поселения Голубицкая 2 можно отнести к группе среднерослых, поскольку их рост в холке, вычисленный по длине пястных костей (n = 12), по В. О. Витту (Витт, 1952. С. 172, 173, табл. 1), равен 136 см. Тот же параметр составил для поселения Березань 145 см (Яниш, Каспаров,

2015. С. 134), для поселения Генеральское — 139 см (Каспаров, 2010. С. 250). Средний же рост в холке лошадей эпохи раннего железа с территории Северного Причерноморья по данным В. И. Цалкина (Цалкин, 1960а. С. 43) равен 137 см.

Индекс ширины диафиза пястных костей лошадей ($n = 2$) с поселения Голубицкая 2 в среднем составил 15,2. Данный показатель находится в пределах изменчивости, указанной В. И. Цалкиным (Цалкин, 1960а. С. 39) для этих животных эпохи раннего железа с территории Северного Причерноморья. Пять особей с поселения Голубицкая 2 отнесены нами к группе тонконогих, три — к группе полутонконогих, четыре — к группе средненогих лошадей (Браунер, 1916. С. 49). Средний вес лошади, вычисленный по массивности пястных костей ($n = 5$), по Eisenmann (Eisenmann, 2000. P. 94), составил 327 кг.

Хотя нами на Голубицкой 2 в раскопе 1 и была обнаружена таранная кость *Equus caballus* со следами рубки, это животное на поселении, скорее всего, использовалось как тягловое (Саблин, 2016а. С. 85). Хорошо заметные следы стирания от железных удил обнаружены на переднем верхнечелюстном премоляре взрослой лошади (рис. 1, 5). Употребление мяса лошади в пищу более характерно для кочевых племен, хотя следы разделки (порезы на костях) отмечены также в слоях IV–III вв. до н. э. на древнегреческих поселениях Восточного Крыма Героевке 2 и Нимфее (Каспаров, 2003. С. 182).

На Голубицкой 2 пясти и плюсны лошади нередко использовались в качестве сырья. У некоторых из таких костей на специально подтесанной поверхности заметны отчетливые следы трения, и мы предполагаем, что подобные артефакты могли применяться как непарные костяные коньки без жесткого крепления к ноге для мобильного передвижения по льду замерзшего лимана в зимнее время года (Саблин, 2016а. С. 74; Sablin, Iltsevich, 2020. P. 502). Эти предметы на Голубицкой 2 датируются археологами VI–V вв. до н. э. (Журавлев, Шлотцауер, 2014б. С. 177, 178). По другой версии, эти артефакты являются гладильниками для обработки кожи (Семенов, 1957. С. 225).

Средний рост в холке коровы с поселения Голубицкая 2, вычисленный по длине пястных костей ($n = 7$), по В. И. Цалкину (Цалкин, 1960б. С. 119), равен 113 см, что соответствует среднему росту коровы эпохи раннего железа с территории Северного Причерноморья (Цалкин, 1960а. С. 34). Для сравнения тот же параметр по отдельным античным поселениям составляет: 116 см —

Таблица 4. Остатки птиц с поселения Голубицкая 2. Раскопки 2007–2021 гг.

Table 4. Birds from the settlement of Golubitskaya 2. Excavations of 2007–2021

Вид	Кости, шт.	Доля, %
Серошекая поганка <i>Podiceps griseigena</i>	4	2,7
Колпица <i>Platalea leucorodia</i>	2	1,4
Красношейная поганка <i>Podiceps auritus</i>	2	1,4
Большой баклан <i>Phalacrocorax carbo</i>	11	7,5
Серая цапля <i>Ardea cinerea</i>	2	1,4
Серый журавль <i>Grus grus</i>	7	4,8
Чернозобая гагара <i>Gavia arctica</i>	2	1,4
Красноногая олуша <i>Sula sula</i>	2	1,4
Лебедь-кликун <i>Cygnus cygnus</i>	1	0,7
Лебедь-шипун <i>Cygnus olor</i>	2	1,4
Лебедь <i>Cygnus sp.</i>	3	2,1
Серый гусь <i>Anser anser</i>	7	4,8
Свиязь <i>Anas penelope</i>	1	0,7
Огарь <i>Casarca ferruginea</i>	1	0,7
Серая утка <i>Anas strepera</i>	1	0,7
Кряква <i>Anas platyrhynchos</i>	3	2,1
Белоглазый нырок <i>Aythya nyroca</i>	4	2,7
Утиные Anatidae indet.	2	1,4
Степной орёл <i>Aquila nepalensis</i>	1	0,7
Курица домашняя <i>Gallus gallus var. domesticus</i>	81	55,8
Хохотунья <i>Larus cf. cachinnans</i>	1	0,7
Сизая чайка <i>Larus canus</i>	1	0,7
Чибис <i>Vanellus vanellus</i>	1	0,7
Бекас <i>Gallinago gallinago</i>	1	0,7
Дрозд <i>Turdus sp.</i>	1	0,7
Домовый сыч <i>Athene noctua</i>	1	0,7
Всего определимых	145	100,0
Неопределимые	21	–
Всего птиц	166	–

в Березани (Яниш, Каспаров, 2015. С. 133); 115 см — в Героевке 2 (Каспаров, 2003а. С. 185); 112 см — в Генеральском; 114 см — в Нимфее, Золотом Восточном, Полянке и Крутом Береге; 120 см — в Пантикапее (Цалкин, 1960а. С. 23, 24); 121 см — в Мирмекии (Каспаров, 2017. С. 217); 119 см — в Фанагории (Добровольская, 2015. С. 341).

Средний рост овцы в холке с поселения Голубицкая 2, вычисленный по длине плюсневой кости

по коэффициентам В. И. Цалкина (Цалкин, 1961. С. 124), оказался равен 62 см. Тот же параметр по отдельным античным поселениям составляет: 68 см — в Березани; 59 см — в Мирмекии (Яниш, Каспаров, 2015. С. 130); 61 см — в Генеральском (Каспаров, 2010. С. 248), а для эпохи раннего железа с территории Северного Причерноморья — 60 см (Цалкин, 1960а. С. 55).

Соотношение остатков домашних животных с поселения Голубицкая 2 однозначно указывает на оседло-земледельческий образ жизни ее обитателей. Кости крупного рогатого скота составляют 37,1 %, мелкого рогатого скота — 26,6 %, свиньи — 13,3 %, лошади — 13,7 %, собаки — 8,2 % от общего числа костей млекопитающих (табл. 1; 3).

Сравнивая наши данные с данными коллег по поселениям Восточного Крыма и Тамани, следует отметить следующее.

Во-первых, для Голубицкой 2, как и для ряда «сельских» приазовских памятников Восточного Крыма (Генеральского, Полянки, Золотого Восточного), а также Волны 1 на Тамани характерно относительно большое количество остатков лошади (в среднем 13,6 %), тогда как на остальных поселениях лошадь представлена в значительно меньших количествах (в среднем 9 %

(табл. 3). Коневодство предполагает наличие в округе хороших пастбищ и источников пресной воды (Каспаров, 2014. С. 237).

Во-вторых, для Голубицкой 2, как и для остальных памятников Таманского полуострова (Гермонассы, Волны 1, Фанагории), характерно относительно большое количество остатков свиньи (в среднем 15,7 %), тогда как на территории Восточного Крыма остатки свиньи немногочисленны (в среднем 5,9 %) (табл. 3). Свиней обычно содержали в местности, где произрастают дубы, буки, орешник, дикорастущие плодовые деревья (Косинцев, Варов, 1989. С. 147). Это предполагает наличие на Тамани и, в частности, вокруг Голубицкой 2 лесных угодий.

В-третьих, в остеологическом материале Голубицкой 2 количество костей крупного рогатого скота превышает количество костей мелкого рогатого скота, что указывает на придомный тип скотоводства — животные, скорее всего, выпасались в ближайших окрестностях. Это, в свою очередь, предполагает наличие рядом с поселением достаточно больших площадей плодородных почв, лугов для выпаса. Преобладание доли крупного рогатого скота над мелким отмечено также для Фанагории, Генеральского, Полянки и Золотого Восточного (табл. 3).

Браунер, 1916 — Браунер А. А. Материалы к познанию домашних животных России. 1. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губ. *Equus Goschkewitschi, mihi* // Записки Императорского Общества сельского хозяйства Южной России. Одесса, 1916. Т. 86, № 1. С. 49–184.

Витт, 1952 — Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Вып. 16. С. 163–205.

Добровольская, 2013 — Добровольская Е. В. Археозоологические особенности Фанагории: скотоводство и охота // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1 / Под общ. ред. В. Д. Кузнецова. М.: ИА РАН, 2013. С. 192–205.

Добровольская, 2015 — Добровольская Е. В. Крупный рогатый скот Фанагории античного времени // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 1. С. 337–342.

Журавлев, Шлотцауер, 2014а — Журавлев Д. В., Шлотцауер У. О дате основания поселения Голубицкая 2 // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии: Материалы XV Боспорских чтений / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: БФ «Деметра», 2014. С. 139–148.

Журавлев, Шлотцауер, 2014б — Журавлев Д. В., Шлотцауер У. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг. // Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников: Сб. ст. / Науч. ред. Д. В. Журавлев, Н. И. Шишлина. М.: Изд-во ГИМ, 2014 (Труды ГИМ; Вып. 201). С. 150–186.

Журавлев и др., 2016 — Журавлев Д. В., Саблин М. В., Строков А. А. Захоронения собак на поселении Голубицкая 2 // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время: Материалы междунар. круглого стола / Ред. Д. В. Журавлев, У. Шлотцауер. М.: Изд-во ГИМ, 2016. С. 34–37.

Журавлев и др., 2019 — Журавлев Д. В., Батасова А. В., Шлотцауер У. Оборонительный ров поселения Голубицкая 2 // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: Материалы Междунар. науч. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Кифниди Г. И., 2019. С. 183–192.

- Журавлев и др.*, 2020 — Журавлев Д. В., Саблин М. В., Строков А. А. О захоронениях собак на поселении Голубицкая 2 // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2020. Т. 25. С. 98–122.
- Журавлев и др.*, 2022 — Журавлев Д. В., Батасова А. В., Шлотцауер У. О системе обороны поселения Голубицкая 2 // АВ. 2022. Вып. 35. С. 28–43.
- Каспаров*, 2002 — Каспаров А. К. Скотоводческое хозяйство поселения Волна 1 // Таманская Старина. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Вып. 4. С. 153–162.
- Каспаров*, 2003а — Каспаров А. К. Фаунистические остатки поселения Героевка 2 и особенности скотоводства в городе и на хоре // Соловьев С. Л. Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 181–188.
- Каспаров*, 2003б — Каспаров А. К. Фаунистические материалы из комплексов на участке «Н» // Материалы Нимфейской экспедиции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Вып. 1. С. 42–47.
- Каспаров*, 2006 — Каспаров А. К. Остеологические материалы поселения Заветное 5 из раскопок 2003–2004 гг. // Соловьев С. Л., Шенко Л. Г. Отчет античной комплексной археологической экспедиции 2003–2004 гг. Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное-5. Т. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 87–93.
- Каспаров*, 2009 — Каспаров А. К. Попытка реконструкции внешнего вида собак античного времени из восточного Крыма по краниометрическим данным и произведениям искусства // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: Материалы междунар. науч. конф. / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб.: Изд-во Нестор-История, 2009. С. 291–305.
- Каспаров*, 2010 — Каспаров А. К. Костные остатки млекопитающих из поселения «Генеральское-Западное», юго-западный склон и некоторые хозяйственные реконструкции Боспора раннеэллинистического времени // Древности Боспора. М.: Институт археологии РАН, 2010. Т. 14. С. 244–258.
- Каспаров*, 2013 — Каспаров А. К. Костные остатки из зольников Мирмекия: изменение ситуации в разные эпохи // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке: Материалы междунар. науч. конф. / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 721–729.
- Каспаров*, 2014 — Каспаров А. К. Фаунистические остатки с некоторых античных сельских поселений Азовского побережья Восточного Крыма // Древности Боспора. М.: Институт археологии РАН, 2014. Т. 18. С. 226–239.
- Каспаров*, 2017 — Каспаров А. К. Некоторые замечания о крупном рогатом скоте в сельских поселениях эллинистического времени в Крымском Приазовье // Древности Боспора. М.: Институт археологии РАН, 2017. Т. 21. С. 215–227.
- Каспаров, Ковальчук*, 2016 — Каспаров А. К., Ковальчук А. В. Фаунистический состав костных остатков из зольника поселения Сиреневая бухта в Восточном Крыму // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. Вып. 6. С. 51–56.
- Косинцев, Варов*, 1989 — Косинцев П. А., Варов А. И. Влияние разных факторов на количество свиньи в стаде древнего населения Восточной Европы // Актуальные проблемы методики Западносибирской археологии: Тезисы докл. конф. Новосибирск, 1989. С. 146–147.
- Саблин*, 2016а — Саблин М. В. Остеологический материал с поселения Голубицкая 2 (раскоп 1) // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время: Материалы междунар. круглого стола / Ред. Д. В. Журавлев, У. Шлотцауер. М.: Изд-во ГИМ, 2016. С. 84–89.
- Саблин*, 2016б — Саблин М. В. Палеозоологические исследования // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. К 10-летию Боспорской археологической экспедиции: Сб. ст. / Сост., науч. ред. Д. В. Журавлев, У. Шлотцауер. М.: Изд-во ГИМ, 2016. С. 74–76.
- Семенов*, 1957 — Семенов С. А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957 (МИА; № 54). 240 с.
- Цалкин*, 1960а — Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1960. № 53. С. 7–109.
- Цалкин*, 1960б — Цалкин В. И. Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 1960. Т. 65, вып. 1. С. 109–126.
- Цалкин*, 1961 — Цалкин В. И. Изменчивость метаподий у овец // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 1961. Т. 66, вып. 5. С. 115–132.
- Яниш, Каспаров*, 2015 — Яниш Е. Ю., Каспаров А. К. О костных остатках поселения архаического времени Березань в Северном Причерноморье (Украина) // АВ. 2015. Вып. 21. С. 124–139.
- Behrensmeyer*, 1978 — Behrensmeyer A. K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering // Paleobiology. 1978. Vol. 4. P. 150–162.
- Binford*, 1978 — Binford L. R. *Nunamiut Ethnoarchaeology*. New York: Academic Press, 1978. 509 p.

- Binford*, 1981 — *Binford L. R.* Bones: Ancient men and modern myths. New York: Academic Press, 1981. 320 p.
- Eisenmann*, 2000 — *Eisenmann V.* *Equus capensis* (Mammalia, Perissodactyla) from Elandsfontein // *Palaeontologia Africana*. 2000. Vol. 36. P. 91–96.
- Klein, Cruz-Uribe*, 1984 — *Klein R. G., Cruz-Uribe K.* The analysis of animal bones from archaeological sites. Chicago: The University of Chicago Press, 1984. 266 p.
- Sablin, Iltsevich*, 2020 — *Sablin M. V., Iltsevich K. Yu.* Remains of mammals from the Antique settlement of Golubitskaya 2 // *Proceedings of the Zoological Institute RAS*. 2020. Vol. 324, no. 4. P. 497–505.
- Shipman*, 1981 — *Shipman P.* Life history of a fossil. An introduction of taphonomy and paleoecology. Cambridge: Harvard University Press, 1981. 222 p.
- Van Wijngaarden-Bakker*, 2001 — *Van Wijngaarden-Bakker L. H.* Zooarchaeology. Amsterdam: University of Amsterdam AAC, 2001. 32 p.

The faunistic complex of the site of Golubitskaya 2

M. V. Sablin, I. I. Iokhina, K. Yu. Iltsevich³

Keywords: Taman Peninsula, Greek colonization, osteological material, fishery, composition of the fish species.

This paper presents the results of an investigation of the osteological material from the Classical settlement of Golubitskaya 2 (Krasnodar Kray, Taman Peninsula Russia). In total, 11,249 identifiable osseous fragments have been recorded from six excavations (2007–2021) of cultural layers of the 6th–3rd cen. The osteological material comes from the zone of the defensive ditch and rampart, as well as from numerous objects in the adjoining area of the settlement site. At Golubitskaya, hunting was only a supplementary source of food: hunted wild animals included hares, wolves, brown bears, wild boars and red deer. The ratio of bird remains among the osteological finds is rather small. At the same time, fishing was actively pursued at Golubitskaya 2. The ratio of the remains of domestic animals from the settlement of Golubitskaya 2 definitely suggests the settled agricultural way of life of its residents. The herds were pastured most probably in the closest surroundings. The article presents a comparison of our materials with the data on the fauna at other Classical settlements of East Crimea and the Taman Peninsula.

³ Mikhail V. Sablin, Inga I. Iokhina, Karina Yu. Iltsevich — Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences, 1 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; e-mail: Mikhail.Sablin@zin.ru; Inga.Iokhina@zin.ru; Karina.Iltsevich@zin.ru.

Новый клад металлических изделий эпохи бронзы из Северо-Западного Крыма¹

В. С. Бочкарев, А. И. Климушина, Ю. В. Кожуховская, В. А. Полевода²

Аннотация. В статье публикуется новый клад металлических изделий с территории Северо-Западного Крыма. Он был обнаружен случайно, вне культурного контекста. Комплекс в основном состоит из плоских топоров-тесел одного из ранних типов бронзового века. На основании типологического анализа предметовклада предлагается его датировка и связь с металлопроизводством, как местным, так и соседних территорий. Если подтвердится предложенная датировка, то этот комплекс будет одним из самых ранних кладов эпохи бронзы в степной зоне Восточной Европы.

Ключевые слова: клад металлических изделий, типологический анализ, эпоха бронзы, Крым.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-52-60

Клады металлических изделий являются важным источником по истории бронзового века. Поэтому каждая новая находка клада вызывает интерес. Она позволяет расширить наши представления о металлопроизводстве того времени, его связях, хронологии и т. д. В статье представлен новый клад металлических изделий, происходящий с территории Крыма.

Весной 2015 г. вблизи пос. Северный в Черноморском районе Республики Крым В. А. Полевода на вспаханном поле нашел несколько металлических изделий. Они были разбросаны в радиусе

от 1,0 до 3,5 м; среди них — два отдельно лежащих тесла; два прямоугольных в сечении стержня; два обломка верхней (обушковой) части тесел; четырехгранный предмет с раскованной пяткой, внешне напоминающий зубило; несколько мелких кусочков металла. При более детальном обследовании В. А. Полевода там же обнаружил небольшую яму диаметром около 0,5 м и глубиной около 0,3–0,4 м, в которой были найдены еще семь тесел.

Таким образом, всего в состав этой находки входят: девять тесел (два из них сломаны, и каждое состоит из двух обломков); два четырехгранных стержня; четырехгранный в сечении предмет, один из концов которого раскован в форме прямоугольной шляпки («зубило»); три мелких кусочка металла. Всего комплекс насчитывает 15 предметов общим весом около 1,4 кг. Все они были переданы в Центральный музей Тавриды (далее ЦМТ) Республики Крым, где хранятся и в настоящее время (рис. 1)³.

Место находки этих металлических изделий расположено близ склона балки, которая периодически заполняется водой. Обследование места показало, что никаких культурных остатков эпохи бронзы (поселений, могильников и т. д.) здесь нет. Учитывая состав этой находки и ее контекст,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 22-18-00065, <https://rscf.ru/project/22-18-00065/> «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход») в РГПУ им. А. И. Герцена.

² Бочкарев В. С. — ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, С.-Петербург, 191186, Россия; e-mail: bovad872@gmail.com; Климушина А. И. — ИИМК РАН; Географический фак-т РГПУ им. А. И. Герцена; наб р. Мойки, 48/12, 191186, С.-Петербург, Россия; e-mail: elizavetaklim21@mail.ru. Кожуховская Ю. В. — Географический фак-т РГПУ им. А. И. Герцена; Институт филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; пр. Академика Вернадского, 4, Симферополь, Республика Крым, 295007, Россия; e-mail: ju-k@mail.ru. Полевода В. А. — независимый исследователь, Республика Крым, РФ; e-mail: tibalkanavol4ei@yandex.ru.

³ Благодарим за возможность работы с предметами клада ГБУ РК «Центральный музей Тавриды» (Симферополь) и его главного хранителя Наталью Борисовну Майко.

Рис. 1. Клад из пос. Северный (ГБУ РК «Центральный музей Тавриды», Симферополь, фото Ю. В. Кожуховской)
Fig. 1. Hoard from v. Severny. Collection of the Central Museum of Tauris, Simferopol, Republic of Crimea
(photo by Yu. V. Kozhuhovskaya)

можно заключить, что она представляет собой клад металлических изделий эпохи бронзы. Далее приводим полное описание предметов этого комплекса.

Все изделия клада покрыты плотной зеленой патиной. Она также имеется на изломах двух телесел. Последнее указывает на то, что, вероятно, эти предметы были сломаны еще в древности. Основным компонентом комплекса являются телеса. Всего их найдено девять экземпляров. Начнем описание с этих изделий.

1. Топор-телсо (рис. 2, 1). В плане имеет трапециевидную форму. У него почти прямое лезвие и закругленный обушок. В поперечном сечении телсо прямоугольное. Его профиль тонкий и слегка расширяется книзу. Лезвие изделия заточено и имеет односторонний скос. В одном месте на лезвии есть выщербина. На поверхности орудия видны следы ковки. Они есть и на боковых гранях. В результате проковки последних вдоль их края образовался небольшой наплыв металла.

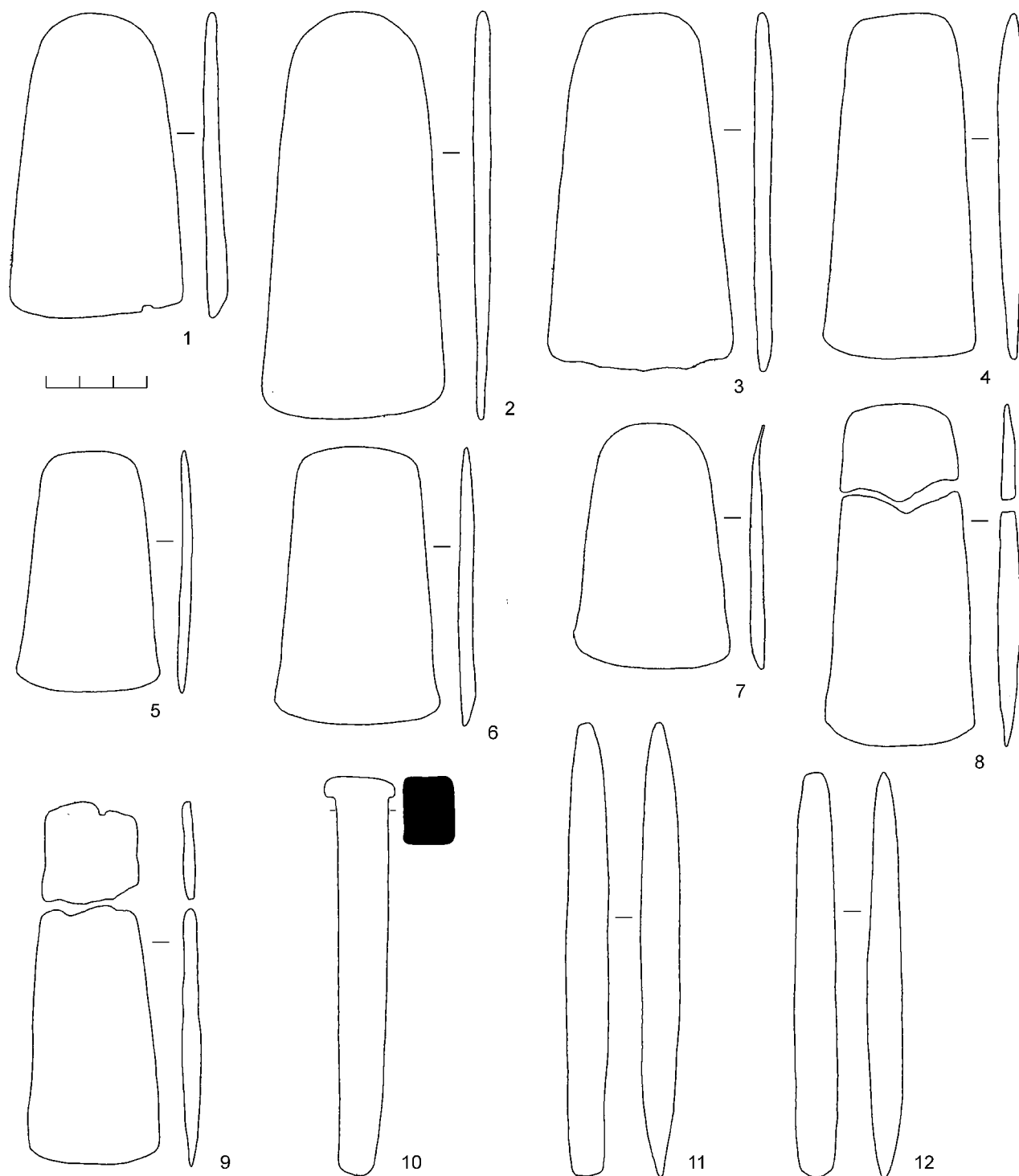

Рис. 2. Клад из пос. Северный (рисунки Ю. В. Кожуховской)
Fig. 2. Hoard from v. Severny (drawings by Yu. V. Kozhuhovskaya)

Размеры: длина — 9,0 см, ширина лезвия — 5,1 см, ширина обушка — 3,0 см, толщина (в средней части) — 0,4 см; вес — 137 г.

Место хр.: ГБУ ЦМТ, КП-60453/1 А-33160.

2. Топор-тесло (рис. 2, 2). В плане имеет вытянутую трапецевидную форму. Лезвие почти прямое, обушок закруглен. Поперечное сечение орудия прямоугольное. Профиль тонкий, постепенно сужающийся книзу. Лезвие имеет двусторонний скос и хорошо заточено.

Размеры: длина — 12,1 см, ширина лезвия — 5,2 см, ширина обушка — 3,0 см, толщина (в средней части) — 0,4 см; вес — 182 г.

Место хр.: ГБУ ЦМТ, КП-60453/2 А-33161.

3. Топор-тесло (рис. 2, 3). В плане имеет такую же трапецевидную форму, как и топор-тесло № 1. Лезвие почти прямое, а обушок немного закруглен. Поперечное сечение прямоугольное. Профиль тонкий, одинаковой ширины по всей длине. Лезвие имеет двусторонний скос и зазубрено.

Размеры: длина — 10,7 см, ширина лезвия — 5,3 см, ширина обушка — 3,1 см, толщина (в средней части) — 0,35 см; вес — 165 г.

Место хр.: ГБУ ЦМТ, КП-60453/3 А-33162.

4. Топор-тесло (рис. 2, 4). Изделие в плане имеет вытянутую трапецевидную форму, почти прямое лезвие и прямой обушок. Поперечное сечение прямоугольное. Профиль утончен в верхней части и постепенно сужается книзу. Лезвие имеет скос с обеих сторон, заточено. На поверхности орудия видны царапины.

Размеры: длина — 10,3 см, ширина лезвия — 4,5 см, ширина обушка — 2,9 см, толщина (в самой широкой части) — 0,55 см; вес — 185 г.

Место хр.: ГБУ ЦМТ, КП-60453/4 А-33163.

5. Топор-тесло (рис. 2, 5). Имеет в плане укороченную трапецевидную форму, слегка изогнутое лезвие и слегка закругленный обушок. Поперечное сечение прямоугольное. Профиль тонкий. Наибольшая ширина приходится на верхнюю часть орудия. Лезвие имеет скос с обеих сторон и очень хорошо заточено. В профиле лезвийная часть немного изогнута. Край обушка приострен.

Размеры: длина — 7,1 см, ширина лезвия — 4,5 см, ширина обушка — 2,8 см, толщина (в самой широкой части) — 0,3 см; вес — 67 г.

Место хр.: ГБУ ЦМТ, КП-60453/5 А-33164.

6. Топор-тесло (рис. 2, 6). В плане имеет трапецевидную форму, почти прямые лезвие и обушок. В поперечном сечении прямоугольный. Имеет тонкий профиль одинаковой ширины по всей длине. Лезвие скошено с обеих сторон и заточено. Край обушка приострен.

Размеры: длина — 8,3 см, ширина лезвия — 4,8 см, ширина обушка — 3,3 см, толщина (в средней части) — 0,3 см; вес — 100 г.

Место хр.: ГБУ ЦМТ, КП-60453/6 А-33165.

7. Топор-тесло (рис. 2, 7). Орудие в плане имеет трапецевидную форму, закругленный обушок и слегка изогнутое лезвие, поперечное сечение прямоугольное. Профиль тонкий, одинаковой ширины по всей длине. Лезвие имеет односторонний скос, заточено. Край обушка приострен.

Размеры: длина — 7,4 см, ширина лезвия 4,6 см, ширина обушка — 2,9 см, толщина — 0,3 см; вес — 77 г.

Место хр.: ГБУ ЦМТ, КП-60453/7 А-33166.

8. Топор-тесло (рис. 2, 8). Орудие в плане имеет вытянутую трапецевидную форму, слегка изогнутое лезвие и почти прямой обушок. В поперечном сечении прямоугольное. Имеет профиль, немного расширяющийся к лезвию. Лезвие хорошо заточено и имеет скос с двух сторон. Орудие еще в древности было разбито на две части. На изломе имеется такая же патина, как и на других частях изделия.

Размеры: длина — 10,5 см, ширина лезвия — 4,4 см, ширина обушка — 3,0 см, толщина (в средней части) — 0,5 см; вес — 170 г.

Место хр.: ГБУ ЦМТ, КП-60453/8 А-33167.

9. Топор-тесло (рис. 2, 9). В плане имеет вытянутую трапецевидную форму. Обушок и лезвие почти прямые. Поперечное сечение орудия прямоугольное. В профиле слегка расширяется книзу. Лезвие заточено и симметрично скошено. Орудие разбито на две части. Край обушка поврежден. Судя по следам патины на изломе, изделие было разбито еще в древности.

Размеры: длина — 11,7 см, ширина лезвия — 3,9 см, ширина обушка — 2,7 см, толщина (в самой широкой части) — 0,45 см; вес — 116 г.

Место хр.: ГБУ ЦМТ, КП-60453/9 А-33168.

10. Предмет неустановленной функции (рис. 2, 10). Представляет собой слегка изогнутый стержень, немного сужающийся книзу. В поперечном сечении прямоугольный. Его верхний конец раскован в прямоугольную шляпку, а нижний имеет вид стамески или прямолезвийного долота.

Размеры: длина — 11,9 см, максимальная толщина стержня — 0,80 × 1,55 см, длина шляпки — 2,0 см, ширина шляпки — 1,5 см, ширина лезвийной части — 0,8 см; вес — 109 г.

Место хр.: ГБУ ЦМТ, КП-60453/10 А-33169.

11. Стержень, прямоугольный в сечении (рис. 2, 11). Оба его конца приострены, но оформлены по-разному: один с прямым срезом,

а противоположный — конусовидный. В профиле оба конца изделия имеют конусовидную форму. На одной из сторон стержня нанесено несколько вертикальных линий. Изделие было слегка повреждено в древности.

Размеры: длина — 13,5 см, поперечное сечение — 1,00 × 1,05 см; вес — 94 г.

Место хр.: ГБУ ЦМТ, КП-60453/11 А-33170.

12. Предмет, аналогичный предыдущему, но несколько меньший по размеру и весу. Оба его конца приострены (рис. 2, 12).

Размеры: длина — 12,1 см, сечение в средней части — 0,8 × 0,85 см; вес — 74 г.

Место хр.: ГБУ ЦМТ, КП-61288 А-33494.

13–15. Три небольших кусочка меди (бронзы?). Вес первого — 1,62 г, второго — 6,91 г, третьего — 1,75 г. Возможно, представляют собой фрагменты металлических изделий.

Таков состав клада, найденного близ пос. Северный. Визуально, без данных металлографического и химического анализов изделий клада, трудно установить технологию их производства. Но можно отметить следующее. На всех изделиях есть следы более-менее интенсивной проковки. Возможно, некоторые из них отковывались из литых заготовок. Это предположение прежде всего касается топоров-тесел. Литые заготовки для них нам известны по глиняным формам из погребений литейщиков ямной и раннекатакомбной культур (Моргунова, 2014. Рис. 42, 4; Братченко, 2001. Ч. 2. Рис. 32, 3; Шилов, 1959. Рис. 6, 1). Для остальных изделий этого кладаковка, возможно, была основным формообразующим приемом.

Основу клада, как уже было сказано, составляет набор топоров-тесел. Судя по тому, что у одних из них лезвие имело односторонний скос (№ 1, 7⁴), а у других — двусторонний (№ 2–6, 8, 9), они могли различаться в функциональном отношении. Первые из них могли преимущественно использоваться как тесла, а вторые — как топоры. Но в целом их можно считать полифункциональными орудиями для обработки дерева.

Гораздо труднее определить функции трех других изделий клада (№ 10–12). Одно из них (№ 10) могло использоваться как стамеска, долото или даже зубило. Однако оно не имеет точных аналогий в восточноевропейских материалах РБВ⁵ и СБВ. Можно только уверенно утверждать, что это было рабочее орудие. В материалах начальной поры ПБВ есть предметы, напоминающие

изделие из клада у пос. Северный. Один из них происходит из клада у с. Пятницкое Харьковской области (Украина) (Клочко, Козыменко, 2017. С. 83, рис. 2, 3). Он имеет такую же раскованную шляпку и сужающийся книзу стержень прямоугольного сечения. Но в отличие от орудия из клада у пос. Северный, у орудия из клада у с. Пятницкое иначе оформлена нижняя часть: она заострена сразу же в двух плоскостях. Авторы публикации этого предмета называют его зубилом, хотя, по нашему мнению, оно скорее напоминает керн.

Что касается двух стержней (№ 11, 12), то их назначение определить также трудно. Они могли быть как орудиями, так и оружием (наподобие клевцов). Также нельзя исключить и того, что они могли быть слитками-заготовками. Подобные изделия РБВ в Средней Европе немецкие археологи обозначают термином *Barren* (Innerhofer, 1997. S. 53–59, Abb. 3). Изредка они также встречаются в восточноевропейских материалах СБВ (клад из Полтавской обл., Украина)⁶.

Для определения датировки и культурной принадлежности рассматриваемого клада у пос. Северный наиболее важное значение имеют топоры-тесла. Они имеют наиболее точные и многочисленные аналогии в восточноевропейских материалах степного энеолита, а также памятниках РБВ и СБВ. Они различаются по размерам, пропорциям и некоторым другим деталям. По длине их можно разделить на две условные группы. В первую вошли изделия (№ 1, 5–7), длина которых варьирует от 7 до 9 см. Среди них оказались и самые легкие экземпляры топоров-тесел (67 г, 77 г, 137 г). Вторую группу составляют топоры-тесла длиной от 10 до 12 см (№ 2–4, 8, 9). К ней относятся самые тяжелые изделия (116 г, 165 г, 170 г, 182 г, 185 г). Также топоры-тесла различаются по форме обушка: у одних он закруглен (№ 1–3, 5, 7), а у других — прямой (№ 4, 6, 8, 9). Как показал обзор восточноевропейских материалов, эти два варианта оформления обушка существовали параллельно на протяжении длительного времени, иными словами, этот признак не является хронологическим индикатором. Все же следует отметить, что топоры-тесла с закругленным обушком чаще всего встречаются в материалах майкопской и новосвободненской культур, то есть датируются РБВ Северного Кавказа (Корневский, 2011. Рис. 60, 1, 2, 4, 5; 61, 5–10).

Даже беглое знакомство с топорами-теслами этого клада позволяет заключить, что они относятся к ранним образцам таких изделий. Практически только они позволяют датировать

⁴ Здесь и далее — это номер предмета по списку, а также его позиция на рис. 1 и 2.

⁵ РБВ — ранний бронзовый век, СБВ — средний бронзовый век, ПБВ — поздний бронзовый век.

⁶ Информация из личного архива В. С. Бочкарева.

клад и определить его приблизительную культурную принадлежность. Вместе с тем в морфологическом отношении плоские топоры-тесла — это очень простые орудия, что затрудняет их типологическое определение.

Что касается теселклада у пос. Северный, все они имеют более или менее выраженную трапециевидную форму, почти прямое лезвие и прямой или слегка закругленный обушок. В поперечном разрезе они имеют узкую прямоугольную форму. Основные различия этих тесел, как и всех аналогичных орудий эпохи бронзы, сводятся к разнице в их пропорциях. В литературе многократно отмечалось, что развитие тесел эпохи бронзы в южной половине Восточной Европы и на Северном Кавказе шло по линии от широких и низких пропорций к узким и удлиненным формам (Гак, 2004. С. 76). Эти изменения происходили очень постепенно, говоря иначе, эволюционным путем. Поэтому границы между типами тесел бывают часто весьма условными. Возможно, это связано с тем, что в энеолите — СБВ тесла выковывались из литых заготовок. В результате использования такой технологии каждое тесло имело индивидуальные особенности.

Еще одно обстоятельство, которое нужно учитывать при анализе этих орудий, заключается в том, что тесла имеют разную степень изношенности. Такие параметры, как ширина лезвия, толщина клина и форма обушка, могли в процессе употребления орудия меняться. Все это затрудняет классификацию плоских топоров-тесел эпохи бронзы. Поэтому в данном случае наиболее подходящим является статистический метод анализа.

Как показал С. Н. Братченко в целом ряде своих работ (Братченко, 1996; 2001; Братченко, Санжаров, 2001), самым надежным средством классификации тесел этого времени является корреляция двух индексов: индекс А учитывает пропорциональное соотношение длины орудия к ширине его лезвия ($A = L/S_1$); индекс В — соотношение ширины лезвия к ширине обушка ($B = S_1/S_2$). Первый индекс (А) демонстрирует общие пропорции орудий, а второй (В) — степень скоса их боковых граней. Чем выше индекс А, тем более вытянуто орудие, и наоборот. Соответственно, чем выше индекс В, тем более скошены боковые грани тесла, и наоборот. Корреляция этих двух индексов позволила выделить несколько групп тесел эпохи бронзы. Этот метод анализа был апробирован С. Н. Братченко на материалах энеолитического времени, РБВ и СБВ; В. С. Бочкаревым — для тесел ПБВ Восточной Европы; В. А. Дергачевым — для тесел Карпато-Подунавья

СБВ и ПБВ (Братченко, 1996. С. 48, рис. 9; Бочкарев, 2010. С. 197, рис. 7; Дергачев, 2011. С. 209–216, рис. 135).

С помощью указанного метода мы попытались определить место теселклада у пос. Северный среди аналогичных орудий эпох энеолита, РБВ и начала СБВ. Для этого были привлечены материалы из памятников майкопской и новосвободненской культур, памятников степного энеолита, а также материалы ямной и раннекатакомбной культур. Следует подчеркнуть, что привлекались только комплексные находки, культурная принадлежность которых не вызывает сомнений. Всего было учтено 55 экземпляров топоров-тесел (без учета девяти теселклада у пос. Северный). Из них 28 происходят из памятников майкопской и новосвободненской культур, 16 — из поздних энеолитических и раннебронзовых комплексов степной зоны, пять — из позднейших, шесть — из раннекатакомбных. Данные о метрических параметрах этих изделий были взяты из работ С. Н. Корневского, С. Н. Братченко и ряда других авторов (Корневский, 2011. С. 71–76, табл. 4, 1; Братченко, 1996. С. 45–51, рис. 8–10; Братченко, Санжаров, 2001. С. 55–67, рис. 33; 35; 36; Васильев, 2015. С. 5, рис. 9, 2; Моргунова, 2014. С. 302, рис. 101; Тоцев, 2007. С. 68, рис. 28, 3; Житников, Ильюков, 2002. С. 17–27, рис. 3, 2; 4, 3).

На графике тесла каждой из указанных групп обозначены специальным значком (рис. 3). Топоры-тесла изклада у пос. Северный помечены крестиками. По вертикальной оси графика отмечены значения индекса А (L/S_1), по горизонтальной — индекса В (S_1/S_2). В результате корреляции этих двух показателей на поле графика выделились две зоны скопления значков. В одну из них в основном вошли майкопско-новосвободненские тесла. Значение индекса А у них колеблется от 1,9 до 2,3, индекса В — от 1,15 до 1,60. Ниже располагается вторая зона скопления, где преобладают тесла из энеолитических и раннебронзовых памятников. Индекс А у них варьирует от 1,35 до 1,95, индекс В — от 1,4 до 1,7. По сравнению с майкопско-новосвободненскими теслами последние имеют более укороченные пропорции и несколько сильнее скошенные боковые грани. Что касается топоров-тесел позднейшего — раннекатакомбного времени, то на поле графика они отстоят от тесел первых двух групп и занимают верхний правый угол.

Топоры-тесла изклада у пос. Северный попадают в зону скопления первой и главным образом второй группы. Причем от майкопско-новосвободненских тесел они отличаются более

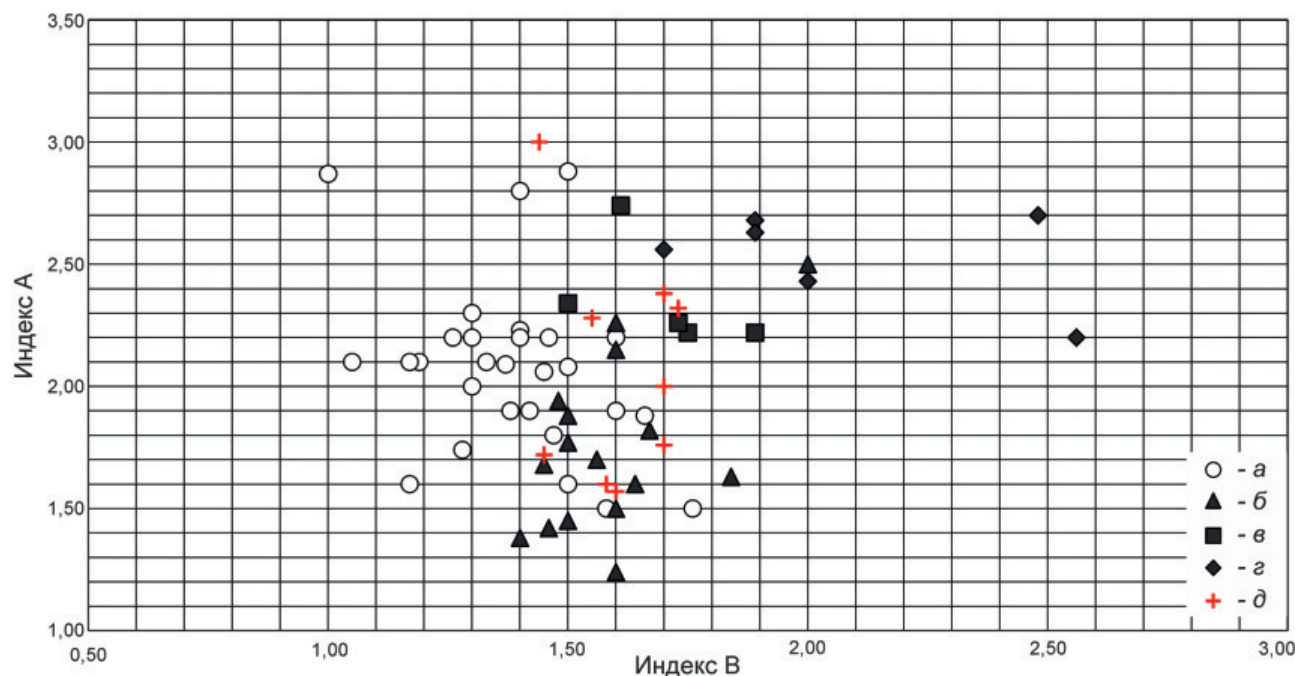

Рис. 3. Корреляция индексов топоров-тесел памятников энеолита, раннего и начала среднего бронзового века степной зоны Восточной Европы (а — майкопско-новосвободненские; б — из памятников степного энеолита и раннего бронзового века; в — позднейшие; г — раннекатакомбные; д — из клада у п. Северный)

Fig. 3. Plot of the correlation between indices for axes/adzes from Eneolithic sites and sites of the Early and beginning of the Middle Bronze Age in the steppe zone of East Europe (a — Maikop-Novosvobodnaya; б — from the sites of the steppe Eneolithic and Early Bronze Age; в — Late Pit-Grave; г — Early Catacomb; д — from the hoard near the v. Severny)

скошенными боковыми гранями, на что указывает индекс В. В этом отношении они приближаются к позднейшим теслам. Четыре тесла из клада попадают в зону скопления энеолитических и раннебронзовых орудий. В целом, по сравнению с майкопско-новосвободненскими, так же как и тесла энеолитического и раннебронзового времени, они имеют более укороченные пропорции и несколько сильнее скошенные боковые грани.

Исходя из приведенного графика, тесла из клада у пос. Северный можно датировать РБВ. Этот вывод могли бы подтвердить данные химического состава изделий этого клада, получение которых запланировано.

Если исходить из предложенной датировки этого клада и места его нахождения, то можно предполагать его принадлежность к ямной или кеми-обинской культуре. Вещи этого клада могли быть изготовлены как на месте, так и быть привезенными с соседних территорий, например с Северного Кавказа.

Что касается культурно-исторической интерпретации этого комплекса, то стоит обратить внимание на несколько обстоятельств. Первое — не вполне обычный состав клада. В нем резко преобладают топоры-тесла, что может говорить

об осознанном подборе орудий этой категории. Далее — два из них были преднамеренно разбиты в одной и той же верхней части орудия. Кроме того, в состав комплекса входят мелкие фрагменты металла, предположительно части от трех разных изделий. Все вместе это может говорить о том, что состав этого клада сложился не случайно, а согласно какой-то определенной схеме. Он мог принадлежать какому-то коллективу людей или же отдельной металлообрабатывающей мастерской. Но возможен и другой вариант интерпретации. Преднамеренно подобранный состав клада может указывать на непрофанный характер этого комплекса.

В заключение следует отметить, что если клад из пос. Северный действительно датируется РБВ, то он будет одной из первых подобных находок этого времени во всей степной зоне Восточной Европы. Кладов этого времени нет ни на Северном Кавказе, ни в Крыму. А клад трипольской культуры, которые сейчас известны в количестве полутора десятков, относятся к другой территории, более раннему времени, и они принадлежали не скотоводческому, а земледельческому населению (Дергачев, 2016. С. 36–51).

- Бочкарёв, 2010 — Бочкарёв В. С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. 231 с.
- Братченко, 1996 — Братченко С. Н. До проблеми ранньобронзової індустрії Східної Європи // Древние культуры Восточной Украины. Луганск: Изд-во Восточноукраинского ГУ, 1996. С. 32–57.
- Братченко, 2001 — Братченко С. Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях, 2001. Ч. 1, 2. 115 + 113 с.
- Братченко, Санжаров, 2001 — Братченко С. Н., Санжаров С. М. Рідкісні бронзові снаряддя з катакомб Сіверськодонеччини та Донщини (III тис. до н. е.). Луганськ: Вид-во Східноукраїнського нац. ун-та ім. В. Даля, 2001. 109 с.
- Васильев, 2015 — Васильев И. Б. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2015. Вып. 5. С. 4–48.
- Гак, 2004 — Гак Е. И. К вопросу об эволюции топоров-тесел в металлопроизводстве культур катакомбной общности // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Междунар. Нижневолжская археологическая конф. (Волгоград, 1–5 ноября 2004 г.) / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 2004. С. 75–79.
- Дергачев, 2011 — Дергачев В. А. Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып. 2: Кельты и серпы Нижнего Подунавья. Кишинэу: б. и., 2011. 464 с.
- Дергачев, 2016 — Дергачев В. А. Новые клады металлических изделий культуры Кукутень–Триполье из Среднего Поднестровья (Украина) // Culturi, Procese și Contexte în Arheologie. Volum omagial Oleg Levițki la 60 de ani / Ed. L. Sîrbu et al. Chișinău: Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural, Academia de științe a Moldovei, 2016. P. 36–51.
- Житников, Ильюков, 2002 — Житников В. Г., Ильюков Л. С. Новые памятники эпохи раннего металла на правом берегу Нижнего Дона // Донская археология. 2002. № 1–2. С. 17–27.
- Клочко, Козыменко, 2017 — Клочко В. И., Козыменко А. В. Древний металл Украины. Киев: б. и., 2017. 368 с.
- Корневский, 2011 — Корневский С. Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: ТАУС, 2011. 336 с.
- Моргунова, 2014 — Моргунова Н. Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2014. 348 с.
- Тощев, 2007 — Тощев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Запорожский национальный ун-т, 2007. 304 с.
- Шилов, 1959 — Шилов В. П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // Памятники Нижнего Поволжья. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 60). Т. 1. С. 11–38.
- Innerhofer, 1997 — Innerhofer F. Frühbronzezeitliche Barrenhortfunde — Die Schätze aus dem Boden kehren zurück // Gaben an die Götter: Schätze der Bronzezeit Europas. Ausstellung der Freien Universität Berlin in Verbindung mit dem Museum für Vor- und Frühgeschichte, Staatliche Museen zu Berlin / Hrsg. W. Menghin, B. Hänsel. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin, 1997. S. 53–59.

A new hoard of metal objects of the Bronze Age from the North-Western Crimea

V. S. Bochkarev, A. I. Klimushina, Yu. V. Kozhukhovskaya, V. A. Polevoda⁷

Keywords: hoard of metal objects, typological analysis, Bronze Age, Crimea.

This paper publishes a new hoard of metal objects from the area of the North-Western Crimea. It was discovered accidentally in 2015 near the village of Severny (Chernomorsk District, Republic of Crimea). No other cultural remains were revealed at the findspot of the hoard. The finder submitted the articles of the hoard to the Central

⁷ Vadim S. Bochkarev — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaia nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: bovad872@gmail.com; Alexandra I. Klimushina — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; Department of Geology and Geoecology, Herzen State Pedagogical University; 48/12 nab. Moyki, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: elizavetaklim21@mail.ru. Yuliya V. Kozhukhovskaya — Institute of philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University; 4 Akademika Vernadskogo pr., Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russia; Department of Geology and Geoecology, Herzen State Pedagogical University; e-mail: jv-k@mail.ru. Valentin A. Polevoda — independent researcher; Republic of Crimea, Russia; e-mail: ribalkanavol4ei@yandex.ru.

Museum of Tauris (city of Simferopol). The complex consisted of 12 pieces of metal (copper or bronze). The basis of the hoard was constituted by flat axes/adzes (9 items). In terms of their morphology, they are divided into two groups. Three other objects (two tetrahedral rods and still another one with a hammered rectangular head) were difficult to identify functionally. In order to date and define the cultural belonging of this collection, the authors of this paper have concentrated their attention at analysis of the flat axes/adzes. The adzes have the closest and most numerous parallels among East-European materials of the steppe Eneolithic and at sites of the Early and Middle Bronze Age. The classification of the adzes from the hoard was conducted applying the statistic method, i.e. through the correlation of two indices (A and B). Index A takes in account the proportional ratio between the length of the tool and the width of its blade ($A = L/S1$). Index B is the ratio between the width of the blade and the width of the axe back ($B = S1/S2$). In order to define the place of the axes/adzes from the Severny hoard among analogous tools of the Bronze Age and thus to date it, a comparison was made using the mentioned indices (A and B) with adzes from the Eneolithic Age and examples from sites of the Early and Middle Bronze Age (Maykop, Yamnaya and early Catacomb cultures). The results of the comparison are presented in the plot (Fig. 3). The adzes from the hoard under consideration are found in the plot within the zone of concentration of tools of the Maykop and, predominantly, Yamnaya (Pit-Grave) cultures. This fact has allowed the authors to presume that the hoard is dated to the Early Bronze Age. If the proposed date of the complex under study is confirmed through further investigations then we are dealing with the earliest Bronze Age hoard from the steppe zone of East Europe.

Орнаментированные удила¹ бронзового века из оленьего рога: связующее звено между Данией, Венгрией и Грецией

К. Кристиансен²

Статья посвящается прошедшему 80-летнему юбилею В. С. Бочкарёва

Аннотация. В статье рассматриваются находки конских псалий из оленьего рога, свидетельствующие о распространении колесниц в бронзовом веке от Карпат и Балкан до Дании.

Ключевые слова: конские псалии, распространение колесниц, Дания, Греция, Венгрия, бронзовый век.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-61-64

Горизонт колесничных культур XVI в. до н. э. в Европе. Вадим Бочкарёв внес большой вклад в наши представления о бронзовом веке Причерноморья (Dergacev, Bochkarev, 2006), а также относительно горизонта колесничных культур XX–XV вв. до н. э. В этой статье мне хотелось бы поразмышлять о том, что привело к столь широкому распространению колесниц в Европе на примере трех довольно схожих и одновременно географически удаленных друг от друга находок. Речь пойдет о конских псалиях, найденных в Дании, Венгрии и Греции (Vandkilde, 2014. Fig. 7; Earle, Kristiansen, 2010. Fig. 8, 4; Maran, van de Moortel, 2014. Fig. 6). Хелле Вандкильде описала культурные, технологические и возможные социальные преобразования, которые происходили в течение XVII–XVI вв. до н. э. и связывали Карпатский регион с Южной Скандинавией (Vandkilde, 2014. Fig. 5). Между тем мы встречаем похожие

процессы, пусть и не столь отчетливо зафиксированные, которые объединяли в тот же период Карпаты с Балканами и Грецией. Как указывает Лаура Дитрих (Dietrich, 2010) и более подробно описывает Вольфганг Давид (David, 2001), эту связь маркируют находки рапир и серебра. Общим для всех трех регионов является появление орнаментированных конских псалий из оленьего рога. Это позволяет расширить границы распространения горизонта колесничных культур и тем самым объединить значительные территории Западной Евразии в начале и середине II тыс. до н. э. (Chechushkov, Epimakhov, 2018; Kristiansen, Larsson, 2005. Fig. 79). Кроме того, горизонт колесничных культур отличает то, что псалии имеют изысканный орнамент из волнистых полос и чередующихся спиралей. Подобные вещи могли принадлежать только элитному слою общества, имеющему широкие связи (Kristiansen, Larsson, 2005. Fig. 77). Попробуем определить, кто именно входил в эту элитарную социальную страту и каким образом распространялась конная упряжь — посредством завоеваний или мирным путем (через профессиональных тренеров-конников и изготовителей колесниц). А может быть, и так, и так?

Как расширялся ареал распространения псалий из оленьего рога и горизонта колесничных культур? Чтобы найти возможные ответы на этот вопрос, попытаемся двигаться от известного к неизвестному. В ближневосточных письменных источниках позднего бронзового века отчетливо

¹ В английском оригинале статьи используется словосочетание *horse bits*, что может быть переведено как *удила*, но в действительности речь идет о псалиях — элементе удила, соединяющем их с поводьями и оголовьем и обеспечивающем управление лошастью. Кроме утилитарного значения псалии играли и декоративную роль в уздечном наборе (Примеч. ред.).

² Кристиан Кристиансен — доктор философии, профессор; Отдел исторических наук, Университет Готенбурга; Vox 100, 405 30, Готенбург, Швеция; e-mail: kristian.kristiansen@archaeology.gu.se.

зафиксировано, что странствующие наставники лошадей останавливались при царских дворах, где делились своим искусством объездки лошадей. Об этом сообщает дошедший до нас трактат Киккули о тренировке колесничных лошадей (*Raulwing, Meyer, 2004*). Именно с этого времени начинается история объездки лошадей, обучение которой было необходимо, чтобы выработать навыки управления колесницей в условиях боя. Даже если колесницы и лошади приобретались на стороне, они были бесполезны без берейторов³ и обучения маневрированию лошадьми и колесницами, а также без опытных мастеров, изготавливавших новую сложную конскую упряжь, хотя последняя поначалу и могла быть приобретена в ремесленных центрах. Организация колесничного войска вела к появлению новой сложной военной структуры, занимающейся поддержанием всего комплекса: от самих лошадей, их обучения и питания до изготовления колесниц и конской упряжи, не говоря уже о новом классе элитных воинов.

Следовательно, мы должны учитывать, что расширение горизонта колесничных культур вело к росту потребности правящей знати бронзового века как в берейторах, так и в наставниках колесничных, в том случае, если все элементы сопровождающего колесницы комплекса не оказывались в наличии в результате завоеваний. На Ближнем Востоке мы встречаем оба варианта распространения горизонта колесничных культур, иногда в связке, а иногда по отдельности.

Для Европы, следовательно, я предлагаю заменить подобную же модель: мы должны рассматривать расширение горизонта колесничных культур как возникновение новой организации аристократического войска, когда потребности колесничного дела давали толчок для появления нового мощного института, требовавшего дополнительной экономической базы в виде взимаемой

³ Берейтор — специалист по обучению лошадей и подготовке их к верховой езде или езде в упряжи (*Примеч. ред.*).

дани. Даже когда колесницы не использовались непосредственно в боевых действиях, как на Ближнем Востоке, они участвовали в соревнованиях, что тоже требовало специального обучения и материальной основы. А это в свою очередь стимулировало завоевания с целью овладения большими территориями с многочисленными ремесленниками.

Появление поселений типа теллей на Балканах и Карпатах частично было инициировано в связи с потребностью в новой, более иерархичной, политической организации и экономике (*Earle, Kristiansen, 2010. Fig. 8, 9*). В Дании этот процесс совпадает с внедрением более совершенной металлургии и модернизированного типа оружия, украшенного волнистыми линиями и чередующимися спиралями, подобными встречающимся на псалиях, а также с постройкой длинных домов с тремя проходами внутри, причем некоторые из них были весьма внушительных размеров со стойлами для домашнего скота и (почему бы и нет?) лошадей (*Kveiborg, 2019*). Расцвет микенской археологической культуры в этот же период был, несомненно, связан с формированием и становлением особого класса правящей аристократии (*Maran, van de Moortel, 2014*). Странствующие наставники, благодаря которым осуществлялось внедрение этого нового института (комплекса, обслуживающего колесницы. — *Примеч. ред.*) посредством либо торговли, либо завоеваний, способствовали распространению конской упряжи и стиля ее орнаментации. Этим объясняется то, что мы обнаруживаем от Дании до Греции схожим образом декорированные конские псалии из оленьего рога на протяжении столетий со времени их появления между 1750 и 1500 гг. до н. э., а также то, почему мы находим изображения колесниц в наскальном искусстве того же периода в Скандинавии и на раннемикенских стелах. Торговцы, воины, берейторы и ремесленники кочевали с места на место и помимо самих лошадей приносили новые знания о том, как их обучать, как изготавливать новые колесницы и изысканную конскую упряжь, от ремней до орнаментированных псалий.

Middle Bronze Age decorated antler horse bits: bridging Denmark, Hungary and Greece

Kr. Kristiansen⁴

Keywords: horse bits, distribution of chariots, Denmark, Greece, Hungary, Bronze Age.

The 16th century BCE chariot horizon in Europe. Vadim Bocharov has contributed greatly to our understanding of the wider connections of the Bronze Age around the Black Sea (*Dergacev, Bochkarev, 2006*) as well as the chariot horizon between 2000–1500 BCE. Here I wish to speculate about what created such a widespread distribution by comparing three rather similar, and yet geographically separated horse bits from Denmark, Hungary and Greece (*Vandkilde, 2014. Fig. 7; Earle, Kristiansen, 2010. Fig. 8: 4; Maran, van de Moortel, 2014. Fig. 6*). Helle Vandkilde has documented a corridor of cultural, technological and probably social innovations, which during the 17–16th centuries BCE connected the Carpathians and south Scandinavia (*Vandkilde, 2014. Fig. 5*). However, we find a similar corridor, if not as well documented, connecting the Carpathians with the Balkans and Greece during the same period. It included rapiers as well as silver as documented by Laura Dietrich (*Dietrich, 2010*), and more extensively by Wolfgang David (*David, 2001*). Common for all three regions is the first occurrence of decorated antler horse bits, which belonged to the expansion of the chariot horizon, that unified large areas of western Eurasia during the early to mid 2nd millennium BCE (*Chechushkov, Epimakhov, 2018; Kristiansen, Larsson, 2005. Fig. 79*). In addition the chariot horizon also shared an elaborate style of wavy bands and rolling spirals, suggesting an elite horizon with widespread connections (*Kristiansen, Larsson, 2005. Fig. 77*). But who belonged to this elite horizon and how did it spread — through conquest, or through specialist horse trainers and chariot builders? Or some combination?

How did the antler horse bits and the chariot horizon expand? In order to provide some possible answers let us move from the known to the unknown. It is well documented from Late Bronze Age written sources in the Near East that horse trainers were moving around and attached to royal courts to teach their training skills, a result of which was the sur-

viving Kikkuli manual for training of chariot horses (*Raulwing, Meyer, 2004*). Dressage begins here, as you must be able to control your horses in the battlefield. Thus, while chariots and horses can be traded, they are worthless without specialists to train them. And you also need training programs for the charioteer, in order to maneuver horses and chariot. Not to speak of craft specialists to produce the new complicated sets of horse gear, even if that could also for a start be traded in from specialist centers. But to adopt chariotry is to adopt a new complex institution with demands on specialist training and maintenance in everything from horses, their training and nurturing, to the production and maintenance of chariots and horse gear, not to speak of a new class of elite warriors.

Therefore we must envisage that the spread of the chariot horizon among Bronze Age chiefly elites was accompanied by groups of trainers of both horses and charioteers, that is, unless we speak about military conquest, which would then introduce the whole package by force. We know from the Near East the two often walked hand in hand, but could also be separated.

For Europe then, I suggest a related pattern: we should see the chariot horizon as the materialization of a new institution of aristocratic warriors who could use the demands of chariotry to establish a new powerful institution, which put new demands on economic support in the form of tribute. Even if the chariots were not engaged in organized chariot warfare as in the Middle East, their use by elites for racing, and show, among other things, demanded the same kind of specialist training and economic support. This again would spur demands for conquering or controlling larger territories with more producers.

The tell settlements of the Balkans and Carpathians could, at least in part, be seen as a response to such a new more hierarchical political organization/economy (*Earle, Kristiansen, 2010. Fig. 8, 9*). In Denmark it coincides with the introduction of new elaborate metalwork and weapons, decorated with the same wavy bands and rolling spirals, as well as the construction of new three aisled long houses, some of enormous proportions with stables for cattle, and why not — horses? (*Kveiborg, 2019*). The rise of Mycenaean

⁴ Kristian Kristiansen — Department of Historical Sciences, University of Gothenburg; The University of Gothenburg Box 100, 405 30, Gothenburg Sweden; PhD, professor; e-mail: kristian.kristiansen@archaeology.gu.se

culture during the same period was undoubtedly also linked to the formation and establishment of such a new ruling warrior aristocracy (*Maran, van de Moortel*, 2014). The traveling specialists which accompanied the introduction of this new institution whether through trade or conquest were responsible for expanding the horse gear and its highly elaborate decoration linked to this new institution. It explains why we find similarly decorated antler bits from Denmark

to Greece during the formative centuries between 1750–1500 BCE, and it explains why we find chariots on rock art in Scandinavia and on early Mycenaean grave stelae during the same period. Traders, warriors and horse trainers/crafts specialists were on the move, and in addition to horses they also brought new knowledge of how to train them, and the knowledge of how to produce the new chariots and their elaborate horse gear from strappings to decorated bridles.

Chechushkov, Epimakhov, 2018 — *Chechushkov I., Epimakhov A.* Eurasian Steppe Chariots and Social Complexity During the Bronze Age // *Journal of World Prehistory*. 2018. No. 31. P. 435–483.

David, 2001 — *David W.* Zu den Beziehungen zwischen Donau-Karpatenraum, osteuropäischen Steppengebieten und ägäisch-anatolischem Raum zur Zeit der mykenischen Schachtgräber unter Berücksichtigung neuerer Funde aus Südbayern // *Anados. Studies of Ancient World*. 2001. No. 1. P. 51–80.

Dergacev, Bochkarev, 2006 — *Dergacev V., Bochkarev V.* Secerile de metal din peoca bronzui ui tarziu din Europa de est. Iași: Golia, 2006 (*Bibliotheca Archaeologica Moldaviae*. V). 540 p.

Dietrich, 2010 — *Dietrich L.* Eliten der frühen und mittleren Bronzezeit in südöstlichen Karpatenbecken // *Praehistorische Zeitschrift*. 2010. No. 85. P. 191–206.

Earle, Kristiansen, 2010 — *Earle T., Kristiansen K.* Organising Bronze Age Societies. Concluding Thoughts // *Organising Bronze Age Societies. The Mediterranean, Central Europe, and Scandinavia compared* / Eds. T. Earle, K. Kristiansen. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 218–256.

Kristiansen, Larsson, 2005 — *Kristiansen K., Larsson Th. B.* The rise of Bronze Age society: Travels, Transmissions and Transformations. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 464 p.

Kveiborg, 2019 — *Kveiborg J.* Traversing Sky and Earth. The Nordic Bronze Age horse in a long-term perspective // *Praehistorische Zeitschrift*. 2019. No. 93 (2). P. 225–264.

Maran, van de Moortel, 2014 — *Maran J., van de Moortel A.* Connections from Late Helladic I Mitrou and the Emergence of a Warlike Elite in Greece During the Shaft Grave Period // *American Journal of Archaeology*. 2014. No. 118 (4). P. 529–548.

Raulwing, Meyer, 2004 — *Raulwing P., Meyer H.* Der Kikkuli-Text. Hippologische und methodenkritische Überlegungen zum Training von Streitwagenpferden im alten Orient // *Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation. Wagen in vorderen Orient und Europa* / Eds. M. Fansa, S. Burmeister. Mainz-am Rhein, 2004. P. 491–506.

Vandkilde, 2014 — *Vandkilde H.* Breakthrough of the Nordic Bronze Age: transcultural warriorhood and a Carpathian crossroad in the sixteenth century BC // *European Journal of Archaeology*. 2014. No. 17 (4). P. 602–633.

Четвертая серия зеркал борисфенитского типа

В. Ю. Зуев¹

Аннотация. В статье публикуются сведения о 20 бронзовых зеркалах, относящихся по классификации автора к четвертой серии зеркал борисфенитского типа. Дается обоснование разделения этих зеркал на два варианта, охарактеризованы признаки этих вариантов. Автор полагает, что все зеркала данной серии были изготовлены методом литья по утрачиваемой восковой модели в одной мастерской города-полиса Борисфен на о. Березань во второй половине VI в. до н. э. Ареал их распространения характеризует наиболее важные центры культуры Скифии эпохи архаики, которые имели тесную связь с полисом, основанным в Побужье выходцами из Милета.

Ключевые слова: Скифия эпохи архаики, Борисфен, бронзовые зеркала борисфенитского типа.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-65-85

Светлой памяти
Константина Константиновича Марченко
посвящается

Продолжая публикацию зеркал борисфенитского типа (Зуев, 2017; 2018; 2019; 2020)², я рассматриваю здесь зеркала четвертой серии. Это бронзовые изделия, выполненные методом литья по утрачиваемой восковой модели, с круглым диском, имеющим бортик по краю, который скреплен с боковой рукоятью при помощи полуовального навершия наверху рукояти, переходящего ниже в фигурку оленя, лежащего в жертвенной позе и ориентированного на лицевой стороне зеркала головой влево. Под ногами оленя имеется подставка, по-разному оформленная, опирающаяся на ствол рукояти, разделенной на несколько вертикальных колонок. Колонки ствола рукояти опираются в горизонтальную подставку, тоже разнообразной отделки, на которой закреплена стилизованная фигурка стоящей на лапах пантеры. Головами пантеры на лицевой стороне

зеркала ориентированы частью влево, частью вправо. По соотношению вариантов оформления подставок и числа колонок на стволе рукояти зеркала четвертой серии делятся на четыре группы одного варианта, а по ориентировке фигурок головами влево и вправо они объединены в два варианта.

К февралю 2020 г. мне было известно 20 зеркал четвертой серии борисфенитского типа³. Их варианты, проработка деталей свидетельствуют о том, что все они были сделаны в одной мастерской, которая, как я полагаю, находилась в Борисфене на современном острове Березань, и оттуда в течение полувека существования мастерской во второй половине VI в. до н. э. зеркала этой серии распространялись по территории архаической Скифии, от Поволжья и Северного Кавказа до Закарпатья и Трансильвании.

¹ Независимый исследователь; Санкт-Петербург, Россия; e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru.

² Об этих зеркалах в свое время очень остроумно высказала мнение В. А. Ильинская: «Если с точки зрения античника такие зеркала являются явно не греческими, то скифоведы, в свою очередь, не могут безоговорочно признать их чисто скифскими» (Ильинская, 1968. С. 153),

³ Одно зеркало известно по неполной фотографии. Оно происходит из коллекции московского нумизмата К. Барковского, погибшего летом 2019 г. в авиационной катастрофе под г. Серпуховом. Поскольку на фотографии рукоять зеркала не видна целиком, этот экземпляр только упомянут, но в работе далее не анализируется.

1-й вариант четвертой серии зеркал борисфенитского типа.

Зеркала, на рукоятях которых фигурки оленя и пантеры на лицевой стороне ориентированы головами влево (13 экз.)

Группа «а». Зеркала, у которых прямоугольные гладкие подставки под фигурками животных на рукоятях (1 экз.)

№ 1. Бронзовое зеркало из погребения 55 некрополя на мысе Тузла (рис. 1, 1). Раскопано В. В. Шкорпилом в 1911 г. (*Pharmakowsky*, 1912. Sp. 343, № 1; *Шкорпил*, 1914. С. 23, 24).

Гробница была открыта под слоями земли толщиной 1,28 м и устричных раковин. Она была устроена в земле в яме размерами 2,06 × 0,96 м и глубиной 0,78 м. Погребение было перекрыто слоем досок. В гробнице вытянуто на спине лежал женский скелет, головой на восток. В левом западном углу были найдены обломки двух киликов, покрытых желтой и серой красками с концентрическими кругами на внешней и внутренней сторонах, и простого глиняного сосуда с двумя ручками. У пятки правой ноги погребенной стояла энохоя с желтой облицовкой, украшенная четырьмя черными поясками и волнистой линией на тулове, горле и ручке. Возле левого локтя в слое морской травы лежало бронзовое зеркало с рукоятью, украшенной фигурками оленя и пантеры. Тут же были обломки простой глиняной чашечки. На груди погребенной были свинцовое пряслице и бронзовое гладкое колечко неизвестного назначения (*Шкорпил*, 1914. С. 23, 24).

В. В. Шкорпил сравнил это зеркало с найденным в 1904 г. в кургане 447 у с. Журовка (*Бобринской*, 1905. С. 93, рис. 27), но почему-то назвал фигурку пантеры на рукояти зеркала овцой.

Бронзовое круглое зеркало с бортиком по краю. Имеет боковую рукоять, которая крепится на оборотной стороне диска с помощью полуовала наверху рукояти. Этот полуовал опирается на стилизованное изображение фигурки оленя на лицевой стороне зеркала, головой влево, лежащего в жертвенной позе. Голова оленя проработана слабо: выделено острое треугольное ухо и подчеркнута скула нижней челюсти. Тело животного трактовано слабо выделенными плоскостями. Под ногами оленя прямоугольная гладкая подставка. Ствол рукояти состоит из четырех вертикальных колонок. На их конце —

прямоугольная гладкая подставка, несколько скошенно надетая на конец ствола рукояти. На подставке находится стилизованная фигурка стоящей на лапах пантеры с массивным каплевидным хвостом. Концы лап обозначены, но не проработаны в деталях. На голове выделено овалом ухо, и на конце морды прорезью обозначена пасть. Тело пантеры трактовано общим объемом (рис. 2, 1). По сочетанию двух гладких прямоугольных подставок под фигурками животных я отнес это зеркало к четвертой серии зеркал борисфенитского типа, 1-му варианту, группе «а», полагая, что вероятны и другие зеркала с подобными деталями (рис. 3, 1).

У этого зеркала довольно сложная историко-графическая судьба. Его воспроизвел в своем докладе в Лондоне 1913 г. Б. В. Фармаковский (*Фармаковский*, 1914. С. 27, табл. XIV, 2). В отличие от В. В. Шкорпила верно определил фигурки на зеркале (лосиха и барс) Б. Н. Граков (*Граков*, 1947. С. 30, прим. 15). Но Н. Н. Бондарь, ссылаясь на таблицы доклада Б. В. Фармаковского, ошибочно указал, что это зеркало происходит из Пятигорска (*Бондарь*, 1955. С. 71, рис. 7а). Н. П. Сорокина, публикуя материалы некрополя с мыса Тузла, вдруг вернулась к мнению В. В. Шкорпила в атрибуции нижней фигурки на рукояти зеркала как овцы. Она высказалась также в пользу случайного характера попадания зеркала эпохи архаики из Ольвии на Таманский полуостров (*Сорокина*, 1957. С. 22, 23, табл. 7, 3). В. М. Скуднова исправила ошибку Н. Н. Бондаря с припиской зеркала Пятигорску (*Скуднова*, 1962. С. 14, № 2, рис. 8). Но киевские исследователи В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин повторили ошибочную привязку Н. Н. Бондаря в своем капитальном исследовании, приведя при этом «слепую» ссылку на работу Е. И. Крупнова (*Ильинская, Тереножкин*, 1983. С. 50, рис. 4). Т. М. Кузнецова неверно указывает в тексте ссылку на рисунок тузлинского зеркала (*Кузнецова*, 2002. С. 165, рис. 17), отсылая к рис. 17, а должно быть — к рис. 16. В книге в разных таблицах и тексте у Т. М. Кузнецовой нет устойчивого названия памятника: он назван то Тузла, гробн. 55 (*Там же*. С. 189), то Тамань <Тузла, гробн. 55> (*Там же*. С. 247. № 529), то Тамань, г. Некрополь. Погр. 55 (*Там же*. С. 333. № 209). А Зита Тезер в своем исследовании закрепила ошибочное указание Н. Н. Бондаря и в работе стала сравнивать два зеркала с полуострова Тузла и из Пятигорска (*Tézer*, 2005. P. 29, map 2, № 22, 27, pl. 5a, 5c).

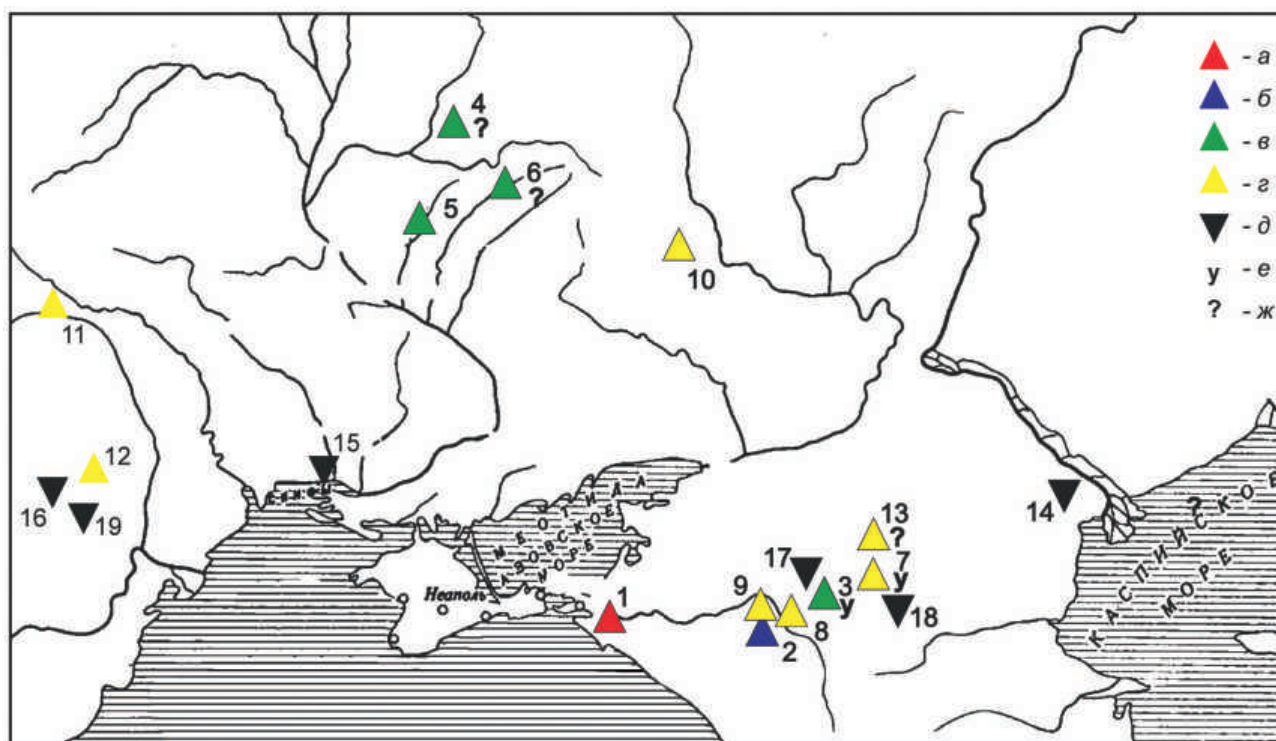

Рис. 1. Карта распространения зеркал четвертой серии борисфенитского типа и их ручек: 1 — некрополь на мысе Тузла, погребение 55 (1911 г.); 2 — окрестности с. Трехречное, Адыгея, случайная находка (нач. 1990-х гг.); 3 — на берегу Краснодарского водохранилища, случайная находка (до 2000 г.); 4 — территория УССР (до 1980 г.), частная коллекция в Иллинойсе (США); 5 — Роменский р-н Сумской обл., случайная находка, Киевский исторический музей; 6 — предположительно территория Украины, случайная находка, Галерея евразийского искусства, Брюссель; 7 — Краснодарский край, случайная находка (до 2019 г.); 8 — территория могильника Казазово 3 на берегу Краснодарского водохранилища (в 1997 г.); 9 — хут. Пульхерово, Адыгея, случайная находка (до 1980 г.); 10 — Харьковская обл., случайная находка (в 2019 г.); 11 — могильник у с. Братышев, курган IV (раскопки 1934 г.); 12 — с. Олах-Жакодя, Румыния, на берегу р. Муреш, случайная находка (в 1891 г.); 13 — предположительно юг России, Предкавказье, случайная находка (до 2013 г.); 14 — Астраханская обл., случайная находка (в 2012 г.); 15 — некрополь Ольвии, могила 36 (в 1912 г.); 16 — поселение Борсод, уезд Боршод-Абауй-Земплен, Венгрия, случайные раскопки (в 1931 г.); 17 — курган 5, погребение 6 могильника Украинский 1 у хут. Украинский Динского р-на Краснодарского края (в 2003 г.); 18 — на территории разновременного могильника Нечерезий у аула Вочепший Теучезского р-на Республики Адыгея, на южном берегу Краснодарского водохранилища (в 1993 г.); 19 — около дер. Покафалва, Венгрия, случайная находка (в 1884 г.) (а — вариант 1, группа «а», б — вариант 1, группа «б», в — вариант 1, группа «в», г — вариант 1, группа «г», д — вариант 2, е — условно, ж — предположительно)

Fig. 1. Distribution map of series 4 mirrors of the Borysthenite type and their handles: 1 — the necropolis at Cape Tuzla, burial 55 (excavated in 1911); 2 — the vicinity of the village Trehrechnoe in Adygea, chance find (at the beginning of 1990); 3 — on the shore of the Krasnodar reservoir, chance find (before 2000); 4 — from a private collection in Illinois (USA) was found before 1980 on the territory of the Ukrainian SSR; 5 — the Romensky district of the Sumy region, chance find, the Kiev Historical Museum; 6 — Most likely found on the territory of Ukraine, chance find, the Gallery of Eurasian Art in Brussels; 7 — the Krasnodar Territory, chance find (before 2019); 8 — the territory of the Kazazovo 3 burial ground on the bank of the Krasnodar reservoir (in 1997); 9 — the hut. Pulkherovo in Adygea, chance find (before 1980); 10 — the Kharkiv region, chance find (in 2019); 11 — the burial mound near the village Bratyshev, mound IV (excavated in 1934); 12 — near the village Olah-Zhakodea in Romania, on the banks of the river Mures (in 1891); 13 — most likely, in the south of Russia in the Ciscaucasia, chance find (before 2013); 14 — the Astrakhan region, chance find (in 2012); 15 — the Olbia necropolis, grave 36 (in 1912); 16 — the settlement of Borsod, Hungary, Borsod-Abauj-Zemplen County, accidental excavations (in 1931); 17 — the Ukrainian burial mound 1 near the farm Ukrainsky, Dinsky district of Krasnodar Territory, mound 5, burial 6 (in 2003); 18 — on the territory of the Nechereziy burial ground of different times near the village of Vocheptshiy, Teuchezhsky district of the Republic of Adygea, on the southern bank of the Krasnodar reservoir (in 1993); 19 — near the village Pokafalva in Hungary, chance find (in 1884) (a — 1st variant, group “a”, б — 1st variant, group “б”, в — 1st variant, group “в”, г — 1st variant, group “г”, д — 2nd variant, е — conditionally, ж — presumably)

Рис. 2. Бронзовые зеркала четвертой серии борисфенитского типа, № 1–10.

Номера позиций соответствуют номерам в тексте и на карте (рис. 1)

Fig. 2. Bronze mirrors of fourth series the Borysthenite type, no. 1–10.

Position numbers correspond to numbers in the text and in the map (fig. 1)

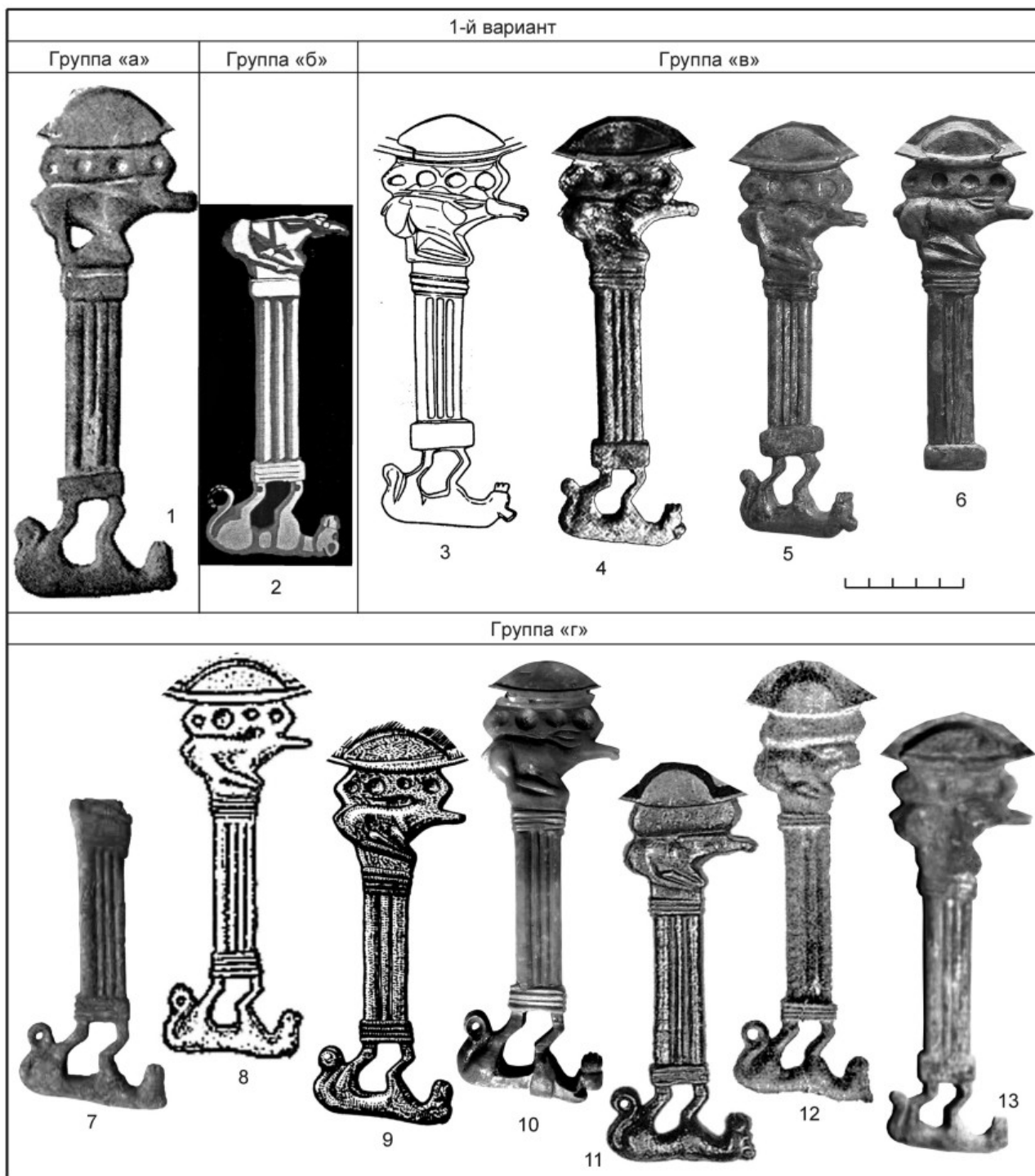

Рис. 3. Ручки зеркал 1-го варианта четвертой серии борисфенитского типа, группы «а»–«г». Номера позиций соответствуют номерам в тексте и на карте (рис. 1)

Fig. 3. Handles of mirrors of the 1st variant of fourth series the Borysthenite type, groups “a”–“r”. Position numbers correspond to numbers in the text and in the map (fig. 1)

Группа «б». Зеркала, у которых верхняя подставка под фигурками животных на рукоятях гладкая прямоугольная, а нижняя — рифленая несколькими горизонтальными поясками (1 экз.)

№ 2. В начале 1990-х гг. житель с. Трехречное в Адыгее А. Кушнарев передал на хранение в Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева случайно найденную им в окрестностях села (рис. 1, 2) бронзовую рукоять зеркала, украшенную на концах двумя фигурками животных — оленя и пантеры. В 1996 г. Н. Г. Ловпаче подготовил под редакцией С. Л. Дударева рукопись работы «Декоративное искусство адыгских нартов» (Майкоп, 1996). Для этой работы художник С. М. Умаров зарисовал бронзовую рукоять. Публикация ее не состоялась, и рукопись была выложена в интернет, откуда сведения о находке и рисунок заимствованы для публикации.

Бронзовая рукоять отломана от диска по стилизованному изображению рогов оленя. Линия слома проходит над ухом животного и крупом его туловища. Голова и тело трактованы в рельефе. Хорошо проработаны глаз и скула. Круп слегка приподнят, и поза животного — скорее «летающий галоп», чем статичная жертвенная. Под копытами задних ног — гладкая прямоугольная подставка, от которой идет ствол рукояти, разделенный на три вертикальные равные по ширине колонки. На их конце находится состоящая из четырех горизонтальных ребер прямоугольная подставка. На ней фигурка пантеры «келермесского» типа. Тело стоящей на ногах пантеры трактовано рельефно. Концы лап имеют маленькие отверстия. Детально проработана голова с чуть выступающим остроконечным ухом и глазом. На выделенной морде животного изображены ноздри и надрезом показана пасть. Тонкий хвост животного на конце загнут в кольцо, частично обломанное (рис. 2, 2). Рукоять зеркала относится к четвертой серии борисфенитских зеркал и по декору нижней подставки образует в 1-м варианте возможную группу «б» (рис. 3, 2). Публикуется впервые.

Группа «в». Зеркала, у которых верхние подставки под фигурками оленей рифленые прямоугольные, а нижние — гладкие прямоугольные (4 экз.)

№ 3. Бронзовое зеркало с диском и бортиком по краю. Боковая рукоять прикреплена на оборотной стороне зеркала с помощью полуовала наверху рукояти. Под ним — фигура оленя, головой

ориентированного влево на лицевой стороне зеркала. Под ногами оленя подставка, состоящая из горизонтальных полос: верхней широкой и трех узких. Из подставки начинается ствол рукояти, состоящий из четырех одинаковых вертикальных колонок. На конце ствола рукояти надета прямоугольная гладкая цапфа (подставка), на которой стилизованная фигурка стоящей на лапах пантеры с массивным каплевидным хвостом. Концы лап обозначены, но не проработаны в деталях. На голове выделены ухо (прямоугольником), морда, и на конце морды прорезью обозначена пасть. Интересная деталь: у всех пантер группы 1 «в» шея животного резко изогнута вниз. Думаю, это характерный признак авторской трактовки образа животного при изготовлении восковых моделей, по которым отливались фигурки данной группы. Тело пантеры трактовано общим объемом (рис. 2, 3).

Случайная находка до 2000 г. в Краснодарском крае, вероятно, на берегу Краснодарского водохранилища (рис. 1, 3). Опубликовано В. Е. Масловым в 2002 г. (Маслов, 2002). По сочетанию всех перечисленных деталей зеркало относится к четвертой серии зеркал борисфенитского типа, 1-му варианту, группе «в» (рис. 3, 3).

№ 4. Бронзовое зеркало с диском, у которого по краю идет невысокий бортик. Боковая рукоять прикреплена к диску с оборотной стороны зеркала при помощи полуовала наверху рукояти. Под ним, сразу под диском, расположена фигурка оленя в жертвенной позе с подогнутыми ногами. Ветвистые рога переданы схематично овалом с четырьмя круглыми вдавлениями. Головой олень на лицевой стороне зеркала обращен влево. На голове выделены глаз и длинное ухо. Тело трактовано в общем рельефе. На крупе показан небольшой хвостик. Под ногами животного подставка, разделенная на широкую горизонтальную полосу и три более тонких горизонтальных валика. Ниже этой подставки — ствол рукояти из четырех вертикальных колонок, боковые чуть шире двух внутренних. На конце рукояти прямоугольная гладкая цапфа, служащая подставкой фигурке пантеры. Схематичная фигурка пантеры головой влево на полусогнутых ногах с массивным хвостом, заканчивающимся каплевидной окружностью. На морде слабый рельеф скулы. Пасть и ноздри показаны надрезами. Ухо хорошо выделено. Шея и голова резко опущены вниз (рис. 2, 4).

Об этом зеркале известно, что в 1980-х гг. оно находилось в частной коллекции в Иллинойсе, США. Происходит с территории Украинской ССР (рис. 1, 4) (видимо, в Западном полушарии

хранится не только борисфенитское зеркало 2-й серии из Музея изящных искусств в Бостоне (Зуев, 2019. № 6)). В 1990-е гг. оно было приобретено бельгийским коллекционером и вернулось на Евразийский материк. Но 28 мая 2019 г. появилось на крупном европейском нумизматическом аукционе Sixbid, где и было зафиксировано Ю. В. Обориным. В провенансе зеркало было ошибочно датировано V–IV вв. до н. э. (со ссылками на работы: Trofitova, 2007. P. 29; Leyrupskaia, 2007) и определено как сделанное в Ольвии. Дальнейшая его судьба неизвестна. По описанным признакам зеркало относится к четвертой серии, 1-му варианту, группе «в» (рис. 3, 4).

№ 5. В Историческом музее Украины хранится зеркало, случайно найденное в Роменском районе Сумской области (рис. 1, 5). Бронзовое зеркало имеет диск с бортиком по краю. С оборотной стороны слева имеется разлом бортика и отрыв его от края диска. С боковой рукоятью диск соединен на оборотной стороне с помощью овального навершия рукояти, под которым расположена стилизованная фигурка оленя. Она соединена с полуовальным навершием массивом рогов, переданных условно четырьмя круглыми вдавлениями в ромбическую по форме пластину. Головой олень ориентирован влево на лицевой стороне зеркала. На голове выделены круглой точкой глаз и длинное острое ухо между рогами и телом животного. Тело трактовано в одной плоскости. На крупе выделен небольшой хвост. Ноги поджаты под брюхо и опираются на подставку в виде широкой горизонтальной полосы и трех более узких. Ствол рукояти состоит из четырех вертикальных колонок, боковые шире внутренних. На конце рукояти — горизонтальная прямоугольная гладкая цапфа, являющаяся подставкой стилизованной фигурки стоящей на чуть согнутых лапах пантеры. Ее тело трактовано в общем рельефе. Массивный хвост имеет каплевидное окончание. На голове выделены ухо и морда животного. Шея и голова резко опущены вниз (рис. 2, 5). Зеркало относится к четвертой серии, 1-му варианту, группе «в» (рис. 3, 5).

№ 6. Бронзовое зеркало с круглым диском с бортиком по краю, а также боковой рукоятью, украшенной фигуркой оленя и, вероятно, фигуркой пантеры на конце (не сохранилась). Зеркало находится в экспозиции Галереи евразийского искусства в Брюсселе, которая принадлежит арт-диллинговой компании Eurasian Art Ltd., базирующейся в Лондоне. Куратором этой коллекции является выпускник Московского государственного педагогического университета и Еврейского

университета в Иерусалиме Михаил Гольдельман. О провенансе интересующего нас зеркала ничего неизвестно, но, вероятнее всего, оно вывезено с территории Украины (рис. 1, 6).

Рукоять зеркала скреплена с диском на оборотной стороне зеркала при помощи полуовального навершия, под которым расположена стилизованная фигурка оленя. Овальным элементом, символизирующий ветвистые рога, украшен четырьмя круглыми вдавлениями. На голове оленя, обращенной на лицевой стороне зеркала влево, изображен кружочком глаз и заостренное ухо между рогами и туловищем животного. Тело передано в одном рельефе. На крупе изображен небольшой хвост. Ноги животного поджаты под брюхо. Под копытами находится подставка, состоящая из горизонтальных полос: одной широкой и трех узких. Ствол рукояти состоит из четырех вертикальных колонок, боковые шире внутренних. На конце ствола рукояти гладкая прямоугольная цапфа, служившая подставкой под фигурку пантеры, которая, к сожалению, была утрачена в древности (рис. 2, 6).

По всем деталям это зеркало относится к четвертой серии, 1-му варианту, группе «в» зеркал борисфенитского типа (рис. 3, 6).

Группа «г». Зеркала с прямоугольными рифлеными подставками под фигурками оленей и пантер (7 экз.)

№ 7. Рукоять бронзового зеркала с изображением пантеры на конце. Была случайно найдена в Краснодарском крае (рис. 1, 7). В 2019 г. была выставлена на продажу на электронном аукционе «Мешок», где зафиксирована Ю. В. Обориным. После продажи рукоять попала в частную коллекцию в Краснодаре.

Рукоять обломана в древности по фигурке оленя, от которой сохранились ноги. Судя по ним, олень на лицевой стороне зеркала был изображен головой влево, лежащим в жертвенной позе. Под ногами оленя подставка, состоящая из широкой горизонтальной полосы и трех узких полосок. Ствол рукояти составлен из четырех вертикальных колонок, крайние шире внутренних. На конце ствола надета цапфа, также составленная из четырех горизонтальных полосок. Она является подставкой для стилизованной фигурки стоящей на лапах пантеры. Головой на лицевой стороне зеркала пантера ориентирована влево. Концы лап обозначены, но не проработаны в деталях. На голове выделено овалом ухо, на конце морды прорезью обозначена пасть. Тело пантеры

траковано общим объемом. Хвост тонкий, на конце свернут в кольцо с отверстием (рис. 2, 7). По перечисленным признакам рукоять принадлежала зеркалу четвертой серии, 1-му варианту, группе «г» (рис. 3, 7).

№ 8. В 1997 г. в ходе обследования берегов чаши Краснодарского водохранилища (рис. 1, 8) А. В. Пьянковым и В. А. Тарабановым была исследована часть могильника VIII–VI вв. до н. э., получившего название Казазово 3. На его территории было найдено бронзовое зеркало с рукоятью, украшенной фигурками оленя и пантеры (Пьянков, Тарабанов, 1997. С. 66, рис. 3, 1). Зеркало имеет диск с бортиком по краю. Рукоять прикреплена к диску с оборотной стороны с помощью полуовала наверху рукояти. Под ним расположена стилизованная фигурка оленя. Рога изображены овалом с четырьмя круглыми вдавлениями. Голова передана условно, на лицевой стороне зеркала ориентирована влево. Фигура трактована в общем рельефе. На крупе выделен засечкой хвост. Ноги подогнуты в жертвенной позе. Под ногами подставка, составленная из четырех тонких горизонтальных полос. Ствол рукояти состоит из четырех вертикальных колонок, примерно равных по ширине. На конце ствола рукояти подставка под ногами пантеры, которая трактована в виде четырех тонких горизонтальных полосок. На ней — стилизованная фигурка стоящей на полусогнутых лапах пантеры. Концы лап не проработаны. Тело трактовано в общем рельефе. Тонкий хвост на конце завернут в кольцо. На голове, резко опущенной вниз, выделено овальное ухо и прорезью — пасть животного (рис. 2, 8). По перечисленным признакам зеркало относится к четвертой серии, 1-му варианту, группе «г» (рис. 3, 8).

№ 9. В 1980 г. в диссертационной работе Е. В. Переводчикова опубликовала рисунок бронзового зеркала с рукоятью, украшенной изображениями оленя и пантеры, найденного у хут. Пульхерово (рис. 1, 9) в Адыгее (Переводчикова, 1980. Табл. 45, 128). В 2002 г. Т. М. Кузнецова переиздала рисунок этого зеркала, ссылаясь на рукопись диссертации, не приводя никаких подробностей (Кузнецова, 2002. С. 143, карта 11, № 468; С. 159, табл. 90, № 468; С. 189, табл. В, № 468; С. 191, карта 13, № 468; С. 210, карта 14, № 468; С. 246, алф. ук. пам., № 468; С. 332, кат. 2, № 188). Так, эта находка и существует только в графическом воспроизведении в научной литературе.

Бронзовое зеркало имеет диск с бортиком по краю. Рукоять прикреплена к диску с его оборотной стороны с помощью полуовала в наверху

рукояти, ниже которого следует стилизованное изображение фигурки оленя. Ветвистые рога переданы при помощи овала с четырьмя круглыми вдавлениями. Голова и тело трактованы в общем рельефе. Никакой детализации. Голова на лицевой стороне зеркала обращена влево. Ноги подогнуты под брюхо в жертвенной позе. Под ногами оленя подставка из четырех узких горизонтальных полосок. Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок, крайние чуть шире центральной. На конце рукояти надета прямоугольная цапфа, состоящая из четырех узких горизонтальных полосок. Она служит подставкой для стилизованной, стоящей на полусогнутых лапах фигурки пантеры. На концах лап просматриваются небольшие точечные намеки на отверстия. Все тело трактовано в общем рельефе. На массивной голове выделено овальное ухо и прорезью обозначена пасть хищника. На лицевой стороне зеркала пантера повернута головой влево. Тонкий хвост заканчивается круглым каплевидным утолщением — намеком на закрученный в кольцо хвост (рис. 2, 9). Зеркало принадлежит к четвертой серии зеркал борисфенитского типа, к 1-му варианту, группе «г» (рис. 3, 9).

№ 10. Рукоять бронзового зеркала, найденная случайно в Харьковской области в 2019 г. (рис. 1, 10). Зафиксирована Ю. В. Обориным на аукционном сайте. Хранится в частной коллекции. Наверху рукояти — горизонтально расположенный полуовал. На лицевой стороне по всей площади полуовала виден след отлома от диска зеркала, к которому крепилась рукоять. Под ним стилизованная фигурка оленя. Рога переданы овалом с четырьмя круглыми вдавлениями. Под ними — тело и голова животного, выполненные в рельефе. На лицевой стороне острое ухо неаккуратно проработано дополнительно резцом по металлу, задето одно из круглых вдавлений кроны рогов. На крупе выделен короткий хвост. Ноги животного в жертвенной позе поджаты под живот. Под ногами — широкая горизонтальная полоса, с которой начинается подставка, разделенная ниже на четыре тонких горизонтальных ребра. Из этой подставки начинается ствол рукояти. Он состоит из четырех вертикальных колонок, крайние чуть шире внутренних. Внутренние колонки реберчатые, ромбовидные в сечении. На конце ствола рукояти — цапфа, являющаяся подставкой для фигурки пантеры и состоящая из четырех тонких горизонтальных полос.

Стилизованная фигурка стоящей на полусогнутых лапах пантеры передает тип келермесского

зверя. На конце задней лапы — круглое неглубокое вдавление, символизирующее сжатую когтистую лапу. На передних лапах этого элемента декора нет. Тело пантеры трактовано разными плоскостями. Хорошо показан плечевой выступ. Тонкий хвост, проработанный на всю длину, заканчивается сквозным отверстием. Массивная голова имеет хорошо проработанную морду, на которой выделены губы и полуоткрытая пасть животного. В большом лбу еще в восковой модели был сделан вырез в виде «ласточкина хвоста» для вставки, вероятнее всего, переданных в объеме ушей (что характерно для пантер келермесского типа с нескольких зеркал 3-й серии борисфенитских зеркал — Зуев, 2019. № 1–10). Вырез «ласточкина хвоста» оплавился при помещении восковой модели в форму, и вставить часть головы с двумя ушами оказалось невозможно после отливки рукояти. Она так и существовала с вырезом на лбу, дав нам представление о том, как делались объемные фигурки пантер для некоторых ранних зеркал 3-й серии: они отливались специально в составных формах, передавая в объеме лапы и уши животного. Часть головы с ушами вставлялась в вырез «ласточкина хвоста» и расклепывалась, а швы вставки тщательно заполировывались. Это наблюдение интересно в том плане, что производство зеркал третьей и четвертой серий с технологической точки зрения происходило поначалу синхронно, как и в целом переход к более простому варианту профильных отливок стилизованных пантер в двусоставных формах для рукоятей, у которых уже нет таких сложных для литья элементов. Это наблюдение свидетельствует о том, что производство зеркал борисфенитского типа происходило в одной мастерской (рис. 2, 10). Судя по всем признакам, рукоять принадлежала зеркалу четвертой серии, 1-му варианту, группе «г» (рис. 3, 10).

№ 11. В 1934 г. польскими археологами была раскопана курганная группа у с. Братышев, которое ныне находится в Ивано-Франковской области Украины (рис. 1, 11). В кургане IV было исследовано погребение середины — второй половины VI в. до н. э., из которого происходит бронзовое зеркало, на его рукояти изображены фигурки оленя и пантеры (Reichl, 1936. P. 157, Tab. V, 2-a)⁴.

⁴ В 2002 г. Т. М. Кузнецова посетовала, что зеркало из Братышева нет возможности исследовать, так как оно затерялось где-то в Польше (Кузнецова, 2002. С. 189). На самом деле эти зеркала хранятся с момента

Бронзовое зеркало с диском, по краю которого имеется вертикальный бортик. Рукоять зеркала имеет наверху полуовал, с помощью которого крепится к диску на оборотной его стороне. Под ним — стилизованное изображение оленя. Ветвистые рога переданы горизонтально вытянутым овалом, без традиционных четырех круглых вдавлений на оборотной стороне зеркала, они изображены только на лицевой. Длинное острое ухо плотно прижато к шее и верху плечевого выступа. На лицевой стороне зеркала олень ориентирован головой влево. На голове хорошо проработаны профилировка морды и круглый глаз животного. Выделен плечевой выступ. На крупе засечкой изображен хвост. Ноги животного подогнуты под брюхо в жертвенной позе. Под ногами — подставка, состоящая из широкой горизонтальной полоски и трех узких. Ствол рукояти составлен из трех вертикальных колонок, средняя чуть уже боковых. На конце рукояти прямоугольная цапфа, состоящая из четырех горизонтальных полосок, которая является подставкой для фигурки пантеры. Пантера келермесского типа. Полусогнутые лапы заканчиваются изображением зажатых когтей, образующих кружок несквозного отверстия. Тело передано в общем рельефе. На массивной голове проработана морда животного: показаны губы, надбровная дуга и точкой — глаз. Ухо трактовано в виде выступающего кружка с вдавлением по центру. Тонкий хвост закручен на конце в сквозное кольцо (рис. 4, 11). По совокупности признаков зеркало относится к четвертой серии зеркал борисфенитского типа, 1-му варианту, группе «г» (рис. 3, 11).

№ 12. В 1891 г. на берегу р. Муреш у с. Олах-Жакодя в Румынии было случайно найдено бронзовое зеркало с боковой рукоятью (рис. 1, 12). В 1894 г. его опубликовал австро-венгерский археолог Иштван Теглаш (Téglás, 1894).

Бронзовое зеркало имеет круглый диск с вертикальным бортиком по краю. Боковая рукоять сверху имеет полуовал, которым она прикреплена к диску на оборотной стороне зеркала. Под этим элементом располагается стилизованная фигурка оленя. На лицевой стороне она имеет овальный элемент, символизирующий рога. На лицевой стороне этот элемент имеет четыре круглых вдавления, на оборотной этих вдавлений нет. Голова животного хорошо профилирована, хотя

поступления в 1934 г. и доступны для изучения в Тернопольском историко-краеведческом музее на Украине. См. об этом: Шовкопляс, 1951. С. 240.

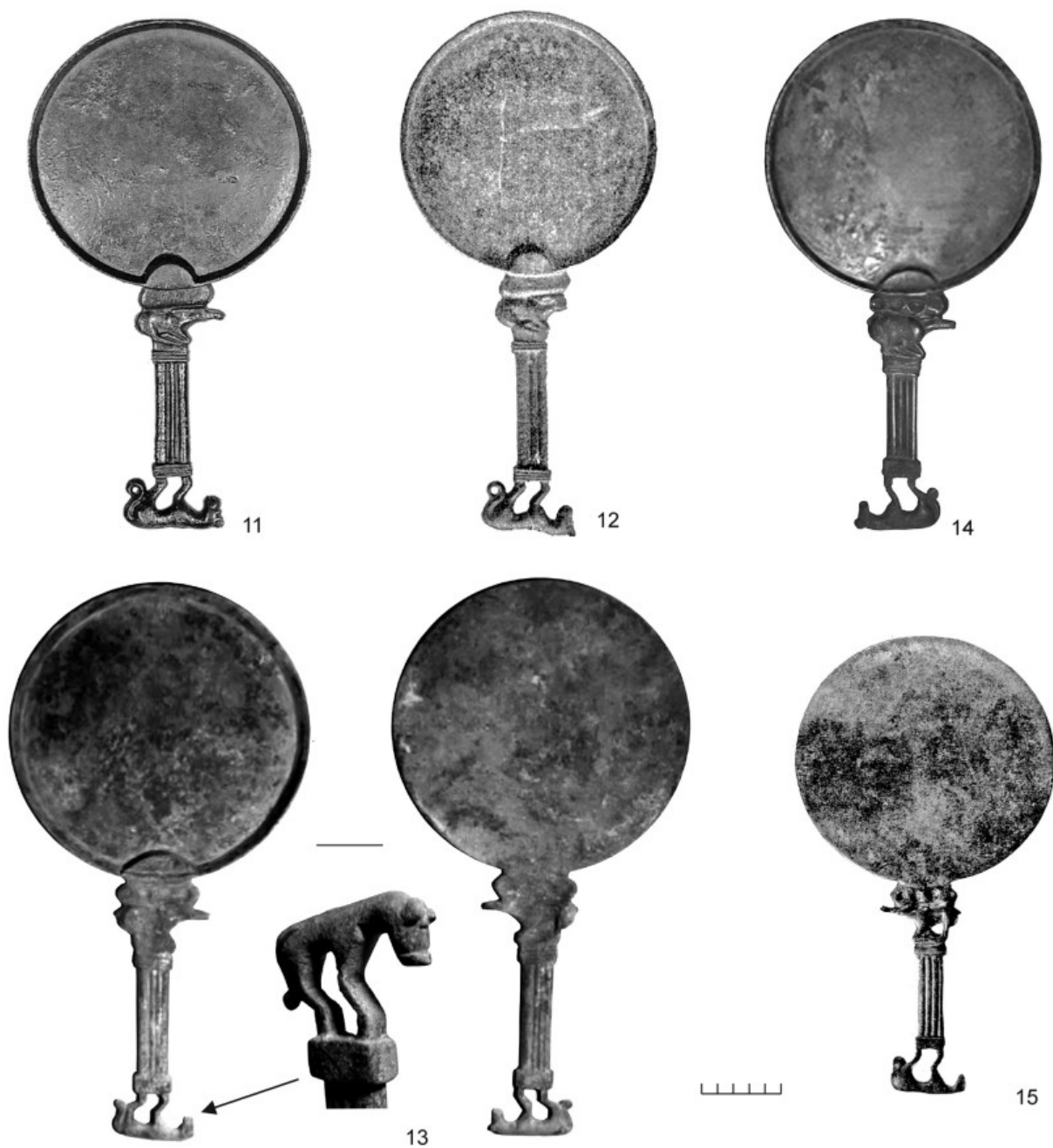

Рис. 4. Бронзовые зеркала четвертой серии борисфенитского типа, № 11–15.
Номера позиций соответствуют номерам в тексте и на карте (рис. 1)

Fig. 4. Bronze mirrors of fourth series the Borysthenite type, no. 11–15.
Position numbers correspond to numbers in the text and in the map (fig. 1)

морда была отломана в древности. На лицевой стороне зеркала олень головой ориентирован влево. Хорошо проработано острое горизонтально расположенное ухо. На крупе насечкой выделен хвост. Ноги оленя поджаты под брюхо в жертвенной позе. Под ногами — подставка, состоящая из горизонтальных полос: широкой и трех узких. Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок, крайние шире, чем внутренняя. На конце рукояти — цапфа, состоящая из четырех тонких горизонтальных полосок. Она служит подставкой для фигурки пантеры келермесского типа. На лицевой стороне зеркала пантера ориентирована головой влево. Полусогнутые лапы имеют кольцевидные окончания — нескованными кружками намечены когти лап. На теле выделен рельефом плечевой выступ. Массивная голова имеет хорошо выделенное ухо, надбровную дугу и морду с намеченной прорезью пастью. Хвост имеет кольцеобразное сквозное окончание (рис. 4, 12).

Зеркало неоднократно издавалось в европейской и отечественной литературе. Т. М. Кузнецова местом находки этого зеркала ошибочно называет дер. Оляхзанд (*Кузнецова, 2002. С. 244. № 428*). Она дает ссылку на статью Габора Теглаша 1913 г. — но и там в тексте местом находки указано с. Олах-Жакодя на р. Муреш. При этом Т. М. Кузнецова называет автора только по имени — Gabor, 1913 (*Кузнецова, 2002. С. 331*).

По совокупности признаков зеркало относится к четвертой серии зеркал борисфенитского типа, 1-му варианту, группе «г» (рис. 3, 12).

№ 13. Бронзовое зеркало с боковой рукоятью, украшенной фигурками оленя и пантеры, было найдено, вероятнее всего, на юге России, в Предкавказье. Оно было снято на видеоклип Владимиром Камышевым 19 июля 2013 г. и зафиксировано в интернете Ю. В. Обориным (рис. 1, 13). Никаких подробностей находки и места хранения зеркала, к сожалению, выяснить не удалось. Размеры этого зеркала рассчитаны от вероятных параметров ширины рукояти зеркала по фотографии.

Зеркало имеет диск с вертикальным бортиком по краю. При помощи полуовала оно на обороте зеркала соединяется с рукоятью. Под полуovalом — стилизованная фигурка оленя в жертвенной позе с поджатыми ногами. На лицевой стороне зеркала фигурка ориентирована головой влево. Ветви рогов переданы овалом с четырьмя круглыми вдавлениями с обеих сторон. Голова животного узкая и вытянутая, без детализации. Ухо оленя не выделено. Все тело трактовано в едином рельефе.

На крупе выступающей каплей показан небольшой хвост. Ноги животного лежат на прямоугольной, разделенной на три горизонтальные полосы подставке. Ствол рукояти разделен на четыре вертикальные колонки, правая крайняя с обеих сторон зеркала шире трех остальных. На конце рукояти надета прямоугольная гладкая цапфа. На ней стилизованная фигурка пантеры на длинных полусогнутых ногах. Головой фигурка ориентирована на лицевой стороне зеркала влево, как и фигурка оленя. На голове животного отдельно отлиты два выступающих уха с небольшой «челкой» между ними. Резкой линией очерчена морда, на которой сильно зашлифованным надрезом намечена пасть. Все тело трактовано в общем рельефе. Массивный хвост прижат к задним ногам и завершается каплевидным утолщением (рис. 4, 13).

Несмотря на малоинформативный провенанс данного зеркала, оно, несомненно, подлинное. Трактовка фигурки пантеры (изображение пары ушей на голове хищника) сближает это зеркало с находкой в Краснодарском крае (см. ранее, № 7). С зеркалами четвертой серии, варианта 1, группы «г» это зеркало сближают также одинаковая ориентация зверей на рукояти, форма трактовки колонок ствола рукоятей и оформление подставок под фигурками животных (рис. 3, 13).

Публикуя впервые это зеркало, приходится только сожалеть, что о нем так мало известно. Оно, несомненно, относится к варианту 1, группе «г» четвертой серии зеркал борисфенитского типа.

2-й вариант четвертой серии зеркал борисфенитского типа

Зеркала, на рукоятях которых фигурки оленя на лицевой стороне ориентированы головами влево, а пантеры — вправо. Подставки под фигурками оленя состоят из узких горизонтальных полос, а под пантерами — гладкие прямоугольные (6 экз.)

№ 14. Случайная находка бронзового зеркала с боковой рукоятью, в декоре которой имеются изображения оленя и пантеры, Астраханская область, 2012 г. (рис. 1, 14). Зафиксировано Ю. В. Обориным.

Рукоять зеркала крепится к диску с оборотной стороны при помощи полуовала, размещенного наверху рукояти. Под этим элементом располагается стилизованная фигурка оленя. На лицевой стороне зеркала фигурка оленя ориентирована головой влево. Ветви рогов переданы овальным элементом, украшенным с обеих сторон четырьмя

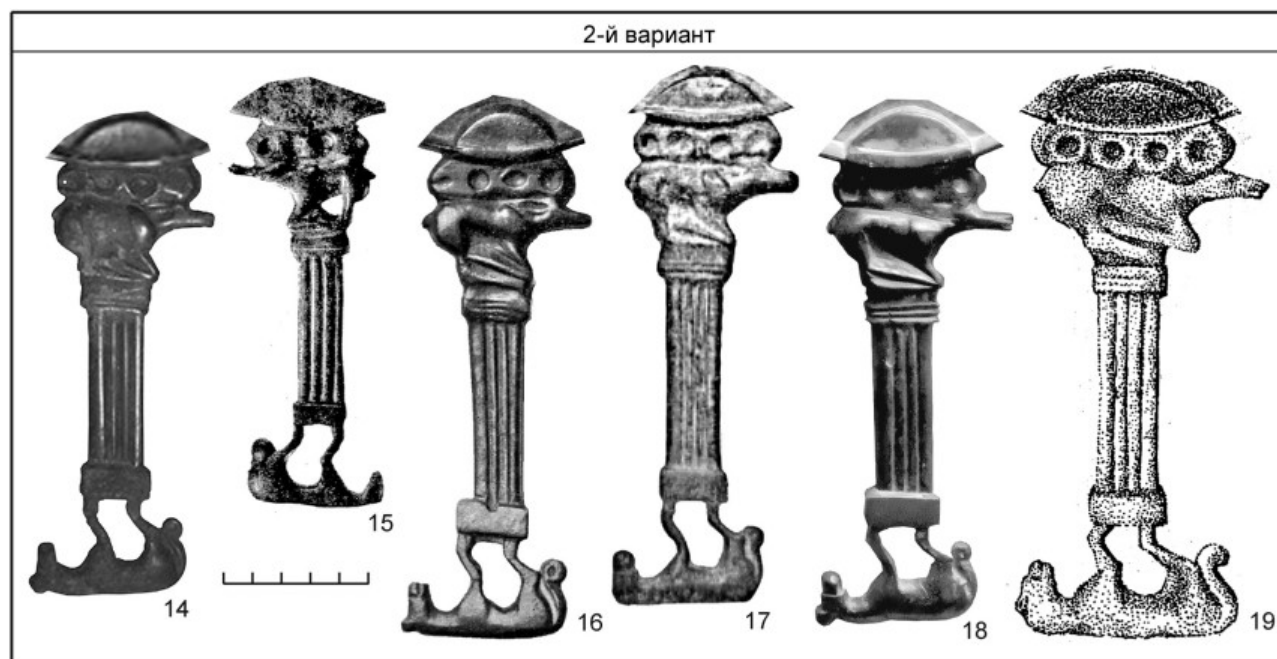

Рис. 5. Ручки зеркал 2-го варианта четвертой серии борисфенитского типа. Номера позиций соответствуют номерам в тексте и на карте (рис. 1)

Fig. 5. Handles of mirrors of the 2nd variant of fourth series mirrors of the Borysthenite type. Position numbers correspond to numbers in the text and in the map (fig. 1)

вдавлениями, расположенными в линию горизонтально, причем последнее вдавление над крупом оленя протерлось, и образовалось небольшое круглое отверстие. Голова оленя сильно затерта, но видна прорезь, обозначающая рот и круглый глаз, а также острое ухо с ладьевидным углублением в нем. На крупе оленя выделен в рельефе хвост. Ноги поджаты под брюхо в жертвенной позе. Тело трактовано в общем рельефе, однако плечевой выступ выделен в рельефе и сильно потерт. Под копытами оленя подставка, образованная широкой горизонтальной полосой и тремя узкими. Ствол рукояти образован четырьмя вертикальными колонками, крайние чуть более широкие, чем внутренние. На конце ствола рукояти — гладкая прямоугольная цапфа, служащая подставкой для фигурки пантеры. Она стилизована под стоящего на полусогнутых лапах зверя. Головой пантера на лицевой стороне зеркала ориентирована вправо. Лапы тонкие, изогнутые, без детализации. На опущенной вниз голове выделено массивное прямоугольное ухо. На морде надрезом показана пасть. Вся фигура трактована в одном общем рельефе. Тонкий хвост свернут на конце в монолитное кольцо (рис. 4, 14). По вышеуказанным признакам это зеркало отнесено к четвертой серии борисфенитских зеркал, их 2-му варианту (рис. 5, 14).

№ 15. Бронзовое зеркало с бортиком по краю диска, с фигурой оленя под диском и фигуркой пантеры на конце рукояти. Найдено в некрополе Ольвии Б. В. Фармаковским при раскопке могилы 36 в 1912 г. (рис. 1, 15). Могила прямоугольная грунтовая, размерами 2,85 × 1,70 × 2,10 м. На дне — следы подстилки. Погребение, видимо, потревожено грабителями.

Инвентарь захоронения: крышка коринфской пиксиды с ручкой в виде круглого выступа, следы поясов — узких и широких (аналогия: Раупе, 1931. Р. 308, fig. 149) (инв. № О.1912.129) (рис. 6, 5). На дне погребения были разбросаны обломки костяного украшения — фрагмент тонкой костяной пластинки с частью резного изображения сидящего льва (спина и хвост) и четыре обломка украшения из кости в виде простейшего меандра (инв. № О.1912.130; инв. № О.1912.131) (рис. 6, 1, 3). Там же найдены: обломок железного гвоздя, кусочек серы (?), кусок алебаstra (инв. № О.1912.133) (рис. 6, 2). Особый интерес представляют золотые серьги с литыми изображениями баранов и львов (инв. № О.1912.132) (рис. 6, 4) — две золотые ушные подвески в форме круглых выпуклых щитков с толстым стержнем, изогнутым петлей; центр щитка занимает головка льва, окруженная рубчатый ободком и поясом зерни. Стержни петли

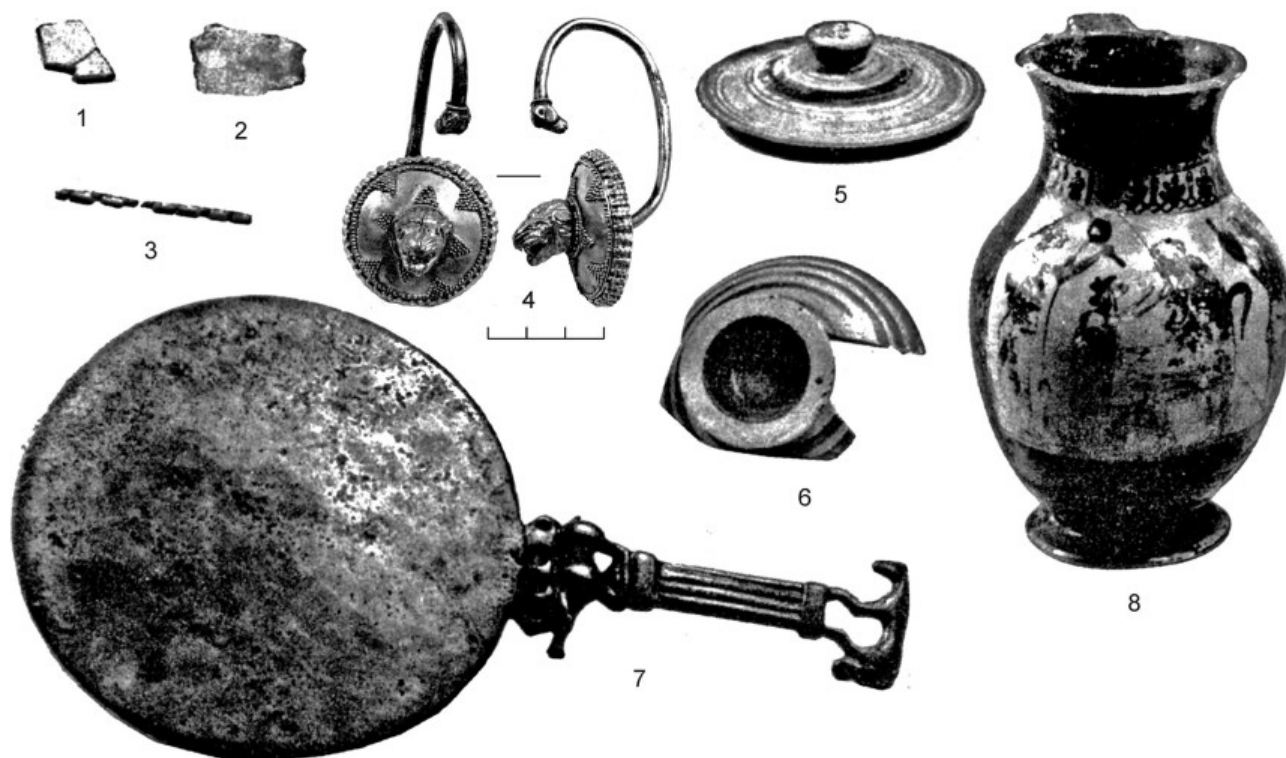

Рис. 6. Комплекс находок с зеркалом (№ 15) из погребения 36 некрополя Ольвии (1912 г.): 1 — костяная пластина с изображением сидящего льва; 2 — кусочек прозрачного алебастра; 3 — костяное украшение в виде меандра; 4 — две золотые ушные подвески с головками баранов и головами львов на щитках, украшенных зернью; 5 — крышка коринфской пиксиды; 6 — ионийская чашечка на низкой подставке с шестью поясками снаружи; 7 — зеркало; 8 — чернофигурная ольпа. 1–3, 5–8 — без масштаба

Fig. 6. Complex of finds with mirror (№ 15) found in grave 36 of the Olbia necropolis in 1912: 1 — bone plate with the image of a seated lion; 2 — a piece of transparent alabaster; 3 — bone ornament in the form of a meander; 4 — two gold ear pendants with ram heads and lion heads on shields decorated with grain; 5 — cover of the Corinthian pixida; 6 — Ionian cup on a low stand with six belts outside; 7 — mirror; 8 — black-figured olpa. 1–3, 5–8 — no scale

заканчиваются изображением бараньей головки. Длина 7,5 см (Фармаковский, 1916. С. 34; Фармаковский, 1914. С. 24, табл. IX, 3). В. М. Скуднова отмечала, что из всех найденных в Ольвии подвесок такой формы именно эти золотые подвески по исполнению самые грубые. Голова льва, грива и усы трактованы слишком крупными выступами, кроме того, зернь на них значительно крупнее, чем на остальных, и треугольники почти не оставляют свободного пространства на щитке, что придает тяжеловесность орнамента. Также на дне погребения были зафиксированы мелкие обломки колец из тонкой серебряной проволоки (инв. № О.1912.134), алебастр, амфора с кружком на горле, обломки узкой рукоятки железного ножа (инв. № О.1912.135), амфора раздавленная. На амфоре плоская прямоугольная плитка точильного камня, стеклянный алебастр, чернолаковый обломок. В заполнении погребения были найдены: бронзовое зеркало (Скуднова,

1962. С. 13, № 1, рис. 7) с вертикальным краем вокруг диска, ручка из четырех колонок с фигурками оленя и пантеры на концах (инв. № О.1912.136) (рис. 6, 7). Там же была найдена чернофигурная ольпа на широкой кольцеобразной подставке, с плоской ручкой, расширяющейся к венчику; роспись на тулове: сидящая в кресле женщина, обращенная влево, перед ней девочка, протягивающая руки к лицу женщины, по бокам этой группы две стоящие женские фигуры — одна прядет, другая держит веретено (аналогия: Афины — Vanderpool, 1938. P. 366, fig. 22 — рисунок на горле) (инв. № О.1912.137) (рис. 6, 8). В заполнении могилы были найдены часть ионийской чашечки на низкой подставке, покрытой снаружи шестью поясками, внутри дно оставлено в цвете глины (инв. № О.1912.138) (рис. 6, 6), и несколько обломков амфоры. По совокупности дат находок погребение датировано 530–520 гг. до н. э. (Скуднова, 1988. С. 111–113, кат. 170).

Бронзовое зеркало с диском по краю имеет невысокий бортик. За его диаметр на площадь диска заходит полуовал, с помощью которого боковая рукоять крепится к диску на его обороте. Под ним — фигурка оленя, головой ориентированная на лицевой стороне зеркала влево. Ветви рогов переданы овалом с четырьмя круглыми углублениями. Морда животного узкая и вытянутая. Под рогами узкое длинное ухо. Тело оленя с поджатыми под брюхо ногами в жертвенной позе. На крупе выделен хвост. Под ногами на лицевой стороне зеркала тремя узкими горизонтальными полосками сформована подставка. Ствол рукояти состоит из четырех вертикальных колонок. На ее конце — узкая прямоугольная подставка (цапфа), на которой помещена стоящая на полусогнутых лапах стилизованная фигурка пантеры, на лицевой стороне зеркала головой обращенная вправо. Лапы животного трактованы условно. Голова и тело сформованы в одном рельефе. Хвост, свернутый в кольцо, передан массивной каплей (рис. 4, 15).

В публикации зеркала В. М. Скуднова ошибочно указала, что подставка под фигуркой оленя узкая и гладкая. На фотографии хорошо видно, что она состоит из горизонтальных полосок (Скуднова, 1962. С. 13, 14, № 1, рис. 7). Мнение Скудновой повторяет М. В. Скржинская (Скржинская, 1984. С. 126, кат. 32). Рисунок в книге Т. М. Кузнецовой делался не с самой вещи, а с прорисовки по фотографии, и художник изобразил на лицевой стороне что-то неопределенное на месте подставки под фигуркой оленя (Кузнецова, 2002. С. 158, табл. 89, № 401). По сочетанию всех описанных деталей зеркало из погребения ольвийского некрополя (могила № 36, 1912 г.) относится ко 2-му варианту четвертой серии зеркал борисфенитского типа (рис. 5, 15).

№ 16. Бронзовое зеркало с бортиком по краю диска, с фигурой оленя под диском и фигуркой пантеры на конце рукояти. Оно происходит из случайных раскопок в поселении Борсод⁵,

⁵ С названием местонахождения большая путаница. Андор Лезих (*Leszih*, 1939) назвал его по деревне Борсод (Borsod), подразделяя исследованные в этом местечке погребения на группу у Корксмадомб (Korcsmadomb) и у Козак-Керта (Kozák-Kert). Н. Н. Бондарь и В. М. Скуднова (*Бондарь*, 1955. С. 70; *Скуднова*, 1962. С. 14, 2 тип, № 7) называли местом находки зеркала деревню Борзод. Т. М. Кузнецова (*Кузнецова*, 2002. С. 223, № 79; С. 323, № 33; 2010) упоминает этот памятник как Борзод или Борзод (Muhi-Kosmadomb — 1931–1932).

Венгрия, уезд Боршод-Абауй-Земплен, в 1931 г. (рис. 1, 16). Там, видимо, было потревожено погребение, до конца не раскопанное, поскольку вместе с зеркалом были найдены несколько глиняных горшков. В настоящее время зеркало хранится в Herman Ottó Múzeum в Мишкольце (инв. № 53.789.1).

Бронзовый диск с небольшим вертикальным бортиком по краю крепится к рукояти с помощью полуовального сегмента, под которым находится ромбовидный элемент с четырьмя круглыми углублениями в ряд, символизирующими ветвистые рога оленя. Фигура животного трактована в лежачей жертвенной позе; головой ориентирована на лицевой стороне зеркала влево. Выделено длинное ухо под рогами, на крупе засечкой — миниатюрный хвост, в рельефе — плечевой выступ. Под ногами оленя прямоугольная подставка, гофрированная тремя горизонтальными валиками. Ствол рукояти, на который надета подставка под фигурку оленя, состоит из четырех вертикальных колонок в ряд, крайние чуть шире внутренних. На конец рукояти надета горизонтальная гладкая цапфа (подставка) под фигурку пантеры келермесского типа. С оборотной стороны зеркала у цапфы посередине имеется небольшая выемка (возможно, литейный дефект). На лицевой стороне зеркала фигурка животного ориентирована головой в противоположную, чем олень, правую сторону. На этой стороне фигурка пантеры трактована более схематично, чем на оборотной. С оборотной стороны зеркала хвост животного изображен с кольцом на кончике, тогда как на лицевой он передан с каплевидным утолщением на конце. Тело животного трактовано схематично в едином рельефе. На голове выделены ухо и морда с проработанной прорезью пастью (рис. 7, 16).

Зеркало, по сочетанию признаков, относится ко 2-му варианту четвертой серии зеркал борисфенитского типа (рис. 5, 16).

№ 17. Бронзовое зеркало с рукоятью, украшенной фигурками оленя и пантеры, было найдено И. В. Цокур при раскопке в 2003 г. кургана 5 могильника Украинский-1, находящегося в 1 км юго-юго-западнее хут. Украинский у станции Динская Динского района Краснодарского края (рис. 1, 17). Погребение 6 — впускное, в центральной части насыпи кургана. Могила прямоугольная простая, с закругленными углами,

Зита Тезер в своем каталоге (*Tézer*, 2005. Р. 6, № 5; Р. 29, fig. 1, № 5; Р. 35, pl. 9, 4c) местонахождение зеркала определяет как Мухи-Коксмадомб (Muhi-Kocsmadomb).

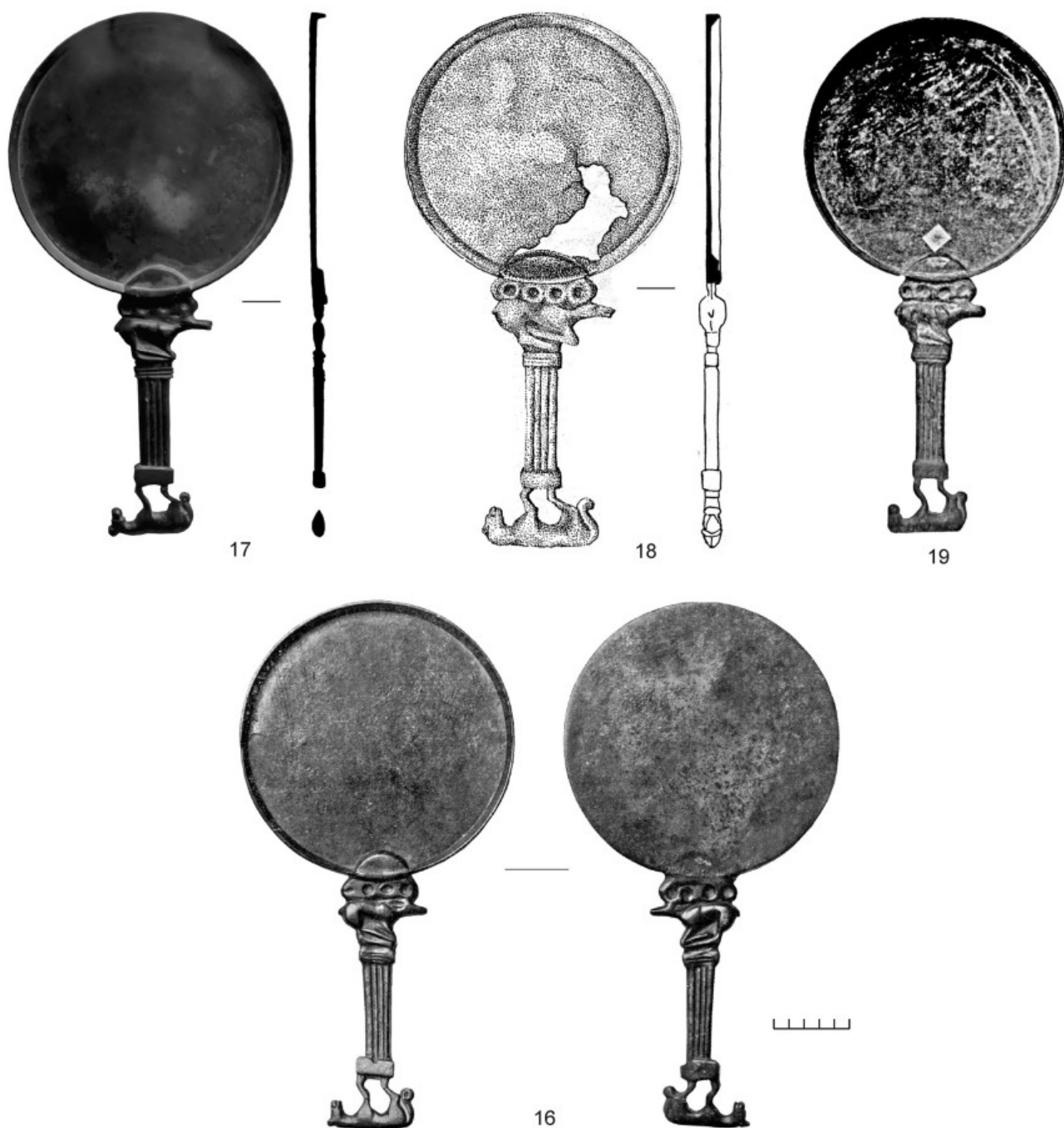

Рис. 7. Бронзовые зеркала четвертой серии борисфенитского типа, № 16–19. Номера позиций соответствуют номерам в тексте и на карте (рис. 1)

Fig. 7. Bronze mirrors of fourth series the Borysthenite type, no. 16–19. Position numbers correspond to numbers in the text and in the map (fig. 1)

ориентирована по линии запад–восток. Впускная в курган эпохи бронзы на глубину 0,6 м, ее западная часть разрушена впускным погребением 5. Ширина погребения составляла 1,02 м (рис. 8, 1, 2). На ровном дне лежал скелет девушки вытянуто на спине, головой на запад, лицом на юго-восток,

он был потревожен грызунами. В западной части могилы (до локтевого сустава правой руки погребенной) лежали кости овцы, среди которых был найден железный ножичек с горбатой спинкой, длиной 3 см (не сохранился). В головах стояла лепная черноглиняная корчага (рис. 8, 7).

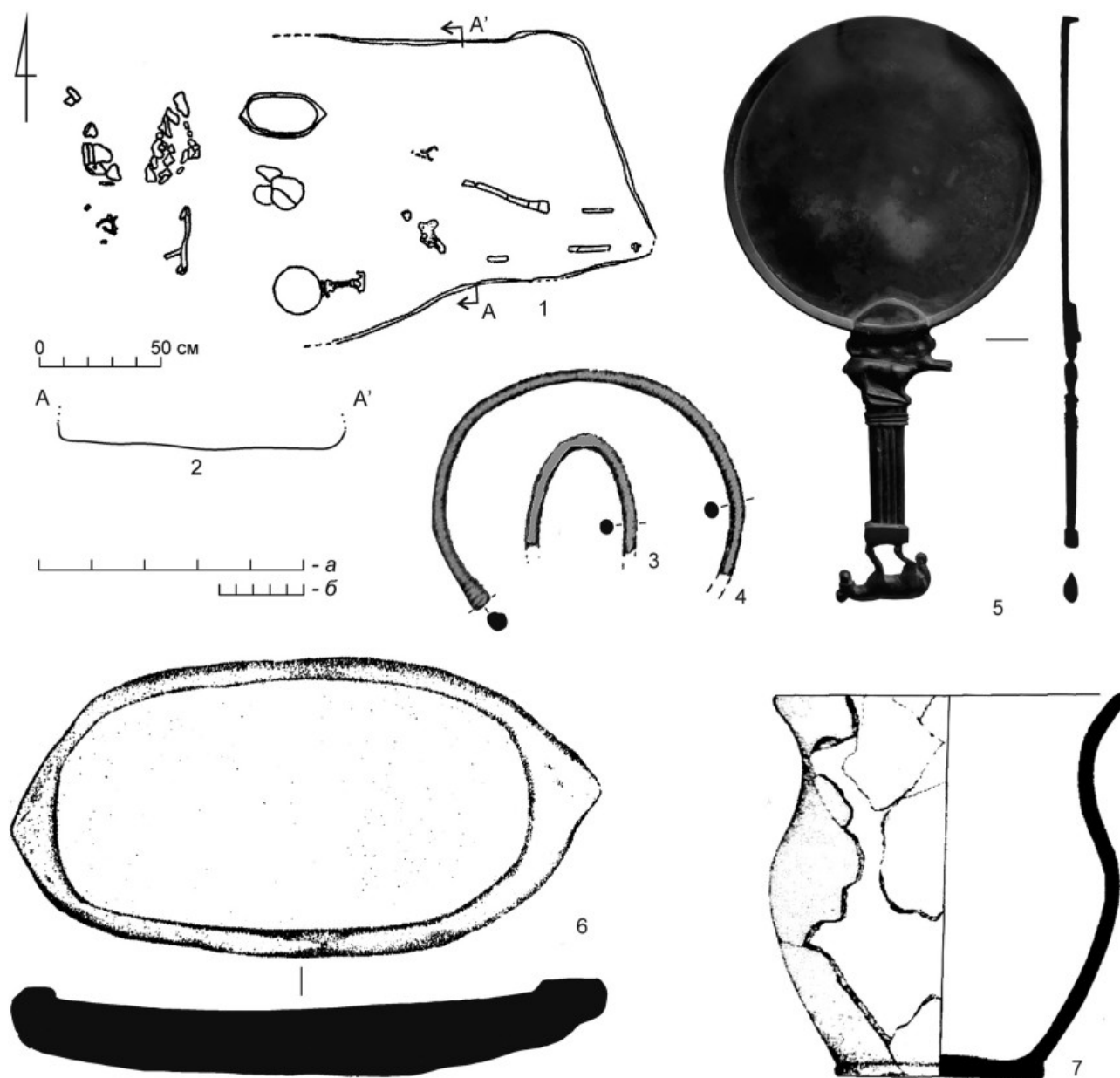

Рис. 8. Погребение 6 кургана 5 могильника Украинский 1 у хут. Украинский Динского района Краснодарского края (2003 г.): план и профиль (1, 2); комплекс находок с зеркалом (№ 17) (3 — бронзовое височное кольцо; 4 — бронзовый браслет; 5 — зеркало; 6 — плоское каменное блюдо с бортиком; 7 — лепная глиняная корчага). Масштаб: а — для 3, 4; б — для 5-7

Fig. 8. Burial 6 in mound 5 of the Ukrainian burial mound 1 near the farm Ukrainsky, Dinsky district of Krasnodar Territory, excavated in 2003: plan and profile (1, 2); complex of finds with mirror (№ 17) (3 — bronze temporal ring; 4 — bronze bracelet; 5 — mirror; 6 — a flat stone dish with a rim; 7 — stucco clay pot). Scale: a — for 3, 4; б — for 5-7

Венчик отогнут наружу, край венчика закруглен. Короткая шейка плавно переходит в тулово баночной формы. Черепок в изломе черного цвета, обжиг неровный. Тесто рыхлое, с примесью дресвы. Размеры корчаги: диаметр венчика 19,8 см, высота сосуда 21,4 см, диаметр дна 11,6 см. В 15 см к северу от черепа лежало каменное песчаниковое блюдо ладьевидной формы с бортиком по краю и заостренными противоположными продольными концами длиной 33,5 см, шириной 16,4 см, высотой 3,5 см (рис. 8, 6). На кисти левой руки был надет бронзовый браслет круглой в сечении проволоки с рубчатым утолщением на одном конце (второй конец был съеден окислением). Диаметр браслета 5,9 см (рис. 8, 4). Рядом с ним лежало бронзовое височное (?) кольцо из круглой в сечении проволоки, диаметром 2,1 см (рис. 8, 3). В 22 см к югу от лица погребенной находилось бронзовое зеркало борисфенитского типа (Цокур, 2007. С. 156, 171, 172, 213, 215, 216, рис. 20; 22; 23, 1–5).

Зеркало имеет диск с бортиком по краю. С рукоятью он скреплен при помощи полуовала на оборотной стороне зеркала. Под полуovalом расположена фигурка оленя, головой сориентированная на лицевой стороне зеркала влево. Олень изображен в канонической позе лежащего в жертвенной позе зверя. Ветви рогов переданы овалом с рядом четырех круглых вдавлений. На узкой морде животного прорезьями показаны ноздри и рот. Ухо не проработано. Все тело трактовано схематично в одном рельефе. На крупе выделен лишь маленький хвост. Под ногами у оленя подставка, имеющая три горизонтальных валика. Рукоять составлена из четырех вертикальных колонок; крайние шире, чем внутренние. На конец рукояти надета цапфа прямоугольной формы, гладкая. На ней стилизованная фигурка пантеры в профиль, головой ориентированная на лицевой стороне зеркала вправо. Голова с выступающим большим круглым ухом смоделирована тщательно: морда животного как бы вырублена из массива головы. Лапы тонкие, переходящие непосредственно в подставку. Хвост небольшой, прижат к задним лапам и заканчивается кольцом на конце (рис. 7, 17). Зеркало, по сочетанию признаков, относится ко 2-му варианту четвертой серии зеркал борисфенитского типа (рис. 5, 17).

№ 18. В 1993 г. на территории разновременного могильника Нечерезий у аула Вочепший Теучежского района Республики Адыгея, на южном берегу Краснодарского водохранилища, было случайно найдено бронзовое зеркало, боковая рукоять которого украшена фигурками оленя и пантеры (рис. 1, 18).

Зеркало имеет диск с вертикальным бортиком по краю. С рукоятью оно скреплено при помощи полуovalного элемента, расположенного на оборотной стороне зеркала. Под овалом — стилизованная фигурка оленя в жертвенной позе с поджатыми ногами, на лицевой стороне зеркала она ориентирована головой влево. Ветви рогов переданы овалом с четырьмя круглыми вдавлениями с обеих сторон. На узкой вытянутой голове животного намечены надрезом рот и глаз. Под рогами намечено в виде горизонтального лепестка ухо оленя. На крупе засечкой показан небольшой хвост. Лапы животного лежат на прямоугольной, разделенной на три горизонтальные полосы подставке. Рукоять зеркала состоит из четырех вертикальных колонок одинаковой ширины. На ее конце надета гладкая прямоугольная цапфа, на которой изображена в стоящей позе стилизованная пантера. Ноги животного удлиненные, подогнутые. Головой фигурка ориентирована на лицевой стороне зеркала вправо. Пасть животного выделена прорезью. Надбровная дуга чуть выступает над мордой хищника, а маленькое ухо с вдавлением — над склоненной головой. Все тело трактовано в общем рельефе. Хвост прижат к задним лапам и завершается каплевидным утолщением (рис. 7, 18). Зеркало опубликовано (Ескина, 1995). По совокупности признаков зеркало относится к четвертой серии борисфенитского типа, 2-му варианту (рис. 5, 18).

№ 19. В 1884 г. у дер. Покафалва в Венгрии, на земле барона Коломана Зейка, при земледельческих работах было найдено бронзовое зеркало с боковой рукоятью, украшенной фигурками оленя и пантеры (рис. 1, 19).

Зеркало имеет диск, окантованный вертикальным бортиком. Рукоять крепится к диску на оборотной стороне зеркала с помощью полуovalа. Под ним — стилизованная фигурка оленя. Ветви рогов переданы овалом с четырьмя круглыми вдавлениями с обеих сторон. Фигурка оленя трактована в общем рельефе. Ухо животного под рогами не выделено. На морде нет детализации. Олень изображен в жертвенной позе с подогнутыми ногами. На крупе насечкой передан хвост. Животное изображено в профиль, головой на лицевой стороне зеркала влево. Ногами олень опирается на прямоугольную подставку, состоящую из трех горизонтальных полосок. Ствол рукояти составлен из четырех вертикальных колонок одинаковой ширины. На конце рукояти надета гладкая прямоугольная цапфа, которая служит подставкой стилизованной фигурке

стоящей на полусогнутых лапах в профиль пантеры. На голове животного проработаны морда и насечкой пасть. Тело трактовано в общем рельефе. Длинные полусогнутые лапы переходят в поверхность подставки (цапфы). Хвост прижат к задним лапам и заканчивается каплевидным утолщением (рис. 7, 19).

Зеркало неоднократно переиздавалось. Первым издателем его был Иштван Теглаш (*Téglás*, 1888). В 1937 г. Мартин фон Роска отметил разницей в определении размеров зеркала в публикациях разных исследователей и привел подробную библиографию переизданий этого зеркала (*Roska*, 1937. Т. XI. Р. 169, 179, 190, 191, fig. 17)⁶. В 1980 г. В. Васильев (*Vasiliev*, 1980. Tab. 24, 25) назвал местом находки этого зеркала с. Паук (Рăус). Это же название приводит, ссылаясь на В. Васильева, и Ян Хохоровски (*Хохоровски*, 2019. С. 227, рис. 49, 3). Т. М. Кузнецова путается в названии места находки этого зеркала, называя его то Пакафалва (*Кузнецова*, 2002. С. 244), то Пакфалва (*Кузнецова*, 2002. С. 332). В списке литературы в первом и втором томах своей книги Т. М. Кузнецова, ссылаясь по поводу этого зеркала на публикацию 1913 г. Габора Теглаша, делает из его имени фамилию и пишет: *Gabor*, 1913.

Согласно основным признакам этого зеркала оно относится ко 2-му варианту четвертой серии зеркал борисфенитского типа (рис. 5, 19).

№ 20. В заключение рассмотрения зеркал четвертой серии упомяну еще раз о том, что к ней,

⁶ Размеры зеркала из Покафалвы здесь приведены по данным М. фон Роска.

без определения варианта, относится одно зеркало из частной коллекции московского нумизмата К. Барковского. Его зеркало известно по неполной фотографии, достаточной для атрибуции зеркала, но непригодной для учета метрических характеристик. Зеркало имеет диск с бортиком по краю. Полуовальным навершием рукоять крепится к диску. Под ним — фигурка оленя в жертвенной позе, головой на лицевой стороне зеркала влево. Другие детали этого зеркала на имеющейся фотографии неразличимы. Но мне известно место его хранения, и есть надежда в будущем описать этот экземпляр.

Рассмотренные в статье зеркала образуют, несомненно, единую серию художественного литья, исполненного в одной мастерской в двух вариантах. Различие деталей этих зеркал при общем условии их изготовления методом литья по утрачиваемой восковой модели исключает возможность их производства в разных мастерских Скифии или разных производственных центрах греческих полисов Северного Причерноморья во второй половине VI в. до н. э. Находка нескольких зеркал этой серии в хорошо датированных комплексах некрополя Ольвии и сохранившихся для археологического датирования наборов инвентаря из скифских захоронений дает возможность датировать этим временным отрезком всю собранную серию зеркал и утверждать, что местом их изготовления был город Борисфен, экономические связи которого с различными регионами Скифии объясняют широту ареала их распространения.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Размеры зеркал (мм) четвертой серии борисфенитского типа (рис. 9)
APPENDIX. Dimensions of mirrors (mm) of the fourth series of the Borysthenite type (fig. 9)

№	Диаметр диска	Высота бортика	Общая высота	Полуовал		Фигурка оленя		Верхняя подставка		Рукоять		Нижняя подставка		Фигурка пантеры	
				Выс.	Шир.	Выс.	Шир.	Выс.	Шир.	Длина	Шир.	Выс.	Шир.	Выс.	Шир.
				1*	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	190	11	385	22	45	50	65	15	27	198	22	10	25	40	62
2	–	–	–	–	–	25	55	9	23	[...] 145	20	9	24	32	55
3	188	12	343	20	45	45	62	15	25	175	20	12	28	35	58
4	175	8	340	13	45	47	60	10	22	180	20	10	25	34	53
5	170	11	320	20	40	40	53	12	22	175	18	12	27	35	50
6	178	11	308	15	32	42	59	10	25	148	20	10	25	–	–
7	–	–	–	–	–	–	–	12	23	132	20	11	22	37	62
8	170	11	312	20	45	40	55	10	22	168	18	11	22	33	60
9	170	11	312	18	45	40	58	15	20	168	18	10	22	32	58

№	Диаметр диска	Высота бортика	Общая высота	Полуовал		Фигурка оленя		Верхняя подставка		Рукоять		Нижняя подставка		Фигурка пантеры	
				Выс.	Шир.	Выс.	Шир.	Выс.	Шир.	Длина	Шир.	Выс.	Шир.	Выс.	Шир.
				1*	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
10	–	–	–	15	46	40	60	15	22	189	20	12	24	40	62
11	178	11	320	20	35	35	58	10	22	171	20	8	25	32	62
12	165	9	345	20	30	35	45	10	22	182	20	8	22	35	60
13	188	9	350	20	50	42	60	10	24	193	20	12	25	30	50
14	175	12	320	18	40	40	56	10	24	164	18	11	24	32	55
15	186	12	339	16	32	35	50	10	20	160	15	8	18	30	45
16	180	12	345	20	35	50	59	10	25	183	18	12	25	30	35
17	180	10	346	22	40	45	63	10	26	176	20	10	26	36	55
18	177	12	333	21	58	50	80	10	24	193	20	14	26	40	76
19	175	9	340	20	40	40	60	12	25	184	20	10	24	36	52
20	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

* — номера на рис. 9.

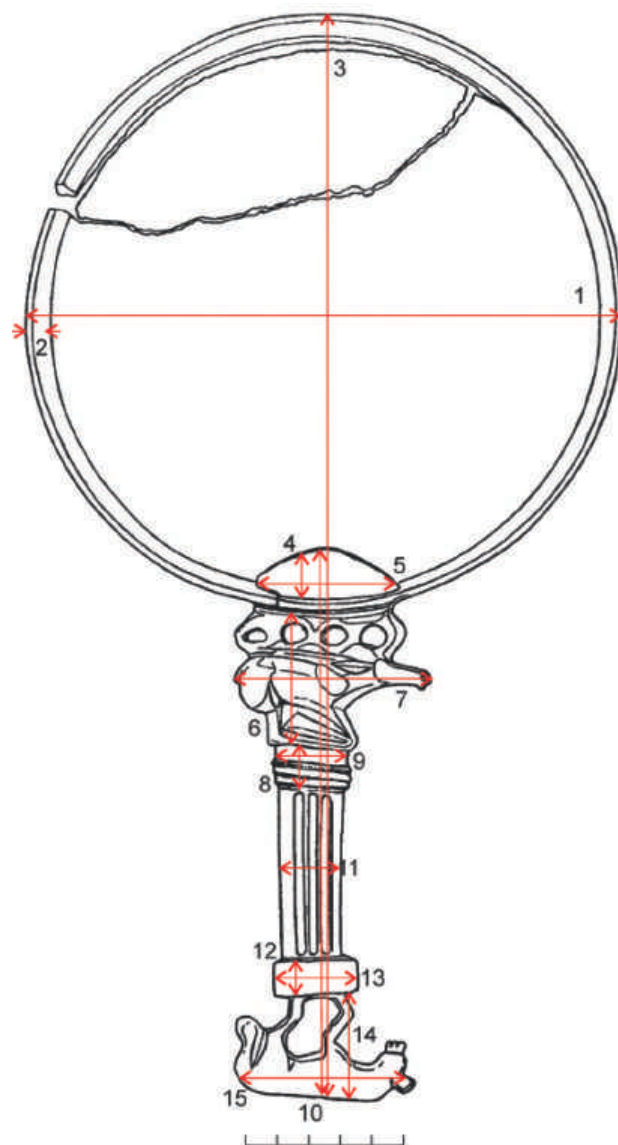

Рис. 9. Схема обмера зеркал четвертой серии борисфенитского типа: 1 — диаметр диска; 2 — высота бортика; 3 — общая высота; 4 — высота полуовала; 5 — ширина полуовала; 6 — высота фигурки оленя; 7 — ширина фигурки оленя; 8 — высота верхней подставки; 9 — ширина верхней подставки; 10 — длина рукояти; 11 — ширина рукояти; 12 — высота нижней подставки; 13 — ширина нижней подставки; 14 — высота фигурки пантеры; 15 — ширина фигурки пантеры

Fig. 9. Scheme for measuring fourth series mirrors of the Borysfenite type: 1 — disc diameter; 2 — side height; 3 — total height; 4 — semi-oval height; 5 — semi-oval width; 6 — the height of the deer figurine; 7 — the width of the deer figurine; 8 — stand height; 9 — the width of the stand; 10 — handle length; 11 — handle width; 12 — the height of the lower stand; 13 — the width of the bottom stand; 14 — the height of the panther figurine; 15 — the width of the panther figurine

- Бобринской*, 1905 — *Бобринской А. А.* Отчет о раскопках близ сел Журовки и Капитоновки Чигиринского уезда Киевской губернии в 1904 году // Известия ИАК. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1905. Вып. 17. С. 77–98.
- Бондарь*, 1955 — *Бондарь Н. Н.* Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI–V вв. до н. э. // СА. 1955. Т. XXIII. С. 58–80.
- Граков*, 1947 — *Граков Б. М.* Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? // Археологія. Київ, 1947. Т. III. С. 23–38.
- Ескина*, 1995 — *Ескина А. В.* Зеркала «ольвийского» типа из могильника Нечерезий // Археология Адыгеи: Сб. статей. Майкоп: Меоты, 1995. С. 108–112.
- Зуев*, 2017 — *Зуев В. Ю.* Типология борисфенитских зеркал // Північне Причорномор'я за античної доби (за пошану С. Д. Крижицького). Київ: Стародавній світ, 2017. С. 144–154.
- Зуев*, 2018 — *Зуев В. Ю.* Первая серия зеркал борисфенитского типа // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: Материалы междунар. науч. конф. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. Ч. 2. С. 25–47.
- Зуев*, 2019 — *Зуев В. Ю.* Третья серия зеркал борисфенитского типа // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нижневартовск, 2019. № 11. С. 73–145.
- Зуев*, 2020 — *Зуев В. Ю.* Зеркала второй серии борисфенитского типа // Древность: историческое знание и специфика источника: Материалы науч. конф., посв. памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского. Вып. 8 / Отв. ред. Г. Ю. Колганова, В. Ю. Шелестин. М.: ИВ РАН, 2020. С. 145–181.
- Ильинская*, 1968 — *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного левобережья (Курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968. 203 с.
- Ильинская, Тереножкин*, 1983 — *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1983. 387 с.
- Кузнецова*, 2002 — *Кузнецова Т. М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. М.: Индрик, 2002. Т. I. 350 с.
- Кузнецова*, 2010 — *Кузнецова Т. М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. М.: Таус, 2010. Т. II. 426 с.
- Маслов*, 2002 — *Маслов В. Е.* Зеркала «ольвийского типа» из Краснодарского края // РА. 2002. № 3. С. 153–157.
- Переводчикова*, 1980 — *Переводчикова Е. В.* Прикубанский вариант скифского звериного стиля: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — археология. М., 1980. 156 с. // Российская государственная библиотека.
- Пьянков, Тарабанов*, 1997 — *Пьянков А. В., Тарабанов В. А.* Могильник протомеотского времени Казазово 3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища // Материалы и исследования по археологии России. М.: ИА РАН, 1997. Вып. I: Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. С. 62–70.
- Скржинская*, 1984 — *Скржинская М. В.* Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1984. С. 105–129.
- Скуднова*, 1962 — *Скуднова В. М.* Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // Труды Гос. Эрмитажа. Л.: Искусство, 1962. Т. 7. С. 5–27.
- Скуднова*, 1988 — *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1988. 183 с.
- Сорокина*, 1957 — *Сорокина Н. П.* Тузлинский некрополь. М.: Советская Россия, 1957 (Тр. ГИМ. Памятники культуры; Вып. XXVI). 158 с.
- Фармаковский*, 1914 — *Фармаковский Б. В.* Архаический период в России // Доклады, читанные на Лондонском Международном конгрессе историков в марте 1913 г. Пг.: Тип. Гл. упр. уделов, 1914 (МАР; № 34). С. 15–78.
- Фармаковский*, 1916 — <Фармаковский Б. В.> // Отчет ИАК за 1912 год. Пг.: Тип. Гл. упр. уделов, 1916. С. 32–36.
- Хохоровски*, 2019 — *Хохоровски Я.* На далеких окраинах античного мира: Гиперборейцы Центральной Европы // Археологія і давня історія України. Київ, 2019. Вип. 2 (31). С. 197–254.
- Цокур*, 2007 — *Цокур И. В.* Курганный могильник «Украинский-1» (Динский район Краснодарского края) // Наследие Кубани. Краснодар, 2007. Вып. 1. С. 156–239.
- Шкорпил*, 1914 — *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 году // Известия ИАК. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1914. Вып. 56. С. 1–74.
- Шовкопляс*, 1951 — *Шовкопляс И. Г.* Тернопільський обласний історико-краєзнавчий музей // Археологія. Київ, 1951. Т. V. С. 239–240.
- Leszih*, 1939 — *Leszih A.* Borsodmegyei szkita leletek (Scythian finds from the county of Borsod) // Folia Archaeologica. Budapest, 1939. Bd. I–II. С. 68–87.
- Leypunskaya*, 2007 — *Leypunskaya N. A.* Olbia-Scythian Trade. Exchange Issues in the Sixth to Fourth Centuries BC // Classical Olbia and the Scythian World from the Sixth Century BC to the Second Century AD /

- D. Braund, S. D. Kryzhitskiy (eds). Oxford: Oxford University Press, 2007 (Proceedings of the British Academy; Vol. 142). C. 121–133.
- Payne, 1931 — *Payne. H.-G.-G. Necrocorinthia*. Oxford: Oxford press, 1931. 230 p.
- Pharmakowsky, 1912 — *Pharmakowsky B. Rußland* [Archäologische Funde in Jahre 1911] // Archäologischer Anzeiger. Berlin, 1912 (Jahrbuch des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Institut; Bd. XXVII). Ht. I. Sp. 178–234.
- Reichl, 1936 — *Reichl I. Zwiercladla podolskiew kulturu scytyjskiew* // T. Sulimirski. Skytowie na Zachodniem Podolu. Lwów: Nakładem Lwowskiego towarzystwa prehistorycznego, 1936 (Prace lwowskiego towarzystwa prehistorycznego; No 2). C. 139–162.
- Roska, 1937 — *Roska M. von. Der Bestand der scythischen Altertümer Siebenbürgens* // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1937. T. XI. C. 167–203.
- Téglás*, 1888 — *Téglás I. Pokafalvai Bronztükör* // Archaeologiai Értesítő. 1888. T. VIII. O. 185–186.
- Téglás*, 1894 — *Téglás I. Az Oláhzsákodi bronztükör-ről* // Archaeologiai Értesítő. 1894. T. XIV. O. 356–357.
- Tézer*, 2005 — *Tézer Z. Skíta kori tükrök a Kárpát-medencében (Scythian-period Mirrors in the Carpathian Basin)* // Budapest Régiségei. Budapest, 2005. Vol. XXXIX. O. 5–38.
- Trofimova*, 2007 — *Trofimova A. A. The Art of the Ancient Cities of the Northern Black Sea Region // Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage / Ed. Anna A. Trofimova. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2007. P. 18–35.*
- Vanderpool*, 1938 — *Vanderpool E. The Rectangular Rock-cut Shaft* // The American Excavations in the Athenian Agora. Fourteenth Report (1938). Hesperia. The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. 1938. Vol. 7, is. 3. P. 366.
- Vasiliev*, 1980 — *Vasiliev V. Sciții Agatirși pe teritoriul României*. Cluj-Napoca: Dacia, 1980. 180 p.

Borysthenite type mirrors of the fourth series

V. Yu. Zuev⁷

Keywords: Scythia of the Archaic era, Boristhen, bronze mirrors of the Borysthenite type.

The mirrors considered in the article undoubtedly form a single series of artistic casting, performed in one workshop in two versions. The difference in the details of these mirrors, taking into account the general conditions of their manufacture by casting on a wax model, excludes the possibility of their manufacture in different workshops of Scythia or in different production centers of the Greek city-states of the North coast of the Black Sea in the second half of the 4th cen. BC.

The discovery of several mirrors of this series in well-dated complexes of the Olbia necropolis and sets of implements from Scythian burials preserved for archaeological dating allow the entire collected series of mirrors to be dated to this particular time period, as well as their belonging to the Greek and Scythian archaic eras. The introduced term — mirrors of the Borysthenite type gives grounds to assert that the place of their production was the city of Borysthenes, whose economic ties with various regions of Scythia explain the breadth of their distribution.

⁷ Vadim Yu. Zuev — Independent Researcher, St. Petersburg, Russia; e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru.

Меотские сероглиняные амфоры¹

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко, А. В. Кондратенко²

Аннотация. В статье рассматриваются типология и хронология особого вида меотских сосудов — сероглиняных амфор на кольцевом поддоне. Большинство сосудов было встречено в погребениях вместе с греческими тарными амфорами. Появление этого вида сосудов у меотов относится к первой четверти IV в. до н. э., а производились и использовались они на протяжении всего IV в. до н. э., заходя в первую четверть III в. до н. э. Морфологические признаки сосудов демонстрируют разнообразие технических приемов и навыков в гончарном ремесле местного населения правобережья Кубани.

Ключевые слова: Прикубанье, меотская культура, сероглиняные амфоры, типология, хронология.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-86-97

К особому виду меотской керамики относятся сероглиняные амфоры на кольцевом поддоне, изготовленные на быстровращающемся гончарном круге. Для них характерна серо-голубая глина с малозаметными серебристыми блестками слюды. Основным материалом происхождения из раскопанных нами памятников — Прикубанского могильника (ПК) и некрополя Старокорсунского городища 2 (СК-2). Отдельные экземпляры были найдены в погребениях могильников Усть-Лабинского 2, у хут. Ленина 2, Пашковских могильников 3 и 6, могильника Марьянского поселения 1, кургана 2 у пос. Водный.

Количество известных в настоящее время в памятниках правобережья Кубани сероглиняных амфор (всего 22 экз.) дает возможность разработать их типологию и хронологию. Большинство сосудов было встречено в погребениях вместе с греческими тарными амфорами, что позволяет для каждого комплекса установить узкие хронологические рамки.

Наиболее консервативным морфологическим признаком является форма тулова, в основном округлая. Наибольший диаметр приходится на середину его высоты или плечики. Встречаются отдельные сосуды с биконическим и вытянутым овальным туловом. Однако мы предлагаем разделить этот вид керамики по способу крепления ручек на **четыре группы**, внутри которых выделяются **варианты** по форме горла. В описании каждого сосуда отмечаются форма тулова, венчика, кольцевого поддона, сечение ручек, наличие орнамента и др. Размерные характеристики амфор позволяют выделить среди них столовые сосуды небольшого объема (высотой от 20 до 33 см) и крупные сосуды, которые использовались для хранения жидких и, возможно, сыпучих продуктов (высотой 36–46 см).

Группа 1. Ручки отходят непосредственно от края венчика. Сюда относятся две столовые амфоры.

Вариант 1а. Горло цилиндрическое, с четким переходом к плечикам.

Единственный пока сосуд происходит из погребения 360з некрополя Старокорсунского городища (рис. 1, 1). Тулово округлое, расширенное в плечиках. Горло невысокое, орнаментированное узкими рельефными валиками, край отогнут, венчик нависающий валикообразный. Ручки плавно изогнуты, сечение уплощенное, продольное ребро с внешней стороны. Дно слегка выпуклое изнутри и снизу, поддон с перехватом на переходе к стенкам тулова, подошва плоская. Высота —

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 22-28-00134 «Типология и хронология меотской керамики IV–I вв. до н. э. из памятников правобережья Кубани»).

² Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Кондратенко А. В. — Кубанский государственный университет; ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, 350040, Россия; e-mail: limberis2@mail.ru; meot@mail.ru; artkondratenko@yandex.ru.

26 см, высота до наибольшего диаметра — 13,5 см, наибольший диаметр — 18,5 см, высота горла — 7,5 см, диаметр венчика — 10 см, диаметр поддона — 9 см.

В этом комплексе была найдена амфора, которую мы раньше, опираясь на определения С. Ю. Монахова, относили к милетскому производству второй четверти IV в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 36, табл. 21, 4; Лимберис, Марченко, 2005. С. 220, 263–264, рис. 37). Позже С. Ю. Монахов выделил амфоры малоазийских Эрифр, и данный экземпляр отнес к варианту I-D, датировав его второй четвертью IV в. до н. э. (Монахов, 2012. С. 116. Рис. 2, 13; 2013. С. 33, 34, 48, табл. II, 13)³.

Вариант 1б. Горло расширено в основании, с плавным переходом к плечикам

Маленькая амфора этого варианта является случайной находкой на Усть-Лабинском могильнике 2 (рис. 1, 2). У нее овальное тулово и довольно высокое горло, выделенное то ли валиками, то ли желобками в основании и вверху под ручками, и низкий прямой поддон с ровной подошвой. Высота — 24,3 см (восстановлена по рисунку в публикации). Н. В. Анфимов поместил этот сосуд среди сероглиняной керамики из погребений третьей хронологической группы III — начала I в. до н. э. (Анфимов, 1951. Рис. 7, 8). Однако, судя по прилепу и округлому изгибу ручек (как у амфоры варианта 1а), датировка этого сосуда вряд ли выходит далеко за пределы IV в. до н. э.

Группа 2. Ручки верхними концами крепятся к горлу ниже венчика. Эта группа самая многочисленная (9 экз.). По высоте и форме горла выделены четыре варианта.

Вариант 2а включает четыре столовые амфоры с цилиндрическим горлом и довольно четким переходом к плечикам.

Амфора из погребения 93 Прикубанского могильника (рис. 1, 4) имеет довольно широкое горло с плавно отогнутым венчиком и слабо-рифлеными стенками. Тулово округлое, несколько расширенное в средней части. Ручки плавно изогнуты, в сечении уплощенно-прямоугольные (одна утрачена в древности). Дно снизу выпуклое, на довольно высоком прямом кольцевом поддоне с округленной подошвой. Высота — 25,7 см, высота до наибольшего диаметра — 12 см, наибольший диаметр — 19,1 см, высота горла — 8,6 см, диаметр венчика — 9,8 см, диаметр поддона — 9,1 см.

³ В статье С. Ю. Монахова 2012 г. ошибочно указан неверный номер погребения.

В этом погребении присутствовали три тарные амфоры. Клейменная амфора Фасоса относится к «развитой» серии «биконического» варианта II-B-2; вторая фасосская амфора — к «поздней» серии «биконического» варианта. Третья, амфора Икоса, принадлежит к I «ранней» группе. В целом комплекс данного погребения должен датироваться второй четвертью, ближе к середине IV в. (Монахов и др., 2021. С. 66, рис. 94).

В погребении 390 Прикубанского могильника (рис. 1, б) найдена амфора с овальным туловом. Горло довольно широкое, венчик профилированный, выступает наружу в виде треугольной закраины, край приподнят и заострен. Ручки круто согнуты вверху, широко расставлены на плечиках, в сечении овально-уплощенные. Дно снизу выпуклое, на низком кольцевом поддоне с округленным краем и ровной подошвой. Высота — 33,2 см, высота до наибольшего диаметра — 14,8 см, наибольший диаметр — 24 см, высота горла — 9,2 см, диаметр венчика — 12,8 см, диаметр поддона — 12 см.

Узкие хронологические рамки погребения определить невозможно из-за отсутствия среди инвентаря надежно датированных предметов. Поэтому его датировка должна быть ограничена временем функционирования Прикубанского могильника, то есть IV — самым началом III в. до н. э.

Третья амфора этого варианта происходит из погребения 8 кургана 2 у пос. Водный (рис. 1, 3). Это сосуд с довольно приземистым округлым туловом, расширенным в плечиках, отмеченных заметным ребром. Край горла выделен рельефным валиком на уровне крепления ручек. Ручки прогнутые, с широким продольным желобком на внешней стороне. Дно снизу выпуклое. Поддон гладкий, с ровной опорной плоскостью. Высота, восстановленная по рисунку из полевого отчета, — 25,8 см. Совместно была найдена греческая тарная амфора (Куликова, 1978. Рис. 96, 97). Она была атрибутирована как амфора Синопы конического типа, варианта I-D третьей четверти IV в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 147, 158; Лимберис и др., 2020. С. 154).

Столовая амфора из погребения 1/1947 г. Пашковского могильника 3 (рис. 1, 5) имеет овальное тулово, вероятно, орнаментированное желобками в нижней части. Горло у нее немного шире и короче, чем у вышеописанных экземпляров, с бороздкой в основании. Венчик отогнут, ручки плавно изогнуты вверху, в сечении овальные. Дно снизу слабывыпуклое, поддон выступающий, с подрезкой на стыке с туловом, опорная плоскость

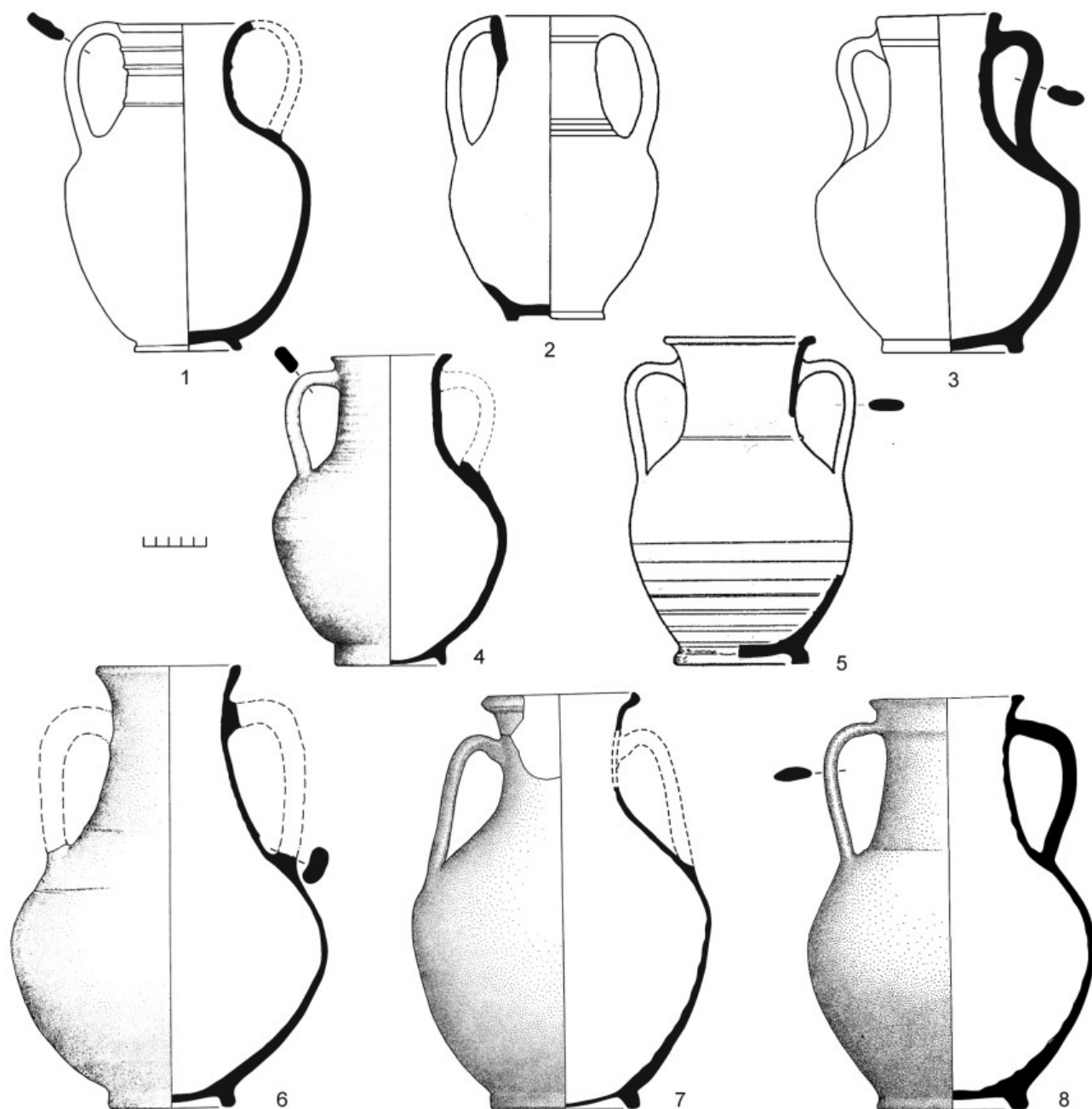

Рис. 1. Сероглиняные амфоры групп 1 и 2: 1 — погр. 360з, некрополь Старокорсунского городища 2; 2 — Усть-Лабинский могильник 2, случайная находка; 3 — погр. 8, кург. 2 у пос. Водный; 4, 6–8 — Прикубанский могильник (4 — погр. 93, 6 — погр. 390, 7 — погр. 334; 8 — погр. 338); 5 — погр. 1/1947 г., Пашковский могильник; (1 — вариант 1а; 2 — вариант 1б; 3–6 — вариант 2а; 7, 8 — вариант 2б)

Fig. 1. Gray-clay amphorae of groups 1 and 2: 1 — burial 360z, Starokorsunskoye gorodishche 2; 2 — casual find, Ust-Labinsky burial ground 2; 3 — burial 8, mound 2, Vodnyy; 4, 6–8 — Prikubanskiy burial ground (4 — burial 93, 6 — burial 390, 7 — burial 334, 8 — burial 338); 5 — burial 1/1947, Pashkovsky burial ground 3 (1 — variant 1a; 2 — variant 1b; 3–6 — variant 2a; 7, 8 — variant 2b)

горизонтальная. Восстановленная по рисунку в публикации высота — 25,6 см. К. Ф. Смирнов не сомневался в меотском происхождении этой «амфоры», «представляющей собою отдаленную копию боспорских акварельных пелик». Комплекс пашковского погребения включал тарную амфору на рюмкообразной ножке, центр производства которой в то время не был установлен (Смирнов, 1958. С. 302–304, рис. 4, 1; 5, 1–11; 6, 1). Эта амфора Менды варианта *портичелло* II-B по своим морфологическим характеристикам принадлежит к ранней серии и датируется не позднее первой четверти IV в. до н. э. (Монахов, 1999. С. 176–177, 182–184, 232–235, 243, 244, табл. 64, 8; 68; 96; 99, 1, 2; Монахов, 2003. С. 91, 92; Монахов и др., 2021. С. 30, 34, 36, рис. 36, 2; 43, 2; 46, 1).

Учитывая датировки комплексов, хронологические рамки бытования столовых амфор варианта 2а можно ограничить первой–третьей четвертями IV в. до н. э.

Вариант 2б характеризуется *высоким, расширенным в нижней части (коническим) горлом, выделенным в основании* (2 экз.).

В погребении 334 Прикубанского могильника (рис. 1, 7) найдена амфора, которая, судя по объему, скорее всего служила для хранения продуктов. Тулово грушевидное, раздутое в средней части. Горло с плавно отогнутым краем, основание окружено узким валиком. Ручки в сечении уплощенно-овальные (утрачены в древности). Дно ровное, поддон низкий, ровный, с плоской подошвой. Высота — 37,3 см, высота до наибольшего диаметра — 13,5 см, наибольший диаметр — 26,6 см, высота горла — 13,8 см, диаметр венчика — 12,2 см, диаметр поддона — 10,8 см.

Совместно встречена амфора типа «Муригиоль», которая датируется широко — в рамках первой половины IV в. до н. э. (Монахов и др., 2021. С. 225, Мг. 2).

Амфора из погребения 338 Прикубанского могильника (рис. 1, 8) очень похожа на предыдущую, но меньшего объема, поэтому отнесем ее к столовым. Тулово округлое, горло с отогнутым уплощенным венчиком, в основании выделено узким выступом. Ручки петлевидные, округло изогнуты, в сечении уплощенно-овальные. На горле на уровне крепления ручек — слабовыраженный рельефный валик. Дно ровное, поддон немного расширяется к основанию, подошва плоская. Высота — 33,1 см, высота до наибольшего диаметра — 12,8 см, наибольший диаметр — 23,2 см, высота горла — 12,2 см, диаметр венчика — 12,6 см, диаметр поддона — 12,3 см.

Мендейская амфора из этого погребения относится к *мелитопольскому* варианту II-C и, судя по аналогиям, может быть продатирована, как и комплекс в целом, в пределах 370-х гг. до н. э. (Монахов и др., 2021. С. 49, рис. 69, 1).

Таким образом, на данный момент хронология амфор варианта 2б определяется в пределах первой половины IV в. до н. э.

К **варианту 2в** относится амфора из погребения 397 Прикубанского могильника (рис. 2, 1) с *высоким узким горлом, плавно переходящим в плечики*, и вытянутым овальным туловом большого объема. У нее высокое горло с выступающим заостренным венчиком и рельефным валиком под ним. Ручки крепятся ниже валика, округло изогнуты, в сечении овально-уплощенные. Дно ровное, поддон сильно расширяется к основанию. Высота — 46 см, высота до наибольшего диаметра — 21 см, наибольший диаметр — 27 см, высота горла — 12,5 см, диаметр венчика — 11,2 см, диаметр поддона — 11,8 см.

По набору сероглиняной керамики комплекс датируется концом IV — началом III в. до н. э.

Вариант 2г представлен амфорами с *коротким горлом, расширяющимся кверху в виде раструба* (2 экз.). Обе амфоры очень близкой морфологии, но различаются по объему.

Столовая амфора из погребения 4 кургана 2 у пос. Водный (рис. 2, 2) имеет четко выраженный пропорциональный биконический профиль тулова. Ручки довольно круто согнуты вверху, венчик валикообразный. Дно ровное, поддон с выступающим краем, срезанным под углом к основанию и к стенкам, подошва ровная. Высота — 20,2 см (восстановлена по рисунку в полевом отчете).

В погребении присутствовала также тарная амфора (Куликова, 1978. Рис. 66, 68), которая принадлежит к пока неустановленному средиземноморскому центру. Аналогичная ей амфора из комплекса 86в некрополя Старокорсунского городища 2 была встречена вместе с амфорой «рыжановского» варианта середины — третьей четверти IV в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2005. С. 221, рис. 11, 7, 8; Монахов, 1999. С. 413–415; Монахов, 2003. С. 28, 29), что дает нам основание этим же периодом датировать погребение 4 из Водного.

Гораздо более крупная сероглиняная амфора, скорее всего, использовавшаяся для хранения, происходит из погребения 84/1972 г. Пашковского могильника 6 (рис. 2, 3). Тулово биконическое, но в средней части стенки округлены. Ручки вверху круто согнуты, с двумя глубокими продольными желобками снаружи. Дно ровное,

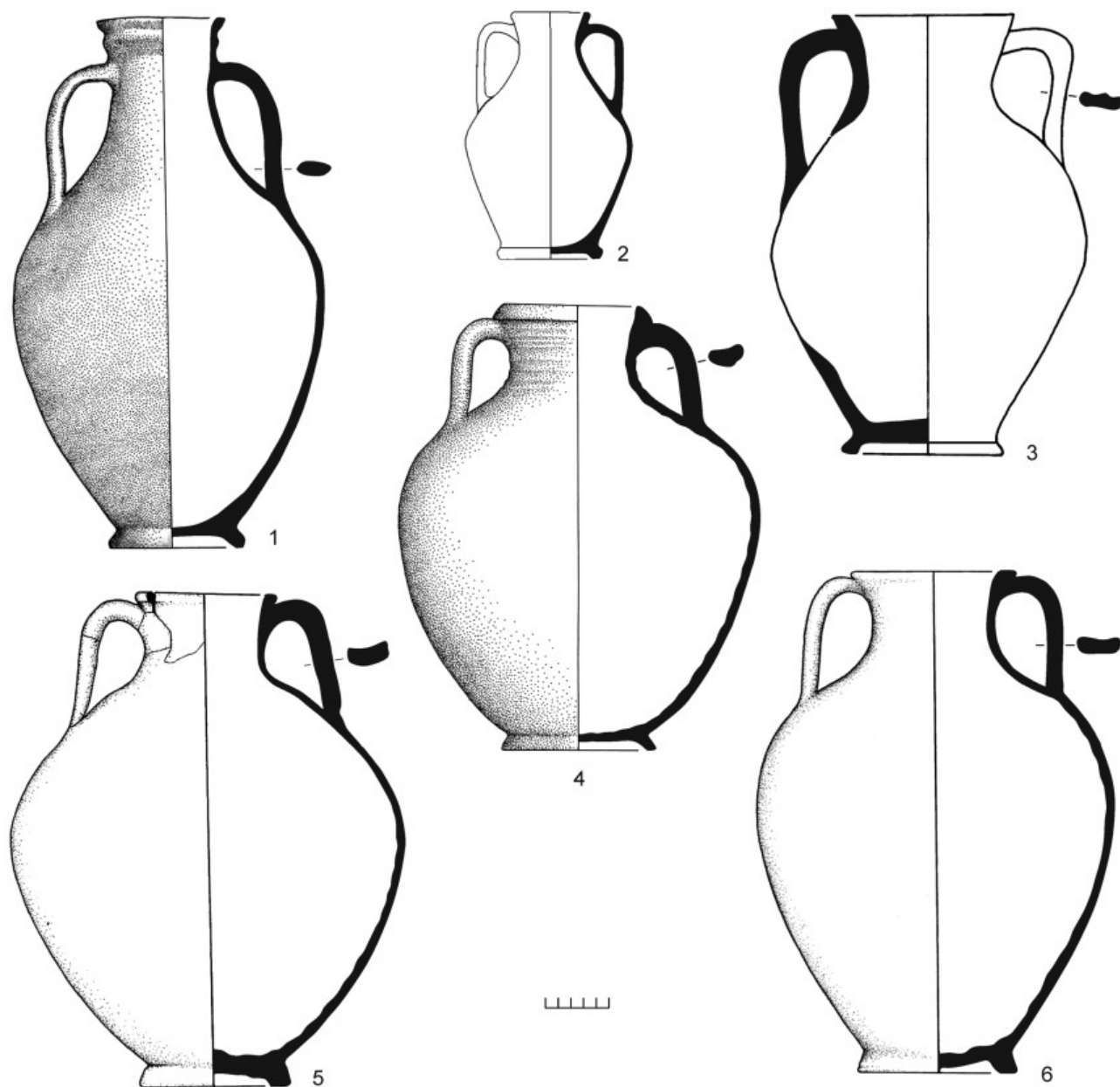

Рис. 2. Сероглиняные амфоры групп 2 и 3: 1 — погр. 397, Прикубанский могильник; 2 — погр. 4, кург. 2 у пос. Водный; 3 — погр. 84/1972 г., Пашковский могильник 6; 4–6 — некрополь Старокорсунского городища (4 — погр. 237в, 5 — погр. 90в, 6 — погр. 89в) (1 — вариант 2в; 2, 3 — вариант 2г; 4–6 — вариант 3а)

Fig. 2. Gray-clay amphorae of groups 2 and 3: 1 — burial 397, Prikubanskiy burial ground; 2 — burial 4, mound 2, Vodnyy; 3 — burial 84/1972 г. Pashkovsky burial ground 6; 4–6 — Starokorsunskoye gorodishche (4 — burial 237в, 5 — burial 90в, 6 — burial 89в) (1 — variant 2в; 2, 3 — variant 2г; 4–6 — variant 3а)

поддон низкий, расширяется к основанию, подошва плоская. Высота — около 36,8 см (восстановлена по рисунку из полевого отчета Н. В. Анфимова 1972 г.)⁴.

⁴ В отчете Н. В. Анфимова за 1972 г. есть рисунок этой амфоры, ошибочно приведенный под № 56, а фотография отсутствует.

В этом погребении вместе с гераклейской амфорой, тип которой в настоящее время установить невозможно, встречена амфора, была найдена амфора неизвестного средиземноморского центра (типа I-A-1, по С. Ю. Монахову) середины — третьей четверти IV в. до н. э. (Улитин, 2004. С. 149, 159, рис. 9, № 53). В настоящее

время С. Ю. Монахов довольно уверенно доказал, что такие амфоры производились на о. Икос. Судя по рисунку ножки без перехвата, опубликованному В. В. Улитиным, амфора относится ко второй группе тары, выпускавшейся в середине — третьей четверти IV в. до н. э. (Монахов, Кузнецова, 2009. С. 159, 160; Монахов, Федосеев, 2013. С. 260).

До появления новых материалов время бытования сероглиняных амфор варианта 2г ограничивается серединой — третьей четвертью IV в. до н. э.

Группа 3. Ручки выходят непосредственно из-под венчика и нередко прилеплены к нему снизу (8 экз.).

Вариант 3а. Сюда относятся три сосуда большого объема, предназначенные для хранения продуктов. Все они имеют короткое цилиндрическое горло, довольно четко выделенное в основании.

Амфора из погребения 89в некрополя Старокорсунского городища 2 (рис. 2, б) имеет удлиненное пифоидное тулово, немного расширенное в верхней части. Устье слегка расширено за счет плавно отогнутого венчика, плоско срезанного сверху. Ручки поставлены вертикально, в верхней части плавно изогнуты, в сечении уплощенные. Дно снизу заметно выпуклое, поддон массивный, расширяющийся к основанию, подошва плоская. Высота — 43,5 см, высота до наибольшего диаметра — 23 см, наибольший диаметр — 31 см, высота горла — 7 см, диаметр венчика — 13,7 см, диаметр поддона — 13 см.

Это погребение мы относили к последней четверти IV в. до н. э. по аналогии с сероглиняной амфорой из погребения 90 некрополя Старокорсунского городища 2 (Лимберис, Марченко, 2005. С. 222, 230). Однако в настоящее время уточненная хронология некоторых типов меотских сосудов, в частности, ритуальных узкогорлых кувшинчиков без ручек, которые часто встречаются в комплексах с амфорами Икоса, Книда, Коса и Синопы (Монахов и др., 2021. С. 190, Ик. 26; 201, Кп. 16; 206, Кс. 6; 207, Кс. 8; 264, Sn. 13; 272, Sn. 29), позволяет расширить датировку комплекса до последней четверти IV — первой четверти III в. до н. э.

Из погребения 90в некрополя Старокорсунского городища 2 (рис. 2, в) происходит амфора с округлым, расширенным в средней части туловом. Горло с узким валикообразным венчиком прямоугольного сечения. Ручки широко расставлены, в сечении уплощенные, вогнутые с наружной стороны. Дно утолщенное, снизу вогнутое. Поддон массивный, довольно резко расширяется к основанию, с подрезкой на стыке со стенкой.

Высота — 41,5 см, высота до наибольшего диаметра — 21–22 см, наибольший диаметр — 33 см, высота горла — 6,5 см, диаметр венчика — 12 × 11 см, диаметр поддона — 12,8 см.

Хронология погребения определяется по медной пантикапейской монете (тетрахалк, тип: сатир/лев, осетр). А. Н. Зограф относил монеты этого типа к 325–300 гг. до н. э. (Зограф, 1951. С. 245, табл. ХLI, 2), Д. Б. Шелов сузил их датировку до 315–300 гг. до н. э. (Шелов, 1956. Табл. V, 61). Предложенной им хронологии придерживалась и Л. Н. Казаманова (Казаманова, 1969. Табл. LI, 11). Впоследствии эта серия монет была передатирована В. А. Анохиным в пределах 293–283 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 141, № 125, табл. 4). Ранее мы писали, что склонны придерживаться датировок Л. Н. Казамановой, опираясь на формы сероглиняных сосудов, которые прослеживаются еще со второй четверти IV в. до н. э., и очень хорошую сохранность монеты (Лимберис, Марченко, 2005. С. 222, 230). В настоящее время один из ведущих нумизматов М. Г. Абрамзон⁵ также датирует этот тип монет 315–300 гг. до н. э. (Abramzon, Kuznetsov, 2021. P. 34–38). Поэтому хронологические рамки данного погребения следует ограничить концом IV — началом III в. до н. э.

Амфора несколько меньшего объема из погребения 237в некрополя Старокорсунского городища 2 (рис. 2, г), по-видимому, также использовалась для хранения. У нее бочковидное тулово, расширенное в плечиках, и горло с нависающим «грибовидным» венчиком, покрытое частым круговым рифлением. Ручки подтреугольного сечения, прогнутые с внешней стороны, широко расставлены. Дно ровное, поддон резко расходится к основанию, подошва горизонтальная. Высота — 36 см, высота до наибольшего диаметра — 18,0–18,5 см, наибольший диаметр — 27,8 см, высота горла — 7 см, диаметр венчика по внутреннему краю — 10,5 × 10,7 см, диаметр поддона — 12,6 см.

Погребение сопровождалось двумя косскими амфорами, которые относятся к «позднему» варианту I-B серии I-B-1 и датируются последней четвертью IV в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2007. С. 71, рис. 5, 2, 3; 7, 3, 4; Монахов, 2014. С. 204, рис. 5, 16, 17).

Хронология варианта 3а может быть определена в пределах последней четверти IV — первой четверти III в. до н. э.

⁵ Благодарим профессора М. Г. Абрамзона за подробную консультацию.

Вариант 3б включает три амфоры с *резко расширяющимся кверху коротким горлом, не выделенным в основании*.

Из погребения 3/1938 г. Усть-Лабинского могильника 2 происходит крупный сосуд (рис. 3, 3), близкий по форме тулова и объему старокорсунским амфорам варианта 3а. Тулово пифоидное, сильно расширенное в плечиках, горло с резким перехватом в основании, венчик широкий, плоско срезан. Ручки плоские в сечении, широко расставлены. Дно ровное, массивный поддон расширяется к основанию, подошва плоская. Размеры восстановлены по рисунку в публикации: высота — 41,4 см, диаметр тулова — 34 см (Анфимов, 1951. С. 166, рис. 4, 2).

В сводной таблице форм меотской керамики данный сосуд был отнесен к среднемеотскому I периоду V–III вв. до н. э. (Каменецкий, 1989. С. 237, рис. 91, 29). Совместно с ним в погребении была найдена тарная амфора «с широким венчиком», которую Н. В. Анфимов датировал концом IV — началом III в. до н. э. (Анфимов, 1951. С. 168, рис. 4, 4). С. Ю. Монахов, опубликовавший эту амфору (правда, реконструированной по опубликованному чертежу Н. В. Анфимова), отнес ее к серии I-B-1 «позднего варианта» косской тары, но воздержался от ее точной датировки, как и варианта в целом. Исходя из контекста его исследования, хронологию серии I-B-1 «позднего варианта» можно ограничить серединой — концом IV в. до н. э. (Монахов, 2014. С. 204, рис. 4, 11).

Две сероглиняные амфоры варианта 3б, близкие по основным размерным и морфологическим характеристикам, можно атрибутировать как столовые. Оба сосуда имеют округлое тулово, расширенное в средней части. Плечики плавно переходят в невысокое горло, довольно сильно расширяющееся кверху, с округленным венчиком. На плечиках — узкие горизонтальные бороздки, как бы выделяющие основание горла.

Амфора из погребения 225в некрополя Старокорсунского городища 2 (рис. 3, 1) имеет двустольные ручки, верхние концы которых прилеплены снизу к венчику и круто согнуты под острым углом, а нижние — поставлены почти вертикально. На плечиках в двух местах прорезаны по сухой глине знаки, напоминающие буквы «W» и «V». Дно утолщенное, опущенное снизу до уровня основания поддона. Край поддона выделен прогибом дна снизу, подошва ровная. Поверхность была обмазана светлой глиной серо-желтого цвета. Высота — 32 см, высота до наибольшего диаметра — 15,5 см, наибольший

диаметр — 24,5 см, высота горла — 7,8 см, диаметр венчика — 11,8 см, диаметр поддона — 11,5 см.

В погребении найден красноглиняный унгентарий, у которого в древности было отбито горло. Близкой формы унгентарии из материалов афинской Агоры относятся к категории I и датируются концом IV — первой четвертью III в. до н. э. (Rotroff, 2006. P. 150, 151, No. 407). Этим временем, вероятно, следует датировать и погребение, чему не противоречат типы местной керамики из этого комплекса.

Амфору, найденную в погребении 49 могильника Марьянского поселения 1 (раскопки В. Ю. Кононова 2013 г.) (рис. 3, 2), отличает от старокорсунского сосуда плавный изгиб ручек, которые крепятся ниже венчика и широко расставлены на плечиках. Сечение овальное, прогнутое с внешней стороны. Дно снизу немного выпуклое, поддон резко расходится к основанию, опорная плоскость ровная. Высота — 30 см, высота до наибольшего диаметра — 14,5 см, наибольший диаметр — 24,3 см, высота горла — 7 см, диаметр венчика — 10,5 см, диаметр поддона — 10,5 см.

Мендейская амфора варианта *портучелло* II-B из этого погребения сопоставима с образцами тары 390–380 гг. до н. э. (Монахов, 2003. С. 91, 92; Монахов и др., 2021. С. 138, 139, Мд. 5, 6, 7).

Хронология импортов из приведенных комплексов дает возможность датировать меотские амфоры варианта 3б в рамках начала IV — первой четверти III в. до н. э.

К **варианту 3в** относятся две амфоры с *коротким горлом с прогнутыми стенками*. К тому же оба сосуда отличаются от прочих овальным туловом.

Из погребения 110 могильника городища 2 у хут. Ленина (рис. 3, 5) происходит крупная амфора для хранения продуктов с высоким овальным туловом. Ручки согнуты практически под прямым углом, на плечики поставлены вертикально, в сечении уплощенные, с продольным ребром на внешней стороне. На горле на уровне крепления ручек проходит рельефный валик. Дно снизу немного выпуклое, поддон довольно высокий, прямой, с ровной подошвой. Размеры восстановлены по рисунку из полевого отчета: высота — 39,5 см, высота горла — 4 см, диаметр поддона — 12 см (Аптекарев, 1981. Рис. 206).

Совместно была найдена амфора Книда *пифоидного* варианта II-B, широкая хронология которого ограничивается последней третью IV — началом III в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 106, 107, табл. 74, 4; Монахов, Кузнецова, 2021. С. 200. Рис. 9, 4). Этим временем следует датировать и данное погребение.

Рис. 3. Сероглиняные амфоры группы 3: 1 — погр. 225в, некрополь Старокорсунского городища 2; 2 — погр. 49, могильник Марьянского поселения 1; 3 — погр. 3/1938 г., Усть-Лабинский могильник 2; 4 — погр. 56/1972 г., Пашковский могильник 6; 5 — погр. 110, могильник городища 2 у хут. Ленина (1-3 — вариант 3б; 4, 5 — вариант 3в)

Fig. 3. Group 3 gray-clay amphorae: 1 — burial 225в, Starokorsunskoye gorodishche 2; 2 — burial 49, burial ground of Maryanskaya settlement 1; 3 — burial 3/1938 г., Ust-Labinsky burial ground 2; 4 — burial 56/1972 г., Pashkovsky burial ground 6; 5 — burial 110, Lenina 2 burial ground (1-3 — variant 3б; 4, 5 — variant 3в)

Об амфоре из погребения 56 Пашковско-го могильника 6 (рис. 3, 4) нам известно из полевого отчета Н. В. Анфимова за 1972 г. Судя по фото (рисунок отсутствует) — это сосуд с пропорциональным овальным туловом. Стенки горла сильно прогнутые, венчик широкий, с нависающим выступом («воротничковый») на уровне крепления ручек, ручки с продольным желобком с внутренней и внешней сторон (?) или двуствольные (?). Поддон массивный, расширяется

к основанию, с подрезкой у стенки. По размерам, восстановленным по фото из отчета (высота — 33,2 см, высота горла — 6,6 см), амфору можно отнести к столовым. В погребении, судя по фотографии, присутствовала какая-то тарная амфора, разрушенная скрепером, тип которой не был установлен автором раскопок (Анфимов, 1972. Л. 33, 34)⁶.

⁶ В фондах КГИАМЗ амфора не обнаружена.

Определить хронологические рамки бытования варианта 3в, опираясь на датировку всего одного погребения, проблематично. Однако сходство редкой формы венчиков обоих сосудов позволяет предположить и их хронологическую близость (последняя треть IV — начало III в. до н. э.).

Группа 4 представлена в могильниках правобережья Кубани пока только одной амфорой с плоскими петлевидными ручками на плечиках из погребения 192в некрополя Старокорсунского городища 2 (рис. 4, 1). Этот сосуд, предназначенный для хранения жидких продуктов, имеет несколько расширенное в плечиках (бочковидное) тулово. Горло выделено в основании двумя узкими горизонтальными желобками, такие же желобки — на плечиках. Дно на низком кольцевом поддоне, не выделенном снаружи. Высота — 37,5–38,5 см, высота до наибольшего диаметра — 18,5–20,0 см, диаметр тулова — 28,5 см, диаметр венчика — 14,0 см, диаметр дна — 14,5 см.

Установить датировку этого погребения затруднительно, так как в нем найдены лишь лепной горшок и железные наконечники стрел. Горшки с отогнутым краем никогда не были доминирующим типом, но известны у меотов правобережья Кубани с раннемеотского времени до первых веков нашей эры. (Лимберис, Марченко, 2005. С. 240). Мелкие втульчатые трехлопастные наконечники стрел также имеют очень широкую хронологию — VI–III вв. до н. э.

Однако у нас есть пока единственная аналогия этой амфоре: практически идентичный сероглиняный сосуд происходит из погребения 25 кургана 2 могильника Фурожан в Закубанье. Отличием его является плоское дно, а по высоте и диаметру он лишь незначительно меньше старокорсунской амфоры. Большинство погребений из кургана 2 по греческой амфорной таре относится к 50–30-м гг. IV в. до н. э. Этой датировке вполне соответствует наличие среди инвентаря погребения 25 сероглиняной вазочки с «воротничковым» венчиком и лепной миски (Иванов, 2020. С. 19, 32, 33, 65, рис. 24, IV). Хронология закубанского комплекса, скорее всего, позволяет датировать третьей четвертью IV в. до н. э. и погребение 192в некрополя Старокорсунского городища 2.

Две сероглиняные амфоры не были включены ни в одну из выделенных групп, так как ручки и горла этих сосудов были утрачены в древности. Но, судя по креплению нижних концов ручек, эти сосуды могут относиться только к группам 1–3.

В погребении 89в некрополя Старокорсунского городища 2 (рис. 4, 2) вместе с большой

амфорой варианта 3а была найдена еще одна, меньшего объема, которую можно отнести к столовым. Тулово пропорциональное овальное, основание горла выделено узким рельефным валиком; на уровне крепления нижних прилепов ручек — три узких желобка. Пространство между валиком и желобками заполнено орнаментом из частых отпечатков циркульного штампа. Дно снизу выпуклое, поддон довольно массивный, расширяющийся к основанию, опорная плоскость узкая, так как подошва косо срезана к внешнему краю поддона. Сохранившаяся высота — 25–27 см, высота до наибольшего диаметра — 15 см, наибольший диаметр — 24,5 см, диаметр основания горла — 10,5 см, диаметр поддона — 10,5–11,0 см. Хронология этого погребения, как уже отмечалось, ограничивается пределами последней четверти IV — первой четверти III в. до н. э.

Из погребения 137 Прикубанского могильника (рис. 4, 3) происходит более объемная амфора с округлым туловом и узким, немного расширенным в основании горлом, которое отделено от плечиков слаборельефным уступом. Дно на низком валикообразном поддоне с ровной подошвой. Сохранившаяся высота — 34,8 см, высота до наибольшего диаметра — 16 см, сохранившаяся высота горла — 7,6 см, наибольший диаметр тулова — 28 см, диаметр горла — 10,2 см, диаметр поддона — 14,8 см. Найденная в погребении фассоская амфора типа II-B-2 (Монахов и др., 2021. С. 115, Th. 22) позволяет датировать комплекс серединой IV в. до н. э.

В целом сероглиняные меотские сосуды повторяют морфологию греческих амфор для домашнего использования, которые в материалах из раскопок Афинской агоры делятся на столовые (*table*) и для хранения (*storage*). Меотами была воспринята не просто форма двуручного сосуда на кольцевом поддоне, но и специфические приемы формовки венчиков, которые хорошо видны на некоторых экземплярах. У амфоры из погребения 56 1972 г. Пашковского могильника 6 — довольно массивный нависающий венчик, так называемый воротничковый (*collar rim*), характерный для аттических расписных и боспорских красноглиняных пелик. На амфорах из погребения 8 кургана 2 у пос. Водный и погребения 110 могильника 2 у хут. Ленина прослеживается заметное рельефное ребро на уровне крепления ручек, что указывает на «приставной» (или «надставленный») венчик (*tie-on rim*), который весьма характерен для позднеклассической формы простых аттических столовых амфор второй

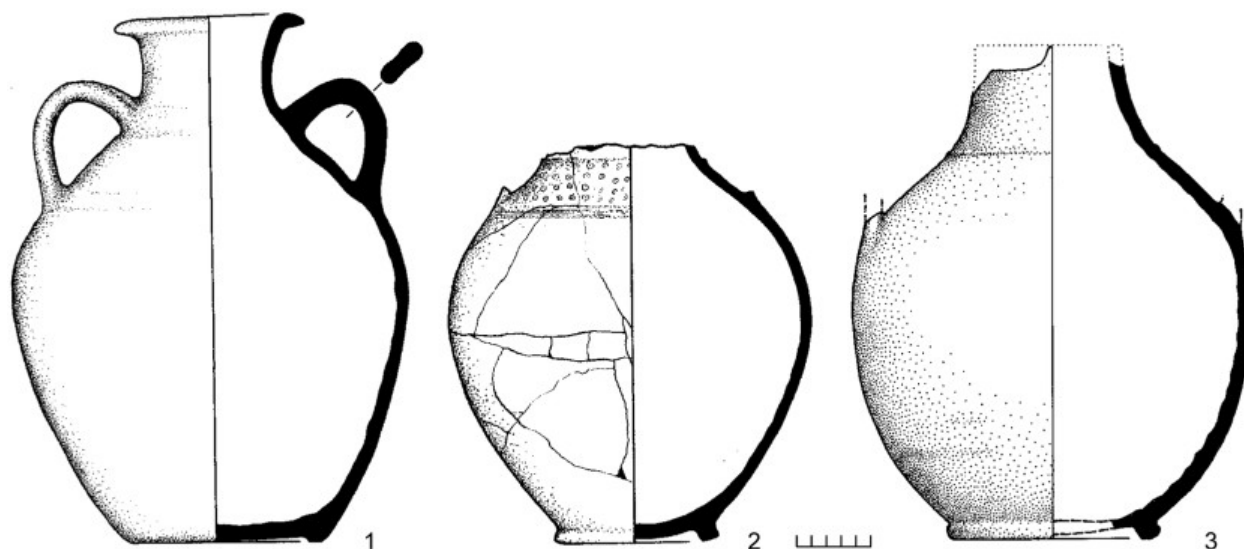

Рис. 4. Сероглиняные амфоры группы 4: 1, 2 — некрополь Старокорсунского городища 2 (1 — погр. 192в, 2 — погр. 89в); 3 — погр. 137, Прикубанский могильник

Fig. 4. Group 4 gray-clay amphorae: 1, 2 — Starokorsunskoye gorodishche 2 (1 — burial 192в, 2 — burial 89в); 3 — burial 137, Prikubanskiy burial ground

половины — конца IV в. до н. э. и, возможно, заходил в последнюю четверть III в. до н. э. (Sparkes, Talcott, 1970. P. 188, No. 1465, 1466; Rostoff, 2006. P. 87, Form 3, No. 123, 124, Fig. 20). Ребро на венчиках амфор из погребений 338 и 397 Прикубанского могильника вряд ли связано с подобным технологическим приемом.

Для большинства экземпляров сероглиняных амфор, найденных в комплексах с тарными греческими амфорами, устанавливаются узкие даты. Хронология наиболее ранних погребений с сосудами разных вариантов из групп 2 и 3 ограничивается первой четвертью IV в. до н. э. (погр. 1/1947 Пашковского могильника 3 — вариант 2а; погр. 338 Прикубанского могильника — вариант 2б; погр. 49 могильника Марьянского поселения 1 — вариант 3б). Одна из амфор варианта 2б (погр. 334 Прикубанского могильника) относится к первой половине IV в. до н. э. В пределах второй-третьей четвертей IV в. до н. э. разбросаны датировки погребений с амфорами группы 1 (погр. 360з некрополя Старокорсунского городища 2 — вариант 1а), группы 2 (погр. 93 — вариант 2а; Водный, кург. 2, погр. 4, 8 — варианты 2а, 2г; погр. 84/1972 г. Пашковского могильника 6 — вариант 2г) и группы 4 (погр. 192в некрополя Старокорсунского городища 2). Наиболее «компактным» оказался вариант 3а (погр. 89в, 90в, 237в

некрополя Старокорсунского городища 2), хронология которого может быть ограничена в рамках последней четверти IV — первой четверти III в. до н. э. Амфоры же вариантов 3б и 3в, судя по датировкам погребений (погр. 225в некрополя Старокорсунского городища 2, погр. 3/1938 г. Усть-Лабинского могильника 2, погр. 110 могильника городища 2 хут. Ленина), бытовали примерно с середины до конца IV в. до н. э., если не до первой четверти следующего столетия. Три погребения с амфорами вариантов 2а (погр. 390 Прикубанского могильника), 2в (погр. 397 Прикубанского могильника) и 3в (погр. 56/1972 г. Пашковского могильника 6), а также отдельная находка из погребения 2 Усть-Лабинского могильника 2 (вариант 1б) датируются еще шире — IV — началом III в. до н. э.

Из хронологии погребений и вариантов сероглиняных амфор (по имеющимся в настоящее время материалам) следует, что этот вид сосудов появился у меотов в первой четверти IV в. до н. э., а производились и использовались они на протяжении всего IV в. до н. э., заходя в первую четверть III в. до н. э. Морфологические признаки сосудов (форма тулова, горловины, венчика, способ крепления ручек) демонстрируют разнообразие технических приемов и навыков в гончарном ремесле местного населения правобережья Кубани.

- Анохин*, 1986 — *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 178 с.
- Анфимов*, 1951 — *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. М.; Л.: АН СССР, 1951 (МИА; № 23). С. 155–207.
- Анфимов*, 1972 — *Анфимов Н. В.* Отчет за 1972 год о раскопках Пашковского шестого могильника // *НОА ИА РАН*. Р-1. № 6219в. 34 л.
- Аптекарев*, 1981 — *Аптекарев А. З.* Отчет по исследованию разрушающейся части грунтового могильника городища № 2 у х. им. Ленина в 1981 г. // *НОА ИА РАН*. Р-1. № 8785. 116 л.; № 8785а. 534 рис.
- Зограф*, 1951 — *Зограф А. Н.* Античные монеты. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951 (МИА; № 16). 313 с.
- Иванов*, 2020 — *Иванов А. В.* Меотский могильник «Фурожан» в Западном Закубанье. Краснодар: ИП «Вольная Н. Н.», 2020. 148 с.
- Казаманова*, 1969 — *Казаманова Л. Н.* Введение в античную нумизматику. М.: Изд-во МГУ, 1969. 302 с.
- Каменецкий*, 1989 — *Каменецкий И. И.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э. — III в. н. э. // *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время* / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука. 1989. С. 224–251 (Археология СССР).
- Куликова*, 1978 — *Куликова О. П.* Отчет о раскопках двух курганов у пос. Водный на землях рисосовхоза «Красноармейский» Красноармейского района Краснодарского края в 1978 г. // *НОА ИА РАН*. Р-1. № 7254. 26л.; 128 рис.
- Лимберис, Марченко*, 2005 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // *МИАК*. Краснодар: Изд-во Кубанского ГУ. 2005. Вып. 5. С. 219–324.
- Лимберис, Марченко*, 2007 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // *МИАК*. Краснодар: Изд-во Кубанского ГУ. 2007. Вып. 7. С. 70–150.
- Лимберис и др.*, 2020 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Кондратенко А. В.* Погребения меотских всадников с боевыми топорами из Прикубанского могильника // *Археологическое наследие*. № 1(3): Античность, скифы, сарматы. Воронеж: Научная книга, 2020. С. 152–167.
- Монахов*, 1999 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 680 с.
- Монахов*, 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды; Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 352 с.
- Монахов*, 2012 — *Монахов С. Ю.* Амфоры малоазийских Эрифр V–II вв. до н. э.: дополнение к классификации // *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э.* / Ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: Изд-во Приднестровского ГУ, 2012. С. 111–124.
- Монахов*, 2013 — *Монахов С. Ю.* Заметки по локализации керамической тары. III: Амфоры и амфорные клейма малоазийских Эрифр // *ВДИ*. 2013. № 3. С. 28–51.
- Монахов*, 2014 — *Монахов С. Ю.* Косские и псевдокосские амфоры и клейма // *Stratum plus*. 2014. № 3: «Война и мир» на берегах Понта Эвксинского. С. 195–222.
- Монахов, Кузнецова*, 2009 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В.* Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV в. до н. э. (бывшие «боспорские» или «раннехерсонесские») // *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время*. Ростов на/Д.: Медиа-Полис, 2009. С. 148–161.
- Монахов, Кузнецова*, 2021 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В.* Уточненная хронология книдских амфор IV — начала III в. до н. э. По материалам керамических комплексов Кубани // *Stratum plus*. 2021. № 6: Из жизни некоторых царств. С. 183–205.
- Монахов, Федосеев*, 2013 — *Монахов С. Ю., Федосеев Н. Ф.* Заметки по локализации керамической тары. IV: амфоры Икоса // *Античный мир и археология*. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2013. Вып. 16. С. 255–266.
- Монахов и др.*, 2021 — *Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б.* Амфоры Прикубанского некрополя IV — начала III в. до н. э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына). Саратов: Волга, 2021. 324 с.
- Смирнов*, 1958 — *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у станицы Пашковской // *Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье: Сб. ст.* / Отв. ред. К. Ф. Смирнов М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958 (МИА; № 64). С. 272–312.
- Шелов*, 1956 — *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.: АН СССР, 1956 (Причерноморье в античную эпоху; Вып. 9). 222 с.
- Улитин*, 2004 — *Улитин В. В.* Амфоры Пашковского могильника № 6 // *МИАК*. Краснодар: Фирма НСС, 2004. Вып. 4. С. 146–185.

- Abramzon, Kuznetsov, 2021* — *Abramzon M. G., Kuznetsov V. D. Greek Hoards. The Cimmerician Bosphorus // Coin Hoards. Leuven; Paris; Bristol, 2021 (Colloquia Antiqua; 32). Vol. XI. P. 34–38.*
- Rotroff, 2006* — *Rotroff S. Hellenistic Pottery. The Plain Wares. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 2006 (The Athenian Agora; Vol. XXXIII). 439 p., 98 fig., 90 pl.*
- Sparkes, Talcott, 1970* — *Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plane Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. Princeton, New Jersey: The American school of Classical Studies at Athens, 1970 (The Athenian Agora; Vol. XII). Pt. 1: Text. — 472 p. Pt. 2: Catalogue. — 468 p.*

Maeotian grey-ware amphorae

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko, A. V. Kondratenko⁷

Keywords: Kuban region, Maeotian culture, grey-ware amphorae, typology, chronology.

Grey-ware amphorae with ring-footed base manufactured on a rapidly rotating potter's wheel constitute a special type of Maeotian pottery of the 4th cen. BC. The number of grey-ware amphorae currently known from the burial grounds on the right bank of the Kuban River (22 specimens) makes it possible to develop their typology and chronology. According to the technique of attaching the handles, these vessels are divided into four groups, within which different variants are distinguishable according to the shape of the neck. The dimensional characteristics of the amphorae allowed to single out among them table vessels of small volume (from 20 to 33 cm high) and large examples (36–46 cm high) that were used to store liquid and, possibly, dry foods. In general, the grey-ware vessels repeat the morphology of Greek household amphorae, which are attributed to table and storage purposes among materials from the Athenian Agora excavations. The Maeotians adopted not only the shape of a two-handled vessel on a ring base, but also specific techniques for making rims (collar rim, tie-on rim), which are clearly discernible on some specimens. For most specimens of grey-ware amphorae found in assemblages together with Greek container amphorae, fairly narrow dates are established. The chronology of the earliest burials with vessels of variants 2a, 2б, and 3б is limited to the first quarter of the 4th cen. BC. One of the amphorae of variant 2б is dated to the first half of the 4th cen. BC. One amphora of variant 1a, four amphorae of variants 2a, 2r and an amphora group 4 are dated to within the limits of the second — third quarters of the 4th cen. BC. The most 'compact' proved to be variant 3a, the chronology of which can be limited to within the span of the last quarter of the 4th — the first quarter of the 3rd cen. BC. Amphorae of variants 3б and 3в were used approximately from the middle to the end of the 4th cen. BC or perhaps until the beginning of the next century. The chronological group of the 4th — early 3rd cen. BC comprises three burials with amphorae of variants 2a, 2в and 3в, as well as a separate find of variant 1б. It follows from the chronology of the burials and types of the grey-ware amphorae that vessels of this kind appeared among the Maeotians in the first quarter of the 4th cen. BC and they were produced and used throughout the 4th cen. BC going into the first quarter of the 3rd cen. BC. The morphological features of these vessels (shape of the body, neck, rim and the way of fastening the handles) demonstrate a variety of techniques and skills in the pottery of the local population on the right bank of the Kuban River.

⁷ Natalya Yu. Limberis, Ivan I. Marchenko, Artem V. Kondratenko — Kuban State University; 149 Stavropolskaya ul., 350040 Krasnodar, Russia; e-mail: limberis2@mail.ru; meot@mail.ru; artkondratenko@yandex.ru.

Проблемы исследования Мирмекия римского времени (топографический аспект)¹

Н. М. Милихина²

Аннотация. В статье рассматриваются основные результаты археологического изучения комплексов римского времени, открытых на городище Мирмекий. Накопленные данные позволяют вновь обратиться к вопросу об особенностях пространственной организации поселения, предположить наличие плотной застройки в западной и центральной частях памятника, а также наметить пути будущих исследований.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Мирмекий, проблемы топографии, I–III вв. н. э.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-98-107

Городище Мирмекий, расположенное на северной оконечности Керченской бухты, на сегодняшний день является одним из наиболее полно изученных боспорских памятников. Планомерное исследование этого «малого» боспорского города было начато под руководством В. Ф. Гайдукевича в 1934 г. Только за первый год работ исследователям удалось уточнить хронологические рамки существования поселения и отнести его основание ко второй четверти — середине VI в. до н. э., провести важные работы по расчистке и фиксации камер гробницы на Карантинном мысу, а также получить данные о развитии памятника на протяжении всего античного периода (Гайдукевич и др., 1941). Работы, изначально сосредоточенные в западной и северной частях городища, вскоре охватили практически всю территорию памятника, в результате чего на значительной площади была исследована жилая застройка V в. до н. э. — III в. н. э., открыты многочисленные производственные комплексы, обнаружены участки оборонительных стен позднеклассического и эллинистического периодов. При этом стоит отметить, что на послевоенном этапе раскопок основное

внимание экспедиции было сосредоточено на изучении именно эллинистических комплексов — городского квартала и большой зольной насыпи в центральной части Мирмекия на участке «И», тогда как более поздние постройки стали интересовать исследователей, по-видимому, в меньшей степени. Возможно, сказалась и скоропостижная смерть В. Ф. Гайдукевича в 1966 г., которая не дала ему обобщить данные об объектах римского времени на участке. Такая направленность научных интересов исследователей Мирмекия сохранялась и в последующие годы. В то время как архаическим слоям и комплексам города посвящен ряд работ авторов раскопок (см., например: Бутягин, 2017а; Бутягин, Колосов, 2018; Виноградов, 1994; Vinogradov, 1999), а Мирмекий классического и эллинистического периодов детально рассматривался в диссертационных исследованиях (Грицик, 2013; Чистов, 2009), до сих пор не было предпринято попыток обобщить и проанализировать имеющиеся данные о поселении римского времени. Неравномерная изученность периодов истории городища тем более показательна, что именно к римскому времени относятся такие уникальные комплексы, как, например, отдельно стоящая оборонительная башня на участке «Р» (Виноградов, 1992. С. 115, 117), а также редкие находки произведений античного искусства, наиболее известным из которых является Мирмекийский саркофаг, открытый в 1834 г. (Бутягин, Виноградов, 2016). В то же время открытые постройки и напластования римского времени тщательно зафиксированы и

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: n.milikhina@gmail.com.

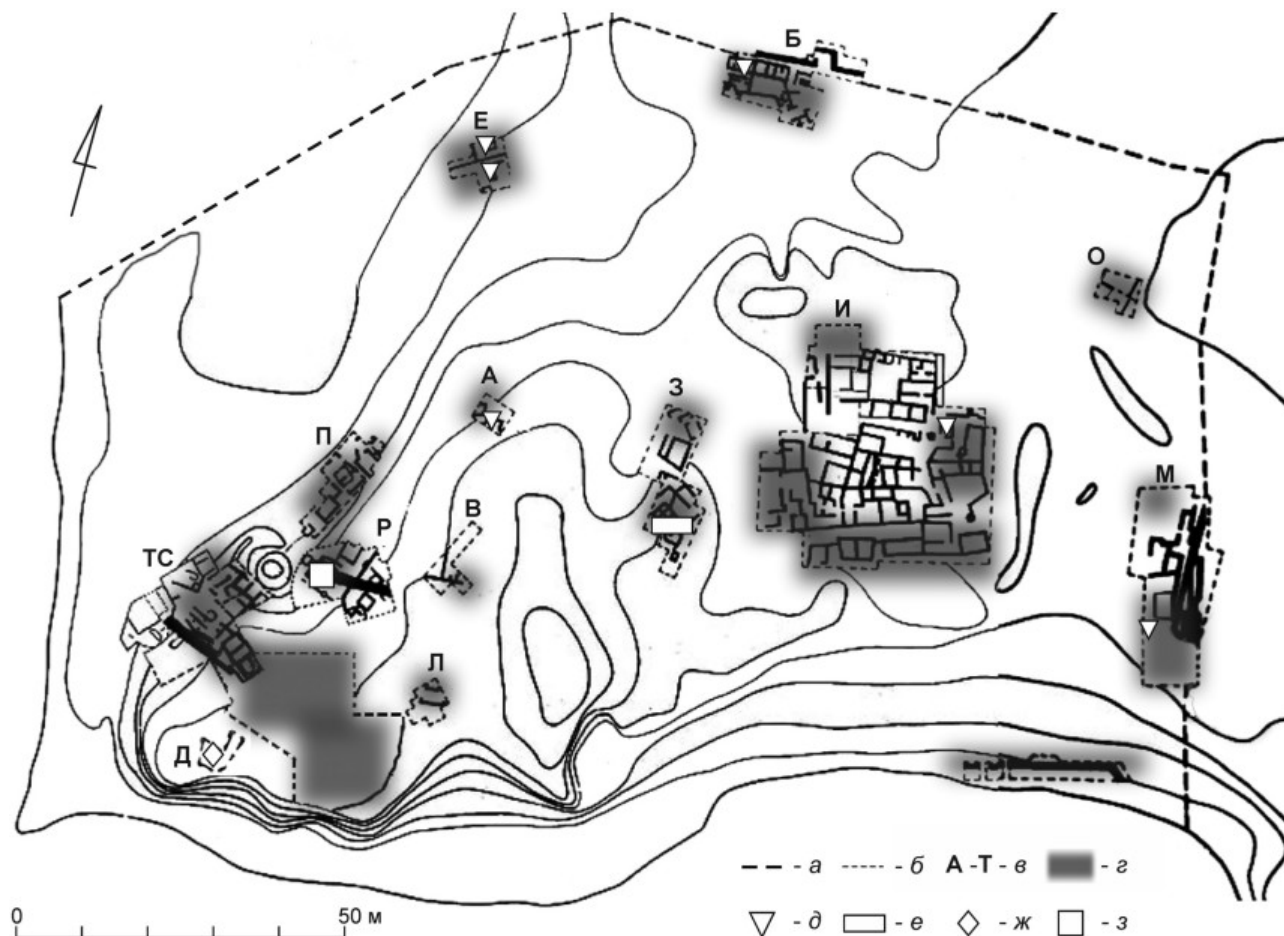

Рис. 1. Городище Мирмекий. Схема расположения раскопов (а — границы памятника; б — границы раскопов разных лет; в — названия раскопов; г — участки застройки I–III вв. н. э.; д — винодельни; е — рыбозасолочный комплекс; ж — гробница; з — оборонительная башня)

Fig. 1. Archaeological site of Myrmekion. Scheme of the arrangement of the excavations (а — boundaries of the site; б — boundaries of excavations of different years; в — excavation names; г — areas of buildings of the 1st–3rd cen. AD; д — wineries; е — fish-salting complex; ж — tomb; з — defensive tower)

частично опубликованы, что позволяет представить картину развития поселения в этот период, дополняя и уточняя некоторые выводы исследователей. В статье предложен краткий обзор итогов исследования комплексов первых веков нашей эры и намечены перспективные направления дальнейших изысканий (рис. 1).

На оценку В. Ф. Гайдукевичем значения Мирмекия в рамках Боспорского царства существенно повлияло открытие нескольких виноделен, которые привлекли внимание ученого к производственному аспекту жизни поселения (Гайдукевич и др., 1941. С. 147). В ряде специальных исследований, до сих пор не утративших своей актуальности, ученый подчеркивал важное значение полученных археологических сведений

для выяснения особенностей и динамики экономического развития боспорских поселений. Раскопки боспорских городов дали основание полагать, что I–II вв. н. э. были временем особого экономического подъема Боспора, не в последнюю очередь благодаря развитому винодельческому хозяйству (Гайдукевич, 1958а. С. 158; 1966. С. 408). Кроме того, с открытием комплекса рыбозасолочных цистерн II–III вв. н. э. стало известно, что Мирмекий являлся не только «городом виноделов», но также крупным пунктом по производству соленой рыбы: по расчетам исследователей, ванны могли суммарно вместить около 1000 центнеров хамсы, в год же могло заготавливаться несколько десятков тысяч центнеров (Гайдукевич, 1940. С. 303; Марти, 1941. С. 104, 105).

В период с 1934 по 1966 г. строительные остатки первых веков нашей эры, в основном рядовые жилые и хозяйственные постройки, исследовались в разном объеме на всех участках («А»–«О») практически в каждом полевом сезоне (Гайдукевич и др., 1941; Гайдукевич, 1952; 19586; 1987). В качестве характерной особенности жилой застройки I–III вв. н. э. выделено использование как основы зданий сохранившихся эллинистических стен (Гайдукевич, 1940. С. 303). В планировке жилых домов отличий по сравнению с предшествующим периодом не выявлено, отмечено наличие богатых домов, стены которых были орнаментированы рельефными карнизами и расписной штукатуркой (Гайдукевич, Михайловский, 1961. С. 135; Гайдукевич, 1963а. С. 56, 57). Примечательно, что обнаружение подобных комплексов не повлияло на определение памятника как аграрного городка или даже деревни.

В результате работ 1947–1949 гг. на участке «Л», расположенном восточнее скалы акрополя, были обнаружены остатки заглубленного сооружения с тремя вкопанными в пол пифосами. На стенах сосудов сохранился винный осадок, а поблизости найдено скопление виноградных семян. Кроме того, на полу помещения обнаружены три электроновые монеты — статер Савромата II (200 г. н. э.) и два статера Рескупорида II (218 и 219 гг. н. э.), на основании чего помещение датировано рубежом II–III вв. н. э. В. Ф. Гайдукевич полагал, что домохозяйство было связано с виноделием, «отраслью, которая в Мирмекии занимала ведущее положение» (Гайдукевич, 19586. С. 213). Таким образом, было выяснено, что территория акрополя в римское время была застроена «рядовыми домами». «Былой акрополь города Мирмекия потерял, очевидно, свое прежнее значение, поскольку стал городком, точнее селением — винодельческим и рыбопромысловым пригородом боспорской столицы» (Там же. С. 218). Заметим, что выводы относительно изменений планировки западной части поселения ученый сделал на основе материалов ограниченного участка раскопок в периферийной части акрополя. Следует отметить, что открытый комплекс, видимо, располагался над отложениями «восточного зольника»³,

³ В публикации В. Ф. Гайдукевича содержится информация об исследовании на участке «Л» толщи отложений, не содержащих строительных конструкций (Гайдукевич, 19586. С. 213). Наименование «восточный зольник» предложено А. М. Бутягиным. Зольная насыпь III–II вв. до н. э., расположенная с востока от

что исключало здесь масштабное строительство. Кроме того, в то время практически отсутствовали сведения о более ранних комплексах, расположенных в этой зоне.

Основным объектом внимания следующего этапа раскопок под руководством Ю. А. Виноградова в 1982–1994 гг. стали архаические и классические комплексы в западной части памятника. К наиболее важным результатам работ этого времени относится открытие землянок и полуземлянок второй половины VI в. до н. э., а также синхронной им оборонительной стены, которая на сегодняшний день остается одним из самых ранних фортификационных сооружений Северного Причерноморья (Виноградов, 1994). В то же время на каждом из трех участков работ («П», «Р» и «С») исследовались сооружения римской эпохи (Виноградов, 1992. С. 114–117). Особенно выделяется среди них постройка на участке «С», в слое разрушения которой обнаружена мраморная скульптура сидящей Кибелы со львом (Горончаровский, 1999). Знаменательным стало открытие в 1986 г. уникальной оборонительной башни, встроенной в комплекс большой усадьбы II–III вв. н. э. и не связанной с оборонительными стенами (Виноградов, 1992). На данный момент башня остается единственным известным фортификационным сооружением первых веков нашей эры в Мирмекии, до сих пор не имеющим аналогий на Боспоре.

Полевые исследования экспедиции А. М. Бутягина, начавшиеся в 1999 г., были направлены на исследование ранее открытых архаических напластований у западной полы акрополя (участок «С»), а также на изучение территории с востока и севера от акрополя. Комплексы римского времени привлекли внимание авторов раскопок, когда на участке «Т», с востока примыкающем к акрополю, были обнаружены остатки хорошо сохранившегося домовладения II–III вв. н. э., получившего условное наименование «поздняя усадьба» (Бутягин, 2005). Постройка состояла из трех помещений, в южном из которых находился подвал, и большого хозяйственного двора. Материалы, добытые в ходе археологического изучения усадьбы, позволили авторам дополнить имевшиеся представления о жизни западной части поселения и детализировать хронологию строительства

акрополя Мирмекия, была частично изучена на глубину до 2 м на участке «Т» в 2000 г. Расположение зольника и состав его керамического комплекса позволили предположить, что именно он был затронут раскопками В. Ф. Гайдукевича на участке «Л».

в первые века нашей эры. Так, сделан вывод о том, что во второй половине II в. н. э. после каких-то потрясений часть города разрушается, но вскоре отстраивается заново (Бутягин, Виноградов, 2006. С. 43). Кроме того, по мнению А. М. Бутягина, здание с пифосами, открытое на участке «Л» в 1947 г., могло относиться к тому же домовладению (Бутягин, 2005. С. 32). Это предположение требует дальнейшего исследования, которое может помочь локализовать положение одного из участков, на котором работал В. Ф. Гайдукевич.

Последующее расширение участка «Т» в западном и северном направлениях показало, что на всей территории вокруг скалы Карантинного мыса в римское время шло интенсивное строительство: с 2008 г. по настоящее время с несколькими годами перерыва ведется изучение сложной многокамерной постройки⁴, занимающей площадь порядка 600 кв. м к северу от акрополя (участок «ТС»). Кроме того, остатки сооружений римского времени были обнаружены в ходе последних исследований как в восточной (участок «М»), так и в центральной части городища («И»).

Таким образом, в ходе изысканий В. Ф. Гайдукевича установлено, что после периода упадка во второй половине I в. до н. э. Мирмекий возрождается в I в. н. э. и приобретает черты промысловосельского поселения. Как уже отмечалось, о его сельскохозяйственной ориентации свидетельствовало обнаружение пяти виноделен в западной и центральной частях городища и крупного рыбозасолочного комплекса на участке «З». Отсутствие фортификационных сооружений, общественных зданий, а также следов плотной городской застройки в первые века нашей эры привели исследователя к выводу о том, что зданиями были заняты лишь отдельные участки Мирмекия, утратившего в это время регулярное устройство кварталов (Гайдукевич, 1958б. С. 102). Определенная деградация экономического статуса Мирмекия по сравнению с эллинистическим периодом усматривалась В. Ф. Гайдукевичем и в упоминаниях Мирмекия в «Географии» Страбона в качестве

⁴ К сожалению, материалы из данного комплекса, получившего условное название «ранняя усадьба», на сегодняшний день не опубликованы. Краткая информация о нем содержится в ряде работ, рассматривающих отдельные находки из раскопок усадьбы (см., например: Бутягин, 2017б; Бутягин, Бехтер, 2017; Бутягин и др., 2020), а также в кратких отчетах о полевых работах Мирмекийской экспедиции (Бутягин и др., 2017; 2019).

городка (πολίχμιον) (VII. IV, 5) или селения (κώμη) (XI. II, 6) (Гайдукевич, 1941. С. 97). Впоследствии данная точка зрения закрепились в научной литературе (Виноградов, 1992. С. 115; Vinogradov et al., 2003. P. 818), а в центре внимания исследователей оказались проблемы относительной хронологии строительства на отдельных участках городища, анализ различных категорий находок и контекста их обнаружения.

Тем не менее накопленные данные позволяют вновь вернуться к вопросу о характере пространственной организации поселения в римское время. Слои и строительные остатки этой эпохи были обнаружены на каждом из исследованных на памятнике участков, но к выводу о том, что на городище в римское время располагалось несколько отдельно стоящих усадеб, разделенных пустым пространством, исследователей, вероятно, подтолкнула пустующая территория в центре участка «И» к югу от насыпи мирмекийского зольника II. Ситуация с оставшимся незастроенным зольным холмом кажется вполне естественной в силу сложностей строительства зданий на рыхлом грунте, масштабная нивелировка которого, вероятно, требовала больших ресурсов. Также необходимо учесть, что с севера над насыпью фиксировались более поздние отложения, а в западной части зольника открыты четыре большие хозяйственные ямы, содержавшие материал I в. н. э. (Гайдукевич, 1987. С. 70). Таким образом, территория зольника все же использовалась в хозяйственных целях. В связи с этим отсутствие сооружений южнее особенно примечательно. Это обстоятельство обращает на себя внимание и потому, что с запада и юга к зоне, занятой эллинистическими домами, примыкают группы из плотно пристроенных друг к другу жилых и хозяйственных сооружений I–III вв. н. э. Восточная окраина эллинистического квартала изучена на меньшей площади, однако и там помимо винодельни, функционировавшей в первые века нашей эры, частично сохранились остатки как минимум двух построек (рис. 2, а). Кроме того, к северу от зольника в ходе раскопок последних лет обнаружено еще одно домовладение, включавшее по меньшей мере три выстроенных в ряд помещения.

В связи с этим интерес представляют результаты работ польской экспедиции в восточной части раскопа «И». В 1956 г. здесь была обнаружена длинная стена, проходящая в меридиональном направлении (рис. 2, в). Сложенная из крупных необработанных камней кладка сохранилась

Рис. 2. Городище Мирмекий. Участок «И». Схема расположения построек эллинистического и римского времени (а — постройки I–III вв. н. э.; б — постройки III–I вв. до н. э.; в — стены, обнаруженные в ходе работ 1956 г.) (Гайдукевич, 1987. Рис. 2; Michałowski, 1958. Pl. 3)

Fig. 2. Archaeological site of Myrmekion. Sector "I". Scheme of the arrangement of buildings of the Hellenistic and Roman period (a — buildings of the 1st–3rd cen. AD; б — buildings of the 3rd–1st cen. BC; в — walls excavated in 1956) (Гайдукевич, 1987. Рис. 2; Michałowski, 1958. Pl. 3)

на высоту до 1 м, материал из культурного слоя на уровне ее подошвы — фрагменты терракот, стеклянных сосудов и керамики — датирован III в. н. э. Исследователи интерпретировали стену как ограду большого двора (Michałowski, 1958. S. 15, рис. 13). Из плана участка следует, что стена была открыта на длину более 20 м (в северной части

раскопа она уходила под борт, а в южной поворачивала на запад под тупым углом). При этом на плане отмечена еще одна кладка римского времени, которая проходила под указанной выше оградой, трассы двух стен пересекались в южной части раскопа, однако более ранняя стена под углом поворачивает на запад и продолжается еще

как минимум на 15 м. Любопытно, что угол в значительной степени скруглен (*Ibid.* Рис. 12). О более ранней стене в опубликованном отчете упоминаний нет, но, возможно, что и она выполняла ту же функцию, что и ограда III в. н. э. Таким образом, можно предположить, что большой двор, который обеспечил сохранность эллинистических строительных остатков, функционировал на протяжении длительного периода в центральной части поселения. С запада, юга и востока к двору примыкали многокамерные жилые и хозяйственные постройки, которые, судя по сохранившейся высоте стен, могли включать несколько этажей, а с севера над двором возвышался зольный холм высотой более 3 м. Для проверки этого предположения требуется дальнейшее изучение материалов работ 1956–1957 гг.

Еще одним поводом к пересмотру сложившегося взгляда на структуру городища стали масштабные исследования северной половины скалы мирмекийского акрополя. Продолжающиеся с 2008 г. по настоящее время раскопки показали, что на площади около 600 кв. м в I–III вв. н. э. функционировала обширная усадьба, включавшая многочисленные жилые и хозяйственные помещения, организованные вокруг нескольких больших дворов (рис. 3; 4). С юга усадьбу ограничивала подпорная стена террасы, проходившая вдоль акрополя в широтном направлении, западные помещения были частично исследованы в 1990-е гг., а северная и восточная границы комплекса до сих пор не раскрыты. Не исключено, что постройка продолжается на север вплоть до помещений усадьбы со встроенной в нее оборонительной башней. В таком случае можно предположить, что возвышенная западная часть Мирмекия была застроена несколькими весьма значительными по размеру усадьбами, которые могли принадлежать представителям боспорской знати. В центральной части располагались более скромные домовладения, владельцы некоторых из них, судя по обнаруженным остаткам расписной штукатурки и находкам ценных предметов, например, халцедонового перстня или резной костяной ложечки (*Гайдукевич, 1987. С. 126, 140*), также имели высокий достаток. Производственные же комплексы в основном были сконцентрированы на периферии поселения: три винодельни обнаружены на его западной окраине, одна — в восточной части и одна — у северной границы эллинистического города. Исключения составляют большая винодельня на участке «И» и комплекс рыбозасолочных цистерн, расположенный на центральной возвышенности памятника.

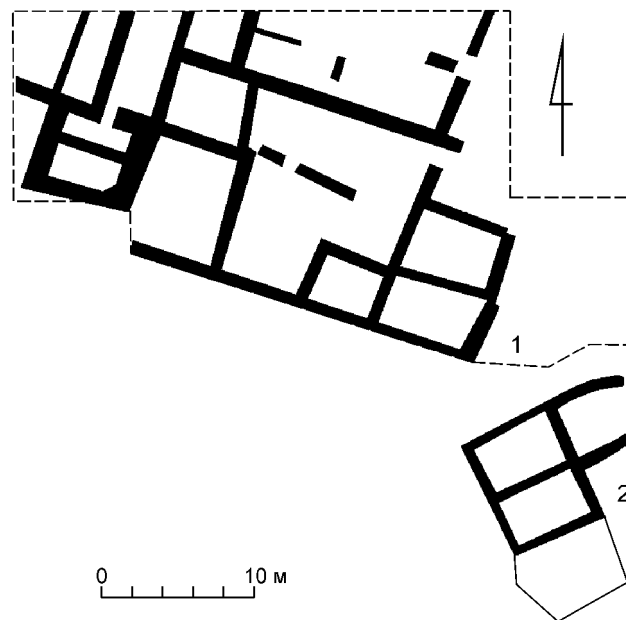

Рис. 3. Городище Мирмекий. Участок «ТС». Общий план построек римского времени: 1 — «ранняя усадьба»; 2 — «поздняя усадьба»

Fig. 3. Archaeological site of Myrmekion. Sector "TC". General plan of buildings of the Roman period: 1 — "early farmhouse"; 2 — "late farmhouse"

Любопытным является то, что при столь плотном расположении зданий в районе участка «ТС» до сих пор не зафиксированы следы улиц, которые являются необходимым элементом городской структуры. И хотя известны улицы более раннего времени, например, эллинистические вдоль оборонительных стен на участках «Б» и «М» или классическая улица на участке «И», для первых трех столетий нашей эры достоверно они не зафиксированы. В. Ф. Гайдукевич полагал, что в римское время продолжала функционировать эллинистическая улица на участке «Б» шириной около 3,5 м с устроенным в ней водостоком, проходившая с севера от винодельни вплоть до линии оборонительной стены. Эта улица носила следы многократных реконструкций, а поздний ее горизонт был образован из плотной глины и фрагментов керамики, преимущественно римского времени (*Гайдукевич и др., 1941. С. 125*). Кроме того, улицей исследователи считали вытянутое с севера на юг пространство шириной 2,14 м со следами мощения между двумя домовладениями в западной части раскопа «И» (*Гайдукевич, 1987. С. 121*).

Также необходимо принять во внимание факт концентрации фрагментов надписей и мраморной скульптуры в районе акрополя. Фрагмент прямоугольной мраморной стелы

Рис. 4. Городище Мирмекий. Участок «ТС». Помещения «ранней усадьбы», вид с запада (фото А. М. Бутягина)
 Fig. 4. Settlement site of Myrmekion. Sector “TC”. Rooms of the “early farmhouse”, view from the west (photo by A. M. Butyagin)

с упоминанием имени Аспурга был обнаружен в заполнении подвала усадьбы III в. н. э. По мнению исследователей, этот интереснейший памятник можно отнести к группе посвященных надписей или же манумиссий и датировать временем правления самого Аспурга либо же его сыновей — Митридата VIII или Котиса I (Бутягин, Бехтер, 2007. С. 77). Кроме того, в одной из кладок усадьбы к северу от скалы найдена фрагментированная плита с семистрочной надписью, представлявшая собой список имен членов фисаса, который может быть датирован концом I в. до н. э. или началом I в. н. э. (Бутягин, Бехтер, 2017. С. 987, 988). Необходимо упомянуть, что в слоях разрушения помещений той же постройки обнаружены и выдающиеся памятники скульптуры — статуя Кибелы, два мужских мраморных торса, а также несколько обломков других скульптур (Бутягин и др., 2020; Горончаровский, 1999). Все это позволяет предполагать существование в данной части города одного или нескольких

сменявших друг друга святилищ, на что обращали внимание и авторы раскопок (Бутягин, 2016. С. 173; Виноградов, 1995). Стоит, однако, учитывать факт обнаружения этих предметов в перемещенных слоях, что не позволяет с уверенностью определить расположение культовых комплексов.

Также следует отметить, что находки подобного рода датируются I–II вв. н. э., что может свидетельствовать о хронологическом разрыве в функционировании поселения и значительных изменениях, наступивших на более позднем этапе его развития, в III в. О том, что жизнь на поселении замирает во второй половине II в., как полагает А. М. Бутягин, может свидетельствовать факт сооружения царской гробницы на мысу (Бутягин, 2016. С. 173, 174). К тому же времени, по наблюдению Ю. А. Виноградова, относится разрушение оборонительной башни, а на участках «И» и «П» зафиксированы большие хозяйственные ямы, заполненные синхронным керамическим

материалом (Виноградов, 1992. С. 117; Гайдукевич, 1963б). При этом остается неясным, имели ли место эти разрушения на всем памятнике или же носили локальный характер и были связаны со сменой обитателей западной части Мирмекия.

Как видно, многие вопросы, связанные с развитием поселения в I–III вв. н. э., остаются невыясненными. Отчасти это связано с тем, что большинство построек датированы довольно широко — первыми тремя столетиями нашей эры. Поэтому чрезвычайно актуальной остается задача детализации абсолютной и относительной хронологии всех открытых в Мирмекии сооружений римского времени, что позволило бы выяснить динамику развития поселения на последнем этапе его существования. Только после составления и тщательной проверки общего плана всех известных построек римского времени с учетом разных строительных периодов появится возможность рассмотреть особенности устройства городища в широком культурном контексте памятников понтийского и средиземноморского регионов. Также перспективным направлением дальнейших изысканий является уточнение границ и хронологии мирмекийского некрополя римского времени, включая скрупулезный анализ предметов,

хранящихся в коллекции Эрмитажа. Не исключено, что этот материал поможет скорректировать хронологию развития поселения в римское время, а также увидеть лакуны в его заселении.

В заключение еще раз отметим, что опубликованные данные и материалы полевых исследований последнего времени позволяют усомниться в том, что в римское время Мирмекий действительно представлял собой аграрное поселение, состоявшее из нескольких усадеб, разделенных пустым пространством. Не отрицая значительных изменений в пространственной организации города по сравнению с эпохой эллинизма, скорее всего, можно предполагать наличие весьма плотной жилой застройки в западной и центральной частях городища и участков, не занятых сооружениями, но со всех сторон окруженных зданиями. Кроме того, такие участки могли использоваться в хозяйственных целях. Производственные комплексы при этом преимущественно располагались на периферии Мирмекия. Случаи обнаружения редких и дорогих предметов — золотых монет, ювелирных изделий, фрагментов мраморной скульптуры — позволяют предположить, что статус жителей Мирмекия был выше, чем предполагал В. Ф. Гайдукевич.

Бутягин, 2005 — Бутягин А. М. Последние жители античного Мирмекия (усадыба III в. н. э. на Карантинном мысу) // VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф / Ред. В. Н. Зинько. Керчь: б. и., 2005. С. 32–36.

Бутягин, 2016 — Бутягин А. М. Мирмекий и Боспор (динамика взаимодействия) // Научный сборник к 190-летию Керченского музея древностей и 200-летию археологической коллекции. Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. Вып. V. С. 164–179.

Бутягин, 2017а — Бутягин А. М. Основание Мирмекия и проблемы колонизации европейского Боспора // Перипл: От Борисфена до Боспора: Материалы юбилейных конференций / Ред. А. М. Бутягин и др. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017 (ТГЭ; Т. 88). С. 87–96.

Бутягин, 2017б — Бутягин А. М. Водоснабжение древнего Мирмекия // Таврические студии. Симферополь: Антиква, 2017. Вып. 12. С. 31–37.

Бутягин, Бехтер, 2007 — Бутягин А. М., Бехтер А. П. Новые надписи из Мирмекия // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я. В. Доманского. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 72–81.

Бутягин, Бехтер, 2017 — Бутягин А. М., Бехтер А. П. Новый памятник лапидарной эпиграфики из Мирмекия // ВДИ. 2017. Т. 77, № 4. С. 978–990.

Бутягин, Виноградов, 2006 — Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. История и археология древнего Мирмекия // Мирмекий в свете новых археологических исследований. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 4–51.

Бутягин, Виноградов, 2016 — Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. Мирмекийский саркофаг в собрании Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. 48 с.

Бутягин, Колосов, 2018 — Бутягин А. М., Колосов В. П. Новый участок архаического некрополя Мирмекия (предварительное сообщение) // Таврические студии. Симферополь: Антиква, 2018. Вып. 16. С. 15–23.

Бутягин и др., 2017 — Бутягин А. М., Еремеева А. А., Колосов В. П. Работы Мирмекийской экспедиции в 2015 году // АСГЭ. 2017. Вып. 41. С. 217–228.

Бутягин и др., 2019 — Бутягин А. М., Еремеева А. А., Колосов В. П., Милихина Н. М. Работы Мирмекийской экспедиции в 2016 году // АСГЭ. 2019. Вып. 42. С. 172–186.

- Бутягин и др., 2020 — Бутягин А. М., Колосов В. П., Милихина Н. М. Новые находки античной скульптуры из Мирмекия // Таврические студии. Симферополь: Антиква, 2020. Вып. 22. С. 18–24.
- Виноградов, 1992 — Виноградов Ю. А. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора / Отв. ред. В. П. Копылов. М.: Наука, 1992. С. 99–120.
- Виноградов, 1994 — Виноградов Ю. А. О ранней фортификации Мирмекия (предварительные итоги изучения мирмекийского акрополя) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века: Сб. тез. докл. VII междунар. конф. 17–24 мая 1994 г. / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. пед. ун-та, 1994. С. 19–21.
- Виноградов, 1995 — Виноградов Ю. А. Раскопки на городище Мирмекий // Крымский музей. 1994. Вып. 1. Симферополь, 1995. С. 136.
- Гайдукевич, 1940 — Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937–1939 гг. // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 300–317.
- Гайдукевич, 1941 — Гайдукевич В. Ф. Археологическое изучение Мирмекия // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941 (МИА; № 4). С. 97–109.
- Гайдукевич, 1952 — Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // Боспорские города. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952 (МИА; № 25). Т. I. С. 135–222.
- Гайдукевич, 1958а — Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре // Боспорские города. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958 (МИА; № 85). Т. II. С. 352–458.
- Гайдукевич, 1958б — Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // Боспорские города. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958 (МИА; № 85). Т. II. С. 149–218.
- Гайдукевич, 1963а — Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия (1956–1961) // СГЭ. 1963. Т. 24. С. 53–58.
- Гайдукевич, 1963б — Гайдукевич В. Ф. Керамический комплекс II в. н. э. из Мирмекия // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 25–32.
- Гайдукевич, 1966 — Гайдукевич В. Ф. Мирмекий — город виноделов // *Mélanges offerts a Kazimier Michalowski*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966. P. 397–409.
- Гайдукевич, 1987 — Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий / Под ред. А. Н. Щеглова, А. Л. Якобсона. Л.: Наука, 1987. 181 с.
- Гайдукевич, Михайловский, 1961 — Гайдукевич В. Ф., Михайловский К. Мирмекий в свете советско-польских исследований 1956–1958 гг. // Исследования по археологии СССР / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 127–138.
- Гайдукевич и др., 1941 — Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О. Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1934 г. // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941 (МИА; № 4). С. 110–148.
- Горончаровский, 1999 — Горончаровский В. А. К вопросу о культе Кибелы на Боспоре в первые века н. э. // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 1999. № 3. С. 224–227.
- Грицик, 2013 — Грицик Е. В. Эллинистический Мирмекий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — 07.00.06 / ИИМК РАН. СПб., 2013. 31 с.
- Марти, 1941 — Марти В. Ю. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия // СА. 1941. № 7. С. 94–106.
- Чистов, 2009 — Чистов Д. Е. Мирмекий классического и раннеэллинистического времени: середина V в. до н. э. — начало III в. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — 07.00.06 / ИИМК РАН. СПб., 2009. 26 с.
- Vinogradov, 1999 — Vinogradov Yu. A. Selected Findings from the Myrmekion Acropolis // *Études et Travaux*. 1999. Vol. 18. P. 279–293.
- Vinogradov et al., 2003 — Vinogradov Y. A., Butyagin A. M., Vakhtina M. Y. Myrmekion-Porthmeus. Two “Small” Towns of Ancient Bosporus // *Ancient Greek Colonies in the Black Sea* / Eds. D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos. Thessaloniki, 2003. Vol. II. P. 803–840.
- Michalowski, 1958 — Michalowski K. Mirmeki. I. Wykopaliska odcinka polskiego w r. 1956. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958. 156 s.

Problems in the studies of Myrmekion of the Roman period (topographical aspect)

N. M. Milikhina⁵

Keywords: Cimmerian Bosporos, Myrmekion, problems of topography, 1st–3rd cen. AD.

The article presents the main results of excavations of complexes of the 1st–3rd cen. AD at the archaeological site of Myrmekion. Despite the absence of summarizing works devoted to the development of this settlement during the Roman period, the materials obtained since 1934 until now through field investigations allow us to understand in general the peculiarities of its special organization and to contemplate the directions of the future researches.

Building remains of the Roman time have been discovered practically throughout all the excavated areas (Fig. 1). Their majority is represented by ordinary dwelling and economic houses. In addition, production complexes of this period are known — six wineries and several fish-salting cisterns. The discovery of them in 1934–1966 allowed the archaeologists to consider Myrmekion of the mid-1st — late 3rd cen. AD as a small agrarian town or village (*Гайдукевич*, 19586. С. 213). The absence of fortification installations, public buildings, as well as of traces of a densely built area in the first century AD led the researchers to the conclusion that buildings occupied only isolated plots of aland in Myrmekion, the latter having lost its compactly built-up area during that period. The presence of expansive spaces without houses is suggested by materials from excavations at sector “И” where no late structures have been revealed over a considerable area of the former Hellenistic block. However the results of investigations of 1956 in the central section of the site should also be noted. Possibly, two of the masonries up to 20 m long revealed here could have served as the fences of a large economic property functioning throughout the 1st–3rd cen. AD (Fig. 2, *в*). This courtyard was surrounded on the west, south and east by many-room dwelling houses while on the north it was flanked by a high ashy hill of the Hellenistic epoch (Fig. 2, *а*).

Moreover, the excavations of the last years have allowed the researchers to gain more precise data on the structure of the built-up area adjoining the acropolis of Myrmekion. The excavations continued from 2008 until now at sector “ТС” have shown that within the area of ca 600 sq. m, a large farmhouse was functioning in the 1st–3rd cen. AD including numerous dwelling and economic rooms organized around several expansive properties (Fig. 3, 1; 4). The northern boundary of this complex still has not been excavated but the rooms uncovered at sector “Р” presumably also made parts of this farmhouse. If this is true we may suppose that the hilly western area of Myrmekion was built-up with a number of farmhouses of a very considerable size. These houses can have belonged to representatives of the Bosporan elite. In the central section there were some more modest properties; some of their owners also were fairly prosperous as may be judged from the retrieved pieces of painted stucco and finds of valuable objects. At the same time, the production complexes were concentrated at the periphery of the settlement.

⁵ Nadezhda M. Milikhina — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: n.milikhina@gmail.com.

Один из локальных стилей орнаментации глазурованной керамики домонгольского Пенджикента (Таджикистан)¹

Ф. Ш. Аминов²

Аннотация. Статья посвящена одному из типов глазурованной керамики пенджикентского происхождения. Материалы, рассмотренные в данной работе, состоят из чаш, блюдца и чашечки. Они орнаментированы надглазурной росписью из лент с процарапанными полосками, а также ромбическими фигурами. Подобные мотивы росписи не встречаются за пределами Пенджикента и его окружи.

Ключевые слова: Пенджикент, Средняя Азия, домонгольский период, глазурованная керамика, локальная продукция, орнамент.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-108-115

В настоящее время история изучения археологических памятников Пенджикента и его окружи приближается к 75-летию. В течение этого времени было выявлено и исследовано большое количество памятников. Пенджикент обычно ассоциируется с согдийским городищем древнего Пенджикента (V–VIII вв.), археологические исследования которого начались в 1947 г. и продолжаются до сих пор. Действительно, древний Пенджикент — эталонный памятник Средней Азии, всегда привлекающий внимание исследователей. Однако не менее важно изучение материальной культуры последующих периодов существования города, то есть Пенджикента IX — начала XIII в. С 2015 г. Пенджикентская археологическая экспедиция (Государственного Эрмитажа и Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАН Республики Таджикистан, руководители экспедиции П. Б. Лурье и Ш. Ф. Курбанов) начала исследования культурных слоев домонгольского периода Пенджикента. Эти слои в основном располагаются в пределах восточной части современного города, в основном под нынешней застройкой и сельскохозяйственными посевами (Аминов, 2018.

С. 243–247). За шесть сезонов археологических исследований предмонгольского Пенджикента (за исключением 2020 г., из-за COVID-ограничений) общая площадь раскопов составила около 400 кв. м. Было найдено несколько помещений с разновременными полами, выложенными жженым кирпичом, а также большое количество предметов материальной культуры — разнообразной керамики (глазурованной, неглазурованной и расписной), стеклянных и металлических изделий.

Обнаруженные в домонгольском Пенджикенте материалы хронологически (по стратиграфии) разделяются на две части: материалы IX — начала XI в. и начала второй четверти XI — начала XIII в. Находки IX — начала XI в. (прежде всего глазурованная керамика) в основном демонстрируют преемственность и зависимость от столичного Самарканда, то есть найденная в Пенджикенте глазурованная керамика этого времени относится к самаркандским типам (Аминов, 2021). Затем, начиная со второй четверти XI в., в Пенджикенте появляются локальные типы глазурованной керамики. Они развиваются и сосуществуют с лепной расписной керамикой, но их орнаментация всегда отличается друг от друга (Аминов, 2020). Данная статья посвящена одному из типов локальной глазурованной керамики домонгольского Пенджикента³.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме гос. задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: firuzaminov@gmail.com.

³ Благодарю научных сотрудников Отдела Востока Государственного Эрмитажа П. Б. Лурье и А. А. Чижову за советы и замечания.

Рассматриваемая тема актуальна для изучения всей совокупности глазурованной керамики домонгольского Пенджикента, в том числе для исследования развития и особенностей местной производственной традиции.

Глазурованная керамика Средней Азии IX — начала XIII в. очень хорошо изучена, введение в научный оборот новых, ранее неизвестных материалов (как в данном случае) дополняет наши знания о материальной культуре домонгольского периода Средней Азии в общем и Пенджикента в частности.

Задачи данной работы состоят в классификации, описании орнаментации, определении хронологии рассматриваемых предметов и, наконец, их публикации. Ранее предметы домонгольского времени, найденные в округе Пенджикента, не публиковались, хотя раскопочные работы, охватывающие культурные слои домонгольского периода, проводились в конце 1950 — начале 1960-х гг. Б. Я. Стависким в бассейне р. Магиандарья (в Пенджикентском районе) (Ставиский, 1959; 1961а; 1961б; 1964) и в 1970-х гг. А. И. Исаковым (Исаков, 1979; 1980; 1982; 1983). Материалы этих работ были изданы в виде коротких отчетных заметок и статей, найденные предметы материальной культуры разбросаны по разным музеям и фондохранилищам. Предлагаемая статья является второй работой автора, посвященной локальной глазурованной керамике домонгольского Пенджикента. Публикуемые материалы представляют собой ее малую часть.

В данном исследовании мы рассматриваем шесть археологически целых и 17 реконструируемых фрагментов однотипных по орнаментации сосудов. Они найдены в основном при наших раскопках в домонгольском Пенджикенте (рис. 1; 2, 1, 4–7; 3, 1–5, 8, 9), несколько экземпляров происходят из поселения Буронбой (раскопки А. И. Исакова, 1977 г.) (рис. 2, 2; 3, 6, 7), один экземпляр — из замка Батур-тепе (раскопки Б. Я. Ставиского, 1961 г.) (рис. 2, 3).

Исследуемая керамика относится к столовой посуде, которая представлена 18 чашами, тремя блюдами и чашечкой-пиалой. Все они изготовлены на гончарном круге, у некоторых сохранились поддоны двух типов: дисковидный (рис. 1, 1) и дисковидный с кольцевым вырезом (рис. 1, 2, 3; 2, 4; 3, 7).

Чаши

Чашами обычно называются открытые сосуды с высокими стенками для жидкой пищи. По форме рассматриваемые чаши разделяются

на конические, полусферические и цилиндрические с конической придонной частью.

1-й тип. Конические чаши. Данный тип посуды составляет большую часть собранного материала — 12 экземпляров. Высота чаш 7,5–9,0 см, диаметр венчиков 15–21 см, диаметр поддона 6,0–6,5 см. По цвету фона выделяются три группы — с желтовато-лимонным, белым и коричневым фоном.

I группа. Целым экземпляром представлена коническая чаша с белым ангобом под желтовато-лимонной глазурью, с надглазурной росписью. По венчику полоса черного цвета. Под венчиком одна половина внутренней части чаши декорирована лентой черного цвета с процарапанными на ней z-образными белыми штрихами. Аналогичная орнаментальная лента, расположенная вертикально, находилась на второй половине стенки. От нее с двух сторон изображены стилизованные птицы коричневого цвета с декоративными каплями зеленого цвета по сторонам фигур. Посередине дна черное пятно. Снаружи расположены широкие линии желтого, светло-коричневого и розового ангоба (рис. 1, 1)⁴.

II группа. Конические чаши со светлым фоном представлены восемью фрагментами. Технологически сначала был нанесен белый ангоб, затем прозрачная глазурь, поверх которой расположен орнамент. Все фрагменты с полосой черного цвета по венчику (рис. 1, 2–7; 2, 1, 2).

Один из фрагментов украшен горизонтальной и вертикальной лентами черного цвета с процарапанными z-образными или прямыми косо расположенными штрихами, поверх ленты в некоторых местах имеются капли зеленого цвета. Под горизонтальной лентой сохранилась часть ромбической фигуры из широких лент черного цвета, украшенной по краям коричневыми, зелеными и черными каплями и процарапанными дугообразными линиями поверх лент. Внутри, посередине фигуры имеется капля зеленого цвета (рис. 1, 2).

На остальных семи фрагментах сохранились ленты черного цвета с процарапанными z-образными и/или прямыми косо расположенными штрихами (рис. 1, 3–7; 2, 1, 2), на одном из них на конце ленты имеется капля коричневого цвета (рис. 1, 4), на другом с обеих сторон ленты расположены чередующиеся коричневые и

⁴ Благодаря художников Д. А. Жулину, К. А. Паршуту и П. С. Любимову за цветные рисунки (рис. 1, 1; 3, 8), выполненные в рамках работ Пенджикентской археологической экспедиции.

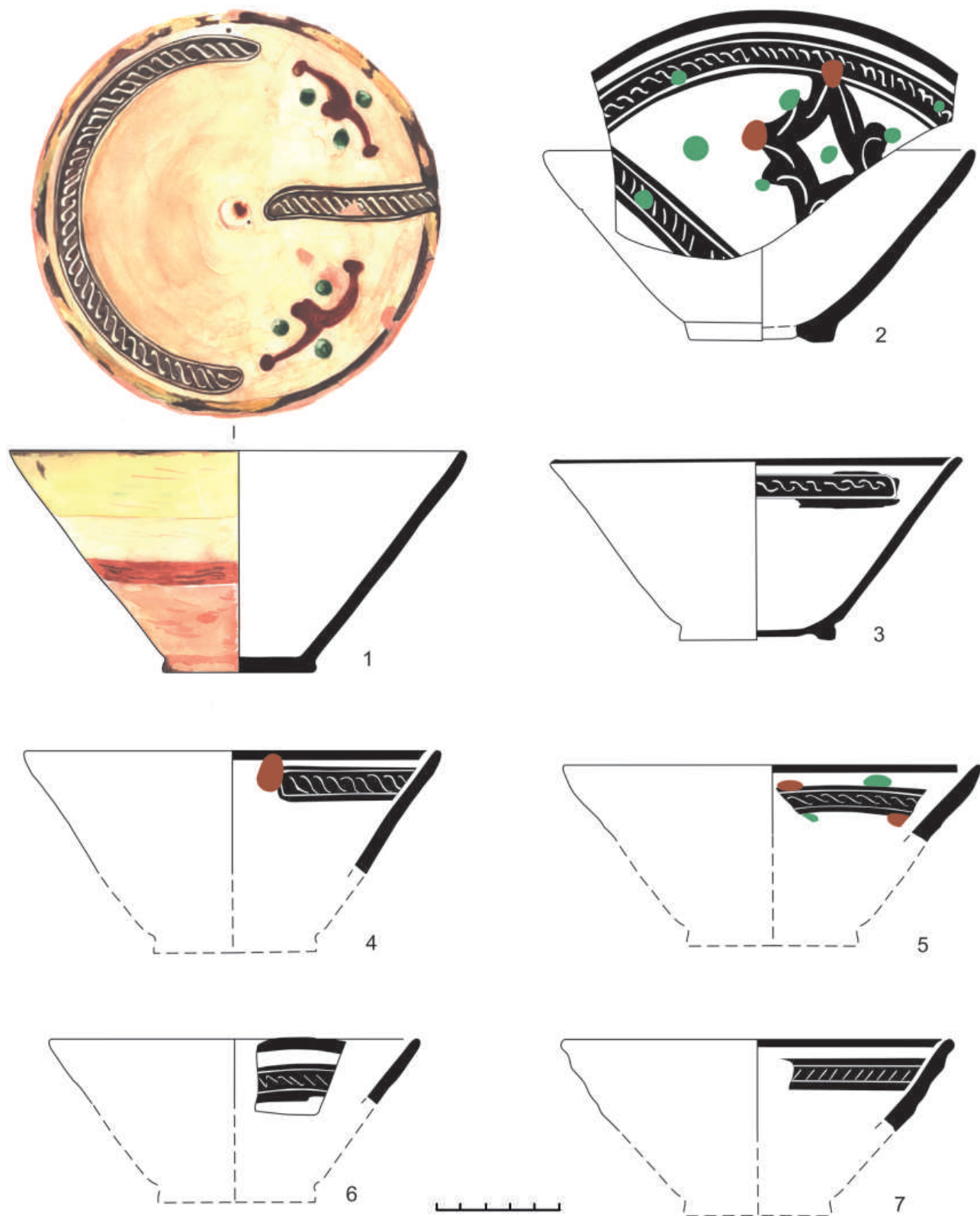

Рис. 1. Домонгольский Пенджикент. Локальная глазурованная керамика. Чаши. 1-й тип: 1 — группа I; 2-7 — группа II

Fig. 1. Pre-Mongolian Panjakent. Local glazed ware. Bowls. Type 1: 1 — group I; 2-7 — group II

зеленые капли (рис. 1, 5). Еще на одном из фрагментов рядом с лентой коричневой глазурию нарисована стилизованная птица (рис. 2, 2). Один фрагмент подобных чаш отличается от других тем, что снаружи поверхность стенки была профилирована пальцевыми вдавлениями (рис. 1, 7).

III группа. Конические чаши с коричневым фоном представлены тремя экземплярами. Поверхность чаш покрыта коричневым ангобом, поверх которого нанесена прозрачная глазурь. Все они с полосой черного цвета по венчику. Снаружи верхняя половина покрыта коричневым ангобом.

Одна из чаш археологически целая. Надглазурная роспись в виде горизонтальной ленты под венчиком. На половине сосуда расположена лента белого цвета с процарапанными z-образными полосками внутри и черными вытянутыми каплями на концах ленты. На второй половине напротив ленты изображена почти ромбическая фигура белого цвета, с черными и зелеными каплями по краям и посередине, а также с процарапанными изогнутыми линиями с четырех сторон (рис. 2, 3).

На двух других фрагментах сохранилась только часть горизонтальных лент под венчиком (рис. 2, 4, 5). На одном фрагменте лента выделена двумя процарапанными линиями с прямыми косо расположенными вправо штрихами (рис. 2, 4), на втором — лента белого цвета с аналогичными штрихами, но наклоненными в противоположную сторону (рис. 2, 5).

2-й тип. Полусферические чаши. Представлены в единственном экземпляре. Сохранилась верхняя половина чаши. Диаметр венчика 24 см. Поверхность чаши была покрыта белым ангобом под прозрачной глазурию, по венчику полоса черного цвета. Надглазурная роспись располагается снаружи и состоит из ромбической фигуры черного цвета с черными, коричневыми и оливковыми каплями по краям. Внутри фигуры процарапаны линии в виде запятых, посередине нанесена капля коричневого цвета (рис. 2, 6).

3-й тип. Цилиндрические чаши с конической придонной частью. Найдено шесть экземпляров чаш подобной формы. Сохранились фрагменты их верхних половин. Венчик чаш этого типа слегка отогнут наружу. Диаметр венчиков 19–21 см. Надглазурная орнаментация всегда расположена с внешней стороны. По цвету фона выделяются две группы — со светлым и коричневым фоном.

I группа — со светлым фоном. Имеется один фрагмент. По венчику полоса черного цвета.

Орнамент состоит из вертикальной ленты черного цвета, внутри которой процарапаны вертикальные линии, косообразные белые прямые штрихи, чередующиеся с зелеными и коричневыми каплями (рис. 3, 1).

II группа — с коричневым фоном. Встречено пять фрагментов. Внутренняя часть всех черепков залита сплошной коричневой глазурию без орнамента, по венчику они имеют полосу черного цвета. На четырех фрагментах полностью или частично сохранились вертикальные ленты и ромбовидные фигуры белого цвета с процарапанным декором (рис. 3, 3–6). На двух из них ромбовидные фигуры украшены зелеными и черными каплями, а внутри вертикальной ленты фиксируется волнистая линия (рис. 3, 3, 4). На двух других фрагментах фигуры и ленты декорированы черными каплями, а ленты также заполнены косыми штрихами (рис. 3, 5, 6). По некоторым фрагментам можно проследить, что вертикальные ленты и ромбические фигуры расположены рядом и охватывают верхнюю половину стенок чаш (рис. 3, 3, 6). Еще на одном фрагменте сохранилась только часть ромбической фигуры с черными каплями и процарапанными завитками (рис. 3, 2).

Блюдца

К этому типу относятся более открытые, чем чаши, сосуды с невысокими стенками. Они повторяют форму блюд, но диаметр у них несколько меньше. По цвету фона разделены на две группы: со светлым и оливковым фоном.

I группа — со светлым фоном — представлена одним фрагментом. Диаметр венчика 23 см. По форме стенки эллипсовидные. Поверхность покрыта белым ангобом под прозрачной глазурию. По венчику идет надглазурный орнамент в виде полосы черного цвета. Лента черного цвета заполнена процарапанными z-образными штрихами внутри. Снаружи верхняя часть покрыта белым ангобом, придонная часть — коричневым (рис. 3, 7).

II группа — с оливковым фоном. Найдено одно археологически целое блюдце и один фрагмент. Диаметр венчиков 15–16 см. Блюдца имеют дисковидный поддон с кольцевым вырезом. Стенки почти горизонтальные, бортик невысокий вертикальный. Поверхность покрыта белым ангобом под оливковой глазурию, по венчику проходит полоса черного цвета. Декор нанесен по глазури. На одном из фрагментов сохранилась только часть черной ленты с процарапанными z-образными штрихами (рис. 3, 9). На археологически

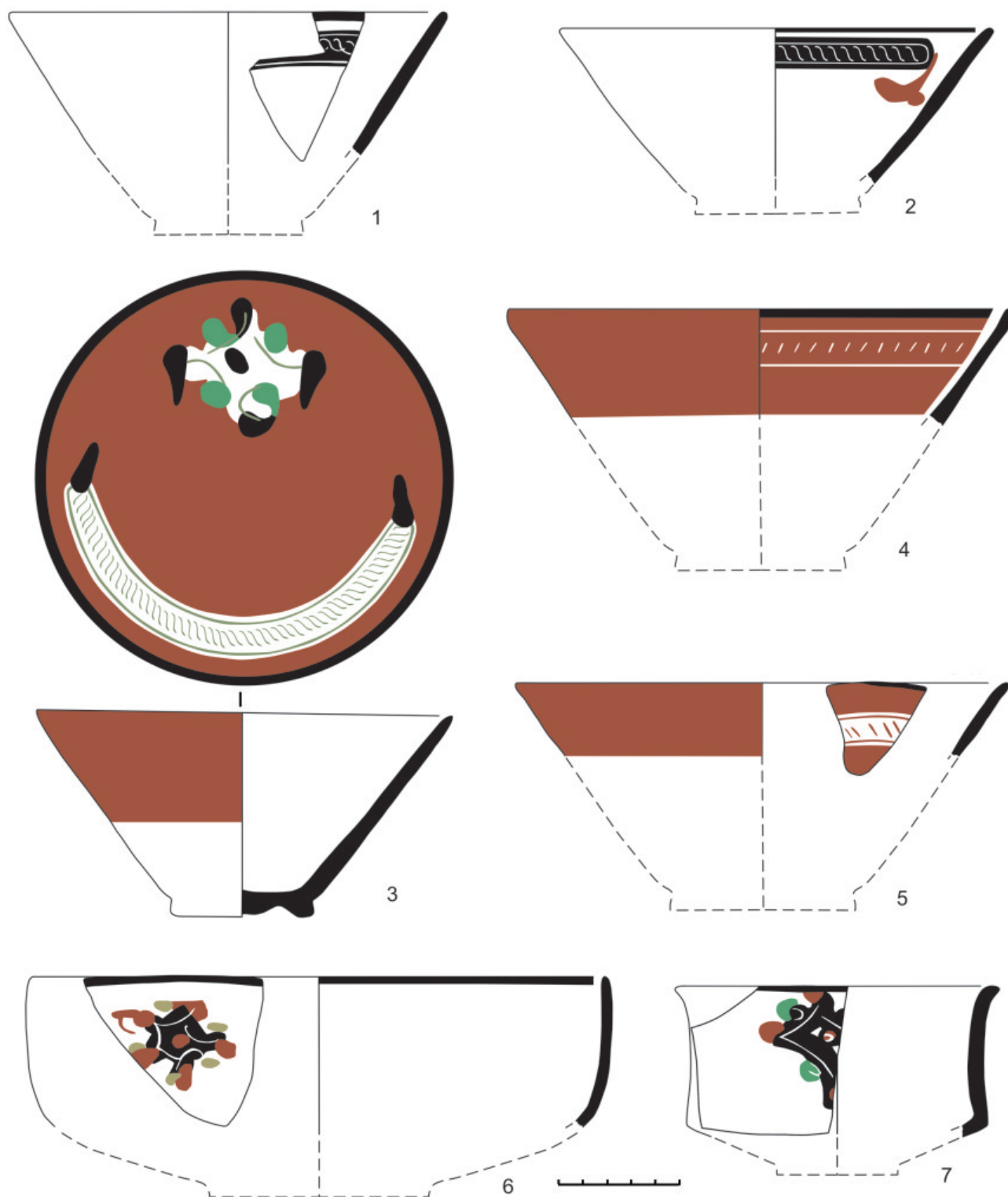

Рис. 2. Домонгольский Пенджикент и его округа. Локальная глазурованная керамика. 1-6 — чаши (1-5 — 1-й тип: 1-2 — группа II; 3-5 — группа III; 6 — 2-й тип); 7 — чашечка

Fig. 2. Pre-Mongolian Panjakent and its surroundings. Local glazed ware: 1-6 — bowls (1-5 — type 1: 1-2 — group II; 3-5 — group III; 6 — type 2); 7 — cup

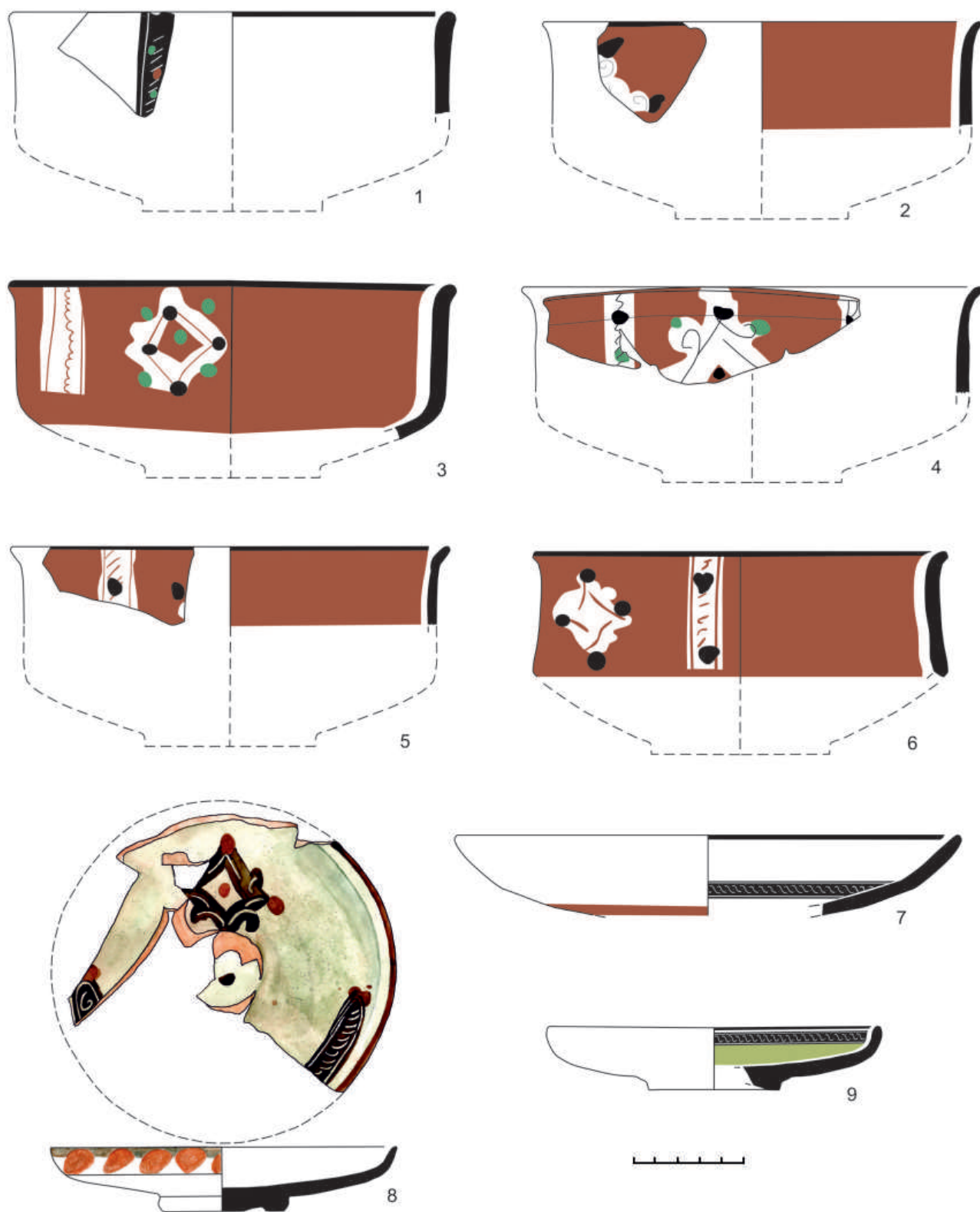

Рис. 3. Домонгольский Пенджикент и его округа. Локальная глазурованная керамика. 1-6 — чаши, 3-й тип (1 — группа I; 2-6 — группа II); 7-9 — блюда (7 — группа I; 8, 9 — группа II)

Fig. 3. Pre-Mongolian Panjakent and its surroundings. Local glazed ware: 1-6 — bowls, type 3 (1 — group I; 2-6 — group II); 7-9 — saucers (7 — group I; 8, 9 — group II)

целом блюдце зафиксирована часть черной ленты с процарапанными штрихами в виде запятых и коричневыми каплями на концах. Эта лента расположена горизонтально на половине блюдца. Напротив нее черной краской изображена ромбическая фигура с каплями черного и коричневого цветов вокруг и посередине и процарапанными дугообразными линиями поверх фигуры. Посередине блюдца капля черного цвета. Снаружи по бортику полоса черной глазури, под ней толстая полоса белого ангоба, над которой в ряд нарисованы пятна коричневого цвета (рис. 3, 8).

Чашечка (пиала)

Эти сосуды по форме совпадают с чашами, но значительно уступают им в размерах. Имеется один фрагмент чашечки со светлым фоном. Диаметр венчика 13 см. По форме она цилиндрическая с конической придонной частью, венчик слегка отогнут наружу. Поверхность покрыта белым ангобом под прозрачной глазурью. По венчику полоса черного цвета. Орнамент в виде ромбической фигуры черного цвета с зелеными и коричневыми каплями и процарапанными линиями расположен снаружи (рис. 2, 7).

Выводы

Среди рассмотренных материалов заметно отсутствие крупных блюд и сосудов закрытых форм. Чаши, относящиеся к 3-му типу (цилиндрические с конической придонной частью), очень редко встречаются не только в пенджикентских материалах, но и в среднеазиатских и ближневосточных в целом.

Характерным признаком рассмотренных сосудов является декор из ромбических фигур, лент (с процарапанными линиями, цветными каплями и пятнами), только в одном случае имеется схематическое изображение птицы. Ромбические фигуры имеют прямые или скругленные очертания.

Возможно, мастер стремился таким образом передать цветок или мотив плетенки. В оформлении рассмотренных сосудов использовались белый, коричневый, черный, зеленый цвета. Обычно для фона росписи практиковались белые и коричневые тона; кстати, аналогичные цвета в данный период являлись часто фоном и для других видов сосудов. Встреченный в двух случаях оливковый окрас употреблялся крайне редко. Среди пенджикентских материалов второй четверти XI — начала XIII в. отсутствуют сосуды с черным фоном. В это время черная краска использовалась только для росписи. Зеленый цвет выступает в качестве фона также в единичных случаях.

Если ранее, в X — начале XI в., художники старались полностью заполнить поверхность сосуда декором, то позже, возможно, с появлением региональных мастерских, в некоторой степени независимых от центральных районов, появляются новые формы и орнаментация, созданные местными ремесленниками. В XI — начале XIII в. прослеживается упадок в качестве художественного оформления керамики, что демонстрирует существование как полностью, так и минимально декорированной посуды, подобной той, которая была рассмотрена нами.

Приведенные глазурованные сосуды никогда не встречаются в культурных слоях X — начала XI в. Мы их обнаруживаем в слоях только второй четверти XI — XII в. Аналогии за пределами Пенджикента и его окружи неизвестны, их нет и в материалах среднеазиатских центров.

Исходя из приведенных выше аргументов, можно считать данный тип сосудов локальной пенджикентской продукцией. Раскопки пока не выявили гончарные печи или керамические мастерские, но, судя по уже найденным местным материалам предмонгольского времени, они вполне могли существовать.

Аминов, 2018 — Аминов Ф. Ш. Локализация Пенджикента IX — начала XIII вв. // Актуальная археология 4: Комплексные исследования в археологии: Тезисы Междунар. науч. конф. молодых ученых (Санкт-Петербург, 2–5 апреля 2018 г.) / Отв. ред. А. А. Бессуднов, Е. С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 243–247.

Аминов, 2020 — Аминов Ф. Ш. Расписная керамика средневекового Пенджикента // АВ. 2020. Вып. 27. С. 153–174.

Аминов, 2021 — Аминов Ф. Ш. Глазурованная керамика IX — начала XI в. из Пенджикента // Живопись

Афрасиаба: проблемы изучения, интерпретации и сохранения: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 50-летию музея Афрасиаба и Института археологии им. Я. Гулямова. Самарканд: б. и., 2021. С. 237–249, 293–297.

Исаков, 1979 — Исаков А. И. Разведки и раскопки Костарошского отряда в 1974 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XIV (1974 г.): Сб. ст. / Под ред. Б. А. Литвинского и др. Душанбе: Дониш, 1979. С. 296–310.

Исаков, 1980 — Исаков А. И. Разведки и раскопки Костарошского отряда в 1975 г. // Археологические

- работы в Таджикистане. Вып. XV (1975 г.): Сб. ст. / Под ред. Б. А. Литвинского и др. Душанбе: Дониш, 1980. С. 246–261.
- Исаков*, 1982 — *Исаков А. И.* Разведки и раскопки Костарошского отряда в 1976 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XVI (1976 г.): Сб. ст. / Под ред. Б. А. Литвинского и др. Душанбе: Дониш, 1982. С. 222–232.
- Исаков*, 1983 — *Исаков А. И.* Разведки и раскопки Костарошского отряда в 1977 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XVII (1977 г.): Сб. ст. / Под ред. Б. А. Литвинского и др. Душанбе: Дониш, 1983. С. 210–214.
- Ставиский*, 1959 — *Ставиский Б. Я.* Археологические памятники в бассейне Магиан-Дарьи в 1957 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. V (1957 г.): Сб. ст. / Отв. ред. Б. А. Литвинский. Сталинабад.: Изд-во АН Тадж. ССР, 1959 (Тр. АН Таджикской ССР; Т. СII). С. 65–81.
- Ставиский*, 1961a — *Ставиский Б. Я.* Работы Магианской группы в 1958 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. VI (1958 г.): Сб. ст. / Отв. ред. Б. А. Литвинский. Сталинабад.: Изд-во АН Тадж. ССР, 1961 (Тр. Института истории АН Таджикской ССР; Т. XXVII). С. 101–112.
- Ставиский*, 1961b — *Ставиский Б. Я.* Работы Магианской группы в 1959 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. VII (1959 г.): Сб. ст. / Отв. ред. Б. А. Литвинский. Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1961 (Тр. Института истории АН Таджикской ССР; Т. XXXI). С. 101–107.
- Ставиский*, 1964 — *Ставиский Б. Я.* Работы Магианской группы в 1961 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. IX (1961 г.): Сб. ст. / Отв. ред. Б. А. Литвинский. Душанбе: Изд-во АН Таджикской ССР, 1964 (Тр. Института истории АН Таджикской ССР; Т. XLII). С. 127–130.

A local decoration style of glazed ceramics in pre-Mongolian Panjakent (Tajikistan)

F. Sh. Aminov⁵

Keywords: Panjakent, Central Asia, pre-Mongolian period, glazed pottery, local production, ornamental pattern.

During the six seasons (from 2015) of archaeological investigations of pre-Mongolian Panjakent, a large collection of objects of material culture has been obtained, of which a major part is constituted of glazed pottery of the 9th — early 13th century. The retrieved glazed ware of the 9th — early 11th century consisting of Samarkand types demonstrates a strong dependence from the Samarkand site situated 60 km to the east. Beginning from the second quarter of the 11th century, more diverse glazed vessels, including those of a local origin, appear in Panjakent. In terms of their artistic design they yield to the glazed ware of the 10th — early 11th centuries, however a degradation of the quality of the design of ceramics during that period is observed throughout the whole of Central Asia. The present study is devoted to one of the types of the Panjakent ware. It presents complete and reconstructed bowls (Figs. 1; 2, 1–6; 3, 1–6), saucers (Fig. 3, 7–9) and a cup (Fig. 2, 7). No vessels with analogous motifs of the painting (bands and rhombuses against a brown background) are found among the materials from Central-Asian centres and other synchronous sites.

⁵ Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaia nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: firuzaminov@gmail.com.

Об одной группе скандинавских находок на Рюриковом городище¹

Н. В. Хвощинская²

Аннотация. В статье рассматриваются фигурные навершия, украшавшие мелкие инструменты (пинцеты, шилья) или булавки, дана их типология, проведено сравнение со скандинавскими образцами из могильника Бирка. На Городище найдено 17 экз. — это наибольшее количество на памятниках Восточной Европы, часть их является некачественными отливками местного производства.

Ключевые слова: Рюриково городище, IX–X вв., фигурные навершия, типология, аналогии, интерпретация.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-116-126

Рюриково городище относится к числу многочисленных археологических памятников в Восточной Европе, связанных с формированием древнерусского государства. В его материальной культуре IX–X вв. отразилась сложная этнокультурная и социально-политическая ситуация, сложившаяся в регионе Приильменья к этому времени. Район истока Волхова и прилегающие к нему земли вдоль восточного берега озера Ильмень (Поозерье) в конце I тыс. н. э. осваиваются одной из групп восточных славян. Об этом свидетельствуют многочисленные поселения, выявленные при сплошном обследовании новгородской округи по берегам р. Веряжи, вдоль р. Волхов и его правого рукава Волховца (Носов, 1990. С. 173–183; Носов и др., 2005. С. 122–154). Уже в древности данный район оказался наиболее густонаселенным и экономически развитым по сравнению с другими территориями Новгородской земли. Во многом этому способствовали легкие плодородные почвы, удобные для начального земледелия. Однако до появления и расселения здесь славян в третьей четверти I тыс. н. э. земли, расположенные вокруг Ильменя, были заняты финским, а к югу от озера и балтским населением.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: kottimoshka85@mail.ru.

Материальная культура дославянских обитателей Приильменья не могла не повлиять на характер складывающейся здесь древнерусской культуры. Кроме того, в конце I тыс. н. э. в Поволховье появляются скандинавы, по крайней мере в Ладоге это происходит в середине VIII в. Такая пестрая этническая картина отразилась, прежде всего, на начальном этапе сложения древнерусской культуры. Скандинавский компонент вошел в нее как органическая часть наряду с элементами славянской, финской и балтской культур.

Как отмечал Н. А. Макаров, древнерусская культура — это многоуровневое явление. На ранней стадии она представлена яркой и эклектичной культурой «военизированной знати конца IX — X в., своеобразие которой во многом определяется сочетанием престижных предметов, обрядов и художественных образов, принадлежащих к разным традициям» (Макаров, 2012. С. 459). Основными очагами ее формирования стали торгово-ремесленные и военно-административные центры, расположенные на международных речных путях Восточной Европы. Рюриково городище как раз и являлось одним из таких ключевых пунктов торгового маршрута на отрезке от Балтики до Ильменя. В его материальной культуре заметное место занимают предметы североευропейских типов. Многие из них были систематизированы и подробно рассмотрены в литературе. Однако среди скандинавских древностей имеется группа находок, не получившая еще должного внимания исследователей.

В данной работе мы рассмотрим предметы, которые по материалам скандинавских

памятников являлись навершиями мелких инструментов, пинцетов или шильев/игл. Иногда эти изделия были цельнолитыми, но чаще всего они состояли из двух частей: навершия, обычно изготовленного из цветного металла, и собственно самого инструмента, сделанного из железа. Поскольку черный металл быстрее корродирует и разрушается, то на Городище мы в основном имеем дело только с навершиями, поэтому невозможно определить, какой инструмент они венчали. В могильниках, где эти предметы входили в состав погребального инвентаря захоронений по обряду ингумации, их можно реконструировать.

Классификация инструментов с навершиями по материалам могильника Бирка Ю. Валлер

Довольно представительная коллекция подобных небольших инструментов, полученная при раскопках могильника Бирка, была обработана и классифицирована Ю. Валлер. Это пока единственная имеющаяся у нас классификация рассматриваемой категории предметов. Среди шилообразных инструментов Ю. Валлер выделяет более тонкие, называя их иглами, и более толстые, которые определяет как шила, хотя признается, что не всегда возможно дать точную интерпретацию (Waller, 1984, S. 183). Всего из 58 (или 60) погребений могильника происходит 79 таких изделий, и одно было найдено вне захоронения. Среди них 25 были сделаны из одного материала: бронзы (21), серебра (2) и железа (2). В остальных случаях функциональная часть была железная, а головка чаще бронзовая, реже серебряная. Длина целых шильев/игл колеблется от 4,4 до 11,9 см (Ibid).

Пинцеты найдены в значительно меньшем количестве — 25 экз. (23 в погребениях и два вне комплексов). Но в отличие от шильев/игл большинство пинцетов были двусоставными. Рабочие пластинки (лапки) были железными, а навершия — бронзовыми. В верхней части лапки представляли собой стержни одинаковой толщины, скреплялись путемковки и насаживались на головку, по мнению Н. В. Енисовой, за счет «долива» металла (Енисова, 2017. С. 211, рис. 6, 3). Только одно изделие полностью было бронзовым и два — железными. Целые пинцеты имеют длину 7,3–10,1 см и ширину лапок 0,6–0,7 см (Waller, 1984, S. 184).

Поскольку навершия у шильев/игл и пинцетов имеют одинаковые формы, то Ю. Валлер разработала для них единую классификацию, выделив в коллекции Бирки пять групп (рис. 1). Однако в связи с большим разнообразием стили-

вого оформления изделий из Бирки автор оказалась в весьма затруднительной ситуации и в основу своей типологии положила чисто формальный признак — количество отдельных компонентов, составляющих навершие. Поэтому в некоторые группы попали изделия с различными конфигурациями головок. Особенно явно это выразилось в многообразии наверший, включенных в группу С, но, несмотря на различие в формах, они все состоят из четырех элементов (ушко, элемент под ним, средняя часть и элемент под ней). Более монолитно выглядят группы В и D, а группа Е справедливо выделена в отдельную категорию, поскольку в основу отбора здесь положена прежде всего все-таки форма головки (Ibid. S. 184–187). Однако при всех недочетах ценность работы Ю. Валлер в том, что в ней собраны все имеющиеся варианты наверший, встреченных в крупнейшем исследованном шведском могильнике Бирка, поэтому она остается основополагающей при рассмотрении подобных предметов на других памятниках.

Классификация изделий с навершиями по материалам Рюрикова городища

Обратимся к материалам Рюрикова городища. Всего с территории памятника происходит 17 находок рассматриваемой категории, собранных в разные годы в основном в качестве подъемного материала. Только восемь были зафиксированы непосредственно при раскопках, но, к сожалению, большая часть (7 экз.) происходит из перемешанного верхнего нестратифицированного культурного слоя, и только одно изделие было обнаружено при разборке раннесредневекового слоя IX–X вв. В 12 случаях они представляли двусоставные предметы, от которых сохранились только сами навершия, сделанные из бронзы. Конкретные размеры в некоторой степени зависели от формы головки, но в целом были достаточно стандартными: высота 1,9–3,0 см; ширина 0,6–0,8 см; диаметр стержня-насадки 0,4–0,5 см. В нижних полых отверстиях наверший отчетливо прослеживаются железные окислы — следы инструментов, на которые они были насажены. Остальные изделия были цельнолитыми. Два из них сохранились полностью, а у двух были немного обломаны кончики (их длина 7,5–9,0 см; диаметр острия у навершия 0,4–0,6 см, к концу утончаясь до 0,2–0,3 см). Цельнолитые городищенские шилья по толщине стержня в большей степени похожи на булавки, но к вопросу о функциональном назначении данной группы

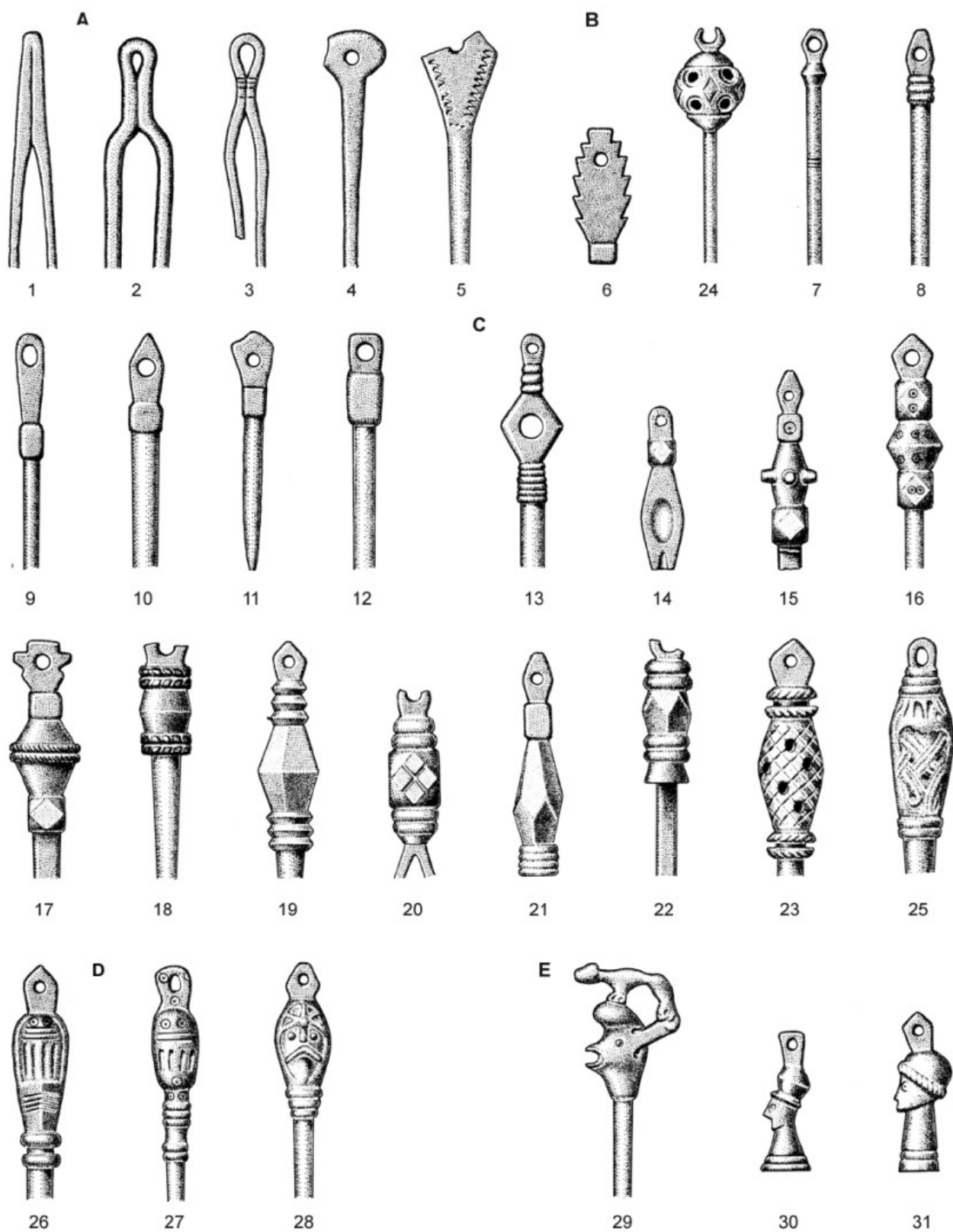

Рис. 1. Типологическая таблица наверший Ю. Валлер по материалам могильника Бирка (Waller, 1984. S. 185).
 Тип А — 1–5; тип В — 6, 24, 7–12; тип С — 13–23, 25; тип D — 26–28; тип E — 29–31

Fig. 1. Typological table of finials by Ju. Waller compiled on the basis of finds from the cemetery of Birka (Waller, 1984. S. 185).
 Type A — 1–5; type B — 6, 24, 7–12; type C — 13–23, 25; type D — 26–28; type E — 29–31

предметов обратимся далее.

Принимая во внимание классификацию Ю. Валлер, в основу нашей типологии положена форма центральной части навершия как наиболее существенный признак в определении индивидуальности изделия. Кроме того, особо подчеркнем, что для всех этих предметов, независимо от их особенностей, устойчивым элементом является также характер оформления верхней части в виде пластины, отлитой вместе с изделием, в которой имеется отверстие для подвешивания. Ее облик несколько варьирует (прямоугольная, трапециевидная, ромбовидная и пр.), но она является неотъемлемой деталью рассматриваемых нами наверший. Итак, на материалах Рюрикова городища по характеру центральной части можно выделить пять типов.

Тип I. В эту группу вошли три цельнолитых изделия (рис. 2). Основной частью их наверший является многогранная фигура в виде кубика или параллелепипеда со срезанными углами, иногда обрамленная с двух сторон утолщениями или валиками (Носов, 1990. С. 125, 126, рис. 48, 5; Носов и др., 2017. С. 49, ил. 11, 9). Данный тип шильев (по диаметру острия скорее булавок?) соответствует группе В₉₋₁₂ по классификации Ю. Валлер (Waller, 1984. S. 185, Abb. 9-12). У одной из городищенских булавок сам стержень имеет спиральную нарезку, два таких шила встречаются и в коллекции Бирки (*Ibid.* S. 183).

Тип II. Представлен одним изделием. Оформление головки здесь переключается с типом I, но в более усложненном варианте (рис. 3, 1). Вместо одной многогранной фигуры центральная часть навершия состоит из трех соединенных 14-гранных кубиков — среднего, чуть больших размеров, и примыкающих к нему сверху и снизу, меньшего размера. Все грани кубиков украшены циркульным орнаментом (Носов, 1990. С. 125, 126, рис. 48, 1). В материалах Бирки подобная форма навершия не находит прямых аналогий, наиболее близкая версия представлена типом С₁₆, но в отличие от нашего варианта центральная фигура имеет биконическую форму (*Ibid.* Abb. 16) и в большей степени подходит в качестве аналогий к следующему типу — III.

Тип III. Данный тип представляют два изделия, у которых центральные части по форме биконические с выраженным ребром, но верхние и нижние детали несколько отличаются. Одно изделие было оконтурено сверху и снизу двойными валиками (рис. 3, 3), второе — сверху граненым кубиком, а снизу — уплощенным цилиндром

Рис. 2. Рюриково городище. Цельнолитые булавки (тип I)
Fig. 2. Rurik Gorodishche. One-piece cast pins (type I)

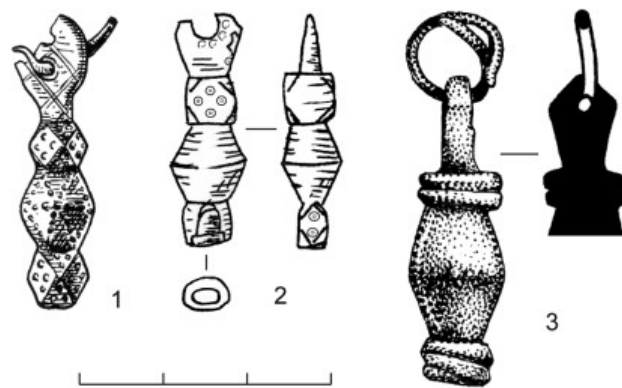

Рис. 3. Рюриково городище. Навершия от составных инструментов (1 — тип II; 2, 3 — тип III)
Fig. 3. Rurik Gorodishche. Finials of composite implements (1 — type II; 2, 3 — type III)

с огранкой по бокам (рис. 3, 2). На граненых плоскостях и на верхней пластинчатой петле местами прослеживается циркульный орнамент. Как уже отмечалось, ближайшими аналогиями из собрания Бирки являются навершия из группы С₁₆₋₁₈ (*Ibid.* Abb. 16-18).

Тип IV. Это наиболее многочисленная и типологически единообразная группа, состоящая из семи находок — двух целых изделий (рис. 4)

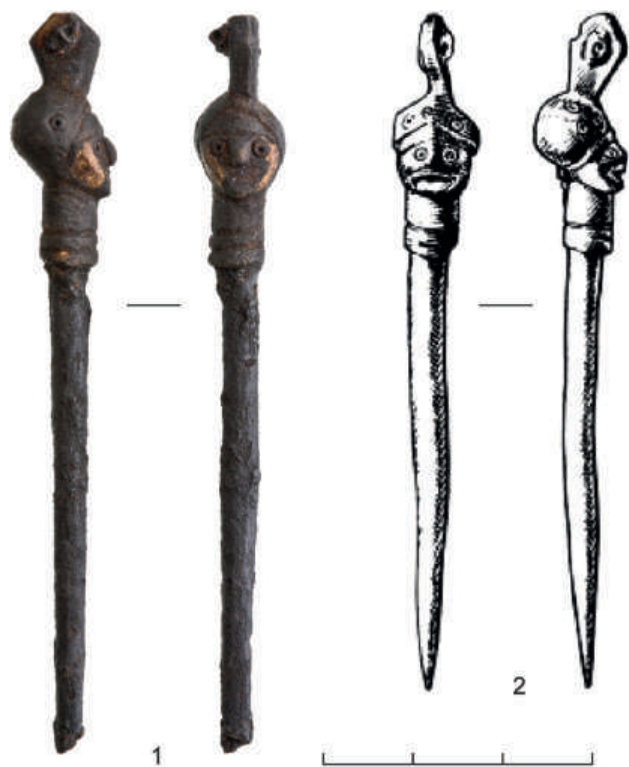

Рис. 4. Рюриково городище. Цельнолитые булавки (тип IV)
Fig. 4. Ryurik Gorodishche. One-piece cast pins (type IV)

и пяти наверший (рис. 5, 1–5). Основу навершия представляет скульптурное изображение головы человека. На качественно отлитых и хорошо сохранившихся экземплярах в подчеркнуто резкой манере на лице выделены нос, рот и глаза (обозначенные точками, выпуклостями или циркульным орнаментом). В большинстве случаев хорошо узнаваем головной убор в виде шлема, отделенный от головы бороздкой или валиком. На трех изделиях прослеживается циркульный орнамент. Нижняя часть навершия (как бы шея скульптурного изображения) представляет полый стержень для насаживания головки на инструмент. Обращает на себя внимание, что в этой серии изделий наряду с искусно изготовленными предметами встречаются бракованные образцы с выщербинами, кавернами, трещинами (рис. 5, 2, 3), подтверждающие уже имеющиеся свидетельства о существовании на Городище местного производства вещей скандинавского облика. Рассмотренная группа наверший находит полные аналогии в материалах Бирки, выделенные Ю. Валлер в тип E₃₀₋₃₁, и по численности превосходит все остальные категории находок (27 экз.) (Ibid. S. 187, Abb. 30, 31). Причем, как отмечает исследовательница, форма наверший типов D и E являются продукцией эпохи викингов, в то время как прототипы неко-

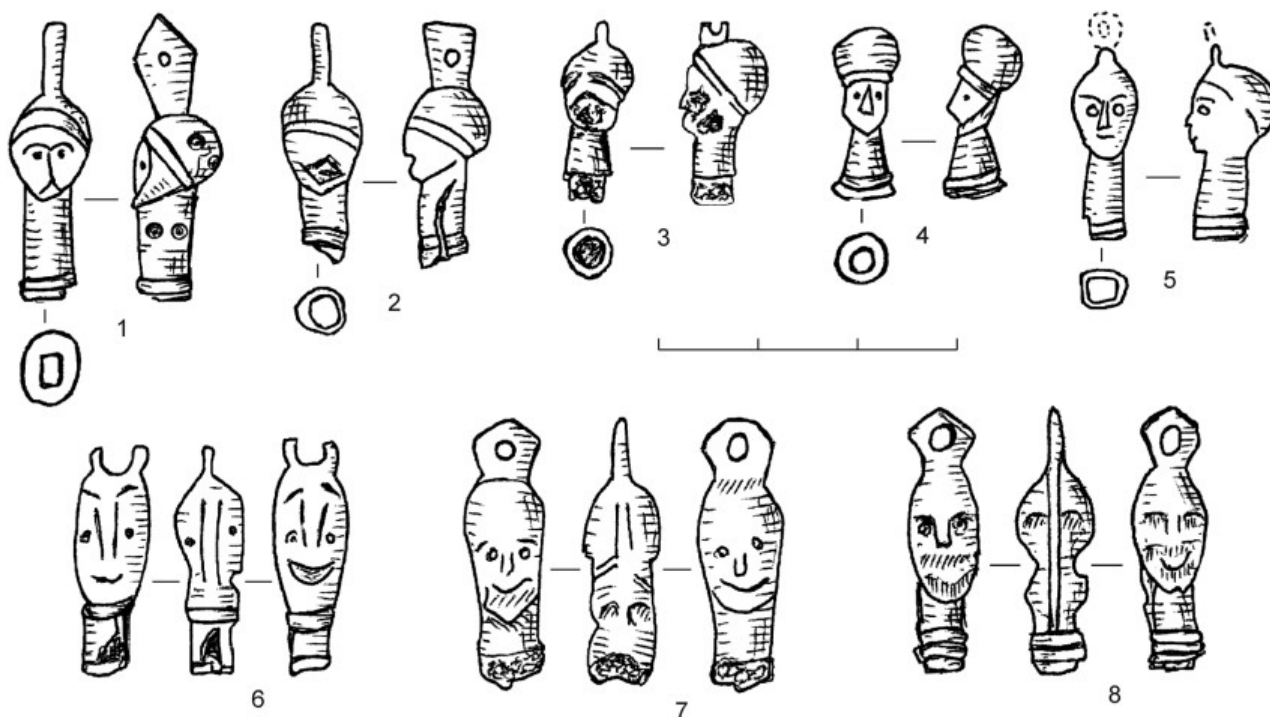

Рис. 5. Рюриково городище. Литые навершия (1–5 — тип IV; 6–8 — тип V)
Fig. 5. Ryurik Gorodishche. Cast finials (1–5 — type IV; 6–8 — type V)

торых других форм головок можно было найти в материалах предшествующих исторических периодов — Великого переселения народов и Вендельского (*Ibid.* S. 187, 188).

Тип V. В эту последнюю группу изделий входят четыре навершия. Три из них были литыми (рис. 5, 6–8), а одно состояло из двух спаянных половинок (рис. 6). Главным признаком этого типа является двустороннее симметричное изображение масок. Наиболее рельефные очертания представлены на навершии, состоящем из спаянных

элементов. Однако при всей проработанности деталей трудно однозначно интерпретировать замысел мастера. На первый взгляд маска напоминает морду животного, особенно нижний выступ похож на пасть или рыльце. Но в середине композиция разделена на две части рельефным валиком (с одной стороны он состоит из трех волнистых рядов). В верхней части над валиком на обеих сторонах четко проступают два выпуклых миндалевидных глаза и нос между ними. Одним словом, вполне вероятно, что это фантазия местного

Рис. 6. Рюриково городище. Навершие из спаянных половинок (тип V): 1 — рисунок; 2 — фотография
 Fig. 6. Ryurik Gorodishche. A finial from soldered together halves (type V): 1 — drawing; 2 — photo

ремесленника. Она выполнена как бы по скандинавскому образцу, но в совершенно иной технике.

Не менее примечательны и остальные изделия этой серии. Все они являются некачественными отливками, но, тем не менее, изображения на них однозначно можно интерпретировать как человеческие лики. С разной степенью четкости на масках прослеживаются глаза, нос, рот (рис. 5, 6–8). Схематичность и упрощенность изображений, а также уровень исполнения позволяют отнести всю эту серию изделий к пробе пера местных городищенских мастеров. Здесь, конечно, сложно искать параллели с изделиями из Бирки, но наиболее подходящими для подражания являются образцы наверший группы D₂₇₋₂₈.

Аналогии изделиям с навершиями из материалов Рюрикова городища

В поисках аналогий я обратилась прежде всего к тем памятникам Восточной Европы, в материальной культуре которых особенно ярко представлены вещи скандинавского происхождения — Ладоге, Гнёздову, могильникам Ярославского Поволжья и др.

Однако в силу неполноты публикаций материалов этих памятников мне не удалось получить необходимые объективные сведения о распространении подобной группы скандинавских изделий на территории Восточной Европы, и я воспользовалась непосредственной консультацией исследователей³.

В результате удалось определить, что вторая по численности коллекция рассматриваемых нами находок происходит с Гнёздовского археологического комплекса. По данным Н. В. Ениосовой, здесь было найдено девять изделий. Два обнаружены в погребениях (Лесная группа, курган 15⁴; Центральная группа, курган 205) и семь — на поселениях (1 — Восточное селище, 6 — Центральное городище). Среди них встречены как цельнолитые, так и составные изделия. Хорошо сохранились два пинцета с бронзовыми навершиями. Наиболее многочисленная серия (6 экз.) была представлена предметами, сравнимыми

³ Я выражаю благодарность за полученную информацию К. А. Михайлову, В. А. Лапшину, Н. В. Григорьевой и особые слова признательности хочу высказать Н. В. Ениосовой, которая на основании описей сделала для меня сводку находок из Гнёздовского археологического комплекса.

⁴ В Указателе Исторического музея он значится под № 4 (Каинов, 2001. С. 62).

с типом С по классификации Ю. Валлер, пять из них принадлежали к группе C₁₆₋₁₇ (Каинов, 2001. С. 59; Ениосова, 2017. С. 211, рис. 6, 3), а одно⁵ — к C₁₃. В двух случаях навершия в виде человеческих голов в шлеме сопоставимы с подтипом E₃₀ (Мурашева, Каинов, 2020. С. 91, рис. 60), а еще одно практически полностью тождественно D₂₈.

В Среднем Поднепровье наряду с Гнёздовым есть еще необычный курганный могильник у дер. Новосёлки, в погребальном инвентаре которого отчетливо проявляются черты северо-европейской культуры, поэтому неслучайно, что в одном из парных погребений, совершенных по обряду кремации, был обнаружен пинцет (рис. 7, 1), несомненно, входящий в круг наших интересов, который по форме головки можно соотнести с типом D₂₈. Однако, насколько можно судить по опубликованному рисунку, навершие было выполнено в менее рельефной, более сглаженной манере (Шмидт, 1963. С. 120, 125, рис. 15, 9).

Одним из ключевых пунктов на пути из Балтийского моря вглубь Восточной Европы была Ладога, основанная в середине VIII в. Возникновение центра в низовьях Волхова напрямую было связано с началом функционирования балтийско-волжского пути, оказавшего огромное стимулирующее воздействие на социально-экономическое развитие всего Балтийского региона. Практически одновременно со славянами здесь появляются и скандинавы, основным желанием которых было взятие под контроль рынков сбыта серебра и пушнины, приносящих доход. Однако, несмотря на раннее появление здесь скандинавов, в материальной культуре Ладоги (если учесть, что лучшие находки из раскопок регулярно публиковались) зафиксировано в количественном отношении несколько меньше различных артефактов, связанных с северо-европейским кругом древностей, чем на Рюриковом городище. Возможно, Ладога в момент возникновения центра в Приильменье в середине IX в. в большей степени взяла на себя функции транзитного таможенного пункта. Данное мнение, хотя и не совсем беспочвенно, базируется на общих представлениях о ладожской и городищенской коллекциях вещей и, конечно, требует фактического подтверждения⁶.

⁵ Типологические сравнения гнёздовской коллекции даются по определениям Н. В. Ениосовой.

⁶ Несколько лет назад с разрешения А. Н. Кирпичникова, за что я ему благодарна, смогла ознакомиться в Ладожском музее с коллекциями находок ряда лет его раскопок нижних слоев Земляного городища.

Однако в отношении рассматриваемой мною группы скандинавских изделий Ладога уступает и Городищу, и Гнёздову. Имеются сведения только об одной находке, обнаруженной в 1997 г. в заполнении производственной мастерской, где, по мнению А. Н. Кирпичникова, с одной стороны, могли изготавливаться стеклянные и янтарные изделия, а с другой — отливаться из латуни украшения, выполненные «в стиле скандинавского искусства» (Кирпичников, 2002. С. 233). Данный вывод основан на том, что наряду с кусками янтаря и недоделанными фрагментами бус в заполнении печи были встречены две скандинавские фибулы — равноплечная типа Вальста и бракованная отливка скорлупообразной типа Bj. 655⁷ (Там же. С. 233, 237–239; Jansson, 1985. S. 19–22). Именно в этом комплексе и была найдена латунная цельнолитая булавка, которая в полной мере соответствует основным признакам рассматриваемой группы изделий (рис. 7, 2). В верхней части имеется ушко, в которое было продето колечко с завязанными концами. При переходе от ушка к стержню находилась перемычка в виде многогранного кубика со срезанными углами (Кирпичников, 2002. С. 242, 243, рис. 18, № 111). Данная находка вписывается в выделенный нами тип I или тип B по классификации Ю. Валлер.

Проведенный поиск аналогий в материалах Ярославского Поволжья не привел к желаемым результатам. Пинцеты вообще отсутствовали в ярославских могильниках, а имеющиеся в погребениях по обряду трупосожжения шилья⁸ были просто железными инструментами без каких-либо наконечников. Одно из них, опубликованное в составе погребального инвентаря кургана 274 Тимерёвского могильника, представляло собой железную пластину, завершающуюся заостренным стержнем (Недошивина, 1963. С. 54, рис. 30, 2).

Как отмечает Ю. Валлер, рассмотренная ею коллекция шильев и пинцетов из Бирки является продукцией эпохи викингов, и по сравнению с аналогичными предметами, бытовавшими в предшествующие периоды, они длиннее и прочнее. Кроме того, среди более ранних образцов никогда не встречалось изделий, составленных из двух различных материалов, а также с наконечниками типа D и E (Waller, 1984, S. 187, 188).

⁷ Обозначение номера погребения в Бирке.

⁸ Шилья встречены в шести курганах Тимерёвского могильника (№ 120, 149, 179, 265, 274, 342) и по одному — в Петровском (№ 92) и Михайловском (№ 4).

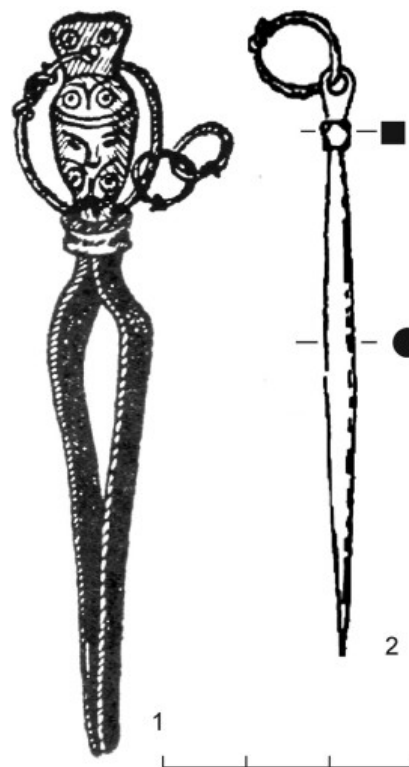

Рис. 7. Пинцет (1) из погребального комплекса кургана 5 могильника у пос. Новосёлки Смоленской обл. (Шмидт, 1963. С. 120, рис. 15, 9) и булавка (2) из заполнения производственной постройки Ладоги (Кирпичников, 2002. С. 243, рис. 18, № 111)

Fig. 7. Pincers (1) from burial complex of barrow no. 5 at the cemetery near v. Novoselki in Smolensk Oblast (Шмидт, 1963. С. 120, рис. 15, 9) and a pin (2) from the fill of a manufacturing building in Ladoga (Кирпичников, 2002. С. 243, рис. 18, № 111)

Датировка и функциональное назначение изделий с наконечниками

На территории Восточной Европы шилья и пинцеты, исходя из контекста сопровождающего инвентаря в курганах, можно датировать рубежом IX–X — первой половиной X в. (Шмидт, 1963. С. 126, 127; Ширинский, 1970. С. 116; Каинов, 2001. С. 61, 62). К этому же времени относятся находки из Ладоги и Рюрикова городища. В Ладоге производственный комплекс, в заполнении которого было обнаружено шило (булавка), А. Н. Кирпичников датирует концом IX — началом X в. (Кирпичников, 2002. С. 244). На Рюриковом городище, как я отмечала, только одно изделие происходит из непотревоженного раннесредневекового слоя (рис. 4, 1), который начал накапливаться во рву не ранее конца IX в., когда ров утратил свое фортификационное значение и

в нем начинают строить хлебные печи (Носов и др., 2017. С. 10).

Если с назначением пинцетов все достаточно ясно, то в интерпретации шилообразных предметов существуют различные точки зрения, которые прежде всего основываются на месте их расположения в погребальных комплексах с захоронениями по обряду ингумации. По наблюдениям Ю. Валлер, на материалах Бирки шилья и пинцеты являлись предметами женского погребального инвентаря. Чаще всего они находились в комплексе с другими мелкими орудиями — ножами, ножницами, копоушками — и располагались на правой стороне груди под овальной фибулой, иногда в районе пояса или ниже, и, видимо, были подвешены к костюму. В одном случае (Bj. 1083) группа предметов, состоящая из ножа, ножниц, пинцета и шила, была встречена рядом с браслетом на правой стороне скелета, в другом — шило находилось в сумочке вместе с весовыми гирьками, шайбочкой, окатанными камешками и фрагментом бусины (Bj. 968) (Waller, 1984. S. 188, 189). В целом устойчивый комплект изделий, в который входили шилья и пинцеты, позволил Ю. Валлер предположить, что его можно интерпретировать в качестве определенного женского туалетного набора инструментов, и, в частности, исследовательница допустила, что тонкое изогнутое книзу шило из погребения Bj. 844, могло использоваться, например, для татуировки.

Однако Ю. Валлер не исключает, что некоторые изделия, зачисленные ею в группу шильев, являлись обычными костюмными булавками, подобно тем, которые бытовали в более раннее время. Об этом свидетельствует находка булавки на плече в погребении Bj. 828 (*Ibid.*). В связи с этим показательный материал дают могильники о. Готланд, где в женских захоронениях встречено около 1000 цельнолитых бронзовых булавок, украшенных навершиями, по внешнему облику мало чем отличающимися от типа I на Рюриковом городище (или одной из групп типа B по Ю. Валлер). Эти булавки всегда находятся в паре и располагаются на плечах погребенных (Thunmark-Nylén, 1995. Abb. 1, 23, 28a, 32–34, 38b, etc.; 1998. Taf. 119–121; 2006. S. 119, 120). Л. Тунмарк-Нюлен вполне определенно интерпретирует их как булавки, которыми прикалывали к одежде ожерелья, состоящие из бус и подвесок (Thunmark-Nylén, 1983. S. 165). Как одежные булавки подобные изделия трактуются и Е. Феннинг (по: Кирпичников, 2002. С. 243, 247, рис. 25, 2). Одним

словом, к интерпретации использования предметов, одновременно похожих и на шилья, и на небольшие булавки, следует подходить осторожно, в каждом конкретном случае опираясь на анализ материала. Для наших находок можно высказать предположение, что цельнолитые бронзовые изделия, судя по диаметру их стержня, скорее всего, относятся к категории булавок, а составные предметы из железного стержня с насаженным на него навершием могли служить шильями, так как железо — более прочный металл и лучше подходит для изготовления инструментов.

В целом проведенный анализ одной из категорий предметов Рюрикова городища, имеющих в основе своей скандинавское происхождение, показывает, что по сравнению с другими памятниками Восточной Европы здесь наблюдается наибольшая их концентрация. В настоящее время установленным фактом является то, что северо-европейские изделия попадали на Русь не только путем торговли или с их владельцами, но и непосредственно изготавливались на месте. Следы таких производств в виде инструментов, слитков сырья, обломков глиняных формочек, недоделанных изделий обнаружены в Ладого, Гнёздове и на самом Рюриковом городище. Рассмотренные нами навершия, многие из которых имели все признаки производственного брака (особенно в типах IV, V), лишний раз подтверждают данный вывод.

В свое время И. Янссон — знаток скандинавских древностей на территории Древней Руси — сделал чрезвычайно важное заключение, что «находки из Гнёздова <...> очень близки находкам с Городища, и материалы обоих памятников имеют поразительное сходство с материалами Бирки» (Янссон, 1999. С. 19, 20). В свою очередь сравнение коллекций древностей Бирки и Гнёздова позволили Н. В. Ениосовой сделать вывод, что «на позднем этапе своего существования Бирка была тесно связана с Гнёздово. На прямые контакты указывают не только находки украшений, оружия и других предметов, встреченные только в этих двух пунктах, но и общие черты погребального обряда» (Ениосова, 2017. С. 227). Добавим, что скандинавы, плывущие в Гнёздово, не могли миновать Городище, а поэтому между этими пунктами существует неизбежная взаимосвязь, которая отразилась в особенностях комплекса скандинавских древностей. В этом смысле показательно, что на территории Восточной Европы именно в этих пунктах встречено наибольшее число рассмотренных мною предметов.

- Ениосова*, 2017 — *Ениосова Н. В.* Технология производства ювелиров Гнездова в X — в начале XI вв. по данным трасологии и металлографии // *Stratum plus*. 2017. № 5: «Сумма технологий». По наставлению пресвитера Теофила. С. 205–236.
- Каинов*, 2001 — *Каинов С. Ю.* Еще раз о датировке гнездовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского (к вопросу о нижней дате Гнездовского могильника) // *Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника: Труды конф.* / Отв. ред. В. В. Мурашева. М.: ГИМ, 2001 (Тр. ГИМ; Вып 124). С. 54–63.
- Кирпичников*, 2002 — *Кирпичников А. Н.* Производственный комплекс IX в. из раскопок Старой Ладоги // *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья: Сб.* / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 227–250.
- Макаров*, 2012 — *Макаров Н. А.* Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // *Русь в IX–X веках. Археологическая панорама* / Ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 449–459.
- Мурашева, Каинов*, 2020 — *Мурашева В. В., Каинов С. Ю.* Викинги. Путь на Восток. М.: ГИМ, 2020. 191 с.
- Недошивина*, 1963 — *Недошивина Н. Г.* Предметы бытового назначения // *Ярославское Поволжье X–XI вв. По материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников: Сб. ст.* / Под ред. А. П. Смирнова. М.: ГИМ, Ярославский музей-заповедник, 1963. С. 51–54.
- Носов*, 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 212 с.
- Носов и др.*, 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII). 403 с.
- Носов и др.*, 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII). 287 с.
- Ширинский*, 1970 — *Ширинский С. С.* Курганы IX — первой половины X в. у пос. Новоселки // *Древние славяне и их соседи: Сб. ст., посвящ. 60-летию П. Н. Третьякова* / Отв. ред. Ю. В. Кухаренко. М.: Наука, 1970 (МИА; № 176). С. 114–117.
- Шмидт*, 1963 — *Шмидт Е. А.* Археологические памятники второй половины I тыс. н. э. на территории Смоленской обл. // *Материалы по изучению Смоленской области. Вып. V.* Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1963. С. 85–128.
- Янссон*, 1999 — *Янссон И.* Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // *Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина: Сб. ст.* / Редкол. А. А. Гиппиус и др. М.: Русские словари, 1999. С. 18–38.
- Jansson*, 1985 — *Jansson I.* Oval spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björköfynden. Uppsala, 1985 (Aun 7). 235 s.
- Thunmark-Nylén*, 1983 — *Thunmark-Nylén L.* Dräkt och dräktsmycken på Gotland under vikingatiden // *Gutar och vikingar.* Stockholm, 1983. S. 153–182.
- Thunmark-Nylén*, 1995 — *Thunmark-Nylén L.* Die wikingerzeit Gotlands. Bd. I: Abbildungen der Grabfunde. Stockholm, 1995 (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiem). 396 S.
- Thunmark-Nylén*, 1998 — *Thunmark-Nylén L.* Die wikingerzeit Gotlands. Bd. II: Typentafeln. Stockholm, 1998 (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiem). 18 S. + 316 Taf.
- Thunmark-Nylén*, 2006 — *Thunmark-Nylén L.* Die wikingerzeit Gotlands. Bd. III: 1–2. Text. Stockholm, 2006 (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiem). 730 S.
- Waller*, 1984 — *Waller Ju.* Nadeln / Pfieme und Pinzetten // *Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde.* Stockholm, 1984. S. 183–190.

On one group of Scandinavian finds from Rurik Gorodishche

N. V. Khvoshchinskaya⁹

Keywords: Rurik Gorodishche, 9th–10th cen., figure finials, typology, analogues, interpretation.

This study considers objects which according to the evidence from Scandinavian sites were finials (tops) of small tools such as pincers and awls/needles or pins. Occasionally these objects were one-piece casts but more often they consisted of two parts: finials, usually manufactured from non-ferrous metal, and the implement proper made of

⁹ Nataliya V. Khvoshchinskaya — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: kottimoshka85@mail.ru.

iron. A fairly representative collection of finds of this type retrieved during excavations at the cemetery of Birka was examined and classified by Jutta Waller (fig. 1). On the basis of her typology, we have distinguished through the form of their heads five types among the collection from Ryurik Gorodishche.

Type I. This group includes three one-piece casts. The main part of their finials was a polyhedral figure in the form of a cube or a parallelepiped with cut corners (fig. 2) corresponding to group B₉₋₁₂ in Ju. Waller's classification.

Type II. This type is represented by a single find. The form of the head here reminds type I but is more complicated. Instead of one multifaceted figure, the central part of the finial consists of three linked fourteen-sided pieces (fig. 3, 1). Among the finds from Birka it has no direct parallels, the closest version being represented by type C₁₆.

Type III. This group is composed of two items which have the central parts of the biconical form with a distinct rib but their upper and lower parts are different (fig. 3, 2, 3). The closest parallels from the Birka collection are found among finials of group C₁₆₋₁₈.

Type IV. This is the most numerous and typologically homogeneous group comprising seven finds — two complete objects (fig. 4) and five tops (fig. 5, 1-5). The base of the finials is a figure representation of a human head. On the head, a headdress in the form of a helmet is distinctly recognizable. Of note is that among this series of artefacts, defective examples with indentations, caverns and cracks are encountered along with skilfully manufactured articles. This fact supports the already available evidence for local manufacture of objects of the Scandinavian type at Gorodishche. This type has direct parallels among the objects from Birka distinguished by Ju. Waller as type E₃₀₋₃₁ exceeding in its quantity all the other categories of such finds (27 items).

Type V. This last group of the objects includes four finials. Three of them are one-piece casts (fig. 5, 6-8) while still another one consists of two soldered halves (fig. 6). The main feature of this type is a double-sided symmetric representation of masks. The most relief shape is demonstrated by a finial consisting of parts soldered together but it is difficult to interpret the representation definitely. It is executed seemingly after a Scandinavian prototype however in an entirely different technique.

The other objects of this series are casts of poor quality but nevertheless the representations on them can be reliably recognized as human faces. The eyes, nose and mouth are traceable here with different extent of distinctness. The schematic and simplified character of the images, as well as the very level of the execution suggests that they were a "test of the pen" of local Gorodishche's craftsmen. In this case it is naturally difficult to find their parallels in Birka but finials from group D₂₇₋₂₈ seem most likely to have been the examples for imitation.

In the territory of East Europe, objects of similar type have been found only among the materials from the Gnezdovo archaeological complex: two in burials, one at the unfortified settlement and one at the fortified site. According to N. V. Eniosova, five of these examples are represented by type C₁₆ and one is C₁₃ (in Ju. Waller's classification). In two cases, the finials in the form of human heads resemble subtype E₃₀ while one is practically entirely identical to type D₂₈. Besides Gnezdovo, in terms of the little human head resembling type D₂₈, notable is a pair of pincers from the cemetery of Novoselki (fig. 7, 1) and a pin with a polyfaceted cubic finial found together with other Scandinavian objects in a manufacturing shop in Ladoga (fig. 7, 2). Chronologically, all the finds from the territory of Rus belong to the boundary between the 9th/10th cen. or the first half of the 10th cen.

While the purpose of the pincers is quite clear, there are different views as to the interpretation of the awl-like objects. These hypotheses are based mostly on their positions in inhumation burial complexes. On the one hand, the finds from the cemetery of Birka were found accompanied by other small tools — knives, scissors and ear spoons and, as a rule, were put on the bosom under an oval brooch, occasionally in the area of the waist or below it possibly being suspended to the costume. Ju. Waller therefore interprets this set as a certain complex of female toilette implements. On the other hand, this researcher does not rule out that some of the objects included by her into the group of awls were ordinary costume pins. This supposition finds proofs both at the Birka cemetery itself and among the finds from cemeteries on Gotland Island where female burials have yielded about 1000 pins revealed always in pairs and on the shoulders of the interred.

The researchers not once noted the similarity of the character of Scandinavian objects found in Birka, at Gorodishche and Gnezdovo; the category of artefacts here considered confirms this conclusion.

Восстановление плинф и кирпичей в средневековом Новгороде¹

Е. Ю. Медникова²

Аннотация. В статье рассматриваются результаты анализа на оптико-электронной полиполяризационной системе состава черного слоя, покрывающего поверхность, а также проникающего в трещины и выемки плинф и кирпичей в средневековом Новгороде.

Ключевые слова: плинфа, кирпич, черный слой, оптико-электронная полиполяризационная система, анализ, ракушки, обжиг.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-127-128

При отборе фрагментов новгородских плинф и кирпичей для исследования состава их теста было обращено внимание на плинфы с черными твердыми покрытиями на наружных и боковых или только на наружных поверхностях плинф и кирпичей. Так, на боковой поверхности плинфы из кладки Георгиевского собора Юрьева монастыря был обнаружен налипший твердый кусок черного цвета размером 7 × 13 мм и толщиной не более 5 мм.

Фрагмент плинфы XII в. из кладки Владычной палаты (толщиной 46 мм) с двух наружных сторон был покрыт черным слоем твердого вещества, причем с одной стороны его толщина изменялась от 1 до 5 мм и покрывала всю поверхность фрагмента, с другой — толщина достигала 10 мм и затрагивала только половину плоскости (рис. 1). При этом черная масса неоднородно распространялась вглубь (затеки): иногда это были щели толщиной 1–3 мм и длиной до 10 мм, расположенные перпендикулярно наружной поверхности, или длиной до 25 мм — параллельно ей; в других местах это были включения, достигающие ширины 10–15 мм и глубины до 20–27 мм. Такое распределение позволяет сделать вывод, что черная масса первоначально была достаточно

влажной и заполняла трещины и углубления (дефекты) плинфы. Причем с обеих наружных сторон плинфы сохранились остатки известковых растворов, и можно предположить, что черная масса переводилась в твердое состояние, а затем плинфу использовали в кладке.

Не менее интересным оказался фрагмент из Владычной палаты, датируемый XIV в. Наружная и боковая поверхности кирпича были покрыты тонким слоем известкового строительного раствора, под которым находится тонкий слой красной обожженной глины с примесями ракушечной крошки толщиной не более 3 мм. Черная масса находилась под слоем красной обожженной глины, внутри которой присутствовали куски кирпича небольшого размера.

Таким образом, тесто кирпича представляло собой черную массу, в которую в качестве наполнителя вводились небольших размеров куски кирпича, а сверху черная масса была покрыта тонким слоем обожженной глины.

Фрагмент кирпича с черным слоем был обнаружен при раскопках церкви Бориса и Глеба на территории детинца. Толщина черного слоя составляла около 5 мм, глубина одного из затеков — 35 мм. Наружный черный слой (боковая и наружная части кирпича) покрыт тонким слоем (1 мм) красной глины со множеством мелко истолченных ракушек.

Для исследования состава черного слоя были отобраны образцы из каждого из упомянутых фрагментов плинф и кирпичей. Анализ проводился на оптико-электронной полиполяризационной системе (Медникова, Шаров, 2021). Результаты

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

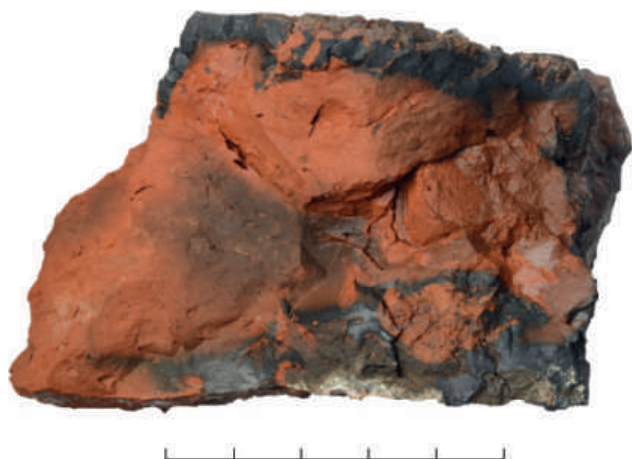

Рис. 1. Фрагмент плинфы XII в. из Владычной палаты в Новгородском кремле

Fig. 1. Fragment of a plinthos of the 12th cent. from the Vladychnaya Chamber in the Novgorod kremlin

анализа показали, что состав черного слоя во всех фрагментах плинфы и кирпича был один и тот же.

Черное вещество состояло из темно-зеленой глины, мелко истолченных ракушек и органики, присущей ракушкам. На основании проведенных исследований можно предположить, что для восстановления плинфы и кирпича приготавливалась смесь из влажной глины, перемешанной с раздробленными ракушками с моллюсками, которой заполняли дефекты (трещины и выемки) в плинфах и кирпичах. Поскольку ракушки начинают разлагаться при температуре 650–750 °С (Бобринский, 1978. С. 81), то температура обжига не превышала этих значений. Температура и время обжига были таковы, чтобы процедура не разрушала плинфу или кирпич, которые подлежали восстановлению. По-видимому, эта технология использовалась для восстановления частично разрушенных плинф и кирпичей с целью дальнейшего их применения в строительстве.

Бобринский, 1978 — Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.

Медникова, Шаров, 2021 — Медникова Е. Ю., Шаров О. В. Раковины моллюсков в строительных материалах церкви Благовещения на Городище в Новгороде // АВ. 2021. Вып. 31. С. 63–67.

Restoration of plinthoi and bricks in mediaeval Novgorod

E. Yu. Mednikova³

Keywords: plinthos, brick, black mass, optoelectronic polipolarization system, analysis, mollusc shells, reduction firing.

The paper presents the results of analysis of the composition of the black mass noted on the surface and filling fissures and cavities of plinthoi and bricks in mediaeval Novgorod. The investigations were conducted using an optoelectronic polipolarization system designed at the IHMC RAS. As a result it was established that the black substance consists of clay and finely ground shells with molluscs. The mass thus obtained was fired at the temperature of 600–750 °C and served for restoration of plinthoi and bricks with the purpose of their further use in construction.

³ Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia.

Исследование строительных материалов Старой Ладogi (или Новгородской земли) методом полиполяризации¹

Б. Г. Васильев (†), Е. Ю. Медникова²

Аннотация. В статье рассматриваются результаты анализов строительных растворов Староладожской крепости и плинф из церквей Старой Ладogi и Новгорода, проведенных на оптико-электронной полиполяризационной системе, разработанной в ИИМК РАН.

Ключевые слова: оптико-электронная полиполяризационная система, анализ, Староладожская крепость, строительные растворы, Старая Ладoga, Новгород. плинфы, ракушки.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-129-133

В лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН начиная с конца 1970-х гг. под руководством П. А. Раппопорта большое внимание уделялось изучению древнерусских строительных растворов.

Разработанная методика включала в себя химический анализ извести, петрографический и гранулометрический анализ строительных растворов (Медникова и др., 1978. С. 44). Как показали исследования, состав извести зависел исключительно от состава природного материала (Медникова, 1982. С. 89), а наиболее информативным для характеристики строительных растворов являлся гранулометрический анализ, заключающийся в растворении исследуемого образца в 5%-ной соляной кислоте с последующим подсчетом компонентов нерастворимого остатка. В 1980-х гг. был проведен гранулометрический анализ строительных растворов из фундаментов, стен и сводов Успенского и Георгиевского соборов, фундамента Никольского собора и кладочно-го раствора церкви Климента в Старой Ладoge, а также строительных растворов Староладожской крепости (Медникова, Стеценко, 1992).

¹ Е. Ю. Медниковой работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Медникова Е. Ю. — ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Этот метод длительное время оставался единственным, пока в ИИМК РАН не была создана оптико-электронная полиполяризационная система для бесконтактного исследования минералов и органических структур методом полиполяризации, в первую очередь для изучения древних строительных технологий (Куликов и др., 2010; 2012).

Принцип работы оптико-электронной полиполяризационной системы описан в работе Е. Ю. Медниковой и О. В. Шарова (Медникова, Шаров, 2019. С. 353). Одними из первых на оптико-электронной полиполяризационной системе были проанализированы штукатурки под живопись из Большого собора Бельчицкого монастыря в Полоцке, штукатурки и строительные растворы древнерусских церквей Старой Ладogi. Во всех исследованных образцах были обнаружены фрагменты ракушек и органика, характерная для ракушек.

Данная работа является продолжением исследований строительных материалов древней Руси на примере Старой Ладogi как одного из наиболее изученных средневековых памятников с целью получения новых данных о строительных технологиях с помощью оптико-электронной полиполяризационной системы.

Для анализа были отобраны строительные растворы из крепостных стен XII и XVI вв. и Климентовской башни. Как и в строительных растворах церквей, в растворах крепости обнаружены мелко раздробленные ракушки, органика, присущая

ракушкам, волокна льна, конопли и соломы. Следует отметить, что «обломки раковин в незначительном количестве» были найдены и при петрографическом исследовании строительных растворов русских крепостей, но названия крепостей указаны не были (Лобозова, Носов, 2009). Присутствие ракушек в растворе могло объясняться либо непосредственным добавлением измельченных ракушек в известь, либо добавлением песчаника с мелко раздробленными ракушками с поселения Княжище, расположенном неподалеку от Старой Ладogi. Привнесение ракушек с известью исключается, поскольку температура обжига известняка составляет 1100–1300 °С (Волженский и др., 1966), а ракушки сгорают при температуре 650–750 °С (Бобринский, 1978. С. 81). Добавление мелко раздробленного песчаника также маловероятно, так как в строительных растворах в достаточно большом количестве присутствует органика, присущая ракушкам, а при полиполяризационном анализе песчаника органика практически отсутствует. Таким образом, наличие ракушек в строительных растворах можно объяснить только добавлением раздробленных ракушек с моллюсками в известь. По-видимому, древним мастерам были известны свойства ракушек, наличие которых в строительном растворе увеличивало его прочность. Это, во-первых, создание дополнительных центров кристаллизации за счет карбоната кальция, присутствующего в раковинах; во-вторых, уменьшение усадки раствора при его высыхании за счет фрагментов раздробленных раковин; в-третьих присутствие органики, придающей пластичность растворам, наличие белка конхиолина, цементирующего материала панциря, не допускающего разрушения раковин в кислой и щелочной средах.

Можно было предположить, что со временем органика в строительных растворах разрушается, и в более поздних растворах ее количество должно преобладать над содержанием органики в растворах XII в. Проведенные анализы показали, что в растворах XII в. ракушек и органики больше, чем в растворах XVI в. Вероятно, строители XVI в., сохраняя традиции, добавляли в раствор дробленые ракушки, но в меньшем количестве, чем это делали строители в XII в. Ракушки с органикой присутствовали в растворах из Климентовской башни.

Не менее интересным оставался вопрос о приготовлении строительного раствора: наполнители (дробленые ракушки, волокна льна, солома) добавлялись в раствор заранее или

непосредственно перед использованием? Ответ удалось получить только при анализе содержимого творильной ямы, раскрытой во время раскопок на территории крепости (Григорьева, 2020). Как показал анализ, в составе раствора в творильной яме были обнаружены ракушки, органические остатки самих моллюсков, волокна льна, солома. По-видимому, строительный раствор готовился заранее, а не непосредственно при использовании раствора в кладке. Приведенные данные свидетельствуют о том, что на протяжении многих столетий при изготовлении строительных растворов, вероятно, для улучшения качества, в известковые строительные растворы добавлялись раздробленные ракушки с моллюсками.

Следующий этап работы заключался в исследовании керамического теста плинф из церкви Старой Ладogi. Поводом к изучению послужил анализ керамического теста плинф церкви Благовещения на Городище в Новгороде, в составе которого были обнаружены фрагменты ракушек и органика (Медникова, Шаров, 2021). Поскольку церкви в Старой Ладoge возводились новгородскими мастерами (Раппопорт, 1993. С. 58), появилась возможность проследить, сохранилась ли преемственность традиций в составе керамического теста для плинф. Следует отметить, что изучением староладожских плинф занимались многие исследователи, однако основное внимание уделялось форматам и формовке плинф, значительно меньшее — керамическому тесту. Так, С. В. Лалазаров писал, что «плинфа, не имеющая знаков, не изготавливалась в Ладoge, а была куплена и привезена из другого места, скорее всего по Волхову из Новгорода» (Лалазаров, 2003. С. 77). Н. В. Новоселов указывал, что «сравнительный анализ плинфы староладожских памятников позволяет предположить, что в ладожском строительстве XII в. приняли участие три группы плинфотворителей» (Новоселов, 1995. С. 94). Большую работу по изучению и обобщению результатов предыдущих исследователей староладожской плинфы провел Д. Д. Ёлшин, который обосновал необходимость исследований сочетания формовки плинф с характером керамического теста (Ёлшин, 2010; 2013).

Первоначально была проанализирована цемянка из всех известково-цемячно-карбонатных растворов церковью Старой Ладogi. Во всех без исключения кусочках цемянки были обнаружены мелко раздробленные ракушки. Для анализа керамического теста были отобраны фрагменты плинф из каждого памятника.

Во всех пробах обнаружены мелко истолченные ракушки и органика, присущая ракушкам. Однако говорить о количестве ракушек, качестве обжига плинфы для каждого памятника затруднительно из-за небольшого количества фрагментов плинф. Вероятно, количество раздробленных ракушек, обнаруженных в плинфе, могло значительно отличаться от количества ракушек, добавленных в глиняное тесто и сгоревших во время обжига плинфы. Так, фрагмент плинфы из церкви Георгия по цвету состоял из двух частей: красной и темно-серой, почти черной. В красной части были обнаружены частицы ракушек, в незначительном количестве органика, присущая ракушкам, и небольшие узкие изогнутые отверстия, размерами не более 0,3–1,0 мм. Анализ теста из этих отверстий показал присутствие мельчайших частиц ракушек. Вероятно, ракушки частично выгорели при обжиге плинфы. Наличие темной части теста плинфы объясняется обугливанием органики и недостаточным временем выдержки плинфы в печи (Вдовина и др., 2007). В темной части теста сохранились более крупные фрагменты ракушек и в большом количестве обугленная органика, характерная для ракушек. Во фрагменте плинфы из церкви Климента в красном тесте обнаружены редкие овальные, от 1 до 2 мм, отверстия черного цвета. Проведенный полиполяризационный анализ показал присутствие фрагментов панциря и характерной для ракушек органики. При анализе фрагмента плинфы из церкви Николая Чудотворца (светло-оранжевого цвета) обнаружилось значительно большее количество мелко раздробленных ракушек и органики по сравнению с обломками плинф из других памятников. Из-за недостаточного количества образцов трудно определить, обусловлено ли более высокое содержание ракушек и органики более низкой температурой обжига или увеличением концентрации моллюсков в глине. Песок также присутствует в тесте фрагментов, но в очень небольшом количестве, и утверждать, что он вводился в глину как отощитель нельзя. Исключение составляет фрагмент плинфы из церкви Успения XII в., где присутствует большое количество мельчайшего песка. Возможно, это лессовидный суглинок (исходный материал), который использовался как тесто без какого-то добавления песка.

Небольшое количество фрагментов плинф и очень незначительное количество песка в анализируемых фрагментах не дает возможности подтвердить или опровергнуть вывод Н. В. Новоселова о том, что песок вводился в тесто как отощитель глины (Новоселов, 1998). П. А. Раппопорт

писал, что в глину вводится песок в количестве 6–8 % для прочности и предотвращения трещин при обжиге (Раппопорт, 1994). А. И. Августиник считал допустимым количеством песка при обжиге кирпича 15 % и отмечал, что при большем количестве песка прочность кирпича снижается, а водопоглощение возрастает. Он уточнял, что в качестве отощителя лучше применять шамот (Августиник, 1975. С. 225).

Присутствие ракушек и моллюсков в плинфе также требует своего объяснения. С одной стороны, ракушки способствуют уменьшению усадки при высушивании плинфы, с другой — при обжиге карбонат кальция разлагается с выделением углекислого газа, что приводит к увеличению пористости плинфы. Вероятно, моллюски, растертые вместе с ракушками, также могут придавать определенную прочность глиняному тесту за счет клейкости и способствовать уменьшению усадки во время их высушивания и обжига. Следует отметить, что аналогичные результаты были получены при анализе строительных растворов и цемьянки античного винодельческого комплекса в Тамани (Медникова, Шаров, 2019).

Незначительное количество проведенных анализов не позволяет с полной уверенностью говорить о повсеместном использовании ракушек в строительных растворах и плинфах, требуется дальнейшее изучение строительных технологий других архитектурных школ. В настоящее время удалось отобрать фрагменты плинф и кирпичей из некоторых памятников Новгорода: Георгиевского собора Юрьева монастыря, церкви Георгия на Торгу, а также церкви Бориса и Глеба (XII и XIV вв.) и Владычных палат (XII–XVII вв.) в детинце.

Во всех без исключения фрагментах плинф и кирпичей отсутствовал песок, просматривались мелкие отверстия различной формы и фрагменты ракушек. Полиполяризационный анализ также подтвердил присутствие ракушек, органики, характерной для ракушек, отсутствие песка. Поскольку песок и раковины в большом количестве в настоящее время находятся на берегу Волхова, можно предположить, что и в средневековье недостатка в них не было. В таком случае отсутствие песка и наличие раздробленных ракушек в тесте плинф было обусловлено технологией изготовления плинфы. В исследуемых пробах также были обнаружены волокна льна, волокна, похожие на коноплю, неопределимые растительные волокна. Таким образом, тесто плинф и кирпича на Новгородской земле на протяжении нескольких столетий не меняло своего состава, а изменения коснулись только размеров изделий.

- Августиник*, 1975 — *Августиник А. И.* Керамика. Л.: Стройиздат, Лен. отд., 1975. 591 с.
- Бобринский*, 1978 — *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Вдовина и др.*, 2007 — *Вдовина Е. В., Абдрахимова Е. С., Абдрахимов В. З.* Определение черной сердцевины при обжиге кирпича из бейделлитовой глины и продукта сгорания базальтовой шихты // Башкирский химический журнал. Уфа: Уфимский гос. нефтяной техн. ун-т, 2007. Т. 14, № 2. С. 102–104.
- Волженский и др.*, 1966 — *Волженский А. В., Буrows Ю. С., Колокольников В. С.* Минеральные вяжущие вещества. М.: Стройиздат, 1966. 406 с.
- Григорьева*, 2020 — *Григорьева Н. В.* Древнейшая Ладожская крепость. Хронология и стратиграфия (по итогам раскопок у Раскатной башни) // АВ. 2020. Вып. 30. С. 134–153.
- Ёлишин*, 2010 — *Ёлишин Д. Д.* Новые исследования древнерусской плинфы: итоги и перспективы // Археологія і давня історія України. Київ: ІА НАН України, 2010. Вип. 1: Проблеми давньоруської та середньовічної археології. С. 395–407.
- Ёлишин*, 2013 — *Ёлишин Д. Д.* Технологические особенности Новгородской плинфы домонгольского времени // Вестник СПбГУ. 2013. Серия 2: История. Вып. 3. С. 92–97.
- Куликов и др.*, 2010 — *Куликов В. Е., Кидалов В. Н., Медникова Е. Ю., Носов Е. Н., Шумкин В. Я.* Устройство для оптикоэлектронного бесконтактного исследования минералов и органических структур. Патент № 2402753, 2010 г.
- Куликов и др.*, 2012 — *Куликов В. Е., Медникова Е. Ю., Миняев С. С., Носов Е. Н.* Способ бесконтактного полиполяризационного исследования минералов и органических структур с различными коэффициентами пропускания. Патент № 2466379, 2012 г.
- Лалазаров*, 2003 — *Лалазаров С. В.* Плинфа церкви Георгия в Старой Ладогe // Архитектурно-археологический семинар. Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы: Материалы науч. заседания 14–15 мая 2002 г. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. С. 76–85.
- Лобозова, Носов*, 2009 — *Лобозова Р. В., Носов К. С.* Петрографическая характеристика строительных растворов русских крепостей XVI–XVII веков // Вестник Российского университета дружбы народов. М.: РУДН, 2009 (Инженерные исследования). Вып. 1. С. 91–98.
- Медникова*, 1982 — *Медникова Е. Ю.* К вопросу о качестве извести в древнерусских строительных растворах // КСИА. 1982. Вып. 172: Археология и архитектура. С. 89–90.
- Медникова, Стеценко*, 1992 — *Медникова Е. Ю., Стеценко Н. К.* Изучение строительных растворов архитектурных памятников Старой Ладоги // Архитектурное наследие и реставрация (реставрация памятников истории и культуры России). М.: Объединение «Росреставрация», 1992. С. 164–168.
- Медникова, Шаров*, 2019 — *Медникова Е. Ю., Шаров О. В.* Технологические особенности строительных растворов винодельческих комплексов поселения Ильич I Темрюкского района Краснодарского края // Stratum plus. 2019. № 4: Меч Марса. С. 343–358.
- Медникова, Шаров*, 2021 — *Медникова Е. Ю., Шаров О. В.* Раковины моллюсков в строительных материалах церкви Благовещения на Городище в Новгороде // АВ. 2021. Вып. 31. С. 63–67.
- Медникова и др.*, 1978 — *Медникова Е. Ю., Раппопорт П. А., Селиванова Н. Б.* Изучение древнесмоленских строительных растворов // КСИА. 1978. Вып. 155: Славяно-русская археология. С. 44–56.
- Новоселов*, 1995 — *Новоселов Н. В.* Плинфа Старой Ладоги // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов: Сб. ст. / Отв. ред. В. М. Массон, Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН; СПбГУ, 1995 (Археологические изыскания; Вып. 34). С. 92–98.
- Новоселов*, 1998 — *Новоселов Н. В.* К вопросу о каменном строительстве в Ладогe XII в. // Поселения, среда, культура, социум: Материалы тематич. науч. конф. (6–9 октября, Санкт-Петербург, 1998 г.) / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 191–193.
- Раппопорт*, 1993 — *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. СПб.: Стройиздат, СПб. отд., 1993. 258 с.
- Раппопорт*, 1994 — *Раппопорт П. А.* Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб.: Наука, 1994. 160 с.

Investigation of building materials from Staraya Ladoga (Novgorod Land) by the method of polipolarization

B. G. Vasilyev (†), E. Yu. Mednikova³

Keywords: opticoelectronic polipolarization system, analysis, Staraya Ladoga fortress, building mortars, Staraya Ladoga, Novgorod, plinthoi, mollusc shells.

The paper presents the results of analyses of building mortars in the Staraya Ladoga fortress and plinthoi from churches of Staraya Ladoga and Novgorod. This research was conducted using an opticoelectronic polipolarization system designed at the Institute for the History of Material Culture RAS. It has been established that mollusc shells with the molluscs were added to the building mortars in the Staraya Ladoga fortress. The finely ground mollusc shells with the molluscs were revealed in plinthoi from churches in Staraya Ladoga and Novgorod. Since mortars containing mollusc shells with molluscs have been found before at Classical sites, the authors suppose that these technologies of preparation of building mortars and plinthoi were no local ones but had originated from antiquity.

³ E. Yu. Mednikova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia.

Нумизматические находки в Твери и Тверской области в 2019, 2020 гг. (по материалам работ ИИМК РАН)¹

К. В. Горлов, В. А. Лапшин, К. А. Михайлов, А. А. Лазарев,
К. В. Хлуднев, К. В. Конончук, Р. В. Филиппенко, А. А. Бессуднов²

Аннотация. В статье рассматривается коллекция из 209 единичных монет XV — первой половины XX в. и двух кладов середины XVIII в., обнаруженных в 2019 и 2020 гг. Тверской городской археологической экспедицией Отдела охранной археологии ИИМК РАН в ходе проведения археологических раскопок в Твери и Тверской области.

Ключевые слова: Тверь, пула, монеты, культурный слой, время обращения, хронология.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-134-171

Изучение денежного обращения на территории Твери и Тверских земель

Великое княжество Тверское было одним из ведущих русских культурных, политических и экономических центров. Маркером высокого статуса Твери следует рассматривать налаженную здесь с начала XV в. чеканку монет. Массовые тиражи серебряных денег и медных пул³ составили основу местной денежной системы. Правом монетной регалии обладали также удельные князья Кашина, Микулина и Городенецка (*Спасский*, 1970. С. 39; *Сотникова*, 1997; *Гулецкий, Петрунин*, 2017. С. 586–593).

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (FMZF-2022-0017).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: Горлов К. В. — konstantinv.gorlov2018@yandex.ru, Лапшин В. А. — vladimirlapshin51@yandex.ru, Михайлов К. А. — mikhailov_kirill@mail.ru, Лазарев А. А. — alexandrlazarev2013@yandex.ru, Хлуднев К. В. — kkhudnev@gmail.com, Конончук К. В. — konstantinkonon@mail.ru, Филиппенко Р. В. — rovfif74@mail.ru, Бессуднов А. А. — bessudnov_a22@mail.ru.

³ В. В. Хухарев предполагает, что в Твери мог осуществляться выпуск платежных слитков-гривен и золотых монет в виде подражаний, например, английским ноблям (*Хухарев*, 2002а. С. 176; 2002б. С. 160).

После включения Тверских земель в состав Великого княжества всея Руси в 1485 г. работа местного денежного двора продолжилась. В середине — второй половине 80-х гг. XV в. здесь произошел переход от тверской денежной стопы к московской; архаичная технология изготовления штемпелей, резанных от руки, сменилась более передовой, с использованием маточников. Приблизительно в середине второго десятилетия XVI в. к существующей номенклатуре номиналов добавился новый — полуденга. После реформы Елены Глинской, окончательно унифицировавшей русскую монетную систему, Тверской денежный двор выпускает денги, полушки и пула вплоть до «Государева разгрома» города в 1569 г.⁴ (*Хухарев*, 2000; *Гайдуков*, 2006. С. 128; *Зайцев*, 2010; *Волков*, 2018. С. 168–185; *Волков, Лейбов*, 2019).

Изучение денежного обращения Твери продолжается более полутора столетий. В разное время к данной теме обращались А. Д. Чертков, С. де Шодуар, Э. К. Гуттен-Чапский, А. В. Орешников, М. В. Рубцов, М. П. Сотникова, В. В. Хухарев, П. Г. Гайдуков, В. В. Зайцев, И. В. Волков,

⁴ А. С. Мельникова полагала, что работа Тверского денежного двора прекратилась в середине 1550-х гг. (*Мельникова*, 1989. С. 42). В. В. Хухарев считает, что выпуск полушек и пул в Твери продолжался до 1569–1570 гг. и прекратился после опричного похода Ивана IV (*Хухарев*, 2000).

В. Л. Лейбов и другие специалисты. В результате кропотливой работы нумизматов была подготовлена систематизация тверских монет, изучена их метрология, особенности производства и участия в системе денежного обращения. Разностороннее исследование памятников нумизматики и письменных документов позволяет в настоящее время рассматривать денежные знаки как высокоинформативный междисциплинарный источник.

Значительная часть базы тверских монет была получена в ходе археологических раскопок. В отличие от «случайных» находок средства расчета, зарегистрированные при изучении культурного слоя, имеют точные топографические и стратиграфические привязки, что наделяет их дополнительным информационным ресурсом (Зайцев, 1995б. С. 22).

Развитие охранной археологии и применение современных технических средств при исследовании культурного слоя увеличили количество нумизматических находок и тщательность их фиксации. Зарегистрированные в Твери и ее округе монеты вводятся в научный оборот в виде тематических и общих (с прочим археологическим материалом) статей, в которых решаются актуальные для археологии и нумизматики задачи (Хухарев, 1997; Новиков, Хухарев, 1999; Бушлякова, Волков, 2010; Рыбакова, 2018; Иванова, Хохлов, 2019. С. 102, 103; Сафарова и др., 2019; Исаев и др., 2021).

В 2019 и 2020 гг. Тверской городской археологической экспедицией Отдела охранной археологии ИИМК РАН проводились научно-исследовательские работы в виде археологических раскопок в Твери (на Затьмацком посаде) и за ее пределами: в современном микрорайоне Мигалово, а также в Конаковском районе Тверской области на поселении Шоша-1, в ходе которых была получена коллекция из 209 единичных монет и двух кладов середины XVIII в.

Нумизматические находки при раскопках на Затьмацком посаде в Твери

Район Затьмачья занимает пространство между правым берегом Волги и левым Тьмаки, к югу и юго-западу от тверского кремля. На протяжении нескольких столетий Затьмацкий посад был второй по значению и древнейшей, после кремля, частью города, где располагались дворы ремесленников и купцов. В квартале, ограниченном улицами Троицкой, Бебеля, Ефимова и Дмитрия Донского, выявлены подполья наземных жилищ-мастерских, хорошо датированных найденными в них ювелирными изделиями XV–XVI вв.

(Солдатенкова, Персов, 2005; Персов, Солдатенкова, 2007). Предположение об освоении участка уже в первой трети XIII в. (Персов, Солдатенкова, 2007) или в целом в домонгольское время (Хохлов, Нестерова, 1996) представляется недостаточно обоснованным (Лапшин, 2009. С. 195).

Анализ письменных источников позволяет говорить о довольно плотной застройке на Затьмацком посаде к середине XVI в. Во второй половине XVI — первой половине XVII в. часть построек исчезает, а дворовые места используются под пашни⁵. Причиной запустения кварталов могли послужить события, связанные с разгромом города в ходе опричного похода Ивана IV. В Смутное время Тверь подверглась разорению польско-литовскими войсками. Пожар 1763 г. уничтожил центральную часть Твери. В связи с этим была разработана схема реконструкции Затьмацкой части города, утвержденная в 1777 г. Согласно плану Твери, составленному губернским землемером Петиним, на рубеже XVIII–XIX вв. в квартале, включающем исследуемый участок, существовало семь деревянных домов. Разбивку района на домовладения фиксирует схема начала 1840-х гг., по которой он разделяется на 14 дворовых мест одинаковой ширины. На протяжении XIX в. общая ситуация с планировкой здесь в целом не менялась (Лапшин, 2021. С. 22–24).

В ходе многолетнего археологического изучения Затьмацкого посада памятники нумизматики неоднократно обнаруживались в виде единичных находок и кладов, основная часть которых по опубликованным данным относится к XV–XVI вв.⁶ Значительный сегмент монет представлен медными пулами. Серебряные денежные знаки происходят в основном из составов депозитов (Новиков, Хухарев, 1999; Сафарова и др., 2009; Рудников, 2016; 2018; Богомолов, 2018).

⁵ Писцовая книга 1626 г. описывает следующую картину: «Через переулоч идуци в Татарскую улицу, по левой стороне 4 места черных, а ниже пашет посадский человек Янка Елизарьев из оброку, а оброк дает Государю; место пусто владычня сына боярского посника Бабкина; два черных места пусты...» (Выпись..., 1901. С. 105). Письменные источники 80-х гг. XVII в. сообщают уже о довольно плотной застройке на Затьмачье, однако многие дворовые места по-прежнему оставались заброшенными и использовались в качестве пашен (Лапшин, 2021. С. 21, 22).

⁶ Территория, примыкающая к исследуемому экспедицией ИИМК РАН участку, неоднократно подвергалась археологическим раскопкам (Лапшин, 2021. С. 25, 26). Нумизматический материал, полученный в ходе этих работ, опубликован не был.

Ул. Ефимова, д. 32

Наиболее масштабные работы экспедиции ИИМК РАН в 2020 г. на Затъмачье проводились по адресу: ул. Ефимова, д. 32. Раскоп имел П-образную форму и был разделен на пять секторов, каждый из которых для удобства фиксации разграничивался на четыре-пять участков. Верхние нестратифицированные отложения второй четверти XX — начала XXI в., представленные в основном строительным и бытовым мусором, связанным с возведением и функционированием существовавшего здесь здания больницы, на всей площади раскопа удалялись при помощи техники.

Зачистка сектора I на отметках 130,17–130,38 м БС показала значительное повреждение культурного слоя, вызванное активной хозяйственной деятельностью⁷ второй половины XX — начала XXI в. Нетронутые напластования сохранились на небольших «островках» среди фундаментов и коммуникационных траншей, площадь которых оказалась мала для выделения четкой стратификации.

Анализ слоя, лежащего на отметках 130,0–129,8 м БС, также показал значительные нарушения его структуры поздними перекопами (*Липшин*, 2021. С. 36–38). Здесь было найдено большое пуло Городенского удельного княжества времени правления Бориса Александровича Г-367⁸, маленькие пула Твери Г-359 и Москвы Г-405, а также копейка 1911 г. (табл. 1, № 1–4; рис. 1, 1–3).

В мешаных напластованиях, зафиксированных на отметках 129,8–129,6 м БС, обнаружены тверские пула Бориса Александровича Г-132, Михаила Борисовича Г-167 и Ивана Васильевича Г-362 (табл. 1, № 5–7; рис. 1, 4, 5).

В пределах сектора I на глубине 129,83–129,89 м БС был выявлен объект № 1-2 в виде пятна темно-коричневой гумусированной супеси, образовавшийся поверх котлована построек № 1, 2, 3, представляющий переотложенные разновременные слои (*Там же*. С. 72). С данным комплексом связаны находки одного большого, трех

маленьких тверских пул, новгородской копейки Ивана IV и медной полушки Петра I (табл. 1, № 8–13; рис. 1, 6–9).

В заполнении траншеи № 4 с остатками керамических труб на дне в переотложенном состоянии зарегистрирована ½ копейки 1899 г. (*Там же*. С. 75). Денга Павла I обнаружена при контрольной проверке отвала (табл. 1, № 14, 15).

В пределах сектора II зачистка на отметках 129,57–130,03 м БС позволила установить значительные нарушения структуры культурного слоя⁹. Общая площадь незатронутых перекопами напластований оказалась недостаточна для выделения четкой стратификации (*Там же*. С. 38–40).

К горизонту, лежащему на отметках 130,0–129,8 м БС, относятся тверские пула Бориса Александровича Г-129, Михаила Борисовича Г-250 и подражания большому пулу Г-104 (табл. 1, № 16–18; рис. 1, 10–12). Данный фальсификат отчеканен на прямоугольной заготовке, вырезанной из листа меди. Одна из его сторон несет изображение знака, напоминающего букву Д с точками по сторонам.

По мнению П. Г. Гайдукова, такие монеты, скорее всего, являются неумелыми подражаниями пулам первых вариантов типа с буквой Д. Определение их хронологии затруднительно (*Гайдуков*, 1993. С. 51, 162). В. В. Хухарев указывает, что в годы правления Бориса Александровича в денежном производстве Твери господствовала техника вырезки монетных пластин из листов меди, а в символике активно использовалась буква Д (*Хухарев*, 1997. С. 253). Б. Н. Гришин и С. В. Осипов отмечают, что находки подражаний данного рода широко распространены, а их топография тяготеет к Старице и ее округе (*Гришин, Осипов*, 2003; *Осипов*, 2005. С. 112–113).

Из структуры рассматриваемого горизонта происходят также три маленьких пула,

⁹ В квадратах К 25–35, К–Л 28, И–К 23–24, Е–К 25, Е–К 26–27, Е 23–29, Д 27–35, Д–К 35, З–Ж 28, З–Ж 29–32, Е 32, Е 34 были выявлены остатки ленточного фундамента и стен больницы. В квадратах К 35–37, Д–К 37 был обнаружен фундамент пристройки к зданию больницы, сложенный из бетонных блоков. В квадратах Д–Л 35–37 был выявлен перекоп бетонного фундамента. В квадратах Г–Е 25–27, И–К 28–29, Л–К 28–34 были выявлены перекопы траншей коммуникаций. В квадратах Б³–Г 23–37 были обнаружены границы раскопа 2008–2009 гг. Поскольку территория раскопа 2009 г. была исследована полностью, было принято решение об отсутствии необходимости проведения здесь земляных работ.

⁷ В квадратах Л–Х 28, Т–С 25–28, Л–С 25, Х 25, М 25–28, У–Х 26 были выявлены остатки ленточного фундамента и стен больницы. В квадратах Л–М 25–28, Л–Н 28–35, П–Р 28–35, Л–Х 29–30, Н–Х 33–34, Ф–Х 30–32 зафиксированы перекопы траншей коммуникаций. На пересечениях траншей находились колодцы, сложенные из железобетонных колец или красного кирпича.

⁸ Здесь и далее типы пул указаны по классификации П. Г. Гайдукова (*Гайдуков*, 1993).

Рис. 1. Нумизматические находки, обнаруженные в ходе археологических раскопок в Твери в 2020 г. Ул. Ефимова: 1–8, 10, 11, 13, 14 — пула; 9 — копейка; 12 — подражание пулу. 1–8, 10–14 — медный сплав; 9 — серебро

Fig. 1. Numismatic finds recovered during archaeological excavations in Tver in 2020, Yefimova ul.:

1–8, 10, 11, 13, 14 — pulo; 9 — kopeck; 12 — imitation of pulo. 1–8, 10–14 — copper alloy; 9 — silver

отчеканенных в Твери Г-360, Москве Г-406, «княжеская» денга Ивана IV и серия монет Российской империи XVIII в. (табл. 1, № 19–25; рис. 1, 13, 14).

В напластованиях, лежащих на отметках 129,8–129,4 м БС, найдены тверские пула: большое Михаила Борисовича Г-52–55 и маленькие типов Г-357, Г-358, Г-413¹⁰. Продукции Московского денежного двора принадлежит пула Г-407. Еще один экземпляр имеет плохую сохранность и может быть маленьким пулом или подражанием ему (табл. 1, № 26–32; рис. 2, 1–5).

В отвале ямы 97 обнаружено тверское пуло Г-359 (табл. 1, № 33; рис. 2, 6). Датирующий

¹⁰ П. Г. Гайдуков условно отнес такие монеты к продукции Московского денежного двора (Гайдуков, 1993. С. 68, 204). В. В. Зайцев полагает, что пула данной разновидности изготавливались в Твери с начала XVI в., возможно, еще при жизни Ивана III (Зайцев, 2006. С. 42).

материал, связанный с данным объектом, позволяет говорить о его разновременном бытовании: не ранее конца XV — XVI и XVII–XVIII вв. (Лапшин, 2021. С. 154, 155). Зафиксированная здесь монета может выступать датирующим источником, маркируя культурный слой XVI в.

С заполнением двух траншей связаны находки тверского пула Г-360 и полушки 1735 г. При контрольной проверке отвала удалось обнаружить тверские пула Г-87, Г-361, сломанную пополам полушку XVI–XVII вв. и копейку 1873 г. (табл. 1, № 34–39; рис. 2, 7–9).

Зачистка сектора III, проведенная на уровне 129,55–129,95 м БС, показала значительное нарушение структуры культурного слоя¹¹.

¹¹ В квадратах Д 15–23, Д-К 16–17, Ж-З 15–23, И-К 17–23, Д-К 23, Е-Ж 17–18, Е 20 были выявлены остатки ленточного фундамента и стен больницы. В квадратах И-К 15 обнаружен фундамент пристройки к зданию больницы, сложенный из бетонных блоков.

Рис. 2. Нумизматические находки, обнаруженные в ходе археологических раскопок в Твери в 2020 г. Ул. Ефимова: 1–11, 13, 14 — пула; 12 — подражание пулу. 1–14 — медный сплав

Fig. 2. Numismatic finds recovered during archaeological excavations in Tver in 2020, Yefimova ul.: 1–11, 13, 14 — pulo; 12 — imitation of a pulo. 1–14 — copper alloy

Планиграфическая ситуация, зафиксированная на отметках 129,6–129,4 м БС, серьезных изменений не претерпела. В центральной и южной частях сектора появились аморфные пятна коричневой супеси. Остальную площадь по-прежнему занимали нестратифицированные отложения (Там же. С. 40–43). С напластованиями этого горизонта связана находка тверского пула типа Г-360 и ½ копейки 1898 г. (табл. 1, № 40, 41).

Зачистка на отметке 129,4 м БС позволила проследить внутри конструкции фундамента больницы слой, предварительно датируемый второй половиной XIX — первой половиной XX в., состоящий из коричневой супеси с включением кирпичной крошки. На остальной площади по-

прежнему преобладали нестратифицированные напластования. При исследовании горизонта, лежащего на уровне 129,4–129,2 м БС, найдены тверские пула Михаила Борисовича Г-261, Ивана IV Г-358, Г-360 и подражание маленькому пулу, а также две монеты времени правления Николая II (табл. 1, № 42–47; рис. 2, 10–12).

В. В. Зайцев указывает, что наиболее благоприятный момент для появления кустарных имитаций маленьких пул приходится на время подготовки и проведения денежной реформы Елены Глинской, так как в это время денежные дворы были заняты переделом «заповедных» монет из серебра (Зайцев, 1995а. С. 47; 1995б. С. 27). Во время правления Василия III чеканка пул в Москве была эпизодической, отчасти по причине присутствия в это время в денежном обращении большого числа экземпляров, чеканенных вне государственных денежных дворов (Зайцев, 2019а. С. 179).

В структуре горизонта, зафиксированного на отметках 129,2–129,0 м БС, преобладал слой

В квадратах А–Г 14–23 были обнаружены границы раскопа 2008–2009 гг. Поскольку территория раскопа 2009 г. была исследована полностью, принято решение об отсутствии необходимости проведения здесь земляных работ.

Рис. 3. Нумизматические находки, обнаруженные в ходе археологических раскопок в Твери в 2020 г. Ул. Ефимова: 1–9, 11–14 — пула; 10 — подражание пулу; 15 — денга; 16 — копейка. 1–14 — медный сплав; 15, 16 — серебро

Fig. 3. Numismatic finds recovered during archaeological excavations in Tver in 2020, Yefimova ul.

1–9, 11–14 — pulo; 10 — imitation of a pulo; 15 — denga; 16 — kopeck. 1–14 — copper alloy; 15, 16 — silver

коричневой супеси с локальными включениями кирпичной крошки. Здесь были найдены большие пула Великого княжества Тверского эмиссии Ивана Михайловича Г-67¹², Бориса Александровича Г-81 и Михаила Борисовича Г-293 (табл. 1, № 48–51; рис. 2, 13, 14; 3, 1, 2). Маленькие пула принадлежали типам Г-257 и Г-360 (табл. 1, № 52–54; рис. 3, 3). Серия младших монет представлена ½ копейки серебром 1840 г. Николая I, тремя пфеннигами 1860 г. Фридриха Вильгельма IV и одной копейкой 1903 г. Николая II (табл. 1, № 55–57).

Еще пять монет — полушка 1736 г., денга 1768 г., копейка серебром 1835 г., ½ копейки

¹² П. Г. Гайдуков отметил, что часть таких монет отчеканена на литых заготовках (Гайдуков, 1993. С. 43, 45, 46). В. В. Хухарев указывает на существование экземпляров с рогой личиной, полностью изготовленных по технологии литья, характерной для раннего этапа производства монет в Твери и Городенском удельном княжестве (Хухарев, 2013).

1894–1915 гг. и полкопейки 1925 г. — найдены при разборе заполнения материковых ям XIX — начала XX в. (Лапшин, 2021. С. 119, 120, 231, 248, 249). В ходе контрольной проверки отвала раскопа обнаружены две копейки 1812 г. (табл. 1, № 58–63).

Зачистка сектора IV на отметках 129,06–129,17 м БС показала присутствие на значительной площади перекопа XX в.¹³ (Там же. С. 42–47). В мешаных напластованиях, зафиксированных на уровне 129,0–129,2 м БС, найдены два маленьких пула, выпущенных в Москве Г-405 и Твери Г-358,

¹³ В квадратах Д-Л 99, З 1–2, Д-И 3, З-Л 6–7, Д-Е 5–6, З-Л 8, Д-К 9, Д-К 12, И-К 10–11, Д 99–13 был обнаружен фундамент пристройки к зданию больницы, сложенный из бетонных блоков. В квадратах А'-Г 4–13 были обнаружены границы раскопа 2008–2009 гг. Поскольку территория раскопа 2009 г. была исследована полностью, было принято решение об отсутствии необходимости проведения здесь земляных работ.

а также монеты Российской империи и СССР (табл. 1, № 64–69; рис. 3, 4).

В слое, лежащем на высотах 129,0–128,8 м БС, перекопы выявлены между фундаментными траншеями и в квадратах К–Л 2–8. Остальное пространство занимала коричневая супесь с локальными включениями кирпичной крошки предположительно второй половины XIX — первой половины XX в. С данным горизонтом связаны находки тверского пула Г-358, одной копейки 1913 г. и ½ копейки 1914 г. (табл. 1, № 70–72).

Напластования, лежащие на уровне 128,8–128,6 м БС, представлены в основном коричневой супесью с локальными включениями кирпичной крошки. Нестратифицированные отложения примыкали к конструкциям фундаментов. Здесь были найдены большие пула Великого княжества Тверского времени правления Бориса Александровича Г-131 и Михаила Борисовича Г-26, Г-259 (табл. 1, № 73–75; рис. 3, 5–7). Маленькие пула принадлежали чеканке Тверского Г-357, Г-358, Г-362 и Московского Г-410 денежных дворов. Атрибуция еще четырех маленьких пул или подражаний им оказалась невозможной по причине плохой сохранности. По времени обращения к группе медных монет примыкает серебряная псковская копейка Ивана IV (табл. 1, № 76–87; рис. 3, 8, 9). Младшие денежные знаки представлены копейкой 1898 г. и 15 копейками 1914 г. (табл. 1, № 88, 89).

Структура напластований, лежащих на отметках 128,6–128,4 м БС, оказалась аналогичной встреченной ранее. Отсюда происходят находки тверского пула Г-358, подражания маленькому пулу и пяти копейкам 1791 г. (табл. 1, № 90–92; рис. 3, 10).

Планиграфическая ситуация, зафиксированная на уровне 128,4–128,2 м БС, показала, что подавляющую площадь сектора занимает слой серой супеси, лежащий на материковой поверхности. В ходе его исследования были получены серия находок XIII–XVI вв., в том числе и маленькое тверское пуло Г-357. Монету можно рассматривать в качестве хронологического индикатора, маркирующего период XVI в. (табл. 1, № 93; рис. 3, 11).

В котловане постройки № 6, датированной концом XIX — серединой XX в., обнаружена ½ копейки 1898 г. С остатками постройки № 7 конца XIX — середины XX в. связана копейка 1905 г. Еще одна монета номиналом ½ копейки найдена при разборе сооружения № 8Б, время бытования которого определено концом XIX — началом XX в. Из заполнения ямы 358 происходят две копейки

1870 г. (табл. 1, № 94–97) (Лапшин, 2021. С. 264, 315–318, 319).

Также к составу нумизматической серии из сектора IV принадлежат полушки Екатерины II и Николая I, найденные в слое балласта, и большое пуло плохой сохранности, происходящее из запытки раскопа 2008–2009 гг. (табл. 1, № 98–100).

В ходе исследования сектора V удалось обнаружить маленькое пуло плохой сохранности или подражание ему, а также пять копеек образца 1867 г. Первая монета происходит из нестратифицированных отложений, вторая найдена в слое коричневой супеси второй половины XIX — первой половины XX в. (табл. 1, № 101–102). В заполнении ямы 398, датированной XIX — началом XX в., зарегистрирована серебряная копейка XVI–XVII вв., плохая сохранность которой не позволяет провести точную атрибуцию (Там же. С. 281).

Отсутствие среди находок сектора V прочего нумизматического материала позволяет не приводить здесь более подробное описание структуры культурного слоя (Там же. С. 47–50).

При зачистке материковой поверхности раскопа были зафиксированы три маленьких пула: тверское Г-358, московское Г-405 и новгородское Г-438 (табл. 1, № 104–106; рис. 3, 12).

В ходе контрольной проверки отвалов удалось получить пула Микулинского удельного княжества эмиссии Федора Михайловича Г-392, Твери Г-357, Г-358, Г-360, Новгорода Г-438, Москвы Г-405, а также московскую денгу и псковскую копейку Ивана IV. Младшие монеты представлены мелкими номиналами Российской империи и СССР (табл. 1, № 107–125; рис. 3, 13–16).

Значительное нарушение структуры культурного слоя, прослеженное во всех пяти секторах, затрудняет использование нумизматического материала для уточнения времени формирования выделенных горизонтов. В верхних напластованиях сектора I найдены монеты, выпущенные в XX, XVI и XV вв. В слое, зафиксированном с отметки 129,8 м БС, встречены два больших и одно маленькое пула без примеси поздних денежных знаков¹⁴. Внимания заслуживает «Объект 1», с которым связаны находки пяти монет XV–XVI вв. и только одной полушки 1719 г.

Похожая ситуация произошла при исследовании сектора II, где в напластованиях, лежащих на отметке 130,0–129,8 м БС, встречены разновременные монеты. Денежные знаки, найденные в нижних

¹⁴ Здесь имеются в виду монеты XVIII–XX вв.

слоях, в основном отчеканены и обращались в одно время. Таким образом, формирование горизонтов в пределах секторов I и II начиная с отметки 129,8 м БС, несмотря на мешаную структуру, на основании нумизматического материала можно отнести к XV–XVI вв.¹⁵

Анализ монет, найденных в секторе III, показывает присутствие разновременных экземпляров во всех горизонтах. Это позволяет отметить только общие временные рамки активного освоения участка, приходящиеся на XV–XVI и XIX вв. Денежные знаки, обнаруженные в материковых ямах XIX — начала XX в., по времени чеканки в основном тождественны бытованию объектов.

В двух верхних горизонтах сектора IV присутствуют разновременные нумизматические находки. В слоях, лежащих ниже отметки 128,8 м БС, зафиксированы три больших пула, одиннадцать маленьких пул или подражаний им, копейка Ивана IV и только две монеты Николая II, что может указывать на формирование этих напластований в XV–XVI вв.

Коллекция денежных знаков, полученная в ходе раскопок на улице Ефимова, позволяет говорить об активном освоении участка, попавшего в площадь раскопа не позже первой половины XV в. На это указывают находки тверских и микулинских пул Ивана Михайловича, Федора Михайловича и Бориса Александровича. Однако нельзя исключать и длительное бытование этих монет до выпадения из обращения¹⁶. Решение вопроса о продолжительности обращения больших пул, в частности после прекращения их производства, требует отдельного рассмотрения. Здесь мы отметим только несколько эпизодов, имеющих отношение к данной проблеме.

Сравнительно быстрый выход монет из оборота чаще всего связан с проведением денежных реформ, в ходе которых происходило массовое и быстрое изъятие у населения денежных знаков, как правило, в установленные сроки. Один из

наиболее масштабных выводов старой монеты из обращения произошел в ходе реформы Елены Глинской. Письменные источники, сообщающие о данном событии, упоминают средства расчета только из серебра (*Гайдуков*, 1993. С. 70; *Зайцев*, 1995б. С. 27). Данное обстоятельство послужило поводом считать, что медные пула XV в. не подлежали обмену и продолжали участвовать в мелких торговых сделках на протяжении следующего столетия наравне с малоформатными аналогами (*Векслер*, *Мельникова*, 1999. С. 141).

Решение вопроса, касающегося длительности обращения больших пул в XVI в., возможно на основании анализа состава закрытых монетных комплексов¹⁷. Один из них (вероятно, потерянный кошелек) был обнаружен при раскопках в Москве в 1998 г. В его состав входили тверские пула: крупноформатное Василия Ивановича, маленькие с изображением грифона вправо, а также полушка Василия III (*Зайцев*, 1999; *Зайцев*, *Бадретдинов*, 2019. С. 281). Структура находки указывает, что в денежном обращении уже в конце первого десятилетия XVI в. преобладали маленькие пула, а большие представлены экземплярами заключительного этапа их производства.

Еще один монетный комплекс, сформированный во второй половине 30-х гг. XVI в., был собран в ходе раскопок нижних ярусов мостовой, шедшей поверх плотины от Неглименского моста к Воскресенским воротам Китай-города. В его состав входили только маленькие московские и тверские пула, а также обрезанная денга (*Зайцев*, 1995б. С. 27; 2019а. С. 179, 180; *Векслер*, *Кондрашев*, 1997). Следующий пример, иллюстрирующий состав повседневного денежного обращения простонародной прослойки общества, представлен находкой кошелька, содержащего 21 тверское пуло Г-360, выпуск которых осуществлялся со второй половины 30-х по конец 50-х гг. XVI в. (*Гоняный*, *Зайцев*, 2021. С. 432).

Структура данных комплексов указывает, что активное вытеснение больших пул из обращения началось с введением в оборот их маленьких аналогов, чеканенных большими тиражами. Происходило ли намеренное изъятие казной тяжелых медных монет, например, для использования

¹⁵ Более ранний период формирования культурного слоя на основании нумизматических находок не прослеживается, однако он может быть выявлен за счет других хронологических индикаторов.

¹⁶ В. В. Зайцев и Н. Н. Бадретдинов опубликовали монетный комплекс, сформированный в начале 1490-х гг. из пул Михаила Борисовича (вторая половина 70-х — первая половина 80-х гг. XV в.), Ивана Ивановича и Василия Ивановича (*Зайцев*, *Бадретдинов*, 2019).

¹⁷ Материалы кладов, традиционно используемые для подобных задач, в случае с пулами привлекаться не могут, так как медные монеты в их состав попадали чрезвычайно редко.

в качестве сырьевой базы, пока остается неясным. Пула обладали низкой покупательной способностью и могли быстро выпадать из обращения, например, в виде обычных потерь. К средствам расчета из серебра у населения было более бережное отношение, о чем говорит количественное соотношение пул и денег, зафиксированное как в Твери, так и в других городах¹⁸. Интенсивная чеканка маленьких пул привела к тому, что к концу 30-х — началу 40-х гг. XVI в. русское денежное устройство полностью очистилось от многообразия медных монет, чеканенных в XV — первой трети XVI в., а также от всякого рода кустарных подделок (Зайцев, 2019а. С. 179, 180).

Здесь следует упомянуть публикации В. В. Хухарева, в которых, по мнению их автора, представлены археологические комплексы, подтверждающие длительное бытование больших пул после прекращения их производства¹⁹ (Хухарев, 1997; 2001. С. 280). В качестве примера указывается постройка № 6, исследованная на территории Тверского кремля в 1991 г. В ее котловане найдены большое пуло Ивана Михайловича, маленькое тверское пуло Г-360 и две «княжеские» денги Ивана IV. Однако отсутствие в статье (Хухарев, 1997) описания характера культурного слоя²⁰, в котором были зарегистрированы денежные знаки, делает вывод о длительном (не менее столетия) бытовании большого пула сомнительным. Более вероятным кажется его попадание к поздним монетам в результате засыпки котлована грунтом раннего времени, который, как правило, брался с прилегающей территории. Аналогичная ситуация была неоднократно прослежена в ходе раскопок в Твери и других

пунктах (Смирнов и др., 2018. С. 283–285; Сафарова и др., 2019. С. 196–200). К сожалению, подобное критическое суждение можно отнести и к другим комплексам, на которые ссылается В. В. Хухарев (Хухарев, 2001. С. 280).

В вопросе определения времени бытования маленьких пул А. В. Быков полагает, что экземпляры, изготовленные в XVI в., оставались в обращении на протяжении всего следующего столетия (Быков, 1988). С таким утверждением не согласился П. Г. Гайдуков, считая, что медные монеты полностью исчезли из оборота в конце XVI в. (Гайдуков, 1993. С. 73). В. В. Зайцев привел надежную аргументацию окончательного исчезновения из русской монетной системы пул в период Смутного времени по причине их полного обесценивания²¹ в результате продовольственного кризиса и голода 1602–1603 гг. (Зайцев, 2018. С. 181, 182).

Таким образом, выпадение из обращения найденных в ходе раскопок на улице Ефимова больших пул происходило, вероятнее всего, на протяжении XV в. Находки маленьких пул и многочисленных серебряных монет могут маркировать период с конца XV в. по Смутное время, хотя, скорее всего, их выход из оборота произошел не позже разгрома Твери опричными войсками Ивана Грозного в 1569 г. Косвенно об этом свидетельствует отсутствие среди монетных находок экземпляров, выпущенных, например, в годы правления Бориса Годунова, когда чеканка носила чрезвычайно интенсивный характер (Мельникова, 2003. С. 8).

Отсутствие среди обнаруженных артефактов монет XVII в. отражает ситуацию, изложенную в письменных источниках, сообщающих о запустении и использовании под пашни в это время значительной территории Затьмачья²². Нумизматический материал указывает, что активная жизнь в пределах исследованной раскопками 2020 г. площади, не связанная с ее сельскохозяйственным использованием, началась только с 40-х гг. XIX в.

¹⁸ Показательно соотношение количества находок серебряных копеек и пул, полученных при археологических раскопках Романова двора, когда в горизонте 2 на две копейки Ивана IV пришлось 86 пул, то есть 1 : 43 (Гайдуков, Кренке, 2009. С. 103, 104).

¹⁹ Ссылки на мнение В. В. Хухарева о длительном обращении больших пул в XVI в. получили распространение в работах по нумизматике (Волков, 2017. С. 155).

²⁰ Из публикации В. В. Хухарева неясно, в культурном слое какого этапа бытования постройки № 6 (период строительства, функционального использования, гибели в пожаре, засыпки котлована в ходе нивелировки площади) найдены монеты.

²¹ Цены на хлеб в центральных районах страны к 1603 г. выросли более чем в 20 раз.

²² Находки монет XVII в. (в частности, и медные копейки Алексея Михайловича) как будто не встречаются (или найдены в небольшом количестве) в ходе других раскопок на Затьмацком посаде.

Таблица 1. Коллекция монет из раскопок в Твери на ул. Ефимова, д. 32 в 2020 г.
Table 1. Collection of coins from excavations in 2020 in Tver Yefimova Str., house 32

№ п/п	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки	Металл	Вес, г	Тип	№ по/п	Кв.	Объект / слой (горизонт)
Сектор I										
1	Городенское удельное княжество / Борис Александрович	Пуло	1425–1461	Городен	Медь	—	Г ¹ -367	1	Ф 130	— / 130+
2	Великое княжество Всея Руси / Василий III	Пуло	Ок. 1510 — начало 1530-х	Тверь	Медь	0,270	Г-359	66	Х 26	— / 129,8–130,0
3	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1536 — 1560-е	Москва	Медь	—	Г-405	14	Н 30	— / 129,8–130,0
4	Российская империя / Николай II	1 копейка	1911	С.-Петербург	Медь	—	У ² -3932	37	Н 33	— / 129,8–130,0
5	Великое княжество Тверское / Борис Александрович	Пуло	Ок. 1425–1461	Тверь	Медь	—	Г-132	80	М 33	— / 129,6–129,8
6	Великое княжество Тверское / Михаил Борисович	Пуло	Ок. 1474–1479	Тверь	Медь	0,800	Г-167	172	С 29	— / 129,6–129,8
7	Русское царство / Иван IV	Пуло	Конец 1550-х — 1560-е	Тверь	Медь	0,350	Г-362?	96	М 31	— / 129,6–129,8
8	Великое княжество Тверское / Михаил Борисович	Пуло	Ок. 1461–1473	Тверь	Медь	1,150	Г-28	145	Х 25	Объект 1 / Заполнение
9	Великое княжество Всея Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — начало 1510-х	Тверь	Медь	—	Г-357?	166	—	Объект 1 / Отвал
10	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1535 — конец 1550-х	Тверь	Медь	—	Г-360	167	—	Объект 1 / Отвал
11	Русское царство / Иван IV	Пуло	Конец 1550-х — 1560-е	Тверь	Медь	—	Г-361	163	—	Объект 1 / Отвал
12	Русское царство / Иван IV	Копейка	1540–1547	Новгород	Серебро	—	ГКХ ³ -5	164	—	Объект 1 / Отвал
13	Российская империя / Петр I	Полушка	1719	Москва, Набережный двор?	Медь	—	У-2413	131	Ф 28	Объект 1 / Заполнение
14	Российская империя / Николай II	½ копейки	1899	С.-Петербург	Медь	—	У-3878	170	—	Траншея 4 / Заполнение
15	Российская империя / Павел I	1 денга	1798	Екатеринбург	Медь	—	У-2966	266	Х-Г 29	— / Отвал
Сектор II										
16	Великое княжество Тверское / Борис Александрович	Пуло	Ок. 1425–1461	Тверь	Медь	1,270	Г-129	43	К 26	— / 129,8–130,0

Таблица 1, продолжение

№ п/п	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки	Металл	Вес, г	Тип	№ п/оп.	Кв.	Объект / слой (горизонт)
17	Великое княжество Тверское / Михаил Борисович	Пуло	Ок. 1480–1485	Тверь	Медь	0,600	Г-250	38	Е 30	— / 129,8–130,0
18	Подражание Борису Александровичу или Михаилу Борисовичу пулу	Подражание пулу	2-я пол. XV в. (?)	Тверь?	Медь	1,380	Г-104	40	Ж 31	— / 129,8–130,0
19	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1535 — конец 1550-х	Тверь	Медь	0,315	Г-360	42	Е 30	— / 129,8–130,0
20	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1535 — конец 1550-х	Тверь	Медь	0,330	Г-360	54	3 32	— / 129,8–130,0
21	Великое княжество Всея Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1505–1520	Москва	Медь	0,390	Г-406	53	3 34	— / 129,8–130,0
22	Великое княжество Всея Руси / Иван IV	Денга	Ок. 1535–1547	Москва	Серебро	0,310	?	48	К 26	— / 129,8–130,0
23	Российская империя / Петр I	Полушка	1722	Москва, Кадашевский двор	Медь	—	У-2424	44	И 31	— / 129,8–130,0
24	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга ⁴	1731 (?)	Москва, Красный двор	Медь	—	У-2485	63	Е 31	— / 129,8–130,0
25	Российская империя / Елизавета Петровна	Полушка	1754	Москва, Красный двор	Медь	—	У-2545	72	Е 29	— / 129,8–130,0
26	Великое княжество Всея Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — начало 1510-х	Тверь	Медь	0,410	Г-357	109	Д 28	— / 129,8–130,0
27	Великое княжество Всея Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1485–1535	Москва	Медь	0,290	Г-407	140	И 32	— / 129,8–130,0
28	Маленькое пуло плохой сохранности или подражание маленькому пулу		Конец XV в. — 1570-е	?	Медь	0,250	?	108	Е 29	— / 129,8–130,0
29	Великое княжество Тверское / Михаил Борисович	Пуло	Ок. 1480–1485	Тверь	Медь	—	Г-52-55	201	Д 24	— / 129,6–129,8
30	Великое княжество Всея Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — начало 1510-х	Тверь	Медь	0,430	Г-357	281	Г 25	— / 129,6–129,8
31	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	1530–1540-е	Тверь	Медь	0,420	Г-358	282	Г 25	— / 129,8, зачистка
32	Великое княжество Всея Руси	Пуло	Ок. 1-й трети XVI в.	Тверь	Медь	0,320	Г-413	274	Г 24	— / 129,4–129,6
33	Великое княжество Всея Руси / Василий III	Пуло	Ок. 1510 — начало 1530-х	Тверь	Медь	0,290	Г-359	288	—	Яма 97 / Отвал
34	Российская империя / Анна Иоанновна	Полушка	1735	Москва, Плащильная мельница	Медь	—	У-2494	191	К 29	Фундамент, траншея / Заполнение

Таблица 1, продолжение

№ п/п	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, г.	Место чеканки	Металл	Вес, г	Тип	№ п/оп.	Кв.	Объект / слой (горизонт)
35	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1535 — конец 1550-х	Тверь	Медь	0,495	Г-360	256	К 32	Траншея 1 / Перекоп
36	Великое княжество Тверское / Борис Александрович	Пуло	1425–1461	Тверь	Медь	—	Г-87	180	3 26	— / Отвал
37	Русское царство / Иван IV	Пуло	Конец 1550-х — 1560-е	Тверь	Медь	—	Г-361	65	И 31–32	— / Отвал
38	Великое княжество Всея Руси. Русское царство	Полушка?*	XVI–XVII вв.	?	Серебро	0,105	?	247	Г 28	— / Отвал
39	Российская империя / Александр II	1 копейка	1873	Екатеринбург	Медь	—	У-3745	189	Е 26	— / Отвал
Сектор III										
40	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1535 — конец 1550-х	Тверь	Медь	0,280	Г-360	376	3 19	— / 129,4–129,6
41	Российская империя / Николай II	½ копейки	1898	С.-Петербург	Медь	—	У-3882	356	Ж 21	— / 129,4–129,6
42	Великое княжество Тверское / Михаил Борисович	Пуло	Ок. 1480–1485	Тверь	Медь	0,620	Г-261 ?	709	Д 17	— / 129,2–129,4
43	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	1530–1540-е	Тверь	Медь	0,385	Г-358	383	Е 21	— / 129,2–129,4
44	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1535 — конец 1550-х	Тверь	Медь	0,350	Г-360	393	Д 14	— / 129,2–129,4
45	Подражание маленькому пулу		Конец XV в. — 1570-е	?	Медь	0,285	—	382	3 20	— / 129,2–129,4
46	Российская империя / Николай II	½ копейки	1899	С.-Петербург	Медь	—	У-3887	407	3 23	— / 129,2–129,4
47	Российская империя / Николай II	½ копейки	1909	С.-Петербург	Медь	—	У-3922	395	Д 17	— / 129,2–129,4
48	Великое княжество Тверское / Иван Михайлович	Пуло	Ок. 1413–1425	Тверь	Медь	1,670	Г-67	411	Г 18	— / 129,0–129,2
49	Великое княжество Тверское / Иван Михайлович	Пуло	Ок. 1413–1425	Тверь	Медь	2,285	Г-67	429	Ж 17	— / 129,0–129,2
50	Великое княжество Тверское / Борис Александрович	Пуло	Ок. 1425–1461	Тверь	Медь	1,310	Г-81	437	Е 17	— / 129,0–129,2
51	Великое княжество Тверское / Михаил Борисович	Пуло	Ок. 1480–1485	Тверь	Медь	0,530	Г-293	424	Ж 16	— / 129,0–129,2
52	Великое княжество Всея Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — начало 1510-х	Тверь	Медь	0,285	Г-357	426	Е 19	— / 129,0–129,2
53	Великое княжество Всея Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — начало 1510-х	Тверь	Медь	0,535	Г-357 ?	444	Е 19	— / 129,0–129,2

Таблица 1, продолжение

№ п/п	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, г.	Место чеканки	Металл	Вес, г	Тип	№ п/оп.	Кв.	Объект / слой (горизонт)
54	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1535 — конец 1550-х	Тверь	Медь	0,330	Г-360	422	3 16	— / 129,0–129,2
55	Российская империя / Николай I	½ копейки серебром	1840	Колпино	Медь	—	У-3406	441	Е 19	— / 129,0–129,2
56	Российская империя / Николай II	1 копейка	1903	С.-Петербург	Медь	—	У-3902	412	Г 21	— / 129,0–129,2
57	Пруссия / Фридрих Вильгельм IV	3 пфеннига	1860	Берлин	Медь	—	—	460	Ж 14	— / 129,0–129,2
58	Российская империя / Анна Иоанновна	Полушка	1736	Екатеринбург	Медь	—	У-2498	529	Ж 21	Яма 252 / —
59	Российская империя / Николай II	½ копейки	1894–1915	?	Медь	—	?	639	—	Яма 277 / Заполнение
60	Российская империя / Екатерина II	Денга	1768 (?)	Екатеринбург	Медь	—	У-2707	582	3 14	Яма 317 / —
61	Российская империя / Николай I	1 копейка	1835 (?)	Екатеринбург	Медь	—	У-3330	544	Г 14	Яма / —
62	СССР	Полкопейки	1925	—	Медь	—	—	547	3 14	Яма / —
63	Российская империя / Александр I	2 копейки	1812	?	Медь	—	?	754	Г-Ж 14–15	— / Отвал
Сектор IV										
64	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1536 – 1560-е	Москва	Медь	0,330	Г-405	535	В 1	— / 129,2–129,4
65	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	1530–1540-е	Тверь	Медь	0,370	Г-358	568	Г 6	— / 129,0–129,2
66	Российская империя / Павел I	1 денга	1797	Екатеринбург	Медь	—	У-2950	567	Г 6	— / 129,0–129,2
67	Российская империя / Александр II	5 копеек	1868	Екатеринбург	Медь	—	У-3689	664	И 5	— / 129,0–129,2
68	Российская империя / Николай II	2 копейки	1914	С.-Петербург	Медь	—	У-3944	566	3 4	— / 129,0–129,2
69	СССР	3 копейки	1924	—	Медь	—	—	569	Г 12	— / 129,0–129,2
70	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	1530–1540-е	Тверь	Медь	0,230	Г-358	715	Л 1	— / 128,8–129,0
71	Российская империя / Николай II	1 копейка	1913	С.-Петербург	Медь	—	У-3941	624	Г 6	— / Отвал, 128,8–129,0
72	Российская империя / Николай II	½ копейки	1914	С.-Петербург	Медь	—	У-3946	594	Г 9	— / 128,8–129,0
73	Великое княжество Тверское / Борис Александрович	Пуло	Ок. 1425–1461	Тверь	Медь	1,000	Г-131	599	Д 8	— / 128,6–128,8
74	Великое княжество Тверское / Михаил Борисович	Пуло	Ок. 1461–1466	Тверь	Медь	0,955	Г-26	595	Г 11	— / 128,6–128,8

Таблица 1, продолжение

№ п/п	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, г.	Место чеканки	Металл	Вес, г	Тип	№ п/оп.	Кв.	Объект / слой (горизонт)
75	Великое княжество Тверское / Михаил Борисович	Пуло	Ок. 1480–1485	Тверь	Медь	0,750	Г-259 ?	709	Е 13	— / 128,6–128,8
76	Великое княжество Всея Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — начало 1510-х	Тверь	Медь	0,420	Г-357	720	К 1	— / 128,6–128,8
77	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	1530–1540-е	Тверь	Медь	0,245	Г-358	602	Г 3	— / 128,6–128,8
78	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	1530–1540-е	Тверь	Медь	0,175	Г-358	597	Г 6	— / 128,6–128,8
79	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	1530–1540-е	Тверь	Медь	0,395	Г-358	722	И 1	— / 128,6–128,8
80	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	1530–1540-е	Тверь	Медь	0,145	Г-358 ?	587	Д 3	— / 128,6–128,8
81	Русское царство / Иван IV	Пуло	1560-е	Тверь	Медь	0,275	Г-362	723	И 4	— / 128,6–128,8
82	Великое княжество Всея Руси / Василий III	Пуло	Ок. 1510–1533	Москва	Медь	0,245	Г-410	721	К 1	— / 128,6–128,8
83	Русское Царство / Иван IV	Копейка	1570-е	Псков	Серебро	0,630	ГКХ-27?	600	Г 13	— / 128,6–128,8
84	Маленькое пуло плохой сохранности или подражание маленькому пулу		Конец XV в. — 1570-е	?	Медь	0,275	?	596	Г 10	— / 128,6–128,8
85	Маленькое пуло плохой сохранности или подражание маленькому пулу		Конец XV в. — 1570-е	?	Медь	0,285	—	717	И 2	— / 128,6–128,8
86	Маленькое пуло плохой сохранности или подражание маленькому пулу		Конец XV в. — 1570-е	?	Медь	0,255	—	718	И 2	— / 128,6–128,8
87	Маленькое пуло плохой сохранности или подражание маленькому пулу		Конец XV в. — 1570-е г.	?	Медь	0,225	—	603	Д 4	— / 128,6–128,8
88	Российская империя / Николай II	1 копейка	1898	С.-Петербург	Медь	—	У-3881	608	Г 2	— / 128,6–128,8
89	Российская империя / Николай II	15 копеек	1914	С.-Петербург	Серебро	—	У-2211	617	Б 9	— / 128,6–128,8
90	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	1530–1540-е	Тверь	Медь	0,245	Г-358 ?	640	Г 11	— / 128,4–128,6
91	Подражание маленькому пулу		Конец XV в. — 1570-е	?	Медь	0,295	—	751	3 7	— / 128,4–128,6
92	Российская империя / Екатерина II	5 копеек	1791	Екатеринбург	Медь	—	У-2840	749	Е 9	— / 128,4–128,6
93	Великое княжество Всея Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — начало 1510-х	Тверь	Медь	0,360	Г-357	763	Ж 7	— / 128,2–128,4

Таблица 1, продолжение

№ п/п	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки	Металл	Вес, г	Тип	№ по/п	Кв.	Объект / слой (горизонт)
94	Российская империя / Николай II	½ копейки	1898	С.-Петербург	Медь	—	У-3882	724	—	Постройка 6 / Из-под основания печи
95	Российская империя / Николай II	1 копейка	1905	С.-Петербург	Медь	—	У-3908	655	—	Постройка 7 / —
96	Российская империя / Николай II	½ копейки	1897	С.-Петербург	Медь	—	У-3877	736	—	Постройка 8Б / —
97	Российская империя / Александр II	2 копейки	1870	Екатеринбург	Медь	—	У-3717	725	—	Яма 358 / —
98	Российская империя / Николай I	Полушка	1850 (?)	?	Медь	—	?	531	Ж 5	— / Балласт
99	Российская империя / Екатерина II	Полушка	1790	Екатеринбург	Медь	—	У-2838	696	Е 10	— / Отвал
100	Пуло большое ?		? — конец XV в.	?	Медь	0,560	?	543	Б 4	Перекоп старого раск.опа / —
Сектор V										
101	Маленькое пуло плохой сохранности или подражание маленькому пулу		Конец XV в. — 1570-е	?	Медь	0,300	—	782	М 1	— / 129,0–129,2
102	Российская империя / ?	5 копеек	1867–1917	?	Медь	—	?	830	Х 8	— / 128,6–128,8
103	Русское царство / ?	Копейка	XVI–XVII вв.	?	Медь	0,280	?	814	У 2	Яма 398 / Заполнение
Монеты без точной топографической привязки										
104	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	1530–1540-е	Тверь	Медь	0,255	Г-358	270	—	Участок с пятнами ям / Зачистка по материке
105	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1535/38–1575	Новгород	Медь	0,360	Г-438	268	—	Участок с пятнами ям / Зачистка по материке
106	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1536–1560-е	Москва	Медь	0,465	Г-405	269	—	Участок с пятнами ям / Зачистка по материке
107	Микулинское удельное княжество / Федор Михайлович	Пуло	Ок. 1410–1426	Микулин	Медь	1,225	Г-392	631	—	— / Отвал
108	Великое княжество Всея Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — начало 1530-х	Тверь	Медь	0,385	Г-357	245	—	Линия 37 / Отвал
109	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	1530–1540-е	Тверь	Медь	0,365	Г-358	104	—	— / Отвал, 129,8–130,0

Таблица 1, окончание

№ п/п	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки	Металл	Вес, г	Тип	№ п/оп.	Кв.	Объект / стой (горизонт)
110	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1535 — конец 1550-х	Тверь	Медь	0,280	Г-360	760	—	— / Отвал
111	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1536–1560-е	Москва	Медь	0,405	Г-405	103	—	— / Отвал, 129,8–130,0
112	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1535/38–1575	Новгород	Медь	0,340	Г-438	246	—	Линия 37 / Отвал
113	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1535/38–1575	Новгород	Медь	0,130	Г-438	233	—	— / Отвал
114	Русское царство / Иван IV	Денга	Ок. 1547–1555	Москва	Медь	0,330	ГКХ-73	229	—	— / Отвал
115	Русское царство / Иван IV	Копейка	Ок. 1555–1570	Псков	Медь	0,630	ГКХ-26	101	—	— / Отвал, 129,8–130,0
116	Российская империя / Екатерина II	Полушка	1768	Екатеринбург	Медь	—	У-2708	244	—	Линия 37 / Отвал
117	Российская империя / Николай I	1 копейка	1835	?	Медь	—	?	581	—	— / 129,8–130,0
118	Российская империя / Николай I	½ копейки серебром	1840	Коплино	Медь	—	У-3406	492	—	— / Отвал
119	Российская империя / Николай I	½ копейки серебром	1840	Коплино	Медь	—	У-3406	493	—	— / Отвал, 129,4–129,6
120	Российская империя / Николай I	1 копейка серебром ⁶	1839–1847	?	Медь	—	?	634	—	— / Отвал
121	Российская империя / Александр II	2 копейки	1854?	Екатеринбург	Медь	—	У-3529	228	—	—
122	Российская империя / Николай II	5 копеек	1900	С.-Петербург	Медь	—	У-2117	495	—	— / Отвал
123	Российская империя / Николай II	20 копеек	1901	С.-Петербург	Медь	—	У-2123	632	—	— / Отвал
124	Российская империя / Николай I	1 копейка серебром	1840	?	Медь	—	?	286	—	— / Балласт
125	СССР	2 копейки ⁷	1924–1925	—	—	—	—	340	—	—

¹ Г — здесь и далее типология монет указана на основании классификации П. Г. Гайдуков (Гайдуков, 1993).

² У — здесь и далее типология монет указана на основании классификации В. В. Узденикова (Уздеников, 2011).

³ ГКХ — здесь и далее типология монет указана на основании классификации И. В. Гришина, В. Н. Клешинова, А. В. Храменкова (Гришин и др., 2015).

⁴ Следы перечеканки.

⁵ Два обломка.

⁶ Производственный брак.

⁷ Половина монеты.

Троицкая ул., д. 1а/25

Следующий участок, изученный экспедицией ИИМК РАН на Затьмацком посаде в 2020 г., располагался по адресу: Троицкая ул., д. 1а/25. Площадь раскопа здесь составила 275,92 кв. м. Центральную часть площадки занимал сложенный из кирпича и известковых блоков фундамент жилого дома 1930–1940-х гг.²³ На периферийной с ним территории выявлены многочисленные перекопы второй половины XX в., связанные с периодом строительства и функционирования здания²⁴. Культурный слой этого времени представлен черным гумусом с включениями строительного и бытового мусора (Бессуднов, 2020а. С. 11, 12, 37, 38).

На уровне нижней части позднесредневековых культурных отложений, представленных напластованиями черного гумуса, зафиксированы контуры четырех ям, связанных с большими постройками. В ходе разбора заполнения ямы 1 удалось раскрыть фундамент, основание стен и элементы кирпичного свода каменного дома середины — второй половины XVIII в.²⁵ Ямы 2, 8 и 18 также следует считать заглубленными подвалами деревянных построек, функционировавших с конца XVII до середины XVIII в. На поверхности материковых и предматериковых отложений присутствовали контуры пятен разновременных объектов, в частности, остатки двух сооружений, предварительно датируемых XIII — первой половиной XIV в. (Там же. С. 13).

В ходе раскопок на Троицкой улице была собрана коллекция из девяти монет XV–XIX вв. и клада, состоящего в основном из денег 30–50-х гг. XVIII в. Значительный интерес представляет находка четырех маленьких тверских пул типов Г-356 и Г-357 в заполнении ямы 18, представляющей,

²³ Документальных свидетельств о времени постройки деревянного одноэтажного дома на участке 1А/25 в тверских архивах не сохранилось. Здание было разобрано в 2000-е гг.

²⁴ В частности, в границах исследуемого участка была выявлена смотровая яма бывшего гаража, сложенная из силикатного кирпича, и фрагмент траншеи от разобранный газовой трубы.

²⁵ На глазомерном плане Твери И. Ярцева первой половины XVIII в. не удалось точно локализовать участок с каменным домом, открытым в ходе раскопок 2020 г. Архивные и картографические материалы указывают на то, что с 1770-х по 1922 г. участок на углу улиц Ефимова и Троицкой не был застроен и использовался жителями под частные огороды (Лапишин, 2009. С. 28–30; Бессуднов, 2020а. С. 23).

вероятно, погреб или подвал обширной деревянной постройки²⁶, погибшей в пожаре (табл. 2, № 1–4; рис. 4, 1–4). Монеты происходят из одного слоя коричневого мешаного суглинка с гумусом, известью, мелкой кирпичной крошкой и углем, представляющим первоначальную засыпку объекта, залегающую непосредственно на дне ямы (Бессуднов, 2020а. С. 44, 45, 51–53, 67). Время выпуска разновидностей пул с изображением «грифона» вправо на лицевой стороне предположительно определяется 1490–1510-ми гг. (Зайцев, Бадретдинов, 2019. С. 283). В обращении они теоретически могли оставаться до периода Смутного времени (Гайдуков, 1993. С. 73; Зайцев, 2018. С. 181, 182). Однако отсутствие в слое засыпки данного объекта более поздних денежных знаков косвенно может указывать, что формирование напластований, в которых найдены четыре ранних маленьких пула, происходило, вероятнее всего, не позже конца первого десятилетия XVI в. В дальнейшем этот грунт, находящийся, надо полагать, вблизи от ямы 18, использовался для ее засыпки. О хозяйственном освоении исследованного участка в последней четверти XV — начале XVI в. говорит и обнаруженное здесь тверское пуло Г-292 эмиссии Михаила Борисовича 1480–1485 гг. (табл. 2, № 5; рис. 4, 5). Остальные единичные находки монет связаны с верхними мешаными напластованиями и не имеют привязок к каким-либо объектам (табл. 2, № 6–9; рис. 4, 6).

Монетный клад был обнаружен в ходе исследования подвального помещения²⁷ каменной постройки № 1, возведенной в середине XVIII в. и разрушенной в последней четверти этого столетия по причине начала застройки района Затьмачья по регулярному плану (Бессуднов, 2020а. С. 56–60, 76–79). Депозит зафиксирован на уровне пола сооружения. Изначально денежные знаки, вероятно, были укрыты в упаковку из органического материала, следы которой зафиксировать не удалось.

Клад состоит из 74 русских медных монет, принадлежащих эмиссии Анны Иоанновны

²⁶ Данный объект в площадь раскопа вошел частично. Удалось изучить северный угол ямы и части северо-восточной и западной стенок. Восточная и южная части ямы оказались за пределами раскопа (Бессуднов, 2020а. С. 67).

²⁷ Стены подвального помещения имели обкладку из оштукатуренного кирпича, на дне были раскрыты квадратное основание опорного столба и следы кирпичных сводов подвала. Пол подвала, вероятно, был сложен из досок (Бессуднов, 2020а. С. 56, 57, 76–79).

Рис. 4. Нумизматические находки, обнаруженные в ходе археологических раскопок в Твери в 2019, 2020 гг. Ул. Троицкая: 1–5 — пула; 6 — подражание пулу. 1–6 — медный сплав

Fig. 4. Numismatic finds recovered during archaeological excavations in Tver in 2019 and 2020. Troitskaya ul.: 1–5 — pulo; 6 — imitation of a pulo. 1–6 — copper alloy

(29 экз.), Ивана Антоновича или Елизаветы Петровны (1 экз.), Елизаветы Петровны (43 экз.) и Екатерины II (1 экз.) (табл. 3).

За единственным исключением (две копейки Екатерины II) комплекс представлен монетами номиналом денга. При этом 70 экземпляров отчеканены на основании стопы 1730 г. в 10 рублей из пуда меди и только три — по шестнадцатирублевому нормативу 1757 г. (Юхт, 1994. С. 110). Данное обстоятельство, а также отсутствие в составе депозита полушек 1730–1750-х гг. указывают на намеренный отбор образцов полукопеечного достоинства²⁸.

Обращение к хронологическому составу клада показывает, что среди монет Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны преобладают выпуски 1731, 1735, 1737, 1749 и 1753 гг., что является отражением повышенной производительности монетных дворов в это время²⁹ (Юхт, 1994. С. 111–113; Уздеников, 1995. С. 11, 158, 159).

²⁸ С 1730 по 1755 г. медные денги являлись наиболее высоким номиналом, чеканенным не из драгоценного металла. Большинство кладов крестьян и бедных слоев городского населения 30–50-х гг. XVIII в. представлено такими тяжелыми медными монетами или старыми «проволочными» серебряными копейками. Находившиеся на тот момент в обращении медные пятикопеечники образца 1724 г., чеканенные по завышенной сорокарублевой стопе, пользовались недоверием у населения и в состав кладов длительного накопления попадали редко (Мельникова, Дядченко, 1994. С. 19–23).

²⁹ Масштабная чеканка происходила в начале 1730-х гг., что было связано с денежным переделом вследствие перехода к 10-рублевой стопе. Повышенный тираж монет 1735 и 1737 гг. связан с военными расходами, вызванными столкновением с Османской империей.

Особенности структуры комплекса позволяют предположить, что изначально была отложена его часть, представленная монетами 10-рублевой стопы, на что указывает их «круглое» количество — 70 — и сумма в 35 копеек. Возможно, эти монеты были сокрыты накануне или в ходе денежной реформы 1757 г., когда осуществлялся переход к выпуску более легковесных медных монет. Население традиционно с недоверием относилось к нововведениям в денежном обращении и предпочитало укрывать в такие периоды старые средства платежа в виде кладов (Богданов, 2011. С. 90, 99). Вероятно, уже после денежных реформ конца 1750-х — начала 1760-х гг., смен правителей на троне к основному капиталу депозита были добавлены три денги и двухкопеечник 16-рублевой стопы, после чего он был окончательно укрыт его владельцем, но в итоге не востребован. Данный монетный комплекс на основании особенностей структуры нельзя отнести к категории потерянных «кошельков», для которых характерна большая вариативность номиналов.

Известное время разрушения дома, в подвале которого был обнаружен клад, указывает, что его тезаврация произошла не позже начала последней четверти XVIII в., а вероятнее всего, в 1760-е гг. Депозиты крестьян и небогатой прослойки городского населения, сокрытые во время правления Екатерины II, представлены в подавляющем большинстве медными монетами пятикопеечного достоинства³⁰ (Максимов, 1997. С. 86; 1998;

³⁰ При этом следует отметить, что денги и полушки образца 1730 г. оставались в денежном обращении до начала XIX в., о чем свидетельствуют их упоминание в письменных источниках и фиксация в составах

Таблица 2. Коллекция монет из раскопок в Твери на ул. Троицкой, д. 1а/25 в 2020 г.
Table 2. Collection of coins from excavations in 2020 in Tver Troitskaya Str., house 1a/25

№ п/п	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, г.	Место чеканки	Металл	Вес, г	Тип	№ п/оп.	Объект	Слой/ горизонт
1	Великое княжество Всея Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — начало 1530-х	Тверь	Медь	0,390	Г-356	97	Яма 18	Заполнение
2	Великое княжество Всея Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — начало 1530-х	Тверь	Медь	0,420	Г-357	96	Яма 18	Заполнение
3	Великое княжество Всея Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — начало 1530-х	Тверь	Медь	0,385	Г-357	100	Яма 18	Заполнение
4	Великое княжество Всея Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — начало 1530-х	Тверь	Медь	0,380	Г-357	99	Яма 18	Заполнение
5	Великое княжество Тверское / Михаил Борисович	Пуло	1480–1485	Тверь	Медь	0,665	Г-292	1	—	Черный гумус
6	Подражание маленькому пулу		Конец XV в. — 1570-е	?	Медь	0,270	—	12	—	Черный гумус
7	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1750 (?)	Екатеринбург	Медь	—	У-2536	9	—	—
8	Российская империя / Павел I	1 копейка	1801	Екатеринбург	Медь	—	У-2999	13	—	—
9	Российская империя / Александр II	1 копейка	1875	Екатеринбург	Медь	—	У-3757	372	—	—

Таблица 3. Клад русских монет XVIII в., обнаруженный в Твери на ул. Троицкой, д. 1а/25 в 2020 г.
Table 3. Hoard of Russian coins of the 18th cent. found in Tver Troitskaya Str., house 1a/25

№ п/п	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки	Гурт	Тип	Кол-во
1-8	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга ¹	1731	Москва, Красный двор	Сеччатый	У-2485	8
9-10	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга ²	1734	Москва, Плащильная мельница	Сеччатый	У-2489	2
11-17	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга ³	1735	Москва, Плащильная мельница	Сеччатый	У-2493	7
18-19	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1736	Екатеринбург	Сеччатый	У-2497	2
20-26	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1737	Екатеринбург	Сеччатый	У-2499	7
27-28	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1738	Екатеринбург	Сеччатый	У-2501	2
29	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1739	Екатеринбург	Сеччатый	У-2503	1
30	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1740	Екатеринбург	Сеччатый	У-2514	1
31	Российская империя / Елизавета Петровна или Иоанн Антонович	Денга	1741	Екатеринбург	Сеччатый	У-2516	1
32-35	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1743	Москва, Красный двор	Сеччатый	У-2519	4
36-38	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1744	Москва, Красный двор	Сеччатый	У-2522	3
39	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1745	Москва, Красный двор	Сеччатый	У-2524	1
40	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1746	Москва, Красный двор	Сеччатый	У-2526	1
41-43	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1747	Москва, Красный двор	Сеччатый	У-2528	3
44-46	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1748	Москва, Красный двор	Сеччатый	У-2530	3
47-55	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1749	Москва, Красный двор	Сеччатый	У-2533	9
56-59	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1750	Екатеринбург	Сеччатый	У-2536	4
60, 61	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1751	Екатеринбург	Сеччатый	У-2539	2
62-68	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1753	Москва, Красный двор	Сеччатый	У-2542	7
69, 70	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1754	Москва, Красный двор	Сеччатый	У-2543	2
71-73	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1760	—	Рубчатый	У-2611	3
74	Российская империя / Екатерина II	2 копейки ⁴	1765	Москва	Сеччатый	У-2667	1

¹ На одной из монет следы перечеканки.

² Следы перечеканки.

³ На одной из монет производственный брак (двойной удар штемпеля).

⁴ Дифферент ММ.

2002. С. 209). Сумма и состав рассматриваемого клада говорит о том, что его владелец принадлежал к податному сословию и, вероятно, в пределах усадьбы занимался хозяйственной работой.

Таким образом, сегмент нумизматической коллекции, полученный в ходе раскопок на Троицкой улице, представленный пулами последней четверти XV — начала XVI в. и подражанием таким монетам, принадлежит третьему этапу формирования культурного слоя, датированного А. А. Бессудновым XVI в. Монетный клад 60-х гг. XVIII в. связан с пятым периодом бытования участка, во время которого здесь появляется каменная постройка (Бессуднов, 2020а. С. 54–57).

Нумизматические находки при раскопках на территории памятника «Селище Мигалово-1»

В 2019 г. экспедицией ИИМК РАН проводились раскопки на территории памятника «Селище Мигалово-1», расположенного на северной окраине микрорайона Мигалово Твери, за пределами средневекового города.

Ранее упоминание села Мигалово (Мигайлово) содержится в «Писцовой книге тверских владений князя Симеона Бекбулатовича» 1580 г. Анализ документов позволяет заключить, что к концу XVI в. Мигалово представляло собой крупный населенный пункт Суземской волости, включающий церковный приход и 51 двор (Богуславский, 2021. С. 8, 9). В 1800 г. здесь на месте старой деревянной церкви возводится каменная Рождества Христова. В «Списке населенных мест Тверской губернии» 1862 г. село Мигалово отнесено к пунктам «2-го стана» по правую сторону Старицкого тракта от Твери при реке Волге. В селе насчитывался 21 двор, где проживали 97 мужчин и 95 женщин. В конце XIX в. в Мигалово было две улицы, пять каменных домов, кузница, молочные лавки, госпиталь, старое кладбище вокруг церкви и начальная земская школа. В 1930-х гг. принимается решение о сносе села Мигалово и строительстве на его месте закрытого военного городка, просуществовавшего в таком статусе до 1986 г. (Там же. С. 10).

«Селище Мигалово-1» открыто А. Н. Хохловым в 1996 г., датировано XV–XVII вв. и соотносено с упоминаемыми в письменных источниках владениями Симеона Бекбулатовича. Собранный исследователем подъемный материал представлял в основном фрагменты гончарных сосудов.

кладов этого времени (Ремецас, Синчук, 2011. С. 94; Синчук, 2013; Горбань, Малезик, 2019. С. 202).

В осыпях берега был зафиксирован культурный слой селища, представленный серым суглинком. В 2014 г. Е. А. Дементьевым на территории памятника производилась шурфовка, по итогам которой было констатировано значительное повреждение культурного слоя (Там же. С. 11).

Исследованная здесь экспедицией ИИМК РАН в 2019 г. площадь составила 1012 кв. м. Культурный слой в центральной части участка был уничтожен при строительстве воинской казармы в 1970-е гг.³¹ В восточной части раскопа напластования повреждены поздними перекопами, связанными с устройством двух канализационных колодцев и траншей водопровода³². Здесь присутствовали также фундаменты складских помещений 1930-х гг. Относительно сохранившийся слой был выявлен в юго-западной части раскопа.

Балластные напластования, представленные мешаными нестратифицированными напластованиями со строительным и бытовым мусором XX–XXI вв., по всей площади раскопа снимались на глубину 0,2–0,5 м с применением техники³³ (Там же. С. 19–26).

В силу топографической ситуации культурные напластования горизонта 1 в непо потревоженном виде (серая супесь с незначительными пятнами поздних перекопов) удалось зафиксировать только в юго-западной части раскопа (квадраты D 1–2, E–F 1) (Там же. С. 37, 38). При их исследовании были зарегистрированы три монеты: полушка 1734 г. Анны Иоанновны, денга 1748 г. Елизаветы Петровны и 5 копеек 1930 г. СССР (табл. 4, № 3–5).

³¹ От казармы сохранился кирпичный фундамент, занимавший площадь около 320 кв. м, что составляет почти треть от всей площади исследований. При строительстве казармы площадка была нивелирована, в результате чего культурный слой средневекового селища был уничтожен на всей площади внутреннего пространства строения, за исключением участков в квадратах D 1–2 и заглубленных в материк ям.

³² От водопроводных колодцев по линии квадратов В–Е 9–10 тянулась траншея под водопровод. Прослеженная длина траншеи в пределах площади раскопа составила 12 м, ширина — в среднем 2,7 м. Металлическая труба, залегающая на дне данной траншеи, была расчищена в разрезе борта строительного котлована.

³³ До начала работ по наблюдению за строительной техникой на основной площадке раскопа было принято решение о зачистке стенки строительного котлована, примыкающего к южной границе селища, в ходе которой были найдены две монеты (табл. 4, № 1, 2) (Богуславский, 2021. С. 17).

Рис. 5. Нумизматические находки, обнаруженные в ходе археологических раскопок в Твери в 2019, 2020 гг. Мигалово: 1–6 — пула; 7 — копейка; 8, 9 — денги; 10 — денарий. 1–6 — медный сплав; 7–10 — серебро

Fig. 5. Numismatic finds recovered during archaeological excavations in Tver in 2019 and 2020.

Migalovo: 1–6 — pulo; 7 — kopeck; 8, 9 — dengas; 10 — denarius. 1–6 — copper alloy; 7–10 — silver

Непереотложенный культурный слой горизонта 2 выявлен в квадратах D 1–2 (серая супесь, а также серая и золистая супесь с углем) и E–F 1 (серая супесь с незначительными пятнами поздних перекопов) (Там же. С. 38, 39). Здесь было обнаружено только одно тверское пула Г-357 с изображением грифона на лицевой стороне. Монета, видимо, найдена в переотложенном состоянии (табл. 4, № 6; рис. 5, 1).

Горизонт 3 был исследован на площади квадратов D 1–2 (в южной части — серая супесь с пятнами, заполненными мешаной серо-желтой или серой золистой супесью с углем), E–F 1–3, G 1–2 (в основном серая супесь, из которой происходит большинство собранных находок) (Там же. С. 40–43). Нумизматические находки из этих напластований представлены денгами Анны Иоанновны 1739 г. и Елизаветы Петровны 1749 г., а также советской копеечкой 1969 г. (табл. 4, № 7–9).

Слои горизонта 4 удалось зафиксировать в квадратах D 1–2 (большой частью желтая супесь), E–G 1–4 (в основном серая супесь, с которой связана большая часть находок) (Там же. С. 43–47). Найденные здесь монеты представлены новгородским пулом Г-438, датируемым 1535/38–1575 гг. и денгой Анны Иоанновны 1737 г. (табл. 4, № 10, 11; рис. 5, 2).

Наслоения горизонта 5 были прослежены в квадратах D 1–2 (предматериковая желтая супесь; в северной части квадратов зафиксирована материковая поверхность), E 1–3 (в основном желтая предматериковая супесь, на фоне

которой фиксируются пятна перекопов, заполненных мешаной серо-желтой супесью), F–G 1–4 (серая супесь, на фоне которой фиксировались линзы желтого суглинка и желтого песка) (Там же. С. 47–52). Здесь обнаружены тверские пула: одно большое эмиссии Михаила Борисовича Г-155 и три маленьких Г-357 и Г-358. Еще одно пула Г-405 принадлежит продукции Московского денежного двора. По причине плохой сохранности две монеты можно определить как маленькие пула или денежный суррогат, изготовленный вне государевых денежных дворов (табл. 4, № 12–18; рис. 5, 3, 4).

Горизонт 6 зафиксирован в квадратах E 1–3 (в северной части слой желтой предматериковой супеси, южнее выявлена серая золистая супесь с углем), F–G 1–4 (в основном серая супесь, на которой видны линзы серой золистой супеси с углем, пятна желтого суглинка и желтой супеси), D 1–2 (материковая поверхность) (Там же. С. 52). Полученные здесь нумизматические находки представлены тремя тверскими маленькими пулами Г-358 и Г-360. Еще две монеты по причине плохой сохранности можно атрибутировать как маленькие пула или подражание им. Один денежный знак относится к группе суррогатов (табл. 4, № 19–24; рис. 5, 5, 6).

При исследовании последнего горизонта 7 денежные знаки не обнаружены. Керамический материал датируется XV–XVI вв. (Там же. С. 62, 63).

Серия монет была найдена при исследовании заполнения материковой ямы 3, выявленной

Таблица 4. Коллекция монет из раскопок в Твери на «Селище Мигалово-1» в 2019 г.
Table 4. Collection of coins from 2019 excavations in Tver at "Settlement of Migalovo-1"

№ п/п	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, г.	Место чеканки	Металл	Вес, г	Тип	№ п/оп.	Кв.	Объект	Горизонт
1	СССР	5 копеек	1931	—	Алюм. бронза	—	—	628	—	—	Зачистка юго-западной части
2	Великое княжество Всея Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — начало 1510-х	Тверь	Медь	0,295	Г-357	581	—	—	Зачистка юго-западной части
3	Российская империя / Анна Иоанновна	Полушка	1734	Москва, Пلاцильная мельница	Медь	—	У-2490	667	E 1	—	1
4	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1748	—	Медь	—	—	666	D 1	—	1
5	СССР	5 копеек	1930	—	Алюм. бронза	—	—	665	E 1	—	1
6	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1490 — начало 1510-х	Тверь	Медь	0,295	Г-357	675	D 1	—	2
7	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1739	Екатеринбург	Медь	—	У-2503	710	F 1	—	3
8	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1749	Москва, Красный двор	Медь	—	У-2533	674	F 1	—	3
9	СССР	1 копейка	1969	—	—	—	—	709	E 1	—	3
10	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1535/38–1575	Новгород	Медь	0,435	Г-438	892	F 2	—	4
11	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1737	Екатеринбург	Медь	—	У-2499	890	F 2	—	4
12	Великое княжество Тверское / Михаил Борисович	Пуло	Ок. 1467–1473	Тверь	Медь	1,995	Г-155	1040	G 3	—	5
13	Великое княжество Всея Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — начало 1510-х	Тверь	Медь	0,315	Г-357	1035	G 1	—	5
14	Великое княжество Всея Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — начало 1510-х	Тверь	Медь	0,185	Г-357	1045	G 3	—	5
15	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло ¹	1530–1540-е	Тверь	Медь	0,230	Г-358	1037	F 1	—	5

Таблица 4, продолжение

№ п/п	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки	Металл	Вес, г	Тип	№ п/оп.	Кв.	Объект	Горизонт
16	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1536–1560-е	Москва	Медь	0,200	Г-405 ?	1044	F1	—	5
17	Великое княжество Всея Руси. Русское царство ?	Пуло ма- ленькое или подражание	Конец XV в. — 1570-е	?	Медь	0,240	?	1038	G1	—	5
18	Великое княжество Всея Руси. Русское царство ?	Пуло ма- ленькое или подражание	Конец XV в. — 1570-е	?	Медь	0,115	?	1036	F2	—	5
19	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	1530–1540-е	Тверь	Медь	0,220	Г-358	1492	F2	—	6
20	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	1530–1540-е	Тверь	Медь	0,265	Г-358	1494	G1	—	6
21	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1535 — конец 1550-х	Тверь	Медь	0,510	Г-360	1499	G2	—	6
22	Великое княжество Всея Руси. Русское царство ?	Пуло ма- ленькое или подражание	Конец XV в. — 1570-е	?	Медь	0,250	?	1493	G2	—	6
23	Великое княжество Всея Руси. Русское царство ?	Пуло ма- ленькое или подражание	Конец XV в. — 1570-е	?	Медь	0,150	?	1495	G2	—	6
24	Подражание маленькому пулу		Кон. XV в. — 1570-е	?	Медь	0,115	?	1518	G1	—	6
25	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1731	Москва, Красный двор	Медь	—	У-2485	178 (9а)	—	Яма 3	Заполнение
26	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1731	Москва, Красный двор	Медь	—	У-2485	178 (9б)	—	Яма 3	Заполнение
27	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1735	Екатеринбург	Медь	—	У-2493	178 (9в)	—	Яма 3	Заполнение
28	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1738	Екатеринбург	Медь	—	У-2501	178 (9г)	—	Яма 3	Заполнение
29	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1747	Москва, Красный двор	Медь	—	У-2528	178 (9д)	—	Яма 3	Заполнение
30	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1753	Москва, Красный двор	Медь	—	У-2542	178 (9е)	—	Яма 3	Заполнение
31	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1736	Екатеринбург	Медь	—	У-2497	183 (10а)	—	Яма 3	Заполнение

Таблица 4, окончание

№ п/п	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, г.	Место чеканки	Металл	Вес, г	Тип	№ п/оп.	Кв.	Объект	Горизонт
32	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1746	Москва, Красный двор	Медь	—	У-2526	183 (106)	—	Яма 3	Заполнение
33	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1747	Москва, Красный двор	Медь	—	У-2528	183 (10в)	—	Яма 3	Заполнение
34	Русское царство / Борис Годунов	Копейка	Ок. 1600	Москва	Серебро	—	ГКХ-160	266	—	Яма 3	Заполнение
35	Российская империя / Анна Иоанновна	Полушка	1735	Москва, Плащильная мельница	Медь	—	У-2494	207	—	Яма 3	Заполнение
36	Российская империя / Анна Иоанновна	Полушка	1735	Екатеринбург	Медь	—	У-2502	188	—	Яма 3	Заполнение
37	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1747	Москва, Красный двор	Медь	—	У-2528	182	—	Яма 3	Заполнение
38	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1748	Москва, Красный двор	Медь	—	У-2530	234	—	Яма 3	Заполнение
39	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1748	Екатеринбург	Медь	—	У-2531	175	—	Яма 3	Заполнение
40	Великое княжество Всея Руси / Иван IV	Денга	1535–1540	Москва	Серебро	—	ГКХ-38	426	—	Яма 13	Заполнение
41	Великое княжество Всея Руси / Иван IV	Денга	1535–1538	Тверь	Серебро	—	ГКХ-91	427	—	Яма 13	Заполнение
42	Великое княжество Литовское / Сигизмунд II Август	Денарий	1559	Вильно	Серебро	—	—	424	—	Яма 13	Заполнение

¹ Отверстие.

в квадрате Е 9. Данный объект подпрямоугольной формы в восточной части прорезан траншеей водопровода. Его южная граница выходила за пределы исследуемой площади. Вероятнее всего, яма является подпольной частью сгоревшей хозяйственной постройки XVIII в. (*Там же*. С. 64–71).

В ходе разбора заполнения ямы был расчищен развал придонной части керамического сосуда³⁴, вблизи от него находились два скопления медных монет, представленных девятью денгами 10-рублевой стопы Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны (табл. 4, № 25–33). Возможно, денежные знаки на сумму в 4,5 копейки составляли наполнение кошелька. Также в заполнении ямы 3 в переотложенном состоянии обнаружены серебряная копейка Бориса Годунова, выпущенная в Москве около 1600 г., две полушки Анны Иоанновны 1735 г. и три денги Елизаветы Петровны 1747 и 1748 гг.³⁵ (табл. 4, № 34–39; рис. 5, 7).

Нумизматические находки были получены при исследовании ямы 13, выявленной в квадрате В 1. Объект исследован не полностью, так как одна из его стенок уходила за западную границу раскопа. Вероятнее всего, данная материковая яма представляет подпольную часть средневековой постройки XVI в. (*Там же*. С. 76–86).

В заполнении объекта обнаружены две серебряные денги Ивана IV тверской (1535–1538 гг.) и московской (1535–1540 гг.) чеканки и денарий Великого княжества Литовского 1559 г. Сигизмунда II Августа (табл. 4, № 40–42; рис. 5, 8–10).

Нумизматический материал, зарегистрированный в ходе раскопок поселения «Мигалово-1», может выступать одним из ведущих хронологических индикаторов при уточнении датировки культурного слоя. Время чеканки и периоды обращения монет позволяют выделить два временных отрезка, на протяжении которых денежные знаки могли выпасть из обращения.

Первый этап можно определить концом XV — XVI в. Его нижняя дата обосновывается находками большого пула Михаила Борисовича, выпущенного около 1467–1473 гг., а также ранними маленькими тверскими пулами Г-357, чеканка которых осуществлялась с 1490-х гг. Время правления Ивана IV маркируют тверскими, московскими и новгородскими пулами Г-358, Г-360, Г-405, Г-438, а также двумя денгами, происходящими из ямы 13.

³⁴ Уверенно интерпретировать данную керамику в качестве упаковки клада нет оснований.

³⁵ Данные монеты к составу комплекса из девяти денег отношения не имеют.

Отсутствие среди монетных находок экземпляров XVII в., в частности медных копеек Алексея Михайловича, тождественно картине, наблюдаемой в ходе раскопок в других районах Твери и связано с запустением ряда мест или приспособлением их под пашню после трагических событий Смутного времени.

Второй временной отрезок маркируется денгами и полушками 10-рублевой стопы, зарегистрированными в виде единичных находок и небольшого комплекса. Подобные тяжелые монеты, чеканенные на протяжении долгого времени огромными тиражами, продолжали оставаться в денежном обращении вплоть до начала XIX в. При этом обращает на себя внимание отсутствие в коллекции монет Петра I мелких номиналов, чеканенных из меди и серебра («проволочных» копеек), которые выступают атрибутом культурного слоя первого–второго десятилетий XVIII в.³⁶ Здесь нет и медных монет Елизаветы Петровны и Екатерины II, выпущенных на основании 16-рублевой стопы, а также «арматурных» копеек Петра III. На основании этого можно предположить, что наиболее активное освоение исследуемого участка происходило в 30–40-е гг. XVIII в., после чего, вероятно, произошли перемены, в результате которых денежные знаки перестали выпадать в культурный слой. Место могло использоваться для сельскохозяйственных работ³⁷. Следующие монеты попадают в культурный слой только с 30-х гг. XX в., когда в Мигалово началось строительство военного городка.

Нумизматические находки при раскопках в южной части бывшего Загородного посада (ул. Лидии Базановой, д. 48)

Экспедицией ИИМК РАН в 2020 г. раскопки в Твери проводились в южной части бывшего Загородного посада по адресу: ул. Лидии Базановой, д. 48. Исследованная площадь составляла 965 кв. м. До XIX в. данный участок представлял пойменную террасу р. Лазури. В начале 1800-х гг. здесь проводились масштабные земляные работы, связанные со строительством гидротехнического

³⁶ Более долгое бытование медных копеек и денег было прервано денежным переделом начала 30-х гг. XVIII в. Проволочные копейки оставались в обращении до середины XVIII в.

³⁷ Перемещение в результате хозяйственной деятельности культурного слоя, содержащего нумизматический материал второй половины XVIII — XIX в., кажется маловероятным.

Рис. 6. Нумизматические находки, обнаруженные в ходе археологических раскопок в Твери и Тверской области в 2020 г. Ул. Лидии Базановой: 1–8 — копейки. 1, 3–5, 8 — медный сплав; 2, 6, 7 — серебро

Fig. 6. Numismatic finds recovered during archaeological excavations in Tver and Tver Oblast in 2020. Ul. Lidii Bazanovoy: 1–8 — kopecks. 1, 3–5, 8 — copper alloy; 2, 6, 7 — silver

сооружения, представляющего противоподавковый вал Лазури (Лапшин, 2020. С. 10–13).

Перед началом работ поверхность исследуемой площадки заполнял слой строительного мусора. В западной части присутствовал нерекультивированный раскоп 2004 г., засыпанный современными бытовыми и строительными отходами. Удаление³⁸ строительного мусора и последующая зачистка ручным инструментом на отметках 131,21–131,53 м БС показали наличие в квадратах Ю–Г' 1–6 верхней части фундамента капитального строения, состоящего из шести стен (объект 2³⁹). В квадратах Ж'–И' 6–12 на отметках 131,60–131,61 обнаружен фундамент капитального строения, состоящий из трех стен⁴⁰ и

³⁸ Напластования современного строительного мусора снимались строительной техникой пластами не более 0,20 м под наблюдением археолога (Лапшин, 2020. С.43).

³⁹ Фундамент относится к зданию, построенному, вероятно, в середине XX в., и которое было разрушено на рубеже XX–XXI вв.

⁴⁰ Фундамент относится к зданию, построенному, вероятно, в конце XIX — начале XX в., здание было разрушено в первой половине XX в.

разрушенный с юго-востока траншеей теплотрассы (Там же. С. 43, 44).

Следующая зачистка на уровне 130,03–130,27 м БС выявила наличие на большей площади раскопа слоя коричневой супеси с включением битого кирпича, известняка, кусков асфальта, бетона, представляющего подошву слоя строительного мусора.

Со слоем коричневой супеси связаны находки медных копеек Петра I, чеканенных в 1710 г., Николая I, датированных 1852 г., и Николая II, выпущенных в 1913 г. В слое строительного мусора обнаружены советские монеты: 3 копейки 1926 г., 10 и 15 копеек 1932 г. (табл. 5, № 1–6; рис. 6, 1).

Под напластованиями со строительным мусором на отметках 129,10–130,09 м БС зафиксирован слой темно-серой сильногумусированной супеси, в котором прослежены пятна 15 ям. В квадратах А'–Д' 1 на отметках 130,02–130,10 м БС выявлены остатки насыпи вала р. Лазури. В ходе исследования данных напластований было зарегистрировано 16 монет (табл. 5, № 7–22; рис. 6, 2–7). Старшие денежные знаки принадлежат эмиссии Николая I: 20 копеек 1851 г., две денюжки 1853 и 1854 гг. и 10 грошей Царства Польского. Правление

Таблица 5. Коллекция монет из раскопок в Твери на ул. Лидии Базановой, д. 48 в 2020 г.
Table 5. Collection of coins from 2020 excavations in Tver Lidii Bazanovoy ul., 48

№ п/п	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки	Металл	Тип	№ п/оп.	Кв.	Объект	Пласт
1	Российская империя / Петр I	Копейка	1710	Москва, Кадашевский двор	Медь	—	855	Д' 6	—	Пласт 2. Коричневая суспензия с включением строительного мусора
2	Российская империя / Николай I	Копейка	1852	Екатеринбург	Медь	У-3508	849	—	—	Сектор 2, слой 2. Коричневая суспензия с включением строительного мусора
3	Российская империя / Николай II	1 копейка	1913	С.-Петербург	Медь	У-3941	356	Д' 6	—	Пласт 2. Коричневая суспензия с включением строительного мусора
4	СССР	3 копейки	1926?	—	Алюм. бронза	—	852	Щ 7	—	Строительный мусор
5	СССР	10 копеек	1932	—	Медно-никелевый сплав	—	850	—	—	Строительный мусор
6	СССР	15 копеек	1932	—	Медно-никелевый сплав	—	854	—	—	Строительный мусор
7	Российская империя / Николай I	20 копеек	1851	С.-Петербург	Серебро	У-1690	598	Ж' 5	—	Пласт 1, сектор 2. Темно-серая суспензия с включением строительного мусора
8	Российская империя / Николай I	Денежка	1853	Екатеринбург	Медь	У-3522	1719	Д' 7	—	Сектор 1. Темно-серая сильномуслированная суспензия
9	Российская империя / Николай I	Денежка	1854	Екатеринбург	Медь	У-3533	1721	Э 6	—	Сектор 1. Темно-серая сильномуслированная суспензия
10	Царство Польское / Николай I	10 грошей	1835–1841	Варшава	Серебро	—	1720	Э 8	—	Сектор 1. Темно-серая сильномуслированная суспензия
11	Российская империя / Александр II	5 копеек	1861	?	Медь	?	847	Б' 3	—	Сектор 1. Темно-серая сильномуслированная суспензия
12	Российская империя / Александр II	½ копейки	1869	Екатеринбург	Медь	У-3709	17246	А' 2	—	Пласт 2, сектор 1. Темно-серая сильномуслированная суспензия
13	Российская империя / Александр II	¼ копейки	1869	Екатеринбург	Медь	У-3709	1724в	А' 2	—	—
14	Российская империя / Александр II	¼ копейки	1869	Екатеринбург	Медь	У-3711	1724а	А' 2	—	—
15	Российская империя / Александр II	10 копеек	1876	С.-Петербург	Серебро	У-1917	853	—	Яма 4	Сектор 1. Темно-серая суспензия с включением строительного мусора
16	Российская империя / Александр III	1 копейка	1889	С.-Петербург	Медь	У-3837	856	А' 8	—	Сектор 1. Темно-серая сильномуслированная суспензия

Таблица 5, окончание

№ п/п	Эмитент	Номинал	Дата, гг.	Место чеканки	Металл	Тип	№ п/оп.	Кв.	Объект	Пласт
17	Российская империя / Николай II	1 копейка	1898	С.-Петербург	Медь	У-3881	1723	Щ 10	—	Сектор 1. Темно-серая сильно гумусированная супесь
18	Российская империя / Николай II	10 копеек	1902	С.-Петербург	Серебро	У-2135	1722а	Щ 8	—	Сектор 1. Темно-серая сильно гумусированная супесь
19	Российская империя / Николай II	15 копеек	1908	С.-Петербург	Серебро	У-2168	17226	Щ 8	—	
20	СССР	5 копеек	1924	—	Медь	—	1718	Щ 10	—	Сектор 1. Темно-серая сильно гумусированная супесь
21	СССР	10 копеек	1935	—	Медно-никелевый сплав	—	848	Г° 4	—	Сектор 1. Темно-серая сильно гумусированная супесь
22	СССР	5 копеек	1946	—	Алюм. бронза	—	851	—	—	Сектор 2. Строительный мусор, темно-серая супесь с включением строительного мусора
23	Российская империя / Павел I	2 копейки	1801	Екатеринбург	Медь	У-2996	354	Я 3	—	Пласт 1. Светло-коричневая супесь
24	СССР	20 копеек	1954	—	Медно-никелевый сплав	—	355	Ы 5	—	Светло-коричневая супесь
25	Российская империя / Александр II	10 копеек	1876	С.-Петербург	Серебро	У-1917	885	—	Яма 4	Заполнение
26	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1743–1753	Москва, Красный двор	Медь	?	353	Я 7	Траншея 2	Пласт 3. Коричневая супесь с включением строительного мусора

Александра II представлено серией из 5 копеек 1861 г., 10 копеек 1876 г. и слепком из трех медных монет номиналами $\frac{1}{2}$ копейки и $\frac{1}{4}$ копейки, выпущенных в Екатеринбурге в 1869 г. Царствованию Александра III принадлежит копейка 1889 г. К эмиссии Николая II относятся 1 копейка 1898 г. и две серебряные монеты номиналом 10 копеек 1902 г. и 15 копеек 1908 г., найденные в виде слепка. Младшие денежные знаки принадлежат советской чеканке: 5 копеек 1924 г., 10 копеек 1935 г. и 5 копеек 1946 г.

На площади квадратов Е'–Ж' 12–15 был открыт слой темно-серой сильногумусированной супеси, который характеризовался более плотной структурой и цветом серо-коричневых тонов (Лапшин, 2020. С. 69, 70). При его разборе найдены 2 копейки 1801 г. эмиссии Павла I и 20 копеек СССР 1954 г. (табл. 5, № 23, 24; рис. 6, 8).

В ходе исследования заполнения ямы 4 предположительно хозяйственного назначения, датированной концом XIX — началом XX в., найдены 10 копеек 1876 г. В траншее 2, представлявшей, вероятно, окоп времени Великой Отечественной войны, в слое заполнения в виде строительного мусора XX в. обнаружена денга, выпущенная в период правления Елизаветы Петровны (табл. 5, № 26) (Там же. С. 46, 75). В нижележащих напластованиях и прочих объектах нумизматический материал найден не был.

Следует заключить, что серия монет, происходящая из слоя коричневой супеси и строительного мусора, датированного серединой XX в., имеет широкий хронологический диапазон начала XVIII — середины XX в. и может рассматриваться только для установления общего времени освоения участка. Монеты, найденные в слое темно-серой сильногумусированной супеси, представляют компактную хронологическую группу, маркирующую активное освоение участка с середины XIX по начало XX в. Особое значение имеет находка здесь двух слепков из монет Александра II и Николая II, которые четко отражают структуру повседневного денежного обращения и датируют культурный слой. находка здесь трех советских монет является следствием поздних перекопов. При этом обращает на себя внимание отсутствие в коллекции массово выпускавшихся с 1810 по 1830 г. медных монет, чеканенных по 24-рублевой стопе, что может указывать на инертное освоение территории в первой половине XIX в. Возможно, в это время участок использовался как огород. находки монет Петра I, Елизаветы Петровны и Павла I, оторванные в хронологическом

отношении от основной группы, вероятнее всего, имеют случайный характер. Таким образом, данные письменных источников, указывающие время освоения данной территории со второй половины XIX в., коррелируют с нумизматическим материалом и прочими найденными здесь многочисленными артефактами.

Нумизматические находки при раскопках на поселении Шоша-1 в Конаковском районе Тверской области

В 2020 г. экспедицией ИИМК РАН археологические работы проводились на поселении Шоша-1, расположенном в Конаковском районе Тверской области. Исследованная площадь составила 6791,2 кв. м. Участок раскопа представлял ровный, местами подболоченный берег р. Шоши. В южной части памятника находился овраг, образованный, вероятно, в результате долговременного размыва почвы ручьем (Бессуднов, 2020б. С. 10–12, 37).

Площадка раскопа принадлежит зоне хозяйственного освоения деревни Глинище (Глиница), раннее упоминание которой содержится в жалованной грамоте 1581 г. Ивана IV Архангельскому собору. Также этот населенный пункт фигурирует в документах 1582 и 1599 гг. В клинских писцовых книгах 1624–1625 гг. деревня Глинище упоминается уже как «пустошь Глинищо на реке Шоше», входящая в вотчину московского Архангельского собора с центром в селе Завидово. В 1646 г. Глинище значится деревней, состоявшей из одного крестьянского и одного бобыльского двора, в 1678 г. в ней было четыре крестьянских и один бобыльский двор. По сведениям 1770-х гг. населенный пункт состоял из 13 дворов и 99 жителей. В 1852 г. Глиница (Глиница) насчитывала 35 дворов и 219 жителей. В 1913 г. в деревне было 37 дворов. При создании Иваньковского водохранилища (1936–1937 гг.) жители деревни Глинище были переселены (Там же. С. 19–21).

При исследовании культурного слоя памятника были выделены три стратиграфических пласта. Первый, мощностью до 0,25 м, залегал под дерном и на большей части исследуемой площади представлял коричневую супесь⁴¹. В квадратах Н–О 21

⁴¹ В квадратах, расположенных в юго-восточной и юго-западной частях раскопа, слой коричневой супеси оказался менее мощным. Здесь после зачистки фиксировались слои белесо-желтой и оранжевой супеси. В квадрате Л 28–29 под тонким слоем коричневой супеси на высотных отметках 123,92–123,84 м БС был зафиксирован материк, сложенный из оранжевого суглинка.

Рис. 7. Нумизматические находки, обнаруженные в ходе археологических раскопок в Твери и Тверской области в 2020 г. Поселение Шоша-1: 1 — пуло; 2 — копейка; 3 — полушка; 4 — денга; 5, 6 — денги. 1–4 — медный сплав; 5, 6 — серебро

Fig. 7. Numismatic finds recovered during archaeological excavations in Tver and Tver Oblast in 2020. Settlement of Shosha-1: 1 — pulo; 2 — kopeck; 3 — polushka; 4 — denga; 5, 6 — dengas. 1–4 — copper alloy; 5, 6 — silver

зафиксирован завал из кирпичей и массивных камней, при разборе которого были найдены фрагменты венчиков, донца красноглиняных и белоглиняных сосудов, а также осколки стеклянных бутылок (Там же. С. 46–53).

Заполнение пласта 1 содержало наибольшее количество массового материала и индивидуальных находок, в том числе и 13 монет (табл. 6, № 1–13; рис. 7, 1–4). Старшим в составе нумизматической коллекции стало пуло Великого княжества Тверского Г-389, выпущенное в годы правления Михаила Борисовича в Кашине или Твери⁴² (Гайдуков, 1993. С. 50–52, 55, 56, 199). Следующая находка представлена медной копейкой Алексея Михайловича, чеканенной на Псковском денежном

⁴² Неопределенность эмиссионного центра связана с тем, что у двух кашинских и двух тверских пул Михаила Борисовича известны единые штемпели лицевой стороны (Гайдуков, 1993. С. 50).

дворе в 1655–1663 гг. во время неудачной попытки введения в Русском царстве средств расчета из меди (Мельникова, 1989. С. 196–226).

Эмиссии Петра I принадлежит полушка 1702 г. Набережного монетного двора. Правление Анны Иоанновны представлено двумя полушками 1731 и 1734 гг. и одной денгой 1736 г. К чеканке Елизаветы Петровны относится копейка образца 1757 г. плохой сохранности, что не позволило установить точную дату изготовления. Полушка 1767 г. и денга 1768 г. выпущены в правление Екатерины II. Младшие монеты представлены четырьмя копейками Александра III и Николая II. Следует отметить, что в квадратах Д 19 и Е 20 была зарегистрирована компактная группа из пяти разновременных монет. Остальные денежные знаки на площади раскопа распределены относительно равномерно.

Заполнение пласта 2 толщиной 0,2 м состояло из слоев коричневой и белесо-желтой и оранжевой супеси (Бессуднов, 2020б. С. 57–97). Здесь была найдена денга Ивана IV, выпущенная на Московском денежном дворе с 1535 по 1538 г. Еще одна денга 1645–1676 гг. принадлежит московской чеканке Алексея Михайловича. На данном экземпляре вследствие производственного брака оказалась оттиснута только лицевая сторона. Младшими в составе коллекции стали 2 копейки 1935 г. (табл. 6, №14–16; рис. 7, 5, 6).

При исследовании пласта 3 нумизматические находки не обнаружены.

Хронологический состав коллекции монет и периодизация их обращения позволяют выделить временные отрезки, когда они могли выпасть в культурный слой. Бытование найденного при разборе пласта 1 большого пула Михаила Борисовича может быть ограничено концом XV — началом XVI в., когда в оборот массово начали поступать малоформатные денежные знаки из меди. Период хождения копейки Алексея Михайловича ограничивается временем с 1655 по 1663/1664 гг., что связано с итогами неудачной денежной реформы, завершившейся выкупом у населения медных монет в обмен на серебряные. Указ от 26 июня 1663 г. требовал: «медныя деньги сливать, а не слив, деньгами никому у себя не держать». В Москве срок обмена ограничивался двумя неделями, в других городах — месяцем (Сборник..., 1887. № 338, 343. С. 3, 5, 6; Мельникова, 2005. С. 272). Указ от 20 января 1664 г. еще раз потребовал «под страхом жестокого наказания, разорения и ссылки в дальние города не держать у себя медных копеек» (Зверев, 2004. С. 142; Мельникова, 2005. С. 273).

Таблица 6. Коллекция монет из раскопок в Тверской области на поселении Шоша-1 в 2020 г.
Table 6. Collection of coins from 2020 excavations in Tver Oblast at the site of Shosha-1

№ п/п	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки	Металл	Вес, г	Тип	№ п/оп.	Кв.	Пласт
1	Великое княжество Тверское / Михаил Борисович	Пуло	1461–1466	Кашин или Тверь	Медь	0,590	Г-389	14	Д 19	1
2	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Псков	Медь	0,305	ГКХ-2629	15	Д 19	1
3	Русское царство / Петр I	Полушка	1702	Москва, Набережный двор	Медь	—	У-2262	13	Д 19	1
4	Российская империя / Анна Иоанновна	Полушка ¹	1731	Москва, Красный двор	Медь	—	У-2487	36	И 25	1
5	Российская империя / Анна Иоанновна	Полушка	1734	Москва, Плащильная мельница	Медь	—	У-2490	52	Н 27	1
6	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1736	Екатеринбург	Медь	—	У-2497	8	Г 12	1
7	Российская империя / Елизавета Петровна	Копейка	1757–1761	—	Медь	—	?	45	О 22	1
8	Российская империя / Екатерина II	Полушка	1767	Екатеринбург	Медь	—	У-2702	35	И 22	1
9	Российская империя / Екатерина II	Денга	1768	Екатеринбург	Медь	—	У-2707	43	М 18	1
10	Российская империя / Александр III	1 копейка	1887	С.-Петербург	Медь	—	У-3829	29	Е 20	1
11	Российская империя / Александр III или Николай II	1 копейка	1894	С.-Петербург	Медь	—	У-3860	23	Е 20	1
12	Российская империя / Николай II	1 копейка	1896	С.-Петербург	Медь	—	У-3871	63	О 26	1
13	Российская империя / Николай II	1 копейка	1901	С.-Петербург	Медь	—	У-3896	62	О 26	1
14	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Денга	1535–1538	Москва	Серебро	0,225	ГКХ-44	22	Е 16	2
15	Русское царство / Алексей Михайлович	Денга	1645–1676	Москва	Серебро	0,190	ГКХ-951	20	Д 8	2
16	СССР	2 копейки	1935	—	Алом. бронза	—	—	42	3 16–17	2

¹ Следы перечеканки из монеты Петра II.

Полушка Петра I, отчеканенная в 1702 г., вероятнее всего, могла находиться в обращении не позже начала 1730-х гг. (Юхт, 1994. С. 110–126, 143; Уздеников, 2004. С. 56, 231). Полушки и денга Анны Иоанновны, несмотря на их выпуск в 1730-х гг., продолжали оставаться в обороте до начала XIX в., невзирая на неоднократное изменение монетной стопы за это время. Копейки Елизаветы Петровны имели хождение вместе с медными монетами Екатерины II вплоть до рубежа XVIII–XIX вв. Конец XIX — начало XX в. маркирован серией копеек Александра III и Николая II.

Бытование денги Ивана IV, найденной при исследовании горизонта II, вероятнее всего, относится ко времени широкого распространения монет, выпущенных на основании норматива в три рубля из гривенки серебра, которое закончилось в 1613 г. с введением новой повышенной «четырехрублевой» стопы. На начальном этапе основной сырьевой базой⁴³ для производства новых легких монет служили старые денежные знаки, выкупавшиеся у населения с наддачей (Мельникова, 1989. С. 14–46, 158, 162, 163).

Серебряная денга Алексея Михайловича могла обращаться на протяжении второй половины XVII — начала XVIII в. Дата чеканки советского грошевика совпадает со временем прекращения жизни деревни Глинище в 1936–1937 гг.

Таким образом, рассмотренная нумизматическая коллекция может маркировать хозяйственное освоение участка с начала XVI по середину 30-х гг. XX в., что в целом совпадает с данными письменных источников. Наибольшее количество монет здесь было потеряно в XVIII и на рубеже XIX–XX вв. Обращает на себя внимание отсутствие среди находок чрезвычайно массово выпускавшихся по 24-рублевой стопе с 1810 по 1830 г. медных денег. Это может указывать на запустение участка в первой половине XIX в. или использование его для аграрных нужд. При рассмотрении монет в качестве датирующего материала следует принимать в расчет, что они были найдены в сельской местности, где интенсивность денежного обращения могла быть значительно ниже, чем в городах.

⁴³ Приток в Московское государство западноевропейских денариев (ефимков), служивших основным сырьем для русской эмиссии, был нарушен событиями Смутного времени и восстановился только после заключения Столбовского мира в 1617 г. (Мельникова, 1989. С. 158).

Выводы

Анализ структуры представленной нумизматической коллекции позволяет заключить, что наиболее ранняя ее часть представлена 21 большим пулом Великого княжества Тверского и удельных княжеств Микулинского, Городенского и Кашинского. К данной группе примыкает одно подражание таким монетам. По количеству доминируют экземпляры, выпущенные во время правления Михаила Борисовича, второе место принадлежит эмиссии Бориса Александровича и третье — Ивана Михайловича. Подобное численное распределение пул по эмитентам характерно для других нумизматических коллекций, полученных в ходе археологических раскопок, и является отражением различной интенсивности их выпуска на протяжении XV в. (Гайдуков, 1993. С. 56; Чекунина, 2020. С. 142). Отсутствие среди находок больших пул прочих эмиссионных центров стало следствием обращения таких монет в XV в. в основном вблизи центров их производства (Гайдуков, 1993. С. 69–72). В ходе раскопок не удалось обнаружить серебряные денги Великого княжества Тверского, чеканка которых велась с 1413 г. (Сотникова, 1997). Редкость находки таких монет в ходе исследования культурного слоя Твери ранее отмечалась в литературе (Сафарова, Хухарев, 2010).

Важнейшим сегментом коллекции выступают 58 маленьких пул, выпущенных в Твери, Москве и Новгороде. Вместе с ними следует рассматривать четыре подражания таким монетам и 10 экземпляров плохой сохранности, которые могут быть как продукцией государевых денежных дворов, так и кустарными фальсификатами.

Среди маленьких пул значительно преобладают тверские выпуски. Среди них доминирует тип Г-357, далее следуют монеты Г-358 и Г-360. Ранние пула с изображением грифона вправо и дифферентом WФ на лицевой стороне относительно часто встречаются среди нумизматических находок Твери и Тверской земли, при этом их редко находят в других пунктах. Пула Г-358 и Г-360, занимающие в рассматриваемой коллекции второе и третье места, массово обнаружены как в Твери, так и в Москве, Костроме, Смоленске, Пскове (Ткаченко, 2002; Гайдуков, Кренке, 2009; Волков, 2017; Лазарев, 2017). Создается впечатление, что маленькие пула начального этапа чеканки в основном оставались в обращении в Твери и ее округе. Экземпляры, выпущенные с 30-х гг. XVI в., начинают массово проникать на денежные рынки других городов вследствие складывания единого

экономического пространства Великого княжества всея Руси, а также ростом и потребностями рынка в мелкой монете (Гайдуков, 1993. С. 82–87).

После тверских в составе рассматриваемой коллекции лидируют маленькие пула, выпущенные на Московском денежном дворе. Среди них наибольшее количество занимают экземпляры с изображением крылатой сирены на лицевой стороне. Преобладание таких монет также зафиксировано в составе других коллекций, что является следствием их долгого и интенсивного производства (Зайцев, 2019а. С. 179–181). К новгородской чеканке принадлежат только четыре пула с изображением женской головы в трехлучевой короне на лицевой стороне, также относящиеся к наиболее массовым и распространенным тиражам (Зайцев, 2019б. С. 291, 292).

В составе рассматриваемой коллекции немногочисленные серебряные монеты представлены эмиссией Ивана IV (три копейки и три денги), Бориса Годунова (одна копейка) и Алексея Михайловича (одна денга). Еще одна копейка и полушка не могут быть атрибутированы по причине плохой сохранности. Примечательна находка серебряного денария Сигизмунда II Августа вместе с двумя денгами Ивана IV в заполнении котлована постройки, исследованной на поселении «Мигалово-1». Крайняя малочисленность находок серебряных монет XVI в. по сравнению с медными должна объясняться высокой ценностью первых. На серебряные деньги совершали крупные покупки. Медные пула, выступая в качестве младшего номинала русской монетной системы, использовались при мелких розничных повседневных сделках, что давало им больше

шансов выпадать из обращения в виде обычных потерь.

Отсутствие среди артефактов, полученных в ходе раскопок в Твери, монет XVII в.⁴⁴ коррелирует с данными письменных источников, сообщающих о запуске в это время территории Затьмачья, где производились основные работы. При этом примечательна находка двух монет Алексея Михайловича на сельском поселении Шоша-1, имеющем отличную от Затьмацкого посада историю, что показывает высокую информативность нумизматического материала в качестве археологического источника.

Следующая серия монет относится к имперскому периоду России. К XVIII в. относятся 34 экземпляра, большая часть которых выпущена в годы правления Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. К XIX — началу XX в. принадлежит 51 монета, наибольшее количество которых чеканено в годы правления Николая I и Николая II. При этом обращает на себя внимание минимальное присутствие медных монет Александра I образца 1810 г., выпускаемых длительное время массовыми тиражами. Экземпляры, изготовленные из серебра, крайне малочисленны, относятся к мелким номиналам и датируются второй половиной XIX — началом XX в.

Младший сегмент нумизматической коллекции, обнаруженный в Твери и Тверской области в 2019–2020 гг., представлен 14 советскими монетами мелких номиналов, выпущенных в основном в 20–30-е гг. XX в.

⁴⁴ На протяжении XVII в. чеканка монет осуществлялась массовыми тиражами, в том числе из меди в 1655–1662 гг.

Бессуднов, 2020а — Бессуднов А. А. Полный научно-технический отчет о проведении научно-исследовательских работ в виде археологических раскопок на территории объекта археологического наследия «Затьмацкий посад г. Твери, XI–XIX вв.» при строительстве жилого дома по адресу: г. Тверь, ул. Троицкая, л. 1А/25. Т. 1. Текст. СПб., 2020 // Архив Центра спасательной археологии ИИМК РАН.

Бессуднов, 2020б — Бессуднов А. А. Полный научно-технический отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ в виде научного руководства археологическими полевыми работами при проведении работ на объекте культурного (археологического) наследия «Поселение Шоша 1» (Мезолит, 8–6 тыс. до н. э.; позднее

средневековье — новое время, 15–18 вв. н. э.), расположенного на части земельного участка объекта: «комплекс обеспечивающей инфраструктуры туристско-рекреационного кластера «Волжское море» для обслуживания туристических судов в устьевом участке р. Шоша. Этап 1–4 в Ко-наковском районе Тверской области. Т. 1. СПб., 2020 // Архив Центра спасательной археологии ИИМК РАН.

Богданов, 2011 — Богданов А. А. Монетное дело Российской империи. Находки. Исследования. Гипотезы. СПб.: Альянс-архео, 2011. 128 с.

Богомолов, 2018 — Богомолов А. В. О некоторых результатах спасательных археологических работ на территории Затьмацкого посада г. Твери в 2014 г. // ТТЗ. 2018. Вып. 11. С. 114–121.

- Богуславский*, 2021 — *Богуславский О. И.* Отчет археологической экспедиции Отдела охранной археологии ИИМК РАН о проведении историко-культурных научных археологических наблюдений за земляными работами на территории выявленного объекта археологического наследия «Культурный слой г. Твери, XV–XIX вв.», на территории выявленного объекта археологического наследия «Селище Мигалово-I, XV–XVII вв. н. э.», на территории объектов культурного наследия федерального значения «Затьмацкий посад» и «Затверецкий посад» в городе Твери и объекте культурного значения федерального значения «Соборная гора» в городе Ржеве Тверской области в 2019 году. Т. 2. СПб., 2021 // Архив Центра спасательной археологии ИИМК РАН.
- Бушлякова, Волков*, 2010 — *Бушлякова В. А., Волков И. В.* Тверские клады XVI — начала XVIII в. Вып. 1: Комплексы с сохранившейся кладовой керамикой в собрании Тверского объединенного музея. М.: Нумизматическая литература, 2010. 80 с.
- Быков*, 1988 — *Быков А. В.* О содержании термина «пирог» в денежном обращении России XVII в. // Нумизматика: Материалы и исследования. Нумизматический сборник. Ч. 10. М.: ГИМ, 1988 (Тр. ГИМ; Вып. 69). С. 6–13.
- Векслер, Кондрашев*, 1997 — *Векслер А. Г., Кондрашев Л. В.* Новые данные о местоположении древней Тверской дороги в Москве // ТТЗ. 1997. Вып. 2. С. 301–307.
- Векслер, Мельникова*, 1999 — *Векслер А. Г., Мельникова А. С.* Российская история в московских кладах. М.: Жираф, 1999. 272 с.
- Волков*, 2017 — *Волков В. А.* Тверские монеты в денежном обращении Смоленской земли XV–XVI вв. // ТТЗ. 2017. Вып. 10. С. 151–157.
- Волков*, 2018 — *Волков И. В.* Тверские серебряные монеты Ивана III со строчными надписями на обеих сторонах // Археология русского города: Материалы научно-практического семинара 2017 г. / Отв. ред. И. В. Волков. М.: САБ, 2018 (Тр. Столичного археологического бюро; Т. II). С. 168–191.
- Волков, Лейбов*, 2019 — *Волков И. В., Лейбов В. Л.* Группа тверских монет великого князя Ивана с изображением сокольника // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики / Под ред. Г. А. Титова. М.: РИА Внешторгиздат, 2019. Вып. 6. С. 234–239.
- Выпись..., 1901 — Выпись из тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подъячего Богдана Фадеева 1626 года. Тверь: Типо-Литография Ф. С. Муравьева, 1901. 148 с.
- Гайдуков*, 1993 — *Гайдуков П. Г.* Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М.: Наука, 1993. 293 с.
- Гайдуков*, 2006 — *Гайдуков П. Г.* Русские полуденги, четвертцы и полушки XIV–XVII вв. М.: Палеограф, 2006. 408 с.
- Гайдуков, Кренке*, 2009 — *Гайдуков П. Г., Кренке Н. А.* Средневековые монеты из раскопок на Романовом дворе // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН, 2009. С. 101–109.
- Гонянный, Зайцев*, 2021 — *Гонянный М. И., Зайцев В. В.* Два монетных комплекса XVI в., обнаруженных на селище Спас-Купля 1 в Новой Москве // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М.: Контраст, 2021. Вып. 9. С. 420–436.
- Горбань, Малезик*, 2019 — *Горбань П. И., Малезик В. А.* Русская денга 1730–1754 годов выпуска в денежном хозяйстве Речи Посполитой на землях Беларуси // Монеты России XVIII — начала XX века: Сборник воспоминаний и статей к 100-летию В. В. Узденикова / Отв. ред. А. В. Храменков. М.: Леопарт, 2019. С. 201–212.
- Гришин, Осипов*, 2003 — *Гришин Б. Н., Осипов С. В.* Об одной группе монетных находок Тверского края // ТТЗ. 2003. Вып. 5. С. 135–147.
- Гришин и др.*, 2015 — *Гришин И. В., Клешинов В. Н., Храменков А. В.* Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV до правления Петра I (1533–1717 гг.). М.: Леопарт, 2015. 692 с.
- Гулецкий, Петрунин*, 2017 — *Гулецкий Д. В., Петрунин К. М.* Русские средневековые монеты. М.: б. и., 2017. 660 с.
- Зайцев*, 1995а — *Зайцев В. В.* Новые находки медных пул XV–XVI вв. при археологических раскопках в Москве // Всероссийская нумизматическая конф.: Тез. докл. и сообщ. (Владимир, 17–21 апреля 1995 г.). М.: Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 1995. Вып. 3. С. 46–48.
- Зайцев*, 1995б — *Зайцев В. В.* Пула XV–XVI вв. из археологических раскопок в Москве 1993–1994 гг. // Международный нумизматический альманах «Монета» / Отв. ред. А. В. Быков. Вологда: Ардвисура, 1995. Вып. 3. С. 22–30.
- Зайцев*, 1999 — *Зайцев В. В.* Три монетных комплекса XV–XVI вв. из раскопок на Гостином дворе в Москве // VII Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. (Ярославль, 19–23 апреля 1999 г.). М.: ГИМ, 1999. С. 114–118.
- Зайцев*, 2006 — *Зайцев В. В.* Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев: ЮНОНА-монета, 2006. 204 с.
- Зайцев*, 2010 — *Зайцев В. В.* О «Тверских деньгах», относимых к чекану Ивана Ивановича Молодого

- (1485–1490) // Нумизматика / Глав. ред. Н. Ю. Каштанова. М.: ИТА-Принт, 2010. Вып. 2 (25). С. 16–21.
- Зайцев*, 2018 — *Зайцев В. В.* Денга Бориса Годунова и некоторые вопросы участия мелких номиналов в обращении в начале XVII в. // Нумизматические чтения ГИМ 2018 года: Материалы докл. и сообщ. (Москва, 27, 28 ноября 2018 г.) / Отв. ред. Е. В. Захаров. М.: ГИМ, 2018. С. 179–184.
- Зайцев*, 2019а — *Зайцев В. В.* О датировке некоторых типов поздних московских пул // Нумизматические чтения ГИМ 2019 года: Материалы докл. и сообщ. (Москва, 26, 27 ноября 2019 г.) / Отв. ред. Е. В. Захаров. М.: ГИМ, 2019. С. 174–181.
- Зайцев*, 2019б — *Зайцев В. В.* Медные монеты новгородской чеканки XV–XVI вв. // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики: Сб. ст. / Под ред. Д. В. Гулецкого. Тула: Борис-Принт, 2019. Вып. 7. С. 284–292.
- Зайцев*, *Бадретдинов*, 2019 — *Зайцев В. В.*, *Бадретдинов Н. Н.* Комплекс пул конца XV в. из Ярославской области // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики: Сб. ст. / Под ред. Д. В. Гулецкого. Тула: Борис-Принт, 2019. Вып. 7. С. 280–283.
- Зверев*, 2004 — *Зверев С. В.* К истории русских денежных реформ 1654–1663 гг. // Патриарх Никон и его время: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Е. М. Юхименко. М.: ГИМ, 2004 (Тр. ГИМ; Вып. 139). С. 108–143.
- Иванова*, *Хохлов*, 2019 — *Иванова А. Б.*, *Хохлов А. Н.* Культурный слой северной части Тверского кремля по материалам раскопа 2017 г. на Волжском проезде г. Твери (предварительная публикация) // ТТЗ. 2019. Вып. 12. С. 100–129.
- Исаев и др.*, 2021 — *Исаев А. А.*, *Волков И. В.*, *Гайдуков П. Г.* Нумизматические находки из раскопок в Твери на ул. Новоторжской в 2019–2020 гг. // XXI Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. (Тверь, 24–29 мая 2021 г.). Тверь: б. и., 2021. С. 186–188.
- Лазарев*, 2017 — *Лазарев А. С.* Находки медных тверских пул в г. Костроме на раскопе «Мелочные ряды I» в 2014–2015 гг. // ТТЗ. 2017. Вып. 10. С. 158–165.
- Лапшин*, 2009 — *Лапшин В. А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.
- Лапшин*, 2020 — *Лапшин В. А.* Полный научно-технический отчет историко-культурное научное археологическое обследование (раскопки) на объекте археологического наследия: «культурный слой г. Твери», на земельном участке, отведенном под строительство жилого дома, расположенного по адресу: г. Тверь, ул. Л. Базановой, 28. Т. 1. Санкт-Петербург // Архив Центра спасательной археологии ИИМК РАН.
- Лапшин*, 2021 — *Лапшин В. А.* Полный научно-технический отчет историко-культурное научное археологическое обследование (раскопки) объекта культурного наследия «Затьмацкий посад г. Твери», расположенный на земельном участке с кадастровым номером 69:40:0400010:3 по адресу: г. Тверь, ул. Ефимова, д. 32. Т. 1, 2. Текст. Ч. 1, 2 // Архив Центра спасательной археологии ИИМК РАН.
- Максимов*, 1997 — *Максимов А. В.* Медный клад XVIII в. из Любимского района // V Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. (Москва, 21–25 апреля 1997 г.). М.: ГИМ, 1997. С. 86–88.
- Максимов*, 1998 — *Максимов А. В.* Еще раз о медных кладах // VI Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. (Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г.). СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. С. 165–168.
- Максимов*, 2002 — *Максимов А. В.* Клад медных монет 16-ти рублевой стопы из Некрасовского района // X Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. (Псков, 10–20 апреля 2002 г.). М., 2002. С. 209–112.
- Мельникова*, 1989 — *Мельникова А. С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Великого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год.) М.: Финансы и статистика, 1989. 318 с.
- Мельникова*, 2003 — *Мельникова А. С.* Русские монетные клады рубежа XVI–XVII веков. Киев: ЮНОНА-монета, 2003. 200 с.
- Мельникова*, 2005 — *Мельникова А. С.* Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков. М.: Стрелец, 2005. 320 с.
- Мельникова*, *Дядченко*, 1994 — *Мельникова А. С.*, *Дядченко О. С.* Монетные клады. Сводка кладов и сведений о находках с русскими монетами, поступившими в Государственный Исторический музей после 1966 г. М.: ГИМ, 1994. 112 с.
- Новиков*, *Хухарев*, 1999 — *Новиков А. В.*, *Хухарев В. В.* Монеты из погребений некрополя у церкви Алексея — человека Божия в Твери // ТТЗ. 1999. Вып. 3. С. 155–165.
- Осипов*, 2005 — *Осипов С. В.* О находках подражаний большим пулам в Тверской области // XIII Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. (Москва, 11–15 апреля 2005 г.). М.: Альфа-Принт, 2005. С. 112–114.
- Персов*, *Солдатенкова*, 2007 — *Персов Н. Е.*, *Солдатенкова В. В.* Некоторые итоги изучения одного из средневековых «кварталов» Затьмацкого

- посада г. Твери (по материалам раскопок 1992–2002 гг.) // Тверской археологический сборник. Тверь: Триада, 2007. Вып. 6, т. II. С. 345–379.
- Ремецас, Синчук, 2011 — Ремецас Э., Синчук И. И. Мелкая российская монета XVIII в. в денежном обращении Великого княжества Литовского // XVI Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. (Санкт-Петербург, 18–23 апреля 2011 г.). СПб.: Гос. Эрмитаж, 2011. С. 93–95.
- Рудников, 2016 — Рудников С. А. Археологические данные к топографии средневековой улицы на Зятьмацком посаде г. Твери (по результатам раскопок 2014 г.) // ТТЗ. 2016. Вып. 9. С. 221–228.
- Рудников, 2018 — Рудников С. А. О находках монет XVI в. из средневековой постройки на территории Зятьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 2014 г.) // ТТЗ. 2018. Вып. 11. С. 141–147.
- Рыбакова, 2018 — Рыбакова О. Е. Предварительные результаты спасательных археологических работ на селище Глинково в Калининском районе Тверской области в 2015 году // ТТЗ. 2018. Вып. 11. С. 173–189.
- Сафарова и др., 2009 — Сафарова И. А., Хухарев В. В., Клочков К. В. Клад монет времени Василия Шуйского из археологических исследований 2007 г. в Твери // XV Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. (Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009 г.). М.: ИТА-Принт, 2009. С. 150–152.
- Сафарова, Хухарев, 2010 — Сафарова И. А., Хухарев В. В. Монетные находки в археологическом контексте (по материалам раскопа № 119 на Загородском посаде г. Твери) // ТТЗ. 2010. Вып. 6. С. 279–285.
- Сафарова и др., 2019 — Сафарова И. А., Хохлов А. Н., Беляев Л. А. Постройки XV–XVI вв., расположенные вблизи апсид собора Спаса Преображения в Тверском кремле (по материалам раскопок 2013–2014 гг.) // ТТЗ. 2019. Вып. 12. С. 196–220.
- Сборник..., 1887 — Сборник указов по монетному и медальному делу в России помещенных в полном собрании законов с 1649 по 1881 г. / Сост. М. Демени. СПб.: Изд. вел. кн. Георгия Михайловича, 1887. Вып. 1. 578 с.
- Синчук, 2013 — Синчук И. И. 1826 // XVII Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. (Москва, 22–26 апреля 2013 г.). М.: Триумф принт, 2013. С. 158, 159.
- Смирнов и др., 2018 — Смирнов А. Н., Алексеев А. В., Двуреченский О. В. Комплекс усадьбы вотчинника из раскопок селища Игнатьево 2 в окрестностях средневекового Звенигорода // ТТЗ. 2018. Вып. 11. С. 252–289.
- Солдатенкова, Персов, 2005 — Солдатенкова В. В., Персов Н. Е. К вопросу о бронзолитейном производстве и бытовании некоторых образцов медного литья в одном из кварталов средневековой Твери XV–XVI вв. // Ставрографический сборник. М.: Древлехранилище, 2005. Кн. III. С. 210–222.
- Сотникова, 1997 — Сотникова М. П. О денежном чекане великого князя Тверского Ивана Михайловича (первая четверть XV в.) // V Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. (Москва, 21–25 апреля 1997 г.). М.: ГИМ, 1997. С. 65, 66.
- Спасский, 1970 — Спасский И. Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Изд. четвертое, дополненное. Л.: Аврора, 1970. 256 с.
- Ткаченко, 2002 — Ткаченко В. А. Находки тверских медных пул в Калуге // ТТЗ. 2002. Вып. 4. С. 252–255.
- Уздеников, 1995 — Уздеников В. В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах 1700–1917. М.: Малая Медведица, 2005. 168 с.
- Уздеников, 2004 — Уздеников В. В. Монеты России XVIII — начала XX века. Очерки по нумизматике. Факты, предположения, рекомендации. 3-е изд., испр. и доп. М.: Круг коллекционеров, 2004. 590 с.
- Уздеников, 2011 — Уздеников В. В. Монеты России 1700–1917. 4-е изд.. М.: Любимая книга, 2011. 498 с.
- Хохлов, Нестерова, 1996 — Хохлов А. Н., Нестерова М. Е. О постройках домонгольского времени на территории Зятьмацкого посада г. Твери // ТТЗ. 1996. Вып. 1. С. 158–173.
- Хухарев, 1997 — Хухарев В. В. Монетные находки из раскопа № 7 Тверского кремля // ТТЗ. 1997. Вып. 2. С. 247–256.
- Хухарев, 2000 — Хухарев В. В. Тверской денежный двор в XVI в. при Иване Грозном // VIII Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. (Москва, 17–21 апреля 2000 г.). М.: ГИМ, 2000. С. 145, 146.
- Хухарев, 2001 — Хухарев В. В. К топографии монетных находок и кладов Старицких и Микулинских земель // Нумизматика в Историческом музее. Нумизматический сборник. Ч. XIV / Отв. ред. А. С. Беляков. М.: Желдориздат, 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 115). С. 272–295.
- Хухарев, 2002а — Хухарев В. В. Тверские клады: состав и хронология // Клады: состав, хронология, интерпретация: Материалы тематической науч. конф. (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.). СПб.: СПбГУ, 2002. С. 175–180.

- Хухарев*, 2002б — *Хухарев В. В.* Тверское денежное обращение второй половины XV в. и «денга золота» // X Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. (Псков, 15–20 апреля 2002 г.). М.: ТИССО-полиграф, 2002. С. 158–160.
- Хухарев*, 2013 — *Хухарев В. В.* К вопросу о технологии производства ранних тверских пул // XVII Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. (Москва, 22–26 апреля 2013 г.). М.: Триумф принт, 2013. С. 124–126.
- Чекунина*, 2020 — *Чекунина Н. В.* Медные русские пула с отверстиями (по материалам тверского музея) // ТТЗ. 2020. Вып. 13. С. 138–146.
- Юхт*, 1994 — *Юхт А. И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М.: Финансы и статистика, 1994. 336 с.

Numismatic finds from Tver and Tver Oblast in 2019 and 2020 (after investigations by IHMC RAS)

K. V. Gorlov, V. A. Lapshin, K. A. Mikhaylov, A. A. Lazarev,
K. V. Khludnev, K. V. Kononchuk, R. V. Filippenko, A. A. Bessudnov⁴⁵

Keywords: Tver, pulo (copper coin), coins, cultural layer, coin circulation period, chronology.

In 2019 and 2020, the Tver City Archaeological Expedition of the Department of Rescue Archaeology of IHMC RAS carried out scientific research in the form of archaeological excavations in Tver, Zatmatsky Posad, and outside its limits: in the modern micro-district of Migalovo, as well as in the Konakovsky District of Tver Oblast at the settlement site of Shosha-1. In the course of these works, a collection of 209 single coins and two hoards was obtained (Table № 1–6; Figs. 1–7). A comprehensive study of numismatic evidence and written documents allows us at present to consider these monetary signs as a highly informative interdisciplinary source.

The coins found in Tver and Tver Oblast were employed as one of the most important chronological indicators for obtaining more precise dates of the formation of the cultural layer. It has been established that the removal from circulation of the large pulos found during excavations in Yefimov Street was taking place most probably throughout the 15th cent. Finds of small pulos and rather rare silver coins possibly mark the period from the 15th cent. until the Time of Troubles, although their removal from circulation had taken place most possibly not before the crushing of Tver in 1569 by the *oprichnic* armies of Ivan the Terrible. The absence of coins of the 17th cent. among the revealed artefacts reflects the situation mentioned in written sources which tell about the desertion of a considerable area of Zatmatsky Posad and using it as tillable lands during that period.

The segment of the numismatic collection obtained during the excavation in Troitskaya Street, including a series of pulos, marks the formation of the cultural layer in the end of the 15th — early 16th cent. The monetary hoard hidden in the 1760s was related with the use of the area in the second half of the 18th cent.

The numismatic material recorded in the course of excavations of the settlement site of Migalovo 1 allows the researchers to distinguish two chronological spans when the monetary signs could have been removed from circulation. The first stage is dated to the late 15th — 16th cent. The absence of examples of the 17th cent. among the coin finds, in particular kopecks of Aleksey Mikhaylovich, repeats the situation observed during excavations in other districts of Tver. The second chronological span covering the 1730s and 1740s is marked by monetary signs of ten-rouble denominations recorded as single finds and among a small complex.

Coins found in the course of excavations in Tver in Lidiya Bazanova Str., house 48, indicate an active development of this area from the middle of the 19th cent. to the beginning of the 20th cent. Of special importance here is a finding of two coins of Alexander II and Nickolas II, which distinctly reflect the structure of everyday monetary circulation and date the cultural layer.

The numismatic collection obtained during excavations of the settlement site of Shosha-1 allows us to trace the economic development of this area from the early 16th to the mid-1930s generally coinciding with the evidence of written sources. The largest quantity of coins was lost here in the 18th century and at the turn between the 19th and 20th cen.

⁴⁵ Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: K. V. Gorlov — konstantinv.gorlov2018@yandex.ru, V. A. Lapshin — vladimirlapshin51@yandex.ru, K. A. Mikhaylov — mikhailov_kirill@mail.ru, A. A. Lazarev — alexandrlazarev2013@yandex.ru, K. V. Khludnev — kkhudnev@gmail.com, K. V. Kononchuk — konstantinkonon@mail.ru, R. V. Filippenko — rovf74@mail.ru, A. A. Bessudnov — bessudnov_a22@mail.ru.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Памятники культуры шнуровой керамики юго-восточного побережья Финского залива между реками Лугой и Ковашей¹

А. Ю. Городилов²

Аннотация. В статье рассматриваются данные о найденных в 2018–2021 гг. Ленинградской областной археологической экспедицией ИИМК РАН поселениях и стоянках юго-восточного побережья Финского залива, на которых присутствуют материалы культуры шнуровой керамики. В результате проведенных полевых работ были получены опорные коллекции материалов культуры шнуровой керамики для рассматриваемого региона. Анализируются их культурная принадлежность, а также топографическая приуроченность памятников, характер культурного слоя и основные связанные с ним объекты.

Ключевые слова: поселение, стоянка, эпоха раннего металла, культура шнуровой керамики, юго-восточное побережье Финского залива.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-172-184

Появление и распространение шнуровой керамики в Балтийском регионе в начале III тыс. до н. э. являются одним из наиболее значительных событий того времени. Впервые описанные еще в XIX в. эти древности являются объектом пристального изучения и по сей день. Во многих странах Балтийского региона только за последние десятилетия вышли многочисленные статьи и монографии, посвященные местным вариантам культуры шнуровой керамики, что говорит об актуальности данной темы (Крийска, Нордквист, 2021; Nordqvist, 2016; Зальцман, 2021a; 2021б; Kholkina, 2017; Carpelan, 2004; Piličiauskas, 2018; и др.). Юго-восточное побережье Финского залива длительное время находилось на периферии внимания исследователей шнуровой керамики. Традиционно регион воспринимался как бесперспективный с точки зрения возможностей нахождения здесь древностей,

связанных с культурой шнуровой керамики (Nordqvist, 2016. Р. 49). Ситуация начала меняться в начале 2000-х гг., когда в ходе многолетних работ, проводимых российскими и зарубежными специалистами, на территории Нарвско-Лужского междуречья было открыто более 10 памятников культуры шнуровой керамики. Тем не менее участок побережья к востоку от р. Луги оставался белым пятном на археологической карте вплоть до настоящего времени. Целью данной статьи является ввод в научный оборот новых данных, полученных в ходе работ на юго-восточном берегу Финского залива к востоку от р. Луги до течения р. Коваши.

История исследования памятников эпохи первобытности на юго-восточном побережье Финского залива между реками Лугой и Ковашей

Отсутствие данных о древностях, связанных с культурой шнуровой керамики на юго-восточном побережье Финского залива, безусловно, является результатом его слабой изученности. Исследования, направленные на поиск памятников каменного века — раннего металла, до начала XXI в. здесь почти не проводились, а в начале XXI в. осуществлялись лишь спорадически.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию» (FMZF-2022-0016).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: ramapitec@yandex.ru.

До второй половины XX в. здесь были известны лишь единичные находки, представленные в основном сверленными топорами, происходящими с этой территории (Уваров, 1888. С. 39; Гурина, 1961. С. 532; Конькова, 2009. С. 14). В 1980-х гг. В. И. Тимофеев начал исследования в данном регионе. В 1983 г. у истока р. Хаболовки им была найдена стоянка, материалы которой содержали многочисленные фрагменты керамики эпохи раннего металла (Тимофеев, 1983; 1993. Рис. 3, карта 4). Спустя 20 лет, в 2005 г., стоянка была осмотрена С. Н. Лисицыным, А. И. Мурашкиным и С. В. Бельским. Тогда на обочине проселочной дороги, идущей вдоль берега реки, и на огородах ими был собран подъемный материал, включающий в том числе и три фрагмента керамических сосудов, относящихся к шнуровой керамике (Мурашкин, 2004). В 2003–2004 гг. А. И. Мурашкиным и С. Н. Лисицыным к востоку от г. Сосновый Бор были открыты неолитические стоянки Калищенское 1 и Калищенское 2, содержащие материалы гребенчато-ямочной керамики (Лисицын, 2006. С. 119), также в Петродворцовом районе Санкт-Петербурга на современном пляже ими было обнаружено местонахождение предметов каменного века Александрия (Герасимов и др., 2012. С. 247). В 2008 г. С. Н. Лисицыным совместно с Д. В. Герасимовым и С. В. Бельским на берегу Сюрьевского болота к северу от дер. Коваши был открыт памятник, предположительно относящийся к мезолиту, — Сюр 1 (Герасимов и др., 2010), на котором С. Н. Лисицыным в 2009 г. проведены раскопки площадью 9 кв. м.

Планомерное изучение памятников каменного века осуществлялось и к западу от рассматриваемой территории — в Нарвско-Лужском междуречье. Оно началось в 2005 г. и было продолжено в ходе серии проектов, в которых принимали участие сотрудники как российских (МАЭ РАН, ИИМК РАН, СПбГУ), так и зарубежных археологических учреждений. За 15 лет здесь было выявлено 58 памятников каменного века — раннего металла. Результаты этих работ обобщены в коллективной монографии под редакцией Д. В. Герасимова о памятниках эпохи первобытности Нарвско-Лужского междуречья (Памятники..., 2019). Среди прочих на территории были выявлены две группы памятников, содержащих материалы культуры шнуровой керамики: на р. Россони (стоянки Россонь 1, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12) и в урочище Вяйке-Ропсу (стоянки Вяйке-Ропсу 1, 6, 7) (рис. 1) (Kholkina, 2017. P. 149). К востоку от рассматриваемого района в 2008–2009 гг.

раскопки памятника каменного века Охта 1, расположенного на мысу при слиянии рек Охты и Невы, проводили П. Е. Сорокин и Т. М. Гусенцова. Основная часть материалов, полученных при раскопках, относится к периоду среднего и позднего неолита (Гусенцова и др., 2012. С. 269), но в ходе раскопок были зафиксированы и древности шнуровой керамики, представленные единичными находками (Там же. С. 268). В 2010 г. исследования на Охтинском мысу были продолжены экспедицией ИИМК РАН под руководством Н. Ф. Соловьевой. В материалах, полученных экспедицией, также содержатся единичные фрагменты, относящиеся к культуре шнуровой керамики.

Таким образом, к 2018 г. древности культуры шнуровой керамики на юго-восточном побережье Финского залива к востоку от р. Луги были представлены единичными находками, происходящими с памятников у оз. Хаболово, Охта-1 и случайными находками каменных шлифованных изделий.

С 2018 г. и по настоящее время в регионе к востоку от р. Луги проводит работы Ленинградская областная археологическая экспедиция (ЛОАЭ) ИИМК РАН. В ходе работ экспедиции удалось выявить более 30 памятников каменного века — эпохи бронзы, на девяти из которых представлены материалы культуры шнуровой керамики. На трех памятниках (Галик 11, Косколово 11 и стоянке в дер. Коваши) проведены раскопки, на остальных — сбор подъемного материала и шурфовка (рис. 1).

Краткие сведения о памятниках

Поселение Галик 11. Расположено в Кингисеппском районе Ленинградской области, в нижнем Полужье, на правом берегу р. Луги, в урочище Галик. Поселение приурочено к южной оконечности песчаной гряды, вытянутой вдоль западного края Куровицкого плато. Абсолютные отметки верха гряды 9,0–9,5 м БС. В настоящее время памятник расположен на краю заболоченной низины, тянущейся до берега р. Луги на 0,7 км. Размеры поселения составляют 400 × 70–80 м, а площадь — около 20 000 кв. м.

Поселение открыто весной 2020 г. в ходе производства работ под хозяйственное освоение территории. В 2020 и 2021 гг. на нем произведены раскопки общей площадью около 4000 кв. м. В процессе раскопок выяснилось, что на поселении представлены материалы различных культурно-хронологических групп — гребенчато-ямочной керамики, поздней гребенчатой керамики, шнуровой керамики, сетчатой керамики с минеральной

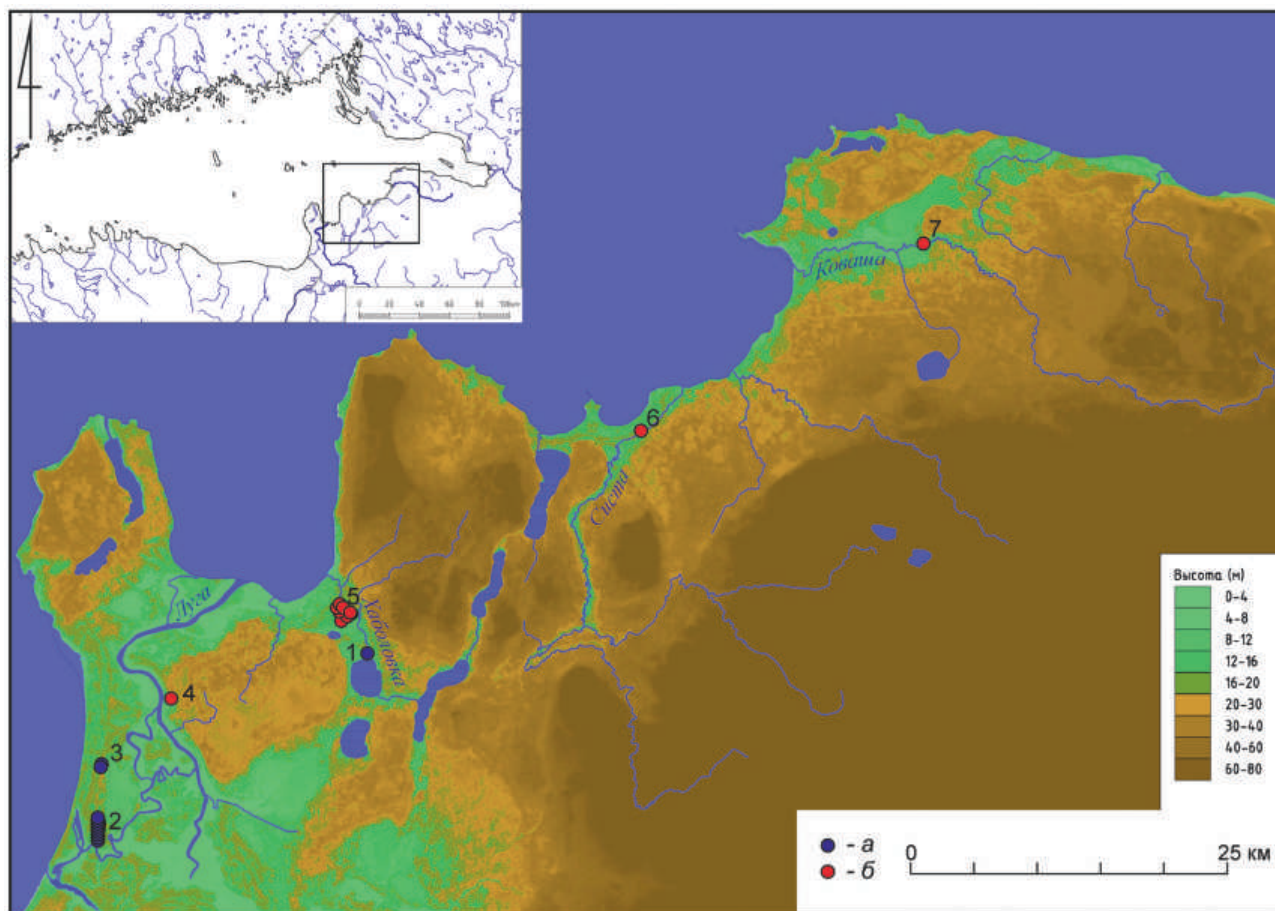

Рис. 1. Памятники культуры шнуровой керамики юго-восточного побережья Финского залива (а — известные к 2018 г.; б — найденные после 2018 г.): 1 — стоянка Хаболово; 2 — группа памятников на р. Россони; 3 — Вяйке-Ропсу 6 и 7; 4 — поселение Галик 11; 5 — группа памятников на р. Хаболовке; 6 — стоянка Систа 2; 7 — стоянка в дер. Коваша (на основе Памятники..., 2019. Рис. 9; Тимофеев, 1993. Рис. 3, карта 4, и работ ЛОАЭ ИИМК РАН)

Fig. 1. Map of the south-eastern littoral of the Gulf of Finland with indication of the sites of the Corded Ware culture known by 2018 (a) and discovered after 2018 (b): 1 — camp site of Khabolovo; 2 — group of sites on the Rosson River; 3 — Väike-Ropsu 6 and Väike-Ropsu 7; 4 — settlement of Galik 11; 5 — group of sites on the Khabolovka River; 6 — open-air site of Sista 2; 7 — open-air site in v. Kovashi (after Памятники..., 2019. Fig. 9; Тимофеев, 1993. Fig. 3, map 4, and studies of the Leningrad Oblast Archaeological Expedition of IHMC RAS)

примесью эпохи бронзы и штрихованной керамики раннего железного века. Материалы различных периодов имели разную топографическую приуроченность, ареалы их распространения пересекались лишь в периферийных частях, что позволило говорить о «чистом» комплексе шнуровой керамики на поселении. Древности шнуровой керамики залегали в разделенных стерильными пространствами скоплениях, исследования которых позволили не только получить большое количество археологического материала, но и выделить комплекс каменных находок, представленный каменными абразивами, кремневыми и кварцевыми изделиями, рубящими

орудиями, связанный с культурой шнуровой керамики. Результаты раскопок частично опубликованы в статье в 2021 г. (Городилов, Раззак, 2021), а также в статье, вошедшей в настоящее издание (Городилов, Раззак, 2022. С. 11–31).

В 2018–2021 гг. разведочные работы были проведены в бассейне р. Хаболовки, расположенной в 15 км восточнее поселения Галик 11. Хаболовка является протокой, соединяющей Хаболовское озеро с Финским заливом. При разведочных работах в ее среднем течении на небольшом участке протяженностью около 1,5 км было найдено 11 памятников неолита — эпохи бронзы (Косколово 5–15), на шести из которых зафиксированы

материалы культуры шнуровой керамики (рис. 2). Все памятники приурочены к песчаным формациям (террасам, береговым валам и др.), окаймляющим палеозалив древней Балтики, по дну которого в настоящее время протекает Хаболовка.

Поселение Косколово 5. Памятник расположен в Кингисеппском районе Ленинградской области, в 1,6 км к югу от дер. Косколово на левом берегу р. Хаболовки, на песчаном всхолмлении высотой около 11 м БС. Общие размеры памятника 200 × 80 м, площадь — около 13 000 кв. м. На поселении заложено семь шурфов, в которых прослежен литологически выраженный культурный слой мощностью до 0,5 м, представленный серым гумусированным песком с включениями углей, содержащий фрагменты керамических сосудов, кварцевый и кремневый инвентарь, а также кальцинированные кости. В основном материал, происходящий из шурфов, представлен керамической крошкой и небольшими фрагментами керамики без лицевой поверхности, преимущественно с органической примесью, сделанной из рыхлого пористого теста, относящейся к нарвской и поздней гребенчатой керамическим традициям. В коллекции присутствует один черепок шнуровой керамики (рис. 3, 1). Это небольшой фрагмент прямого венчика с утолщением по внешней части, декорированный горизонтальным оттиском шнура, идущим под венчиком. В тесте сосуда присутствуют полости от тонких выгоревших органических волокон.

Стоянка Косколово 6. Памятник расположен в бассейне р. Хаболовки на ее левом берегу, в 1,8 км к югу от дер. Косколово, в 0,45 км к юго-западу от поселения Косколово 5. Стоянка расположена на северном борту заболоченной котловины, в центре которой находится оз. Леший, на расстоянии 0,6 км к западу от реки, на высотных отметках 10 м БС. Здесь на песчаной гряде, представляющей собой серию дюн, в обрыве лесной дороги был собран подъемный материал, состоящий из нескольких небольших фрагментов шнуровой керамики. На месте сбора подъемного материала заложено шурф, показавший следующую стратиграфию: под дерновым слоем находился слой лесного подзола, перекрывавший слой желтого среднезернистого песка мощностью до 0,2 м. В этом слое было найдено 20 фрагментов керамических сосудов, относящихся к культуре шнуровой керамики. Размеры памятника не превышают 20 × 20 м, площадь 400 кв. м.

Всего на стоянке найдено 24 фрагмента керамики общей массой 30 г, вероятно, принадлежащие одному сосуду. Черепки сделаны из плотного

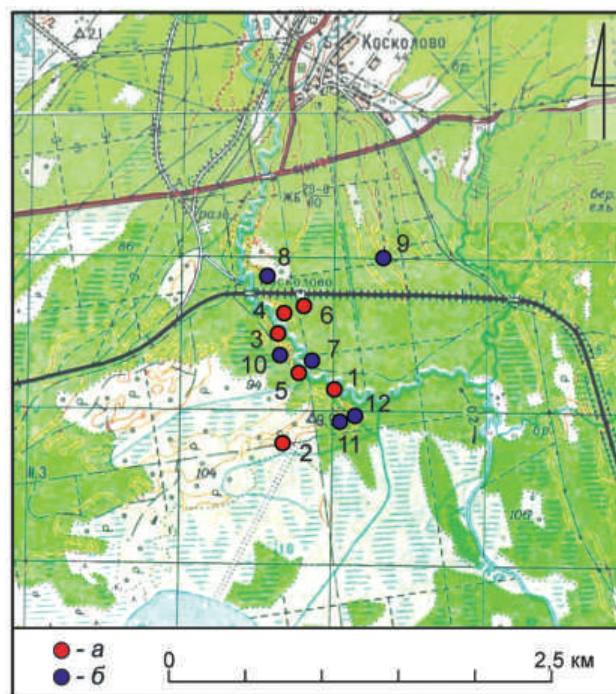

Рис. 2. Памятники культуры шнуровой керамики (а) и иные памятники эпохи первобытности (б) бассейна р. Хаболовки: 1 — Косколово 5; 2 — Косколово 6; 3 — Косколово 9; 4 — Косколово 10; 5 — Косколово 11; 6 — Косколово 12; 7 — Косколово 13; 8 — Косколово 4; 9 — Косколово 7; 10 — Косколово 8; 11 — Косколово 14; 12 — Косколово 15

Fig. 2. Sites of the Corded Ware culture (a) and other sites of the Prehistoric Age (b) from the basin of the Khabolovka River: 1 — Koskolovo 5; 2 — Koskolovo 6; 3 — Koskolovo 9; 4 — Koskolovo 10; 5 — Koskolovo 11; 6 — Koskolovo 12; 7 — Koskolovo 13; 8 — Koskolovo 4; 9 — Koskolovo 7; 10 — Koskolovo 8; 11 — Koskolovo 14; 12 — Koskolovo 15

хорошо обожженного теста. Во всех фрагментах присутствуют примесь шамота и следы выгоревшей органики в виде хаотично расположенных полостей от тонких волокон. Толщина стенок сосуда 0,6–0,7 см. Венчик прямой, с утолщением на внешней части, орнаментирован косыми ногтевидными оттисками, нанесенными по внешнему краю. Кроме этого, орнамент присутствует только на одном фрагменте, декорированном горизонтальными оттисками шнура (рис. 3, 2, 3).

Поселение Косколово 9. Поселение расположено на левом берегу р. Хаболовки. Река здесь протекает вдоль уступообразной террасы высотой 8,8 м БС, огибая плавно понижающийся мыс, выдающийся на северо-восток на расстояние до 50 м, к которому и было приурочено поселение. Поверхность ровная, без выраженных перепадов.

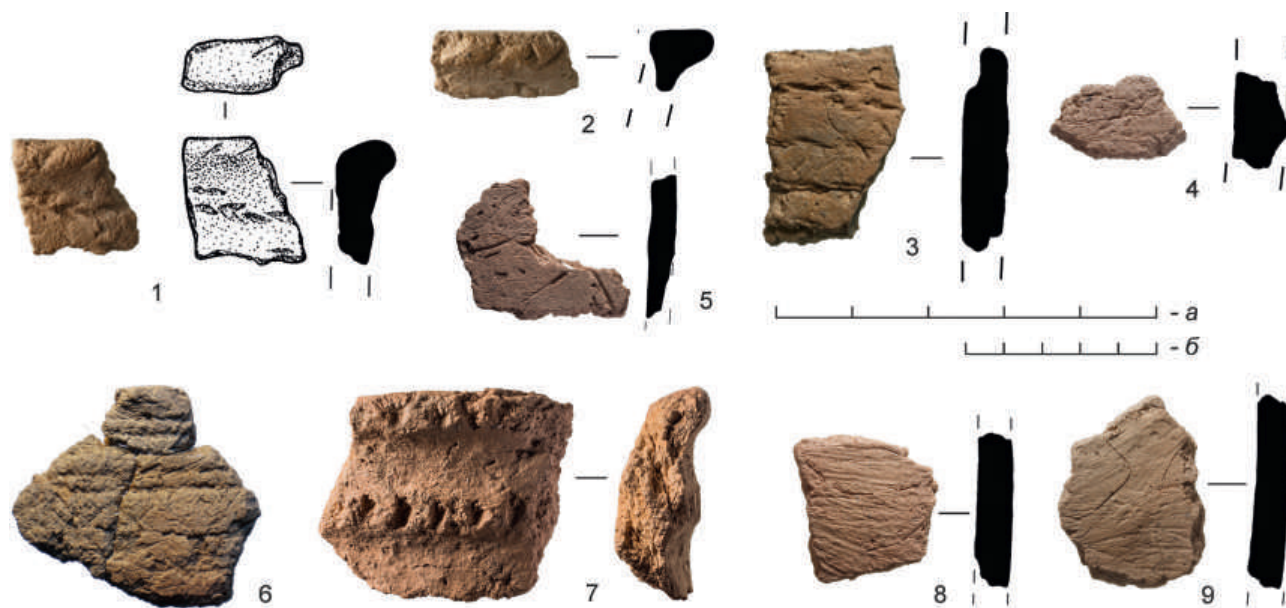

Рис. 3. Фрагменты сосудов культуры шнуровой керамики, происходящие с памятников бассейна р. Хаболовки и стоянки Систа 2: 1 — Косколово 5; 2, 3 — Косколово 6; 4 — Косколово 10; 5 — Систа 2; 6 — Косколово 9; 7 — Косколово 11; 8, 9 — Косколово 12. Масштаб: а — для 1-5; б — для 6-9

Fig. 3. Fragments of pottery of the Corded Ware culture from sites in the basin of the Khabolovka River and from the camp site of Sista 2: 1 — Koskolovo 5; 2, 3 — Koskolovo 6; 4 — Koskolovo 10; 5 — Sista 2; 6 — Koskolovo 9; 7 — Koskolovo 11; 8, 9 — Koskolovo 12. Scale: a — for 1-5; b — for 6-9

Отметки поверхности достигают 8,6–8,9 м БС. В 2021 г. на памятнике совместной экспедицией МАЭ РАН и ИИМК РАН были проведены раскопки на площади 1877 кв. м, в результате которых выяснено, что основная часть находок относится к древностям бронзового века начала II тыс. до н. э. Шнуровая керамика представлена 32 фрагментами как минимум от четырех сосудов. Все они найдены в верхней части слоя желтого среднезернистого песка, перекрытого слоем подзола. Сосуды слабопрофилированные, плоскодонные, толщина стенок составляет 0,7–1,1 см. В тесте сосудов фиксируются примесь шамота и следы выгоревшей органики в виде хаотично расположенных полостей от тонких волокон и небольших каверн размерами 1 × 2 мм. Венчик зафиксирован в двух случаях: в одном — это прямой П-образный венчик, во втором — прямой с утолщением по внешней части. Поверхность сосудов покрыта хаотичными расчесами, на одном черепке присутствует сетчатая поверхность. Орнамент зафиксирован на двух сосудах: в одном случае он состоит из пяти горизонтальных оттисков шнура, нанесенных под краем венчика, во втором — из нескольких субгоризонтальных рядов конических ямок диаметром 1–2 мм, нанесенных под срезом венчика и на дне сосуда (рис. 3, 6).

Стоянка Косколово 10. Памятник расположен в бассейне р. Хаболовки на ее правом берегу, в 50 м к северу от поселения Косколово 9. Стоянка приурочена к песчаному всхолмлению, центральная часть которого уничтожена карьером. При осмотре обреза карьера найден немногочисленный подъемный материал, представленный фрагментами стенок лепных керамических сосудов, два из которых относятся к шнуровой керамике. Литологически выраженного культурного слоя в зачистках обреза края карьера не было обнаружено. Найденные фрагменты керамики происходят из слоя желтого песка с высотных отметок около 7,5 м БС. В связи с тем что большая часть памятника уничтожена карьером, размеры стоянки установить невозможно. Обе находки, относящиеся к шнуровой керамике — небольшие неорнаментированные фрагменты стенок. В их тесте зафиксирована характерная для шнуровой керамики примесь выгоревших органических волокон и шамота (рис. 3, 4).

Стоянка Косколово 11. Стоянка расположена на левом берегу р. Хаболовки, на расстоянии 15 м к западу от старицы реки и на расстоянии 50 м к западу от ее современного русла. Река здесь протекает вдоль террасы высотой 8,5 м БС. Памятник расположен на небольшом песчаном

всхолмлении, ограниченном краем террасы с востока и заболоченной низиной с юга и запада. В 2021 г. на памятнике совместной экспедицией МАЭ РАН и ИИМК РАН были проведены раскопки на площади 572 кв. м. В ходе раскопок было выяснено, что памятник представляет собой остатки небольшой кратковременной стоянки, посещавшейся как минимум дважды: в III тыс. до н. э. носителями культуры шнуrowой керамики и на рубеже II–I тыс. до н. э. носителями культуры сетчатой керамики эпохи бронзы. К древностям культуры шнуrowой керамики относятся остатки необорудованного кострища, вокруг которого расчищены развалы и отдельные фрагменты минимум трех сосудов шнуrowой керамики.

Материалы шнуrowой керамики, найденные на стоянке, отличаются от большинства тех, что были зафиксированы в регионе. Они сделаны из плотного, хорошо обожженного теста с примесью шамота, песка и дресвы, в тесте сосудов также присутствуют небольшие каверны от выгоревшей органики, но отсутствует примесь органических волокон. Поверхность большей части черепков залощена, расчески зафиксированы только на одном сосуде. Сосуд 1 — тонкостенный (0,6 см) слабопрофилированный, с П-образным венчиком — орнаментирован одним рядом ямок под венчиком. Сосуд 2 также тонкостенный (0,5 см), неорнаментированный, имеет S-видную профилировку, округлый срез венчика. Сосуд 3 представлен фрагментами верхней части и многочисленными фрагментами стенок. Сосуд толстостенный (до 1,5 см), имеет S-видный профиль, слегка отогнутый наружу венчик и, судя по всему, округлое дно. На расстоянии 3 см под венчиком параллельно ему сделан горизонтальный валик, по которому нанесен ряд подовальных ямок, подобные оттиски нанесены и по внешнему краю венчика. Найденные на стоянке сосуды относятся к так называемой ранней шнуrowой посуде, для которой характерно наличие в тесте примеси песка и шамота и отсутствие примеси органических волокон (рис. 3, 7). Сосуд 3 находит прямые аналогии в материалах шнуrowой керамики Северной Европы. Л. Ларссон считает сосуды, декорированные двумя рядами ямок, один из которых нанесен по валику, характерными для кухонной посуды культуры шнуrowой керамики Южной Швеции и Юго-Западной Финляндии (Larsson, 2009. P. 142, 143; Edgren, 1970. Fig. 23; 1992. P. 86–92).

Стоянка Косколово 12. Памятник расположен в бассейне р. Хаболовки на ее правом берегу, на расстоянии 100 м к востоку от уреза воды

и в 120 м к северо-востоку от поселения Косколово 9. Стоянка приурочена к песчаному всхолмлению, вытянутому в меридиональном направлении, южная пола которого уничтожена карьером. Размеры сохранившейся части стоянки не превышают 55 × 45 м, а площадь — 2500 кв. м. При осмотре обреза карьера найден подъемный материал, представленный фрагментами стенок лепных керамических сосудов. В месте максимальной концентрации материала сделана зачистка борта карьера. В зачистке прослежена следующая стратиграфия: под дерновым слоем располагался слой подзола мощностью около 10 см, ниже которого был зафиксирован слой среднезернистого желтого песка мощностью до 0,5 м, нижняя часть которого ортзандирована. Археологический материал был приурочен к верхней части слоя желтого песка. Общая мощность вмещающего находки слоя не превышает 20 см. Абсолютные отметки слоя — около 9 м БС. Всего на памятнике найдено 49 фрагментов керамики, относящихся к гребенчато-ямочной и шнуrowой керамическим традициям, из них 19 (общей массой 60 г) — к шнуrowой. Все это неорнаментированные фрагменты стенок толщиной до 0,8 см, в которых фиксируется примесь песка и выгоревших органических волокон. Кроме них в тесте присутствуют небольшие каверны размерами 1 × 2 мм, также происходящие от выгоревшей органики. В наиболее крупных фрагментах встречается и примесь шамота (рис. 3, 8, 9).

Участок побережья Финского залива к северо-востоку от устья р. Хаболовки протяженностью около 30 км проходит вдоль Сойкинской возвышенности, уступообразный берег которой, сложенный преимущественно суглинками и глинами, подходит вплотную к берегу Финского залива, песчаные формации здесь выражены слабо. Береговые валы Литоринового моря представлены восточнее, между реками Пейпией и Систой. Песчаный береговой вал протяженностью около 13 км проходит здесь вдоль побережья Финского залива, отстоя от него на расстояние около 1 км. Высотные отметки гребня вала составляют 10–12 м БС. Весной 2021 г. здесь были проведены разведочные работы, в ходе которых было выявлено 10 пунктов, содержащих материалы эпохи первобытности, в основном относящиеся к культурам гребенчато-ямочной керамики и поздней гребенчатой керамики. В одном из шурфов на поселении Сиса 2 было найдено также несколько фрагментов, которые могут быть отнесены к шнуrowой керамической традиции.

Поселение Систа 2. Памятник расположен в бассейне р. Систы на ее левом берегу, на расстоянии около 30 м к северу от уреза воды, в 1,5 км к северо-востоку от дер. Систы. Стоянка расположена на песчаном валу, ограниченном с юга берегом р. Систы, а с севера — пологонаклонной низиной, идущей в сторону Финского залива. Общие размеры поселения — около 100 × 40 м, а площадь — более 4000 кв. м. Материалы, относящиеся к шнуровой керамике, представлены мелкими неорнаментированными фрагментами стенок сосудов, содержащих характерные следы выгоревших органических волокон в тесте сосуда (рис. 3, 5).

Стоянка в дер. Коваши. Самым восточным пунктом на юго-восточном берегу Финского залива, в котором зафиксированы древности шнуровой керамики, является стоянка в дер. Коваши, расположенная на правом берегу р. Коваши, в 60 м к северу от уреза воды и в 10 км к востоку от устья реки. Памятник приурочен к песчаному всхолмлению высотой около 9,5 м БС, окруженному заболоченной низиной. Размеры всхолмления установить невозможно, поскольку окружающий рельеф подвергнут сильному антропогенному воздействию. Основная часть всхолмления занята средневековым могильником XV–XVI вв., частично исследованным в 2019 г. ЛОАЭ ИИМК РАН. В заполнении погребений и пространстве между могилами в центральной, наиболее высокой части холма, в слое желтого песка были зафиксированы находки, относящиеся к культуре шнуровой керамики. Литологически выраженный культурный слой, связанный с поселением этого времени, отсутствовал.

Всего в процессе работ было собрано 59 фрагментов керамики общей массой 450 г, происходящих как минимум от восьми сосудов. Все они относятся к культуре шнуровой керамики. Черепки выполнены из плотного хорошо обожженного теста светло-коричневого цвета. В тесте большинства фрагментов фиксируются следы выгоревшей органики в виде полостей от тонких волокон. Кроме них в тесте присутствуют небольшие каверны, также происходящие от выгоревшей органики. В тесте некоторых фрагментов фиксируется примесь песка и шамота. Поверхность сосудов часто гладкая и не имеет видимых следов технологической обработки. В ряде случаев на внешней и внутренней поверхностях фиксируются хаотические расчесы от заглаживания. Форма сосудов целиком не реконструируется. Венчики прямые, без утолщения, скошенные внутрь или прямые П-образные с незначительным утолщением

на внешней части. Форма донца зафиксирована у двух сосудов — в обоих случаях это плоскодонные сосуды, в одном случае в придонной части выражен «карниз» (рис. 4, 6).

Выделяются два типа сосудов.

1. Широкогорлые плоскодонные слабопрофилированные толстостенные (около 1 см). Всего их насчитывается как минимум пять. Диаметр по венчику у них неопределим. Подобные сосуды орнаментированы преимущественно горизонтальными линиями из оттисков шнура (рис. 4, 1, 2), таким же оттиском украшен и срез венчика, при этом оттиск нанесен перпендикулярно краю венчика. Кроме того, в одном случае зафиксирован орнамент, состоящий из вертикальных продавленных линий (рис. 4, 4) и сквозной овальной ямки. На одном сосуде присутствует горизонтальный налп, нанесенный по тулову (рис. 4, 5). Один сосуд не орнаментирован (рис. 4, 3).

2. Миниатюрные тонкостенные сосуды. Представлены как минимум тремя экземплярами с толщиной стенки 0,5–0,6 см (рис. 4, 8, 9, 10). На одном сосуде декор отсутствует, на двух других зафиксирован орнамент в виде рядов неглубоких аморфных ямок. В орнаментированных сосудах отсутствует органическая примесь, но присутствует примесь песка.

Помимо фрагментов керамических сосудов найдены и каменные изделия. В основном это отходы расщепления кварца и кремня. Всего обнаружены 43 кварцевых и два кремневых отщепы. Кроме них найдены фрагмент шлифованного сланцевого орудия (рис. 4, 11) и два каменных абразива из крупнозернистой песчаниковой плитки (рис. 4, 12).

Все описанные выше памятники имеют ряд общих черт, выраженных как в расположении, так и в характере находимых на них артефактов.

Топографическая приуроченность и характер культурного слоя памятников

Памятники культуры шнуровой керамики имеют схожую топографическую приуроченность. Они расположены на песчаных формациях на высотных отметках от 7,5 м БС (Косколово 10) до 11 м БС (Косколово 5). Большинство стоянок находятся на берегах существующих рек (Хаболовки, Систы, Коваши), расстояние до современного уреза воды для них не превышает 100 м. Вместе с тем на некоторых памятниках фиксируется и иная ситуация: так, расстояние от поселения Галик 11 до берега р. Луги составляет 0,7 км, а сам памятник, вероятно, был приурочен к морскому

Рис. 4. Находки со стоянки у дер. Коваши: 1-10 — фрагменты керамических сосудов; 11 — фрагмент шлифованного сланцевого изделия; 12 — абразив из песчаника

Fig. 4. Finds from the site near v. Kovashi: 1-10 — fragments of ceramic vessels; 11 — fragment of a ground chert object; 12 — sandstone abrasive

побережью. Похожая ситуация наблюдается и на стоянке Косколово 6, расположенной на удалении 0,6 км от современного берега р. Хаболовки и приуроченной к уступу заболоченной озерной котловины. Схожая ситуация прослеживается и для некоторых эстонских памятников культуры шнуровой керамики, где расстояние до реконструируемой для III тыс. до н. э. береговой линии от памятников достигает почти 0,8 км (Sikk et al., 2020. P. 97, 98).

Для своих поселений носители культуры шнуровой керамики часто выбирали ранее освоенные места. На пяти из девяти памятников зафик-

сированы древности более раннего времени (нарвской культуры, культуры гребенчато-ямочной и поздней гребенчатой керамики). На четырех стоянках также обнаружены древности более позднего времени — эпохи бронзы II тыс. до н. э. «Чистые» комплексы найдены только на стоянках Косколово 6 и в дер. Коваши. Выбор носителями разных культур одних и тех же мест для жизни связан, вероятно, с ограниченностью пригодных для жизни площадей на территории Приморской низменности, значительная часть которой занята труднопроходимыми заболоченными пространствами.

Впрочем, как показывают результаты раскопок широкой площадью, проведенных на поселении Галик 11, разные культурно-хронологические группы находок приурочены к отдельным зонам, перекрывающимся только в своей периферийной части, что делает возможным выделение «чистых» комплексов культуры шнуровой керамики и на таких памятниках.

Основная часть памятников культуры шнуровой керамики представлена небольшими стоянками. На большинстве из них материалы были зафиксированы в одном шурфе или на площади, ограниченной первыми сотнями квадратных метров. Поселение Галик 11 в этом смысле является уникальным — его площадь составляет около 20 000 кв. м. Но как показали раскопки 2020–2021 гг., находки на памятнике фиксируются не на всей площади, а концентрируются в скоплениях, отделенных пространством шириной от 3 до 12 м, практически не содержащим артефактов, то есть фактически памятник представляет собой серию небольших, расположенных вплотную друг к другу стоянок.

Общим для всех памятников культуры шнуровой керамики является также отсутствие литологически выраженного культурного слоя. Подобное явление не может быть объяснено почвенными условиями, поскольку на памятниках нарвской культуры, культуры гребенчато-ямочной керамики и памятниках с сетчатой керамикой эпохи бронзы подобные слои присутствуют и порой достигают мощности до 1 м. Практически полностью отсутствуют на памятниках культуры шнуровой керамики и заглубленные в грунт объекты, следы постоянных жилищ и иные признаки долговременных поселений, а общая мощность отложений, вмещающих находки, редко превышает 20–25 см. Единственными объектами, которые уверенно можно связать с культурой шнуровой керамики, являются необорудованные кострища или, реже, выложенные из камня очаги, зафиксированные на памятнике Галик 11 и стоянке Косколово 11. Перечисленные признаки топографической приуроченности и особенности культурного слоя характерны и для большей части памятников культуры шнуровой керамики, расположенных в Нарвско-Лужском междуречье и прибрежной части Эстонии (Sikk et al., 2020. P. 113; Крийска и др., 2015. С. 196–199; Крийска, Нордквист, 2021. С. 57–59).

Помимо указанных признаков схожим для стоянок и поселений культуры шнуровой керамики является и состав находок, представленных

фрагментами керамических сосудов, кремневыми и кварцевыми изделиями, шлифовальными плитками и др.

Керамика

Основную часть находок на памятниках составляют фрагменты керамических сосудов. Их доля на тех памятниках, где проведены раскопки, составляет от 70 до 99 % от общего количества найденных артефактов. Всего с десяти описанных выше объектов происходят остатки как минимум 161 сосуд, 138 из которых были найдены при раскопках поселения Галик 11 в 2020–2021 гг.

Большая часть найденной посуды относится к кухонным сосудам, сделанным в единой керамической традиции. Они выполнены из плотного теста, обожженного при температуре от 650 до 800 °С. Разлом по лентам фиксируется в небольшом количестве случаев, чаще способ лепки можно определить как лоскутный. В основном стык лент выполнен внахлест, с перекрытием лент 1,0–1,5 см (N-крепление). Верхняя лента сосуда иногда соединена встык с пазом в верхней ленте (n-крепление). В подавляющем большинстве черепков фиксируется примесь выгоревшей органики, состоящая из хаотично расположенных полостей от тонких волокон и небольших каверн. Кроме органической добавки в тесте большинства сосудов присутствуют песок, шамот и изредка древа. В основном поверхность горшков гладкая, в ряде случаев на внешней и внутренней поверхностях фиксируются хаотические расчесы. На нескольких фрагментах на внешней стороне присутствует «сетчатая» поверхность. Толщина стенок сосудов составляет 0,8–1,1 см.

Основная часть керамики относится к кухонной посуде, представленной широкогорлыми слабопрофилированными или имеющими слабовыраженную S-видную профилировку плоскодонными сосудами с диаметром по венчику 18–25 см и диаметром донца 8–12 см (Городилов, Раззак, 2021. Рис. 6, 1–6). В тех случаях, когда удается измерить высоту сосуда, она составляет 80–85 % от его диаметра по венчику. Для большинства керамических форм характерны прямые венчики с утолщением с внешней стороны сосуда, отогнутые наружу венчики или прямые венчики без утолщения, скошенные внутрь. П-образные венчики зафиксированы лишь в нескольких случаях.

Общим для кухонной посуды является способ декорирования. Орнамент присутствует на 125 из 148 сосудов. Все они декорированы схожим образом: орнаментировалась только узкая полоса

шириной от 0,7 до 4,0 см, расположенная под венчиком, и иногда срез венчика, остальная поверхность сосудов оставалась неорнаментированной. При декорировании сосуда использовался оттиск одного или в редких случаях двух штампов. Чаще всего сосуды орнаментировались оттисками шнура, образующими несколько параллельных горизонтальных линий. Почти у половины сосудов, декорированных таким образом, оттиском шнура украшен и срез венчика. Иногда вместо оттиска шнура наносилась горизонтальная продавленная линия. Также распространенным является орнаментальный мотив, состоящий из горизонтальных субпараллельных рядов аморфных, подокруглых, подпрямоугольных, подовальных ямок, наколов и ногтевидных вдавлений. На нескольких сосудах зафиксирован орнамент в виде «елочки», состоящий из подпрямоугольных вдавлений или прочерчин.

Помимо кухонной керамики на памятнике Галик 11 и на стоянке Коваши были найдены фрагменты 13 миниатюрных сосудов. Для них характерна меньшая толщина стенок (около 0,5 см) и меньший диаметр по венчику (около 7–12 см), а также прямые венчики без утолщений: П-образный, приостренный или скошенный внутрь. У большей части таких сосудов в тесте фиксируется примесь шамота, но нет примеси органических волокон. Орнаментированы подобные сосуды прочерчинами, образующими «елочку», оттисками штампа «веревочка, намотанная на палочку», ногтевидными вдавлениями, аморфными ямками или не орнаментированы вовсе (Там же. Рис. 6, 7, 8).

Сосуды с волнообразными пальцевыми налетами и горизонтальным валиком, относящиеся к общеевропейским древностям, в регионе представлены достаточно слабо. Так, на памятнике Галик 11 их найдено всего три, еще по одному сосуду — на стоянках Косколово 11 и в дер. Коваши (Там же. Рис. 6, 9).

Изделия из камня

Кремневые изделия, количество которых составляет менее 1 %, представлены готовыми орудиями: наконечниками стрел и скребками, а также сломанами от изделий, как правило, имеющих высокую степень сработанности (Там же. Рис. 7). Свидетельства первичного расщепления кремня на поселениях отсутствуют. Вместе с тем на некоторых памятниках для производства орудий использовался кварц. Изделия и отщепы из него найдены на стоянке Коваши и в одном из скоплений

на поселении Галик 11. В качестве исходного сырья использовались небольшие кварцевые гальки размерами от 3 до 6 см в поперечнике, расколотые в биполярной технике. Подобный состав каменных изделий, вероятно, свидетельствует о том, что носители культуры шнуровой керамики при заселении юго-восточной части Финского залива пришли с ограниченным набором кремневого инвентаря, но позже были вынуждены адаптироваться и использовать местное кварцевое сырье.

Кроме кремневых и кварцевых изделий на памятниках встречаются и шлифованные изделия из порфирита, сланца и песчаника. Помимо случайных находок, сделанных в XX в., изделия представлены тремя фрагментированными каменными сверлеными топорами, происходящими с поселения Галик 11 (Городилов, Раззак, 2022. С. 22, рис. 8). Кроме них здесь же, в слое, связанном со шнуровой керамикой, найдено несколько сколов лезвий шлифованных каменных рубящих орудий, а на стоянке Коваши 1 найден фрагмент сланцевого шлифованного изделия.

Еще одной категорией инвентаря, характерной для тех поселений, на которых проводились раскопки, являются многочисленные камни и их фрагменты, используемые в качестве абразива. Всего их найдено 118 экземпляров, 116 — на поселении Галик 11, два — на стоянке в дер. Коваши. Несколько подобных изделий были обнаружены и при раскопках стоянки Косколово 11, однако достоверно связать их со шнуровой керамикой нельзя. В качестве абразивов носителями шнуровой керамики использовались песчаниковые плитки различной степени зернистости.

Историко-культурный контекст

Основная часть керамики, найденная на памятниках юго-восточной части Финского залива, относится к эстонской культуре шнуровой керамики, впервые выделенной Л. Янитсом (Янитс, 1959. С. 166, 348). Отличительной чертой керамики этой культуры Л. Янитс называл наличие в тесте сосудов пор от тонких органических волокон, которые нехарактерны для шнуровой керамики соседних регионов. Позже эта идея была поддержана рядом исследователей (Kriiska, 2000. Р. 70; Nordqvist, 2016. Р. 58, 59). Также Л. Янитс предположил, что шнуровая керамика с примесью тонких органических волокон возникает в результате смешения ранней шнуровой керамики с местной ямочно-гребенчатой керамической традицией (Янитс, 1959. С. 348) и, таким образом, является поздним этапом развития шнуровой культуры

на территории Эстонии. Эта идея и в настоящее время является актуальной (*Kholkina*, 2017. Р. 156, 157; Памятники..., 2019. С. 140). Однако из-за отсутствия в регионе стратифицированных комплексов со шнуровой керамикой доказать или опровергнуть ее достаточно сложно. Помочь в решении этого вопроса могло бы радиоуглеродное датирование, но в настоящее время количество радиоуглеродных дат, полученных для выяснения керамики региона, недостаточно для выяснения данного аспекта (*Nordqvist*, 2016. С. 60, 61).

Время бытования шнуровой керамики на территории восточной части Балтики сейчас определяется в пределах 2900/2800–2300/2000 лет до н. э. (*Holmqvist et al.*, 2018. Р. 77; *Крийска, Нордквист*, 2021. С. 63, табл. 1). С поселения Галик 11 получены две даты по фрагменту кальцинированной кости 3830±30 (Poz-140845) и нагару с сосуда со шнуровым орнаментом 3800±30 (Poz-140845), относящиеся к периоду 2350–2150 лет до н. э., то есть к финальному этапу существования культуры шнуровой керамики в регионе. Ближайшими хорошо изученными памятниками, содержащими похожие материалы, являются Россонь 9 (Памятники..., 2019. С. 137), Рийгикюля XIV (*Kriiska*, 2000), Нарва-Йыэссу IIb (*Крийска и др.*, 2015. С. 197–199), расположенные в 10–15 км к юго-западу от р. Луги.

Помимо Эстонии часть керамических сосудов, происходящих с юго-восточного побережья

Финского залива, можно связать с древностями Финляндии, Швеции и общеевропейскими древностями культуры шнуровой керамики в целом. К ним относятся кубки, сосуды с пальцевидными волнообразными налепками, сосуды с горизонтальным валиком, найденные на стоянках в дер. Коваши, Косколово 11 и поселении Галик 11.

Заключение

Как показали работы 2018–2021 гг., юго-восточное побережье Финского залива к востоку от р. Луги имеет высокий потенциал для обнаружения здесь древностей, связанных с культурой шнуровой керамики. Расстояние между группами найденных памятников не превышает 25 км, что позволяет говорить о сплошном заселении побережья в III тыс. до н. э. При планомерном обследовании побережья количество стоянок и поселений может быть увеличено многократно, в пользу чего свидетельствует плотность памятников в бассейне р. Хаболовки, где такие поисковые работы были проведены.

Древности культуры шнуровой керамики с юго-восточного берега Финского залива находят прямые аналогии как на территории Эстонии, так и севернее, на землях Финляндии и Швеции, а часть находок относится к общеевропейским древностям, что позволяет включить исследуемую территорию в ареал распространения культур шнуровой керамики.

Герасимов и др., 2010 — *Герасимов Д. В., Лисицын С. Н., Кулькова М. А.* Местонахождение Сюр 1 — свидетельство первичного заселения восточной оконечности Финского залива // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 204–208.

Герасимов и др., 2012 — *Герасимов Д. В., Крийска А., Лисицын С. Н.* Памятники каменного века юго-восточного побережья Финского залива: хронология и геоморфология // КСИА. 2012. Вып. 226. С. 241–247.

Городилов, Раззак, 2021 — *Городилов А. Ю., Раззак М. А.* Результаты раскопок поселения Галик 11 в 2020 г. // АВ. 2021. Вып. 31. С. 163–178.

Городилов, Раззак, 2022 — *Городилов А. Ю., Раззак М. А.* Результаты раскопок поселения Галик 11 в 2021 г. // АВ. 2022. Вып. 37. С. 11–31.

Гурина, 1961 — *Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961 (МИА; № 87). 588 с.

Гусенцова и др., 2012 — *Гусенцова Т. М., Сорокин П. Е., Кулькова М. А.* К результатам комплексных исследований памятника Охта I в центре Санкт-Петербурга (2008–2009). Неолит — ранний металл // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 259–270.

Зальцман, 2021а — *Зальцман Э. Б.* Восточная группа приморской культуры. Анализ материалов поселенческих комплексов. Ч. 1. М.: ИА РАН, 2019 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 26, ч. 1). 688 с.

Зальцман, 2021б — *Зальцман Э. Б.* Восточная группа приморской культуры. Анализ материалов поселенческих комплексов. Ч. 2. М.: ИА РАН, 2019 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 26, ч. 2). 320 с.

Конькова, 2009 — *Конькова О. И.* Ижора. Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 248 с.

Крийска, Нордквист, 2021 — *Крийска А., Нордквист К.* Эстонская культура шнуровой керамики (2800–2000 кал. лет до н. э.) // ТАС. Тверь: Триада, 2021. Вып. 12. С. 56–71.

- Крийска и др.*, 2015 — *Крийска А., Нордквист К., Герасимов Д. В., Санделл С., Холкина М. А.* Новые исследования памятников со шнуровой керамикой в Нарвско-Лужском междуречье, на пограничье России и Эстонии // ТАС. Тверь: Триада, 2015. Вып. 10. С. 195–203.
- Лисицын*, 2006 — *Лисицын С. Н.* Доисторические поселения на побережье Литоринового моря в восточной части Финского залива. Опыт геоморфологической периодизации // Междунар. науч.-практ. конф. «Первобытная и средневековая культура Европейского Севера: проблема изучения и научной реконструкции»: Сб. науч. ст. и докл. Соловки: б. и., 2006. С. 112–121.
- Мурашкин*, 2004 — *Мурашкин А. И.* Отчет о работах Ленинградского областного отряда Санкт-Петербургского государственного университета в 2004 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 2004. Д. 22.
- Памятники..., 2019 — Памятники каменного века российской части Нарвско-Лужского междуречья / Отв. ред. Д. В. Герасимов. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 199 с.
- Тимофеев*, 1983 — *Тимофеев В. И.* Отчет о работах 1983 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1983. Д. 69.
- Тимофеев*, 1993 — *Тимофеев В. И.* Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики): Сб. ст. / Под ред. В. М. Массона, Е. Н. Носова, Е. А. Рябилина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. С. 8–34.
- Уваров*, 1888 — *Уваров А. С.* Археология России. Каменный период. М.: Синод. тип., 1888. Т. II: Приложение. Материалы для обзора каменного периода в России. 195 с.
- Янитс*, 1959 — *Янитс Л. Ю.* Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин: АН ЭССР, 1959. 384 с.
- Carpelan*, 2004 — *Carpelan C.* Corded Ware Culture in Northern Finland // *Iskos*. 2004. Vol. 13. P. 47–62.
- Edgren*, 1970 — *Edgren T.* Studier över den snörkeramiska kulturens keramik i Finland // *SMYA*. Helsingfors: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1970. Vol. 72. 128 p.
- Edgren*, 1992 — *Edgren T.* Den förhistoriska tiden // *Finlands Historia* / M. Norrback (ed.). Esbo: Schildts, 1992. Vol. 1. P. 9–270.
- Holmqvist et al.*, 2018 — *Holmqvist E., Larsson Å. M., Kriiska A., Palonen V., Pesonen P., Mizohata K., Kouki P., Räisänen J.* Tracing grog and pots to reveal neolithic Corded Ware Culture contacts in the Baltic Sea region (SEM-EDS, PIXE) // *Journal of Archaeological Science*. 2018. Vol. 91. P. 77–91.
- Kholkina*, 2017 — *Kholkina M. A.* Some aspects of Corded Ware on Rosson river (Narva-Luga klint bay) // *Estonian Journal of Archaeology*. 2017. Vol. 21 (2). P. 148–160.
- Kriiska*, 2000 — *Kriiska A.* Corded Ware culture sites in north-eastern Estonia // *De temporibus antiquissimis ad honorem Lembit Jaanits*. Muinasaja teadus 8. Tallinn: Ajaloo Instituut, 2000. P. 59–79.
- Larsson*, 2009 — *Larsson Å. M.* Breaking and making bodies and pots. Material and ritual practices in Sweden in the third millennium BC. Uppsala: Department of Archaeology and Ancient History; Uppsala University, 2009. 456 p.
- Nordqvist*, 2016 — *Nordqvist K.* From Separation to Interaction: Corded Ware in the Eastern Gulf of Finland // *Acta Archaeologica*. 2016. Vol. 87 (1). P. 49–84.
- Piličiauskas*, 2018 — *Piličiauskas G.* Virvelinės keramikos kultūra Lietuvoje 2800–2400 cal BC. Lithuanian Institute of History. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2018. 231 p.
- Sikk et al.*, 2020 — *Sikk K., Kriiska A., Johanson K., Sander K., Vindi A.* Environment and settlement location choice in stone age Estonia // *Estonian Journal of Archaeology*. 2020. Vol. 24 (2). P. 89–140.

Corded Ware culture pottery from the south-eastern coast of the Gulf of Finland between the Luga and Kovashi rivers

A. Yu. Gorodilov³

Keywords: settlement, open-air site, Early Metal epoch, Corded Ware culture, south-eastern coast of the Gulf of Finland.

Throughout the south-eastern coast of the Gulf of Finland, antiquities of the Corded Ware culture for a long time have been represented only by single finds. The situation started to change in the early 2000s when over ten sites of

³ Andrey Yu. Gorodilov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: ramapitec@yandex.ru.

the Corded Ware culture were discovered by Russian and foreign archaeologists during the course of investigations of many years in the area between the Narva and Luga rivers. In addition, since 2018 the Leningrad Oblast Archaeological Expedition of IHMC RAS has revealed over 30 sites of the Stone Age and Bronze Age of which nine yielded artefacts of the Corded Ware culture (Fig. 1).

At the sites revealed, a series of common features are identifiable, such as topographical ties, the character of the cultural layer, the composition of the finds assemblage, etc. The majority of the sites are located on sand formations at height marks from 7,5 m BSH (Koskolovo 10) to 11 m BSH (Koskolovo 5). Bearers of the Corded Ware culture often chose previously occupied places for their settlements. At seven of the nine sites, antiquities of earlier periods (Narva culture, Pit-Comb Ware cultures and the later Comb-Ware culture) have been recorded as well as those of later periods (Bronze Age and Early Iron Age). “Genuine” complexes have been revealed only at the open-air sites of Koskolovo 6 and in the village of Kovashi. The majority of sites of the Corded Ware culture are represented by rather small open-air camps. The settlement-site of Galik 11 is a unique one in this relation — its area is about 20,000 sq. m. A common feature of all the sites of the Corded Ware culture is the absence of a lithologically marked cultural layer.

As the works of 2018–2021 have shown, the south-eastern littoral of the Gulf of Finland eastwards from the Luga River possesses a high potential for research of antiquities related with the Corded Ware culture. The distance between the groups of sites already discovered does not exceed 25 km enabling us to speak about a continuous settlement of the littoral in the 3rd mil. BC. Conduction of a regular investigation of the coast will possibly increase manifold the number of camp sites and long-term settlements. This is suggested by the density of the sites in the basin of the Khabolovka River where an examination to this purpose has been carried out. Antiquities of the Corded Ware culture from the south-eastern shore of the Gulf of Finland have direct parallels both in the territory of Estonia and in the areas to the north — Finland and Sweden. Some of the finds belong to common European antiquities allowing us to include the area under investigation into the range of distribution of the cultures of Corded Ware.

О типе питания людей, захороненных в склепах на некрополе в Южном пригороде древнего Херсонеса Таврического¹

А. К. Каспаров, В. В. Вахонеев, О. В. Лохова²

Аннотация. Статья посвящена исследованию изотопного состава останков людей с некрополя римского времени античного города Херсонес (Севастополь, Республика Крым). Различия в изотопных отношениях углерода и азота в тканях погребенных в одних и тех же семейных склепах людей говорит о том, что, несмотря на принадлежность к одной родовой группе, тип питания ее членов мог сильно различаться по качеству и обильности. Установлено, что большинство погребенных умерли в межсезонье, в осенне-весеннее время, возможно, от простудных заболеваний.

Ключевые слова: Херсонес, некрополь, склеп, человек, изотопный анализ, диета, сезон смерти.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-185-200

С начала лета 2021 г. Институтом истории материальной культуры РАН совместно с Государственным Эрмитажем, Государственным историко-археологическим музеем-заповедником «Херсонес Таврический», Институтом археологии Крыма РАН в Симферополе, Севастопольским государственным университетом и НАО «Наследие Кубани» проводятся охранные археологические раскопки на территории так называемого Южного пригорода этого древнего города. Данная территория передана Министерством обороны России городу для создания историко-археологического парка.

К настоящему моменту на этом обширном участке открыты культурные слои и археологические объекты разных эпох — от эллинизма

до нового времени, которые включают гидротехнические сооружения для запасов воды, хозяйственные и производственные постройки, фрагменты оборонительных стен, могильник римского времени с захоронениями, совершенными по обрядам ингумации и кремации, римские и средневековые склепы в скале и другие объекты.

Средневековые склепы, вырубленные в скальном известняковом массиве, имели примерно одинаковую конструкцию. Как правило, это рукотворная пещера округлой или подквадратной формы, примерно 2,5–3,0 м в диаметре и высотой приблизительно в человеческий рост, вход в которую закрывался каменной плитой. По одной, двум или трем сторонам склепа в известняке были вырублены лежанки, на которые клали умерших, после чего вход снова закрывали. В некоторых таких захоронениях за пару сотен лет скопились остатки многих десятков, а иногда и более сотни человек.

Не все останки хорошо сохранились. Температурные колебания, просачивающиеся грунтовые и дождевые воды вызывали повреждение костного материала, который не был покрыт землей, а находился на воздухе и потому активно разрушался. В ряде случаев он бывал настолько разрушен, что трудно было не только выделить скелеты отдельных людей, но и понять, останки скольких человек содержал тот или иной погребальный комплекс.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания: Каспаров А. К., Лохова О. В. — «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013); Вахонеев В. В. — «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию» (FMZF-2022-0020).

² Каспаров А. К., Вахонеев В. В., Лохова О. В. — ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: alexkas@yahoo.com; vvvkerch@mail.ru; Lohova.olga@yandex.ru.

Нами были взяты образцы человеческого костного материала из склепа 1 на раскопе 1 и склепов 3, 4 и 5, обнаруженных на раскопе 3. Кроме того, были взяты образцы из двух склепов 1973 г., находящихся на том же раскопе. Они были выявлены в ходе прокладки трубы коллектора ливневой канализации в 1973 г. С. Г. Рыжовым, однако полностью изучены в то время не были. Полученное общее количество образцов от гарантированно разных людей составляет около 130, то есть материал достаточно представительный и информативный. К сожалению, пол человека, костный материал которого брался на анализ, установить можно было далеко не всегда по указанным выше причинам. Приведем краткое описание археологических объектов, с которых были получены эти пробы.

Раскоп 1, склеп 1. Склеп с прямоугольным ступенчатым входом — дромосом, заложенным плитой с выдолбленным на ней крестом. Камера сводчатая, размерами 2,5 × 2,3 м и высотой 1,9 м, с тремя лежанками шириной 1,0 м. Он датируется приблизительно VI–X вв. н. э., то есть ранним средневековьем (рис. 1).

Антропологический материал был получен с восточной и западной ниш-лежанок. Человеческие скелеты на этом объекте сохранились более или менее хорошо, и потому в большинстве случаев можно было установить пол погребенных. Были взяты пробы от 12 женских и восьми мужских скелетов.

Раскоп 3, склеп 3. В погребальной камере была одна ниша-лежанка, вырубленная в северо-западной стене, слева от входа. Камера имеет ровный плоский свод. Датировка объекта — X в. н. э. (рис. 2). В данном случае определить количество скелетов не представлялось возможным. Часть их оказалась перемешана, и для того чтобы быть уверенными в том, что взятые образцы гарантированно принадлежат разным людям, для анализа привлекались только правые плечевые кости. Пол умерших в данном случае не фиксировался. Всего получены образцы от 58 человек.

Раскоп 3, склеп 4. Камера склепа прямоугольной в плане формы, размерами 3,20 × 3,49 м, высотой 1,87 м, с тремя лежанками (рис. 3). Датировка объекта — X в. н. э. Отсюда удалось получить всего четыре пробы от разных людей, также определенных по правым плечевым костям.

Раскоп 3, склеп 5. Склеп сводчатый, камера прямоугольной в плане формы, размерами 3,20 × 2,80 м и высотой 1,68 м, с тремя двухуровневыми лежанками (рис. 4). Датируется X в. н. э.

Антропологический материал из этого склепа позволил достоверно выделить скелеты, принадлежавшие разным людям. Было взято 15 проб. Пол умерших, однако, определить не удалось.

Раскоп 3, склепы 1973 г. Для изотопного исследования были взяты образцы из двух рядом расположенных склепов, открытых еще в 1973 г. Как уже говорилось, они были случайно обнаружены при прокладке строительной траншеи и зафиксированы С. Г. Рыжовым, однако без углубленного исследования. Склепы датируются примерно II–III вв. н. э., то есть римским временем (рис. 5).

Отсюда было получено 19 образцов. Три из них взяты от конкретных выделенных скелетов, а 16, как и в других случаях, — от правых плечевых костей. Из склепа 2 получено семь образцов, остальные же — из склепа 1. Пол людей не отмечался и в этом случае.

Как видим, собран весьма представительный материал, который может вполне достоверно отразить тип питания средневековых обитателей Херсонеса разного имущественного достатка.

Вопросы, касающиеся диет древних людей и примерных температурных условий их существования, возможно прояснить при помощи изотопных методов исследования. Этот подход основан на том, что животные и растительные организмы обладают различным изотопным составом главных компонентов белков — углерода и азота. В тканях человека в зависимости от типа пищевого потребления значение изотопных отношений $\delta^{15}\text{N}$ зависит от того, чем он преимущественно питается. Любой человек получает растительную и животную пищу в той или иной пропорции, и, таким образом, изотопный состав углерода и особенно азота будет зависеть от того, какая пища, животная или более дешевая растительная, доминировала в его рационе. В то же время изменения климата приводят к изменениям изотопных отношений углерода в анализах тканей живых организмов. При этом изотопные отношения азота под влиянием температур окружающей среды меняются сравнительно мало. При холодном и влажном климате наблюдаются более низкие значения $\delta^{13}\text{C}$, а при теплом — более высокие. Для того чтобы в живом организме установилось значение изотопного отношения $\delta^{13}\text{C}$, соответствующее температурному режиму окружающей среды, требуется как минимум несколько месяцев. Таким образом, если все исследуемые образцы принадлежат обитателям одного региона и синхронны друг другу, то этот уровень в значительной степени отражает сезон года, предшествующий моменту,

Рис. 1. Раскоп 1, склеп 1, внутренний вид

Fig. 1. Excavation 1, vault no. 1, internal view

Рис. 2. Раскоп 3, склеп 3, внутренний вид

Fig. 2. Excavation 3, vault no. 3, internal view

Рис. 3. Раскоп 3, склеп 4, внутренний вид

Fig. 3. Excavation 3, vault no. 4, internal view

Рис. 4. Раскоп 3, склеп 5, внутренний вид

Fig. 4. Excavation 3, vault no. 5, internal view

Рис. 5. Раскоп 3, склепы 1 (1) и 2 (2) (1973 г.), внутренний вид

Fig. 5. Excavation 3, vaults of 1973 — no. 1 (1) and no. 2 (2), internal view

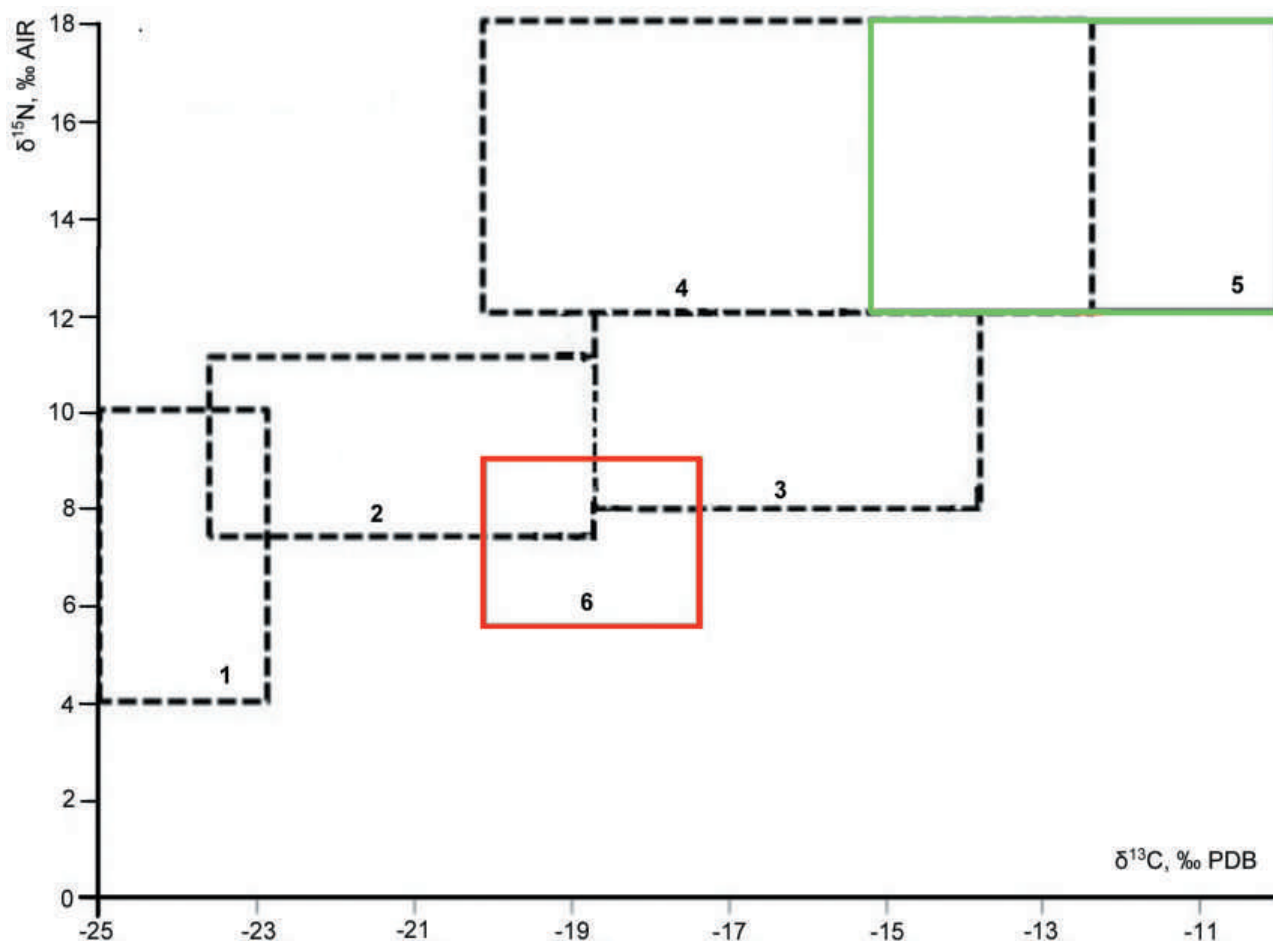

Рис. 6. Графическое отображение примерных соотношений изотопов углерода и азота у разных организмов и у людей, ими питающихся (Hoefs, 2004). Поля значений изотопного состава: 1 — для наземных растений; 2 — для травоядных животных; 3 — для плотоядных организмов; 4 — для рыбы; 5 — для людей, питающихся растительной пищей (зеленое); 6 — для людей, питающихся животной пищей (красное)

Fig. 6. Graphic representation of approximate ratios of the isotopes of carbon and nitrogen in different organisms and humans feeding on these species (Hoefs, 2004). Fields of values of the isotopic composition: 1 — of surface plants; 2 — of herbivorous animals; 3 — of carnivora; 4 — of fish; 5 — of humans living on a vegetable diet (green); 6 — of humans living on a meat diet (red)

когда человека настигла смерть. Получив изотопные данные, мы можем установить, какой образ жизни вели древние люди, насколько обильна и богата животными белками была пища, потребляемая ими при жизни, и примерно в какое время года они, с наибольшей вероятностью, закончили свои дни.

Установлено, что значения изотопного состава для людей, ведущих охотничий, кочевой образ жизни, то есть преимущественно питающихся мясом, для углерода $\delta^{13}\text{C}$ колеблются в интервале -10/-15 ‰, а для азота $\delta^{15}\text{N}$ — +12/+18 ‰. Такие же показатели для людей, ведущих оседлый образ жизни (земледельцев), то есть потребляющих

растительную пищу в больших количествах, по углероду $\delta^{13}\text{C}$ составляют -17/-20 ‰, а по азоту $\delta^{15}\text{N}$ — +5/+9 ‰ (Hoefs, 2004). Однако это лишь примерные, условные показатели, не учитывающие особенности физиологии обитателей и некоторые другие специфические черты, которые в каждом конкретном случае могут оказывать влияние на результат. На практике следует принимать во внимание не столько числовые значения показателей, сколько соотношение их, которое и покажет разницу в рационе питания исследуемых людей.

На рис. 6 этот принцип выражен графически. Цветными прямоугольниками обозначены

области, в которых располагаются значения для людей, питающихся преимущественно животной и преимущественно растительной пищей.

Работы по исследованию изотопного состава образцов проводились с помощью масс-спектрометра DELTA V, элементного анализатора и устройств их соединения.

Результаты, полученные по образцам с вышеописанных объектов, представлены в табл. 1–5. Приведенные в таблицах параметры отображены графически на рис. 7–10.

Раскоп 1, склеп 1 (рис. 7). На графике видно, что изотопные показатели большинства индивидуумов очень близки. Точки настолько близко находятся друг к другу, что граф представляет собой лишь малую часть эталонного графика (см. рис. 6), и, например, зона 5 оказалась вообще за его границами. В целом это говорит о достаточном единообразии питания людей, погребенных в склепе 1. Большая часть точек расположена

в зоне, соответствующей зоне 3 эталонного графика, то есть на участке, сопоставимом с плотоядными организмами. Таким образом, питание погребенных было в значительной степени мясное. Однако некоторые люди имели несколько другую диету. Например, две из захороненных женщин (образец № 3 и, в некоторой степени, образец № 1, табл. 1) находятся на графике достаточно низко, в зоне, соответствующей питанию преимущественно растительной пищей. Четыре женщины и один мужчина, а также образец без определения пола (образцы № 6, 7, 8, 18, 20 и 25) находятся в поле значений выше остальных. С большой долей вероятности можно предполагать, что эти люди потребляли в пищу еще и морскую рыбу, то есть были не чужды рыболовству или, во всяком случае, продуктам рыбного промысла. Как уже говорилось, основным показателем типа питания человека является количество изотопа азота, поскольку доля углерода

Таблица 1. Изотопный состав углерода и азота в костном материале из склепа 1 на раскопе 1
Table 1. Isotopic composition of carbon and nitrogen in bone material from vault 1 at excavation 1

№ анализа	Образец	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
4383, 4409	1 (женщина)	-17,5	9,4
4384, 4410	2 (женщина)	-18,3	9,8
4385, 4411	3 (женщина)	-17,3	8,3
4386, 4412	4 (женщина)	-18,8	9,8
4387, 4413	5 (женщина)	-18,0	11,3
4388, 4414	6 (возможно, женщина)	-18,0	12,2
4389, 4415	7 (женщина)	-18,1	11,9
4390, 4416	8 (женщина)	-18,7	12,0
4391, 4417	9 (женщина)	-18,7	10,4
4392, 4418	10 (женщина)	-17,6	10,2
4393, 4419	11 (женщина)	-18,1	10,7
4394, 4420	12 (мужчина)	-16,6	11,3
4395, 4421	13 (мужчина)	-14,6	8,9
4396, 4422	14 (мужчина)	-17,6	11,0
4397, 4423	15 (мужчина)	-18,0	10,3
4398, 4424	16 (мужчина)	-17,6	11,5
4399, 4425	17 (мужчина, скелет 46)	-17,5	10,4
4400, 4426	18 (мужчина)	-18,0	12,3
4401, 4427	19 (пол не определен, скелет 54)	-17,7	10,4
4402, 4428	20 (пол не определен)	-17,5	12,6
4403, 4429	21 (мужчина, скелет 63, деформированный череп)	-18,9	10,8
4404, 4430	22 (пол не определен)	-17,9	11,3
4405, 4431	23 (пол не определен)	-18,6	10,8
4406, 4432	24 (пол не определен)	-17,9	10,7
4407, 4433	25 (возможно, женщина)	-16,8	11,9
4408, 4434	26 (пол не определен)	-18,2	10,2

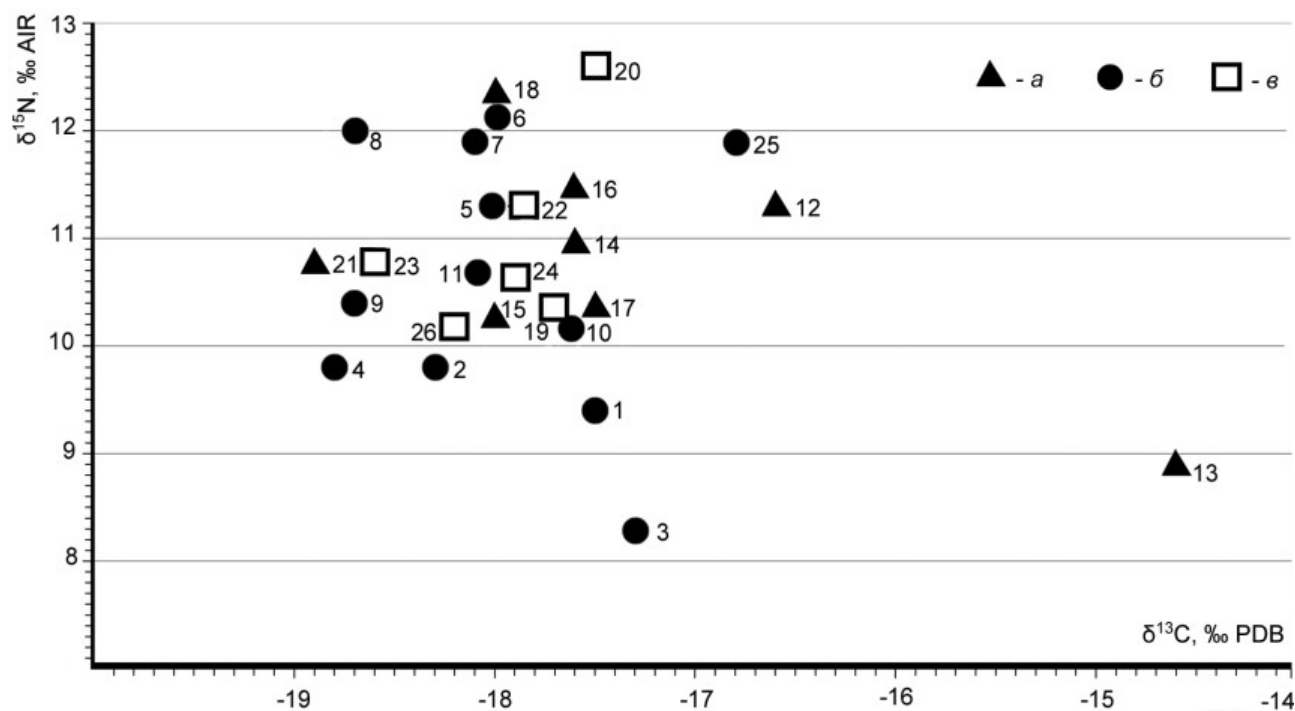

Рис. 7. Изотопные данные по образцам костей человека из склепа 1 на раскопе 1 (а — мужчины; б — женщины; в — пол не определен)

Fig. 7. Isotopic data from samples of skeletal remains of an individual from vault no. 1 at Excavation 1 (a — men; б — women; в — gender is not defined)

в основном зависит от того, насколько высокой или низкой была температура окружающей среды, и при одинаковых природных условиях она достаточно постоянна. Потому разброс в значениях изотопа азота, как видим, в целом гораздо выше такового для углерода. Однако на графике у одного из мужчин (образец № 13) наблюдается весьма высокий процент углерода и при этом относительно низкая концентрация азота. Этот человек питался хуже остальных, и последние месяцы своей жизни провел в достаточно теплых климатических условиях. Поэтому он либо приезжий, либо местный обитатель, умерший в конце теплого сезона, то есть в конце лета — ранней осенью. Также несколько правее остальных располагается образец № 12 (еще один мужчина). Можно предполагать, что этот человек умер в середине лета. Сезон смерти остальных погребенных в склепе 1 примерно одинаков. Видимо, это холодное время года: конец осени, зима, а для образцов № 25 и 12, возможно, лето.

Обращает на себя внимание образец № 21 (мужчина с деформированным удлиненным черепом). Вообще традиция затылочно-теменной искусственной деформации черепа достаточно

древняя. Она отмечалась еще у представителей, например, окуневской культуры (XXV–XVIII вв. до н. э.) в Восточной Сибири (Лазаретов и др., 2018; Громов, Казарницкий, 2022). У представителей сарагатской культуры, просуществовавшей в Западной Сибири до V в. н. э., удлиненные черепа имели представители привилегированной касты «всадников-воинов». Однако в этой культуре деформированные черепа встречались и у женщин (Sharapova, 2013). Эта традиция бытовала и в обществах скифо-сарматского культурного круга. Целью данной процедуры являлось получение постоянного и видимого признака принадлежности данного индивидуума к некоей привилегированной группе внутри сообщества. Деформация указывала на социальный статус, благородное происхождение и была знаком этнической идентичности и принадлежности к определенной культурной группе, которая обеспечивала связь с прошлым и предками (Simalcsik, 2015).

Известно, что в основном эта традиция бытовала в античную эпоху. Склеп 1, как уже упоминалось, датируется ранним средневековьем, то есть временем, когда такое изменение черепа у детей практически отошло в прошлое. Однако

Д. А. Кириченко (2013) указывает, что подобный обычай существовал и в более поздние времена. Например, он был зафиксирован у готов и бургундов в раннесредневековой Европе. Поскольку готы появились в Крыму уже в III в. н. э. (Пиоро, 1990), нельзя исключать, что скелет 21 из склепа 1 на раскопе 1 принадлежал привилегированному носителю готской культуры, иногда практиковавшей этот обычай. Последнее слово в решении вопроса остается, конечно, за антропологами.

Тем не менее тип питания этого человека был абсолютно такой же, как и у других захороненных в склепе, и примерное время его смерти тоже совпадает с большинством погребенных. Видимо, образ жизни этого жителя Херсонеса, несмотря на экзотическую культурную принадлежность, ничем не отличался от прочих обитателей города, никак не связанных со скифской или готской культурой.

Раскоп 3, склеп 3. Этот объект, как уже говорилось, дал наибольшее количество образцов. Часть из них соотносится с конкретными скелетами, другая же представляет собой фрагменты правых плечевых костей без точной привязки. На рис. 8, где в графической форме представлены результаты изотопного анализа образцов из склепа 3, видно, что тип питания у большинства погребенных был относительно однообразным, а вот умирали они в разное время года. Поскольку больше половины образцов привязки к скелетам не имеют, на рис. 8 проставлены только номера тех проб, которые были взяты от конкретных пронумерованных скелетов.

Обращает на себя внимание тот факт, что количество людей, которые, возможно, употребляли в пищу морскую рыбу в заметных количествах, гораздо больше, чем на предыдущем объекте. Во всех этих образцах концентрация изотопа азота выше 12,5–13,0 ‰. В данную группу входят пробы от скелетов № 12, 15, 17, 19, 20, 22, 29 и еще 15 других анонимных проб. Таким образом, для определенной части погребенных, возможно, были доступны продукты морского рыболовства. Нам остается только догадываться, были ли эти люди рыбаками или, может быть, владельцами каких-то рыболовческих артелей.

В склепе 3 присутствует и другая немногочисленная группа людей, питание которых было совсем скудным и состоящим в основном из растительной пищи. Это образцы, концентрация изотопа азота в которых составляет 9 ‰ или ниже этого значения. Таких насчитывается шесть единиц.

Относительно сезона смерти здесь наблюдается большое разнообразие. Хорошо выделяются четыре группы (рис. 8). Первая расположена справа от образца № 27. Вероятно, смерть этих людей наступила в конце лета — начале осени, то есть в течение нескольких месяцев перед смертью они находились в теплых климатических условиях. Еще несколько человек, вероятно, умерли летом (точки по вертикали от образца № 26 до образца № 29).

Основная и наиболее многочисленная группа, находящаяся в центре, — это умершие в межсезонье, то есть в течение осени и начала зимы или в весеннее время. Третья немногочисленная группа — умершие зимой, когда погода была холодной (расположена влево от образца № 17). В целом мы видим, что состав похороненных в склепе 3 был довольно разнообразным. Тип питания и, скорее всего, имущественный достаток для ее представителей сильно различались. Можно предположить, что склеп принадлежал какому-то достаточно большому родовому клану, члены которого жили разной жизнью, возможно, даже не очень контактируя друг с другом, однако хоронили их все-таки в одном месте.

Раскоп 3, склеп 4. Отсюда собрано всего четыре образца, не имеющих половой и индивидуальной идентичности. Изотопный состав проб, весьма сходный по углероду, различается по концентрации азота. На графике (рис. 9) показано, что двое из погребенных имели смешанную диету, вторая пара, расположенная ниже, питалась в основном растительной пищей, то есть имущественный достаток этих людей был невысок. Тем не менее все эти люди, образ жизни которых явно различался, похоронены в одном склепе. Время смерти — межсезонье.

Раскоп 3, склеп 5. Пробы из этого склепа соотнесены с конкретными погребенными. Всего получен материал от 13 человек (табл. 4). Графически результаты отражены на рис. 9. Здесь тоже определяются несколько групп погребенных как по особенностям питания, так и по времени смерти. У основной группы питание было мясное и достаточно обильное. Индивидуумы 6 и 13 питались несколько хуже — в составе их диеты было больше растительной, более дешевой пищи. Погребенные 10, 12 и 15 питались также и рыбой, причем она составляла существенный компонент их диеты.

Погребенный 2 умер весной или в начале лета; 11, 13 и 15 — в холодное время, вероятно, во второй половине зимы; остальные — в межсезонье,

Таблица 2. Изотопный состав углерода и азота в костном материале из склепа 3 на раскопе 3
Table 2. Isotopic composition of carbon and nitrogen in bone material from vault 3 at excavation 3

№ анализа	Образец	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
4435, 4465	Скелет 11	-17,0	10,6
4436, 4466	Скелет 12	-14,6	12,5
4437, 4467	Скелет 15	-12,9	13,1
4438, 4468	Скелет 17	-18,2	12,7
4440, 4470	Скелет 19	-17,0	13,5
4441, 4471	Скелет 20	-16,9	12,4
4442, 4472	Скелет 21	-14,4	11,2
4443, 4473	Скелет 22	-13,5	13,5
4444, 4474	Скелет 26	-16,0	10,0
4445, 4475	Скелет 27	-15,3	12,0
4446, 4476	Скелет 28	-19,0	11,8
4447, 4477	Скелет 29	-16,0	15,0
4449, 4479	1 (без привязки к скелету)	-16,7	12,8
4450, 4480	2 (без привязки к скелету)	-17,2	9,1
4451, 4481	3 (без привязки к скелету)	-18,7	10,3
4452, 4482	4 (без привязки к скелету)	-16,5	14,8
4453, 4483	5 (без привязки к скелету)	-19,8	12,6
4454, 4484	6 (без привязки к скелету)	-17,7	12,9
4455, 4485	7 (без привязки к скелету)	-17,3	12,3
4456, 4486	8 (без привязки к скелету)	-17,6	10,3
4457, 4487	9 (без привязки к скелету)	-16,8	12,7
4458, 4488	10 (без привязки к скелету)	-16,7	11,0
4459, 4489	11 (без привязки к скелету)	-12,6	10,5
4460, 4490	12 (без привязки к скелету)	-15,9	14,4
4461, 4491	13 (без привязки к скелету)	-19,5	8,6
4462, 4492	14 (без привязки к скелету)	-17,6	10,1
4463, 4493	15 (без привязки к скелету)	-16,7	8,5
4464, 4494	16 (без привязки к скелету)	-16,5	12,0
4495, 4524	17 (без привязки к скелету)	-17,5	10,1
4496, 4525	18 (без привязки к скелету)	-20,7	16,1
4497, 4526	19 (без привязки к скелету)	-17,9	11,1
4498, 4527	20 (без привязки к скелету)	-16,7	11,9
4499, 4528	21 (без привязки к скелету)	-18,7	14,4
4500, 4529	22 (без привязки к скелету)	-18,9	9,6
4501, 4530	23 (без привязки к скелету)	-16,2	10,3
4502, 4531	24 (без привязки к скелету)	-18,0	12,0
4503, 4532	25 (без привязки к скелету)	-16,0	12,3
4504, 4533	26 (без привязки к скелету)	-18,8	13,1
4505, 4534	27 (без привязки к скелету)	-17,8	10,0
4506, 4535	28 (без привязки к скелету)	-17,5	13,2
4507, 4536	29 (без привязки к скелету)	-17,5	8,6
4508, 4537	30 (без привязки к скелету)	-17,6	7,3
4509, 4538	31 (без привязки к скелету)	-14,8	12,7
4510, 4539	32 (без привязки к скелету)	-16,5	11,8
4511, 4540	33 (без привязки к скелету)	-17,7	11,3
4512, 4541	34 (без привязки к скелету)	-14,2	12,4
4513, 4542	35 (без привязки к скелету)	-17,1	11,9

Таблица 2, продолжение

№ анализа	Образец	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
4514, 4543	36 (без привязки к скелету)	-16,9	12,3
4515, 4544	37 (без привязки к скелету)	-17,0	11,2
4516, 4545	38 (без привязки к скелету)	-16,9	8,9
4517, 4546	39 (без привязки к скелету)	-16,8	11,6
4518, 4547	40 (без привязки к скелету)	-15,9	12,8
4519, 4548	41 (без привязки к скелету)	-16,4	11,2
4520, 4549	42 (без привязки к скелету)	-17,5	11,3
4521, 4550	43 (без привязки к скелету)	-18,5	13,4
4522, 4551	44 (без привязки к скелету)	-17,8	10,1
4523, 4552	45 (без привязки к скелету)	-17,5	10,7

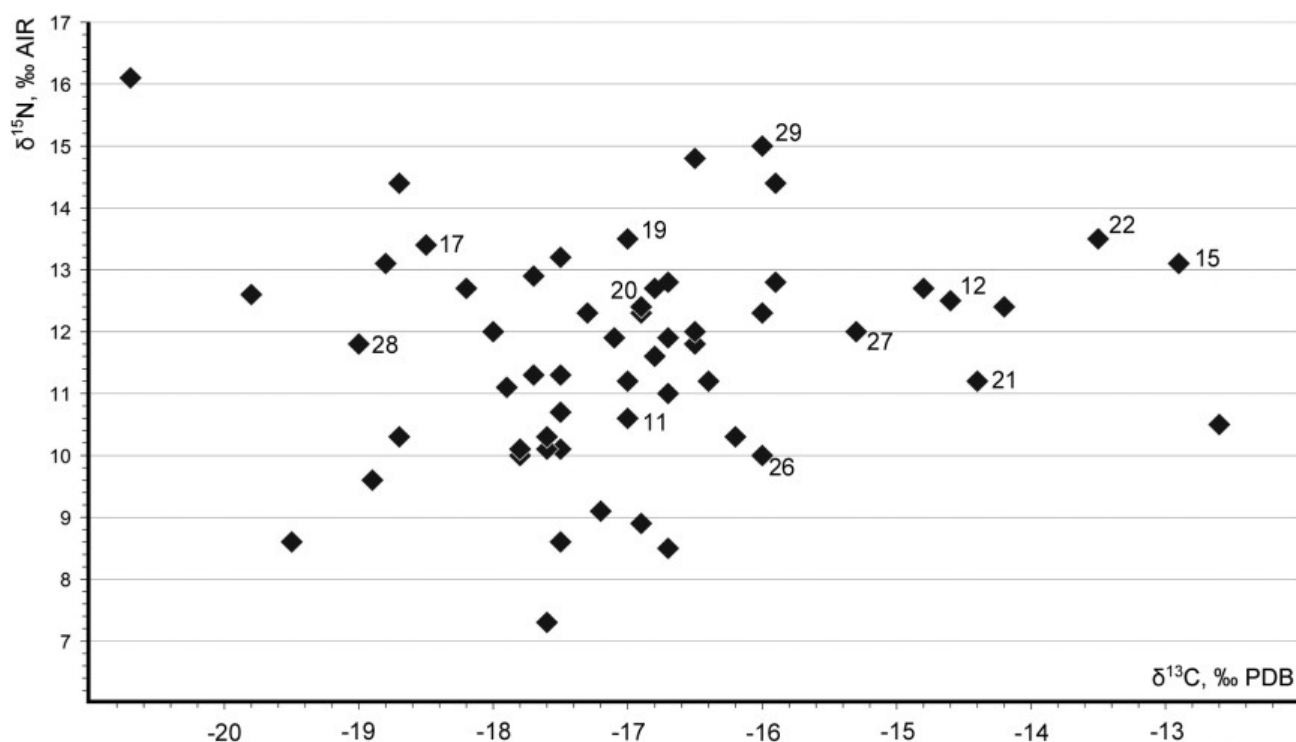

Рис. 8. Изотопные данные по образцам костей человека из склепа 3 на раскопе 3

Fig. 8. Isotopic data from samples of skeletal remains of an individual from vault No. 3 at Excavation 3

Таблица 3. Изотопный состав углерода и азота в костном материале из склепа 4 на раскопе 3 (по правым плечевым костям)

Table 3. Isotopic composition of carbon and nitrogen in the bone material from vault 4 at excavation 3 (along the right humeri)

№ анализа	Образец	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
4553, 4571	1	-17,8	9,2
4554, 4572	2	-17,3	9,0
4555, 4573	3	-17,3	11,4
4556, 4574	4	-17,3	12,1

Таблица 4. Изотопный состав углерода и азота в костном материале из склепа 5 на раскопе 3
 Table 4. Isotopic composition of carbon and nitrogen in bone material from vault 5 at excavation 3

№ анализа	Образец	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
4557, 4575	Скелет 1	-18,0	13,4
4558, 4576	Скелет 2	-14,4	12,7
4559, 4577	Скелет 4	-19,4	12,6
4560, 4578	Скелет 5	-17,3	12,1
4561, 4579	Скелет 6	-18,1	11,5
4562, 4580	Скелет 8	-18,3	12,7
4563, 4581	Скелет 9	-18,2	12,6
4564, 4582	Скелет 10	-19,7	15,6
4565, 4583	Скелет 11	-21,1	14,0
4566, 4584	Скелет 12	-19,4	17,2
4567, 4585	Скелет 13	-21,1	10,3
4569, 4587	Скелет 15	-21,1	15,2
4570, 4588	Скелет 16	-19,8	13,5

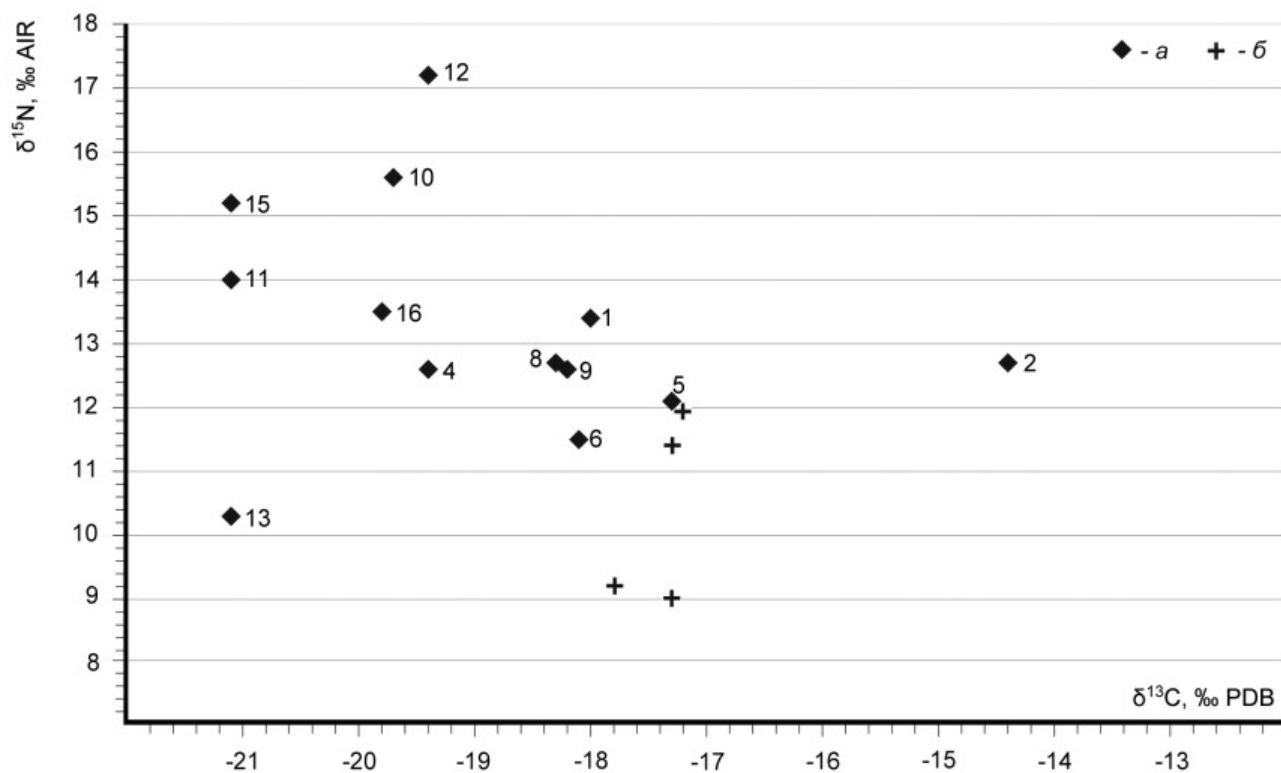

Рис. 9. Изотопные данные по образцам костей человека из склепов 4 и 5 на раскопе 3 (а — склеп 4; б — склеп 5)
 Fig. 9. Isotopic data from samples of skeletal remains of individuals from vaults nos. 4 and 5 at Excavation 3 (a — vault 4; b — vault 5)

без более точной привязки ко времени года. В целом образ жизни погребенных здесь различается несколько меньше, чем в предыдущих случаях.

Раскоп 3, склепы 1973 г. Как уже говорилось, эти объекты гораздо старше предыдущих. Они датируются римским временем, тогда как остальные — средневековым. Как видим, различия в образе жизни между захороненными в склепах 1 и 2 не наблюдается (рис. 10). Всего три образца получены от конкретных людей. Номера их скелетов обозначены на графике цифрами, все они происходят из склепа 1. Остальные образцы — от правых плечевых костей, не имеющих привязки к конкретным скелетам.

Погребенные в обоих склепах умерли примерно в одно и то же время года, а именно в межсезонье (осенью или весной).

По типу питания среди погребенных в склепе 2 различия почти нет, а погребенные в склепе 1 отличаются сильно.

Склеп 2 является местом погребения жителей Херсонеса с весьма однообразным типом питания, которое было в значительной степени мясным. Исключение составляет только один человек, концентрация азота в тканях которого составляет около 9,5 ‰ (рис. 10). Но и в этом случае можно констатировать, что мясное питание в его рационе присутствовало, однако растительная составляющая являлась доминирующей.

Склеп 1 демонстрирует совершенно другую картину. Разброс в значениях концентрации азота весьма велик. Обращает на себя внимание самый верхний образец с концентрацией азота в тканях примерно 16,5 ‰. Вероятно, этот человек питался в значительной степени морской рыбой или другими морепродуктами типа устриц или мидий, раковины которых массово присутствуют в культурных напластованиях Херсонеса. Его антипод (скелет № 3) употреблял в основном растительную пищу, вероятно, приготовленную из бобовых или зерновых, то есть был человеком либо небогатым, либо больным, принужденным соблюдать диету. Еще один безымянный погребенный имеет концентрацию изотопа азота в тканях 9 ‰, что говорит о том, что питание его было несколько лучше, однако и он ел в основном растительные продукты. Остальные образцы из склепа 2, так же как и основная часть останков людей из склепа 1, демонстрируют смешанное питание, в котором в той или иной степени присутствовало мясо. Вероятно, это были люди среднего имущественного уровня, умеренного, но достаточного питания. Два верхних образца из склепа 1 (доля $\delta^{15}\text{N}$

примерно 12,5 ‰) питались заметно лучше, чем все погребенные в обоих склепах. Для них можно предполагать преимущественно мясную обильную диету, обеспечивающую вполне комфортное или даже зажиточное существование.

Обращает на себя внимание погребенный № 4 (рис. 10). Этот скелет также имел вытянутый деформированный череп, как и образец № 21 из склепа 1 на раскопе 1. Видимо, и здесь это носитель некой иной культуры. Но поскольку мы имеем дело с римским временем, можно думать, что, скорее, представитель не готской, а кочевнической, скифо-сарматской культурной традиции, образ жизни которого, впрочем, не отличался от остальных.

В целом следует специально заметить, что соотношение доли изотопов углерода и азота в тканях погребенных в склепах Южного пригорода Херсонеса людей не является, конечно, каким-то абсолютно исчерпывающим показателем их образа жизни. Помимо особенностей окружающей среды и температурного баланса, который мы старались учитывать в нашем исследовании, свое влияние на эти показатели, несомненно, оказывали и индивидуальные особенности конкретного человека. Поэтому любые заключения относительно образа жизни каждого исследованного индивидуума делаются с определенной долей вероятности, однако, на наш взгляд, все-таки достаточно высокой.

Итак, исследование изотопного состава углерода и азота в тканях людей из древнего Херсонеса дает нам довольно любопытную картину.

Первое, о чем можно говорить, — то, что питание рыбой среди средневековых обитателей города было не очень популярно. Можно предполагать, что рыбой или преимущественно рыбой питались лишь около 10 % средневекового населения. Это довольно странно, поскольку рыболовство в Херсонесе было развито, и не только до нашей эры, но и в римское время, и в средневековье (Семенов-Зусер, 1947). По некоторым данным, с VI по X в. н. э. в городе функционировали 36 рыбозасолочных цистерн (Романчук, 2000). Экипаж лодки, состоящий примерно из двух-трех человек, добывал тогда за сезон до восьми центнеров рыбы (Кадеев, 1970). Может быть, дело здесь в том, что на Херсонесе преимущественно добывали рыбу для приготовления рыбного соуса (Романчук, 2000). Поэтому ее могли в целом рассматривать не как продукт питания, а как некое сырье для дальнейшей переработки. Но это спорное предположение. Вероятнее всего, на территории,

Таблица 5. Изотопный состав углерода и азота в человеческом костном материале из склепов 1 и 2 на раскопе 3 (склепы С. Г. Рыжова), по правым плечевым костям

Table 5. Isotopic composition of carbon and nitrogen in human bone material from crypts 1 and 2 at excavation 3 (crypts of S. G. Ryzhov), on the right shoulder bones

№ анализа	Образец	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
4345, 4364	Склеп 1, образец 1	-17,4	10,9
4346, 4365	Склеп 1, образец 2	-17,0	12,7
4347, 4366	Склеп 1, образец 3	-20,4	12,6
4348, 4367	Склеп 1, образец 4	-16,7	10,1
4349, 4368	Склеп 1, образец 5	-19,8	9,0
4357, 4376	Склеп 1, образец 6	-17,7	11,0
4358, 4377	Склеп 1, образец 7	-17,8	11,7
4359, 4378	Склеп 1, образец 8	-17,3	16,5
4360, 4379	Склеп 1, образец 9	-17,9	10,6
4361, 4380	Склеп 1, скелет 2	-16,9	9,6
4362, 4381	Склеп 1, скелет 3	-17,9	7,8
4363, 4382	Склеп 1, скелет 4, деформированный череп	-17,9	10,6
4350, 4369	Склеп 2, образец 1	-15,6	10,4
4351, 4370	Склеп 2, образец 2	-17,8	11,4
4352, 4371	Склеп 2, образец 3	-17,4	11,8
4353, 4372	Склеп 2, образец 4	-19,2	9,5
4354, 4373	Склеп 2, образец 5	-17,8	11,4
4355, 4374	Склеп 2, образец 6	-17,5	11,5
4356, 4375	Склеп 2, образец 7	-18,2	11,0

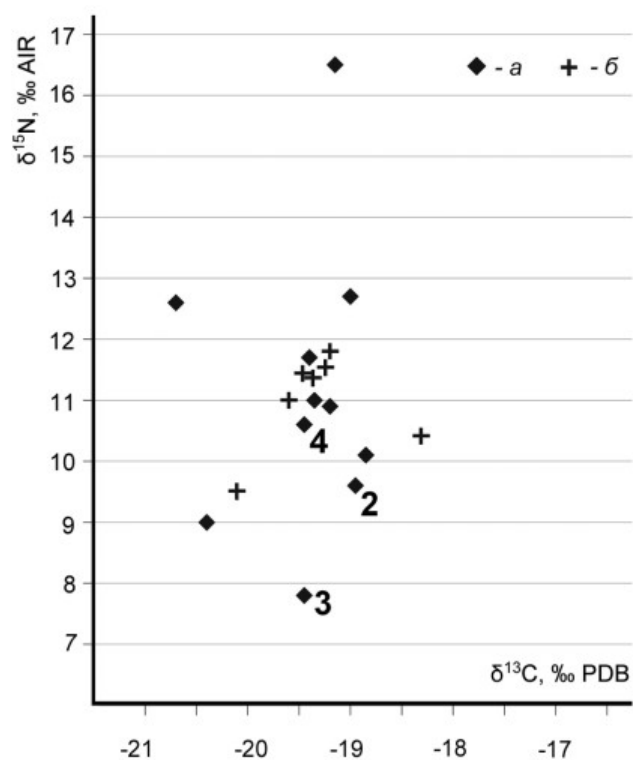

Рис. 10. Изотопные данные по образцам костей человека из склепов 1 и 2 1973 г. на раскопе 3 (а — склеп 1; б — склеп 2)

Fig. 10. Isotopic data from samples of skeletal remains of individuals from vaults no. 1 and no. 2 at Excavation 3 of 1973 (a — vault 1; b — vault 2)

где находятся исследованные склепы, хоронили усопших те, кто, условно говоря, к рыболовам не принадлежал, а те, в свою очередь, хоронили своих усопших где-то в других местах некрополя.

Второй факт, обращающий на себя внимание, — погребение в одном и том же склепе людей явно разного имущественного уровня. Особенно нагляден в этом отношении склеп 1 1973 г. и склеп 3 на раскопе 3. В склепе 3 погребены и абсолютные бедняки, питавшиеся, вероятно, кашами из круп и похлебками из бобовых, и обеспеченные люди, основу питания которых составляло качественное мясо. Есть здесь и те, кто ел в основном рыбу. Это тоже может быть показателем низкого общественного статуса, поскольку рыба в Херсонесе, учитывая вышеизложенные соображения, должна была являться продуктом исключительно дешевым. Почему столь разные по своему имущественному положению люди оказались в одном погребении? Уже говорилось, что склеп мог являться усыпальницей какого-то большого и многочисленного родового клана, члены которого сильно отличались по общественному положению. Можно предполагать, что в склепе погребали не только его владельцев, состоятельных горожан, но, например, и их верных слуг, которые питались, конечно, несколько хуже своих знатных хозяев. Особенно это заметно на примере склепов 1973 г., где в одном склепе (2) похоронены люди вполне обеспеченные, а в другом (1) — самые разные, среди которых немало бедняков. Ответ на этот вопрос, конечно, лежит в области археологии.

Оценить, отличалось ли питание мужчин от той пищи, которую употребляли женщины, к сожалению, можно только по материалам из склепа 1 на раскопе 1 (рис. 7). Количество образцов здесь не очень большое, но в целом видно, что,

если считать питание морской рыбой признаком бедного рациона, то тогда из восьми мужчин заподозрить в скудности питания можно всего двоих — № 18 и 13, а из 12 женщин шестеро, то есть половина, обходились почти без мяса, то есть питание женщин из склепа 1 было более скудным, чем у мужчин. Однако, повторим, что это всего лишь один склеп, в материалах которого установить пол удалось лишь для небольшого количества погребенных.

Не выявлено различия в уровне питания между носителями варварской культуры и обычными обитателями Херсонеса. Люди с уплощенными черепами и в римское, и в средневековое время питались в целом так же, как и прочие обитатели полиса. В обоих случаях (склеп 1 раскопа 1 и склеп 1 1973 г. раскопа 3) питание это было не избыточным, но вполне достаточным для нормального существования. Концентрация $\delta^{15}\text{N}$ в обоих случаях составляет примерно 10,5–10,8 ‰.

Сезон смерти погребенных в херсонесских склепах людей можно установить лишь очень приблизительно. Большинство из умерших, видимо, встретило свой конец в межсезонье: кто-то осенью, кто-то весной, кто-то на исходе или в середине зимы. Летом средневековые обитатели Херсонеса, как видим, умирали гораздо реже. А значит, с известной долей допущения, можно предполагать, что смерть наступала не из-за инфекционных эпидемий или пищевых отравлений, а из-за каких-то простудных заболеваний, которые и сейчас особенно распространены именно в осеннее-весеннее время.

Остается выразить надежду, что новые археологические и антропологические материалы с античных памятников Крыма и Северного Причерноморья внесут дополнительную ясность в этот вопрос.

Громов, Казарницкий, 2022 — Громов А. В., Казарницкий А. А. Искусственная деформация головы у ранних окуневцев // АВ. 2022. Вып. 34. С. 265–274.

Кадеев, 1970 — Кадеев В. И. Очерки экономики Херсонеса Таврического в I–IV вв. Харьков, 1970. 164 с.

Кириченко, 2013 — Кириченко Д. А. О деформации черепа у остготов // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград: Издатель, 2013. № 13. С. 60–64.

Лазаретов и др., 2018 — Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипу-

ляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры // Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей: Сб. / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж, 2018 (Тр. ИИМК РАН; Т. 47а). С. 51–56.

Пиоро, 1990 — Пиоро И. С. Крымская Готия. Очерки этнической истории населения Крыма в поздне-римский период и раннее средневековье. Киев: Лыбидь, 1990. 195 с.

Романчук, 2000 — Романчук А. И. Очерки истории византийского Херсонеса. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 390 с.

Семенов-Зусер, 1947 — Семенов-Зусер С. А. Рыбный рынок в Херсонесе (новооткрытая надпись музея Харьковского ГУ) // ВДИ. 1947. № 2(20). С. 237–246.

Hoefs, 2004 — Hoefs J. Stable isotope geochemistry. 5th ed. Berlin: Springer, 2004. 294 p.

Sharapova, 2013 — Sharapova S. Intentional cranial deformation: bioarchaeological recognition of social identity in iron age sargat culture // Tattoos and Body

Modifications in Antiquity: Proceedings of the sessions at the EAA annual meetings in The Hague and Oslo, 2010/11 / Ed. by Ph. Della Casa, C. Witt. Zürich: Chronos Verlag, 2013 (Zurich Studies in Archaeology; Vol. 9). P. 103–113.

Simalcsik, 2015 — Simalcsik A. Despre deformatia craniana intentionata. Referire asupra descoperirii de la Firladeni (r-nul Causeni) // Arheologia preventivă în republica Moldova. 2015. Vol. 2. P. 129–138.

On the diet type of the individuals buried in vaults at the necropolis of the southern suburb of ancient Tauric Chersonesos

A. K. Kasparov, V. V. Vakhoneev, O. V. Lokhova³

Keywords: Chersonese, necropolis, crypt, man, isotopic analysis, diet, season of death.

This article presents the results of isotopic analysis of samples of human bones from four mediaeval vaults and one tomb of the Roman period at the excavated area “Southern suburb of Chersonesos” which from the turn of this era until ca 10th cen. served as a cemetery of this large polis (fig. 1–5). In total, skeletal samples from approximately 130 individuals have been examined. The results obtained demonstrate that persons of different prosperity manifestly belonging to different social groups were interred in one and the same vault (fig. 6–10). The consumption of fish was very limited. A low agricultural season, e.g. autumn or spring, was the time of death of the majority of the interred. It seems that the diet of women did not much differ from that of men although it was nevertheless somewhat cheaper. Among the buried, two representatives of foreign cultures with deformed elongated skulls have been encountered. Judging from the ratio of isotopes, their life way did not differ from that of the ordinary residents of Chersonesos.

³ Olga V. Lokhova, Aleksey K. Kasparov, Victor V. Vakhoneev — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: Lohova.olga@yandex.ru; alexkas@yahoo.com; vvvkerch@mail.ru.

Нательные кресты из монастырского комплекса церквей на городище Ак-Бешим

Б. Э. Аманбаева, А. А. Михеева, К. Ямаучи¹

Аннотация. В 2021 г. на комплексе церквей (X–XI вв.; объект VIII) городища Ак-Бешим (Кыргызстан) были возобновлены археологические раскопки, в процессе которых нами был обнаружен равноконечный нефритовый крест хорошей сохранности. К настоящему времени известно о пяти нефритовых крестах, найденных на городищах, расположенных в Чуйской долине Семиречья. Датировка крестов — с VIII по XI в.

Ключевые слова: Семиречье, Суяб, городище Ак-Бешим, нефритовый крест, христианство, хотанский нефрит, несторианство в Китае, Восточный Туркестан, Внутренняя Монголия, ордосские кресты.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-201-213

Руины средневекового города Суяба (городище Ак-Бешим) расположены в Семиречье (Жети-Суу/Жетысу)², в предгорной полосе Чуйской долины, в 8–9 км к юго-западу от современного города Токмок (Кыргызстан). Город, вероятно, основанный согдийцами в VI–VII вв., с VIII по X в. был столицей Западно-Тюркского, Тюркешского и Карлукского каганатов. С приходом к власти караханидов и строительством города Баласагуна (городище Бурана) в X в. жизнь в Суябе продолжалась, но стала менее интенсивной (Кожемяко, 1959. С. 78; Аманбаева и др., 2015. С. 26)³.

Многолетние исследования городища показали его историко-археологическую уникальность. На территории сравнительно небольшой площади города, состоящей из цитадели, двух шахристанов⁴ городской округи (рабада), оконтуренной двумя длинными стенами, были открыты три буддийских комплекса (Бернишам, 1950. С. 48; Кызласов, 1959. С. 160; Зяблин, 1961), христианская церковь с кладбищем VIII в. (Кызласов, 1959. С. 231), зороастрийский некрополь (Там же. С. 230) и монастырский комплекс церквей

¹ Аманбаева Б. Э. — Институт истории, археологии и этнологии НАН КР; пр. Чуй, 265-А, Бишкек, 720071, Кыргызстан; e-mail: abakit@mail.ru. Михеева А. А. — ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: hmunter666@mail.ru. Ямаучи К. — Научно-исследовательский университет культурных ценностей, Токио; 1566-2, Isawacho Yokkaichiba, Fuefuki-shi, Yamanashi, 406-0032, Japan; e-mail: yamauchi2016@main.teikyo-u.ac.jp.

² Семиречье (Жети-Суу — кыргызский; Жетысу — казахский) — географическая область в Центральной Азии, включает юго-восточную часть Казахстана (Алматинская и частично Жамбылская области), Северную Киргизию (часть Чуйской долины) и верховья р. Или, входящие в состав Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая.

³ Высказывалось мнение, что в связи со строительством в X в. города Баласагуна Суяб был окончательно заброшен (Кызласов, 1959. С. 235, 236). С этим мнением

не согласился П. Н. Кожемяко, считавший, что историческая обстановка X–XII вв. не дает оснований допустить, чтобы в этот период большой, хорошо обжитый город был брошен (Кожемяко, 1959. С. 78). Раскопки последних лет подтвердили предположение П. Н. Кожемяко — жизнь в Суябе продолжалась и после X в. Раскопки Л. М. Ведутовой в 2006–2008 гг. на шахристане I выявили постройки жилого и производственного назначения. См.: Ведутова, Куримото, 2013. С. 120–150.

В 2011–2013 и 2019 гг. совместной Кыргызско-Японской экспедицией проводились раскопки на территории шахристанов I и II (Аманбаева и др., 2015. С. 26). Отчет за 2019 г. можно посмотреть по ссылке: URL: <https://www.unesco-iicas.org/ru> (дата обращения: 15.10.2021).

⁴ Шахристан — в средневековье часть иранского и среднеазиатского города, расположенная внутри городских стен, но снаружи цитадели. Как правило, имел геометрически правильные очертания городских стен и иногда планировку улиц.

Рис. 1. Городище Ак-Бешим (Суяб). Монастырский комплекс церквей (X–XI вв.) и границы раскопа 2021 г. (аэроснимок памятника выполнен сотрудником МИЦАИ М. В. Гурулевым, 2021 г.)

Fig. 1. Site of Ak-Beshim (Suayb). Monastic complex of churches (10th–11th cen.) and the boundaries of the excavation of 2021. Aerial photo of the site taken in 2021 by the Staff Scientist of the International Institute for Central Asian Studies M. V. Gurulev

X–XI вв. (Семенов, 2002. С. 44). Средневековый Суяб был полиэтничным и поликонфессиональным городом, в пределах его стен мирно уживались согдийцы, буддисты, зороастрийцы, турки-шаманисты, христиане и, возможно, манихеи (Кызласов, 2008). Расположение города на трассе Великого шелкового пути сделало его одним из важнейших центров взаимодействия тюркской и китайской культур, своеобразным культурным мостом между Средней Азией и Восточным Туркестаном (Михеева, 2019. С. 247).

Исследование памятника продолжается и в настоящее время. В полевом сезоне 2021 г. совместной Кыргызско-Японской экспедицией Института истории, археологии и этнологии НАН Кыргызской Республики и Университета Тейкё г. Токио⁵ были начаты работы в юго-восточной

части комплекса церквей (объект VIII; рис. 1). В процессе археологического изучения памятника около внешней южной стены церкви «А» был обнаружен равноконечный нефритовый крест хорошей сохранности (рис. 2; подробное описание находки см. далее).

История изучения памятника

Объект VIII — это комплекс христианских церквей, расположенный в юго-восточном углу шахристана I. Впервые на эту часть памятника обратил внимание П. Н. Кожемяко, исследовавший городища с «длинными стенами» и отмечавший, что сохранность и общая массивность холма говорят о развалинах дворцового типа (Кожемяко, 1959. С. 73). В 1996 г. на объекте были начаты первые археологические работы под руководством

⁵ Научное руководство экспедиции и управление: вед. науч. сотр. НАН КР, канд. ист. наук Б. Э. Аманбаева, проф. Казуя Ямаучи. Техническая поддержка

выполнена сотрудниками Международного института Центральноазиатских исследований (МИЦАИ) канд. ист. наук Д. А. Воякиным и М. В. Гурулевым.

Г. Л. Семенова, продолженные до 1998 г.⁶ В результате проведенных работ специалистами было вскрыто монументальное сооружение, построенное из пахсовых блоков и кирпича-сырца. Высота стен в некоторых частях памятника сохранилась до 4 м. Вскрытый комплекс состоял из четырех частей: церковь «А» — крестообразное алтарное помещение, с вытянутым с востока на запад длинным помещением-нефом и общим, обводным по всему периметру, коридором, — располагалась вдоль южной стены городища. Предполагается, что это сооружение было построено первым, все последующие пристроены к нему позже (Горячева, 2010. С. 120). Рядом, с северной стороны, находилось сооружение «В» — состоявшее из крестообразного алтарного помещения, с проходом в западной стороне в большой открытый прямоугольный двор. Архитектурно эта часть комплекса схожа с более ранней церковью (VIII в.), открытой и изученной в 1954 г. Л. Р. Кызласовым (Кызласов, 1959. С. 231). Далее, на север, было пристроено здание «С» — также состоявшее из небольшого крестообразного алтарного помещения с проходом в западной части во двор (или в помещение?), но меньшего размера. Замыкало контур церковью здание «D» — узкое, вытянутое с востока на запад помещение, с алтарной комнатой в его восточной части⁷. В 2000–2001 гг. Ак-Бешимским отрядом ИИ НАН КР при поддержке фонда Ата-Мурас была обследована территория в западной и северо-западной частях комплекса (Горячева, 2010. С. 119, 120; Кольченко, 2018. С. 64, 65). Итогом работ стало оконтуривание внутренней западной стены зданий «С», «D» и открытие хозяйственно-бытовых помещений в северо-западной части комплекса. В 2004–2006 гг. были проведены частичные работы по консервации памятника (Кольченко, 2018. С. 64).

При раскопках памятника Г. Л. Семеновым специалистами были обнаружены керамические

плакетки с изображением креста, при этом часть плакеток была штампом или матрицей для изготовления аналогичных изделий (Семенов, 2002; Аманбаева и др., 2015. С. 20, ил. 9, 3, 4). Это достаточно важный аспект, который показывает нам, что в X–XI вв., в период существования и действия монастырского комплекса церковью, в городе было налажено собственное керамическое и камнерезное производство религиозной утвари. Возможно, именно в Суябе в монастырском комплексе церковью располагались ремесленные мастерские. На городищах Кара-Джигач и Красная Речка были найдены необработанные литники и бракованные металлические кресты (Ротт, 2005. С. 48), следовательно, производство подобных предметов имело место и в более поздний период.

С 2021 г. начался новый этап в изучении памятника. Основные работы были сосредоточены в юго-восточной части церкви/сооружения «А». В этом полевом сезоне была изучена строительная конструкция внешней южной и восточной стен сооружения «А». Выяснено, что в южной части комплекса располагались жилые помещения с очагами и хозяйственными ямами, вероятно, пристроенные к основной внешней южной стене здания церкви «А». Вдоль восточной стены была открыта и реконструирована сохранившаяся внешняя восточная стена сооружения «А», имевшая ширину 160–170 см, высоту ≈ 270 см, выполненная комбинированной кладкой на глиняном растворе⁸. В этой же части раскопа был обнаружен равноконечный нефритовый крест с расширяющимися ветвями, вырезанный из квадратной нефритовой пластины, по форме схожий с мальтийским крестом. Кресты такой формы, найденные в пределах среднеазиатского региона, в публикациях часто именуются несторианскими. Хронологический период функционирования памятника — X–XI вв., как предположил Г. Л. Семенов, около 100 лет⁹.

⁶ Работы проводились ведущими научными сотрудниками Государственного Эрмитажа и Института истории НАН Кыргызстана по договору о совместных работах на городище Ак-Бешим. Раскопки велись на цитадели, в центре шахристана I и в юго-восточном углу шахристана I (объект VIII) (Семенов, 2002. С. 9, 44–114).

⁷ Подробное описание памятника см.: Семенов, 2002. С. 44–114; также: Горячева, 2010. С. 119–123; Кольченко, 2018. С. 64–70. Обозначение зданий по Г. Л. Семенову. В. Д. Горячева предлагает рассматривать здания «С» и «D» как единый комплекс — третий блок «С».

⁸ При раскопках Г. Л. Семенова высота сохранившихся стен достигала 3,5 м, значит, внешняя восточная стена была выше 2,7 м.

⁹ В одной из публикаций, посвященных монастырскому комплексу, была предложена дата памятника XI–XII вв. со ссылкой на книгу Г. Л. Семенова (Семенов, 2002; см.: Аманбаева и др., 2015. С. 21). Однако Г. Л. Семенов в своей книге предлагает другую дату — X–XI вв., упоминая при этом, что две монеты, найденные на верхнем полу, вероятно, караханидские. См.: Семенов, 2002. С. 95.

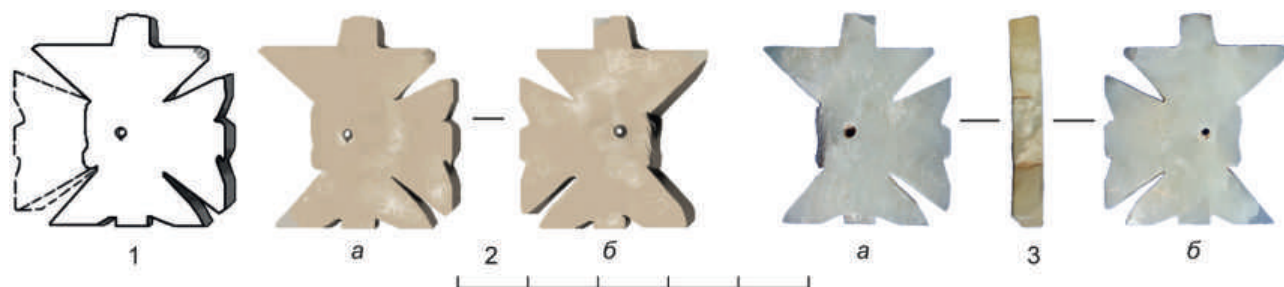

Рис. 2. Городище Ак-Бешим (Суяб). Нефритовый крест, обнаруженный около внешней южной стены сооружения «А»: 1 — реконструкция; 2 — прорисовка (рисунок С. А. Китаевой); 3 — фото (а — лицевая сторона; б — оборотная) (фото А. А. Михеевой)

Fig. 2. Site of Ak-Beshim (Suyab). Nephrite cross found near the external (southern) wall of structure “A”: 1 —reconstruction; 2 —drawing (by S. A. Kitaeva); 3 — photo (a — obverse; б — reverse) (by A. A. Mikheeva)

Акбешимский крест

В юго-восточной части раскопа 1 после очередной зачистки слоя на пересечении центральной бровки и части северной стены на глубине -82 см от дневной поверхности был обнаружен нефритовый крест хорошей сохранности (инд. полевой номер 2; рис. 2). На этом же уровне после зачистки площадки было зафиксировано зольное пятно округлой формы. Границы пятна читались едва уловимым очертанием земли оранжевого цвета в виде круга, размерами 30 × 14 см. Нефритовый крест и контуры очага располагались в одном слое и на одной глубине, в результате было принято решение взять кусочки золы из этого очага на анализ для радиоуглеродного датирования¹⁰.

Крест желтовато-зеленого цвета, равноконечный (форма креста «греческая»), с расширяющимися концами по сторонам света. Одной ветви нет, она была утеряна еще в древности. Размеры вертикальной части (от края ушка) — 3,2 см, горизонтальной — 3 см, толщина — 0,5 см. Крест нагрудный, подвесной. Учитывая его величину, вероятно, предполагалось, что он будет носиться поверх одежды (об этом подробнее см. далее). В центре средокрестия, с небольшим отклонением в сторону, просверлено маленькое сквозное отверстие. С лицевой стороны оно меньше в диаметре, чем на обороте (1 и 2 мм соответственно). Лицевая поверхность креста гладкая, отполированная, равномерного цвета (рис. 2, 3, а). Хорошо прослеживается структура природного камня — нефрита, в каких-то местах проступают белые прожилки, а на нижнем раструбе видны фрагменты почти прозрачного сероватого цвета. Обратная сторона креста

слегка шероховатая и обработана минимально, но структура камня та же — проглядывают белёсые разводы, а край верхней правой ветви креста также имеет прозрачный сероватый цвет (рис. 2, 3, б).

Ветви креста относительно одинаковы по величине и расширяются к оконечностям. Края правой, левой (утрачена) и нижней ветвей поделены на три части (трехчастные) и образуют коронобразную форму с прямоугольным выступом в центре. На верхней части креста имеется небольшой квадратный выступ. Очевидно, он представляет собой заготовку для ушка для подвешивания, но само сквозное отверстие не было сделано.

В целом можно отметить, что сами ветви креста выпилены не очень аккуратно, отличаются друг от друга и имеют разные размеры — угол верхней левой ветви длиннее остальных. Поверхность креста с обратной стороны не отполирована, а ушко не сделано. Кроме того, как нам видится, оконечности креста до конца не были оформлены. Вероятно, ювелир лишь наметил основные контуры и формы этого креста, которые задумывались более округлыми. Поэтому мы предполагаем, что данный крест — заготовка. Скорее всего, мастер начал вырезать его из цельной квадратной нефритовой пластины, а когда изделие была придана основная крестообразная форма, в процессе работы одна ветвь отломилась, и крест попросту был выброшен (на радость археологам!). Это значит, что в период функционирования комплекса церквей на его территории, точнее за стенами церкви, изготавливались собственные кресты, используемые для нужд местных христиан. Нефрит в качестве сырья завозился в Семиречье из китайских провинций, в основном из Хотана (Ртвеладзе, 1999. С. 119; Байпаков, Терновоя, 2018. С. 25). Подробнее этот вопрос будет рассмотрен далее.

¹⁰ Результаты радиоуглеродного датирования пока не получены.

Аналогии

Ак-Бешим (объект VIII). Практически идентичный крест был найден при раскопках Г. Л. Семенова на полу помещения № 5, и одна из ветвей креста также была сломана (рис. 3, 3) (Семенов, 2002. С. 61, 93, рис. 55, б). Данный крест меньше по размеру: высота 2,8 см, ширина 2,4 см, толщина ≈ 0,8 см. В центре его выпилено сквозное отверстие. Края ветвей также визуальны поделены на три части, но сглажены больше, и, судя по профилю опубликованного рисунка, ушко, расположенное вдоль основной оси верхней части креста, было наполовину отломано.

Отметим, что помещение № 5 — это одна из комнат церкви «А», расположенная недалеко от того места, где был обнаружен наш крест. К сожалению, никакой другой информации по кресту автор раскопок не дает.

Красная Речка. В 1979–1980 гг., на городище Красная Речка, на шахристане I в качестве случайной находки был встречен нефритовый крест, выполненный довольно искусно и качественно (рис. 3, 1)¹¹. Размеры его аналогичны таковым найденного нами креста: 3,8 × 3,3 × 0,5 см. Он был выпилен из цельного куска белого нефрита. В центре вырезан круг диаметром 0,8 см, но не сквозной; по краям креста сделаны мелкие насечки. В отличие от крестов с Ак-Бешима форма ветвей этого креста двухчастная и напоминает «рыбий хвост» (Памятники культуры..., 1983. С. 67, 68, рис. 261, а). В. Д. Горячева в своей монографии вместе с этим крестом публикует еще один нефритовый крест с того же городища (Горячева, 2010. С. 77, рис. 36). По форме он равносторонний по типу мальтийского, но меньшего размера, чем вышеописанный. Концы его оформлены так же, как у акбешимских крестов, но серединная часть несколько шире. Сквозное отверстие для продевания веревочки вырезано не сбоку, как у предыдущих вариантов, а фронтально (рис. 3, 2) (Там же. С. 77). Крест, найденный на шахристане I, В. Д. Горячева датирует VIII–IX вв. О кресте меньшего размера, кроме того, что он происходит с городища Красная Речка, никаких других сведений получить не удалось (Кольченко, 2018. С. 87, 92, рис. 39, 1, 4)¹².

¹¹ Крест многократно публиковался. Подробнее см.: Памятники культуры..., 1983. С. 67–68, 261, а. Раскопки В. Д. Горячевой и О. Береналиева. Также см.: Горячева, 1988. С. 67; Ротт, 2005. С. 46, 47, рис. 1, 17; Байпаков, Терновская, 2018. С. 25; Кольченко, 2018. С. 87, 92, рис. 39.

¹² Автор переопубликовал два креста с городища Красная Речка, не добавляя новой информации.

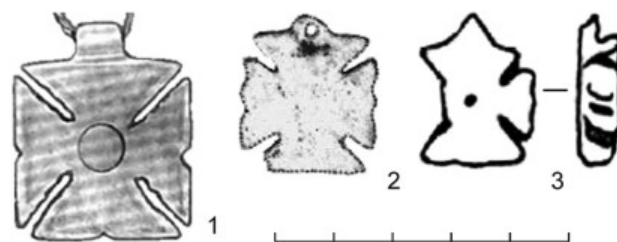

Рис. 3. Нефритовые кресты, обнаруженные на территории юго-восточного Семиречья: 1, 2 — кресты с городища Красная Речка (истор. Невакет; Горячева, 2010); 3 — крест с городища Ак-Бешим (Суяб; помещение № 5, раскопки Г. Л. Семёнова и Л. М. Ведутовой в 1996–1998 гг.; Семенов, 2002)

Fig. 3. Nephrite crosses found in the area of south-eastern Semirechye: 1, 2 — crosses from the site of Krasnaya Rechka (historical name Nevaket; Горячева, 2010); 3 — cross from the site of Ak-Beshim (room No. 5, excavations by G. L. Semenov and L. M. Vedutova in 1996–1998; Семенов, 2002)

Актобе (Степнинское). Нефритовая подвеска с изображением креста была найдена и в казахстанской части Чуйской долины, на городище Актобе (Степнинское). В процессе археологического изучения городища на берегу р. Аксу в яме, вскрытой эрозией почвы, среди фрагментов керамики VIII–X вв. Ф. П. Григорьевым была обнаружена подвеска из светлого бело-серого нефрита (Железняков, 2005. С. 54), прямоугольной формы, со слегка округлыми углами. Ушко для подвешивания было отломано. Размеры находки: 3,5 × 3,1 × 0,5 см. На лицевой стороне — она лучше отшлифована — рельефно вырезан равноконечный крест греческой формы. Широкие лопасти креста представляют собой четырехугольники квадратной формы с мелкими квадратами на них, образованными прочерченными крестнакрест рельефными линиями. В средокрестии или в центре подвески просверлено сквозное отверстие диаметром 0,5–0,6 см, украшенное вставкой цилиндрической формы из минерала зеленого цвета, как полагают исследователи, жадеита (Григорьев, Железняков. URL: <http://vedikz.narod.ru/zheleznyakov/podveska.htm>; Железняков, 2005. С. 54). Предполагается, что данная подвеска является еще одним доказательством того, что в городе проживала значительная община христиан несторианского толка, наличие которой было отмечено при археологическом изучении винодельни, найденной на этом городище. Пол винодельни был вымощен жжеными кирпичами, на которых были прочерчены равноконечные кресты (Григорьев, Железняков. URL: <http://vedikz.narod.ru/zheleznyakov/>

podveska.htm; Байпаков, Терновья, 2018. С. 22–25). Как известно, в период массовой исламизации населения в Семиречье производством и хранением вина занималась именно несторианская церковь (Семенов, 2002. С. 107, 108).

Металлические кресты юго-восточного Семиречья. Нательные кресты и их фрагменты, как металлические, так и из камня (Кольченко, 2018. С. 87), в настоящее время обнаружены практически на всех городищах юго-восточного Семиречья, связанных тем или иным образом со средневековым христианством. Это городище Ак-Бешим (Суяб), на котором в 1954 г. была открыта церковь VIII в. с христианскими захоронениями (объект IV; Кызласов, 1959. С. 231); погребальный комплекс (объект III) с христианским погребением по обряду труположения (Кызласов, 1959. С. 230; Михеева, 2021. С. 320–323); комплекс церквей, описанный выше (объект VIII; Семенов, 2002). При раскопках городского некрополя городища Красная Речка (исторический Невакет) в одном из женских погребений был обнаружен нательный металлический крест (Горячева, 2010). В основании фундамента стены были встречены намогильные камни-кайраки с крестами и эпитафиями (Джумагулов, 1987. С. 38), а у восточной стены городища в качестве случайной находкой был найден фрагмент керамического сосуда с прочерченным до обжига равносторонним крестом, стилистически схожим с крестом, процарапанным на кувшине с акбешимского погребального комплекса (Кольченко, 2018. С. 76, 77). На памятниках Бурана (При-Токмакское кладбище) и Кара-Джигач (При-Пишпекское кладбище) еще в конце XIX в. были открыты средневековые некрополи христиан восточно-сирийской церкви (Пантусов, 1886). Как ни удивительно, но нательные кресты в христианских погребениях — большая редкость. Чаще погребения безынвентарные или с недорогими украшениями: кольцами, бусами; в детских погребениях фиксируются ракушки каури, пронизки бус или зубы взрослого человека¹³. Выказывалось мнение, что возможную причину отсутствия нательных крестов в средневековых погребениях можно связать с прямым запретом на погребение христианских святых и реликвий вместе с усопшим (Мусин, 1997. С. 21).

Согласно одной из существующих классификаций, по длине ветвей кресты делятся на две

¹³ В детском погребении № 8 помимо нательного крестика были зафиксированы зубы взрослого человека (Кызласов, 1959. С. 231–233; Михеева, 2021. С. 336–349).

большие группы: «греческую» — с равноконечными ветвями, «латинскую» — с удлиненной вертикальной ветвью (Беляев, М.А.М., 2019). Отнесение к группам нетождественно принадлежности того или иного креста к Восточной или Западной Церкви, а определяется только его пропорциями. На территории Средней Азии встречаются обе группы крестов, но с различными вариантами украшений ветвей и серединной части. Распространены варианты как объемных крестов, так и плоских, центр которых, как правило, оформляется врезанной окружностью или перехваченными крест-накрест врезками — Андреевский крест в миниатюре (Ротт, 2005. С. 46, рис. I; 48, рис. II). С IV в. в странах Сиро-Палестинского региона преобладает форма четырехконечного креста с удлиненной нижней ветвью, концы которого расширены от центра к внешнему краю в виде треугольника (Введение в историю..., 2012. С. 603), а также форма «греческого» креста, но с сильно расширенными концами — тип мальтийского креста. На средневековых намогильных кайраках Семиречья встречается крест на сфере, выражающий идею креста как центра космоса, или крест на ступенчатом постаменте — Голгофский крест, который впервые отмечен на римских саркофагах с IV в. и затем многократно воспроизводится (Слуцкий, 1889. Табл. I–IV; Введение в историю..., 2012. С. 604).

В настоящее время собрана значительная коллекция металлических крестов, найденных на памятниках юго-восточного Семиречья (Терновья, 2004; Ротт, 2005; Кольченко, 2018). Форма крестов довольно разнообразна: равноконечные, украшенные по краям перлами; с удлиненной вертикальной частью; с расширяющимися концами от центра к внешнему краю; в виде круглых подвесок-медальонов; объемные со сложным профилированным украшением ветвей; и пр. (Ротт, 2005). Нельзя сказать, что преобладает какая-то определенная, характерная только для этого региона форма креста. Тем не менее было отмечено, что крест с удлиненной вертикальной частью, с ветвями, расширяющимися от центра к оконечностям, украшенными перлами или бусинами/жемчужинами, получил широкое распространение именно в несторианской традиции и довольно часто встречается на памятниках среднеазиатского региона (Ротт, 2005. С. 49; Klein, Reck, 2004): к примеру, крест, найденный при раскопках восточной части церкви Хароба-Кошук (Osmida, 2011), или прецессионный крест, встреченный на городище Ак-Бешим (Аманбаева и др., 2015. С. 20,

рис. 9, 1; Klein, Reck, 2004). Крест с равноконечными концами широко представлен в восточно-туркестанской художественной традиции (Pott, 2005) и на несторианских памятниках VII–IX, XIII–XIV вв. в Китае (Saeki, 1951; Ломанов, 2002).

При таком разнообразии форм крестов, обнаруженных не только на территории юго-восточного Семиречья, но и на всей территории среднеазиатского региона, где были выявлены следы присутствия христиан-несториан, кресты с распятием не встречаются совсем. Впервые на это обратил внимание С. С. Слуцкий, изучавший семиреченские надгробные камни-кайраки с При-Пишпекского (Кара-Джигачского) и При-Токмакского (Буранинского) кладбищ (Слуцкий, 1889. С. 66). Ни на одном из несторианских крестов, найденных в Синьцзяне, Внутренней Монголии, Шаньси и Пекине, также не оказалось изображения распятого Христа (Ломанов, 2002. С. 71). Архимандрит Палладий (Кафаров)¹⁴ при описании обычаев китайских христиан-несториан периода династии Юань отмечает, что в документах монастыря Да син го сы (1281 г.) указывается, что «крест есть подобие человеческого тела, они (христиане) вешают его в своих жилищах, рисуют в храмах, носят на головах, вешают на груди и знаменуют им четыре страны света, верх и низ» (Цит. по: Палладий, 1877. С. 64; Ломанов, 2002. С. 71). Сравнение человеческого тела с крестом образно из-за сходства с фигурой человека с распростертыми руками, в котором сложно увидеть распятого Иисуса Христа, «...потому что несториане, по свидетельству историков, не допускали на кресте подобных изображений» (Палладий, 1877. С. 67). Отметим, что на блюде-дискозе IX–X вв., найденном около с. Григоровское Пермской губернии, на одном из медальонов «Распятие» Христос и разбойники стоят на двойной подножной доске и без креста, с широко раскинутыми руками (Даркевич, 1976. С. 28; Залеская, 1998. С. 194). Как писал о несторианах Гильом де Рубрук (XIII в.): «Сами несториане и армяне никогда не делают на своих крестах изображения Христа; поэтому, кажется, они плохо понимают о Страстях или стыдятся их» (Цит. по: Карпини, 1911. С. 91, 130; Ломанов, 2002. С. 71).

Что касается акбешимских и краснореченских нефритовых крестов, то все они выполнены

¹⁴ Архимандрит Палладий (в миру П. И. Кафаров) — известный ученый-миссионер (1817–1878), один из основоположников российской академической синологии.

Рис. 4. Изображение духовного лица на шелке из Дуньхуаня (Parry, 1996. Fig. 7 (b))

Fig. 4. Painting of an ecclesiastic person in the silk from Dunhuang (Parry, 1996. Fig. 7 (b))

в одном стиле — в виде небольшого квадрата с выпиленными ветвями, оконечности которых двухчастны (в виде хвоста рыбы) или трехчастны (в виде перевернутой короны), без изображений. Прямых аналогий семиреченским нефритовым крестам на христианских памятниках Средней Азии нам найти не удалось, поэтому датировка этих крестов довольно широкая — с VIII по XI в. Размер акбешимского креста позволяет предположить, что он носился поверх одежды и служил не только в качестве символа христианства, оберега с защитно-оградительной функцией, но явно выражал эстетическую сторону христианского искусства. Пример ношения креста поверх одежды можно увидеть на фрагменте шелка (88 × 55 см) (рис. 4), обнаруженного в 1908 г. в одном из пещерных храмов Дуньхуаня (пещера 17), расположенного на северо-западе Китая (Ганьсу) (Saeki, 1951; Parry, 1996. Fig. 7 (b); Baumer, 2016. С. 187), с которого был реконструирован образ духовного лица династии Тан (IX в., Китай). На мужской фигуре изображены четыре креста: первый —

Рис. 5. Китайское бронзовое зеркало с несторианским равносторонним крестом из Внутренней Монголии (Borbone, 2019. P. 136, fig. 1)

Fig. 5. Chinese bronze mirror with a Nestorian equal-arm cross from Inner Mongolia (Borbone, 2019. P. 136, fig. 1)

на голове, между «крыльев» короны (аналогичный по форме крест был найден при раскопках комплекса церквей на Ак-Бешиме; Klein, Reck, 2004), второй — на его священническом воротнике, прямо над наперсным крестом, третий — на груди, четвертый — на церемониальном посохе. Предполагается, что положение правой руки святого, символизирующее объяснение доктрины, взято из буддизма (Baumer, 2016. С. 187). Интересно, что крест на жезле/посохе святого практически аналогичен его нагрудному кресту и по размеру (может, чуть больше), и по форме. Можно высказать предположение: не мог ли акбешимский крест быть изготовлен в качестве крестообразного навершия к жезлу? Однако учитывая, что на Красной Речке был обнаружен практически аналогичный по размеру нефритовый крест, мы все же склонны думать, что акбешимский крест задумывался как нагрудный, для ношения поверх одежды, а не как нательный.

На наш взгляд, ветви акбешимского креста не были оформлены до конца, и, возможно, замысел заключался в том, чтобы края ветвей в окончательном варианте были бы более округлыми. Кроме того, при реконструкции целой формы креста по сохранившимся частям выяснилось, что

горизонтальные ветви его немного длиннее, что могло быть обусловлено особым технико-художественным приемом камнерезчика или же изначальной задумкой мастера (рис. 2, 1).

Крест на бронзовом зеркале из Внутренней Монголии. В качестве не самой близкой аналогии акбешимскому нефритовому кресту можно привести равноконечный крест, изображенный в центре небольшого (диаметром 10,4 см) бронзового зеркала из Внутренней Монголии¹⁵ (северная часть Китая) (рис. 5). Лопастей креста расширены от центра к внешнему краю, их края оформлены в виде хвоста ласточки, а в середине между концами помещен кружок/жемчужина. В средокрестии на круглом цветке лотоса сделана петля. Под крестом — цветок лотоса с облаками, а над ним — также стилизованное изображение облаков. В пространстве лопастей выгравирована надпись на сирийском языке из Псалма 33, 34 латинской и масоретской псалтыри: «Кто обращал взор к Нему, те просвещались [и лица их не постыдятся]», указывающая на спасительную силу креста (Borbone, 2019. С. 135). П. Дж. Борбоне отмечает, что горизонтальные лопасти креста на зеркале бросаются в глаза из-за своих размеров (они длиннее вертикальных) и выглядят не совсем гармонично и эстетично в общей канве всего изображения, и это, по мнению исследователя, происходит из-за украшений в виде облаков, помещенных сверху и снизу. Далее он приводит примеры равноконечных крестов с несторианских надгробных памятников Внутренней Монголии и нигде не находит аналогичного изображения¹⁶. Нам же следует отметить, что у акбешимского креста горизонтальная линия лопастей несколько длиннее вертикальной и края оформлены трехчастным образом: на китайских же несторианских крестах этот мотив встречается часто — края лопастей заканчиваются тремя точками/жемчужинами, двумя по краю и одной посередине (Borbone, 2019). И хотя китайские археологи датируют это зеркало юаньским периодом (1271–1368), нам кажется, что все же прослеживаются определенные стилистические и иконографические параллели с акбешимским крестом.

В этой же публикации П. Дж. Борбоне приводит иллюстрацию равноконечного креста с фарфоровой стелы, найденной недалеко

¹⁵ О христианстве Церкви Востока XII–XIII вв. во Внутренней Монголии см.: Halbertsma, 2005. P. 113–244.

¹⁶ П. Дж. Борбоне считает, что как датировка, так и определение местоположения этого зеркала нуждаются в дополнительном исследовании (Borbone, 2019. С. 147).

от административного центра, г. Чифэна, на месте бывшего города Сунчжоу (область Суншань, Внутренняя Монголия)¹⁷ (*Ibid.* P. 138, fig. 4). Оформление лопастей, точнее их концов, в виде хвоста рыбы и расположение круга в средокрестии обнаруживает большое сходство со стилистикой нефритового креста, найденного в 1979–1980 гг. на Красной Речке (рис. 3, 1).

Украшение в виде облаков и цветка лотоса, из которого прорастает крест, взяты китайцами из даосского и буддийского вероучений. Лотос, выходящий из воды и не соприкасающийся с поверхностью земли, означал святость и благородство, поэтому Будда помещался на лотосе (*Веселовский*, 1911. С. 4, 5). Кроме того, лотос символизировал чистоту духа, возвышающуюся над мрачным земным существованием человека, а облака — дождь, который приносит плодородие, счастье и мир (*Vaumer*, 2016. С. 221). Китайская культура, перенимая отдельные элементы культур других народов и учений, адаптировала их к своей собственной среде, и уже через непродолжительное время они становились частью китайской традиции (*Барнинова*, 2013. С. 236).

Китайское зеркало и крест из Чифэна — это своего рода культурная адаптация несторианства в Китае (*Ломанов*, 2002. С. 66). Знакомство Китая с христианством началось с несториан, пришедших в эти земли в VII в., во время правления династии Тан, и связано с прибытием с запада в Чанъянь персидских купцов. Активная торговля на Великом шелковом пути привнесла в провинции Китая не только несторианское христианство, но и зороастризм, манихейство, а из Аравии — ислам (*Saeki*, 1951). После запрета несторианства в Китае в 845 г. христиане вновь появились в XI в. в северных районах страны, а при династии Юань вернулись и в его центральную часть (*Ломанов*, 2002. С. 27, 68).

О нефрите как материале ювелирных изделий

В целом ювелирное дело на чуйских городищах было развито очень широко. Помимо изделий религиозного предназначения изготавливались украшения, наборные пояса, предметы женского туалета, именные печати, чернильницы, мундштуки и другие вещи. Поделки из металла инкрустировались нефритом, бирюзой, жемчугом

и сердоликом. Нефрит был очень популярен как среди мастеров ювелирного дела, так и у мастеров по железу, которые отделявали рукояти ножей этим ценным камнем (*Горячева*, 2010. С. 77). Нефритовые кольца, серьги, браслеты, ушные подвески и пуговицы встречаются как на городищах, так и в могильниках Чуйской и Таласской долин (*Барништам*, 1950; *Горячева*, 2010). Можно сказать, что этот природный камень пользовался большой популярностью на всей территории Центральной Азии начиная с III в. до н. э. и вплоть до позднего средневековья и завозился в этот регион из китайских провинций благодаря ведению торговли по Великому шелковому пути.

Нефрит — природный горный минерал с широкой палитрой цветов: белый, желтовато-белый, желтый с коричневым отливом, красный, черный и зеленый. Такая цветовая гамма прилагалась к царским регалиям, пяти нефритам Китая (*Кравцова*, 2004. С. 765).

На Востоке всегда высоко ценился камень с сероватым оттенком — «цвета бараньего жира», с густым матовым блеском, а также белого, бледно-зеленого или пепельно-зеленого цветов. В древности предметами из нефрита этого цвета имели право пользоваться только самые высокопоставленные чины. Одним из ценных качеств этого камня является его исключительная ударная вязкость и способность полироваться при значительной твердости и однородности, чем, очевидно, и привлек внимание человека этот камень начиная с эпохи неолита. Кроме того, считалось, что нефрит обладал определенными лечебными свойствами. В Китае еще с древних времен изделия из нефрита (кольца, диски, кубки, украшения, ящички и т. д.) были не просто драгоценными вещами, но и священными предметами с ритуальным значением (*Васильев*, 1970. С. 23). В Средней Азии нефрит ценился очень высоко и пользовался популярностью. К примеру, надгробие Тимура в Гур-Эмире было изготовлено из двух больших кусков нефрита, доставленных в Самарканд по приказу Улугбека с верховьев р. Или после его походов против монголов в 1425 г. При этом в средневековой Средней Азии изделия из нефрита в основном представлены ювелирными украшениями и предметами искусства (*Ферсман*, 1962. С. 151; *Ртвеладзе*, 1999. С. 132–134).

Необработанный камень и готовые изделия из нефрита поступали в Среднюю Азию из Китая, точнее из Восточного Туркестана, так как в самом Китае месторождений нефрита не было. Вплоть до X–XI вв. весь нефрит импортировался в Китай

¹⁷ Подробнее см.: URL: <https://www.douban.com/note/657151198/> на китайском яз. (дата обращения: 12.10.2021).

из регионов Хотан и Яркенд. Это древние города, расположенные на территории Синьцзян-Уйгурского автономного округа. Из Яркенда и Хотана ежегодно караваны верблюдов вывозили ценные изделия из камня в Китай, Индию, Персию и Среднюю Азию. К. Риттер на основании свидетельств конца XVIII в. описывает такую картину добычи голышей со дна реки с помощью рабочих: «по ощущению скользкости ноги» они ошибочно определяли на дне реки Хотан ценные валуны нефрита (Ферсман, 1962. С. 153, 154). По месту добычи нефрит часто называли хотанским или куньлуньским. Месторождения этого камня простирались по северным и южным склонам Куэнь-Луны, начиная с притока р. Яркенд (р. Раскем-Дарья) на западе и заканчивая копиями китайской провинции Ганьсу на востоке.

Что касается самого Китая, то при династии Тан (618–907 гг.) нефрит в этой стране оставался одним из самых популярных ювелирных материалов. В X–XII вв. изготовление нефритовых изделий сократилось, что было связано с потерей Китаем северо-западных земель и маршрутом Шелкового пути, но в южных районах страны мастера продолжали изготавливать из него предметы роскоши, а также вещи для ежедневного использования. Интересно, что помимо Китая в XI–XII вв. с нефритом искусно работали кидани и чжурженни, которые на небольших нефритовых пластинах изображали животных и птиц в центрально-азиатском художественном стиле. При династии Юань (1271–1368 гг.) этот стиль стал постепенно осваиваться и китайскими мастерами. С середины XIII в. популярность нефрита в Китае снова выросла из-за завоевания цинскими войсками Синьцзяна, открывшего китайцам прямой доступ к Хотанским месторождениям нефрита (Кравцова, 2004. С. 769).

Основные наблюдения и выводы

Город Суяб (городище Ак-Бешим) благодаря своему расположению был важным транзитным центром на пересечении торговых путей Великого шелкового пути и, как свидетельствуют письменные и археологические источники, играл особую роль в международных и культурных отношениях между Китаем и Центральной Азией (Лубо-Лесниченко, 2002. С. 116). Очевидно, что распространение нефритовых изделий, а также необработанного нефрита в средневековых городах Семиречья, связано именно с влиянием Китая, тесные отношения с которым, согласно археологическому материалу, прослеживаются еще

с древнейших времен (Барина, 2013. С. 251). Однако помимо товарно-денежных отношений между странами необходимо отметить их культурное и духовное взаимопроникновение.

Краткий анализ нефритовых крестов, найденных на городищах Ак-Бешим и Красная Речка, показал, что основные формы и стилистические особенности этих предметов можно проследить на несторианских памятниках Восточного Туркестана и Китая, хотя и более позднего периода. Отметим, что о прямых аналогиях речь не идет, — к настоящему времени находки нефритовых крестов известны только на территории Семиречья. Помимо готовой китайской продукции в эти земли завозился необработанный нефритовый камень, из которого местными мастерами изготавливались ювелирные украшения или предметы личного пользования.

Находка акбешимского креста позволила предположить наличие в пределах монастырского комплекса церквей в X–XI вв. камнерезных мастерских, специализирующихся на изготовлении предметов религиозного характера. На наш взгляд, форма креста, оформление ветвей, украшение средокрестия и оконечностей указывают на влияние китайской и/или восточно-туркестанской несторианской традиции. Вероятно, это связано с тем, что нефрит традиционно считался китайским камнем, а значит, основные идеи и методы производства неосознанно будут заимствованы из страны происхождения минерала.

Нефритовые кресты изготавливались, чтобы выразить свою принадлежность к христианству и служению Христу и в качестве украшения. Нефритовая подвеска с красивым зеленым камнем (жадеитом) в центре средокрестия с Актобе (Степнинское) является тому подтверждением. Просверленное насквозь отверстие на акбешимских и краснореченских крестах могло быть сделано для вставки каких-то цветных камней или же связано с техникой и процессом изготовления самих крестов. Как заметил еще в конце XIX в. С. С. Слуцкий, кресты несториан изготавливались как украшения и лишь символически изображали Крест Страстной (Слуцкий, 1889. С. 66).

Также мы полагаем, что акбешимский крест задумывался как нагрудный, для ношения поверх одежды. Роспись на шелке из Дуньхуаня ярко иллюстрирует пример подобного изделия. Возможно, косвенно это свидетельствует о том, что христианское население Суяба в период действия и функционирования монастырского комплекса

церквей (X–XI вв.) чувствовало себя вполне свободно и уверенно, несмотря на постепенную исламизацию этого региона (начиная с IX в.; *Никитин*, 1984. С. 127). Добавим, что при раскопках комплекса церквей в 1996–1998 гг. Г. Л. Семеновым в алтарном помещении (помещение № 2) специалистами были выявлены фрагменты живописи, украшавшей потолок. На одном из них различим орнамент в виде крупных розеток с цветком внутри, абсолютно аналогичный росписи из Дуньхуаня (*Семенов*, 2002).

Учитывая, что в X–XI вв. несториане могли исповедовать христианство исключительно в северо-западной части Китая, предположим, что нефрит мог поступать в пределы Семиречья напрямую из Хотана. В середине X в. о христианах, живших в местности между Аксу и Кучей, упоминает Абу-Далеф; Гардизи сообщает, что в начале XI в. в самом Хотане располагались две христианские церкви (*Никитин*, 1984. С. 131). Тесные взаимоотношения между крупными несторианскими центрами вполне вероятны. Как известно, согдийцы-несториане помимо Семиречья, Ордо-са и Монголии в X в. проживали в Турфане, Хами и Дуньхуане (*Железняков*, 2010). Форма нефритовых семиреченских крестов чем-то схожа с металлическими нательными и нагрудными крестами, обнаруженными на территории Внутренней Монголии, так называемыми ордосскими крестами,

которые были изготовлены для христиан во время правления монгольской династии в Северном Китае (*Drake*, 1961; *Parry*, 1996. Fig. 6 (a)).

Считается, что в IX–X вв. христианские общины Востока переживали период временного упадка. Несторианская церковь в Китае прекратила свое существование; в Мавераннахре, Семиречье и Кашгаре постепенно «наступал» ислам. Удерживали свои позиции только христиане Тяньшаньской Уйгурии (*Никитин*, 1984. С. 132). Однако археологические раскопки на известных городищах юго-восточного Семиречья свидетельствуют о непрерывности христианской (несторианской) традиции в этом регионе: христианское захоронение на погребальном комплексе — VII–VIII вв. (Ак-бешим, объект III); христианская церковь с кладбищем — VIII в. (Ак-Бешим, объект IV); монастырский комплекс — X–XI вв. (Ак-Бешим, объект VIII); надгробные камни-кайраки в основании фундамента стены до XII в. и находка сиротюркской надписи XI–XII вв. кузнеца Георгия, христианина-тюрка, на фрагменте жженого кирпича (городище Красная Речка) (*Горячева*, 1988. С. 63, 64; *Кольченко*, 2018. С. 53, рис. 3). И своеобразным финалом восточно-сирийского христианства Семиречья можно считать надгробные кайраки с крестами и сиротюркскими эпитафиями Бурагинского и Кара-Джигачского кладбищ начала XIII — XIV в.

Аманбаева и др., 2015 — *Аманбаева Б. Э., Кольченко В. А., Сулайманова А. Т.* Археологические памятники на Кыргызстанском участке ВШП. Бишкек: Гулчынар, 2015. 166 с.

Байпаков, Терновая, 2018 — *Байпаков К. М., Терновая Г. А.* Христианство в Южном Казахстане и Семиречье (VI–XIV вв.) // *Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. IV: Иудаизм и христианство* / Под ред. А. Искандеровой. Самарканд: МИЦАИ, 2018. С. 8–47.

Барина, 2013 — *Барина Е. Б.* Этнокультурные контакты Китая с народами Центральной Азии в древности и средневековье. М.: ИЭА РАН, 2013. 419 с.

Беляев, М.А.М., 2019 — *Беляев Л. А.* Иконография креста // *Православная энциклопедия. Т. 38. С. 540–558.* URL: <https://www.pravenc.ru/text/2459015.html> (дата обращения: 18.10.2021).

Бернштам, 1950 — *Бернштам А. Н.* Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» / Под ред. А. Н. Бернштама. М.; Л.: АН СССР, 1950 (МИА; № 14). С. 47–103.

Васильев, 1970 — *Васильев Л. С.* Культы, религии, Традиции в Китае. М.: Наука, 1970. 483 с.

Введение в историю..., 2012 — *Введение в историю церкви: Учеб. пособие.* М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. Ч. 1: Обзор источников по общей истории Церкви / Под ред. В. В. Симонова. 752 с.

Ведутова, Куримото, 2013 — *Ведутова Л. М., Куримото Ш.* Парадигма раннесредневековой тюркской культуры: городище Ак-Бешим / Под ред. Дж. Дж. Джунушалиева. Бишкек: Алтын тамга, 2013. 164 с.

Веселовский, 1911 — *Веселовский Н. И.* Китайские символы в предметах украшения // Сб. археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1911. С. 1–12.

Горячева, 1988 — *Горячева В. Д.* Город Золотого верблюда (Краснореченское городище) / Под ред. В. М. Массона. Фрунзе: Илим, 1988. 111 с.

Горячева, 2010 — *Горячева В. Д.* Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI — начало XIII в.) / Под ред. В. М. Массона. Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский ун-т, 2010. 298 с.

- Григорьев, Железняков — Григорьев Ф. П., Железняков Б. А. Нефритовая подвеска с крестом из Чуйской долины. URL: <http://vedikz.narod.ru/zheleznyakov/podveska.htm> (дата обращения: 20.09.2021).
- Даркевич, 1976 — Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения Восточной тюрретики на территории Европейской части СССР и Зауралья / Отв. ред. Т. В. Николаева. М.: Наука, 1976. 198 с.
- Джумагулов, 1987 — Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Фрунзе: Илим, 1987. Вып. 3. 163 с.
- Железняков, 2005 — Железняков Б. А. Под знаком креста // *Nomad-Kazakhstan*. 2005. № 4. С. 48–55.
- Железняков, 2010 — Железняков Б. А. Изучение вопросов распространения несторианства в Азии до XV в. // *Известия НАН Республики Казахстан*. Алматы: НАН РК, 2010 (Серия общественных наук; № 1 (274)). С. 264–273.
- Залеская, 1998 — Залеская В. Н. Христиане на Востоке. Мелькиты. Монофизиты. Несториане // Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан: Каталог выставки / Под ред. М. Б. Пиотровского. СПб.: Славия, 1998. С. 12–20.
- Зяблин, 1961 — Зяблин Л. П. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1961. 74 с.
- Карпини, 1911 — Карпини Иоанн де Плато. История монгалов. Рубрук, Вильгельм де. Путешествие в Восточные страны / Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1911. 220 с.
- Кожемяко, 1959 — Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины / Ред. Л. Р. Кызласов. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1959. 167 с.
- Кольченко, 2018 — Кольченко В. А. Средневековое христианство Кыргызстана по данным археологических источников // *Религии Центральной Азии и Азербайджана*. Т. IV: Иудаизм и Христианство / Под ред. А. Искандеровой. Самарканд: МИЦАИ, 2018. С. 48–103.
- Кравцова, 2004 — Кравцова М. Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учеб. пособие. СПб.: Лань; ТРИАДА, 2004. 960 с.
- Кызласов, 1959 — Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // *Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции* / Под ред. Г. Ф. Дебеца. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 2. С. 155–237.
- Кызласов, 2008 — Кызласов Л. Р. Два ак-бешимских сюжета // *РА*. 2008. № 2. С. 40–48.
- Ломанов, 2002 — Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. М.: Восточная лит-ра, 2002. 446 с.
- Лубо-Лесниченко, 2002 — Лубо-Лесниченко Е. И. Сведения китайских письменных источников о Суябе (городище Ак-Бешим) // Суяб. Ак-Бешим. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002 (Археологические экспедиции Гос. Эрмитажа). С. 115–127.
- Михеева, 2019 — Михеева А. А. Христианская церковь на городище Ак-Бешим (объект IV): новые архивные данные и их интерпретация // ПИФК / Под ред. М. Г. Абрамзона. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2019. Вып. 3. С. 246–266.
- Михеева, 2021 — Михеева А. А. Погребальный обряд христиан Средней Азии и южного Казахстана по археологическим источникам (IV — начало XIII в.) // *Христианский Восток*: Т. 9 (XV). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2021 (Серия, посвященная христианской культуре народов Азии и Африки). С. 317–366.
- Мусин, 1997 — Мусин А. Е. Погребальный обряд Древней Руси как археологическая и литургическая проблема // «Сих же память пребывает во веки» (Материальный аспект в культуре русского православия): Материалы науч. конф. (С.-Петербург, 29–30 ноября 1997) / Отв. ред. В. С. Белоненко. СПб.: РНБ, 1997. С. 11–38.
- Никитин, 1984 — Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // *Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи* / Под ред. Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1984. С. 121–137.
- Палладий, 1877 — Палладий (Кафаров), архимандрит. Старинные следы христианства в Китае по китайским источникам. СПб., 1877. (Переизд.: *Китайский благовестник*. М., 2001, № 1. С. 36–82.)
- Памятники культуры..., 1983 — Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье: Каталог выставки. Л.: Искусство, 1983. 79 с.
- Пантусов, 1886 — Пантусов Н. Н. Христианское кладбище близ города Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // *ЗВОРАО* / Под ред. В. Р. Розена. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1886. Т. 1, вып. 1. С. 74–83.
- Ротт, 2005 — Ротт Ф. Г. Кресты и их фрагменты из юго-восточного Семиречья // *Материалы и исследования по археологии Кыргызстана*. Бишкек: Илим, 2005. Вып. 1. С. 44–51.
- Ртвеладзе, 1999 — Ртвеладзе Э. В. Великий шелковый путь. Энциклопедический справочник: Древность и раннее средневековье. Ташкент: Фан, 1999. 280 с.
- Семенов, 2002 — Семенов Г. Л. Суяб. Ак-Бешим. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. 172 с.

- Слуцкий*, 1889 — *Слуцкий С. С.* Семиреченские несторианские надписи (с I–V табл., автографией и особым прибавлением) // *Древности Восточные* / Под ред. М. В. Никольского. М.: Б. и., 1889 (Тр. Восточной Комиссии Императорского Московского Археологического общества; Т. 1, вып. 1). С. 1–67.
- Терновоя*, 2004 — *Терновоя Г. А.* Предметы христианского культа из коллекции средневекового города Невакет // *Известия НАН Республики Казахстан*. Алматы: НАН РК, 2004 (Серия общественных наук). № 1. С. 176–193.
- Ферсман*, 1962 — *Ферсман А. Е.* Избранные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. VII. 585 с.
- Baumer*, 2016 — *Baumer Ch.* The Church of the East. An illustrated History of Assyrian Christianity. London; New-York: I. B. Tauris, 2016. 342 p.
- Borbone*, 2019 — *Borbone P. G.* A “Nestorian” mirror from Inner Mongolia // *Egitto e Vicino Oriente*. Pisa: University Press S.R.L., 2019. Vol. 42. P. 135–149.
- Drake*, 1961 — *Drake F. S.* Nestorian crosses and nestorian christians in China under the Mongols: A lecture delivered on December 11, 1961 // *Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society / Royal Asiatic Society Hong Kong Branch*. 1962. Vol. 2. P. 11–25.
- Halbertsma*, 2005 — *Halbertsma T.* Some field notes and images of stone material from graves of the Church of the East in Inner Mongolia, China // *Monumenta Serica*. 2005. Vol. 53. P. 113–244.
- Klein, Reck*, 2004 — *Klein W., Reck Ch.* Ein Kreuz mit sogdischer Inschrift aus Ak-Bešim/Kyrgyzstan // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. Vol. 154, no. 1. P. 147–156.
- Osmida*, 2011 — *Osmida G. R.* Interventions of recovery and restoration conducted at the site of Haroba Kosht (Turkmenistan) // *Parthica*. Pisa, Roma, 2011. Vol. 13. P. 145–177.
- Parry*, 1996 — *Parry K.* Images in the Church of the East: The Evidence from Central Asia and China // *Bulletin of the John Rylands Library of Manchester*. 1996. Vol. 78, no. 3. P. 143–162.
- Saeki*, 1951 — *Saeki P. Y.* The Nestorian documents and relics in China. Tokyo: The Maruzen Company LTD, 1951. 525 p.

Cross pendants from the monastic complex of churches at the ancient settlement of Ak-Beshim

B. E. Amanbaeva, A. A. Mikheeva, K. Yamauchi¹⁸

Keywords: Semirechye (Zhetysu), Suyab, site of Ak-Beshim, nephrite cross, Christianity, Khotan nephrite, Nestorianism in China, East Turkestan, Inner Mongolia, Ordos crosses.

In spring of 2021, archaeological excavations were resumed after a long interruption at a monastic complex of churches of the 10th–11th centuries in the south-eastern section of the site of Ak-Beshim (Kyrgyzstan). While digging in the area of the external southern wall of structure “A”, we retrieved a well-preserved nephrite equal-arm cross. A similar nephrite cross was found in room No. 5 of the same complex during G. L. Semenov’s excavations; two crosses were found not far from our site at the settlement of Krasnaya Rechka, and a nephrite pendant with a green stone in the centre of the cross was revealed in the Kazakhstan part of the Chuya valley — at the fortified site of Aktobe (Stepninskoye). An examination and comparative analysis of the Ak-Beshim cross showed that this object had not been finished possibly thrown away because of the loss of one of the bars of the cross. The terminals of the cross arms are schematically shaped, the eye for threading a cord had not been made, the bars of the cross were not levelled — all these facts suggest that we are dealing not with a completed/ready object but rather with its blank. Taking in account the dimensions of the cross it is likely that it would have been worn over the clothes. The stylistic features and the shape of the cross have parallels at sites of the Nestorian Christianity in China, East Turkestan and, in the subsequent period, in Inner Mongolia. It must be noted that no direct analogues are here involved — at present, nephrite crosses are known only in the region of Semirechye (Zhetysu). The finding of the Ak-Beshim cross allows us to suggest the presence of manufacturing workshops at the monastic complex of churches when it was functioning. Nephrite, both in the form of ready products and as raw material was imported to the region under consideration from East Turkestan, from Khotan and Yarkand, or with trade caravans passing from China.

¹⁸ Bakyt E. Amanbaeva — Institute of History, Archaeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of Kyrgyz Republic; Chuy av. 265-A, Bishkek, 720071, Kyrgyzstan; e-mail: abakit@mail.ru. Anna A. Mikheeva — Institute for the History of Material Culture RAS; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: hmunter666@mail.ru. K. Yamauchi — National Research Institute for Cultural Properties; Tokyo 1566-2, Isawacho Yokkaichiba, Fuefuki-shi, Yamanashi, 406-0032, Japan; e-mail: yamauchi2016@main.teikyo-u.ac.jp.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Дело «о командировании Н. Я. Марра в Русскую Армению для производства там археологических розысканий». Первый опыт раскопок в Ани¹

А. Ю. Казарян, Д. А. Кукина, М. В. Медведева²

Аннотация. В статье впервые проводится анализ представления научных результатов первой комплексной научной экспедиции в Армении, организованной в 1892 г. Императорской археологической комиссией, под руководством Николая Яковлевича Марра на основе составленного им дневника. Внимание авторов сосредоточено на деятельности экспедиции в Ани, где в 1892 г. были произведены раскопки небольших археологических памятников, что значительно повысило интерес к археологии, архитектуре и монументальному искусству этого городища. Подчеркивается значение архивных материалов, хранящихся в научном архиве ИИМК РАН. Анализ последовательного исследования разнообразных по своему характеру памятников Ани выявляет широкий диапазон научных интересов Н. Я. Марра.

Ключевые слова: Н. Я. Марр, Анийская археологическая экспедиция, армянская архитектура, Ани, Императорская археологическая комиссия, архивные документы.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-214-227

Введение

В 1892 г. при поддержке Императорской археологической комиссии (ИАК) состоялась первая комплексная научная экспедиция Николая Яковлевича Марра (рис. 1) в «Русскую Армению», положившая начало многолетним исследованиям древних памятников Ани. Изыскания продолжились на следующий год, а затем прервались на несколько

лет. Анийская экспедиция возобновилась лишь в 1904 г. и постоянно работала до 1917 г., с 1910 г. — в статусе Анийского археологического института, достигнув больших успехов и широкой известности (Казарян, 2016; Марр, 1934; Платонова, 1998. С. 372–378; Рысин, Стёганцева, 2019. С. 960–966).

Работы первых двух лет (1892–1893 гг.) охватили значительную часть Эриванской губернии и Карской области Российской империи, и все же тенденция сосредоточения внимания на руинах средневековой армянской столицы Ани ощущалась с самого начала. Маршрут Н. Я. Марра в 1892 г. пролегал через связанные с Ани знаковые для армянской культуры поселения и монастыри и уже потом направился в сторону Араратской долины.

Целью настоящей статьи является анализ представления научных результатов первых значительных исследований памятников Ани, описанных Н. Я. Марром в дневнике 1892 г. Актуальность такой работы заключается в предоставлении возможности развития изучения наследия анийских мастеров на основе полноценной историографической базы. Дневниковые записи Н. Я. Марра и его переписка с ИАК интересны и с точки зрения истории русской археологической

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22–18–00354, <https://rscf.ru/project/22-18-00354> Архитектура и монументальное искусство Ани как феномен мировой художественной культуры. Становление столичной школы армянского зодчества X–XIV вв.), в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете.

² Казарян А. Ю. — Институт архитектуры и градостроительства, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет; Ярославское шоссе, д. 26, Москва, 129337, Россия; e-mail: KazaryanAYU@mgsu.ru. Кукина Д. А., Медведева М. В. — ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет; e-mail: marriyam@mail.ru; daria_kukina@mail.ru.

Рис. 1. Н. Я. Марр. 1888 г.
(НА ИИМК РАН. ФО. Отп. 1067/4)

Fig. 1. N. Ya. Marr. 1888
(SA IHMC RAS. Photo Dep. Print 1067/4)

науки конца XIX в. Они наглядно демонстрируют модель построения экспедиционной деятельности на отдаленных от столицы территориях, незадолго до этого присоединенных к Российской империи.

Архивные материалы и их значение

По результатам исследований 1892 г. Н. Я. Марр передал в ИАК подробный рукописный дневник в шести тетрадах, в этот же комплекс отчетных материалов вошли переписка, докладные записки, черновой вариант текста для публикации в Отчете ИАК, описи находок из раскопок и приобретенных у частных лиц древностей, расходные сметы, некоторые рисунки и фотографии артефактов (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1892 г. Д. 33. Л. 147–240³). Дневник дошел до нас в прекрасном

³ Далее будут использоваться краткие ссылки на это дело: Д. 33. Л. ...

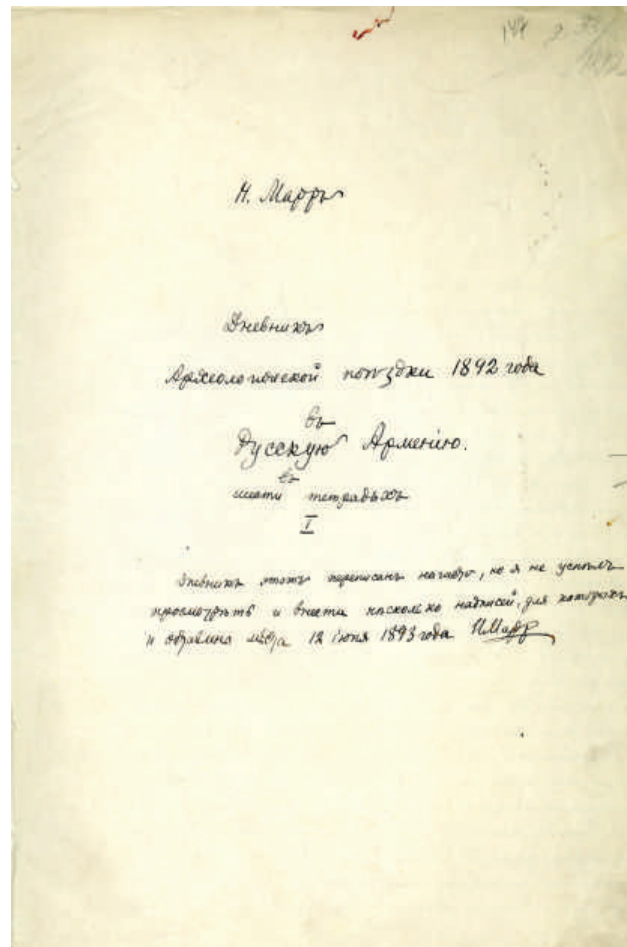

Рис. 2. Первый лист дневника Н. Я. Марра из поездки 1892 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1892 г. Д. 33. Л. 147)

Fig. 2. First sheet of N. Ya. Marr's diary from the trip of 1892
(SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1892. F. 33. Sh. 147)

состоянии, в начисто переписанном варианте, и подписан Н. Я. Марром 12 июня 1893 г. (рис. 2). Здесь важно отметить, что почти все отчеты последующих лет Анийской экспедиции утрачены⁴. Предположительно, основная документация хранилась у самого Н. Я. Марра⁵ и трагически погибла в 1917 г. (Платонова, 1998. С. 377). Печальная судьба большинства полевых материалов придает

⁴ Некоторые дневники, отчетные и иллюстративные документы, фотографии сохранились в архивах ИИМК РАН и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, а также в Музее истории Армении.

⁵ Материалы дела об исследованиях 1892 г. подтверждают это предположение. В дневнике упоминается отдельно существовавший отчет, однако на одной из страниц архивного дела указано: «Отчет (отдельная тетрадь) и 25 фотографических снимков отданы проф. Марру 13 мая 1904 г.» (Д. 33. Л. 146об.).

особую источниковедческую значимость дневнику первого года исследований в Ани: ведь на его страницах документально зафиксирован начальный этап превращения заброшенных руин древнего города в археологический музей под открытым небом и мощный научный центр.

Ни один из отмеченных в Отчете 1892 г. памятников архитектуры не описан Н. Я. Марром подробно. Автор либо просто упоминает объект, либо дает краткое описание. Вместе с тем документы содержат исчерпывающую информацию об организации экспедиции, раскопок, о деятельности десятков людей, с которыми Н. Я. Марр и его коллеги общались во время поездок. Это живые рассказы, свободные от рамок официальных отчетов, они и не составлены в форме исследования, обязанного иметь сформулированные задачи и выводы. Несмотря на это, некоторые мысли и приводимые факты представляют сегодня, в период повышения интереса к древностям Ани, несомненный научный интерес. При всей своей ценности к настоящему времени отчетные документы 1892 г. оказались изданы лишь частично. Сразу после поездки краткие данные были опубликованы в Отчете ИАК (Раскопки..., 1894), еще более тезисно сведения о первых исследованиях Ани представлены в статье 1898 г. (Марр, 1898) и обобщающем труде 1934 г. (Марр, 1934. С. 54). К сожалению, эта итоговая монография была написана на основе разрозненных текстов лекций и докладов, прочитанных Н. Я. Марром в 1905–1914 гг., без каких-либо дополнений, кроме предисловия (Миханкова, 1949. С. 120). В книгу не вошли многие материалы полевых исследований, которые оставались в хранении Академии истории материальной культуры даже после утраты большей части документации в революционное лихолетье. К 1940 г. было подготовлено второе издание монографии с учетом всех рукописей по истории исследований Ани, выявленных в мемориальном кабинете Н. Я. Марра (148 заметок, научных работ, дневников и отчетов) (Миханкова, 1947. С. 82, 83), однако публикация так и не состоялась. Из комплекса документов 1892 г. позже были изданы только докладные записки Н. Я. Марра в ИАК (Пескарева, Баликян, 1981).

Огромное научное значение имеет коллекция качественных фотографий из поездки 1892 г., переданная Н. Я. Марром в ИАК по окончании работ вместе с отчетными материалами. Большинство фотоизображений также остается неизданным, а многие сфотографированные на них объекты были утрачены уже в начале XX в.

Дневник поездки 1892 г. позволяет понять, насколько важным Н. Я. Марр считал применение фотофиксации в археологических исследованиях. Ученый окончил курс практических занятий по фотографии при Императорском Русском техническом обществе и стал одним из первых археологов, освоивших это трудоемкое дело и начавших самостоятельно фотографировать в полевых условиях (Д. 33. Л. 94). При подготовке поездки в Армению он поставил неизменным условием предоставление ему фотоаппарата (Девель, Томес, 1971. С. 290). Однако оборудование прибыло в экспедицию только через три недели после ее начала, когда раскопки в Ани практически завершились, поэтому процесс работ почти не зафиксирован на снимках (рис. 3). Зато Н. Я. Марр превосходно запечатлел архитектурные фрагменты с резьбой, фресковыми росписями и надписями, открытые раскопками в Ани, а также архитектурные памятники в окрестностях древнего города. Изображения хранятся в личном фотографическом фонде Н. Я. Марра в архивном собрании ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 23. Инв. № 54473–54853⁶), и большую их часть можно соотнести с текстами дневниковых записей. К исследованиям памятников Анийского городища в 1892 г. относятся около 70 снимков из упомянутой фотоколлекции, которые наряду с рукописными документами археологической поездки Н. Я. Марра в «Русскую Армению» в 1892 г. уже давно требуют полноценного введения в научный оборот.

Организация и программа поездки 1892 г.

Впервые Н. Я. Марр побывал на Анийском городище летом 1890 г., во время командировки в Армению от Санкт-Петербургского университета для сбора материалов к диссертации в библиотеках Эчмиадзина и Севана (Д. 33. Л. 165об.; Миханкова, 1949. С. 39–41). В 1891 г. руины древнего города посетил председатель ИАК А. А. Бобринский (Pravilova, 2016. С. 74), и уже в следующем году Н. Я. Марр по поручению Археологической комиссии направляется туда для проведения археологических исследований. Позднее сам руководитель экспедиции вспоминал, что намерение организовать раскопки в Ани было продиктовано известиями о богатых археологических находках в Закавказье французского геолога и археолога Ж. Моргана. «Казалось неудобным дать уплыть археологическому богатству кавказской почвы

⁶ Негативы из поездки 1892 г. объединены вместе с негативами следующего года исследований.

Рис. 3. Раскопки храма Бахтагека в 1892 г. Фото Н. Я. Марра (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 37)

Fig. 3. Excavation of the church of Bakhtagek in 1892. Photo by N. Ya. Marr (SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. III 37)

в руки иностранцев» (Марр, 1934. С. 13; Миханкова, 1949. С. 49, 50). Впрочем, интерес к памятнику проявляли не только зарубежные ученые. Армянские древности привлекали внимание и Московского археологического общества (МАО)⁷. Стремление упрочить свой статус единственного государственного учреждения, контролирующего археологические изыскания на территории всей Российской империи в соответствии с указом императора 1889 г., несомненно, требовало от ИАК активных действий для закрепления своего присутствия в этом регионе.

Археологической поездке Н. Я. Марра в Армению в 1892 г. предшествовала серьезная подготовка.

⁷ Председатель МАО А. С. Уваров изучал археологические памятники Армении в процессе подготовки к V археологическому съезду в Тифлисе в 1880 г. (Мартыросян, 1974. С. 8). Осенью 1892 г. МАО планировало вновь провести там раскопки, но работы не состоялись (Д. 33. Л. 24).

13 марта 1892 г. Н. Я. Марр прислал в ИАК предполагаемый маршрут трехмесячной поездки в Русскую Армению: «Археологическая поездка в наступающее лето будет совершена в пределах между р. Арпа-Чаем, на западе, Мастарой, на севере, Ахцом, на востоке, и правым побережьем Аракса на юге: этот район, входящий в состав частью Карской области, частью Эриванской губернии, будет пересечен в разных направлениях» (Д. 33. Л. 1). В Ани планировались археологические работы в течение месяца, также были намечены раскопки древнего холма около Армавира и в Ахце.

21 апреля предложенная программа исследований была утверждена Комиссией, а Н. Я. Марру выдан Открытый лист (рис. 4) на производство археологических исследований в пределах Эриванской губернии и Карской области:

«Вполне одобряя составленную вами программу археологической поездки в Русскую Армению, Императорская археологическая комиссия почтительнейше просит Вас во время Ваших разъездов

Рис. 4. Копия Открытого листа, выданного Н. Я. Марру для исследований в Эриванской губернии и Карской области в 1892 г.

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1892 г. Д. 33. Л. 8)

Fig. 4. Copy of the archaeological licence issued to N. Ya. Marr for investigations in Erivan Province and Kars Region in 1892

(SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1892. F. 33. Sh. 8)

собрать возможно полные и подробные данные: 1) Как о тех памятниках древности, которые Вами лично могут быть осмотрены и описаны на Вашем пути, так и о тех, о которых вам удастся получить сведения от других лиц; 2) случайных местных археологических находках; 3) о собраниях местных любителей старины и 4) о древностях, находящихся в продаже у частных лиц.

Производство небольших раскопок, которые могут понадобиться в некоторых местах, Археологическая комиссия предоставляет вполне Вашему личному усмотрению. К каждой вещи, которая будет найдена при таких раскопках, или приобретена покупкою, следует прикреплять особый

ярлык под тем же №, под которым она будет значиться в общей описи добытых Вами древностей.

Руководством при производстве раскопок и при описании памятников древности могут служить две прилагаемые брошюры⁸.

Все сведения и предметы, которые Вам удастся собрать при Вашей поездке, вместе с рисунками и снимками, имеют быть переданы Комиссии при подробном отчете или дневнике о Ваших работах, издание которого она предоставляет себе.

На путевые издержки Ваши, производства раскопок и приобретение у местных жителей древних вещей и монет, которые Вы признаете наиболее интересными, Комиссия ассигновала Вам тысячу рублей, в расходовании которых покорнейше просит Вас, по возвращении, доставить ей отчет по прилагаемой форме. Для изготовления фотографических снимков Вам будет отпущен, на время вашей поездки, фотографический аппарат. О допущении Вас к производству Ваших исследований и об оказании Вам местными властями всякого содействия, как по передвижению Вашему с одного места на другое, в таких местах, где нет почтового сообщения, так и по доставлению Вам сведений, в которых Вы можете встретить надобность, при командировании топографа для снятия планов развалин и, по приисканию рабочих и т. п., Археологическая комиссия вместе с тем обратилась [к] Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе С. А. Шереметеву. Кроме того, при сем прилагается выданный на ваше имя открытый лист на право производства археологических исследований на тамошних казенных и общественных землях. Допущение Вас к работам на частных землях будет зависеть от личного соглашения Вашего с владельцами этих земель. По окончании командировки Вашей открытый лист этот подлежит возвращению в Комиссию.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Гр. А. Бобринский» (Д. 33. Л. 5–7).

Перед началом работ Н. Я. Марр ознакомился с трудами предшественников и существующими иллюстративными материалами. По просьбе ИАК Азиатский музей (ныне — Институт восточных рукописей РАН) предоставил Н. Я. Марру рисунки и планы древнего Ани и снимки надписей, сделанные офицером русской армии

⁸ В примечании ссылка на: Сахаров, 1851. Вторая ссылка дана неразборчиво.

Ю. Кэстнером в 1848 г.⁹ (Марр, 1934. С. 4; Д. 33. Л. 2–4). В дорогу ученому были выданы книги по нумизматике из собственной библиотеки члена ИАК барона В. Г. Тизенгаузена (Д. 33. Л. 10). По пути в Армению Н. Я. Марр ненадолго задержался в Москве, где у профессора Лазаревского института Г. А. Халатова он проштудировал альбом фотографий неизвестного автора с интересными видами Ани, а также рисунки, снимки иллюстраций и украшений армянских рукописей из собрания художника В. Я. Суренянца. В Тифлисе он посетил мастерскую фотографа Д. И. Ермакова и раскритиковал его снимки Анийских древностей за отсутствие атрибуции: «...кроме древностей Ани, за исключением двух-трех удачно снятых, все снимки без указания, когда и где сделаны, где их оригиналы и т. д.» (Д. 33. Л. 148). Там же Н. Я. Марр встретился с археологом А. Д. Ерицовым, у которого уже был опыт археологических работ на территории, куда направлялся молодой исследователь. В дневнике Н. Я. Марр отмечал, что проговорил с А. Ерицовым пять часов и получил много полезных советов научного и практического характера и замечания по намеченному маршруту (Д. 33. Л. 149).

Подготовительные мероприятия не смогли полностью оградить экспедицию от организационных трудностей по прибытии на место работ. Н. Я. Марру пришлось сразу столкнуться с противодействием русской администрации и местного духовного ведомства (Платонова, 1998. С. 373; Пескарева, Баликян, 1981). Долгое время он не мог получить у чиновников Открытый лист — основной официальный разрешительный документ на производство раскопок, выписанный ИАК еще в апреле 1892 г. Его отсутствие создавало исследователям множество проблем в обеспечении экспедиции провизией, проживанием и средствами передвижения. Через месяц после начала работ Н. Я. Марр писал об этом в одном из писем в Археологическую комиссию: «До сих пор я не получаю открытого листа; испытываю большие неудобства в найме лошадей; без „бумаги“ всюду плохо принимают, т. е. негде даже лошадей накормить, не говоря о себе» (Пескарева, Баликян, 1981. С. 105). Впрочем, он упоминал об этой ситуации почти во всех своих донесениях в Комиссию. Обращения Археологической комиссии по этому поводу

⁹ Ю. Кэстнер исполнил 69 изображений построек Ани и скопировал 42 надписи. Н. Я. Марру Азиатским музеем были отправлены для работы четыре альбома Ю. Кэстнера с просьбой возвратить их не позднее 15 мая 1892 г.

к Главноначальствующему по гражданской части на Кавказе и к прокурору Синода в Эчмиадзин не помогали (Д. 33. Л. 17). И только в конце поездки 17 июля 1892 г. Н. Я. Марр записал в дневнике: «...до окончания поездки остается всего какая-нибудь неделя. Сегодня я получил от Эриванского губернатора Открытый лист, приготовленный 30 мая» (Д. 33. Л. 229). Это было не единственное препятствие на пути исследователя. Как выяснилось, территория Ани находилась в ведомстве Эчмиадзинского Синода, поэтому начальник Карской армянской духовной епархии запретил ведение археологических работ в древнем городе без согласования с Эчмиадином (Пескарева, Баликян, 1981. С. 101). Н. Я. Марр запросил разрешение Синода на раскопки, и 19 мая 1892 г. Анийского архимандрита уведомили, что производить раскопки «вне разрушившихся церквей» можно, но «ученому мужу» нельзя вывозить находки без согласования с Синодом (Д. 33. Л. 159). Нехватка оборудования, задержка присылки долгожданного фотоаппарата, непростой поиск необходимого количества рабочих в начале раскопок и многие другие организационные и бытовые сложности, описанные в дневнике, тем не менее, не помешали Н. Я. Марру и его сотрудникам провести намеченные работы в срок и достигнуть качественных научных результатов.

Памятники, раскопанные и изученные в Ани в 1892 г.

Н. Я. Марр был единственным профессиональным ученым в составе экспедиции, но он имел помощников в лице студентов А. Калмыкова¹⁰ и Г. Евангулова, фотографа М. Папазяна¹¹ и интересующегося древностями Шермана Хзряна. Выехав 3 мая 1892 г., оказавшись 5 мая в Москве, 11 мая в Тифлисе, 14 мая в Караклисе, а затем в Александрополе, утром 16 мая участники экспедиции направились в Ани. Путь из Александрополя детально зафиксирован в дневнике (Д. 33. Л. 153). Особенно интересны описания населенных пунктов по пути экспедиции, в которых до сих пор присутствуют остатки средневековых построек. Некоторые из них в то время были намного лучше

¹⁰ Скорее всего, речь идет об Андрее Дмитриевиче Калмыкове, будущем востоковеде и дипломате. В тот момент он учился на факультете восточных языков СПбГУ (Сорокина, 2011).

¹¹ Матвей Папазян (Մաթթեոս Մ. Փափաջյան) — фотограф Эчмиадзина. Внес большой вклад в фотофиксацию древностей Армении. Подробнее о нем см.: *Vigen Galstyan*, 2016.

Рис. 5. Крепость Тигнис. Общий вид развалин. Фото А. Казаряна, 2013 г.

Fig. 5. Fortress of Tignis. General view of the ruins. Photo by A. Kazaryan, 2013

сохранившимися. Это крепость Тигнис (рис. 5), Узун-Килиса (Длинная церковь), Аргина с кафедральным собором. В 4 часа дня исследователи въехали в Ани. Буквально на следующий день, 17 мая, начался набор рабочих среди жителей Ани и соседних деревень. В итоге на раскопках в течение месяца работал дружный интернациональный коллектив, состоявший из турок, армян и курда-езида, «средним числом» около 16 человек (Раскопки..., 1894. С. 78). К вечеру того же дня начались археологические работы — с сооружения, называемого по сей день баней. «Это здание, или вернее, верхняя часть с трудом верится, чтобы была банею, несмотря на присутствие в ней водопроводных труб. Из трех часов копания (работал я с К[алмыковы]м) и обследования мы убедились в крестовой форме здания, обращенного на восток, с круглыми [...] в четырех наружных пустых углах и с пристройкой с западной стороны: пристройка делится стеною на две равные части; все, доступное обозрению, можно бы предполагать, есть верхняя часть здания (церкви?); стены уходят глубоко в землю; если это единственный этаж, то где же двери? Я их не вижу; в плане у Алишана [Алишан, 1881], правда, указан вход и выход, но на юг, в месте, где стены обрушились, и лежит лишь куча земли; двери, по-моему, должны быть в нижней зарытой части с восточной

стороны: опустилась ли нижняя часть или занесло ее землею, нам откроют раскопки. Основываясь на сегодняшнем обследовании, я составил себе следующий план (снутри) здания, (собственно верхней, сохранившейся его части):¹²» (Д. 33. Л. 155).

18 мая были осмотрены возможные места раскопок, в том числе, по совету архимандрита Армянской церкви, к востоку от кафедрального собора и к западу от церкви Спасителя. Н. Я. Марр сосредоточил внимание на системе керамических труб в здании бани (Д. 33. Л. 156об.), изучил развалины к юго-востоку от церкви Св. Григория (Тиграна Оненца) (Д. 33. Л. 157–157об.). 19 и 20 мая были продолжены раскопки у бани (Д. 33. Л. 159–161), по окончании которых появляется заключение Н. Я. Марра: «...выяснить в подробностях конструкцию бани не в моих силах, около десяти дней пришлось бы еще рыть, и я не решаюсь посвятить столько времени этому зданию. Два факта являются результатом раскопок: во-первых, мы имеем дело, без всякого сомнения, с баней и, во-вторых, известные до сих пор

¹² Орфография и пунктуация сохранены в соответствии с историческим документом. За двоеточием в цитате следует пустое место, предназначенное для неосуществленной вклейки плана.

Рис. 6. Часть облицовки фасада храма Бахтагека. Фото Н. Я. Марра, 1892 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 38)
 Fig. 6. Part of the revetment of the church of Bakhtagek. Photo by N. Ya. Marr, 1892 (SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. III 38)

описания этой бани, с планом ее, помещенном у мхитариста Леона Алишана [Алишан, 1881. С. 82] дают неполное и, более того, превратное понятие об этой постройке, как это видно из следующего плана (№¹³)¹³» (Д. 33. Л. 160).

Среди работ 21 мая упоминаются раскопки у восточной стены Анийского собора с обнаружением там часовни с прилегающей к ней комнатой (Д. 33. Л. 161об., 162об.). Там же сказано о находке на холме между церковью Апостолов и минаретом камня с надписью 1217 г.: «Надпись устанавливает, что в описанном месте находилась церковь Богородицы» (Д. 33. Л. 161об.). С трех часов Н. Я. Марр осматривал северо-восточную часть Ани: маслобойню, две церкви по линии, идущей от церкви Спасителя к дворцу Пахлавуни, сам этот дворец, принадлежность которого в более поздней литературе обезличена, — обозначается дворцом Парона (господина, вельможи) (Д. 33. Л. 162).

¹³ Номер не проставлен. План в архивном деле отсутствует.

С 21 мая раскопки сосредоточились к юго-западу от церкви св. Стефана, на остатках церкви XII–XIII вв., впоследствии Н. Я. Марром и другими учеными именуемой церковью Хачута или Бахтагека. Постройку, имеющую в плане размеры 13,0 × 8,4 м, в начале XX в. реконструировал Торос Тораманян (Марр, 1934. С. 54, рис. 46; Карапетян, 2011. С. 173–176). Н. Я. Марр называет ее одной из самых богатых по орнаментировке и подробно описывает выявленные из-под толщи земли камни с надписями, резным и скульптурным декором (Д. 33. Л. 162об.–164, 166об.–168об.). Данная информация заслуживает отдельного внимания в исследованиях этого оригинального храма, которые сейчас активно проводятся (Лошкарева, 2020). Собранные в Анийском музее его детали почти полностью были уничтожены ворвавшейся в 1918 г. в Ани турецкой армией. Именно поэтому всего лишь двухстраничный текст дневника наряду с сохранившимися в архивных коллекциях фотографиями (рис. 6–9) представляют собой несомненную ценность. Похоже, что и на страницах,

Рис. 7. Архитектурные фрагменты из аркатуры храма Бахтагека. Фото Н. Я. Марра, 1892 г.
(НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 45)

Fig. 7. Architectural fragments from the blank arcade of the church of Bakhtagek. Photo by N. Ya. Marr, 1892
(SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. III 45)

Рис. 8. Архитектурный фрагмент из аркатуры храма Бахтагека. Фото Н. Я. Марра, 1892 г.
(НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 49 — ср.: Раскопки..., 1894. С. 79, рис. № 43)

Fig. 8. Architectural fragment from the blank arcade of the church of Bakhtagek. Photo by N. Ya. Marr, 1892.
(SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. III 49 — com.: Раскопки..., 1894. С. 79, рис. № 43)

Рис. 9. Фрагмент фресковой росписи храма Бахтагека. Фото Н. Я. Марра, 1892 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 97)
Fig. 9. Fragment of the fresco painting of the church of Bakhtagek. Photo by N. Ya. Marr, 1892
(SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. III 97)

Рис. 10. Церковь Спасителя в Ани. Общий вид с юго-востока. Фото А. Казаряна, 2006 г.

Fig. 10. Church of the Saviour in Ani. General view from south-east. Photo by A. Kazaryan, 2006

датированных 2 июня, Н. Я. Марр описывает находки из раскопок именно этой церкви¹⁴ (Д. 33. Л. 166об.–167). В частности, там перечислены камни с остатками росписи, с рельефными изображениями на деталях свода и колонны, блок карниза с надписью, а также «три камня, каждый в 13 и более вершков длиной, с двумя параллельными полукруглыми поясками, которые местами, на известном промежутке, переплетаются и образуют квадратики. Камни эти из круглых стен полукружий или барабана. Идентичным поясом снабжено основание барабана церкви Спасителя, в Ани же» (Д. 33. Л. 167). Из рисунка на той же странице становится ясным, что речь идет об орнаменте, условно именуемом сельджукской цепью.

1 июня Н. Я. Марр занялся определением места дворца Аплгароба Пахлавуни около церкви Спасителя, но также обращается к росписи интерьера этого храма и приводит в дневнике ее описание (Д. 33. Л. 164об.–165об.). Оно тоже исключительно ценно ввиду исчезновения большинства

поверхностей росписи вместе с разрушением восточной половины церкви в 1957 г. (Kazaryan, Özkaya, 2016. Note 21, § 32) (рис. 10). «Церковь Спасителя внутри разрисована, но стенная живопись, казалось, впоследствии замазана известью; я попытался очистить рисунки от слоя извести. На деле вышло, что эта известь — нижний слой, на котором были нарисованы картины, исчезнувшие или сильно пострадавшие от времени. Сожалею, что нет пригодной высокой лестницы; иначе можно было бы вычитать надписи на картинах» (Д. 33. Л. 164об.).

В рамках более поздних кампаний Н. Я. Марра в Ани живопись исследовал Н. Л. Окунев (Янчаркова, 2007а. С. 145; 2007б. С. 496–497).

С 2013 г. сохранившаяся западная половина интерьера церкви находится в лесах, что создает идеальные условия для изучения ее росписей. Однако оно не проводится, а небольшое исследование в рамках консервации руинированного здания церкви имело своей целью составить заключение исключительно по степени сохранности живописи. Ее красочный слой за последние десятилетия нахождения на открытом воздухе сильно

¹⁴ В дневнике этот фрагмент вклинивается в текст об обследовании подземного Ани.

пострадал, о былой цветовой насыщенности свидетельствуют остатки живописи на блоках, выявленных в 2012 г. в завалах рухнувшей восточной половины памятника.

При обследовании церкви Спасителя в 1892 г. Н. Я. Марр обращает внимание на картину в северо-западной конхе с надписью, упоминающей Саргиса Паршика. В сноске Н. Я. Марр уточняет: «Это — новое имя художника (Саргис Паршик) или вообще лица, заказавшего нарисовать себя коленопреклоненным» (Д. 33. Л. 165). В дальнейшем искусствоведы взяли на вооружение только первую часть версии Н. Я. Марра (Окунев, 1912. С. 9), откинув вторую, которую логично было бы развить в свете средневековых ктиторских изображений — такое предложение высказано недавно А. Ю. Казаряном (Kazaryan, Özkaya, 2016. § 15) (рис. 11).

Отметил Н. Я. Марр и эпиграфическую надпись на западной грани внешнего периметра стены храма Спасителя, с датой 485 (1036) г., уточняя ее текст по сравнению с прочтением, приведенным Алишаном (Алишан, 1881. С. 82). Речь идет об одной из двух строительных надписей, которая в последние годы получила повреждения и была восстановлена в ходе работ по консервации памятника, проводимых с 2012 г. (Kazaryan, Özkaya, 2016. § 10, Fig. 2).

1 июня 1892 г. Н. Я. Марр также анонсирует начало работ в подземной части структуры города, состоявшей из пещерных сооружений: «Вчера студент Калмыков с Шерманом Хзркяном, уроженцем Муша, фотографом Папазяном и двумя местными армянами проникли в так называемый подземный Ани, находящийся под акрополем»; «В другой подземный ход (под церковью Григория Просветителя, ныне обстроенной) проникли сегодня студент Калмыков и мушец Хзркян, в данном случае им пришлось идти ползком 92 метра и достичь глухой стены: в двух метрах они прошли мимо ветвей главного хода, один из коих направляется вниз». Далее он публикует начертанную ими схему ходов (Д. 33. Л. 166об.). Эти же двое 2 июня проникли в ту же систему ходов и прошли через четырехколонный зал длиной 10 м и шириной 9 м (Д. 33. Л. 167). Эти проходы и зал в XX в. были подробно изучены Д. А. Кипшидзе и итальянскими спелеологами во главе с Р. Биксио (Bixio et al., 2009. P. 37–44).

4 июня Н. Я. Марр вновь занимался изучением церкви Спасителя, в том числе описал строительную надпись 484 (1035) г. и констатировал факт наличия в этом храме только одной двери (Д. 33. Л. 169).

Рис. 11. Церковь Спасителя в Ани. Роспись в конхе северо-западной экседры. Саргис Паршик перед апостолом Матфеем. Фото А. Казаряна, 2013 г.

Fig. 11. Church of the Saviour in Ani. Painting in the conch of the north-western exedra. Sargis Parshik in front of the Apostle Matthew. Photo by A. Kazaryan, 2013

Далее, вплоть до 6 июня, велись раскопки на церкви Бахтагека, а 8-го продолжены работы к востоку от собора. Кроме того, 7 июня совершена поездка в ближайший монастырь Багнайр у подножия горы Аладжа, а с 9 по 13 июня Марр занимался фотографированием памятников Ани, архитектуры и росписей. 14 июня экспедиция направилась в монастырь Оромос, или, как он назван в дневнике, Гошаванк, или Гоша-Ванк, и далее она продолжила работу, передвигаясь по окрестным населенным пунктам, поначалу в направлении на север по правому берегу реки Ахурян (Арпачай). В течение июня–июля Н. Я. Марр в окрестностях Ани осматривал, описывал и фотографировал архитектурные памятники, в некоторых местах он произвел пробные раскопки. Завершая экспедицию, он писал в ИАК: «Я по крайней мере

убежден, что пока в Ани не будут произведены капитальные раскопки, пока не будут изучены в целостности и подробностях армянские древности Багратидского и позднейшего (до XIV в. включительно) века, все рассуждения и соображения о более древних временах, особенно же о дохристианской поре Армении, будут произвольны, неосновательны и скороспелы» (*Пескарева, Баликян, 1981. С. 108*). В результате именно Ани было выбрано в качестве самого перспективного места для исследований древнего прошлого этого региона как наиболее информативный памятник с культурными напластованиями разных эпох и лучше всего сохранившийся к тому времени.

Заключение

Рукописный дневник первой комплексной научной экспедиции Николая Яковлевича Марра в «Русскую Армению» раскрыл непростою картину ее организационной и научной работы, обрисовал круг ее участников, описал историю и особенности их встреч с учеными, чиновниками, духовенством, жителями окрестных с Ани деревень. Анализ дневника позволил обратить внимание на последовательность работ экспедиции 1892 г. и, что важнее, посмотреть на наследие Армении и особенно Ани глазами ее руководителя. Дневник раскрывает трудности становления русской археологической миссии на Кавказе и те масштабные задачи, которые ставились Н. Я. Марром в этих сложных условиях. Тем ценнее представляются достигнутые экспедицией результаты, заложившие надежную основу для полевой работы в следующем году и активной деятельности Анийской археологической экспедиции в начале XX в.

Н. Я. Марр с самого начала справедливо считал Ани средоточием ценнейших историко-

археологических памятников Кавказа, отражающих широкий диапазон достижений армянской архитектуры и ее связи с традициями соседних стран. Осознавая концентрацию разных по характеру и выдающихся в архитектурном смысле построек именно в Ани, ученый пожелал исследовать наследие древнего города в широком контексте как близлежащих поселений и монастырей, так и значительно удаленных от Ани памятников архитектуры. Сама программа экспедиции 1892 г. свидетельствует о желании реализовать такое комплексное, многоаспектное исследование, отличающееся максимальной географической широтой и хронологической глубиной. Это то качество, которое неуклонно соблюдалось в последующие экспедиционные сезоны. Работы 1892 г. имели характер и обзорного понимания совокупного историко-архитектурного наследия региона, и проверки возможностей археологических раскопок в Ани с целью извлечения остатков произведений средневекового зодчества. Погружение участников экспедиции в разнообразный материал, включающий памятники церковной, гражданской, фортификационной архитектуры целого тысячелетия, от поздней античности до XIV в., богатый скульптурный и резной декор средневековых дворцов и храмов, их росписи, а также систему пещер подземного Ани, обусловило характер последующих исследований Ани вплоть до наших дней. Не только в публикациях Н. Я. Марра и его коллег, но и на страницах анализируемого дневника выявляются актуальные в то время, да и сейчас, вопросы изучения армянской архитектуры.

Проведенное исследование позволит более обоснованно и результативно развивать историко-архивные изыскания, высвечивающие богатую историографию изучения Ани.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1892 г. Д. 33: Дело ИАК о командировании г. Марра в Русскую Армению для производства там археологических розысканий. 240 л.

НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 23. Инв. № 54473–54853. Коллекция Н. Я. Марра. Раскопки в Ани в 1892–1893 гг. и поездка по Армении (негативы).

Алишан, 1881 — *Ալիշան Ղ. Շիրազի (Алишан Л. Ширак)*. Венеция: Св. Лазарь, 1881. 192 с.

Девель, Томес, 1971 — *Девель Т. М., Томес Т. Б.* Собрание Н. Я. Марра в фотоархиве ЛОИА АН СССР // Историко-филологический журнал. Ереван, 1971. № 3. С. 289–295.

Казарян, 2016 — *Казарян А. Ю.* Анийский археологический институт. Диапазон деятельности и основы достижения успеха // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2016. Вып. 7. С. 9–27.

Карпетян, 2011 — *Карпетян С.* Ани — 1050. Иллюстрированный альбом. Ереван: Фонд изучения армянской архитектуры, 2011. 264 с.

Лошкарева, 2020 — *Лошкарева Е. А.* Орнаменты и рельефы аркатуры церкви Св. Григория (Бахтагекка или Хачута) в контексте декора анийских церквей начала XIII века // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2020. Вып. 15. С. 28–43.

Марр, 1898 — *Марр Н. Я.* Ани, столица древней Армении (Историко-археологический набросок) //

- Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Литературно-научный сборник. М.: Типо-литография Высочайше утвержденного Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1898. С. 337–362 (Переиздание: М.: Престиж Бук, 2015).
- Марр, 1934 — Марр Н. Я. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л.; М.: Соцэкиз, 1934. XII, [2], 133 с.
- Мартиросян, 1974 — Мартиросян А. А. Аргиштихинили // Археологические памятники Армении. Т. 8: Урартские памятники. Вып. 1. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, Институт археологии и этнографии, 1974. С. 8.
- Миханкова, 1947 — Миханкова В. А. Работа кабинета Н. Я. Марра за 1936–1944 гг. Доклад на объединенном заседании ИИМК АН СССР и ЛГУ в Ленинграде, посв. памяти Н. Я. Марра // КСИИМК. 1947. Вып. XV. С. 77–87.
- Миханкова, 1949 — Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 555 с.
- Окунев, 1912 — Окунев Н. Л. Город Ани // Старые годы. Пг., 1912. С. 3–16.
- Пескарева, Баликян, 1981 — Пескарева К. С., Баликян О. С. Докладные записки Н. Я. Марра о раскопках в Ани (1892 г.) // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1981. № 5. С. 100–110.
- Платонова, 1998 — Платонова Н. И. Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // АВ. 1998. Вып. 5. С. 371–382.
- Раскопки..., 1894 — Раскопки в Эриванской губернии // Отчет ИАК за 1892 г. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1894. С. 75–86.
- Рысин, Стёганцева, 2019 — Рысин М. Б., Стёганцева В. Я. Императорская археологическая комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. 2 / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб: ИИМК РАН, 2019. С. 921–1056.
- Сахаров, 1851 — Сахаров И. П. Записка для обозрения русских древностей. СПб: Тип. Якова Трея, 1851. 80 с.
- Сорокина, 2011 — Сорокина М. Ю. Калмыков Андрей Дмитриевич // Некрополь российского научного зарубежья [электронный ресурс]. URL: http://www.russiangeave.ru/person?prs_id=368 (дата обращения: 30.08.2022).
- Янчаркова, 2007а — Янчаркова Ю. К истории взаимоотношений Н. Л. Окунева с Н. Я. Марром // Вспомогательные исторические дисциплины. 2007. Т. 30. С. 495–513.
- Янчаркова, 2007б — Янчаркова Ю. Историк искусства Николай Львович Окунев (1885–1949). Жизненный путь и научное наследие. Frankfurt am Main; Berlin; Bern: Peter Lang, 2007. 320 с.
- Bixio et al., 2009 — Bixio R., Caloi V., Castellani V., Traverso M. Ani 2004: Surveys on the underground settlements. Genova: BAR International Series, 2009. 82 p.
- Kazaryan, Özkaya, 2016 — Kazaryan A., Özkaya İ. Y., Pontioğlu A. The Church of Surb Prkich in Ani (1035). P. 1: History and Historiography — Architectural Plan — Excavations of 2012 and Starting of Conservation // RIHA Journal 0144, 15 November 2016. Available at: <http://journals.ub.uni-heidelberg.de/index.php/rihajournal/article/view/70195> (accessed 30.08.2022).
- Pravilova, 2016 — Pravilova E. Contested Ruins: Nationalism, Emotions, and Archaeology at Armenian Ani, 1892–1918 // Ab Imperio. 2016. Vol. 1. P. 69–101.
- Vigen Galstyan, 2016 — Mateos M. Papazyants. 1880–1890s // Database of Armenian photo-media practitioners. Available at: <http://www.lusarvest.org/practitioners/papazyants-mateos-m/#> (accessed 30.08.2022).

Records “on the N. Ya. Marr’s mission to Russian Armenia for carrying out archaeological researches there”. The first experience of excavations at Ani

A. Yu. Kazaryan, D. A. Kukina, M. V. Medvedeva¹⁵

Keywords: N. Ya. Marr, Ani Archaeological Expedition, Armenian architecture, Ani, Imperial Archaeological Commission, archive documents.

This paper first conducts an analysis of the scientific results of the first interdisciplinary expedition under the guidance of Nikolay Yakovlevich Marr in Armenia organized in 1892 by the Imperial Archaeological Commission. The study is based on the diary written by the scholar. The attention of the present authors is focused on the activities of the expedition at Ani where in 1892 excavations of small archaeological objects were conducted having considerably enhanced the interest for archaeology, architecture and monumental art of this site. The importance is highlighted of the archive materials kept in the Scientific Archives of IHMC RAS. Analysis of a consecutive research of monuments of Ani of diverse character exposes the wide range of N. Ya. Marr’s scientific interests.

¹⁵ A. Yu. Kazaryan — Institute of Architecture and Civil Engineering, National Research Moscow State University of Civil Engineering; 26 Yaroslavskoye Sh., Moscow, 129337, Russia; e-mail: KazaryanAYU@mgsu.ru. D. A. Kukina, M. V. Medvedeva — IHMC RAS; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; Institute of Architecture and Civil Engineering; e-mail: marriyam@mail.ru; daria_kukina@mail.ru.

Архив И. В. Фабрициус в ИИМК РАН: новые материалы к подготовке издания археологической карты Северного Причерноморья¹

О. В. Григорьева, М. В. Медведева²

Аннотация. В статье анализируются документы из личного фонда известной исследовательницы истории и культуры скифских племен, археолога Ирины Васильевны Фабрициус (1882–1966), работавшей в 1930-е гг. в Академии истории материальной культуры. Особую ценность среди ее архивных материалов в собрании ИИМК РАН представляет рукопись монографии «Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР». Вновь выявленные документы раскрывают подробности подготовки этого важного издания к печати, длившейся 17 лет, и открывают новые факты о «ленинградском периоде» научной биографии И. В. Фабрициус.

Ключевые слова: И. В. Фабрициус, В. И. Гошкевич, ГАИМК, ИИМК АН СССР, ИА АН УССР, археологическая карта, Северное Причерноморье, Украина, Научный архив, рукописные и фотографические документы.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-228-238

Работая с архивными документами наших выдающихся предшественников, всегда печально сознавать, как политические события и войны XX в. самым негативным образом повлияли на судьбы талантливых российских ученых. Немало исследователей оказались выкинуты из науки и вместо плодотворной научной деятельности должны были бесконечно бороться за выживание. Их научный потенциал остался во многом неиспользованным, а результаты изысканий либо неопубликованными и забытыми, либо вовсе утраченными.

Жизненный путь Ирины Васильевны Фабрициус (1882–1966) не стал исключением в череде печальных судеб ученых первой половины XX в. Известный специалист по истории и культуре скифских племен и древностей лесостепной зоны

Восточной Европы (Славин, 1966), в археологической науке она известна, прежде всего, как автор «Археологической карты Причерноморья Украинской ССР» (Фабрициус, 1951). Ученица и ближайшая помощница археолога и краеведа, основателя и первого директора Херсонского историко-археологического музея Виктора Ивановича Гошкевича (1860–1928), она с юных лет связала свою жизнь с археологией (Костенко, 2015б. С. 59–65; Костенко, Шевченко, 2017). У нее была нелегкая судьба, хотя и довольно типичная для поколения того времени. Ей пришлось пережить неудачный брак с офицером царской армии³, который ей не забывали вменять в вину всю оставшуюся жизнь; безвременную потерю старших братьев⁴; политические преследования как «анти-советского элемента»; увольнение с любимой работы и вынужденный отъезд из Херсона; болезни;

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00187, <https://rscf.ru/project/22-18-00187/> «Неопубликованная „Карта по археологии Причерноморья“ И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)» в ИИМК РАН.

² Григорьева О. В., Медведева М. В. — Научный архив, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: sigrid@yandex.ru; marriyam@mail.ru.

³ В 1905 г. И. В. Фабрициус вышла замуж за поручика Ивана Ильича Кономопуло (1875–1948). В 1913 г. она разошлась с мужем, но окончательно они прекратили всяческое общение в 1922 г. (Костенко, Шевченко, 2017. С. 47, 91).

⁴ Леонид Васильевич Фабрициус скончался в возрасте 24 лет от инфекции в 1903 г. (Костенко, Шевченко, 2017. С. 46), Федор Васильевич Фабрициус пропал в годы Гражданской войны (Там же. С. 86).

блокаду; утрату личного архива и библиотеки. Но все это не сломило исследовательницу, она продолжала с упорством заниматься археологией, сожалея только, что многие начинания не смогла и не успела довести до конца.

Биография И. В. Фабрициус довольно подробно приводится в публикациях сотрудников Херсонского музея, сделанных на основе «Жизнеописания Фабрициус Ирины Васильевны», написанного ею самой и хранящегося в научном архиве музея (Костенко, Шевченко, 2016. С. 122–133; Костенко, Шевченко, 2017). Ирина Васильевна получила высшее образование в Петербурге, долгие годы работала в Херсонском музее, помогая его создателю и директору В. И. Гошкевичу, затем в 1920-е гг. сама стала директором музея. В 1930-е гг. И. В. Фабрициус жила в Ленинграде, где служила в Государственном Эрмитаже (Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 882) и Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Острой, 2003). Тогда же она трудилась по договору в Государственной академии истории материальной культуры. С конца 1930-х гг. И. В. Фабрициус была сотрудником Института археологии в Киеве⁵. В 1951 г. она вышла на пенсию, после чего переехала к дочери в Ленинград, где и скончалась в 1966 г.

Анализ архивного собрания И. В. Фабрициус, сохранившегося в Научном архиве ИИМК РАН, позволяет особо подчеркнуть тесную семейную и духовную связь Ирины Васильевны с В. И. Гошкевичем, который стал для нее не только приемным отцом, но и наставником в профессиональной деятельности. Много сделавший для археологии Херсона, сыгравший большую роль в создании Херсонского музея древностей и формировании его коллекций (Костенко, 2015а; 2016), В. И. Гошкевич был для нее не просто близким человеком, но и примером ученого. Общение с ним, совместная работа, помощь ему в археологических исследованиях — все это, несомненно, привило И. В. Фабрициус любовь к археологии и определило ее путь в науке.

В формировании личного архива исследовательницы большое значение имел вынужденный отъезд из Херсона в Ленинград в 1930-е гг. (из-за угрозы ареста), обусловивший наличие так называемого ленинградского периода в ее научной биографии. В 1931 г. Ирину Васильевну в процессе

⁵ О периоде работы в киевском институте и сложных взаимоотношениях с коллегами см. подробнее: Саенко, 2017.

чистки уволили с должности директора Херсонского музея как «родственницу бывшего царского министра В. А. Сухомлинова»⁶ и «жену бывшего царского полковника И. И. Кономопуло». Если бы ситуация сложилась иначе, она, без сомнения, никогда бы не уехала из родного Херсона и не бросила обожаемый музей. В Ленинграде И. В. Фабрициус долго не могла устроиться на работу, так как, согласно инструкции Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, попавшие под чистку «по первой категории» лишались всех прав на пособие, пенсию, работу, выселялись из квартир (Киселева, 2008; Положение, 1930). Однако Ирина Васильевна обладала твердым характером и не смирилась с превратностями судьбы: через несколько лет она обратилась с ходатайством к сестре В. И. Ленина М. И. Ульяновой⁷ с просьбой снять с нее взыскание и была реабилитирована (Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 882. Л. 1–3). После этого она сразу устроилась на службу в Эрмитаж, где работала внештатным сотрудником в 1934–1935 гг., а в 1936–1937 гг. служила в Государственной публичной библиотеке (Острой, 2003). Одновременно в 1934–1936 гг. И. В. Фабрициус по договору трудилась в ГАИМК с целью подготовки к изданию «Материалов для археологической карты Причерноморья УССР».

«Ленинградский период» и работа в ГАИМК в научной биографии И. В. Фабрициус изучены недостаточно, о них имеются весьма отрывочные и скудные сведения. Отчасти пролить свет на обстоятельства жизни исследовательницы в эти годы позволяет комплекс материалов, отложившийся в Научном архиве ИИМК РАН. Кроме отдельных документов из фондов учреждения (Ф. 2. ГАИМК) в ИИМК РАН хранится личный архив И. В. Фабрициус (Ф. 61) за период с 1938 по 1951 г. Документы поступили в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР в начале 1966 г. от ее дочери Е. В. Гошкевич⁸.

⁶ Екатерина Викторовна Гошкевич (по первому браку Бутович), родная дочь В. И. Гошкевича, была замужем вторым браком за В. А. Сухомлиновым, военным министром Российской империи в 1909–1915 гг. О них см.: Бей, 2021; Костенко, Шевченко, 2017. С. 43, 44; Селезнев, Евдокимов, 2020; Шульгин, 2002. С. 310–364.

⁷ М. И. Ульянова с 1932 г. руководила Объединенным Бюро жалоб Наркомата РКИ. Подробнее см.: Булюлина, 2021; Кунецкая, Маштакова, 1990.

⁸ В 1925 г. Екатерина Ивановна Кономопуло поменяла фамилию. В. И. Гошкевич, официально удочерил

Рис. 1. И. В. Фабрициус (крайняя справа) и рабочие на раскопках Шарповского городища в 1947 г. Раскоп I с северо-востока. Тясминская экспедиция ИА АН УССР (ИА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 14. Л. 12)

Fig. 1. I. V. Fabritsius (last on the right) and workers at the excavation of the Sharpovskoye archaeological site in 1947. Excavation I from north-east. Tyasmin Expedition of IA AS UkSSR (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 61. In. 1. F. 14. Sh. 12)

В марте того же года директор Института М. К. Каргер выразил последнюю благодарность за передачу фонда матери (ИА ИИМК РАН. РО. Дело фонда № 61. Л. 5). В январе 1967 г. документы были приняты на постоянное хранение. Материалы находились в россыпи и составили 15 связок (весом около 70 кг) без сдаточных описей. Фонд прошел научно-техническую обработку только в 1984 г., тогда документы были систематизированы тематически и хронологически, сформировано 73 дела, а также составлена опись.

В основу фонда легли материалы научных трудов и научно-организационной деятельности И. В. Фабрициус: рукописи докладов, тезисов, статей, монографий, материалы лекций. В собрании

ее и дал свою фамилию, чтобы уберечь от преследований за «буржуазное» происхождение.

содержится личная и деловая переписка исследовательницы, сведения из которой в значительной степени дополняют наши представления о непростом характере исследовательницы и ее сложной судьбе. Письма адресованы к хорошо известным в археологической науке ученым: Л. М. Славину, М. И. Артамонову, П. П. Ефименко, А. А. Иессену, Т. С. Пассек и др. Среди полевых документов большой массив посвящен работам Тясминской (Шарповской) археологической экспедиции 1939–1940-х гг.: краткие сообщения, отчеты, полевые дневники, фотографии (Фабрициус, 1949. С. 80–111). На фотографиях удалось выявить несколько новых изображений И. В. Фабрициус на раскопках Шарповского городища в 1947 г. (рис. 1–4). Ценную часть фонда И. В. Фабрициус составляют также документы личного характера — биографические материалы и литературные рукописи (романы, сценарии и т. п.).

Рис. 2. И. В. Фабрициус и неизвестный на раскопках Шарповского городища в 1947 г. Раскоп IV. Тясминская экспедиция ИА АН УССР (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 14. Л. 57)

Fig. 2. I. V. Fabritsius and an unknown person at the excavation of the Sharpovskoye archaeological site in 1947. Excavation IV. Tyasmin Expedition of IA AS UkSSR (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 61. In. 1. F. 14. Sh. 57)

Рис. 3. И. В. Фабрициус (крайняя слева) и рабочие на раскопках Шарповского городища в 1947 г. Тясминская экспедиция ИА АН УССР (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 14. Л. 40)

Fig. 3. I. V. Fabritsius (last on the left) and workers at the excavation of the Sharpovskoye archaeological site in 1947. Tyasmin Expedition of IA AS UkSSR (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 61. In. 1. F. 14. Sh. 40)

Рис. 4. И. В. Фабрициус на раскопках Шарповского городища в 1947 г. Раскоп IV. Тясминская экспедиция ИА АН УССР (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 14. Л. 123)

Fig. 4. I. V. Fabritsius at excavation of the Sharpovskoye archaeological site in 1947. Excavation IV. Tyasmin Expedition of IA AS UkSSR (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 61. In. 1. F. 14. Sh. 123)

Важно отметить, что личный архивный фонд И. В. Фабрициус существует только в собрании Научного архива ИИМК РАН. Отдельные научные и экспедиционные материалы исследовательницы находятся в архиве Института археологии АН УССР (НА ИИМК РАН. РО. Дело фонда № 61. Л. 10–17). Документы по деятельности И. В. Фабрициус сохранились и в Научном архиве Херсонского музея (Костенко, Шевченко, 2017. С. 45), где она проработала долгое время. Научная значимость фонда ученой в ИИМК РАН усиливается еще и тем фактом, что ее довоенный личный архив практически полностью погиб. В ноябре 1943 г. И. В. Фабрициус, находясь в эвакуации, с горечью сообщала об этом в письме директору Института археологии АН УССР Л. М. Славину: *«Я уже третий год живу не только вне всякого соприкосновения с научной работой, но и вне культурной среды, в непосильном физическом труде*

и лишениях. А ведь мне 62-й год, я потеряла весь свой научный архив, все книги, имущество. Из вещей осталось только то, что не находит сбыта» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 42. Л. 1).

Большую ценность в архивном фонде И. В. Фабрициус представляют рукописи «Археологической карты Причерноморья» и комплекс документов, раскрывающих этапы подготовки к печати этого масштабного издания: рукописный план книги, объяснительные и докладные записки разных лет в издательство и различные научные учреждения: о возникших во время написания текста организационных проблемах, об авторских правах и о последующей публикации второй и третьей частей рукописи.

После кончины В. И. Гошкевича И. В. Фабрициус считала своим долгом довести до конца начатое им дело по изданию материалов к археологической карте Днестро-Буго-Днепровского понизовья. Сведения о памятниках этого региона он собирал многие годы, но активно начал их разрабатывать в 1914 г., когда из-за военных действий временно прекратились полевые исследования (Фабрициус, 1951. С. 7, 8). Ирина Васильевна ему в этом активно помогала, а когда В. И. Гошкевича не стало, продолжила подготовку материалов к печати. В рукописи «Археологической карты» 1930–1940-х гг. она впервые обобщила и систематизировала данные многолетних работ В. И. Гошкевича, добавила свои материалы, и получился фундаментальный труд, объединивший результаты археологического изучения территории степной и лесостепной областей Поднестровья–Поднепровья на протяжении XIX в. и до 1940-х гг. Книга требовала многотомного издания, и поэтому планировалась ее последовательная публикация в трех частях в соответствии с географическим принципом: I — Междуречье Днестра — Южного Буга; II — Междуречье Южного Буга — Днепра; III — Днепр с его лиманами и левобережьем до меридиана Перекопа. В 1951 г. опубликовали только первый том (Фабрициус, 1951), остальные так и не вышли, сохранившись в рукописном варианте в архивах нескольких учреждений⁹. О существовании рукописей II и III томов исследователям причерноморского региона, безусловно, было известно, данные оттуда использовались археологами в научной работе, но никто так и не взялся за публикацию этого

⁹ Научно-отраслевой архив Института археологии РАН, Научный архив Института археологии НАН Украины, Научный архив Института археологии Крыма РАН.

ценного комплекса целиком. В Научном архиве ИИМК РАН имеются два варианта рукописи без иллюстративного материала, только машинописные тексты разных лет (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Д. 1, 2). Предварительный анализ этих документов показывает, что даже первая часть «Археологической карты» была опубликована в несколько урезанном варианте.

История создания «Археологической карты» позволяет понять, как получилось, что рукопись оказалась раскидана по разным архивным собраниям, а также прояснить некоторые факты научной биографии И. В. Фабрициус, связанные с «ленинградским периодом» ее жизни и работой в Академии истории материальной культуры. Официально к подготовке «Археологической карты» к изданию Ирина Васильевна приступила в 1934 г. в стенах ГАИМК, а с 1937 г. она занималась этим в Институте археологии Украины в Киеве с перерывом на военные годы. В 1939 г. И. В. Фабрициус предложили превратить эту работу в диссертацию¹⁰, что она и сделала, успешно защитив ее в апреле 1945 г. в Москве. В печатном виде I том «Археологической карты Причерноморья Украинской ССР» увидел свет только через 17 лет с момента начала работы.

В Институте археологии АН УССР процесс подготовки рукописи сопровождался проблемами и скандалами. В черновиках писем руководству и в личной переписке И. В. Фабрициус прослеживается, какими усилиями давалось это издание самой исследовательнице: *«Эта археологическая карта написана мною в 1934–1939 гг. с громадным рабочим напряжением, которое понятно каждому, знающему объем археологического материала, известного на этой территории, каждому знающему состояние изучения этого материала и каждому знающему, что такое представляет собою по трудоемкости работа составления регистра справочника объемом до 50 печ. листов»* (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3. Л. 14).

На страницах архивных материалов Ирина Васильевна предстает человеком бескомпромиссным, упорным, с очень непростым характером, часто общавшимся с коллегами *«в резком полемическом тоне»* (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 51. Л. 1), но при этом абсолютно преданным своему делу. Несколько раз в процессе работы

¹⁰ В настоящее время рукопись диссертации на украинском языке хранится в Научно-отраслевом архиве ИА РАН (НОА ИА РАН. Ф-1. Р-2. № 380. 1 ч. — 514 л.; 2 ч. — 374 л.).

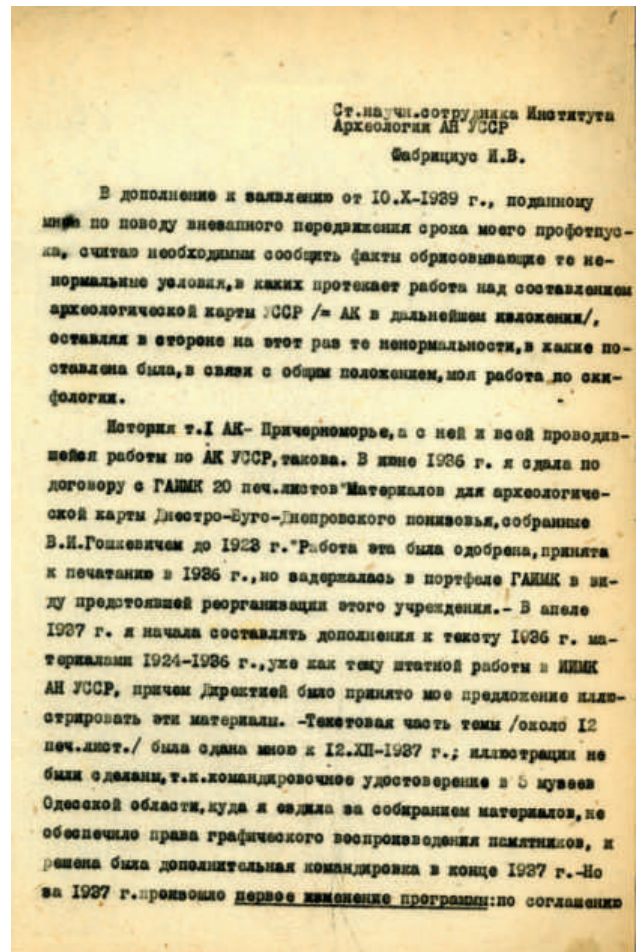

Рис. 5. Первый лист докладной записки И. В. Фабрициус в дирекцию ИА АН УССР о подготовке к изданию «Археологической карты Причерноморья Украины». 23 октября 1939 г. Подлинник (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3. Л. 1)

Fig. 5. The first sheet of a memorandum by I. V. Fabritsius for the direction of IA RAS UkSSR about preparation for publication of “The Archaeological Map of Ukrainian Black Sea Region”. October 23, 1939. The original copy (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 61. In. 1. F. 3. Sh. 1)

над «Археологической картой» она порывалась уволиться, и нельзя сказать, что это было безосновательно. Документы содержат вполне заслуженные жалобы и критику в адрес администрации по поводу организации процесса подготовки публикации, во время которого постоянно присутствовала неразбериха, несколько раз менялся план и структура издания. Ненормальную ситуацию, сложившуюся вокруг готовившейся книги, И. В. Фабрициус подробно описала в обращении 1939 г. к дирекции киевского института (рис. 5): *«считаю необходимым сообщить факты,*

обрисовывающие те ненормальные условия, в каких протекает работа над составлением археологической карты УССР <...> История т. I АК–Причерноморье, а с ней и всей проводившейся работы по АК УССР, такова. В июне 1936 г. я сдала по договору с ГАИМК 20 печ. листов „Материалов для археологической карты Днестро-Буго-Днепровского понизовья, собранные В. И. Гошкевичем до 1923 г.“ Работа эта была одобрена, принята к печатанию в 1936 г., но задержалась в портфеле ГАИМК ввиду предстоявшей реорганизации этого учреждения¹¹. — В апреле 1937 г. я начала составлять дополнения к тексту 1936 г. материалами 1924–1936 гг., уже как тему штатной работы в ИИМК АН УССР <...> Но за 1937 г. произошло первое изменение программы:¹² по соглашению с ИИМК АН СССР печатание моего текста 1936 г. было передано в Киев и на основании этого соглашения решено было печатать один том — «Причерноморье», иллюстрировать его целиком за исключением «самоцельных» Ольвии, Березани и Усатова <...> немедленно после окончания тома I запланирован т. II — Приазовье <...> я подала в начале 1938 г. докладную записку об основах организации составления АК УССР. Судьба этой записки мне не известна <...> она не обсуждалась» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 2).

В 1938 г. И. В. Фабрициус также вынудили отступить от первоначальной версии издания, где вклад и авторство В. И. Гошкевича планировалось выделить особо, теперь же потребовали объединить вместе текст В. И. Гошкевича и ее собственный, чем она была до крайней степени возмущена. Очередной вариант работы обсуждался на заседании Института археологии АН Украины в мае 1938 г.: «...решено было: 1. Расширить иллюстративную часть как в общем содержании, так и введением раньше исключенных разделов: Ольвия, Березань, Усатово <...> 2. Мою работу немедленно послать на рецензию в ИИМК АН СССР с указанием на технические недоделы, которые будут устранены в окончательном оформлении с учетом указаний рецензии» (Там же. Л. 2). Предполагалось графическую карту и иллюстрации закончить к осени, одновременно получить официальные рецензии на рукопись от ИИМК АН СССР и уже отправить монографию в печать. И. В. Фабрициус

спокойно отправилась в экспедицию, но по возвращении ее ждал новый сюрприз. 23 ноября в Институте состоялось совещание, на котором постановили: «сделать новую переработку текста; слить органически, с уничтожением авторства В. И. Гошкевича, тексты 1936 и 1937 г. и приступить к переводу на украинский язык этого нового варианта» (Там же. Л. 3).

С негодованием исследовательница сообщила о случившемся своему ленинградскому коллеге М. И. Артамонову, назначенному одним из официальных рецензентов книги от ИИМК АН СССР: «Дело в том, что нельзя было уступать требованиям бывшего руководства нашего Института и сливать воедино обработанную мною карту В. Гошкевича с материалами 1923–36 гг., собранными мною <...> очевидно для меня нелепость этого „слияния“. Очень, очень жаль, что сделали секретом от меня Ваши замечания, показавшие большое Ваше критическое чутье. Из „слияния“ хороший стильный текст В. И. Гошкевича стал архаическим, а дополнение его материалами 1923–36 гг. — „частушками“» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 40. Л. 1).

С необходимостью перевода рукописи на украинский язык И. В. Фабрициус тоже была не согласна. Текст книги готовился на русском языке, так как «издание предполагалось совместно с ГАИМК, позже ИИМК АН СССР, которому принадлежало 18 листов (Материалы В. И. Гошкевича до 1923 г.), следовательно, на русском же языке. <...> В мае 1938 г. на общем собрании ИА работа была принята к напечатанию <...>. Теперь же выяснилось, что <...> ИА израсходовали лимит и моя карта должна быть переведена на украинский. Работа по переводу началась в декабре 1938 и <...> должна была быть закончена к 1 марта, и с того времени я попала в зависимость» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3. Л. 14). И. В. Фабрициус выступила категорически против перевода, хотя сама прекрасно владела украинским языком: «АК УССР должна быть издаваема на русском языке, ибо это справочник-сводка, необходимая всем археологическим учреждениям СССР» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 40. Л. 3). Тем не менее решение о печати книги на украинском было принято, и началась работа по ее переводу. Исследовательница «взяла на себя обязательство обеспечить <...> бесперебойную подачу заново переработанного текста для того, чтобы перевод был готов к концу января 1939 г. Сличение перевода с оригиналом в смысловом отношении я брала на себя в порядке соцобязательства, во внеслужебное

¹¹ По постановлению Президиума АН в августе 1937 г. ГАИМК вошла в систему АН и была реорганизована в Институт истории материальной культуры (ИИМК) в Ленинграде с отделением в Москве.

¹² Здесь и далее подчеркнуто автором документа.

время <...> несмотря на своевременную подачу последней переработки текста, только 2/3 его — перевод основного текста без примечаний был сделан к маю <...>. Перевод сделан был не одним лицом: некоторые тетради отличались особой безграмотностью» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3. Л. 4). В итоге основной «переводчик дал низкопробный перевод и не сдал его к условленному сроку <...> бросил незаконченную работу летом 1939 г.» (Там же. Л. 14).

В довоенный период дело издания «Археологической карты» так и осталось незавершенным. Ситуация все более и более осложнялась. На сообщения И. В. Фабрициус о «недоделках» в переводе текста руководство Института рекомендовало подавать в издательство для набора два варианта — на украинском и на русском. Работа с иллюстрациями тоже продвигалась тяжело: нанятый для исполнения графической карты чертежник постоянно затягивал сроки сдачи, несколько раз переделывал эскиз, и окончательный вариант Ирина Васильевна так и не признала «приемлемым». Неопределенным оставалось и положение с рецензией, которую ИИМК АН СССР вряд ли смог бы представить быстро, имея украинскую версию рукописи книги (Там же. Л. 4, 5).

В июле 1940 г. И. В. Фабрициус расторгла договор с ИИМК АН СССР и потребовала права на свою рукопись обратно: «По договору, заключённому 13.VIII.1934 года, я передала Вам исключительное право на издание в течение 4-х лет моего труда под названием: „Материалы к составлению археологической карты Днестро-Буго-Днепровского бассейна“. По условиям договора и Закона „Об авторском праве“ — Вы обязаны были выпустить мой труд в свет. Однако, до сего дня произведения моё не опубликовано. А потому, и в соответствии со ст. 23 Закона „Об авторском праве“ — настоящим заявляю о расторжении договора и прошу возвратить мне рукопись по указанному выше адресу» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 41. Л. 1).

Началась Великая Отечественная война, и вопрос о публикации был отложен. Во время войны И. В. Фабрициус и ее дочь сначала находились в блокадном Ленинграде, а затем жили в эвакуации в городке Шарипово (Хакасская автономная область) (Ф. 61. Оп. 1. Д. 72. Л. 1). «Ужасающая, противокультурная обстановка» сильно тяготила ее из-за сложных условий быта и никак не располагала к научной работе. «После лета, проведенного в чрезмерном труде, устремленном на то, чтобы обеспечить себя от зимней голодов-

ки, помещаемся в комнате-избе, где кроме нас еще 6 постоянных и до 5 прибавочных, ночующих жильцов <...>», — писала она директору киевского института Л. М. Славину в ожидании «вызова-вызволения из Шарипова»: Только переписка с ним давала ей хоть какую-то надежду на лучшее будущее: «страшно Ваше молчание. Без метафор: оно для нас гробовое. Ибо не имея поддержки извне, брошенные на произвол войны коллективом, которому я отдала годы богато и много производительного труда, пережив ужасы последних двух лет, мы запуганы, потеряли уверенность в будущем, связанном с Институтом» (Ф. 61. Оп. 1. Д. 42. Л. 1, 2). Ее чаяния оправдались, и в 1944 г. И. В. Фабрициус после возобновления деятельности Института археологии в разрушенном Киеве возвратилась и продолжила научную работу (Костенко, Шевченко, 2017. С. 100).

В 1945 г. Л. М. Славин снова предложил ей оформить текст «Археологической карты» для издательства, но тут выяснилось, что у И. В. Фабрициус остался только плохой украинский перевод, а русский вариант рукописи пропал во время войны вместе со всем имуществом и библиотекой. В черновике докладной записки, сохранившемся в ее личном архивном собрании, исследовательница сообщала: «Перевод очень низкого качества, нуждающийся в тщательном отредактировании, к тому же сохранившийся экземпляр был откорректирован весьма неграмотно. Русский текст авторский оригинал увезен немцами <...> Теперь, когда мое здоровье очень подорвано пережитыми годами войны, когда мне 63 года и когда не так уже много осталось работать над творчески интересующими меня темами, я не могу взять на себя выполнение Вашего поручения <...> без того, чтобы не оговорить соответствующих условий работы, обеспечивающих планомерные работы» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3. Л. 15).

Отредактировав украинский вариант рукописи, И. В. Фабрициус в апреле 1945 г. успешно защитила ее в ИИМК АН СССР (Москва) в качестве кандидатской диссертации «Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР» (Костенко, Шевченко, 2017. С. 100; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 72. Л. 2). Работа получила самые высокие оценки специалистов и актуализировала необходимость ее скорейшего издания. Назначенная рецензентом Т. С. Пассек¹³, высказывая

¹³ Татьяна Сергеевна Пассек (1903–1968) — ведущий специалист по неолиту, энеолиту и бронзовому веку

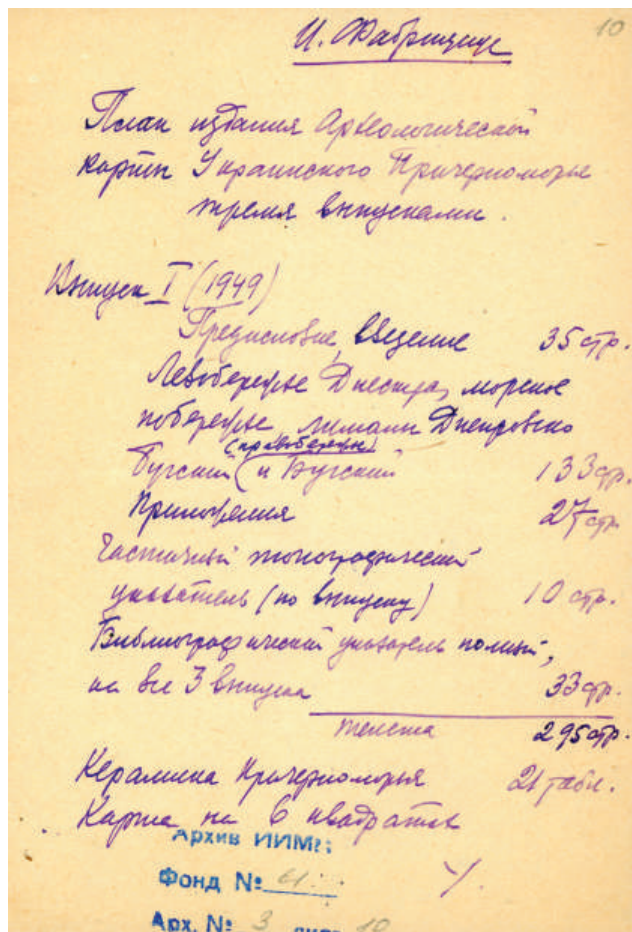

Рис. 6. Первый лист «Плана издания Археологической карты Причерноморья Украины». 29 января 1949 г. Автограф И. В. Фабрициус (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3. Л. 10)

Fig. 6. The first sheet of the “Plan of publication of The Archaeological Map of Ukrainian Black Sea Region”. January 29, 1949. Autograph by I. V. Fabritsius (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 61. In. 1. F. 3. Sh. 10)

пожелание «о скорейшем ее опубликовании на русском языке», в своем отзыве писала, что диссертация И. В. Фабрициус «является первой исчерпывающей сводкой материалов, открытых на территории Северного Причерноморья в более чем за столетний период его изучения <...> Археологическая карта никогда не может считаться законченной. Так и большой труд И. В. Фабрициус является лишь определенным этапом в ее исследованиях, но этап этот завершен ею и завершен успешно. В результате чего мы имеем первую

Юго-Восточной Европы, с 1932 г. состояла старшим научным сотрудником ИА АН СССР (Формозов, 2003).

сводку (до 1936 г.) археологических памятников в широком районе Причерноморья, с исчерпывающей полнотой отражающей богатства одного из самых интересных районов для истории нашей родины. И в этом основная заслуга И. В. Фабрициус» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 8, 12, 13). К ее мнению присоединился и второй рецензент — М. В. Воеводский:¹⁴ «Фактически это очень ценное научно-справочное издание, без которого не будет работать ни один специалист» (Там же. Л. 17).

После защиты И. В. Фабрициус не оставила попыток осуществить публикацию рукописи «Археологической карты», снова и снова посылая запросы в дирекцию Института археологии АН УССР. Уже новый его директор П. П. Ефименко подтвердил «необходимость представления к печати I-го выпуска „Археологической карты Причерноморья“», поставил его в издательский план 1950 г. и попросил предоставить рукопись (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 54. Л. 1). Сразу же планировалось «форсировать вопрос и о скорейшем издании» II и III выпусков. В январе 1949 г. И. В. Фабрициус собственноручно составила «План издания археологической карты Украинского Причерноморья тремя выпусками» (рис. 6), где выпуск I планировался на 1949 г.; выпуск II — на 1950 г.; III — на 1951 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3. Л. 10).

Надо отдать должное работоспособности и трудолюбию И. В. Фабрициус, когда, не имея русского оригинала и опираясь на некачественно сделанный украинский перевод, она проделала колоссальную работу, заново отредактировав обширный текст рукописи (30 печ. листов) и довольно быстро восстановив ее на русском языке. В результате в 1951 г. был опубликован I том «Археологической карты» на русском языке, как и задумывалось изначально (Фабрициус, 1951). Авторство В. И. Гошкевича не указывалось на обложке книги, но и вступление, и структура издания вполне позволяли оценить его вклад в эту работу.

После выхода книги И. В. Фабрициус подала заявление об уходе на пенсию со словами, что подготовкой II и III томов она может заниматься и в Ленинграде, куда она уехала к дочери. Очевидно, что определенная работа по под-

¹⁴ Михаил Вацлавович Воеводский (1903–1948) — специалист по каменному веку Восточной Европы. В 1930–1940-х гг. — старший научный сотрудник НИИ антропологии МГУ, доцент кафедры археологии МГУ (Чубур, 2003).

готовке продолжения «Археологической карты» велась¹⁵, но публикация оставшихся частей так и не последовала.

¹⁵ Об этом говорит наличие в личном фонде И. В. Фабрициус черновой рукописи «Археологической карты» 1950 г. на русском языке (объемом свыше 400 листов, с предисловием и топографическим указателем) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 2).

Архив Гос. Эрмитажа. Ф. 1. Оп. 13. Д. 882: Личное дело И. Ф. Фабрициус. 6 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2: Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК) (1919–1937); Ф. 61: Фабрициус И. В. (1882–1966), археолог; Дело фонда № 61; Ф. 61. Оп. 1. Д. 1: Монография «Археологическая карта Причерноморья Украины» (1 вариант). 362 л.; Д. 2: Монография «Археологическая карта Причерноморья Украины» (2 вариант). Приложение: варианты редакторской правки, черновик «Предисловия». 407 л.; Д. 3: Объяснительные и докладные записки по вопросам написания монографии «Археологическая карта Причерноморья Украины» и подготовки ее к изданию. 16 л.; Д. 16: Статья «Тясминская экспедиция 1947 г.». Краткое сообщение. Приложение: фотографии. 58 л.; Д. 39: Рецензии и отзывы разных лиц на работы И. В. Фабрициус. 18 л.; Д. 40: Письмо И. В. Фабрициус М. И. Артамонову 22 июня 1938 г. 2 л.; Д. 41: Письмо И. В. Фабрициус в дирекцию ИИМК им. Н. Я. Марра 23 июля 1940 г. 1 л.; Д. 42: Письмо И. В. Фабрициус Л. М. Славину 1 октября 1943 г. 2 л.; Д. 51: Письмо А. Белецкого И. В. Фабрициус 1951 г. 3 л.; Д. 54: Письмо П. П. Ефименко И. В. Фабрициус 6 июля 1949 г. 1 л.; Д. 72: Биографические материалы И. В. Фабрициус (личный листок по учету кадров, список научных трудов, автобиография). 7 л.

Бей, 2021 — Бей Е. В. Генерал В. А. Сухомлинов. Военный министр эпохи Великой войны. М.: Центрполиграф, 2021. 334 с.

Булюлина, 2021 — Булюлина Е. В. «Жалобщики» и «Удрученные»: о работе с заявлениями граждан в рабоче-крестьянской инспекции в 1919–1920-е гг. // Вестник РУДН. История России. 2010. № 2. С. 98–105.

Киселева, 2008 — Киселева Е. Л. Из истории чистки госаппарата 1929–1932 гг.: Чистка Наркомата труда СССР // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А. С. Пушкина. Серия: История. 2008. № 4. С. 109–121.

В определенном смысле пророчески теперь звучат строки, написанные И. В. Фабрициус в 1945 г.: «Каждому археологу известно, как велика диспропорция между количеством накопленного материала и его научной обработкой, между количеством изученного и опубликованного, между количеством находок, которые нельзя игнорировать, и удовлетворительностью их документации» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 7).

Костенко, 2015а — Костенко А. В. Археологічний музей В. І. Гошкевича (1890–1898 рр.) // Археологія. 2015. № 2. С. 137–147.

Костенко, 2015б — Костенко А. В. Херсонський Археологічний музей і його «семейная история»: семья как сеть научных коммуникаций в музейном деле // Гісторія Магілєва: мінулає і сучаснаць: Збірник наукових праць удзельнікаў ІХ Міжнар. навук. канф. (25–26 чэрвеня 2015 г., Магілєў). Магілєў: МДУХ, 2015. С. 59–65.

Костенко, 2016 — Костенко А. В. Научное комплектование археологических фондов Херсонского музея: штрихи к интеллектуальной биографии В. И. Гошкевича // Известия Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины. 2016. № 1 (94). С. 24–29.

Костенко, Шевченко, 2016 — Костенко А. В., Шевченко А. В. І. В. Фабрициус (1882–1966 рр.): Археолог та музеєзнавець // Археологія. 2016. № 2. С. 122–133.

Костенко, Шевченко, 2017 — Костенко А. В., Шевченко А. В. Виктор Гошкевич и его мир: семья, окружение, древности. Херсон: б. и., 2017. 116 с.

Кунецкая, Маштакова, 1990 — Кунецкая Л. И., Маштакова К. А. Мария Ульянова. М.: Мол. гвардия, 1990 (ЖЗЛ; Вып. 592). 315 с.

Острой, 2003 — Острой О. С. Фабрициус Ирина Васильевна // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб.: Российская национальная библиотека, 2003. Т. 3. С. 564–565.

Положение, 1930 — Положение о пенсиях и пособиях по социальному страхованию // СЗ СССР — Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 год. № 11. Статья 132, раздел IV. С. 220–228.

Саєнко, 2017 — Саєнко В. О. І. Тереножкін та І. В. Фабрициус: конфлікт особистостей чи наукових шкіл? // Scriptorium nostrum. 2017. № 2 (8). С. 262–283.

- Селезнев, Евдокимов, 2020* — Селезнев Ф. А., Евдокимов А. В. Роковая женщина военного министра: генерал Сухомлинов и Екатерина Бутович. СПб.: Алетейя, 2020. 254 с.
- Славин, 1966* — Славин Л. М. И. В. Фабрициус (Некролог) // СА. 1966. № 3. С. 296–297.
- Фабрициус, 1949* — Фабрициус І. Тясминська експедиція // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. II / Отв. ред. П. П. Єфименко. Київ: Видавництво АН УРСР, 1949. С. 80–111.
- Фабрициус, 1951* — Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Вып. 1. Междуречье Днестра — Южного Буга. Киев: Изд-во АН УССР, 1951. 131 с.
- Формозов, 2003* — Формозов А. А. О Татьяне Сергеевне Пассек // РА. 2003. № 3. С. 156–165.
- Чубур, 2002* — Чубур А. А. Михаил Вацлавович Воеводский: страницы биографии (к 100-летию со дня рождения). Брянск, 2003. 44 с.
- Шульгин, 2002* — Шульгин В. В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны / Сост. Н. Н. Лисовой. М.: Олма-Пресс; Звездный мир, 2002. С. 310–364.

Archives of I. V. Fabritsius at IHMC RAS: new materials for publication of “The Archaeological Map of the Black Sea Region”

O. V. Grigoryeva, M. V. Medvedeva ¹

Keywords: I. V. Fabritsius, V. I. Goshkevich, GAIMK, IIMK (IHMC) AS USSR, IA AS UkSSR, archaeological map, Northern Black Sea Region, Ukraine, Scientific Archives, manuscript and photographic documents.

The paper analyses documents from the personal archives of the prominent researcher of the history and culture of Scythian tribes Irina Vasilyevna Fabritsius (1882–1966) who worked in the 1930s at the Academy of the History of Material Culture (GAIMK). Of special value among the archive documents kept at the collection of IHMC RAS is the manuscript of the monograph “Archaeological Map of the Black Sea Region”. The newly revealed documents disclose the particulars of the seventeen years long preparation of this important edition for print and present new facts about the “Leningrad period” of the scientific biography of Irina V. Fabritsius.

¹ Olga V. Grigoryeva, Maria V. Medvedeva — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: sigrid@yandex.ru; marriyam@mail.ru.

«Археологическая карта Причерноморья Украины» И. В. Фабрициус: состояние источниковой базы и перспективы применения для современных исследований¹

А. В. Батасова²

Аннотация. Статья посвящена обзору «Археологической карты Причерноморья Украины» И. В. Фабрициус, включая ее неопубликованную рукопись, которая хранится в научном архиве ИИМК РАН. Раскрывается содержание, географический охват рукописи, отличия от опубликованной части («Археологическая карта Украинской ССР»), а также проблемы и перспективы работы с этими материалами на современном этапе археологических исследований.

Ключевые слова: Причерноморье, археологические карты, И. В. Фабрициус, новые архивные материалы, ГИС.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-239-244

Необходимость составления археологических карт осознавалась исследователями уже с конца XIX в. Наиболее интенсивно этот процесс набирал обороты в Северном Причерноморье, особенно в его восточных (Таманский полуостров) и западных (междуречье Днестра и Днепра) областях. И хотя первоначально этот интерес был во многом обусловлен наличием античных древностей, довольно быстро в сферу научных изысканий оказались включены памятники и других периодов и культур.

Из важнейших обобщающих работ конца XIX в., посвященных древностям Таманского полуострова, необходимо отметить труд К. К. Герца (*Герц*, 1898), где впервые были собраны сведения о памятниках и местонахождениях археологического материала различных эпох. В начале следующего столетия попытки создания археологических карт этого полуострова предпринимались С. Ф. Войцеховским³, В. В. Соколовым (*Соколов*,

1919). Этот исследовательский этап, который в целом можно охарактеризовать как предварительный, продолжился уже в 1920-х — начале 1930-х гг., когда перед археологами были поставлены задачи всестороннего обследования территории Таманского полуострова. Большой вклад в это направление внесла экспедиция РАНИОН под руководством А. С. Башкирова (*Башкиров*, 1927; 1928) и, конечно, Таманская экспедиция ГАИМК под руководством А. А. Миллера. Цели последней отличались особым размахом, поскольку ее результатом должна была стать археологическая карта обширной территории от Таманского полуострова до устья Дона. В силу трагических обстоятельств материалы этой экспедиции долгое время оставались вне научного оборота, за исключением отдельных публикаций (*Иессен, Миллер*, 1932; *Миллер*, 1932а; 1932б). В то же время стоит отметить, что в ходе этих работ был заложен фундамент последующего систематического изучения археологического наследия региона, которое в полной мере развернулось во второй половине XX в.

Процесс обобщения археологических сведений и составления археологических карт затронул и западные области Причерноморья. Уже к 1901 г.

оригинал которой, на данный момент неопубликованный, хранится в фондах Темрюкского историко-археологического музея.

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 22-18-00187 «Неопубликованная „Карта по археологии Причерноморья“ И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)».

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: batasova.angela@gmail.com.

³ С. Ф. Войцеховским была создана «Карта Таманского полуострова с указанием мест древних культур»,

были подготовлены и опубликованы «Археологическая карта Подольской губернии» Е. Сецинского (Сецинский, 1901) и работа В. К. Гульдмана «Памятники старины в Подолии» (Гульдман, 1901). Большой интерес у исследователей закономерно также вызывало побережье Черного моря между Днестром и Перекопским перешейком. На протяжении XIX в. предпринимались попытки составления сводок древностей этого района. Среди подобных работ стоит отметить труды А. С. Уварова (Уваров, 1851; 1856), П. О. Бурачкова (Бурачков, 1888), В. Н. Ястребова (Ястребов, 1894). Эти работы, содержавшие, несомненно, ценные сведения, тем не менее не обладали полнотой географического и хронологического охвата. В конце XIX в. изучением археологического наследия региона занялся В. И. Гошкевич. Исследователем была поставлена задача систематизации всего массива сведений о древностях Причерноморья Украины, накопленных к этому времени. В. И. Гошкевич привлекал информацию об обширном круге памятников: древних городищах, селищах, могильниках и одиночных раскопанных погребениях, курганах и курганных группах, кладах, случайных находках артефактов разных эпох, включая также находки палеофауны и материальные остатки нового времени. Некоторые собранные сведения были опубликованы самим исследователем, в том числе в выпусках «Летописи» основанного им Херсонского городского музея древностей (Гошкевич, 1903; 1912–1916). Однако в полной мере обработать и частично опубликовать этот материал пришлось уже преемнице В. И. Гошкевича, киевскому и ленинградскому археологу Ирине Васильевне Фабрициус, чей жизненный путь лишь недавно стал предметом научных изысканий (Костенко, Шевченко, 2016). Пожалуй, главным результатом трудов исследовательницы стала рукопись «Археологическая карта Причерноморья Украины», черновик которой хранится в научном архиве ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Д. 1). Первая часть рукописи под названием «Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР» была опубликована в 1951 г. (Фабрициус, 1951). В нее вошли сведения об археологических памятниках и отдельных находках в междуречье Днестра и Южного Буга.

Важно подчеркнуть, что работа И. В. Фабрициус не сводилась только к публикации наработок ее предшественника. В предисловии рукописи «Археологической карты...» сама И. В. Фабрициус так охарактеризовала состояние материалов В. И. Гошкевича и собственный вклад в их доработку:

«Переходя к рассмотрению состояния оставленных Гошкевичем материалов для археологической карты, имеем следующее. Четкость общего плана, точность направления работы, отличавшие В. И., уже вырисовывались в частях составленной им рукописи: „Ивановки“ и „Марьевки“, которые обычно бывают уточняемы „такого то уезда“, когда их и в волости, в меньшей административной того времени единице, встречалось по несколько и с которым труднее всего было бы справиться кому другому, В. И. поставил их на места⁴. Составлен общий список местностей, отмеченных археологическими признаками до 1920 г. — в обработке 1937 г., их прибавлено всего около 40⁵. Таким образом, не без моего посильного участия, уже был сложен обнаженный прочный костяк предстоящей работы.

Но весь текст нуждался в переработке; предстояло исправить ошибки, нормального в каждой работе порядка и, что являлось наиболее сложным, выискать те, которые возникли в результате переработки, предпринятой В. И. в 1920–1923 гг. в болезненном уже состоянии, причем он по своей прежней привычке, уничтожал предшествовавшие черновики. Все почти скобки остались незаполненными; ряд пунктов не описан вовсе и нет ссылки на источник, по какому это описание может быть составлено; в других случаях, археологическая точка обозначена страницей Опыта Ястребова без упоминания о произведенных здесь после 1894 г. раскопках или обнаружениях, иногда более значительных, чем известные раньше. Нет библиографических указаний, нет никакого наброска на географическую карту, не вполне соблюден порядок расположения местностей по речным течениям, хотя такое именно расположение подчеркнуто намечено общей структурой работы. В групповых описаниях курганных явлений не проставлены №№ курганов и погребений. Словом, рукопись и даже предварительные карточки, с точки зрения предъявляемых к такого рода материалам требований, носят характер эскиза, не первого, но и не полного»⁶ (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Д. 1. Л. 13).

⁴ Здесь помог подробный, считающийся наиболее полным и точным список населенных мест Херсонской губ., составленный Статистическим комитетом в 1896 г. (примеч. И. В. Фабрициус).

⁵ По материалам до 1923 г. В настоящем тексте число описанных пунктов увеличилось еще на сто с лишним (примеч. И. В. Фабрициус).

⁶ Орфография и пунктуация авторские.

Рис. 1. Географический охват «Археологической карты Причерноморья Украины», составленной И. В. Фабрициус: а — опубликованной части карты; б — неопубликованной части рукописи

Fig. 1. Geographic scope of “The Archaeological Map of Ukrainian Black Sea Region” compiled by I. V. Fabritsius: a — of the published part of the map; b — of the unpublished part of the map

Из сравнения текстов рукописи и ее опубликованной части ясно следует, что И. В. Фабрициус в немалой степени дополнила сведения, собранные В. И. Гошкевичем. Во введении исследовательница отмечает 40 пунктов, добавленных к тем, что были в списке Гошкевича. В общей сложности в рукописи перечислены и описаны 205 пунктов в междуречье Днестра и Южного Буга, для которых имеются сведения о находках древностей. Однако в публикации 1951 г. таковых насчитывается уже 233, то есть список пополнился еще 28 пунктами. Помимо этого, в монографии описания некоторых памятников были дополнены результатами работ экспедиций 1930-х гг., приведены современные названия населенных пунктов и их административная принадлежность, добавлены приложения, географический и библиографический указатели.

Проделанная работа обусловила большую значимость «Археологической карты Причерноморья Украинской ССР» для последующих научных изысканий. В той или иной степени сведения из нее учитывались при составлении более

поздних региональных археологических карт и сводок, носящих как обобщающий, так и тематический характер (Охотников, 1983; Крыжицкий и др., 1990; Гудкова и др., 1991; Смольянинова и др., 1996; Пам’ятки археології..., 2010–2020; Археологическая карта..., 1973–1976).

В неопубликованной части «Археологической карты Причерноморья Украины» содержатся сведения о еще 405 пунктах, 325 из которых отнесены к междуречью Южного Буга и Днестра, а оставшиеся 80 сосредоточены в районе от левого берега Днестра до Перекопского перешейка. Таким образом, полная версия «Карты» охватывает обширный регион протяженностью от левобережья Днестра до Азовского моря (рис. 1). Северо-западная и северо-восточная границы «Карты» проходят по средним течениям и притокам Днестра, Южного Буга и Ингульца, включая район между Каменским и Кременчугским водохранилищами. Введение в научный оборот такого массива данных, несомненно, способно внести большой вклад в изучение археологического наследия Причерноморья.

Обращение к этим материалам на современном этапе исследований предусматривает переиздание первой части и публикацию второй и третьей частей рукописи, для чего требуется существенная работа по актуализации содержащихся в них сведений. В немалой степени это касается локализации, названий и иногда административной принадлежности населенных пунктов, в окрестностях которых зафиксировано присутствие археологических остатков. Собственно говоря, эту работу проделала И. В. Фабрициус при подготовке публикации 1951 г., однако за прошедшие 70 лет часть этих атрибуций устарела и требует доработки: изменились названия районов, некоторые населенные пункты сменили название или вошли в состав других, более крупных, административных единиц.

Другой, не менее важный, аспект — соотношение с более поздними археологическими картами. Как уже отмечалось, в большинстве случаев сведения из «Археологической карты Причерноморья Украинской ССР» И. В. Фабрициус учитывались при их составлении, однако и здесь в ряде случаев необходимы уточнения. В качестве примера приведем выдержку из каталога «Археологические памятники Одесской области» (Гудкова и др., 1991), где наиболее полно указано соответствие археологических памятников и местонахождений археологического материала пунктам из «Археологической карты...» И. В. Фабрициус. Первый параграф в монографии И. В. Фабрициус посвящен древностям в устье Днестровского лимана, в частности, в окрестностях поселка Затока⁷. К этому пункту исследовательница отнесла античное городище и некрополь, несколько участков местонахождения керамики, курганную группу, а также случайную находку мраморной плиты с греческой надписью (Фабрициус, 1951. С. 11, 12). В «Памятниках» Одесской области в районе данного села приведены сведения о пяти селищах, относящихся к бронзовому веку и античному периодам, а также двух групп курганов и находке вышеупомянутой надписи (Гудкова и др., 1991. С. 87, 88). Четыре античных поселения соотношены авторами справочника с пунктами из «Археологической карты Причерноморья Украинской ССР», однако их точное соответствие не установлено. Кроме того, поселение Бугаз VI, локализованное в 2,5 км к северо-востоку от села, соотносено с одним из местонахождений из сводки Фабрициус,

однако в последней отсутствуют указания на какой-либо пункт в этом направлении, поскольку местонахождения в «Карте» перечисляются в северо-западном направлении от села, вдоль берега Днестровского лимана. Таким образом, данное отождествление представляется сомнительным и требует уточнения.

Далее при описании местонахождений в округе села Ильинка Беляевского района авторы справочника соотносят курганную группу, расположенную к юго-западу от села, с некоторым пунктом, описанным на с. 14 «Археологической карты Причерноморья Украинской ССР» (Гудкова и др., 1991. С. 44). В действительности же описание древностей в районе Ильинки размещено на с. 50 (§ 43), где сообщается о случайной находке погребений (вероятно, позднесредневековых) (Фабрициус, 1951. С. 50). Соответствие последних курганной группе, упомянутой в «Каталогах», также вызывает сомнения.

Очевидно, что эти и возможные подобные неточности на фоне проделанной авторами работы представляют собой незначительные погрешности, появление которых объяснимо в такого рода обобщающих трудах. Однако даже небольшие уточнения и примечания могут внести некоторый вклад в дальнейшее изучение темы и актуализировать сведения из «Археологической карты Причерноморья Украинской ССР». Кроме того, установление соответствия современных археологических карт памятникам и местонахождениям, перечисленным в труде И. В. Фабрициус, позволяет дополнить и уточнить хронологию и культурную принадлежность последних.

Еще одно направление исследования, реализация которого возможна в рамках проекта, — создание географической информационной системы (ГИС) всего региона или его части и последующая аналитическая обработка массива данных с целью выявления закономерностей расположения отдельных категорий и групп памятников, относящихся к различным культурам и историческим эпохам. Однако применение этого подхода для подобного рода археологических карт имеет ряд ограничений и требует учитывать специфику каждого конкретного случая. Особенностью «Археологической карты Причерноморья Украины» И. В. Фабрициус является отсутствие точных географических привязок. Местонахождения археологического материала и памятники перечисляются по близости к конкретным населенным пунктам, часть которых отсутствует на современных административных картах, о чем уже упоминалось. В ряде

⁷ Современное село Каролино-Бугаз, Белгород-Днестровский район Одесской области, Украина.

случаев приводятся лишь сведения из вторых рук, которые носят весьма неопределенный характер. Как следствие, некоторые данные из «Археологической карты...» не находят подтверждений в более поздних сводках археологических памятников, а идентификация и атрибуция даже неоднократно описанных крупных объектов требует скрупулезной предварительной работы с историческими картами и проведения разведок на местности (см.: Сапожников, Болтрик, 2018).

Существующие проблемы могут быть преодолены посредством обобщения и взаимного уточнения сведений из «Археологической карты...» И. В. Фабрициус и более поздних региональных археологических карт и создания комплексной базы данных, где учитывалась бы степень достоверности (подтвержденности) сведений, с приоритетом более поздних исследований. Это, в свою очередь, открывает перспективы для изучения топографии памятников, особенностей их

пространственного расположения в региональном масштабе, а также для исследования вопросов динамики расселения в различные исторические периоды. Плодотворность такого подхода демонстрирует ряд работ, посвященных античным памятникам Северо-Западного Причерноморья, в частности, в районах Нижнего Побужья и Нижнего Поднестровья (Крыжицкий и др., 1989; 1990; Охотников, 1983; Oshotnikov, 2006).

Несомненно, обсуждаемые задачи еще актуальнее в отношении неопубликованной части рукописи исследовательницы. Здесь представляется крайне важной предварительная работа по дополнению, уточнению и осовремениванию сведений. При успешном выполнении поставленных задач можно ожидать, что археологическая карта Причерноморья пополнится новыми сведениями, которые будут полезны исследователям, занимающимся изучением богатого культурного наследия этого региона.

НА ИММК РАН. РО. Ф. 64. Д. 1. И. В. Фабрициус. «Археологическая карта Причерноморья Украины». 329 л.

Археологическая карта..., 1973–1976 — Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев: Штиинца, 1973–1976. Вып. 1–8.

Башикиров, 1927 — Башикиров А. С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 года // Труды этнографо-археологического музея 1-го МГУ. М.: Изд-во 1-го МГУ, 1927. С. 26–40.

Башикиров, 1928 — Башикиров А. С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 года // Труды секции археологии РАНИОН. М.: Изд-во РАНИОН, 1928. Вып. III. С. 71–86.

Бурачков, 1888 — Бурачков П. О. Объяснение к археологической карте новороссийских губерний и Крыма, составленной д. чл. П. О. Бурачковым // Древности. Труды Императорского МАО. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1888. С. 7–17.

Герц, 1898 — Герц К. К. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб.: б. и., 1898. Т. 1. 163 с.

Гошкевич, 1903 — Гошкевич В. И. Клады и древности Херсонской губернии. Херсон: Тип. «Юга», 1903. Кн. 1. 176 с.

Гошкевич, 1912–1916 — Гошкевич В. И. Летопись Музея. Херсон: Херсонское гор. упр., 1912–1916. Вып. 1–6.

Гудкова и др., 1991 — Гудкова А. В., Охотников С. Б., Субботин Л. В., Черняков И. Т. Археологические

памятники Одесской области (справочник). Одесса: б. и., 1991. 184 с.

Гульдман, 1901 — Гульдман В. К. Памятники старины в Подолии. Каменец-Подольский: Тип. Подольского губернского правления, 1901. 471 с.

Иессен, Миллер, 1932 — Иессен А. А., Миллер А. А. Таманская экспедиция 1931 г. // Сообщения ГАИМК. 1932. № 11–12. С. 58–61.

Костенко, Шевченко, 2016 — Костенко А. В., Шевченко А. В. И. В. Фабрициус (1882–1966 гг.): археолог та музеєзнавець // Археологія. Київ, 2016. № 2. С. 122–133.

Крыжицкий и др., 1989 — Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. Киев: Наукова думка, 1989. 238 с.

Крыжицкий и др., 1990 — Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев: Наукова думка, 1990. 136 с.

Миллер, 1932а — Миллер А. А. Таманская экспедиция 1931 г. // Сообщения ГАИМК. 1932. № 3–4. С. 58–60.

Миллер, 1932б — Миллер А. А. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. // Сообщения ГАИМК. 1932. № 7–8. С. 67–68.

Охотников, 1983 — Охотников С. Б. Археологическая карта нижнего Поднестровья в античную эпоху, VI–III вв. до н. э. // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1983. Вып. 9. С. 101–122.

- Пам'ятки археології..., 2010–2020 — Пам'ятки археології [район Николаевской области] (каталог-довідник) / Авт.-сост. В. Б. Гребенников (2010–2020), С. М. Яценко (2010–2020), А. А. Бродецкий (2010), О. М. Каражей (2011, 2012), В. В. Генчев (2011). Миколаїв: Іліон, 2010–2020.
- Сапожников, Болтрик, 2018 — Сапожников И., Болтрик Ю. Ягорлыкские курганы близ Днестра: история изучения, картография и топография // *Tyragetia*. 2018. Vol. XII [XXVII], no. 1. P. 187–208.
- Сецинский, 1901 — Сецинский Е. Археологическая карта Подольской губернии // Труды одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899 г. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1901. Т. 1. С. 197–353.
- Смольянінова и др., 1996 — Смольянінова С. П., Острроверхов А. С., Кушнір В. Г. Археологічна мапа Тілігуло-Куяльницького міжліманя. Одесса: Гермес, 1996. 122 с.
- Соколов, 1919 — Соколов В. В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь: Типолитография В. И. Якубовича, 1919. № 56. С. 39–59.
- Уваров, 1851 — Уваров А. С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1851. Вып. 1. 138 с.
- Уваров, 1856 — Уваров А. С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб.: Тип. Экспедиции загот. гос. бумаг, 1856. Вып. 2. С. 139–184.
- Фабрициус, 1951 — Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев: Изд-во АН УССР, 1951. 131 с.
- Ястребов, 1894 — Ястребов В. Н. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса: «Экономическая» типография и литография, 1894. Т. XVII. С. 63–176.
- Ochotnikov, 2006 — Ochotnikov S. B. Ancient Greek choros in the lower Dniester Basin // *Black Sea Studies*. 2006. Vol. 4. P. 81–98.

“The Archaeological Map of Ukrainian Black Sea Region” by I. V. Fabritsius: the state of the source base and prospects of its use in modern studies

A. V. Batasova⁸

Keywords: Black Sea region, archaeological maps, I. V. Fabritsius, new archive materials, GIS.

This paper is devoted to a review of “The Archaeological Map of Ukrainian Black Sea Region” by Irina V. Fabritsius including her unpublished manuscript kept in the scientific archives of IHMC RAS. The study displays the contents, the geographic scope of the manuscript, and its difference from the published part (“The Archaeological Map of the Ukrainian SSR”). Also problems and prospects of working with these materials for the modern stage of archaeological studies are described.

⁸ Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: batasova.angela@gmail.com.

«Скифский роман» И. В. Фабрициус: творческие материалы в личном фонде ученого¹

В. Н. Кузнецова²

Аннотация. В статье рассматриваются творческие материалы, входящие в состав личного фонда И. В. Фабрициус. Среди документов — обрывки стихотворений, рукописи «Великий Новгород и немецкие рыцари (Первый разгром немцев — Ледовое побоище 1242 г.)» и «Скифский роман» (сценарий) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 68, 69, 70). В произведениях нашли отражение научные интересы И. В. Фабрициус, переживания, связанные с трагическими событиями Второй мировой войны, и яркий живой слог автора.

Ключевые слова: И. В. Фабрициус, творческое наследие, Вторая мировая война, Геродот, архивные документы, Скифский роман, Александр Невский.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-245-253

Археология оказывается бесконечным источником вдохновения не только для научных работ, но порой и для творческой стороны жизни ученого. В составе личного фонда И. В. Фабрициус (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61), помимо писем, рецензий, разнообразных документов, связанных с научной и экспедиционной деятельностью исследовательницы, хранятся и немногочисленные творческие материалы. Среди документов — стихотворения и две рукописи: «Великий Новгород и немецкие рыцари (Первый разгром немцев — Ледовое побоище 1242 г.)» и «Скифский роман» (сценарий) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 68, 69, 70) (рис. 1).

На первый взгляд, в контексте всей научной биографии И. В. Фабрициус рукопись «Великий Новгород и немецкие рыцари (Первый разгром немцев — Ледовое побоище 1242 г.)» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 69) вызывает некоторое недоумение. Внимание автора вдруг отрывается от Приднепровья и Причерноморья, скифского,

сарматского и античного миров и обращается к средневековому Северо-Западу.

Однако едва ли рукопись, посвященную событиям 1242 г., можно назвать научной статьей, в ней отсутствует библиографический аппарат, равно как и анализ источников. Скорее работу можно охарактеризовать как эссе. Впрочем, этот текст в тонкой тетради в линейку примечателен не своей научной новизной, а эмоциональной составляющей и контекстом своего возникновения. На обложке рукописи проставлена дата: «16-IV-43». Текст появился во время Второй мировой войны и, вероятно, не лишен аллюзий на фильм С. М. Эйзенштейна «Александр Невский» 1938 г.,³ показ которого возобновился после 22 июня 1941 г., а также на брошюры и агитационные плакаты военного времени, в которых активно использовался образ древнерусского князя. Фигура Александра Невского в советской антифашистской пропаганде подробно рассматривается в монографии Ф. Б. Шенк (2007). Как отмечает И. В. Земцова, анализируя объединяющие символы

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00187, <https://rscf.ru/project/22-18-00187>) «Неопубликованная «Карта по археологии Причерноморья» И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)».

² Научный архив, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; valentkuznets@mail.ru.

³ Ф. Б. Шенк о возвращении фильма на экраны пишет следующее: «„Александр Невский“ Сергея Эйзенштейна пережил в эти годы второй пик популярности. Нужно учитывать, что фильм показывали в свободной от оккупантов части страны, в импровизированных кинозалах и под открытым небом на фронте» (Шенк, 2007. С. 409).

русские, все народности Советского Союза с достойной гордостью вспоминаем о Ледовом побоище 1242 г., с любовью поминаем великого патриота Александра Ярославича Невского князя, и эти воспоминания служат нам еще одним из питающих нашу веру в победу источников. „Русь жива. Кто с мечом к нам войдет, — от меча погибнет“. На этих словах Невского 700 лет стояла наша Родина на том и стоять будет Советский Союз [зачеркнуто И. В. Фабрициус]» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 69. Л. 2).

С первой же страницы И. В. Фабрициус вторит заложенной в киношедевре С. М. Эйзенштейна аллегории, согласно которой под Новгородской Русью подразумевается Советский Союз, а под рыцарскими орденами — нацистская Германия: «Немцы хотят историю с ея [авт.] неумолимыми законами развития человеческого общества вернуть вспять, ко времени тех средневековых рыцарей, которых Маркс охарактеризовал как псов, захватывающих чужие владения, уничтожающих свободу во всяких ея [авт.] проявлениях, обращающих в рабство ту часть населения, которую они не нашли нужным уничтожить огнем, мечом виселицей, казнями» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 69. Л. 1).

Подчас в изложении И. В. Фабрициус исчезает какая бы то ни было хронологическая дистанция между средневековыми рыцарями и нацистами времен Второй мировой войны: «Таково было знаменитое немецкое боевое построение „свинья“ или по более деликатному „клин“, которыми так кичатся фашисты. Но свинья и останется свиньей, нагло лезущей к чужому корыту, подрывающей корни своего дуба Германии для того, чтобы нажраться желудей, не учитывая, что дуб может свалиться на ея же поганую голову и размножит ее» (Там же. Л. 9). Автор напрямую называет рыцарские ордена «тогдашними фашистами» (Там же. Л. 5): «Он — Гитлер — вытащил лохмотья истории, напялил их на себя с перефразированным лозунгом рыцарской идеологии» (Там же. Л. 13). Специфическое объединение двух эпох в одном тексте подчеркивается и описанием вооружения немецких рыцарей, которые называются «железно-техническими воинами» (Там же. Л. 9), «человеко-танками», «бронированным клином» (Там же. Л. 10). «Наши лучники сыпали немцев тучей стрел», — пишет И. В. Фабрициус (Там же. Л. 10).

Это совмещение отнюдь не удивительно, а скорее, наоборот, является отличительной тенденцией военного времени. Ф. Б. Шенк отмечает: «Едва ли в каком-либо произведении <...> об Александре

Невском, изданном между 1941 и 1945, отсутствуют указания на военные события настоящего времени <...> В апреле 1942 г. <...> были опубликованы статьи, посвященные 700-летней годовщине Ледового побоища. Рыцари Тевтонского ордена <...> все больше походили на солдат нацистской Германии» (Шенк, 2007. С. 404). Так, например, работа А. В. Новикова «В 1242», изданная в 1942 г., завершалась эмоциональным описанием трагической действительности: «Еще сидят фашисты в древнем Пскове, еще цепляются они за Новгород Великий» (Новиков, 1942. С. 46).

Сокращается дистанция и между автором и самим князем Александром Невским, он предстает фактически современником, вчера сошедшим с передовиц советских газет: «яркой звездой засияла личность юного новгородск. князя Александра Ярославича, показавшего пример высокого сознания своего патриотического долга [курсив мой. — В. К.], не считавшегося ни с семейными, ни с личными обидами в годину народного бедствия, отдавшего все свои таланты полководца, государственного деятеля и дипломата [курсив мой. — В. К.] на благо Родине» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 69. Л. 6); «Единогласно с вечем, с народной массой, сердцем учуявшей в Александре Ярославиче своего вождя и защитника от наглых чужеземцев, единодушно постановили просить Александра о возвращении в Новгород» (Там же. Л. 8).

Весьма показательным является и тот факт, что в характеристике древнерусского князя у И. В. Фабрициус прошедшее время вдруг сменяется настоящим: «Александр Невский не только полководец, грозным отпором, раздавливающий врага, не только горячий патриот, на зов которого откликается весь народ в минуту опасности. Он еще и мудрый политик, понимающий, что тогда не настало еще время освобождения братских славянских племен, что еще нет сил для продвижения в их западные от Новгорода территории [курсив мой. — В. К.]» (Там же. Л. 12).

Обо всем спектре чувств говорит и смешение стилей речи в рамках одной работы. Автор то срывается на яркие эмоционально окрашенные фразы, то возвращается к лаконичному академическому изложению, то обращается к героической риторике. Порой такое смешение происходит фактически в одном или соседних предложениях: «Непроходимые леса и болота не давали возможности оперирования конным ордам татар. К тому же сила первого удара, разрушившего сотни русских городов и сам Киев, тысячи сел, уже

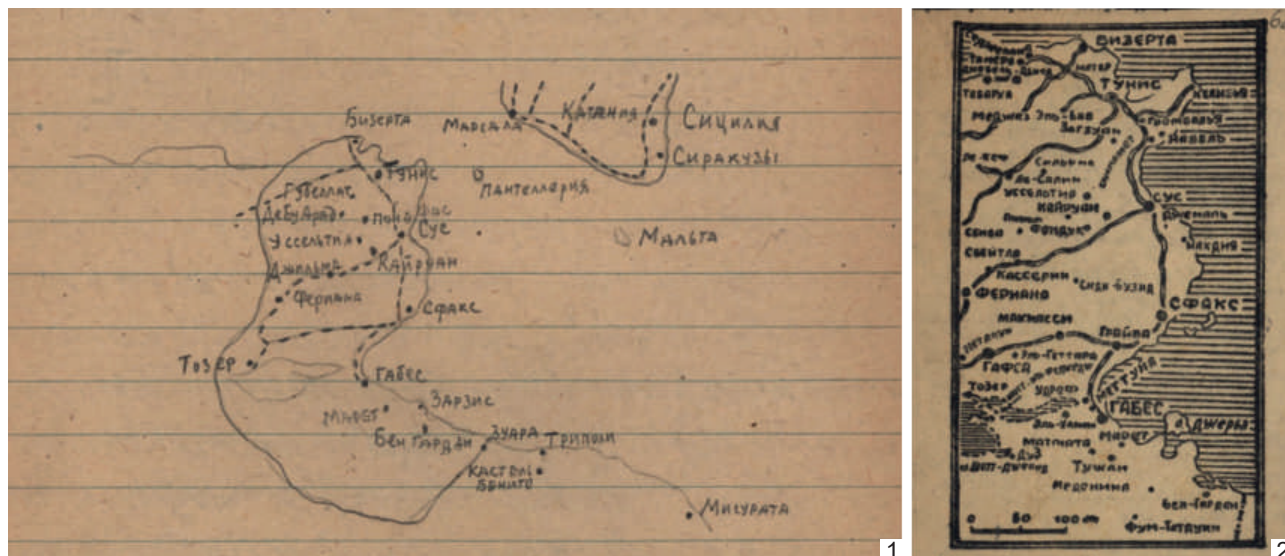

Рис. 2. Карты (1, 2), помещенные в рукопись «Великий Новгород и немецкие рыцари (Первый разгром немцев — Ледовое побоище 1242 г.)» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 69. Л. 6, 6а)

Fig. 2. Maps (1, 2) included in the manuscript *Veliky Novgorod and German knights (The first defeat of the Germans — The Ice Battle of 1242)* (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 61. In. 1. F. 69. Sh. 6, 6a)

ослабела; добычи было взято *вдосталь* для самого жадного ... — Тяжелая пора, страшные испытания [курсив мой. — В. К.]» (Там же. Л. 6).

Безусловно, весь текст написан в духе советских агитационных произведений военного времени, в нем автор дает выход своим боли и переживаниям, возможно, это был один из способов психологически справиться с невыносимыми тяготами 1941–1943 гг. Очевидно, эту же цель преследовали и написанные автором в 1944 г. стихи (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 68).

Примечательно, что в дальнейшем И. В. Фабрициус обращается к примерам из истории средневековой Руси для иллюстрации курса лекции «История и археология Скифии»: «Еще не разработан вопрос, почему Скифия времен Геродота не создала ничего подобного Боспорскому царству <...> почему скифы спохватились устраивать нечто подобное греко-туземной боспорской организации только, когда ей уже со всех сторон угрожала опасность. Докиевская история УССР показывает, что во времена, предшествующие слаганию Киевской Руси, разрозненные государственные славянские племена сначала пришли к союзу» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 13. Л. 32), а в обращении к читателям «Скифского романа» писала: «Скифия — как бы древний прообраз великой восточно-славянской державы» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 70. Л. 51).

Рукопись «Великий Новгород и немецкие рыцари» имеет одну интересную особенность. В нее вложена вырезанная из газеты карта Туниса, она же с дополнениями, включающими остров Мальта, перерисована карандашом И. В. Фабрициус на листе все той же тонкой тетради, фактически в центре повествования об Александре Невском (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 69. Л. 6, 6а) (рис. 2). Карта никак не связана с рукописью. Вероятно, это своего рода иллюстрация того, что даже в тяжелое время тайны побережья южных морей, подернутые флером античного мира, манили автора.

Интерес представляет и поэтическое наследие И. В. Фабрициус. Так, например, на небольшом листе друг за другом идут рабочие заметки с ключевыми словами и напоминаниями самой себе «сравнивала-ли (проверить)» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 68. Л. 1), два стихотворения, датированные 8 августа 1944 г. Одно из них создано под влиянием военного времени⁴:

*Мы в тылу не любим говорить о смерти,
Смерть сама нас всюду сторожит:
В холоде квартиры, в скудости питанья,
В том, что фронтовой конверт таит,
Переутомленье часто спать мешает,
И тогда владеет мыслями тоска.*

⁴ Орфография и пунктуация в стихах авторские.

«Долго нет известий; что-то будет завтра
Где ты, жизнь? Ведь смерть близка?»
А на утро встанешь, выйдешь на работу.
Радио победами гремит.
Труд мой не бесплоден. Письма завтра.
И опять о жизни всё мне говорит
(Там же. Л. 1).

Другое навеяно, вероятно, какой-то бытовой ситуацией и облечено в шуточные античные мотивы:

«Немврод-ли или Актеон
Злодейство совершил открыто?
Ведь в птичке той, что на столе,
Таилась нежная харита!»
— Какой Немврод или Актеон?
Какая нежная харита?
Иван Иванович Краснов!
А это — утка, им убита
(Там же. Л. 1).

Вероятно, чем-то повседневым было навеяно еще одно стихотворение (Там же. Л. 5) (рис. 3).

Далее следует несколько строф, о которых сложно сказать, составляют ли они одно поэтическое произведение или же отдельные (Там же. Л. 2–4). Сквозь них просто проходит общий мотив Аничкова моста. Однако меняется не только настроение лирического героя, который, видимо, идентичен автору, но и размер, которым написаны стихи.

В первой строфе описывается любование архитектурной красотой Ленинграда:

*В прекрасном Ленинграде
Одно из лучших мест его — Аничков мост.
Четыре статуи, ажурная решетка,
Рисунок весь изящно четок, прост.*

В другой читаются переживания, связанные с трагическими событиями Второй мировой войны:

*Нас покорит полулюдей обезумевшая орда?
И неужели навсегда ушли из нашей жизни покой
И шумный праздник, мирный труд и красота?
Стою к решетке прислонившись. А сердце тоска и гнев.
Печален обнаженных манерно-стриженных деревьев ряд.
Их отражение рябит в воде холодной.
Иль то слеза непрошенно туманит взгляд?*

Любопытным моментом является присутствующая стилизация под гекзаметр, хоть и не в полной мере удавшаяся:

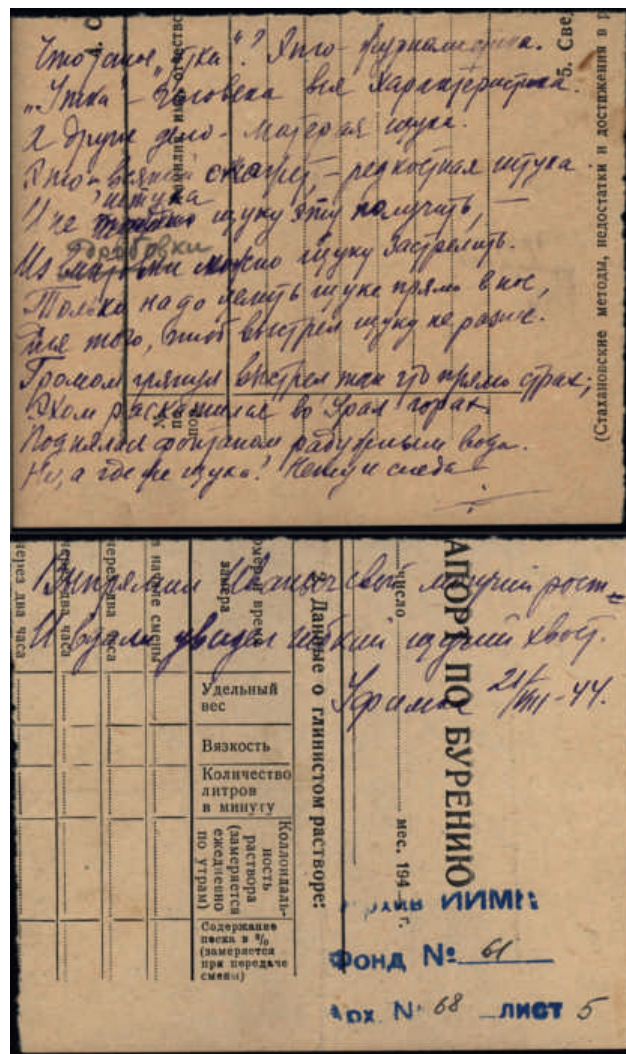

Рис. 3. Стихотворение И. В. Фабрициус (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 68. Л. 5)

Fig. 3. Poem by I. V. Fabritsius (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 61. In. 1. F. 68. Sh. 5)

*Как из водной пучины явленные кони
Владыки морей Посейдона вздыбились вдруг
Над толпою. Всех истоптали б, все б разнесли
разыгранные (?⁵)
Если б не сила могучая юношей дивных
До предела напряжены к земле припадая.
Извиваясь на... [неразборчиво] узде от брыка головы
лошадиной;
Размеренно быстрым бегом следя порывистый
бег скакуна
Юноши те укротили коней стихийное буйство.
(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 68. Л. 2).*

⁵ Последнее слово написано неразборчиво. — Примеч. В. К.

и убеждений. К зрелому возрасту (Скил гибнет едва достигнув 30 лет) последствия такого воспитания перерастают в мечту о приобщении скифов к достижениям эллинской культуры, в лишенное реальной основы мечтание о возможности сочетания культуры рабовладельческого общества с культурой племенного строя» (*Там же*. Л. 5, 6).

Октамасад — сын Ариапифа от Иды, «ортодоксальный скиф, привержен к старине до фанатизма, равного ненависти ко всему иноземному и в особенности — к греческому. Тупость, жесткость натуры сочетается с расчетом на поддержку <...> старо-скифских элементов» (*Там же*. Л. 6).

Орик — сын Ариапифа от Опии: «дитя, потом отрок. Игрушка матери и Скила. Комично копирует повадки воина-скифа» (*Там же*. Л. 6).

Помимо членов царской семьи в сценарии фигурирует ряд второстепенных персонажей, необходимых как для раскрытия характера основных действующих лиц, так и для динамики сюжета.

Канит — скиф, воспитатель Скила: «образцовый скиф. Прямой, храбрый, мудрый. Хранит исконные традиции Скифии <...> Признает кое-какие удобства эллинского уклада, но твердо убежден, что каждому свое и что скиф должен быть только скифом <...> Не придает особого значения намечающейся склонности Скила к эллинизму, считая: „молодо-зелено; перебесится, будет хороший скифский царь“. К тому же Скил и его мать со своими приближенными скрывают то, что показалось бы Каниту слишком серьезным, потакая его страстишке к хорошему греческому вину» (*Там же*. Л. 7).

Тимн — грек, доверенный по делам Ариапифа, а позже Скила: «ольвиополит. Бывалый человек, ловкий делец <...> Хорошо владеет скифским языком и при случае, во время пребывания в Скифии, носит туземное платье» (*Там же*. Л. 8).

Леонид — грек знатный, ольвиополит, друг Скила, родственник Елены: «Посвящен в таинства Диониса, в которые вовлекает и Скила <...> В Скифии бывает на охоте, но держится в тесном кругу приближенных Елены» (*Там же*. Л. 7).

Спаргапиф — царь агафирсов, «варварский царек с замашками деспота» (*Там же*. Л. 9).

В соответствии с замыслом автора в романе также фигурируют многочисленные служанки и рабыни, воины, приближенные царей и цариц, дружинники, вожди-цари, жрецы и пр.

Даже при знакомстве с одной лишь характеристикой персонажей становится понятно, что И. В. Фабрициус обладала необычайно живым слогом, что, несомненно, придавало яркий

индивидуальный характер и ее научным трудам, но, вероятно, порой коллегам казалось чрезмерным. Столь же ярко выраженная эмоциональность проявлялась и в произведениях эпистолярного жанра. Вне рамок данной статьи находится обзор писем из фонда Ф. 61, однако на некоторых моментах, важных для понимания авторского стиля, я бы хотела сделать акценты.

В письме от филолога-классика А. А. Белецко-го читаем следующее обращение к И. В. Фабрициус: «Я с удовольствием прочел Вашу статью, написанную в резком полемическом тоне <...> Мне кажется, что в том случае, если бы Вы пожелали несколько „нейтрализовать“ слог в смысле научного беспристрастия, то Вашу статью согласились бы напечатать такие органы, как, напр. „Советская археология“ или „Вестник древней истории“» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 51. Л. 1). Вероятно, в ответ И. В. Фабрициус писала: «Моя „Скифия и племена ее населявшие“ остается незаконченной. Работа над ней давно стала, замороженная П. П. Ефименко. Я стара для борьбы с этим палеолитическим явлением в археологии УССР <...> Что касается опубликования „Отвела душу“, то об этом я не хочу и думать. Именно в том, что мне не нужно больше считаться ни с какими редколлегиями артамоновского, киселевского, граковского и т. д. и т. д. [неразборчиво] включает возможность равновесия, сознания, что я опять нашла себя» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 49. Л. 2).

Возвращаясь к сценарию «Скифского романа», стоит отметить, что, несмотря на заявленную эскизность, И. В. Фабрициус продумала как оформление сцен, так и предметную составляющую произведения. Заявленные элементы должны были работать на создание необходимого визуального ряда и антуража. В описании площадки перед кибиткой Ариапифа фигурируют «низкие столики для подачи угощения. Драгоценная и рядовая посуда, амфоры с вином, жаровни, котлы для мяса. Миски, блюда, местной и греческой работы» (НА ИИМК. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 70. Л. 16). При описании погребения Ариапифа И. В. Фабрициус отмечает, что подножие кургана «опоясывает кольцо из пятидесяти мертвых воинов на мертвых конях» (*Там же*. Л. 21).

Кроме того, предметный мир подчеркивает дихотомию «эллины — скифы», очевидно, мыслившуюся автором как центральная идея романа. Вещи «работают» на то, чтобы показать взаимодействие двух культур, и на то, чтобы подчеркнуть несовместимость миров. Определенный

психологизм автор пыталась передать и через характеристику костюма. Так, например, Скил обрисован красивым, ловким, элегантным, предпочитающим «вышивки, меха, тонкость выделки и изящество покроя варварскому обилию золота, отличающему парадный скифский костюм» (*Там же*. Л. 6), а грубый и замкнутый Октамасад, который «силен по-медвежь», предстает одетым «пышно по-скифски, „кожаный с золотом“; всегда при оружии с нагайкою» (*Там же*. Л. 7).

Показательна одна из сцен второго действия, где Скил примеряет оружие греческого образца, а его сводный брат в ответ на увиденное раздражается гневной тирадой: «За это чужеземное оружие, применение которого позорит скифов, отдавать рабочую силу, нужную в хозяйстве, или сдавать в наемников наших доблестных воинов, ослабляя тем боевую мощь Скифии — это безрассудное легкомыслие. Более того — это кощунство, отступничество от веры предков, потому что на облюбленных тобою, Скил, вещах имеются бесстыдные, противные нашим божествам изображения греческих богов и богинь. И ты, Скил, становишься отступником, изменником всему тому, чем сильна Скифия, за побрякушки лстивых греков пренебрегая всем тем, на чем держится мощь и независимость скифов: избегать заимствований всего иноземного, а в особенности греческого» (*Там же*. Л. 18).

Столкновение культур показано и через соперничество двух братьев в борьбе за сердце Опии. В одной из сцен Скил и Октамасад видят ее в греческом платье. Первый из них восхищен: «Явственна зарождающаяся между ним и Опией любовь» (*Там же*. Л. 20), второй «вспыхивает гневом» (*Там же*. Л. 21).

Показательна фигура торговца Тимна, который выступает своего рода посредником между двумя культурами. В своей речи, адресованной скифскому царю Ариапифу, он описывает предлагаемые им товары и восхваляет ремесленников Скифии, таким образом, предметный мир выступает как своего рода связующее звено между миром эллинов и варваров: «Твои храбрые воины, отдаваемые тобою в наемники, служат охраною великих Афин. Всему миру известны прекрасные меха, известны качества лучшей в мире бобровой струи, добываемых жителями подвластных тебе лесных областей. Кожи так прекрасно выделывают в Скифии, сшитая из них обувь так хороша, что даже знатные щеголихи Греции носят так называемые скифянки. Заказами твоих жен, младших царей и знатных людей Скифии загружены мастерские Ольвии» (*Там же*. Л. 17).

Даже имя этого персонажа И. В. Фабрициус позаимствовала у Геродота. В конспектах своих лекций она отмечает: «...есть серьезные основания предполагать, что Геродот лично посетил Причерноморье, побывав в Ольвии. Имеется такое его указание: „слышал от Тимна“, то есть от грека „поверенного царя Ариапифа“. Естественно, что встреча с Тимном произошла в Ольвии. Если это было даже и не так, то люди подобные Тимну — доверенные скифских царей и крупных вельмож [—] все же послужили Геродоту источником из первых рук. Независимо оттого в Ольвии или в Греции произошла встреча и разговор» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 13. Л. 120, 121).

И. В. Фабрициус останавливается также на описании природы, что, очевидно, должно создать определенное настроение у зрителя и подчеркнуть внутреннее напряжение в той или иной сцене. В прологе, например, указана, «ковыльная степь. На среднем плане курган, в отдалении еще 2–3. Семейство сусликов расположилось на переднем плане и безбоязненно живет своей маленькой жизнью» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 70. Л. 1). После того как проносится лавина скифских всадников, «ковыль примят, клубы пыли... появляется суслик, откапывающий засыпанный вход в нору» (*Там же*. Л. 1). Дважды в романе фигурирует гроза, разразившаяся во время пиршества, ее молнии приводят к пожару, а на символическом уровне это природное явление знаменует грядущие несчастья — смерть Ариапифа: «Яркая молния и сильный удар грома: в столь необычное время — дурное предзнаменование» (*Там же*. Л. 16), а затем — гибель Скила: «Разыгрывается гроза. Удар молнии. Дворец [Скила в Ольвии. — В. К.] загорается» (*Там же*. Л. 23).

Произведение пронизано совершенно искренним очарованием скифской культурой. К примеру, репликам Октамасада и Канита уделено куда больше внимания, чем словам Скила. Та же ситуация имеет место и в описаниях ставок скифов и Ольвии. В обращении к читателям «Скифского романа» И. В. Фабрициус отмечала: «Несправедливо скомкан в наших учебниках скифский период истории СССР <...> Поэтому показ этой наиболее выразительной страницы нашей древней истории в наиболее доходчивой форме — на киноэкране [—] представляется имеющим и смысл, и значение» (*Там же*. Л. 51).

Заключительный кадр фильма мыслится автору следующим образом: «Руки археолога, держащие перстень, на щитке которого надпись по-гречески „Скил“. Диктор: „Кольцо это не так

давно найдено было в Приднестровье. Не ты ли, несчастный Скил, уронил его в свой смертный час?» (Там же. Л. 28).

«Скифский роман» представляет собой своего рода художественное осмысление тех научных вопросов, которые интересовали И. В. Фабрициус. В целом творческий блок материалов фонда 61

рукописного отдела НА ИИМК РАН, несмотря на некоторую разнородность и разрозненность, фактически является отражением биографии И. В. Фабрициус, в нем воплотились и ее научные интересы, и трагические исторические события, через которые пришлось пройти исследователю, и особенности личности автора.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 13: И. В. Фабрициус. Курс лекций в Киевском ун-те «История и археология Скифии»; Д. 49: Письмо И. В. Фабрициус А. А. Белецкому; Д. 51: Письма И. В. Фабрициус от А. А. Белецкого. 1951 г.; Д. 68: И. В. Фабрициус. Стихотворения. Черновики; Д. 69: И. В. Фабрициус. Рукопись «Великий Новгород и немецкие рыцари (Первый разгром немцев — Ледовое побоище 1242 г.)»; Д. 70: И. В. Фабрициус. Рукопись «Скифский роман» (Сценарий). Приложение: обращение автора к читателям.

Земцова, 2021 — Земцова И. В. Объединяющие символы в общественном сознании военного

времени // Исторический путь России: из прошлого в будущее: Материалы междунар. науч. конф. В 3 т. Санкт-Петербург, 2 апреля 2021 года / Под ред. С. И. Бугашева, А. С. Минина. Т. 1. СПб.: С.-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2021. С. 155–160.

Новиков, 1942 — Новиков А. В. В 1242 году. М.: Правда, 1942 (Библиотека «Огонек»; № 38). 46 с.

Шенк, 2007 — Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Авторизованный перевод с нем. Е. Земской, М. Лавринович. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.

Scythian Romance by I. V. Fabritsius: creative documents from the private archives of the researcher

V. N. Kuznetsova ⁶

Keywords: I. V. Fabritsius, creative heritage, Second World War, Herodotus, archive documents, Scythian Romance, Alexander of Neva.

The paper presents creative documents from the private archives of Irina V. Fabritsius. Among the documents there are fragments of a poem and the manuscript “Veliky Novgorod and German knights (The first defeat of the Germans — The Ice Battle of 1242)”, as well as “A Scythian Romance” (scenario) (Scientific Archives of IHMC RAS. Manuscript Department). These compositions have reflected the scientific interests of I. V. Fabritsius, her emotional experience concerned with the tragic events of the Second World War and the vivid lively style of the author.

⁶ Valentina N. Kuznetsova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: valentkuznets@mail.ru.

Письма Б. А. Латынина (из семейного архива Т. Н. и Ю. А. Заднепровских)

А. Ю. Заднепровская¹

Аннотация. Письма выдающегося российского археолога Б. А. Латынина (1899–1967), сотрудника ГАИМК и Государственного Эрмитажа, человека трагической судьбы, обращены к его младшему коллеге Ю. А. Заднепровскому (1924–1999). Остроумные и ироничные, они содержат также вполне конкретные практические советы молодому ученому, начинающему серьезные археологические исследования в Ферганской долине. Письма представляют интерес для изучения раннего этапа российских археологических работ 1930–1950-х гг. в Средней Азии.

Ключевые слова: Б. А. Латынин, Ю. А. Заднепровский, история археологической науки в СССР, археология Ферганской долины.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-254-261

Эта публикация посвящается памяти моего младшего брата Михаила Юрьевича Заднепровского (1961–2019), который в течение 20 лет хранил архив наших родителей.

Моим родителям в жизни необыкновенно повезло, особенно повезло им с учителями и наставниками. В средней школе у моего отца Юрия Александровича Заднепровского (1924–1999), жившего с бабушкой и матерью на Кондратьевском проспекте, фактически на рабочей окраине, были хорошие педагоги. Среди них особенно выделялась учительница истории Вера Павловна Лаврова. Она прожила долгую жизнь, и отец поддерживал с ней дружеские отношения и часто навещал. Интересуясь древней историей, в старших классах он стал заниматься в археологическом кружке Дворца пионеров (в Аничковом дворце), а в июне 1941 г. успел прямо перед началом Великой Отечественной войны съездить в Великий Новгород, где члены кружка проходили археологическую практику. Однако вместо учебы в 10-м классе последовали мобилизация, ускоренные офицерские курсы, Ленинградский фронт, тяжелейшие ранения.

Сразу после войны 22-летний лейтенант Юрий Заднепровский, кавалер боевого ордена Красной Звезды, закончив полугодовое лечение в госпитале, поступил на кафедру археологии

исторического факультета ЛГУ. Это был осознанный выбор, так как свою профессию, как я понимаю, он действительно выбрал в возрасте 15 лет. Так, вопреки всем сложностям началась реализация юношеской мечты.

Отец учился в Университете с 1946 по 1951 г. Заведующим кафедрой археологии тогда был профессор М. И. Артамонов. Преподаватели все были яркие и неординарные — из молодого поколения особенно выделялись профессора Б. Б. Пиотровский и А. Н. Бернштам. Александр Натанович Бернштам (1910–1956) с 1932 г. был сотрудником Эрмитажа. Он возглавлял в 1946–1948 гг. Памиро-Алайскую, а в 1950–1952 гг. — Памиро-Ферганскую экспедиции и активно привлекал к работе своих студентов. Благодаря этому они получили первый опыт полевой работы. Благодарную память о своем учителе его ученики пронесли через всю жизнь.

Особое место среди ученых коллег, сыгравших важнейшую роль в жизни отца и в становлении его как специалиста, принадлежит Борису Александровичу Латынину (1899–1967) (рис. 1). Археолог и этнолог, сотрудник ГАИМК и Эрмитажа, Латынин был ученым с необычайно широким кругозором, его главные исследовательские проекты были связаны с изучением эпохи бронзы Евразии. Родился он в Ашхабаде, в дворянской семье, в 1930-е гг. он был одним из пионеров, начавших раскопки в Фергане и изучение культуры

¹ Независимый исследователь; e-mail: mikhail.semenov-tian-chanski@u-bourgogne.fr.

Рис. 1. Б. А. Латынин в Эрмитаже (1932 г.)
Fig. 1. B. A. Latynin in the Hermitage (1932)

Рис. 2. Б. А. Латынин в послевоенные годы
Fig. 2. B. A. Latynin in the post-war years

населения Ферганской долины (проблем хозяйства, ирригации и пр.). К сожалению, многие замыслы Латынину как человеку тяжелой судьбы по не зависящим от него причинам самому осуществить в полной мере не удалось. Начиная с 1935 г. его неоднократно арестовывали. В 1936–1944 гг. он находился в лагерях на золотых приисках Колымы, потом жил ссыльнопоселенцем на Дальнем Востоке. Лагеря необратимо подорвали его здоровье. С 1946 по 1953 г., будучи поднадзорным, работал в Краеведческом музее в г. Сызрань. Только в 1953 г. он вернулся в Ленинград и смог приступить к работе в Отделе истории первобытной культуры Эрмитажа. Там он вновь, как и мечтал, обратился к любимой среднеазиатской тематике. По совокупности трудов в 1962 г. Б. А. Латынину была присуждена степень доктора исторических наук.

В кругу коллег, где приняты дружеские прозвища, Бориса Александровича называли Борсан. Характер у него, как он сам признавался, был непростым. Родители относились к нему с нежностью и неизменным пиететом. Инициативу знакомства, видимо, проявил отец, когда написал в ссылку опальному ученому, пионеру ферганской археологии. Дружеские отношения развились по переписке, а в дальнейшем и по мере развития личного общения. Об одной из первых их встреч мы узнаем из письма 1953 г.

Самые ранние из обнаруженных нами в семейном архиве Татьяны Николаевны и Юрия Александровича Заднепровских писем Б. А. Латынина датированы 1952 г. Они раскрывают его как человека интеллигентного, доброжелательного, не сломленного тяжелой и несправедливой судьбой. Латынин был необыкновенно тонким, ироничным и остроумным собеседником. Очевидно, что его заинтересовал молодой, энергичный и амбициозный аспирант, со студенческих лет начавший под руководством профессора А. Н. Бернштама полевую работу в родной его сердцу Фергане. Известно, что летом 1952 г. Латынин приезжал в Среднюю Азию, хотя работать в поле по состоянию здоровья уже не мог. Среди коллег, которых отец встретил в 1952 г. в Фергане, он упоминает и Латынина (рис. 2).

Я ничего не знаю про семью Б. А. Латынина. Ссылки и пребывание в лагерях, длившиеся десятками лет, часто не позволяли сохранить семью, а иногда и друзей. Знаю, что он подружился и с моей матерью, Татьяной Вагнер-Заднепровской (1926–2001). Относился он к ней очень бережно, с нежностью. В возрасте 12 лет мама осталась без родителей. Жила в Ленинграде всю блокаду, работала, училась. Потеряла своих близких — двух бабушек, дядю и тетю, умерших от голода. Думаю, о том, что отец мамы Н. П. Вагнер был

репрессирован, а мать Мария Фёдоровна до 1946 г. была в ссылке, Борис Александрович, конечно, знал. Бывал он и в гостях у родителей в старой дедовской квартире на Васильевском острове.

Последнее из имеющихся в семейном архиве писем Б. А. Латынина написано в 1960 г., оно очень счастливое, радостное, говорит о его активной, насыщенной и интересной работе в Эрмитаже.

7 января 1952 г. Сызрань²

Милый Юрий Александрович! Спасибо за письмо. Рад, если показался Вам не совсем еще устаревшим «вчерашним днем». Это ведь так легко попасть во «вчерашние»! Все думаешь, — завтра, да завтра, ан, глядь, — одно «вчера» от человека осталось. И во мне встреча с Вами оставила самое хорошее впечатление, хотя бы по одному тому, что я впервые за эти годы почувствовал, что кто-то серьезно занялся Ферганой, все еще дорогой моему археологическому сердцу.

22 января 1952 г.

За вырезку из «Ферганской правды» благодарю. Хорошо сделали, что прислали, но следует Вам знать, что ни одно хорошее дело не остается без скорого и незаслуженного возмездия. Так и я, в благодарность, поворчу, не сердитесь, на Вас за некоторые неточности. Что делать, к старости ужасной собакой становиться, а я и молодым-то, говорят, не слишком сладок был.

18 февраля 1952 г.

Милый Юрий Александрович! Рукопись получил. Благодарю за хлопоты. Отвечу на все Ваши вопросы, как только прочту статью и увижу, что и как с ней надо и можно сделать. Копать Шаари-хайберское или Хакулабадское тоже городище конечно надо, и хорошо, если будут на это средства на месте.

Только уговор: копать, так копать, а не «снимать сливки». Где его найти, если об этом в 1952 г. встанет вопрос, укажу Вам точно. Еще детальнее об этом в полевых дневниках. А то друзья ферганцы, — «Эйлатан, Эйлатан!», и даже культура эйлатанская уже появилась, а где сей памятник, посмотреть и не удосужились!

15 июня 1952 г.

А я-то думал, Юрий Александрович, милый, что Вы давно уже в Фергане и копаете Эйлатан, и даже как-то ругнул было Вас, — вот, мол, ленится

писать, сидя в чайхане! А Вы, оказывается, все еще в Ленинграде и все еще трудитесь над книгами. Ну, ничего! Если сходите как-нибудь, в мою хоть бы память, в июньскую белую ленинградскую ночь к сфинксам у Академии Художеств или на Неву к Мраморному, — мне не очень Вас будет жаль, так как очень уж Ленинград в эти дни хорош.

В Фергане желаю успеха. Буду рад, если телеграфируете из Москвы номер поезда и вагона и день выезда (на скором в Сызрани будете через 26 часов, тоже на поезде 24, что-то около 8 часов вечера московского времени). Постараюсь выйти и, встретив Вас, это же пожелать Вам лично.

О зачистке в «Сообщениях» за 1931 год — ничего не помню, а мелких заметок я давал в те годы много.

Ваш Б. Латынин

P. S. А сколько есть денег на Эйлатан?

Пишите диссертацию!

25 ноября 1952 г.

Дорогой Юрий Александрович!

Спасибо за письмо и память. Относительно «панов», «хлопцев» и их «чубов», которые трещат. Вы это верно пишете, но следует помнить, что «паны» со временем уходят, а «хлопцы» растут и, увь, сами со временем вырастают в «панов». Но тоже увь и ах, — теряют свои «чубы», о чем вспоминая свою молодость, и жалеют и вспоминают и панов своей молодости и то, как их чубы, — поседевшие а то и облезшие, трещали и даже то все это кажется милым, хорошим и дорогим! Все образуется и, мне думается, я не ошибусь, если скажу, что у Вас с Вашей напористостью и серьезным подходом к серьезным археологическим вопросам, все образуется.

Буду рад посмотреть на Ваши материалы с Эйлатана и др. и вообще побеседовать с Вами «по душам» на ферганские темы, когда увидимся. В Ленинград надеюсь попасть в середине Декабря, числа, так 15–20-го и пробыть там несколько дней. Жаль, что наша с Вами работа по Фергане 1934 г. подзадержалась, но надеюсь, и это образуется. Быть может, сумеем что-нибудь сделать с иллюстрациями? Я-то надеялся, что дело пойдет уже до корректуры, но скоро сказки сказываются, тихо археологические, в особенности издательские дела делаются... Жалею, что Александра Натановича так долго «клюют»... И вообще зря это. Я дурным своим характером и «особым» положением в нашем археологическом обществе завоевал право иметь свое самостоятельное суждение о делах, вещах и людях и ничего «ужасного»

² Орфография и пунктуация в письмах авторские.

в его гуннах не вижу. В Риме — германцы, в Византии — братья славяне кончают с рабовладельческим обществом; — почему на Востоке этого не могли уничтожить гунны? И это, впрочем, обрывается...

Еще о дыне: она оказалась не только громадной и тяжелой (едва ее, овально-скользкую, донес до автобуса!) но и ароматной и превкусной! Кормил ею, в честь Вас и Ваших ферганских работ, кучу моих здешних маленьких приятелей — ребят, так как в одиночку с ней нельзя было совладать, да и грустно в одиночестве, согласитесь сами, есть ташкентские дыни в Сызрани!

Будьте здоровы и благополучны и еще раз спасибо за память и внимание.

До свидания, надеюсь, скорого.

Б. Латынин

8 февраля 1953 г. Сызрань

Дорогой Юрий Александрович!

Спасибо за информацию о результатах разговоров с Шишкиным. Вы знаете, что я считаю его сейчас самым серьезным и положительным из среднеазиатских археологов. Идея ферганской экспедиции, хотя бы и во главе с Воронцом, которого я знаю мало и который мне, — может быть и совершенно ошибочно, — представляется несколько «любительским» по его складу, как исследователь, и идея хорошая. Если она пойдет от Узбекской АН — тем лучше, тем крепче материально она будет стоять на ряд лет. Надо только, чтобы Ваш отряд (будем его называть, как мне хотелось бы «архаическим», — что ли!) в планировании, методике и самом проведении полевых работ был самостоятельным. Представляете план работ, намечая точек раскопок и район обследований, смету, состав (в него очень желательно вводить 1–2–3 местных работничков и желательно молодых), получаете его утверждение, средства и работаете. Если «начальство» посетит Вас — прекрасно, надо быть с ним в прекрасных отношениях, не посетит — вздохнете глубоко, но... переживете это!

Возвращаясь в Ташкент, сразу же делаете предварительный отчетный доклад. Непременнo: право вывоза вещей всех для камеральной обработки в Ленинград на срок один год; непременно предусматривать (и реально получать!) процентов 10–15 от суммы сметы на камеральную обработку (без реставрации, конечно, или только с выборочной, необходимой для отчета). К весне, примерно, обязуйтесь представить полный отчет о полевых работах и отправлять вещи в Ташкент.

И так каждый год. Это все ясно и хорошо и едва ли есть надобность Вам об этом всем писать, — это я так, — вслух мечтаю за Вас (а может быть и за себя, хотя и совершенно платонически, просто от сызранского бытия-жития), а вот другая сторона дела — сложнее. Я думаю, что все сие предприятие нельзя вести и организовывать «в обход» Александра Натановича вообще и тем более сейчас, когда его «кляют».

Надо вполне ясно и открыто ставить и решать вопрос о том, как это новое предприятие скажется на его памирско-ферганской экспедиции. Ведь часть денег на нее он получил из Узбекской АН? А как теперь будет? Я хочу сказать этим вовсе не то, что любая «монополия» археологическая должна быть на веки-веков нерушимой. Избави от этого меня Аллах! Я когда-то яростно и не без успеха воевал, будучи в Ваших годах, с этими самыми «монополиями» и «сатрапиями». Нет, конечно, надо ясно и от души договариваться о том, как будет организовываться новая работа и как ее согласовывать с прежней, вообще, с Александром Натановичем Вам персонально, в частности. Уверен, что Вы найдете правильное решение.

Главное, конечно, — получить возможность целеустремленно работать над «архаикой», не разбрасываясь пока на другие темы и другие районы. Вот Ваше новое городище и копайте! Не бросайте Эйлатан. Могильник близ него, уверен, есть и очень хотел бы, чтобы Вы до него добрались, да и сам культурный слой городища очень интересен и в нем будут жилища и пр. А вообще же ферганская архаика, ранние периоды ирригационных, земледельческих культур Ферганы, так же как, думаю, низовьев Зеравшана и предгорий Копет-дага — область, в которую можно и нужно уйти по уши, которая даст ключи ко многим общим важнейшим проблемам истории и которые можно решать только у нас, а не в Месопотамии и не на Ниле, так как источники там есть и может быть и более яркие, но там дальше Фл. Петри и Ж. де Моргана не пойдут. Наш метод, наши советские головы и руки и размах (особенно, когда они молоды, как у Вас, дорогой) надо к этим проблемам приложить и чудесные результаты будут. И как это, черт его знает, почему, почему, люди и у нас еще не видят и не хватают на разрыв этих тем! Думаете — преувеличение? А вот будете таким, как я сейчас, старым, брюзгой, отставной козы барабанищиком, — вспомните мои слова! Беритесь за архаику смелее, крепче, ведите исследование упорно и широко, не теряйте общей перспективы на главнейшие, среди многих

частных, центральные проблемы перехода в условиях среднеазиатского искусственного орошения (лиманного, вероятно, а может быть и не орошения, а наоборот — мелиорации заболоченных участков) от родового общества к древнейшему рабовладельческому строю в его ранних, специфически азиатских формах.

Кстати, как у Вас душа лежит к Древнему Востоку вообще? Учебник Авдиева, по которому Вас, голубчики, гоняли в Университете, способен не только нагонять сон, но как мне кажется, и внушать не слишком горячую любовь к этому самому Востоку. А Вам, думаю, надо взять все фактическое, что можно взять из литературы (очень большой) по этим проблемам. Как у Вас отношения с В. В. Струве? Очень бы Вам надо было посидеть над шумерской, глиняной и пр. архаикой. Не клинопись, конечно, изучать, а хотя бы основные факты (и фактики, которые с «тамошней» и обычной точки зрения оставались незамеченными) и обобщения.

Что-то очень уж разогнал письмо, простите. Буду кончать. Ал. Юрьевичу (?) напишу в ближайшие дни и сошлюсь на Вас, а Вы уже с ним сами отдувайтесь! И в Среднюю Азию охотно напишу, все, что подскажете и пр. Очень бы, конечно, было хорошо, если бы отчет наш был, наконец, издан. Копали в П... (неразборчиво) — Вы совершенно правы, — два сезона: 1929 г. Партов (?) и Воеводский и в 1930 г. — мы втроем. Напомнила мне это Т. Г. Оболдуева простым образом: «А помните, что скорпион укусил в руку Воеводского не при Вас, Борис Александрович, а годом раньше, и Вам об этом только рассказывали?» Ну я и вспомнил, что они, с великого ума, улеглись спать на кургане и ночью их какой-то крокодил и пытался съесть! Только в 1929 г. раскопали, что-то немного.

А как наш отчет о 1934 г. поживает? Все лежит? Он, впрочем, привык к подобному «лежачему» образу жизни. Да за круткой дел ближайших и пока оно, пожалуй, и нет времени заниматься такими пустяками.

Будьте здоровы. Пишите, как и что. Всегда рад Вашим письмам. Мои поклоны Вашей жене. Когда здесь мне бывает особенно холодно и неудобно, — вспоминаю, порой, как был у Вас на Васильевском и становится теплее. Обоим Вам желаю всего, всего лучшего в жизни.

Б. Латынин

5 марта 1953 г.

Всегда писал Вам, Юрий Александрович, милый, с удовольствием, а сегодня пишу с особым удоволь-

ствием. У меня большая, большая радость. 17 лет ждал и дождался наконец, что я опять вольный и полноправный человек. Указ об амнистии, оказался, и с меня снял т. н. «судимость» (хотя меня никто и не судил) и все, всякие и всевозможные... и прочие возможные ограничения. Могу жить и работать, и жить всюду! Вероятно, в мои годы это, со стороны глядя, выглядит и несколько смешно, но я точно вторично родился и сияю, как именинник или новый медный пяточок. Хожу и улыбаюсь!

Задерживаться здесь не хочу и не буду, и как только будут готовы новые документы, поеду, конечно, в родной город — в Ленинград. Жизнь меня кое-чему научила, и я вовсе не рассчитываю на одни розы, фиалки и незабудки при возвращении и все же мечтаю и буду стремиться вернуться к прежней работе в Институте. Больше всего хочется попробовать: — не сумею ли я и не успею ли я еще довести до какого-то общепонятного состояния тему о бронзе, над которой возился годы. И об Средней Азии (о работе по ней, но, увы, не левой уже) мечтаю и еще о многом... Мы ведь люди «порченные»: — что бы с нами не случилось, а нас все к своей работе и к своей среде тянет.

Надеюсь, как об этом мне не раз говорили в эти годы, что вернусь в Институт. Ну, а нет — грустно, но теперь мне работу по специальности найти будет где-либо вообще легче. Написал М. М. Дьяконову и сообщил ему свой адрес с тем, что, если он числа до 15–20 марта, до которого я, вероятно, буду еще здесь, будет проездом в Сызрани (я слышал, что они нынче хотят рано выехать) и захочет встретиться, дал бы телеграмму, а я выйду к поезду.

Как с Киргизией? Район Узгена одобряю вполне. Лучший, возможно, из возможных. А как с Шишкинским проектом? Или все и вся не поспеть? На пленуме, о чем и жалею очень особенно из-за Куфтина, не смог быть. Ничего, теперь наверстаю!

Александрю Натановичу привет.

Будьте, дорогой, здоровы.

Ваш Б. Латынин

Жене кланяйтесь и почитайте ее, а она Вам чистый воротничок даст, а мне, быть может, — лишний десяток книг со временем выдаст!

22 августа 1954 г.

Юрий Александрович, дорогой, очень был рад Вашему письму от 6 августа и простите, что не сразу ответил. Здесь хоть и «мертвый» сейчас сезон, но дел и делишек эрмитажных уйма, а главное — и Вы в сем виноваты, — по уши завяз «в старых» (теперь!) ферганских материалах,

которые, не знаю в который уже раз, переделываю для Трудов Эрмитажа. Прекрасно зная, что никогда уже к Средней Азии не вернусь (а, впрочем, — Аллах еще ведает!), приписал некое резюме, в которое в объеме 1 п/л и вложил все, что было у меня по истории ирригации.

Ну и вообще, погиб с этой темой настолько, что серьезно подумываю ею еще и еще заняться. Очень бы хотел, чтобы Вы были сейчас здесь и чтобы можно было поговорить и подумать по этим делам вместе. Выходит, что хотя и очень еще только схематически, а нужно представить себе пути и этапы развития ирригации в Фергане. Ну, — поживем-увидим, хотя надо «опасаться», что и Вы, и Т. Г. Оболдуева, которая «где-то в Фергане», привезете новые материалы и придется все опять переделывать и т. д.! Желаю в этом вам обоим успеха, а я постараюсь сдать свою писанину в печать до вашего возвращения!

Так говорите, неполадки и хлопоты уже позади и Вы копаете? Чудесно это, беда только, что приходится иметь дело (хоть я и не совсем понимаю, почему это — «приходится») со сравнительно поздними памятниками. Ну, да там всякие еще будут. Что все только еще ведь начало. Татьяну Григорьевну просил очень и прошу и Вас, если будете в районе Ханабата, ниже Каптыр-равата посмотрите тепе и характеризующие их там керамику в Савайской степи.

Много вожусь сейчас с Шариханским и Андижанским и материала явно не хватает. Много вожусь с тем, что мы называем Фергана III или Ваш Касан. — Ранний, домусульманский феодализм в Фергане, — крайне интересная штука... Словом: — за что не возьмись, — интересно, но мало материала. Желаю успехов и удачи поэтому Вам вдвойне!

На днях встретил Татьяну Николаевну. Она выглядит хорошо, загорела и вообще молодец.

Будьте, дорогой, здоровы, без малярий и пр., не лезьте сами в «поливное» средневековье, не старайтесь сразу объять все и вся ... все образуется! Успехов Вам.

Б. Латынин

Р. S. Может быть, удастся с 1 сентября удрать в отпуск писать, но если уеду на две-три недели, то не дальше Комарова, и письма из Эрмитажа получать буду вовремя.

Т. Н. Заднепровская (рис. 3), в свою очередь, в письме Юрию Александровичу пишет:

Встретила Латынина, только что получил твое письмо. Поздравил, поцеловал руку, поболтали,

передал привет Александре Юрьевне, шла и думала, нужно ему позвонить, и вдруг вижу его такую милую фигуру, идет из Эрмитажа. После встречи было так хорошо и тепло на душе.

4 апреля 1958 г. Ленинград

Дорогой Юрий Александрович!

Хотя и с усталой от молоточковидных разных булавок головой, но Вашу работу об Эйлатане прочел. На мой взгляд, — а мы оба с Вами Эйлатан, кроме всего прочего, просто любим, — работа хорошая и, я бы сказал, — удачная. Хотелось бы, чтобы Вы проверили еще раз следующие пункты:

1. Насколько помню, в Эйлатане ч. 4 среди «кухонной», с известковыми частицами в глине керамики, есть плоскодонные формы, на которых хорошо заметны отпечатки ткани. Вот этот тип керамики я не мог, когда смотрел у Спришевского Чуст, отличить от «кухонной» чустской. В этом думаю, одно из основных доказательств преемственной связи Чуст-Эйлатан. У Вас это как-то бледно или совсем не затронут вышло.

2. Эйлатан-Шурабашат — в основном, возражений у меня не встречает, но, думаю, дело осложняется не только разницей во времени, но и «местной» локальной «позицией» Узгенского оазиса (ведь и с более поздней красноангобной так же!).

3. Коли Вы используете материалы и отчет о моих работах 1934 г. (что я только приветствую, конечно), посмотрите, как я тогда датировал Эйлатан, а кстати, и нижний слой тепе у Кугая). Разве я тогда упорно сохранял для них датировку — III-II-м тысячелетиями?

Я что-то не помню, но знаю, что находка в 1934 г. «сарматской» стрелы основательно вправила мне мозги... Хотя помню и то, что показанная мне в Ленинграде Александром Натановичем чашка из Шар I была для меня неожиданностью, как датирующая Эйлатан серединой I тыс. до н. э.!

4. Надо обязательно в описании «гончарной» керамики (4 тип) Эйлатана и Акрама сказать об особенностях ее «круга», на мой взгляд, весьма еще архического, даже для т. н. ручного. Называть ее просто «странноватой», значило бы вводить читателя, не искушенного в сих делах (в Фергане особенно сложных), в искушение и заблуждение. Печатайте статью «обязательно»!

Ваш Б. Латынин

Р. S. У меня есть и еще кое-какие соображения по Эйлатану, в частности, по так упорно отстаиваемой Вами ранней дате его укреплений (Ну, хоть и устал, и не могу ради красного словца

Рис. 3. Семья Заднепровских (1967 г.). Слева направо: Татьяна Николаевна (мать), Александра (дочь), Михаил (сын), Юрий Александрович (отец)

Fig. 3. The Zadneprovsky family (1967). From left to right: Tatyana Nikolaevna (mother), Alexandra (daughter), Mikhail (son), Yuri Alexandrovich (father)

Рис. 4. Ю. А. Заднепровский в экспедиции (конец 1960-х — начало 1970-х гг.)

Fig. 4. Yu. A. Zadneprovsky on an expedition (late 1960s — early 1970s)

и в шутку Вам, дорогой, не припомнить Ваших-с сопоставлений Эйлатана-с с городищами «покойными» теплыми стенами!). О них при встрече. Да и надо же что-то оставить мне для «возражений» при описании Эйлатана в «Ирригации», где кстати, что и естественно, и отрадно, они очень похожи.

Июль 1960 г.

Дорогой Юрий Александрович!

Получил Ваше письмо от 19 июля. Очень интересно Ваше сообщение о новом «чуте» на Кара-Дарье. В Дальверзине желаю успехов.

С выставкой по архайке Средней Азии и конгрессу хлопот не обобратятся! Мудрое наше начальство умудрилось сконцентрировать на первую половину Июля 7 больших выставок, да еще схватилось восстанавливать экспозицию по ранней Италии (живопись) во вновь отремонтированных залах т. н. 7-ой Западной Половины, а тут приплыл английский миноносец за картинами английской выставки. Словом, — пожар в доме умалишенных, т. к. число столяров, маляров и пр. и т. п. ведь ограничено. Рвут их все на части, ругаются между собой, ну, а я, по свойствам плохого своего характера, больше обрушивался на всякое «начальство».

Выставку решили официально делать лишь 8 июля. К счастью, 9 июля прилетела из Ферганы Наташа Горбунова и, отложив участие в Красноярске с Михаилом Петровичем, фактически «сделала» всю экспозицию. Я — «по хозяйству» и ругани, а она — «по науке» и тому, что надо на выставке сделать своими руками. Просили помочь Татьяну Николаевну, и она во многом помогла. Зато можете быть довольны: Ваши Дальверзин и Шурабашиат «в самом центре» и «добротнее» всего выставлены уже по одному тому, что материал был давно налицо. Массон прилетел вместо 10 июля только 20 и с ним вот, и задержка! Материала у него много и чудесного, но он требует срочного приведения его в экспозиционный «вид»: — склейки, подгипсовки и т. п. Вы не оставили фото и мне пришлось просить Наташу и Татьяну Николаевну в фототеке искать. Нашли, увы, подходящим лишь один негатив: раскопки на Дальверзине. Увеличение 50 × 60... уже висит на стене! Вообще же надеюсь все вполне закончить к 1 августа.

Ваш Б. Латынин

Р. S. В Москве спешно-срочно решили (Гафуров) делать аналогичную, затребовав материал из всех Среднеазиатских ССР. Говорят, горы

материала, который бедные Кушнарева и Татьяна Григорьевна «кетменями» пытаются как-то «сгрести» в кучи!

Каталог на английском языке выходит к 28 июля — 1 августа. Этикетаж весь русско-английский. «Шурабашат», например, выглядит в английской транскрипции просто величественно! Вот только ног у меня за эти 3 недели совсем не стало. Ох!

Конгресс начинается 9 августа. Первая партия гостей в Ленинграде будет в первых числах августа. Хотя мы с Наташей (она молодчина, умница, инициативна, добродушна, оптимистична и работать с ней удовольствие!) устали, как лошади на пахоте, но выставка получается даже лучше, чем могли мечтать.

Буду на ней принимать гостей, как наших, так и москвичей. Надеюсь затянуть... ее на весь август. Хорошо бы Вы ее тоже посмотрели.

Т. Н. Заднепровская в письме Юрию Александровичу пишет:

19 июля 1960 г.

Приехала Натка, усталая, еще с горшками и бутсами. Сразу начала работать на выставке. Борсан купил меня на два дня у моего начальства. С Наткой отбирали твои горшки, возили в Эрмитаж. Просматривали альбомы, искали хороший обций вид Дальверзина и нашли нечто, что не нравится Борсану. Завтра пойду выставлать твой Шурабашат и Дальверзин. О твоей книге ничего не знаю, вестей нет. Хочу поддержать твои вещи в руках.

Юрий Александрович Заднепровский (рис. 4) стал известным специалистом по изучению археологии Средней Азии, в течение полувека продолжал активную научную работу в стенах родного института практически до последних дней своей жизни. Татьяна Николаевна Заднепровская, выйдя на пенсию, завершила свой труд по созданию библиографии археологической литературы 1900–1917 гг. (он был издан посмертно) и начала писать свои воспоминания, которые, к сожалению, окончить не успела.

Letters from B. A. Latynin (from the family archive of T. N. and Yu. A. Zadneprovsky)

A. Yu. Zadneprovskaya³

Keywords: Boris A. Latynin, Yurii A. Zadneprovsky, history of archaeological science in the USSR, archeology of the Fergana Valley.

These letters of an outstanding Russian archaeologist Boris A. Latynin (1899–1967), a member of the State Academy for the History of Material Culture and of the State Hermitage, as well as a man of tragic fate, are addressed to his younger colleague, Yurii A. Zadneprovsky (1924–1999). Being witty and ironic, they also contain very practical advices for the young scholar who just began to start serious archaeological explorations in the Fergana Valley. The letters are of interest for studying the early period of Russian archaeological works in western Central Asia during the 1930s — 1950s.

³ Independent Researcher; e-mail: mikhail.semenov-tian-chanski@u-bourgogne.fr.

О превратностях науки. Заметки к статье А. А. Липатова «История Ивангородской неолитической стоянки»¹

А. В. Курбатов²

Аннотация. В советский период истории нашей страны несвоевременная постановка на государственную охрану вновь выявленных археологических объектов нередко являлась следствием несогласованности взаимодействия научных учреждений и властных структур в области археологии. Примером может служить постановка на государственную охрану как археологического объекта «неолитической стоянки» «на берегу р. Наровы».

Ключевые слова: памятники каменного века, неолит, Нарвско-Лужское междуречье, Ивангород.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-262-266

В статье А. А. Липатова, изданной в сборнике 2019 г., посвященном памятникам каменного века в Нарвско-Лужском междуречье, аргументировано мнение об отсутствии научной достоверности при постановке на государственную охрану как археологического объекта «неолитической стоянки» «на берегу р. Наровы у пристани» (Липатов, 2019. С. 157). Надо признать, что такая точка зрения имеет объективные основания, поскольку неолитическая стоянка не отмечена в научном отчете о работах Ивангородской археологической экспедиции в 1981 г. под руководством младшего научного сотрудника ЛОИА АН СССР В. П. Петренко как новооткрытый археологический объект на посаде Ивангорода. О каких-либо зачистках или шурфовках берега на этом участке нет сведений и в полевой документации.

В научной литературе эта неолитическая стоянка была отмечена автором значительно позже в работе по изучению ивангородского посада как «местонахождение каменного века», но без ссылок на первоисточник (Курбатов, 2002. С. 69; 2015. С. 89).

¹Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

²ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: alkurba@rambler.ru.

Несколько лет назад я консультировал А. А. Липатова по вопросу об источниках информации об этой неолитической стоянке. Тогда я не вспомнил о каких-либо материалах на эту тему, поскольку занимался разбором личного архива В. П. Петренко после его кончины в 1991 г. очень давно. Позднее я снова обратился к этим документам, пересмотрев все папки и фотографии. Сегодня в моем распоряжении имеются 15 карточек с техническими рисунками кремневых орудий и отщепов, найденных «в разведочной зачистке берега в районе Ивангородской пристани», как это написано рукой Валерия Петровича на каждой карточке (рис. 1–3). Там же указано «ИАЭ–81» — то есть «Ивангородская археологическая экспедиция 1981 г.», а также поставлены номера по описи — 3/14 и др. Среди рабочих бумаг В. П. Петренко оказался и рукописный экземпляр «Описи каменных орудий», и машинописная копия этой описи, распечатанная под копирку, но только третий или четвертый оттиск (рис. 4).

Рисунки кремневых находок выполнены черной тушью и, насколько можно судить, достаточно профессионально. Вероятнее всего, для этого Валерий Петрович привлек кого-то из сотрудников отдела палеолита нашего Института, возможно, Владимира Ивановича Тимофеева, с которым он наиболее близко сотрудничал ввиду общей территории изучения.

Сегодня трудно сказать определенно, почему эти важные данные не были включены

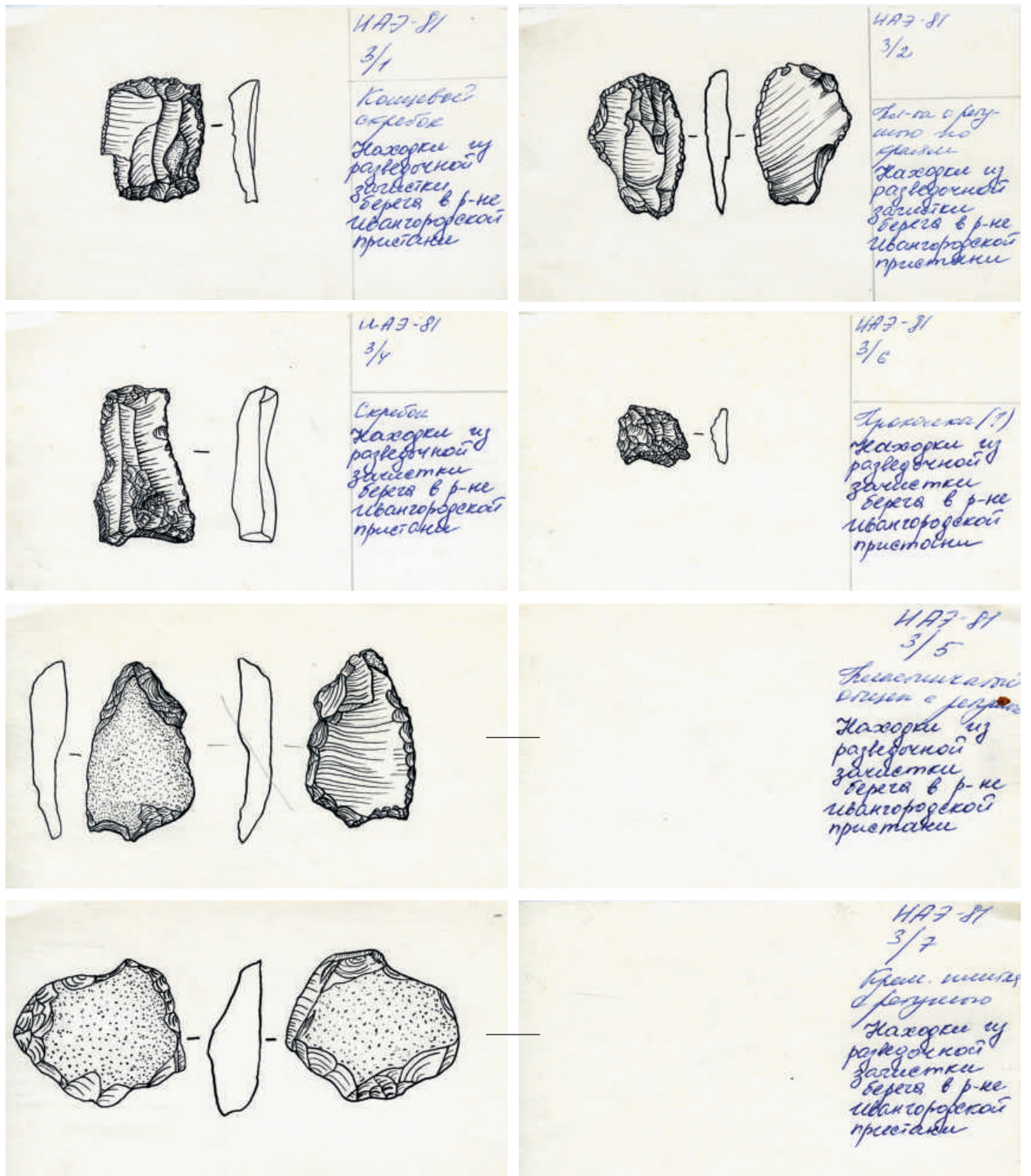

Рис. 1. Карточки с техническими рисунками кремневых находок. Номера по описи НАЭ-81 3/1; 3/2; 3/4; 3/6; 3/5 (с оборотной стороной); 3/7 (с оборотной стороной)

Fig. 1. Cards with technical drawings of the lithics. Numbers according to the inventory НАЭ-81 3/1; 3/2; 3/4; 3/6; 3/5 (with reverse side); 3/7 (with reverse side)

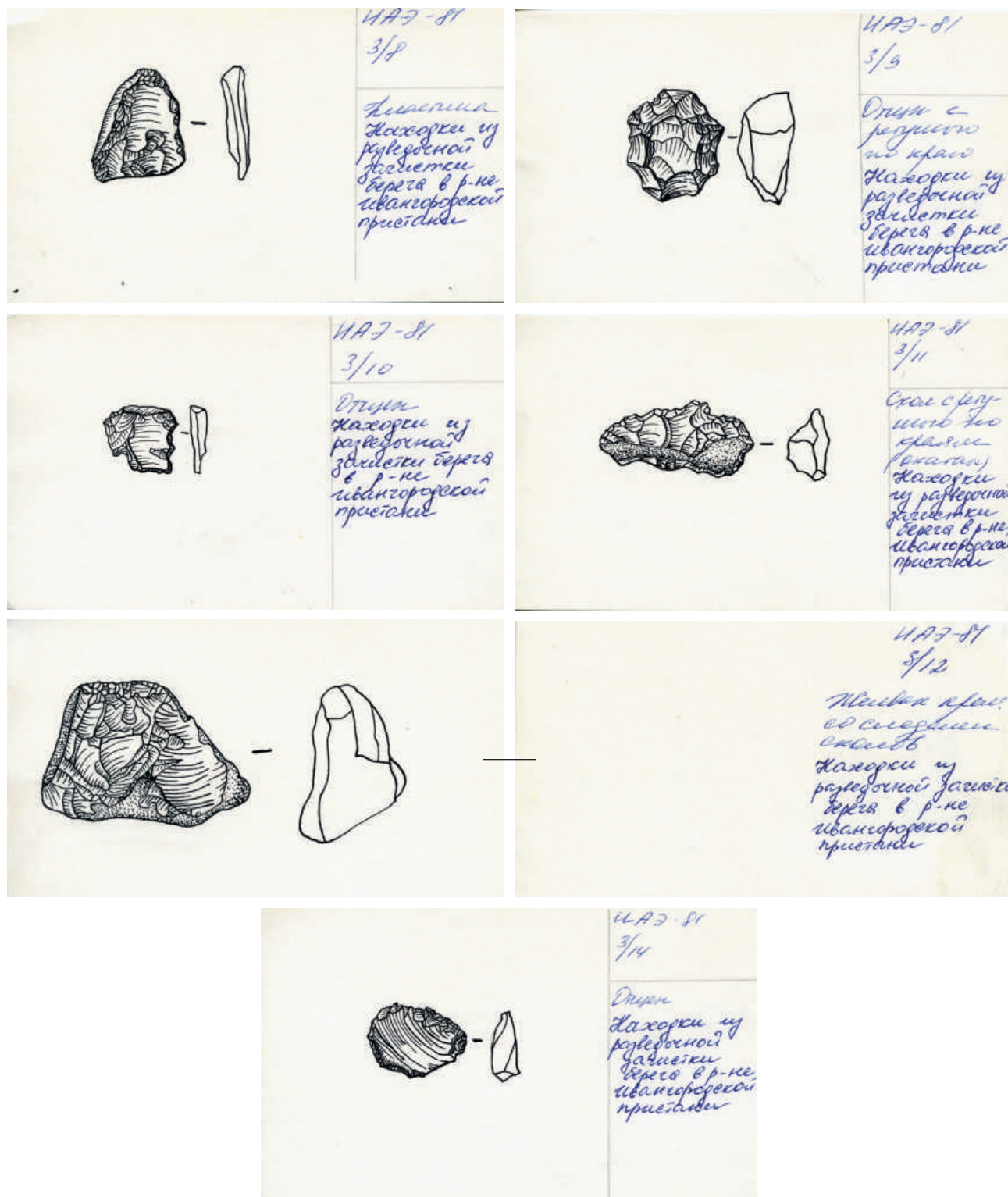

Рис. 2. Карточки с техническими рисунками кремневых находок.
 Номера по описи НАЭ-81 3/8; 3/9; 3/10; 3/11; 3/12 (с оборотной стороной); 3/14
 Fig. 2. Cards with technical drawings of the lithics.
 Numbers according to the inventory НАЭ-81 3/8; 3/9; 3/10; 3/11; 3/12 (with reverse side); 3/14

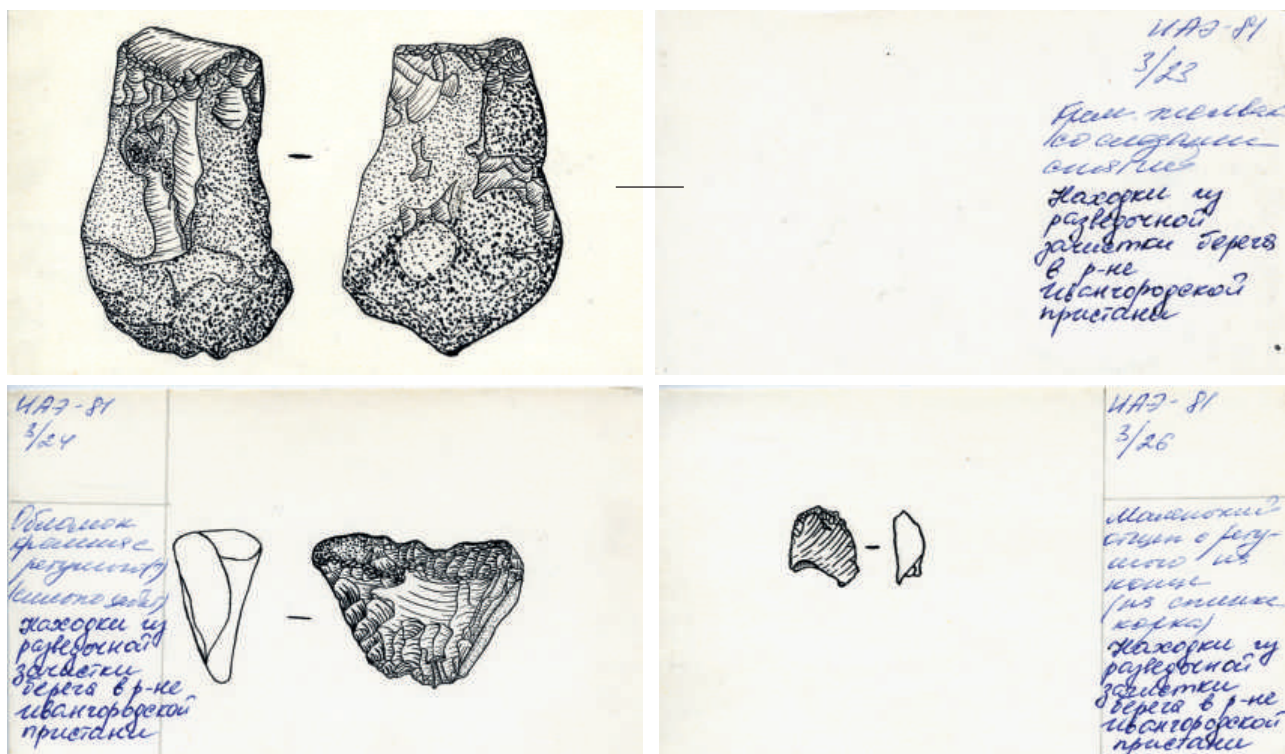

Рис. 3. Карточки с техническими рисунками кремневых находок. Номера по описи НАЭ-81 3/23 (с оборотной стороной); 3/24; 3/26

Fig. 3. Cards with technical drawings of the lithics. Numbers according to the inventory НАЭ-81 3/23 (with reverse side); 3/24; 3/26

ОПИСЬ МАТЕРИАЛОВ ИЗ РАЗВЕДОЧНОЙ ЗАЧЕТКИ БЕРЕГА 1961 ГОДА В РАЙОНЕ ИВАНГОРОДСКОЙ ПРИСТАНИ /НЕОЛИТ/				2		
№	Описание	Документация	Код-но	Инв. НАЭ		
1.	Кремневые изделия:					
1.	Концевой скребок	Зачетка берега в районе Ивангородской пристани	I	3/1		
2.	Пластинка с ретулью по краям		I	3/2		
3.	Отщеп		I	3/3		
4.	Скребок		I	3/4		
5.	Пластинчатый отщеп с ретулью /проходка ?/		I	3/5		
6.	Кремневое изделие /проходка ?/		I	3/6		
7.	Кремневая плита с ретулью		I	3/7		
8.	Пластинка		I	3/8		
9.	Отщеп с ретулью по краям		I	3/9		
10.	Отщеп		I	3/10		
11.	Скел с ретулью по краям /обитан/		I	3/11		
12.	Коллек кремневый со следами следов		I	3/12		
13.	Коллек крем. со следами следов		I	3/13		
14.	Отщеп		I	3/14		
15.	Отщеп		I	3/15		
16.	Кремневое изделие		I	3/16		
17.	Отщеп		I	3/17		
18.	Отщеп с ретулью		I	3/18		
19.	Отщеп		I	3/19		
20.	Отщеп	Зачетка берега в районе Ивангородской пристани	I	3/20		
21.	Кремневое изделие		I	3/21		
22.	Крем. изделие со следами следов		I	3/22		
23.	Крем. изделие со следами следов		I	3/23		
24.	Обломок кремня с ретулью /слабо заостр./		I	3/24		
25.	Отщеп с ретулью и следами ледяной корки		I	3/25		
26.	Отщеп с ретулью на конце		I	3/26		
27.	Отщеп		I	3/27		
28.	Кремневое изделие /скребок ?/		I	3/28		
29.	Кремневое изделие со следами ледяной корки		I	3/29		
30.	Кремневое изделие		I	3/30		
31.	Обломок кремня со следами следов и ледяной корки		I	3/31		
32.	Обломок кремня со следами следов		I	3/32		
33.	Обломок кремня со следами следов		I	3/33		
34.	Отщеп		I	3/34		
35.	Кремень		74	3/35		

ИТОГО: Единиц хранения - 106, в том числе:
 кремневых изделий - 34,
 кремня - 74.

Рис. 4. Машинописная копия Описи кремневых находок, страницы 1 и 2

Fig. 4. A typewritten copy of the *Inventory of the lithics*, pages 1, 2

в научный отчет. О причинах можно только догадываться. Не исключено, что запаздывание в обнародовании информации произошло из-за ее прохождения через разные государственные инстанции. Применительно к данному памятнику могло иметь значение решение Министерства культуры о создании реставрационного центра в Ивангороде, о чем не было известно на уровне района или области, и поэтому в археологические работы 1981 г. могло быть не включено обследование территории «гавани». Надо полагать, что именно об этом Валерий Петрович узнал накануне засыпки берега гравием и успел выполнить только физическую зачистку небольшого участка, без необходимой графической и фотофиксации. К этому можно добавить, что среди фотографий и чертежей Ивангородской экспедиции за тот год я не нашел каких-либо материалов по фиксации зачистки. Поэтому надо полагать, что, исходя из неполного объема объективных данных, Валерий Петрович Петренко не считал возможным подавать их в научном отчете.

Именно так можно объяснять сложившуюся на сегодня ситуацию. С одной стороны — отсутствие сведений о стоянке в «Отчете о полевых работах» в архиве ИА РАН, а с другой — описи и рисунки кремневых находок, находившиеся на хранении у автора.

Здесь мы сталкиваемся с определенными реалиями археологических исследований в советский период истории нашей страны. Вопросы взаимодействия научных учреждений и властных структур в области археологии — очень давняя проблема. Она хорошо и подробно рассмотрена, например, в книге Л. В. Колединского, где глава 5 целиком посвящена именно этой важнейшей теме (Колединский, 2021. С. 447–535). В ней автор наглядно демонстрирует, что научное полевое изучение древних слоев городской застройки постоянно и неожиданно наткнулось на несогласованность действий различных государственных учреждений и внезапно возникавшие потребности в современном промышленном строительстве на участках, где сохранялись культурные напластования.

Колединский, 2021 — Колединский Л. В. Верхний замок Витебска (IX–XVIII вв.). Гродно: ЮрСаПринт, 2021. 632 с.

Курбатов, 2002 — Курбатов А. В. Итоги изучения посада средневекового Ивангорода // Культурное наследие Российского государства: Сб. ст. Вып. III / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Вести. 2002. С. 69–78.

Курбатов, 2015 — Курбатов А. В. Археологическое изучение Ивангородского посада. Раскоп № 1 // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). СПб.: ИИМК РАН, 2015. № 5. С. 89–106.

Липатов, 2019 — Липатов А. А. История Ивангородской неолитической стоянки // Памятники каменного века российской части Нарвско-Лужского междуречья: Сб. ст. / Отв. ред. Д. В. Герасимов. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 153–162.

About the vicissitudes of science. Notes on A. A. Lipatov's “History of the Ivangorod Neolithic site”

A. V. Kurbatov³

Keywords: sites of the Stone Age, Narva-Luga interfluve.

During the Soviet period in the history of our country, an ill-timed registration for public protection of newly revealed archaeological objects not infrequently resulted of mis-coordination in the interaction between scientific institutes and authoritative structures in the sphere of archaeology. An example perhaps is the state registration for public protection of the archaeological object “Neolithic site” “on the bank of the Narova River”.

³ Aleksandr V. Kurbatov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: alkurba@rambler.ru.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Важный источник изучения среднего палеолита Восточной Европы

Рецензия на книгу: *Праслов Н. Д., Кузнецова Л. В.* Палеолитическое поселение Сухая Мечетка (по материалам раскопок С. Н. Замятнина) / Ред. М. Н. Желтова, А. К. Очередной. СПб.: Невская типография, 2020. 144 с. ISBN: 978-5-907298-02-6¹

Н. К. Анисюткин²

Ключевые слова: Восточная Европа, низовья Волги, средний палеолит, мустьерская стоянка Сухая Мечетка.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-267-272

Среди среднепалеолитических памятников Восточной Европы особое место занимает мустьерская стоянка Сухая Мечетка, которая первоначально была известна как Сталинградская (Волгоградская). Она расположена в низовьях р. Волги на окраине г. Волгограда (прежде Сталинграда), занимая особое географическое положение на крайнем юго-востоке Русской равнины в границах обширной степной зоны Евразии. Далее на восток и юго-восток, где простирается мир сухих степей и полупустынь Казахстана, мустьерские памятники с сохранившимися культурными слоями до сих пор не обнаружены.

Раскопки стоянки проводил выдающийся исследователь нашего палеолита С. Н. Замятнин еще в начале 50-х гг. XX в. Исследования велись в течение двух сезонов — в 1952 и 1954 гг. Поселение раскопано на огромной площади (650 кв. м), которая на территории Восточной Европы была тогда наибольшей до начала 1970-х гг., то есть до раскопок А. П. Черныша 4-го мустьерского слоя стоянки Молодова 1 в украинском Среднем Приднестровье. Очень важные и значительные результаты удалось получить с помощью междисциплинарных исследований. В частности, выявлена ценная информация о геохронологии памятника и частично о палеоэкологической

обстановке в начале позднего плейстоцена, во время обитания здесь людей мустьерской эпохи.

Особый интерес представляет уникальная стратиграфия, где многометровые отложения, которые соответствуют хвалынской морской трансгрессии Каспия, перекрывают ательские суглинки, ниже которых — в кровле ископаемой почвы — лежит культурный слой с находками мустьерского облика. Весьма хорошо сохранившийся культурный слой дал обильный археологический, а также палеозоологический материал.

Результаты раскопок были опубликованы весьма скупо, что частично можно объяснить ранней кончиной С. Н. Замятнина, ушедшего из жизни уже в 1958 г. Полезную информацию о памятнике дает лишь итоговая статья, которая была опубликована в 1961 г. Она по существу является первым и достаточно развернутым полевым отчетом, подводющим итог раскопок. Здесь приведены важнейшие данные о памятнике, включая методику раскопок, стратиграфию и планиграфию поселения. Весьма детально описана и хорошо иллюстрирована каменная индустрия стоянки (*Замятнин, 1961*).

Стоянка Сухая Мечетка упоминалась в научных работах как отечественных ученых, так и зарубежных. Среди зарубежных публикаций в первую очередь следует отметить крайне полезную и интересную, на мой взгляд, статью американского ученого Ричарда Клейна, которая была опубликована в 1968 г. в авторитетном научном журнале *Science*. В данной статье анализируется группа известных в то время мустьерских памятников, происходящих с обширной

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0019).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: leonid.dictyoptera@gmail.com.

территории Европейской части Советского Союза, коллекции с которых были изучены этим исследователем в музеях СССР. К их числу относятся и комплекс каменных орудий Сухой Мечетки. Существенно, что при анализе коллекций исследователь использовал весьма широко распространенную тогда и продуктивную методику Франсуа Борда (*Klein, 1969*). В этом случае каменная индустрия Сухой Мечетки может быть сопоставлена с вариантами индустрий единого мустьерского комплекса Европы и Ближнего Востока.

Правда, что необходимо отметить особо, все данные публикации не давали целостного представления о стоянке. Оставалось много неясных вопросов, для ответа на которые требовались более значительные материалы. На большинство из этих вопросов можно найти ответы в монографии Н. Д. Праслова и Л. В. Кузнецовой «Палеолитическое поселение Сухая Мечетка», изданной только в 2020 г. В основе публикации лежат материалы кандидатской диссертации Л. В. Кузнецовой «Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья», защищенной под руководством Н. Д. Праслова в 1983 г. Стержнем диссертационной работы были коллекция каменных изделий и архивные данные о раскопках стоянки Сухая Мечетка. Особое внимание было уделено анализу комплекса каменных орудий. В дальнейшем, как мне было известно из личной беседы с Л. В. Кузнецовой, планировалась совместная обобщающая публикация, которая по ряду причин так и осталась неосуществленной. Рукопись этой работы была обнаружена позднее в архиве Н. Д. Праслова, уже после кончины ученого. Она была подготовлена сотрудниками Отдела палеолита ИИМК РАН М. Н. Желтовой (Прасловой) и А. К. Очередным к печати и опубликована. Выход в свет этой работы стал знаменательным научным событием в изучении отечественного палеолита.

Рассматриваемая монография, написанная нашим крупнейшим специалистом по палеолиту Н. Д. Прасловым, является долгожданным и ценным научным источником, позволяющим получить ответы на многие актуальные вопросы среднего палеолита Восточной Европы. Естественно, нет никакого сомнения в высокой научной ценности этого труда. Тем не менее в работе, что весьма характерно для крупных научных публикаций, имеются спорные положения, которые могут иметь иное объяснение. К тому же налицо присутствие отдельных неточностей и ошибок. Это обстоятельство дает мне основание остановиться более подробно на ряде вопросов, представив в порядке научной дискуссии свою точку зрения.

Структура монографии типична для работ подобного рода. Она состоит из семи разделов:

«Введение», «История исследований». «Методика раскопок», «Стратиграфическое положение памятника и его геологический возраст», «Характеристика культурного слоя», «Каменный инвентарь», «Заключение». Необходимо отметить обширное английское резюме и весьма качественные рисунки каменных изделий. В конце даны приложения, где опубликованы результаты исследований почвоведов и палинологов, а также данные разведок на стоянке, предпринятых Н. Д. Прасловым в 1979 г.

Применяемая С. Н. Замятниным методика раскопок соответствовала уровню своего времени. В данном случае необходимо учесть специфику стоянки Сухая Мечетка, относящейся к памятникам открытого типа. Опыт раскопок мустьерских поселений подобного типа в Европе был в то время ничтожен. Основные методические приемы раскопок были нацелены на изучение пещерных памятников, которые исследовались небольшими раскопами или траншеями. Как известно, также копали и немногочисленные открытые стоянки. Наиболее значимый опыт изучения поселений открытого типа был в те годы лишь у исследователей верхнего палеолита Советского Союза. В данном случае речь идет о раскопках в Костёнках, где культурные слои с остатками поселений успешно вскрывались широкими площадями, что позволило впервые выявить крупные жилые сооружения.

С. Н. Замятнин был вынужден при своих исследованиях использовать особый подход, учитывающий специфику отложений стоянки. Культурный слой был перекрыт гигантской толщиной отложений мощностью около 20 м. По этой причине раскопки с применением обычных для археологии методов были крайне затруднены. В данном случае методика частично была адаптирована к особенностям отложений стоянки, отличавшихся не только большой мощностью, но и исключительной плотностью. В результате пришлось использовать не только бульдозеры, но и взрывные работы в ограниченном объеме, которые в сочетании с прочими методами, включая тщательную поквартную разборку культурного слоя с четкой фиксацией находок, способствовали успешному изучению стратиграфии и планиграфии памятника. Н. Д. Праслов, достаточно доброжелательно оценивающий исследования С. Н. Замятниной, критически отнесся к использованию им так называемой кессонной методики, полагая, что она привела к утрате ряда важных наблюдений. Эта методика раскопок в то время достаточно широко применялась европейскими исследователями палеолита, прежде всего для

решения очень сложных стратиграфических вопросов, которые часто возникали при раскопках пещер и гротов, но была малопродуктивна для планиграфии.

Культурный слой имел хорошую сохранность, что еще раз подчеркнули авторы монографии. В его пределах нет данных о конструктивных деталях, позволяющих в той или иной мере говорить о наличии здесь предполагаемых жилых структур. Тем не менее обширная площадь интенсивно насыщенного находками культурного слоя и весьма хорошо выраженные очажные скопления указывают на то, что поселение было занято относительно большой группой мустьерцев, обитавших здесь в суровых природных условиях.

Н. Д. Праслов и С. Н. Замятнин однозначно связывали культурный слой стоянки с верхней частью ископаемой почвы (с. 21). Данную почву значительная часть геологов относила к микулинскому времени. После собственных дополнительных исследований эту датировку принял и Н. Д. Праслов. Он писал: «На основании геологических и геоморфологических исследований окрестностей Сухой Мечетки и самого памятника, проведенных в 1969 и 1971 гг., мы также пришли к выводу о ресс-вюрмском или микулинском возрасте почвы с культурными остатками» (с. 27). Тем не менее, несмотря на реальность этой датировки, нельзя исключать вероятность и несколько более позднего возраста данной ископаемой почвы. Как известно, на территории Русской равнины столь же четко представлена ископаемая почва начала ранневюрмского времени. Эта почва соответствует теплому интерстадиалу бреруп. Она достаточно хорошо прослеживается на многих разрезах Европы. Дополнительно о более молодом возрасте культурного слоя стоянки могут свидетельствовать также материалы новейших исследований А. К. Очердного, которые дают возможность датировать отложения с культурным слоем переходным временем между кислородно-изотопной стадией 4 и началом кислородно-изотопной стадии 3, что соответствует 65–56 тыс. лет тому назад. В этом случае приведенные абсолютные датировки дают важный материал для размышлений, но, тем не менее, не могут рассматриваться как неоспоримые. На территории Русской равнины четко выраженных ископаемых почв этого времени не выявлено. В целом, на мой взгляд, сейчас можно утверждать, что мустьерская стоянка Сухая Мечетка существовала в самом начале позднего плейстоцена, скорее всего, во время кислородно-изотопной стадии 5. В этом случае она может считаться одним из наиболее ранних мустьерских памятников Восточной Европы.

В монографии достаточно подробно охарактеризован каменный инвентарь стоянки. Этот раздел написан, как мне известно, непосредственно Л. В. Кузнецовой. В целом материал подан в обычной манере. В разной степени были использованы научные разработки ряда ученых, включая методики Ф. Борда, Г. Бозинского и отчасти В. Н. Гладиллина, а также некоторые наблюдения из публикаций В. П. Любина, М. Брезийона, А. де Люмлея (с. 40). На мой взгляд, отсутствие единого способа описания каменной индустрии создает определенные трудности в восприятии и оценке материала. Тем не менее подобное описание все же вполне достаточно для квалифицированных специалистов, владеющих указанными выше методиками, позволяя установить место комплекса Сухой Мечетки в общей системе европейского мустье.

Как обычно, отдельно проанализированы сырье, техника первичного расщепления и типология каменных орудий.

Каменное сырье, применяемое обитателями стоянки для изготовления орудий, не отличалось высоким качеством. Использовались кварцит и цветной кремь. Кварцит преобладал, составляя более 57 %, а кремь — 42 %. Все сырье было местным, то есть мустьерцы добывали его в ближайших окрестностях стоянки. Влияло ли сырье на специфику каменной индустрии? Постановку такого вопроса стимулируют находки каменных орудий крупных и мелких размеров, изготовленных из разного сырьевого материала, а также присутствие орудий на обломках и нуклеидных осколках. В этом случае важно отметить, что самыми многочисленными являются более мелкие орудия из кремня, которых в коллекции 75 % (с. 35). Вполне очевидно, что изделия из кремня имели для ископаемых людей наибольшую ценность.

При характеристике техники первичного расщепления камня основное внимание было уделено относительно немногочисленным нуклеусам, которые в целом не всегда имеют четко выраженные формы. Отмечено преобладание ядрищ с радиальной системой расщепления. Наличие сильно сработанных образцов и орудий из них указывает на то, что возможная первоначальная обработка производилась на местах выхода сырьевого материала.

В качестве заготовок широко использовались не только отщепы, но и нуклеидные обломки, а также плитки кремня и кварцита. Среди отщепов многочисленны первичные и полупервичные формы, которых немногим менее половины, что, скорее всего, указывает на низкое качество

сырьевого материала. В целом индустрия может быть отнесена к непластинчатым, с очень низким процентом подправленных ударных площадок. Сомнение вызывает указание на малочисленность в коллекции отщепов со скошенными ударными площадками. Судя по формам ядрищ и по обилию массивных отщепов, вполне ожидаемым должно быть широкое использование клетонского способа расщепления камня. Сколы типа леваллуа практически отсутствуют. Не указаны они и в статье Р. Клейна.

Специально остановлюсь на применении в описании двух показателей техники расщепления — индексах удлиненности и массивности. Они были ранее широко использованы мною в ряде публикаций. Первый из них был предложен в свое время французским ученым Морисом Бургоном, а второй — мною (*Bourgon, 1957; Анисюткин, 1968*). Как показала практика, индекс удлиненности не оказался перспективным. В рассматриваемой работе он свидетельствует лишь об изобилии отщепов укороченных пропорций.

В монографии при характеристике массивности сколов использован второй вариант моей статьи, изданной в Новосибирске (*Анисюткин, 1988*). Однако, к сожалению, сноска ошибочно дана на первоначальный вариант, который был опубликован ранее в Ленинграде (*Анисюткин, 1968*).

В проведенных мною исследованиях индекс массивности оказался достаточно показательным именно для комплексов среднего палеолита. Напротив, для раннего и позднего палеолита четких закономерностей установить не удалось. В монографии используется вариант, где индекс массивности рассматривается по группам изделий, которых было выделено четыре. Наибольший интерес представляют крайние справа и слева контрастные группы. Первая из них (показатель массивности менее 20) постоянно характеризуется предметами достаточно тонкими, которые, как правило, преобладают в комплексах леваллуамустье и отчасти верхнего палеолита. Напротив, группа 4 (индекс массивности более 30) отличается от первой господством очень толстых отщепов с преимущественно гладкими и скошенными ударными площадками, характерными для архаичных каменных индустрий клетонского типа. Из приведенных в таблице данных следует, что в комплексе Сухой Мечетки господствуют именно эти две группы (с. 37). Они имеют одинаковые процентные показатели, что весьма неожиданно. Как показывает мой опыт, в среднем палеолите чаще всего преобладает только одна из групп, как правило, 1-я или 2-я, реже 3-я, но исключительно редко 4-я. В последнем случае речь идет

об архаичных комплексах начального среднего палеолита. Пример подобной дихотомии мною наблюдается впервые. Этот факт частично может указывать на вероятную специализацию. Возможно, для каменной индустрии Сухой Мечетки подобные массивные заготовки были наиболее востребованы. Данное предположение подтверждается приведенными в монографии иллюстрациями каменных изделий, где такие формы многочисленны. Но наличие в коллекции стоянки заметного количества относительно тонких отщепов при почти полном отсутствии техники леваллуа указывает на широкое использование в качестве заготовок тонких отщепов вторичной подправки, включая так называемые технические сколы. Сходное явление было мною ранее отмечено при работе с коллекциями микока Крыма.

При анализе вторичной обработки орудий на отщепах приведены три типа ретуши — субпараллельная, чешуйчатая и ступенчатая. Указано на явное преобладание чешуйчатой ретуши. Имеются орудия с распространенной уплощенной обработкой, покрывающей всю или значительную часть спинок изделий. Нет данных о наличии в коллекции ретуши типа кина или полукина, который является характерным для шарантского комплекса. Отмечено широкое применение иных приемов вторичной обработки, включая бифасальную. Интересно присутствие весьма характерной двусторонней плосковыпуклой ретуши, которая типична для каменных индустрий микока. Мало орудий верхнепалеолитического облика и с зубчатой ретушью.

Среди относительно многочисленных изделий со вторичной обработкой отчетливо преобладают различные скребла, включая остроконечные, а также бифасы. Особенно много скребел угловатых (*dejetes*), поперечных, а также диагональных. Последние можно воспринимать как вариант поперечных. Хорошо представлены скребла простые с одним рабочим краем. Много скребел простых с выпуклым рабочим краем и поперечных. Данное сочетание характерно для шарантского индекса, который был предложен в свое время французскими учеными Ф. Бордом и М. Бургоном для характеристики мустье типа кина и ферраси из французской провинции Шаранта (*Bordes, Bourgon, 1951*). В связи с этим вызывает явное недоумение произвольный способ выделения авторами монографии «шарантского индекса», основанного лишь на преобладании в комплексе скребел простых с одним выпуклым рабочим краем (с. 49). Это «изобретение» не имеет под собой никаких оснований и не может быть показательным.

Совокупность всех данных скребел, включая с острями и угловатые, вместе с бифасами может рассматриваться как одна из особенностей каменной индустрии Сухой Мечетки. Обращает на себя внимание обилие в коллекции угловатых скребел треугольной формы с отчетливо выделенными острями, напоминающих мустьерские остроконечники, от которых они отличаются лишь характером заготовки. В монографии же они справедливо описаны как остроконечники. В данном случае следует согласиться с авторами, которые отказались от предложенного Ф. Бордом способа описания такой формы орудия как остроконечника (с. 43). Накопившийся опыт определенно показывает, что типичные остроконечники могли быть изготовлены на разных заготовках, а ось раскалывания необязательно должна совпадать с осью орудия. На мой взгляд, за основу можно взять совершенство вторичной обработки и четкость формы орудия. В этом плане выделение такой категории орудий, как «угловатые остря» (*pointes dejetes*), предложенное французским ученым А. де Люмлеем может представлять определенный интерес. Типичные же мустьерские остроконечники были также хорошо представлены.

К особым формам можно отнести орудия с режущими кромками на углах, среди которых преобладают различные скребла, в том числе на отщепах и бифасиальные. На мой взгляд, эти орудия в целом сопоставимы с ножами типа прондник, отличаясь деталями обработки. Один из таких образцов представлен в монографии на рис. 54. Интересно орудие с режущей кромкой на углу отщепа, которое напоминает клетонскую форму типа *bill-hook* (рис. 39, 5). В данную группу орудий с режущими кромками на углах можно вслед за авторами включить и различные асимметричные остря.

В коллекции очень показательна серия орудий с двусторонней обработкой, в их числе формы, напоминающие ножи категории *Keilmesser*, включая типы бокштайн и клаузеннише. Эти орудия были впервые выделены, описаны и опубликованы немецким ученым Г. Бозинским в монографии 1967 г., которая указана в списке использованной литературы, но без ссылок на нее в тексте. Вместо этого была дана ссылка на публикацию Ю. Г. Колосова, где похожие формы орудий отмечены особо (с. 47). К сожалению, далее эти важнейшие показатели микока не рассматриваются вообще.

Интересна серия форм орудий из галек с частичной двусторонней оббивкой выпуклого рабочего края. Похожие формы отмечены в коллекциях Ильской стоянки 1, а также и в более древнем

комплексе Хрящи из аллювия Северского Донца (Праслов, 1968).

В монографии нет однозначной оценки каменной индустрии стоянки, что возможно объяснить лишь незавершенностью работы. Н. Д. Праслов, как известно, всегда сопоставлял индустрию Сухой Мечетки с комплексом Ильской стоянки и мустье Крыма, с чем необходимо согласиться (Праслов, 1984).

На сходство каменных индустрий Сухой Мечетки и Ильской постоянно указывали как С. Н. Замятнин, так и Р. Клейн. Последний специально указал в качестве аналогии на комплекс каменных орудий из нижнего слоя стоянки Ильская 1 (Klein, 1969. Fig. 2).

Из приведенных данных можно заключить, что говорится о каменной индустрии микоковского типа с преобладающими скреблами, среди которых обильны шарантские формы. В данном случае речь может идти о своеобразном комплексе, который сопоставим с вариантом европейского мустье шарантского типа. Для этого варианта, распространенного на Русской равнине, Северном Кавказе и в Крыму, характерны особые формы бифасов, в том числе микоковские. Среди орудий на отщепах всегда обильны остроконечники и остроконечные скребла. Также весьма показательны низкие индексы леваллуа и пластин.

Иной вариант микока отмечен на юго-западе Русской равнины. За основу выделения этого комплекса следует принять богатую коллекцию каменных орудий из верхних мустьерских слоев 4 и 5 стоянки Рипичени-Извор на левом берегу р. Прут (Румыния). Второй памятник, который давно известен как грот Выхватинцы, расположен на территории Молдавии, на левом берегу р. Днестр. Он находится всего около 110–115 км юго-восточнее стоянки Рипичени-Извор. В среднем слое грота выявлена небольшая, но выразительная коллекция каменных орудий, включая характерные для микока бифасы. Всегда показательными являются хорошо выраженные отщепы и пластины леваллуа. По композиции групп орудий на отщепах данный вариант микока может быть сопоставим со своеобразным европейским типичным мустье с развитой техникой леваллуа и многочисленными бифасами.

Рассмотренная монография является очень важной и долгожданной научной публикацией, в которой систематизированы основные данные по мустьерскому поселению Сухая Мечетка. В ней приведены и внимательно проанализированы сведения по геоморфологии, стратиграфии, геохронологии, характеру культурного слоя, включая планиграфию стоянки, весьма тщательно

описана богатая коллекция каменных орудий. Обращают на себя внимание хорошо выполненные рисунки каменных орудий, которые четко согласуются с предложенным описанием. Существенные дополнительные сведения можно получить и из опубликованных приложений.

С момента написания данной монографии прошло много времени. За этот период были сделаны заметные научные открытия. Как известно, археология является интенсивно развивающейся научной дисциплиной, где новые материалы раскопок и общий прогресс научных знаний дают возможность вырабатывать новые приемы и методики, которые, к сожалению, до сих пор не привели к созданию для раннего и среднего палеолита более совершенных и надежно проверяемых систем описания массового археологического материала. После известных работ Ф. Борда, получивших всеобщее научное признание, наиболее интересные и продуктивные разработки появились лишь в трудах немецкого ученого Г. Бозинского, где, тем не менее, наиболее удачной была

характеристика орудий с двусторонней обработкой. В остальных случаях речь идет о разрозненных описаниях, формирующих базу данных для новых обобщений. Здесь предлагаемые выводы нередко основываются на весьма незначительных материалах и не проверены надежными фактами. Приведенное в монографии описание каменной индустрии Сухой Мечетки можно считать продуктивным и сейчас.

Рассматриваемая публикация, подчеркну еще раз, является ценным научным источником, дающим хорошее представление об одном из наиболее важных и интересных памятников среднего палеолита Восточной Европы. Комплекс каменных орудий Сухой Мечетки характеризует самый ранний этап развития так называемого восточного микока. Можно полагать, что эта монография будет полезной достаточно долгое время для исследователей европейского палеолита, а проводящиеся сейчас на этом памятнике дополнительные исследования дадут очень полезный и важный аналитический материал.

Анисюткин, 1968 — Анисюткин Н. К. Дополнение к методике обработки нижнепалеолитических комплексов // АСГЭ. Л.: Сов. художник, 1968. № 10: Материалы и исследования по археологии СССР. С. 5–17.

Анисюткин, 1988 — Анисюткин Н. К. Опыт использования массивности сколов как показателя относительной хронологии в палеолите // Методические проблемы археологии Сибири: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Р. С. Васильевский, Ю. П. Холюшкин. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1988. С. 97–107.

Замятнин, 1961 — Замятнин С. Н. Сталинградская палеолитическая стоянка // КСИА. 1961. № 82. С. 5–36.

Праслов, 1968 — Праслов Н. Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего

Подонья. Л.: Наука, Лен. отд., 1968 (МИА; № 157). 154 с.

Праслов, 1984 — Праслов Н. Д. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М.: Наука, 1984 (Археология СССР). С. 94–134.

Bordes, Bourgon, 1951 — Bordes F., Bourgon M. Le complexe Moustérien: Moustérien, Levalloisien et Tayacien // L'Anthropologie. 1951. Vol. 55. P. 1–23.

Bourgon, 1957 — Bourgon M. Les industries Moustériennes et Pré-moustériennes du Périgord // Archives de L'Institut de Paléontologie Humaine. Paris: Masson et Cie, 1957 (Mémoire; Vol. 27). 234 p.

Klein, 1969 — Klein R. Mousterian cultures in European Russia // Science. 1969. Vol. 165. P. 153–265.

An important source for studying the Middle Paleolithic of Eastern Europe
Review of Праслов Н. Д., Кузнецова Л. В. Палеолитическое поселение Сухая Мечетка
(по материалам раскопок С. Н. Замятнина) / Ред. М. Н. Желтова, А. К. Очередной. СПб.: Невская типография, 2020. 144 с. ISBN: 978-5-907298-02-6.

N. K. Anisyutkin³

Keywords: East Europe, lower reaches of the Volga, Middle Palaeolithic, Mousterian site of Sukhaya Mechetka.

³ Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: leonid.dictyoptera@gmail.com.

Открывая тьму средневековья

Рецензия на книгу: *Колединский Л. В. Верхний замок Витебска (IX–XVIII вв.). Гродно: ЮрСаПринт, 2021. 632 с.: ил.*¹

А. В. Курбатов²

Ключевые слова: древнерусские города, Верхний замок Витебска, Л. В. Колединский.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-273-278

Это монографическое исследование Верхнего замка в некотором смысле завершает длительный период археологического изучения одного из наиболее значимых древнерусских городов — Витебска. Автор работы, известный белорусский археолог Леонид Владимирович Колединский, посвятил ему не одно десятилетие. Издание объемом 632 страницы проиллюстрировано 566 цветными и черно-белыми рисунками, среди которых много полевых фотографий раскрытых археологических объектов, а также изображений вещевых находок.

Работа содержит введение и четыре основные главы, в которых отражен полученный раскопками материал, в том числе детально рассмотрены планировка и застройка Верхнего замка, предложены разбор вещевого материала и общая характеристика хозяйства, быта и духовной культуры. Пятая глава посвящена проблемам охраны и сохранения археологического наследия Верхнего замка Витебска. Работу завершают эпилог, приложение с подробным описанием застройки по строительным ярусам и объемный список литературы и источников из 839 пунктов.

Надо отметить, что средневековому Витебску повезло с исследователями. Ему посвящены

монография Т. С. Бубенько по Нижнему замку (Бубенько, 2004), целые четыре(!) монографии О. Н. Левко (Левко, 1981; 1984; 1989; 2010) и большое количество статей по отдельным вопросам истории и археологии города.

Во введении подробно рассмотрены письменные, изобразительные и археологические источники, с особым акцентом на последних, изрядную долю которых составляют многолетние работы самого автора, что подтверждено диаграммой и таблицей (рис. 29; табл. 1).

В главе 1 (с. 43–78) детально раскрываются вопросы и проблематика в изучении исторической топографии города, даются современные оценки конструкции и положения оборонительных сооружений, а также много места отводится общей характеристике культурного слоя памятника. Можно отметить, что полевую работу автора отличала особенная тщательность как в методике археологических раскопок, так и в технике фиксации открытых объектов. Это подтверждает обширный и детализированный фотографический ряд, запечатлевший единичные и, на первый взгляд, малозначащие факты — разное оформление верхнего (поперечный обрез) и нижнего (заостренный топором конец) отрубков бревен внутривальных конструкций (рис. 60) или стоящий кол-фиксатор в субструкции оборонительного вала XII в. (рис. 61). Эти, а также многие другие подобные «частности» и наблюдения придают особую ценность исследованию. Очень подробно описана стратиграфия памятника на разных раскопах, с характерными особенностями каждого, с разделением слоев и ярусов застройки, датированных по сериям дендродат и вещевым

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: alkurba@rambler.ru.

комплексам (с. 58–78). Остается сожалеть об отсутствии сводной таблицы по датировкам ярусов застройки и выделенных стратиграфических слоев.

В главе 2 подробно изложены наблюдения и выводы по планировке и застройке исследованных участков Верхнего замка. Всего выделено 16 строительных периодов, которые не всегда соответствуют строительным ярусам на отдельных локальных участках (с. 79). Возникают дополнительные вопросы к автору, когда в тексте приводится описание построек по строительным периодам, а в сводной таблице № 4 — по столетиям и строительным ярусам.

Всего в раскопах на Верхнем замке открыты 104 постройки, на Нижнем замке — около 100. Автор считает, что это второе по численности собрание изученных средневековых строений в городах Беларуси после Берестя, где открыты 223 постройки (с. 92). Такое утверждение автора неточное, поскольку не учитывает средневековые постройки Взгорского замка («острога», по О. Н. Левко), где открыты среди прочего и остатки деревянных строений XI–XIII вв. (см.: Левко, 2010. Рис. 21, 22, 25, 38).

В описаниях приводятся многие интересные открытые подробности, например, фиксируемое вентиляционное окно в подклети или предполагаемая кожевенная мастерская конца 30–40-х гг. XIII в., рядом с которой нашли пять больших скоплений обзоленной шерсти (с. 99, рис. 114). В подрисунковой подписи постройка также датирована 30–40-ми гг. XIII в. А из более подробного описания этой постройки в приложении мы узнаем, что в заполнении найдены деревянные изделия (какошины, бондарные днища, весло и др.) и обломки стеклянных браслетов. И здесь же названа «порубочная дата бревен из этой постройки 1229 год» (с. 581). Более правильным, наверное, было бы говорить о 30-х гг. XIII в.

На наш взгляд, определение постройки как жилища кожевника не подтверждено комплексом индивидуальных находок. Здесь не найдены соответствующие инструменты или специальные деревянные короба — зольники для обезволивания шкур после зольения, которые мы знаем по раскопкам других городов (Курбатов, 2010. С. 195). В Полоцке таким «зольником» был квадратный в плане сруб со сторонами 1 м, в котором сохранилась большая куча шерсти, смешанная с известью (Штыхов, 1975. С. 42).

Определенный интерес вызывает найденная в 1979 г. дренажная труба. Автор отнес ее к XVIII–XIX вв. (с. 101) и сравнил с подобными же

объектами XVII–XVIII вв. на Нижнем и Узгорском замках (Левко, 2010. С. 199), а также с новгородскими дренажами, которые А. Ф. Медведев также датировал XVIII–XIX вв. (Медведев, 1956. С. 227). Здесь речь идет только о водоотводе, сложенном из колотых плах, у которого внутренние размеры водотока были 10 × 16 см. Любопытным является факт нахождения в Витебске только поздних водоотводов, хотя при хорошей сохранности дерева на разных участках города они должны были сохраниться, если признавать их вероятное появление в XII–XIII вв.

Ссылка Л. В. Колединского на работу А. Ф. Медведева более вводит в заблуждение, чем проясняет вопрос, поскольку в указанной статье подробно рассмотрены все открытые участки водоотводов и обосновано их сооружение в разные периоды — в XII, XIV–XV, XVI–XVIII вв. (Медведев, 1956. С. 208 и сл.). А конструкция из колотых плах с прямоугольным сечением водовода принципиально не отличается от круглого вытеса в древесном стволе.

Конечно, сегодня картина сложения в Новгороде водоотводной системы выглядит иначе. По предложенным А. Ф. Медведевым датировкам самый ранний из них был открыт в раскопе 1947–1948 гг. на Ярославовом дворце. Сооружение этой дренажной системы отнесено к концу XI — началу XII в. (Колчин, Янин, 1982. С. 17, 18). В дальнейшем, после комплексного изучения системы благоустройства в средневековом Новгороде, столь раннее время появления дренажной системы было названо ошибочным. По заключению А. Н. Сорокина, водоотводы не могли появиться ранее XV в., а наибольший размах их строительство получило в XVI–XVIII вв. (Сорокин, 1995. С. 61). Поздние водоотводы в Новгороде, датированные XVII–XIX вв., находили на разных участках средневекового города, в том числе и на Нутном раскопе (Гайдуков, 1992. С. 13).

Описывая открытые постройки, Л. В. Колединский детально разбирает конструкцию стен и выделяет фахверковые строения, появившиеся в Прибалтике и на землях восточных славян в XIII в. под влиянием немецкой колонизации. Сегодня следует признать, что рамочные конструкции стен домов были распространены значительно шире. Например, автору остались неизвестными такие постройки в Ивангороде (Курбатов, 1997. С. 112). Возможно, вариантом фахверка были и «столбовые постройки» в Друцке, от которых сохранились только угловые столбы (Алексеев, 2006. С. 146). По мнению автора, основания стен

подобных построек не заглублялись в землю, а шипом входили в горизонтально лежавшее бревно (с. 104). Но в изложении возникает необъяснимое противоречие. На рис. 120 и 121 показаны две постройки столбовой конструкции, названные хлевами, где угловые столбы, имевшие вертикальные желоба, врыты в землю, представляя технику «в паз» (рис. 145, 148, 149). Эта техника отмечена и на ряде других фотографий. Такие рамочно-каркасные конструкции, наверное, следует считать разными вариантами и разделять. Но определенно не стоит видеть фахверковые сооружения в постройках заполярной Мангазеи (с. 103). Собственно, фахверковые постройки, открытые в Риге, Гданьске и Вильнюсе, показывают более сложную технику строительства, которая не прослежена в Витебске и тем более в Мангазее (см.: Цауне, 1984. С. 83 и сл.).

Для изучения домостроения интересен пассаж о сохранении традиций сплава строительного леса по Двине (с. 101, 102, рис. 129, 130). Автор доказывает его находкой комлевой части стволов в слое конца XVI — начала XVII в. на раскопе 1978 г., где имелись вырезы для связки стволов, фотографиями сплава леса по Двине в 1978 г., а также схемой вязки плотов по А. Цауне. Подобные находки неизвестны в большинстве древнерусских городов, а в Новгороде их поначалу называли «маслобойными жомами», хотя позднее объяснили правильно (Колчин, Янин, 1982. С. 12).

В главе 3 пространно описывается вещевой комплекс, с разделением по материалу (с. 171–350). Но текст имеет существенный недостаток. В нем отсутствуют типолого-хронологические таблицы по группам вещей, что сильно затрудняет понимание времени бытования отдельных видов изделий по векам на данном памятнике, насыщения слоев однотипными находками, а также затрудняет общую оценку отдельных групп вещей среди всего собрания предметов. Например, всего изделий «из черного металла» найдено «более 300» (с. 172–194). Далее следует описание отдельных хорошо сохранившихся изделий для каждого вида, но их общее число не названо. Хотя из описания понятно, что некоторые предметы встречены в одном экземпляре, например, струг из слоя начала XIII в. — орудие для строгания дерева.

Из текста нельзя понять, сколько всего найденных железных вещей встречено на Верхнем замке Витебска и как они распределены по векам. Имеется и ряд неточностей и противоречий. Так, остается за текстом общее количество ножей, хотя приводится серия из 23 предметов из слоев XII — начала XIV в., с делением на четыре группы

по новгородской классификации (с. 173). Дополнительно уточняется назначение одного изделия с широким лезвием — «возможно, такой нож служил для раскройки кожи». Но на указанном в тексте рис. 230 показаны два ножа, вероятно, «кожевенных», как записано в подписи.

В описаниях многих бытовых предметов вообще не указано их количество — это кресала, дужки для ведер, ушки от котлов, сковороды и др. При этом перечислены памятники и литература, где отражены аналогичные предметы. Для примера рассмотрим обувные подковки (с. 178). Общее число находок не названо, но они отнесены к типу врезных на шипах и найдены в слое XVI в. На рис. 241 показаны восемь подковок, из них семь — действительно на шипах, а одна — с отверстиями от гвоздей, то есть относится к типу «пластинчатых подковок», что автором не уточняется. Но даже в таком небрежном описании виден позитивный элемент — это мнение автора о появлении железных обувных подковок в городах на территории современной Беларуси не ранее XVI в. Здесь можно вспомнить раннюю дискуссию о появлении подковок в XIV–XV вв. (Курбатов, 2009. С. 306, 307).

В разделе «Деревянные изделия» (с. 195–233) обращает на себя внимание оригинальная атрибуция одной группы вещей — «23 штук булавы», которые «являются предметами ритуального назначения» (с. 207). Большинство из них найдено в слое XIII — начала XIV в., а остальные — второй половины XIV в. Они известны в ряде древнерусских городов, которые автор добросовестно перечисляет. Но свою атрибуцию он не аргументирует и не считает возможным видеть в наверхних части обычных посохов.

Относительно хорошо поданы «кожаные изделия» (с. 280–297), если исключить отмеченную проблему статистической обработки материалов. Большая часть вещей (из «более двух тысяч единиц находок») найдена в слоях середины XII — начала XIV в. «Слой второй половины XIV — XVII в. представлен скромнее. А в слое X — начала XII в. кожаных изделий почти не встречено» (с. 280). Техническое описание изделий критики не вызывает. А описание декора позволяет вспомнить параллели витебской находке в других городах. Так, в тексте упомянут верх башмака из слоя конца XIII в., имевший «богатый резной орнамент» (с. 281, рис. 329, 29; 330). Даже общее знакомство с обувью из русских средневековых городов позволяет увидеть, что прорезной орнамент для нее нехарактерен. А единичные находки такого рода

надо считать западноевропейскими изделиями. Для западных городов именно XIII–XIV вв. прорезной, а точнее просечной, декор является широко распространенным для определенного времени. Для сравнения можно указать туфлю с прорезным орнаментом из слоев XIV в. в Новгороде (Древний Новгород, 1985. Ил. 293) и сходный вариант просечного декора в Лондоне (*Grew, de Neergaard*, 1988. P. 79–83, fig. 115).

Интересно наблюдение автора о расшивке туфель. Л. В. Колединский считает пальметты наиболее распространенным вариантом расшивки (с. 281). Судя по публикациям, он же был характерен для обуви Пскова (*Оятева*, 1962. Рис. 4), что наводит на определенные ассоциации. Но для уточнения преобладающих мотивов в декоре необходимо целевое исследование по серии древнерусских городов.

В разделе названы и уникальные кожаные изделия — это широкий кожаный пояс, имеющий максимальную ширину по центру 70 мм, а также колчан, кожаная плетка, хомутина и мех волынки-дуды. Такой набор известных по археологическим раскопкам видов кожаных изделий еще раз подтверждает ранний тезис о необычайной широте использования кожи в средневековье.

Не совсем верной нам представляется общая оценка изменений в кожевенной продукции (с. 285). Автор пишет, что в XVI в. появляются башмаки «нового облика» — из плотной кожи с составным верхом, куда входят головка, берца, задники и поднаряд. Это новшество, видимо, считается просто феноменом стадийных изменений в материальной культуре, подобно Минску или Пскову. На наш взгляд, в данном случае модели башмаков с берцами позволяют говорить о привнесении в Витебск западных ремесленных традиций.

В разделе «Керамика» (с. 298–350) вещи рассмотрены по группам — «бытовая» и «архитектурно-декоративная». Подробно описаны керамические формы разных исторических периодов, разделяемые по векам. Заметно увеличение форм сосудов после XIV–XV вв. Особенно подробно рассмотрены изразцы, широко распространенные в городах на территории современной Беларуси с конца XIV в. При этом автор, по умолчанию, считает очевидным местное изготовление почти всех форм керамики. В качестве привозных он расценивает только некоторые курительные трубки — так называемые голландские (с. 309). В то же время местными названы красноглиняные трубочки XVIII в., часть которых

определенно сделана на фабрике братьев Гребеншиковых в Москве (рис. 362, 9–12).

Ассортимент привозных изделий в Витебске можно расширить и за счет таких керамических предметов, как фляги с зеленой поливой, найденные в виде всего пяти фрагментов (с. 307). Недавний анализ археологических находок «муравчатых» фляг показал, что их ограничено делали в Пскове со второй половины или даже последней четверти XVI в. (*Курбатов*, 2013. С. 337 и сл.).

В завершение раздела автор обобщенно оценил материальную культуру Витебска (с. 319). Он отметил ее восточнославянский облик в X — начале XII в., общерусский характер для конца XII — начала XIV в. и сохранение древнерусских традиций в XIV–XVI вв. Вместе с тем в последний из указанных периодов стали заметны западноевропейские новации — это новые формы керамики, обуви и появление стеклянной посуды. В XVII в. ассортимент привозных изделий сильно расширился, и тогда же материальная культура города становится уже близкой к традиционной культуре Беларуси XVIII–XIX вв.

Глава 4 содержит общую оценку хозяйства, быта и духовной сферы (с. 351–446). Здесь дается характеристика каждого из ремесел. Описанная обработка черного металла (с. 351–353), по умолчанию, предполагает местное изготовление всех найденных железных изделий. В главе 3 автор описал серию ножей с клеймами. В списке приведенных работ, где рассмотрены такие ножи в нескольких русских городах, прямо отмечено, что это изделия западного производства. В разделе «Организация ремесленников» автор прояснил этот вопрос, но с необычным толкованием. Найденные в слое XV–XVI вв. «около десятка» ножей и ножниц с клеймами Л. В. Колединский считает свидетельством их местной цеховой принадлежности (с. 359–360). Можно добавить, что в западных городах делали в XVI–XVII вв. и круглые железные замки, такие как витебская находка на рис. 235, 6–7. Известным центром производства таких навесных замков был город Нюрнберг в Германии.

Не лишен противоречий и раздел «ювелирного ремесла» (с. 353–354), где подчеркнуто, что весь поступавший в города Беларуси цветной металл шел из Западной Европы. При этом странным образом не обсуждается привоз уже готовых изделий, которые были найдены в слоях Витебска. По умолчанию, читателя подводят к выводу о местном производстве всех изделий из цветных металлов.

В разделе «Торговые связи» (с. 409–417) преимущественно названы те предметы из Западной Европы, Причерноморья и Кавказа, которые в силу специфики материала (самшит, янтарь), экзотичности (грецкий орех) или оригинальности ремесленной продукции (например, амфоры) можно связать только с торговыми поступлениями. Круг этих предметов хорошо известен в русских средневековых городах и постоянно отмечается в работах специалистов. Остается только гадать о причинах невключения в разряд привозных указанных выше ножей с клеймами, круглых замков, кожаных башмаков с просечным декором, также хорошо известных в археологической литературе.

Торговые связи между регионами Руси в работе едва упомянуты. Отмечено южнорусское происхождение (Киев, Овруч) шиферных пряслиц, стеклянных браслетов и перстней. Также автор считает возможным изготовление самшитовых гребней в Новгороде Великом, не детализируя свою оценку (с. 409), для чего были предпосылки. При рассмотрении орнамента гребней автор только отметил аналоги в Новгороде и Минске (с. 207), без каких-либо выводов. Это выглядит странно на фоне упоминания того, что в Витебске найдено «в разы» больше таких гребней, чем в других городах Беларуси, и того, что город находится ближе других к Новгороду. Возможно, автору остались неизвестны работы Л. В. Смирновой по новгородским гребням, чтобы детально сравнить находки из двух городов. Или же оказалась недоступной книга Е. А. Рыбиной о торговле средневекового Новгорода, где Витебск и Полоцк названы среди центров торговой связи с Новгородом, выявленных по берестяным грамотам (*Рыбина*, 2001. С. 89, рис. 8).

При чтении книги Л. В. Колединского становится очевидным, что у автора сохраняется непонимание характера торговых и иных связей Витеб-

ска с крупными центрами Руси и еще большее — в отношении городов Западной Европы. Что могло способствовать развитию контактов Витебска с крупными торговыми и ремесленными центрами Руси и Западной Европы? Какова регулярность этих торговых контактов и какие группы изделий составляли импорт? Такие вопросы, судя по тексту, автор даже не рассматривал.

В целом книга Л. В. Колединского может произвести двойственное впечатление на читателя, если считать ее самым полным изданием материалов Верхнего замка Витебска. С одной стороны, приведены точные и подробные описания раскрытых построек с упоминанием мельчайших фиксируемых деталей. Также имеется необычно пространственный раздел (глава 5) о проблемах охраны и сохранения культурного слоя Верхнего замка. Он отражает сложный характер взаимодействия археологов с властью, что было свойственно для многих регионов страны в советский период. С другой стороны — недостатки в научном и методическом подходах к изучению культурного слоя города, в смешении разных стадий научного исторического изучения города, от археологического описания и типологии вещей, вопросов сравнительного изучения материального комплекса и до историко-культурной интерпретацией данных, полученных при комплексном исследовании памятника. Кроме того, в книге много противоречивых сведений, в том числе датировок, и прямые погрешности в описании материалов. Таким образом, кажущаяся обстоятельность работы и описательная точность приводимых фактов требуют их тщательной проверки.

В качестве примера и образца комплексного изучения русского средневекового города, для сравнения с данной работой Л. В. Колединского, можно привести монографическую работу В. А. Лапшина по Тверскому кремлю (*Лапшин*, 2009).

Алексеев, 2006 — *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры. В 2 кн. М.: Наука, 2006. Кн. 1. 289 с.

Бубенько, 2004 — *Бубенько Т. С.* Средневековый Витебск. Посад — Нижний Замок (X — первая половина XIV в.). Витебск: Изд-во Витебского ГУ им. П. М. Машерова, 2004. 276 с.

Гайдуков, 1992 — *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: ИА РАН; НГОМЗ, 1992. 195 с.

Древний Новгород, 1985 — *Древний Новгород: прикладное искусство и археология. Альбом* / Сост.

Б. Колчин, В. Янин, С. Ямщиков. М.: Искусство, 1985. 167 с.

Колчин, Янин, 1982 — *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Под общ. ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М.: Наука, 1982. С. 3–137.

Курбатов, 1997 — *Курбатов А. В.* Археологическая реконструкция застройки Большого Бояршего города в Ивангородской крепости (Раскоп № 1) // Крепость Ивангород. Новые открытия: Сб. ст. / Сост. и ред. М. И. Мильчик. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 86–123.

- Курбатов*, 2009 — *Курбатов А. В.* Инструменты и приспособления для пошива кожаных изделий в средневековой России // *Stratum plus*. 2005–2009. 2009. № 5: Русское время. С. 284–310.
- Курбатов*, 2010 — *Курбатов А. В.* Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // *Stratum plus*. 2010. № 5: Ремесло археолога. С. 169–218.
- Курбатов*, 2013 — *Курбатов А. В.* Неизвестные псковские мастера // *Stratum plus*. 2013. № 5: Под знаком Рюриковичей. С. 337–344.
- Лапишин*, 2009 — *Лапишин В. А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXX). 534 с.
- Левко*, 1981 — *Левко О. Н.* Витебские изразцы XIV–XVIII вв. Минск: Наука и техника, 1981. 46 с.
- Левко*, 1984 — *Левко О. Н.* Витебск XIV–XVIII вв. Минск: Наука и техника, 1984. 119 с.
- Левко*, 1989 — *Левко О. Н.* Торговые связи Витебска в X–XVIII вв. Минск: Наука и техника, 1989. 87 с.
- Левко*, 2010 — *Левко О. Н.* Витебск. Древнейшие города Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2010. 335 с.
- Медведев*, 1956 — *Медведев А. Ф.* Водоотводные сооружения Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции / Под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. М.: Наука, 1956 (МИА; Т. 55). Т. 1. С. 208–227.
- Оятева*, 1962 — *Оятева Е. И.* Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. Вып. 4: Славянские древности. С. 77–94.
- Рыбина*, 2001 — *Рыбина Е. А.* Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород: Изд-во Новгородского ГУ, 2001. 390 с.
- Сорокин*, 1995 — *Сорокин А. Н.* Благоустройство древнего Новгорода. М.: Общество историков архитектуры, 1995 (Архив архитектуры; VI. Новгородские древности; Вып. 2). 138 с.
- Цауне*, 1984 — *Цауне А. В.* Жилища Риги XII–XIV вв. (по данным археологических раскопок). Рига: Зинатне, 1984. 151 с.
- Штыхов*, 1975 — *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк. IX–XIII вв. Минск: Наука и техника, 1975. 136 с.
- Grew, de Neergaard*, 1988 — *Grew F., de Neergaard M.* Shoes and pattens // *Medieval finds from excavation in London*: 2. London, 1988. 141 p.

Revealing the Darkness of the Middle Ages
Review of Колединский Л. В. Верхний замок Витебска (IX–XVIII вв.).
Гродно: ЮрСаПринт, 2021. 632 с.: ил.

A. V. Kurbatov³

Keywords: Old Russian towns, Upper Castle of Vitebsk, L. V. Koledinskiy.

³ Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: alkurba@rambler.ru.

VI (XXII) Всероссийский археологический съезд (Самара, 5–9 июня 2022 г.)

С. А. Васильев¹

Ключевые слова: Всероссийские археологические съезды.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-279-281

Судьба очередного Всероссийского археологического съезда, первоначально намеченного к проведению на базе Самарского государственного социально-педагогического университета в 2020 г., оказалась сложной. Ввиду эпидемиологических ограничений сроки созыва съезда неоднократно переносились, и, в конце концов, было решено провести его в 2022 г. в Самаре в смешанном (очно-заочном) формате. Под председательством Н. А. Макарова состоялась торжественное открытие съезда и пленарное заседание с участием членов оргкомитета, работа секций и заключительное заседание проходили в дистанционном режиме. Перед началом мероприятия организаторы выпустили в свет три тома трудов²; планируется издание дополнительного четвертого.

Работа съезда проходила в рамках 19 секций, организованных в основном в хронологическом порядке — от палеолита и мезолита до средневековья и нового времени. Кроме того, отдельно рассматривались проблемы изучения первобытного искусства, история нашей науки, междисциплинарные и палеоэкологические аспекты, компьютерные методы и геоинформационные системы, актуальные вопросы сохранения национального археологического наследия, социокультурная практика археологии. Состоялись круглые столы, посвященные проблемам охраны памятников и каталогизации наскального искусства.

¹ Отдел палеолита, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: sergevasiimk@gmail.com.

² Труды VI (XXII) всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3 т. / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара: Самарский гос. социально-педагогический университет, 2020. Т. 1 — 376 с.; т. 2 — 376 с.; т. 3 — 314 с.

Не имея возможности в кратком отчете охватить все стороны столь многогранного мероприятия, остановлюсь на близкой мне тематике древнекаменного века, рассматривавшейся на заседаниях секции 1 («Формирование и развитие культурных традиций в палеолите и мезолите»). В течение двух дней было заслушано и обсуждено 39 докладов и кратких сообщений. Работа собрания велась под руководством М. В. Шунькова, А. И. Кривошапкина, К. Н. Гаврилова и автора. Помимо основной секции несколько докладов по палеолиту были представлены в рамках секций по древнему искусству, междисциплинарным исследованиям, истории археологии, компьютерным технологиям. Нельзя не упомянуть развернутые пленарные доклады А. И. Кривошапкина и А. В. Полякова, посвященные итогам деятельности академических институтов Новосибирска и Санкт-Петербурга, включая обзор работ по палеолиту.

Прежде всего отметим доклады, посвященные памятникам Русской равнины. Технология расщепления камня опорного памятника восточного микока — стоянки Сухая Мечетка в Поволжье — стала темой доклада А. К. Очередного с соавторами. Большая часть сообщений по древнекаменному веку региона затрагивала верхнепалеолитическую проблематику. А. А. Синицын указал на нынешнее кризисное состояние концепции археологических культур в палеолите, отметив перенесение центра тяжести в реконструкциях в область палеодемографических построений. Тему продолжил А. А. Бессуднов с соавторами, которые представили критический анализ комплексов Костёнок, традиционно относимых к стрелецкой культуре. По мнению исследователей, за исключением нижнего слоя Костёнок 1, эти памятники неоднородны, и данные свидетельствуют скорее

в пользу «короткой» хронологии стрелецкой культуры. Группа во главе с К. Н. Степановой доложила о наборе украшений, свойственном ранним памятникам Костёнок. В выступлении С. Н. Лисицына с соавторами были подробно изложены результаты комплексного изучения сланцевых шлифованных дисков, найденных в Костёнках. Авторы задействовали технологический, планиграфический и трасологический анализ, а также провели серию экспериментов по изготовлению и использованию дисков. С. Ю. Лев рассказал о раскопках последних лет на различных пунктах Зарайской стоянки в Подмосковье. Г. В. Синицына остановилась на вопросе о времени и путях расселения человека финального палеолита на освободившейся от ледника территории северо-запада Русской равнины.

Не меньший интерес вызвали сообщения по тематике древнекаменного века Кавказа. В докладе коллектива российских и азербайджанских коллег, зачитанном А. А. Анойкиным, были подведены итоги обследования нижнепалеолитического местонахождения Гараджа. Е. В. Дороничева поделилась сведениями об изучении среднепалеолитических слоев в гроте Сарадж-Чуко в Приэльбрусье. Дополнением к докладу стала коллективная презентация, посвященная современным методам изучения каменного сырья и полученным на этой основе выводам относительно стратегий добычи, транспортировки и использования сырья среднепалеолитическими обитателями Северного Кавказа. Л. В. Голованова и В. Б. Дороничев представили обзор памятников эпипалеолита Кавказа в его сопоставлении с культурами Ближнего Востока. Е. В. Леонова продемонстрировала схему хронологического расчленения памятников финального палеолита Северо-Западного Кавказа. Л. А. Белова обрисовала собственную версию происхождения зарзийской культуры Прикаспия.

Больших успехов достигли в последние годы исследователи древностей Казахстана. Внимание собравшихся привлекли сенсационные результаты раскопок многослойных четко стратифицированных стоянок Майбулак и Рахат в предгорьях Тянь-Шаня (доклад Д. В. Ожерельева). На основании этих колонок впервые открывается возможность создания периодизации верхнего палеолита региона. В. М. Харевич дал характеристику технике первичного расщепления в комплексе начального верхнего палеолита на стоянке Ушбулак, расположенной на востоке республики, а Г. Д. Павленок остановилась на представленных здесь же материалах финального палеолита. А. М. Чеха

говорил о поверхностных местонахождениях палеолита Северного Приаралья и Мугоджар.

Исключительный интерес представляют первые результаты возобновления работ на лессовых памятниках Таджикистана. Коллектив исследователей во главе с А. А. Анойкиным помимо изучения известных разрезов местонахождений Кульдара и Оби-Мазар открыл новый памятник — стоянку Лахути IV, где впервые на подобных объектах была выявлена высокая концентрация артефактов в культуросодержащем слое. А. И. Кривошапкин представил обзор среднеазиатских памятников среднего палеолита с пластинчатой индустрией (Оби-Рахмат, Кульбулак, Худжи). К. К. Павленок проинформировал об открытии стратифицированных палеолитических памятников в долине р. Ахангарон в Узбекистане, в том числе стоянки Эрташсай. С. В. Шнайдер говорила о проблемах культурной вариации памятников финала плейстоцена и раннего голоцена на Памире.

Большая серия докладов была посвящена палеолиту Северной Азии. В центре внимания находились алтайские материалы. М. Б. Козликин остановился на характеристике каменной индустрии самых нижних культурных слоев Денисовой пещеры. М. В. Шуньков обрисовал развитие индустрий кара-бомовского и денисовского вариантов, относящихся к единой среднепалеолитической культурной традиции. В развернутом докладе К. А. Колобовой была изложена версия второй волны расселения неандертальцев на Алтае, представленная памятниками сибирячихинского варианта среднего палеолита (пещера Окладникова, Чагырская пещера), аналога восточного микока.

Н. Е. Белоусова с соавторами представила итоги изучения серии тонких листовидных бифасов из верхнепалеолитических памятников Алтая. Группа М. В. Селецкого проанализировала орудия для обработки минерального сырья из верхнепалеолитических слоев стоянки Усть-Каракол 1. В докладе А. Ю. Федорченко с соавторами была продемонстрирована серия костяных пронизок, происходящая из раскопок в центральном зале Денисовой пещеры.

Результаты новой кампании археологических работ на знаменитой Афонтовой Горе стали темой выступления И. И. Разгильдеевой, в котором исследовательница рассказала о планиграфической картине, открытой на стоянке Крутая. С. А. Васильев представил доклад о расселении позднепалеолитического человека на территории Южно-Минусинской котловины и ее горного окружения, наметив пути культурных контактов

с Тувой. Е. В. Акимова обратилась к материалам известной стоянки Усть-Кова в Приангарье, предложив новую версию интерпретации памятника, основанную на различиях в комплексах участков древнего поселения вместо не оправдавшего себя деления коллекции на разновременные компоненты. В докладе Д. П. Золотарева и Н. Е. Бердниковой была дана характеристика особенностей техники микропластинчатого расщепления в комплексах сартанского времени Байкало-Енисейской Сибири.

Два выступления были посвящены выявлению общих черт в развитии древнекаменного века Южной Сибири и Монголии. Е. П. Рыбин остановился на характерной для начального верхнего палеолита бипродольной пластинчатой техники расщепления, а А. М. Хаценович обрисовала основные этапы расселения человека в Монголии в среднем и верхнем палеолите.

Единственный доклад, посвященный дальневосточным материалам, был зачитан И. Ю. Понкратовой, которая предложила новую схему периодизации каменного века Камчатки, состоящую из пяти этапов, начиная от переходного от палеолита периода до позднего неолита.

Наконец, в двух выступлениях были представлены открытия последних лет, свидетельствующие,

по мнению авторов, об очень древнем заселении человеком Арктики. В коллективном докладе, зачитанном А. В. Постновым, излагались итоги работ на Нижней Оби, где на местонахождении плейстоценового возраста Кушеват были встречены единичные стратифицированные находки изделий из камня и рог со следами обработки. А. В. Кандыба сообщил о находках остатков мамонтовой фауны на севере Якутии со следами, интерпретируемыми как свидетельства использования костей человеком.

Несколько сообщений касались мезолитической тематики. А. Г. Едовин представил материалы по мезолитическим памятникам юго-восточного Беломорья. Темой доклада Д. А. Демакова и Е. Л. Лычагиной стали позднемезолитические Косинские стоянки в Верхнем Прикамье. Е. Н. Бочарова рассказала об опыте изучения пазовых орудий из раннеголоценовых горизонтов стоянки Казачка-1 на р. Кан.

Итоги работы секций были подведены на заключительном заседании съезда, где состоялось живое обсуждение неотложных мер по законодательному регулированию порядка археологического обследования в зонах строительства. Время и место проведения следующего археологического съезда будет уточнено.

VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress (Samara, June 5–9, 2022)

S. A. Vasil'ev³

Keywords: All-Russian archaeological congresses.

³ Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: sergevasiimk@gmail.com.

М. П. Грязнов — 90/100/110/120 лет.
Первые итоги Международной научной конференции
«Евразия в энеолите — раннем средневековье
(инновации, контакты, трансляции идей и технологий)»
(ноябрь 2022 г., Санкт-Петербург)¹

М. Т. Кашуба, Е. О. Стоянов, В. Б. Трубникова, А. В. Фрибус²

Ключевые слова: горно-степная Евразия, М. П. Грязнов, неолит, энеолит, эпоха бронзы, железный век, раннее средневековье, искусство, понятийный аппарат археологии, археологические культуры, хронология, междисциплинарные исследования, интерпретация, история науки, научное взаимодействие.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-282-288

7–11 ноября 2022 г. ИИМК РАН совместно с Государственным Эрмитажем была проведена Международная научная конференция «Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий)», посвященная 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова.

Конференция — четвертое масштабное научное мероприятие в Санкт-Петербурге, приуроченное к юбилейным датам М. П. Грязнова — признанного лидера и основателя ленинградской школы археологии Сибири эпохи бронзы и раннего железного века. Первоначально, начиная с 1992 г., такие конференции организовывали его соратники, друзья, коллеги и прямые ученики. Сегодня эту эстафету приняли уже в основном его идейные наследники, которые продолжают многие научные традиции в практической и теоретической сферах археологии, заложенные М. П. Грязновым. Все эти

научные форумы сопровождались выходом в свет объемных сборников материалов (в 1992 г. — тезисов), которые, благодаря охвату и глубине обсуждаемых проблем, всегда оказывались востребованы в научной среде.

На первой конференции 1992 г., посвященной 90-летию М. П. Грязнова, около 90 докладов были заслушаны в четырех основных секциях, сформированных по направлениям, связанным как с самим исследователем и его научным наследием, так и с широкой областью его научных интересов: 1) «М. П. Грязнов и общие проблемы археологии Евразии» (10); 2) «Эпоха камня и бронзы» (25); 3) «Эпоха ранних кочевников» (34); 4) «Гунно-сарматское время и средневековье» (19) (Северная Евразия..., 1992). 100-летие со дня рождения М. П. Грязнова (2002 г.) ознаменовалось проведением в Санкт-Петербурге крупной конференции и выходом в свет двух объемных томов ее материалов. Программа заседаний и соответственно структура двухтомника в целом оставалась прежней — около 170 работ были помещены в четыре крупных раздела: 1) «М. П. Грязнов и его научное наследие» (25); 2) «Археология эпохи камня и бронзы» (54); 3) «Бронза. Ранние кочевники» (61); 4) «Средневековье» (27) (Степи Евразии..., 2002; 2003). К конференции, посвященной 110-летию со дня рождения М. П. Грязнова (2012 г.), в Санкт-Петербурге были выпущены три книги, две из которых — ее материалы

¹ Статья подготовлена, а научное мероприятие проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: mirra-k@yandex.ru; eostoyanov@mail.ru; barbarera@gmail.com; fribus@list.ru.

(более 180 работ), а третья — описание петербургской части личного архива ученого. По сравнению с предыдущими сборниками структура двухтомника 2012 г. была сформирована с акцентом на культурогенез и междисциплинарные исследования: 1) «Научное наследие М. П. Грязнова» (13); 2) «Проблемы культурогенеза Евразии (общие вопросы, неолит, энеолит и бронзовый век, железный век, средневековье» (104); 3) «Антропология древнего населения евразийских степей» (9); 4) «Древнее искусство Северной Евразии» (42); 5) «Современные методы археологических исследований» (13) (Культуры степной Евразии..., 2012). В отдельный том вошли: материалы полевых исследований и рукописное наследие М. П. Грязнова, хранящееся в рукописном отделе НА ИИМК РАН; научное наследие М. П. Грязнова, хранящееся в фотографическом отделе НА ИИМК РАН; список опубликованных работ М. П. Грязнова (дополненный по материалам личного архива и печатным работам, вышедшим после 2002 г.) (Михаил Петрович Грязнов..., 2012).

Торжественное открытие конференции 2022 г., приуроченной к 120-летию М. П. Грязнова, по традиции прошло в Эрмитажном театре (рис. 1–3). Подготовленный и изданный к началу конференции сборник материалов, включающий 134 статьи, сохраняет широкую тематику, характерную для таких юбилейных научных форумов: в нем традиционно отдана дань уважения М. П. Грязнову как ученому, а затронутая проблематика как нельзя лучше соответствует разнообразию его исследовательских интересов (Евразия в энеолите..., 2022). Сборник разделен на семь тематических блоков, каждый из которых отражает научные интересы М. П. Грязнова: 1) «Научное наследие М. П. Грязнова и современное развитие археологии»; 2) «Энеолит и бронзовый век: культурные традиции и инновации»; 3) «Эпоха раннего железа: вещи, традиции, идеи»; 4) «Кочевники рубежа эр»; 5) «Средняя Азия и Кавказ»; 6) «Изобразительный мир Евразии: новые интерпретации»; 7) «Евразийское пространство в средневековье».

В конференции приняли участие более 200 ученых — археологов, историков и специалистов смежных областей знаний — из Российской Федерации (более 160 авторов), Казахстана (10 авторов), Китая (7 авторов), Узбекистана (4 автора), а также Молдовы, Германии, Великобритании, США, Монголии, Японии, Италии, Туркменистана, Армении, Азербайджана, Таджикистана, Афганистана, Испании. Они представляли 81 учреж-

дение — научные, научно-образовательные и научно-просветительские организации этих стран. На конференции работали семь секций, которые нашли отражение в структуре сборника. Конференция в основном проходила в очном формате: из 137 заслушанных докладов только 28 были сделаны онлайн. Большой интерес к мероприятию демонстрирует количество докладов, прочитанных без предоставления печатных материалов в сборник, — 29 выступлений. На протяжении всего периода работы велась онлайн-трансляция, а все заседания записывались, что позволило расширить научную аудиторию.

Темы и сюжеты конференции 2022 г. (и сборника ее материалов), как и в предшествующие годы, обусловлены разнообразием и широтой исследовательских интересов М. П. Грязнова. Отдельные разделы стали уже традиционными: в них сгруппированы статьи, посвященные актуальным вопросам изучения энеолита, эпохи бронзы, раннего железного века, средневековья Сибири, Центральной Азии, Урала, Дальнего Востока, Кавказа. На всех секциях были представлены материалы, полученные в ходе новейших полевых исследований, прозвучали важные проблемные доклады, в том числе посвященные вопросам археологической терминологии и ее согласования для Восточной Европы, Южной и Западной Сибири, Казахстана, Урала (на секциях «Научное наследие М. П. Грязнова...» и «Энеолит и бронзовый век...»), а также проблеме выделения археологических культур (секции «Энеолит и бронзовый век...» и «Эпоха раннего железа...»). Важное место заняло обсуждение перспектив и возможностей построения региональных хронологических схем на основе результатов радиоуглеродного датирования, а также основных методических вопросов использования самого метода. Участники дискуссии обратили внимание на его ограниченность и проблему обоснованного и аргументированного отбора проб с учетом археологического контекста для получения корректных результатов по различным типам образцов (костям человека и животных, дереву и т. д.). Традиционно выделялись доклады по антропологической тематике, в том числе по результатам новейших палеогенетических исследований. Секция «Средняя Азия и Кавказ» оказалась единственной, сформированной не по тематическому или хронологическому, а по географическому принципу. Однако такая комбинация в результате дала разностороннюю и при этом достаточно целостную археологическую панораму Средней Азии и Кавказа

от первобытности до раннего средневековья. На секциях «Кочевники рубежа эр», «Изобразительный мир Евразии...» и «Евразийское пространство в средневековье» все заслушанные доклады сочетали богатство представленного материала, включая новейшие находки, с высоким теоретическим уровнем его интерпретации. Докладчиками было высказано немало свежих и интересных идей и наблюдений, вызвавших живой отклик аудитории: все выступления сопровождались широким и заинтересованным их обсуждением. Во многих докладах, равно как и в ходе их обсуждения, участники дискуссии подчеркивали большое значение исследований Михаила Петровича Грязнова в развитии многих направлений археологии горно-степной Евразии, важность его методических разработок, часть которых не утратила своей актуальности и по сей день. Подводя итоги работы секций, можно уверенно заключить, что в совокупности представленные доклады адекватно отразили основные современные тенденции в развитии археологии горно-степной Евразии от энеолита до средневековья.

Отдельный день был посвящен культурной программе, обеспечение которой взяли на себя сотрудники Государственного Эрмитажа. Это — важная составляющая юбилейных конференций в честь М. П. Грязнова, так как он являлся и сотрудником Государственного Эрмитажа, а многие всемирно известные находки, связанные с его именем, по праву украшают сегодня залы музея. Все участники конференции имели возможность посетить Золотую кладовую, они самостоятельно осматривали экспозицию и могли задать вопросы

коллегам из Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. Также сотрудники Государственного Эрмитажа провели тематические авторские экскурсии: «Из истории экспозиции 5-го Пазырыкского кургана» (Н. Н. Николаев), «Элитные курганы пазырыкской культуры» (Е. В. Степанова), «Скифское время Тувы и Минусинской котловины» (К. В. Чугунов), «Коллекция Ноин-Улы в собрании Государственного Эрмитажа» (Н. А. Сутягина), «Хунну в собрании Государственного Эрмитажа» (Н. Н. Николаев), «Таштыкская культура и сибирское средневековье» (С. В. Панкова). Благодаря насыщенной экскурсионной программе Государственный Эрмитаж посетили более 100 участников конференции.

На заключительном заседании, которое прошло в Дубовом зале ИИМК РАН, участники обменялись мнениями о прошедшей конференции, были подведены ее первые итоги. Выступающие подчеркивали важность проведения в Санкт-Петербурге юбилейных конференций в честь М. П. Грязнова, которые дают возможность обсудить актуальные проблемы отечественной археологической науки. Были высказаны пожелания: продолжить в ИИМК РАН традицию проведения Международных научных конференций, посвященных юбилеям М. П. Грязнова и следующую провести в 2032 г.; подготовить монографическое издание биографии М. П. Грязнова; увековечить память о М. П. Грязнове, присвоив его имя филиалу, археологическому памятнику или музеифицированному комплексу. Были затронуты также непростые проблемы, которые касаются абсолютной недостаточности имеющейся в Российской Федерации лабораторной базы для

Рис. 1. Международная научная конференция «Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий)», посвященная 120-летию М. П. Грязнова. Регистрация участников, фоторепортаж: 1, 2 — участники конференции и (справа) секретари В. С. Бусова, П. С. Дрёмова; 3 — секретариат конференции (слева направо): В. Б. Трубникова (2-я слева), И. Ж. Тутаева, В. М. Лурье, О. В. Сычева, А. И. Климушина; 4 — В. Б. Трубникова и А. В. Фрибус; 5 — секретариат конференции (слева направо): О. В. Сычева, А. И. Климушина, И. Ж. Тутаева и участники конференции; 6 — ответственные секретари конференции (слева направо): В. Б. Трубникова, Е. О. Стоянов и помощник-волонтер; 7, 8 — участники конференции (7 ноября 2022 г.; Эрмитажный театр, Санкт-Петербург, Россия; фотографии — И. Лицук)

Fig. 1. International conference “Eurasia from the Aeneolithic (Chalcolithic) Era to the Early Middle Ages (Innovations, Contacts, Transmission of Ideas and Technologies)”, dedicated to the 120th anniversary of M. P. Gryaznov. The participants’ registration, a photo report: 1, 2 — participants of the conference and the secretaries (right) V. S. Busova, P. S. Dremova; 3 — the conference’s secretaries (from left to right): V. B. Trubnikova (the 2nd from the left), I. Zh. Tutaeva, V. M. Lurie, O. V. Sycheva, A. I. Klimushina; 4 — V. B. Trubnikova and A. V. Fribus; 5 — the conference’s secretaries (from left to right): O. V. Sycheva, A. I. Klimushina, I. Zh. Tutaeva and the participants of the conference; 6 — the executive secretaries of the conference (from left to right): V. B. Trubnikova, Ev. O. Stoyanov and a volunteer; 7, 8 — the participants of the conference (November 7, 2022, the Hermitage Theatre, St. Petersburg, Russia; photo by I. Litsuk)

Рис. 2. Международная научная конференция «Евразия в энеолите — раннем средневековье...». Открытие и пленарное заседание, фоторепортаж. Приветственное слово: 1 — Г. В. Вилинбахова (председатели: А. Ю. Алексеев, М. Т. Кашуба); 2 — А. В. Полякова. Выступают с докладами: 3 — А. В. Поляков; 4 — Н. А. Боковенко; 5 — К. В. Чугунов; 6 — В. И. Молодин; 7 — А. А. Тишкин (7 ноября 2022 г., Эрмитажный театр, Санкт-Петербург, Россия; фотографии — С. Бутыгин)

Fig. 2. International conference “Eurasia from the Aeneolithic (Chalcolithic) Era to the Early Middle Ages...”. The opening ceremony and plenary session, a photo report. The opening ceremony, the greeting by: 1 — G. V. Vilinbakhov (the chairmen: A. Yu. Alekseev, M. T. Kashuba); 2 — A. V. Polyakov (the chairmen: A. Yu. Alekseev, M. T. Kashuba). The reports by: 3 — A. V. Poliakov; 4 — N. A. Bokovenko; 5 — K. V. Chugunov; 6 — V. I. Molodin; 7 — A. A. Tishkin (November 7, 2022, the Hermitage Theatre, St. Petersburg, Russia; photo by S. Butygin)

Рис. 3. Международная научная конференция «Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий)», посвященная 120-летию М. П. Грязнова. Общая фотография участников конференции (7 ноября 2022 г., Эрмитажный театр, Санкт-Петербург, Россия; фотография — Стас Бутыгин)

Fig. 3. International conference “Eurasia from the Aeneolithic (Chalcolithic) Era to the Early Middle Ages (Innovations, Contacts, Transmission of Ideas and Technologies)”, dedicated to the 120th anniversary of Mikhail P. Gryaznov. A group photo of the participants (November 7, 2022, The Hermitage Theatre, St. Petersburg, Russia; photo by Stas Butygin)

проведения естественнонаучных исследований как неотъемлемой составляющей современных археологических работ и необходимости грантовой поддержки научных форумов. Выступающие отметили высокий научный и организационный

уровни прошедшей конференции, несомненно, способствующие широкому обсуждению итогов проведенных исследований и позволяющие наметить тенденции развития отечественной археологии.

- Евразия в энеолите..., 2022 — Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рожд. выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии М. П. Грязнова / Отв. ред. М. Т. Кашуба, Н. Ю. Смирнов, Е. О. Стоянов, В. Б. Трубникова. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 460 с.
- Культуры степной Евразии..., 2012 — Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. В 2 т. / Редкол. В. А. Алёшкин и др. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. Т. 1 — 432 с.; Т. 2 — 584 с.
- Михаил Петрович Грязнов..., 2012 — Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ / Отв. ред. Д. Г. Савинов; сост. Е. В. Бобровская и др. СПб.: ЭлекСис, 2012. 80 с.
- Северная Евразия..., 1992 — Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конф. к 90-летию со дня рожд. М. П. Грязнова) / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1992. 246 с. (Археологические изыскания; Вып. 2).
- Степи Евразии..., 2002 — Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. П. Грязнова (март 2002 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. 284 с.
- Степи Евразии..., 2003 — Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. П. Грязнова (март 2002 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 310 с.

М. P. Gryaznov — 90/100/110/120.

First results of the International conference Eurasia from the Aeneolithic (Chalcolithic) Era to the Early Middle Ages (Innovations, Contacts, Transmission of Ideas and Technologies) (November 2022, St. Petersburg)

M. T. Kashuba, Yv. O. Stoyanov, V. B. Trubnikova, A. V. Fribus³

Keywords: mountain-steppe zone of Eurasia, Mikhail P. Gryaznov, Neolithic, Aeneolithic (Chalcolithic), Bronze Age, Iron Age, Early Middle Ages, art, conceptual framework of archaeology, archaeological cultures, chronology, interdisciplinary studies, interpretation, history of science, academic (scholarly?) interaction.

³ Maya T. Kashuba, Evgeniy O. Stoyanov Varvara B. Trubnikova, Alexey V. Fribus — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: mirra-k@yandex.ru; eostoyanov@mail.ru; barbarera@gmail.com; fribus@list.ru.

СТЕК — НОВАЯ ПЛОЩАДКА НАУЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

М. Т. Кашуба²

Ключевые слова: СТЕК (сырьё — технология — культура), научное взаимодействие, современные исследовательские сети контактов.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-289-290

С 2022 г. в ИИМК РАН на базе Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа при активной поддержке сотрудников Научного архива начала работу новая площадка научного взаимодействия СТЕК («сырьё — технология — культура»). Научное взаимодействие в мире обретает новые формы реализации. Комплексный подход и междисциплинарные исследования, непреходящая ценность традиционных (классических) методов и поиск новых возможностей их применения — все это реалии современной археологической науки. Ученым-археологам и специалистам смежных наук необходимо обеспечить современные формы сотрудничества, поэтому базовые принципы СТЕК — придать импульс и поддержать его, объединить в сети для достижения стратегических целей (поисково-фундаментальных исследований).

В названии «СТЕК» («сырьё — технология — культура») объединены важнейшие соотношения живой и неживой природы, фундаментальные основы изучения прошлого и поисково-прикладные исследования (рис. 1). Для существования и развития любой, прошлой или настоящей, культуры жизненно важное значение имеет использование природного сырья. Чем лучше оно используется, тем успешнее развивается культура. Этого можно добиться посредством внедрения новых технологий. Они являются тем средством, с помощью

которого культура адаптируется к окружающей среде, а с течением времени адаптирует ее в своих целях. Поэтому поступательное развитие технологии в значительной мере обуславливает прогресс всей культуры. Неслучайно основным принципом универсальной археологической периодизации, «системы трех веков», является технологический критерий. Кардинальная смена технологий приводит к смене археологических эпох. Натур- и экофакты (сырьё) посредством технологий преобразуются в артефакты (культура), которые в свою очередь воздействуют на сырьё (рис. 1).

Триада «сырьё — технология — культура» (СТЕК) отражает в общей форме одну из существенных сторон развития человеческого общества и его культуры. Использование природного сырья путем внедрения новых технологий, поступательное развитие которых в значительной степени обеспечивает прогресс всей культуры, — станут базовыми темами научных симпозиумов, коллективных и индивидуальных монографий, которые планируется представлять научному сообществу в устной (выступления оф- и онлайн) и печатной (статьи, сборники статей, монографии) формах под знаком «СТЕК».

Работа симпозиумов начата в 2022 г., прошли два научных мероприятия по эпохе палеометалла Кавказа, Восточной Европы и прилегающих территорий.

СТЕК № 1, который состоялся в феврале 2022 г. и был посвящен 125-летию Александра Александровича Иессена, имеет прямое отношение к особенно близкой ученому тематике, связанной «...с историей металлургии, этапами ее технологического прогресса и решающим воздействием на развитие культуры и общества

¹ Сообщение подготовлено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: mirra-k@yandex.ru.

Рис. 1. Принципиальная схема СТЕК: сырьё (натур- и экофакты) — технология — культура (артефакты) во взаимодействиях

Fig. 1. STEK principle scheme: raw materials (natural- and eco-facts) — technology — culture (artifacts) in interactions

в целом»³. Тема симпозиума «Развитие металлопроизводства и культурный прогресс в эпоху палеометалла на Кавказе и сопредельных территориях» была раскрыта в сообщениях, в которых прозвучал анализ научного творчества и наследия А. А. Иессена, а также в ряде докладов по актуальным проблемам энеолита, раннего и среднего бронзового века, серии выступлений по металлопроизводству бронзового века Кавказа (и прилегающих территорий), по освоению железа древними сообществами Восточной Европы. Было заслушано и обсуждено 17 докладов; в работе симпозиума приняло участие более 40 человек. Материалы СТЕК № 1 планируется опубликовать в выпуске 38 журнала «Археологические вести» в 2023 г.

СТЕК № 2, который прошел в мае 2022 г. и был приурочен к 100-летию Каринэ Христофоровны Кушнарёвой, был посвящен теме «Кавказ в системе контактов и связей в эпоху палеометалла (IV — начало I тыс. до н. э.)». В докладах

о К. Х. Кушнарёвой в полной мере раскрыты личность и научная деятельность исследовательницы в стенах ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН, а также малоизвестные страницы истории изучения Армении. Значительная часть докладов касалась важных аспектов изучения Кавказа эпохи палеометалла: проблем энеолита и неолита, раннего и среднего бронзового века, металлопроизводства бронзового века Кавказа и прилегающих территорий, включая взаимосвязи Прикубанья с Центральным и Западным Закавказьем. В серии докладов отражена проблематика кобанской археологической культуры. Было заслушано и обсуждено 17 докладов; в работе симпозиума приняло участие около 50 человек. Материалы СТЕК № 2, а также несколько близких по тематике симпозиума статей опубликованы⁴.

Следующие симпозиумы с грифом «СТЕК» планируется провести в 2023–2024 гг. по темам, связанным с эко-, натур-, артефактами и культурными процессами в эпоху бронзы и раннем железном веке в степном поясе Евразии.

³ Массон В. М. Расширенное заседание сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА // Древние культуры Кавказа и Причерноморских степей. М.: Наука, 1986 (КСИА; Вып. 192). С. 98.

⁴ Кашуба М. Т. СТЕК № 2 — К 100-летию К. Х. Кушнарёвой // Записки ИИМК РАН. 2022. № 37. С. 9–13.

STEK is a new platform for academic interaction

М. Т. Kashuba⁵

Keywords: STEK (raw materials — technology — culture), academic interaction, modern research networks.

⁵ Maya T. Kashuba — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: mirra-k@yandex.ru.

AD MEMORIAM

Татьяна Анатольевна Ершова

(16 декабря 1948 — 21 декабря 2021)

21 декабря 2021 г. ушла из жизни наша коллега, сотрудница научного архива ИИМК РАН Татьяна Анатольевна Ершова. Более сорока лет (с 1978 г.) она трудилась в нашем Институте — сначала в фотолаборатории ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН, а затем в архиве. По образованию химик-технолог, до прихода в Институт Татьяна Анатольевна успела поработать чертежницей, библиотекарем, инженером картографического производства ВМФ, но свое настоящее призвание она, несомненно, нашла в фотографическом деле.

За годы работы в фотолаборатории Института Татьяна Анатольевна сумела стать фотографом высочайшего класса и в совершенстве овладела всеми видами фоторабот: от фиксации процесса полевых исследований в экспедициях до подготовки изображений для археологических изданий, художественных альбомов и публикаций по исторической тематике. Она мастерски снимала древние находки из разных материалов и чертежи для полевых отчетов, занималась репродуцированием, фотопечатью, изготовлением диапозитивов. Выполнение таблиц к «Археологии СССР», иллюстративное сопровождение плановых тем сотрудников Института, подготовка фотоматериалов к монографиям, диссертациям, всесоюзным совещаниям, международным конгрессам, изготовление фотографий, в том числе крупноформатных, для ряда выставок, проходивших в России и за рубежом, — вот далеко не полный список направлений ее активной деятельности на фотографическом поприще. Ежегодное количество обработанных Татьяной Анатольевной пленок, выполненных отпечатков, пересъемок, снятых таблиц исчислялось тысячами.

В 2000-х гг. она быстро освоила новые компьютерные технологии и графические программы для работы с цифровыми изображениями и превратилась в незаменимого специалиста по подготовке и обработке электронных копий документов из архивного собрания ИИМК РАН.

Татьяна Анатольевна Ершова (1948–2021)
Tatyana Anatolyevna Ershova (1948–2021)

И снова практически ни одно издание Института не обходилось без сделанных ею иллюстраций, а посетители архива неоднократно восхищались качеством исполненных по их заказам копий документов и доброжелательностью Татьяны Анатольевны в общении.

С удовольствием она принимала участие и в археологических экспедициях, где пользовалась неизменной любовью и уважением сотрудников. За ее плечами остались Саяно-Тувинская (1978–1981), Тарханкутская (1979–1981), Пенджикентская (1982, 1998–2007), Тувинская (2011–2013) экспедиции и раскопки на Пор-Бажине (2008).

Друзья и коллеги высоко ценили Татьяну Анатольевну за острый ум и готовность прийти на помощь в любой ситуации, надежность, безотказность и профессионализм в работе. Светлая память об этом замечательном человеке навсегда останется в наших сердцах!

М. В. Медведева

Сергей Васильевич Белецкий

(21 августа 1953 — 19 февраля 2022)

19 февраля 2022 г. на 69-м году жизни после тяжелой болезни скончался Сергей Васильевич Белецкий, наш друг и коллега — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, один из крупнейших и международно признанных специалистов в области славяно-русской археологии, средневековой сфрагистики и геральдики.

Сергей Васильевич родился 21 августа 1953 г. в семье сотрудников Государственного Эрмитажа — археолога Василия Дмитриевича Белецкого и искусствоведа Александры Семеновны Косцовой, в археологические экспедиции ездил с 8 лет. В 1970 г. поступил, а в 1976 г. окончил исторический факультет ЛГУ по кафедре археологии (руководители — Г. С. Лебедев и В. В. Седов). В 1976–1978 гг. С. В. Белецкий продолжил обучение в аспирантуре Института археологии АН СССР под руководством В. В. Седова и в 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию «Керамика Псковской земли второй половины I — начала II тыс. н. э. как исторический источник». Позднее на этой основе была написана и вышла в свет в 1996 г. полемически заостренная книга «Начало Пскова». Предпринятая в этой работе реконструкция культурной стратиграфии Труворова городища в Старом Изборске привела автора к выводу об отсутствии на площадке городища достоверного слоя X в. Позднее автор пришел к заключению, что Изборск, упомянутый в летописном рассказе о призвании варягов, — это не Труворово городище, а поселение конца IX — начала XI в. на месте современного Пскова.

С 1979 по 1989 г. С. В. Белецкий работал в отделе археологических сводов Института археологии АН СССР, под руководством В. В. Седова проводил раскопки в Изборске и Пскове, в 1980 г. принимал участие в организации научного семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли».

В 1989 г. С. В. Белецкий был переведен из Института археологии АН СССР в Ленинградское

Сергей Васильевич Белецкий (1953–2022)
Sergei Vasilyevich Beletsky (1953–2022)

отделение того же института (ныне ИИМК РАН), где в отделе славяно-финской археологии и проработал до последних дней своей жизни. В 1995 г. он успешно защитил докторскую диссертацию «Сфрагистика Пскова XIV–XV вв. (материалы для истории властных структур в средневековом городе)». В основу работы легла уникальная находка — «архив», обнаруженный при раскопках в 1960–1962 гг., включавший 564 печати, который и был впервые введен в научный оборот.

Приступив к изучению «знаков Рюриковичей», С. В. Белецкий собрал и каталогизировал несколько тысяч предметов с изображением древнерусских княжеских знаков. Ему удалось выявить

правила наследования сыновьями отцовского знака и благодаря этому аргументировать персональную принадлежность всех известных в настоящее время знаков X–XI вв. и многих знаков XII–XIII вв. Смелые реконструкции С. В. Белецкого нередко встречали возражения оппонентов, но его это только подзадоривало: нравилась атмосфера острой научной полемики.

Очень важным делом, успешно завершённым С. В. Белецким в 2018 г., стал исчерпывающий анализ сфрагистических материалов Старой Ладуги XI–XV вв., включавший на тот момент 234 памятника сфрагистики — вислых печатей и пломб. Наблюдения и открытия, сделанные в ходе анализа этого материала, позволили выяснить ряд ключевых моментов истории города в XI–XIII вв.

Сергей Васильевич был необычайно работоспособен. Он автор более 400 печатных работ. Буквально накануне ухода он успел подготовить к печати монографию: *В. Д. Белецкий,*

С. В. Белецкий. «Архив» актовых печатей из раскопок в Довмонтовом городе Пскова» — книга вышла в издательстве Государственного Эрмитажа спустя полгода. Этот выдающийся труд — достойный итог исследований двух поколений семьи археологов Белецких.

Научные исследования Сергей Васильевич сочетал с преподавательской деятельностью, подготовив много поколений студентов-историков и культурологов. Лекции Сергей Васильевич читал артистично, любил студенческую аудиторию и гордился званием профессора кафедры музееведения Санкт-Петербургского государственного института культуры.

Несмотря на тяжелую длительную болезнь, всем, кто знал Сергея Васильевича, коллегам, друзьям, многочисленным студентам он запомнился неизменно шумным, веселым, балагурящим. С его уходом в нашей жизни возникла невосполнимая пустота.

В. А. Лапшин

Александр Иванович Сакса

(11 августа 1951 — 14 августа 2022)

14 августа 2022 г. скоропостижно ушел из жизни Александр Иванович Сакса — ведущий научный сотрудник отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, доктор исторических наук, крупнейший специалист по средневековым древностям Карелии, Финляндии и Прибалтики.

Александр Иванович — ингерманландский финн. Его предки — крестьяне, переселенные шведской администрацией из Юго-Восточной Финляндии на земли, отошедшие Швеции после Столбовского мира 1617 г. Родители родом из деревни Горки в Губаницком сельском поселении Волосовского района Ленинградской области. Отец Иван Анисимович был плотником, а мама Айно Ивановна — домохозяйкой. Согласно семейной легенде, в начале XX в. прадед Александра Ивановича (по материнской линии) работал в Выборге кузнецом (все мужчины в ее роду были кузнецами). Ингерманландцы пережили в 1930–1940-е гг. несколько депортаций, поэтому Александр Иванович родился 11 августа 1951 г. не на малой родине, а в г. Петрозаводске. Только в 1956 г. семье удалось вернуться в родные места. В начальных классах Александр Иванович учился в родной деревне Горки, позже — в деревне Торосово (известной своей усадьбой Врангеля), заканчивал школу в г. Волосово. После службы в войсках связи Балтийского флота и рабфака в 1973 г. А. И. Сакса поступил на кафедру археологии истфака ЛГУ.

Научным руководителем Саши Саксы на кафедре стал Глеб Сергеевич Лебедев, он и предложил первокурснику тему — карельские грунтовые могильники, которые активно исследовались в конце XIX в. Теодором Швиндтом. Его фундаментальный (для того времени) труд, изданный в 1898 г. на финском языке, долгое время оставался невостребованным советскими археологами. Для этой темы кандидатура студента Саксы, для которого финский был вторым родным языком, напрашивалась сама собой. Но не все было так просто: архаичный ингерманландский диалект, просуществовавший в изоляции несколько

Александр Иванович Сакса (1951–2022)

Alexander Ivanovich Saksa (1951–2022)

столетий, радикально отличался от живого финского языка. А. И. Саксе пришлось немало потрудиться, прежде чем он преодолел этот языковой барьер.

В 1978 г. А. И. Сакса окончил Университет, поступил в аспирантуру, а затем был принят на работу в отдел славяно-финской археологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне ИИМК РАН). Уже в 1978 г. Александр Иванович начал проводить самостоятельные разведки и раскопки. Прежде всего он нашел все места раскопок Т. Швиндта, что было совсем непросто, учитывая полную смену населения и, более того, смену самой системы расселения, произошедшие после Второй мировой войны. Принципиально новым стало и открытие поселений, соотносимых с известными могильниками. Материалы успешных полевых археологических работ на Карельском перешейке в начале 1980-х гг. легли в основу кандидатской диссертации «Карельская земля в XII–XIV вв. (по археологическим данным)», которую А. И. Сакса защитил в 1984 г.

Научные достижения А. И. Саксы получили признание не только в России, но и в Финляндии. В 1998 г. прошла защита его диссертации на соискание степени доктора философии

в Университете Йоенсуу. Тогда же вышла и первая монография — *Rautakautinen Karjala. Muinais-Karjalan synty ja varhaiskehitys* (Studia Carelica Humanistica II. Joensuu, 1998) (на финском языке). В переработанном виде данная работа — «Древняя Карелия во второй половине I — первой половине II тыс. н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли» — в 2007 г. была защищена в качестве докторской диссертации и в стенах родного института, так что друзья, шутя, звали Александра Ивановича «доктором в квадрате». В ней на основе привлечения широкого круга источников рассматривается история развития Карельской земли во второй половине I тыс. н. э. — первой половине II тыс. н. э. Данная работа в качестве монографии была опубликована в 2010 г.

Начиная с 1998 г. особое внимание А. И. Саксы было обращено на историю Выборга. Он возглавил архитектурно-археологическую экспедицию по изучению этого уникального средневекового города. Проведенные в последние десятилетия раскопки в Выборге принесли новые сведения по исторической топографии города: были открыты остатки карельских поселений дошведского периода, выявлены особенности застройки в условиях неровности рельефа, рассмотрен характер домостроительства в различные исторические периоды. По результатам многолетних работ в 2020 г. вышла книга «Из истории одного выборгского средневекового дома». Самое пристальное внимание А. И. Сакса уделял и сохранению культурного наследия этого удивительного исторического

памятника, постоянно проводя надзор за новым строительством.

Нельзя не отметить особую роль А. И. Саксы в развитии российско-финляндских отношений. А. Н. Кирпичников, будучи заведующим отделом славяно-финской археологии, в котором особое место занимала финно-угорская тематика, стал инициатором налаживания отношений с финскими и прибалтийскими коллегами. Поскольку Александр Иванович знал финский язык, то огромная организаторская и переводческая работа легла на его плечи. И то, что с 1976 г. по настоящее время эти связи с разной степенью интенсивности развиваются, — несомненная заслуга А. И. Саксы. Так, в частности, А. И. Сакса стал членом нескольких международных проектов, в рамках которых велись исследования по археологии и ландшафтной истории Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья. Он являлся членом ряда финских обществ: археологического, литературного, по изучению церковной истории и общества «Калевала».

Благодаря исключительным человеческим качествам Александра Ивановича, со многими российскими и зарубежными специалистами у него сложились дружеские отношения, что очень помогло вести совместные работы. Его отличали поразительная скромность, интеллигентность и доброжелательность к людям. Он был учителем и наставником для многих будущих археологов, делающих свои первые шаги в археологии.

Для коллег, друзей и учеников Александра Ивановича его уход — невосполнимая потеря.

В. А. Лапшин

Маргарита Николаевна Пшеницына

(6 сентября 1937 — 10 сентября 2022)

10 сентября 2022 г. ушла из жизни Маргарита Николаевна Пшеницына — кандидат исторических наук, одна из старейших сотрудников ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН и отдела археологии Центральной Азии и Кавказа.

Маргарита Николаевна была известным специалистом по археологии эпохи бронзы и железного века Южной Сибири, талантливым организатором новостроечных экспедиций. Она впервые приехала в Хакасию в 1958 г., будучи студенткой IV курса кафедры археологии исторического факультета ЛГУ. С этого времени она связала свою научную судьбу с Сибирью, где начиная с 1960-х гг. археологи Ленинграда развернули масштабные исследования древних памятников.

Спустя три года после окончания в 1959 г. кафедры археологии ЛГУ Маргарита Николаевна стала сотрудником Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР. Своими учителями во время обучения в университете она называла М. И. Артамонова, Б. Б. Пиотровского, В. М. Массона.

С первых лет работы в ЛОИА Маргарита Николаевна стала учеником и ближайшим помощником, со временем очень близким человеком для М. П. Грязнова. Вместе с ним она организовывала работу Красноярской и Байкальской экспедиций. Во время работ Красноярской экспедиции, в которой Маргарита Николаевна с 1965 г. являлась начальником отряда, а с 1971 г. — заместителем начальника экспедиции, ярко проявились ее организаторские способности и талант полевого исследователя. По материалам работ Красноярской экспедиции при научном руководстве Михаила Петровича М. Н. Пшеницыной была подготовлена и успешно защищена кандидатская диссертация «Культура племен Среднего Енисея во II–I вв. до н. э. (тесинский этап)» (1975), ставшая плодом ее многолетних исследований памятников тагарской культуры. Первый оппонент соискательницы д-р ист. наук Л. Р. Кызласов в своем выступлении отметил огромную роль Маргариты Николаевны в раскопках таких эталонных

Маргарита Николаевна Пшеницына (1937–2022)
Margarita Nikolaevna Pshenitsyna (1937–2022)

памятников Сибири, как большие тесинские курганы близ горы Барсучихи, у поселка Разлив в Хакасии и у горы Тепсей.

С середины 1970-х гг. Маргарита Николаевна возглавляла работы нескольких (Среднеенисейской, Бейской) новостроечных экспедиций (открытие, разведки и раскопки могильников и поселений энеолита — позднего железного века в Хакасии и на юге Красноярского края), работала в Кемеровском государственном университете и участвовала в работе его Южносибирской экспедиции (раскопках могильников тагарской эпохи в зоне строительства I Березовского угольного разреза КАТЭК в Шарыповском районе Красноярского края), а в институте руководила группой хоздоговорных экспедиций. Организационный талант и полевой опыт М. Н. Пшеницыной был востребован и успешно применен и в работах среднеазиатских экспедиций ЛОИА/ИИМК: Ошской, Каракумской (участие в раскопках на городище Старая Ниса,

энеолитических поселений Илгынлы-депе и Джейтун в Туркмении).

Маргарита Николаевна — автор и соавтор более 70 работ. Среди реализованных научных проектов — участие в итоговом труде Красноярской экспедиции «Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее» под редакцией д-ра ист. наук М. П. Грязнова (Новосибирск, 1979), а также раздел «Тесинский этап» в одном из томов серии «Археология СССР» — «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время» (М.: Наука, 1992. С. 224–235).

После ухода из жизни М. П. Грязнова Маргарита Николаевна многие годы посвятила работе с научным наследием учителя. Ею были подготовлены к печати два раздела для тома «Археологии СССР», посвященного скифо-сарматскому времени, монографии «Афанасьевская культура на Енисее», «Могильник Кюргеннер эпохи поздней

бронзы Среднего Енисея» (при участии И. П. Лазаретова и А. В. Полякова), опубликован ряд статей, посвященных научной деятельности Михаила Петровича. Две международные научные конференции, посвященные 100-летию (2002 г.) и 110-летию (2012 г.) со дня рождения М. П. Грязнова, состоялись при ее активном участии.

Маргарита Николаевна была энергичным и увлеченным человеком, ее характер был закален многолетними экспедициями в суровых условиях Сибири. Она всегда оставалась открытой для общения, с удовольствием делилась знаниями с молодыми учеными, помогала информацией и советами. Коллеги и друзья сохраняют о Маргарите Николаевне добрую память. Первый симпозиум в 2023 г. из нового цикла «Полевая археология Южной Сибири», который начнет функционировать в ИИМК РАН на базе отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, будет посвящен ее памяти.

М. Т. Кашуба, С. А. Красниенко

ХРОНИКА

Институт истории материальной культуры РАН в 2021 г.

С начала 2021 г. сотрудники ИИМК РАН приступили к разработке шести новых тем в рамках «Государственного задания на 2021–2023 гг.», утвержденных Российской академией наук и Министерством науки и высшего образования РФ:

1) «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (руководитель — научный руководитель ИИМК РАН, гл. науч. сотр., д-р ист. наук С. А. Васильев);

2) «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (руководитель — ст. науч. сотр., канд. ист. наук М. Т. Кашуба);

3) «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (руководитель — ведущ. науч. сотр., д-р ист. наук В. А. Горончаровский);

4) «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (руководитель — гл. науч. сотр., д-р ист. наук В. А. Лапшин);

5) «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию» (руководитель — зам. директора ИИМК РАН по общим вопросам, ст. науч. сотр., канд. ист. наук Н. Ф. Соловьева);

6) «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (руководитель — ст. науч. сотр., канд. культурологии А. Ф. Покровская).

Продолжены исследования по теме «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие» (руководитель —

директор Южносибирского филиала ИИМК РАН, д-р ист. наук А. В. Поляков).

В августе 2021 г. временно исполняющим обязанности директора ИИМК РАН Министерством науки и высшего образования РФ был назначен д-р ист. наук Андрей Владимирович Поляков. В декабре прошли выборы директора, на которых он был избран общим голосованием сотрудников на этот пост на пять лет.

Сотрудниками Института успешно реализовывались исследования по серии поддерживаемых грантов РФФИ и РНФ. Начат новый проект, поддерживаемый Российским научным фондом, — «Функциональное изучение ударно-абразивных орудий палеолита как источник о развитии древних технологий» (руководитель — канд. ист. наук К. Н. Степанова).

Полевые исследования

Создание грандиозного историко-археологического парка на территориях, высвобождаемых Министерством обороны Российской Федерации рядом с памятником ЮНЕСКО «Херсонес Таврический», потребовало проведения масштабных археологических исследований в границах объекта археологического наследия «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический», которые были поручены комплексной археологической экспедиции, организованной ИИМК РАН (руководитель — канд. ист. наук С. Л. Соловьев) совместно с Государственным Эрмитажем, Государственным историко-археологическим музеем-заповедником «Херсонес Таврический», Институтом археологии Крыма РАН, Севастопольским государственным университетом и НАО «Наследие Кубани». С конца мая 2021 г. ведущие археологические организации Санкт-Петербурга, Севастополя, Крыма и Краснодарского края, входящие в состав комплексной археологической экспедиции, открыли культурные слои и археологические объекты разных эпох: от эллинизма до нового времени. Исследования на данном

памятнике продолжают в 2022 г. В результате удалось изучить гидротехнические сооружения для запасов воды (цистерны и колодцы); хозяйственные и производственные постройки (винодельню первых веков нашей эры, печь для выжигания извести X–XIII вв.); могильник римского времени с погребениями, совершенными по обрядам ингумации и кремации, и склепами с разнообразным и богатым погребальным инвентарем; некрополь раннехристианского времени, включающий вырубленные в скале склепы со сложной архитектурой и сопутствующими украшениями, а также множество иных предметов материальной культуры различных эпох.

Также на территории Республики Крым была проведена комплексная экспедиция, организованная совместно с Государственным Эрмитажем, на поселении Акра (руководители — канд. ист. наук С. Л. Соловьев, канд. ист. наук В. В. Вахонеев). Уникальность работ экспедиции заключается в разнообразных методах, применяемых для исследования памятника, — культурные слои поселения расположены как на суше, так и под водой. Исследования проводятся уже более 10 лет, в связи с чем на базе экспедиции была проведена научная конференция.

На Тамани усилиями Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМКРАН (руководитель — С. В. Кашаев) продолжались исследования памятников античности.

В рамках изучения среднего палеолита Верхнедеснинской и Нижневолжской экспедицией (руководитель — канд. ист. наук А. К. Очередной) проводились исследования на территории Русской равнины. Продолжено традиционное изучение памятников верхнего палеолита в Воронежской области: Костёнковско-Борщёвская (руководитель — канд. ист. наук С. Н. Лисицын) и Костёнковская (руководители — канд. ист. наук А. А. Сеницын, канд. ист. наук А. А. Бессуднов) экспедиции.

В Якутии продолжены исследования уникальной Янской стоянки (Яно-Индибирская экспедиция, руководитель — канд. ист. наук В. В. Питулько). На территории Кольского полуострова проводились исследования сотрудниками Кольской археологической экспедиции (руководитель — д-р ист. наук Е. М. Колпаков).

Традиционным направлением полевых работ Института является изучение средневековых памятников на территории Северо-Запада России. В 2021 г. Новгородской областной экспедицией (руководитель — д-р ист. наук Н. В. Хвощинская)

проведены исследования на территории Рюрикова городища. В результате удалось выявить остатки деревянных конструкций (крепости), относящиеся к третьей четверти IX в. Продолжены исследования на территории Старой Ладоги (руководитель — д-р ист. наук В. А. Лапшин) и средневекового города Усвят (руководитель — канд. ист. наук И. И. Еремеев).

Полевые исследования на территории Сибири, в Республике Тыва и в Красноярском крае проводились совместно с сотрудниками Южно-сибирского филиала ИИМК РАН (руководители — д-р ист. наук А. В. Поляков, канд. ист. наук И. П. Лазаретов). Продолжены работы Саянской (руководитель — д-р ист. наук А. В. Поляков), Тувинской (руководитель — канд. ист. наук М. Е. Килуновская) и Азиатской Номадической (руководители — Т. Р. Садыков, Е. К. Блохин) экспедиций.

Широкий географический охват носят охранно-спасательные экспедиции Института. Исследования проводились в Калининграде и Калининградской области, Твери и Тверской области, а также в иных регионах России. Пристальное внимание уделялось проведению государственной историко-культурной экспертизы в зонах хозяйственного освоения. Продолжен цикл исследований, целью которого является мониторинг состояния памятников археологии в Ленинградской области (руководители — Ст. А. Васильев, С. А. Семенов).

Международная деятельность

В рамках выполнения гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) «Раннехристианские храмы Сирии. Трёхмерная геоинформационная система» (руководитель — канд. ист. наук Н. Ф. Соловьева) проведены три экспедиции в Сирию для изучения ранневизантийских храмов и их документации.

Сотрудниками ИИМК РАН (Е. Ю. Гирей и А. В. Поляковым) прочитан курс в Цзилиньском университете (Китай).

Продолжено сотрудничество в рамках подписанных соглашений со странами ближнего и дальнего зарубежья.

Публикационная активность

ИИМК РАН выпускает два журнала, которые входят в список ВАК, — «Археологические вести» и «Записки ИИМК РАН». С 2021 г. «Археологические вести» также входят в список RSCI.

В № 24 «Записок ИИМК РАН» опубликованы материалы к научной биографии выдающегося исследователя палеолита Северной, Восточной и Центральной Азии С. Н. Астахова, а также новейшие работы по каменному веку Урала, Сибири, Дальнего Востока. Представлена также серия статей, посвященных материалам одного из ключевых памятников верхнего палеолита Русской равнины — стоянки Сунгирь, открытие которой связано с именем С. Н. Астахова. В № 25 «Записок ИИМК РАН» публикуются материалы к научной биографии выдающегося исследователя Древней Руси В. А. Лапшина и новейшие работы по археологии средневекового города. В ряде статей освещаются также вопросы по археологии Восточной Европы в древности и средневековье.

Три выпуска журнала «Археологические вести» опубликованы в 2021 г. 31-й выпуск посвящен юбилею Н. В. Хвоцинской. В разделе «Наш юбиляр» собраны воспоминания друзей и коллег, библиография работ, а также фотографии разных лет. В рубрике «Городище и Новгород» собраны статьи, посвященные изучению Рюрикова городища и древнего Новгорода. В других разделах представлены работы по археологическим исследованиям древностей Восточной Европы и истории науки. Среди авторов журнала — исследователи из Новгорода, Пскова, Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска.

Выпуск 32 журнала «Археологические вести» посвящен юбилеям трех сотрудников отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН: В. А. Алёкшина, В. И. Распоповой и Л. Б. Кирчо. Тематика большинства опубликованных статей так или иначе связана с историей и археологией Средней Азии разных эпох. В выпуск вошли очерки, посвященные юбилеям, и статьи по древнейшему и античному периодам истории этого региона авторов из России, Украины, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Казахстана, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Швейцарии. Также представлены традиционные разделы «Новые исследования и открытия», «Обзоры и рецензии» и «История науки».

В 33-й выпуск журнала включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В работах, входящих в раздел «Новые открытия и исследования», рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до нового времени; вводятся в научный оборот результаты полевых изысканий могильников Чалтырский эпохи бронзы на Нижнем Дону и Ореховка раннего

железного века в Крыму; анализируются воинские погребения самбийско-натангйской культуры периода Великого переселения народов и раннемеровингского времени; обсуждаются особенности деревоземляных укреплений Рюрикова городища под Новгородом IX в. и фортификации крепости Ниеншанц второй половины XVII в. В журнале также представлены статьи по истории и организации науки, дается обзор новейших публикаций. Среди авторов — ученые из различных научных центров России, Болгарии и Франции.

В 2021 г. продолжено издание журнала «Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований» (ПАЖМИ). В первом выпуске опубликованы статьи о кварцитовом комплексе нижней пачки слоев стоянки Непряхино и о технологии расщепления камня в индустриях финального среднего и начального верхнего палеолита стоянки Кара-Бом. Отдельное исследование посвящено виртуальной реконструкции первоначального положения плиты с петроглифами из коллекции Национального музея Республики Карелия на мысе Пери Нос III; также анализируются письма А. М. Линевского к Л. Я. Штернбергу.

Во втором выпуске журнала ПАЖМИ опубликованы статьи по геологии палеолита Северной Азии, посвященные столетию со дня рождения С. М. Цейтлина. Традиционно в обоих выпусках представлены рецензии на недавно изданные книги.

Продолжалась публикация монографий — всего за 2021 г. вышло в свет шесть исследований. В области изучения палеолита опубликованы две книги: Л. Б. Вишняцкий, В. А. Бурлаку. «Буздужаны 1: Многослойная пещерная стоянка эпохи среднего палеолита в бассейне реки Прут» (СПб.: Нестор-История, 2021) и В. Е. Щелинский. «Ранний ашель Западного Предкавказья» (СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021).

Изучению ранних железных изделий в Восточной Европе посвящена коллективная монография «От метеорита до крицы. Железо III — первой половины I тыс. до н. э. в Восточной Европе». Т. 1. Историография, База данных-1, начало новых исследований / Отв. ред. М. Т. Кашуба, М. А. Кулькова (СПб.; Берлин: ИИМК РАН, 2021).

Основные итоги исследований античного города Акра отображены в издании: С. Л. Соловьев, В. В. Вахонеев, Л. Г. Шенко. «Акра — античный город на Европейском Боспоре (итоги археологических исследований)» (СПб.: Невская Типография, 2021).

Продолжен цикл издания архивных материалов ИИМК РАН. В 2021 г. вышла в свет монография «Первый Мордвиновский курган» / Ред. Ю. А. Виноградов, М. В. Медведева (СПб.: ИИМК РАН, 2021).

Отдельно стоит упомянуть научно-популярное издание И. И. Еремеева и А. Г. Фурасьева «Древнерусский Усвят: в поисках города Ярослава Мудрого» (СПб.: ИИМК РАН; Невская Типография, 2021) — об истории некогда цветущего города в составе Киевской Руси, а ныне небольшого поселка на границе Псковщины и Беларуси.

Кроме того, в 2021 г. были изданы четыре сборника материалов конференций.

Особенно следует выделить два сборника статей: памяти выдающегося российского археолога Я. А. Шера (1931–2019) (Поверив алгеброй гармонию: Сборник статей памяти Якова Абрамовича Шера / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий, К. В. Чугунов. СПб.: ИИМК РАН, 2021) и сборник к юбилею крупнейшего российского специалиста в области археологии, истории и этнографии скотоводов и кочевников Сибири и Центральной Азии Д. Г. Савинова (Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021 (Труды ИИМК РАН. Т. LVII)).

Научные конференции

В 2021 г. исполнилось 70 лет старшему научному сотруднику, канд. ист. наук А. А. Синицыну. В рамках празднования этого события была проведена Международная научная конференция «Верхний палеолит Европы: время культурных новаций» (6–8 декабря), соорганизатором которой выступил Музей-заповедник «Костёнки». К началу конференции был издан сборник научных трудов, в котором рассмотрены вопросы структур верхнего палеолита Северной Евразии (хронология, периодизация, культурное разнообразие), палеогеографических реконструкций условий обитания человека в палеолите Северной Евразии, а также проблемы методики анализа каменного инвентаря и выделения археологических культур.

К 85-летию д-ра ист. наук Э. Б. Вадецкой и 90-летию д-ра ист. наук Г. А. Максименкова была приурочена конференция «Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований» (19–21 апреля).

Материалы сборника этого мероприятия хронологически охватывают обширный период — от неолита до I тыс. н. э., а географически — пространство евразийской горностепной полосы, включающее Центральную Азию и Южную Сибирь.

Южносибирским филиалом ИИМК РАН в Абакане была организована конференция «Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая» (8–11 сентября) (также издан сборник материалов).

Традиционно состоялась неолитическая конференция, организованная совместно с Самарским государственным социально-педагогическим университетом (17–18 мая). В 2021 г. основной темой обсуждения стали остатки неолитических жилищ. Доклады, опубликованные в сборнике, затрагивают различные вопросы, связанные с выделением и интерпретацией жилищных конструкций в мезолите и неолите. Представленные данные охватывают широкий географический диапазон от Прибалтики до Камчатки.

К юбилею проведения археологических исследований была приурочена конференция «10 лет подводных археологических исследований на Акре» (июль).

30 июня состоялся научно-практический семинар «Фортификационные сооружения Охтинского мыса и проблемы сохранения и музеефикации дерево-земляных крепостей средневековья и нового времени».

Широкомасштабные исследования, проводимые Институтом в Херсонесе, были представлены на двух круглых столах по темам: «Методика выявления, фиксации и музеефикации археологических объектов при проведении археологических раскопок» и «Итоги археологических раскопок на территории ОАН „Южный пригород древнего города Херсонес Таврический“». Совместно с Департаментом древностей и музеев Сирии Центром спасательной археологии был проведен круглый стол по теме «Культурное наследие в опасности» (26 июля, Дамаск).

Развитие методов естественных наук

В 2021 г. в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН было продолжено датирование образцов угля, дерева, кости, почвы и торфа (более 40 образцов). В группе изотопного анализа проведены исследования на содержание в коллагене азота и углерода (более 50 образцов). В рамках исследований также продолжались работы по палеофаунистическому исследованию костных

материалов, прежде всего из античных памятников Крыма: Херсонеса, Китея, Нимфея, Мирмекия, Парфения, Пантикапея, Тиритаки, Акры.

Музейная деятельность

В Севастополе организованы четыре выставки «Археологические раскопки в Южном пригороде Херсонеса», в которых рассказывалось о ходе проведения исследований. В Музее-институте семьи Рерихов состоялась выставка «Следы древних путников: менгиры, оленные камни, херексуры...». К юбилею ст. науч. сотр., канд. ист. наук В. А. Семенова открылась выставка в Национальном музее им. Алдан-Маадыр «Золотой человек Владимира Семенова».

С 22 июня по 15 августа в музейном комплексе Главного храма Вооруженных сил РФ проходила выставка «Совместные гуманитарные миссии российских ученых и военных в Сирии».

Две виртуальные выставки подготовлены и опубликованы на сайте ИИМК РАН: «Ноин-Ула на выставке в Берлине в 1929 году» и «Ученый Комитет Монголии в 1926 году. Из фотоколлекции Г. И. Боровки».

По итогам года сотрудниками лаборатории камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций ИИМК РАН систематизировано, описано, сверено и подготовлено к постановке на учет 52 581 единица хранения.

Преподавательская деятельность

В 2021 г. сотрудники ИИМК РАН продолжали преподавательскую деятельность. На кафедре Института истории СПбГУ прочитаны курсы лекций по археологии палеолита (канд. ист. наук К. Н. Степанова), энеолиту и эпохе бронзы (В. С. Бочкарёв), славяно-финской археологии (д-р ист. наук В. А. Лапшин), а также по теоретической археологии (д-р ист. наук Е. М. Колпаков). Д-р ист. наук А. В. Курбатов возглавил государственную экзаменационную комиссию на кафедре.

Продолжен курс лекций в Санкт-Петербургском государственном институте культуры (канд. ист. наук Н. Ю. Смирнов) и в Институте живописи скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (канд. ист. наук В. А. Семенов). Лекции в различных университетах также были прочитаны д-ром ист. наук И. Ю. Шаубом; кандидатами ист. наук М. Е. Килуновской, С. Л. Соловьевым, В. В. Вахонеевым, А. Ф. Фрибусом, М. Н. Желтовой; канд. культурологии А. Ф. Покровской; Н. А. Павличенко, Н. С. Кургановым.

Велось руководство полевой практикой студентов Института истории СПбГУ, которые приняли участие в работах Костёнковской и Верхнедеснинской экспедиций ИИМК РАН.

В научном архиве ИИМК РАН проходила архивная практика студентов 2-го курса Института истории СПбГУ.

В Севастопольском государственном университете канд. культурологии А. Ф. Покровской разработана рабочая программа дисциплины «Современные технологии музейного менеджмента и PR» для магистрантов направления подготовки по специальности 51.04.04 — Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия.

Продолжен цикл лекций в рамках студенческого семинара «Мост в каменный век» (проведено шесть заседаний).

Диссертационный совет

В 2021 г. продолжал работу диссертационный совет Д 002. 052. 01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 — археология (председатель — д-р ист. наук В. А. Лапшин, зам. председателя — д-р ист. наук С. А. Васильев, ученый секретарь — канд. ист. наук П. Е. Нехорошев). В рамках его работы Н. А. Сутягиной была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Ноин-улинские курганы. Реконструкция, типология и истоки формирования погребального обряда».

Стажировки и прикрепления

В 2021 г. в ИИМК РАН было оформлено девять стажировок, из них две — международные (стажеры из Казахстана и Узбекистана), трое стажеров из исследовательских учреждений России оформили стажировки повторно. Часть стажировок была отложена в связи с коронавирусными ограничениями.

Ученый совет ИИМК РАН

Заседания Ученого совета ИИМК РАН (всего проведено 15) проходили в смешанном очно-заочном формате: в Дубовом зале с параллельной трансляцией в Zoom. Отдельно выделим заседание от 24 марта, приуроченное к 80-летию д-ра ист. наук Дмитрия Глебовича Савинова. Оно прошло совместно с Ученым советом Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) и Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. Были заслушаны доклады как самого

юбиляра, так и его коллег и учеников (д-ра ист. наук Н. В. Полосьмак, канд. ист. наук Н. Ю. Смирнова, К. В. Чугунова).

В рамках празднования Дня Института и расширенного заседания Ученого совета 28 апреля состоялось подписание Университетско-академического консорциума цифровой археологии «Культурный код». В нем приняли участие представители 24 организаций России. Уже в сентябре было проведено первое организационное рабочее совещание Консорциума.

Награды

Министерством науки и высшего образования РФ в 2021 г. канд. хим. наук Г. И. Зайцева была награждена почетным званием «Почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации». Доктора ист. наук Н. В. Хвошинская и Л. Б. Кирчо награждены медалями «За вклад в реализацию государственной политики в области научно-технологического развития», д-р ист. наук В. Е. Щелинский — медалью «За безупречный труд и отличие» III степени.

За выдающиеся достижения в области изучения четвертичного периода канд. ист. наук А. А. Синицыну была присуждена премия им. А. А. Величко. Канд. ист. наук Вл. А. Семенов получил Благодарность ВРИО Главы Республики Тыва В. Т. Ховалыга и награжден знаком «За особое служение музейному делу» от Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.

Почетная грамота Правительства Сирийской Арабской Республики «За большой вклад в дело сохранения культурного наследия Сирии» была вручена канд. ист. наук Н. Ф. Соловьевой. Ей также была вручена медаль Министерства обороны Российской Федерации «За укрепление боевого содружества». Н. Ф. Соловьевой и А. Ф. Покровской были вручены медали Министерства обороны РФ «За вклад в укрепление обороны Российской Федерации».

Популяризация науки

В период с 18 по 20 июня в Институте проходили «Дни археологии». В рамках мероприятий по популяризации археологических знаний был представлен цикл лекций сотрудников ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа. Также были организованы мастер-классы по расщеплению кремня и выбивке наскальных петроглифов.

Доктором ист. наук В. А. Горнчаровским издана научно-популярная книга «Спартак: легенда и реальность».

А. И. Мурашкиным прочитаны две популярные лекции для участников подросткового клуба «Альфа» СПбГБУ «Подростково-молодежный центр „Лигово“»: «Человек на Севере. Археология Кольского полуострова», «Следы на камнях. Наскальное искусство Северной Фенноскандии».

Сотрудники Института продолжили выступать с рассказами в проекте культурно-просветительского центра «Архэ», а также давать многочисленные интервью для различных печатных и интернет-изданий.

Ученый секретарь ИИМК РАН Е. С. Ткач

Список сокращений

- АВ — Археологические вести. СПб.
АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли
АН СССР — Академия наук СССР
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ — Вестник древней истории
ВШП — Великий шелковый путь
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГБУ — государственное бюджетное учреждение
ГИМ — Государственный исторический музей
ГУ — государственный университет
ЖЗЛ — Жизнь замечательных людей. Серия биографий
ИА — Институт археологии
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ИВ РАН — Институт востоковедения Российской академии наук. М.
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИПЦ СПбГУПТД — Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии Российской академии наук. М.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАО — Московское археологическое общество
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук. СПб.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.
МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар
МИЦАИ — Международный институт Центральноазиатских исследований. Самарканд
НА — научный архив
НГОМЗ — Новгородский государственный музей-заповедник
НОА — Научно-отраслевой архив
ПБВ — поздний бронзовый век
ПИФК — Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск
РА — Российская археология. М.
РАН — Российская академия наук
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РБВ — ранний бронзовый век
РГБ ОД — Российская государственная библиотека. Отдел диссертаций. М.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- РГПУ — Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена. СПб.
- РО — рукописный отдел
- СА — Советская археология. М.
- Сб. ст. — сборник статей
- СБВ — средний бронзовый век
- СЗ СССР — Собрание законов и распоряжений
Рабоче-Крестьянского правительства СССР
- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
- Тр. — труды
- ТТЗ — Тверь, Тверская земля и сопредельные территории
в эпоху средневековья. Тверь
- УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
- ФО — фотографический отдел
- ЦМТ — Центральный музей «Таврида», Симферополь
- FFT — Finska Fornminnesföreningens Tidskrift
- IHMC RAS — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences
- Man. Dep. — Manuscript department
- MASF — Monographs of the Archaeological Society of Finland
- SA IHMC RAS — Scientific archive Institute for the History of Material Culture of Russian
Academy of Sciences
- SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja
- Photo Dep. — Photographic department

Научное издание

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 37

Главный редактор: Н. В. Хвоцинская
Корректор: О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, каб. 303
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-36836 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ299 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 09.12.2022. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 38. Тираж 300 экз. Заказ 1209.
Дата выхода: 23 декабря 2022 года

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

Archaeological news

— 37 —

